

ДЕНИС ОСОКИН

ОГОРОДНЫЕ ПУГАЛА
С НОЯБРЯ ПО МАРТ

18+

Extra-текст

Денис Осокин

ОГОРОДНЫЕ ПУГАЛА С НОЯБРЯ ПО МАРТ

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6я44
О-75

Издательство выражает благодарность
за подготовку книги литературному агенту Анне Панкевич.

Осокин, Денис.

С29 Огородные пугала с ноября по март/ Осокин Денис. —
Москва: Издательство АСТ, 2019. — 528 с. — (Extra-текст)

ISBN 978-5-17-095757-6.

Дениса Осокина невозможно ограничить ни жанром, ни стилем, ни даже границами русского языка. Его тексты — это непрерывное до- и пересотворение мира. Своей лиричностью и своей верой они способны как угодно менять ход времени и преодолевать всё то, что в реальности физической преодолеть нельзя. По словам самого автора — он пишет Правду-Преправду, которая сильнее, нужнее и нежнее Правды. В книгу вошли главные произведения писателя на сегодня, среди них и повесть «Овсянки», положенная в основу одноименного фильма, награжденного в том числе «Венецианским львом» за лучшее изобразительное решение и «Никой» за лучший сценарий.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6я44

ISBN 978-5-17-095757-6.

© Денис Осокин, текст
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ветлуга

*/мокрая
бумага/*

ветлуга
2005

*

25-го ноября я получил аванс за ноябрь. купил на рынке квашеной капусты — соевый соус — клюкву — две пачки зеленого чая с китайским императором в кресле — пять бутылок минеральной воды 'ветлужская' — и вступил наконец-то в свой долгожданный пост. я всегда в это время в него вступаю: радоваться и прислушиваться к декабрю — месяцу чудес — встречать и его и зиму. время с конца ноября до нового года — что-то вроде моего личного священного месяца рамазан. и ни при чем здесь пост рождественский. к декабрю я всегда стараюсь уволиться с работы — а если это невозможно — уйти в любого типа отпуск. тихо жить внутри дома — тихо гулять по улицам. в ноябре-декабре и короткие поездки до пения хороши — были бы деньги. уехать вон в кировскую область — в лузу — пожить в гостинице дня два-три — или в марийский город звенигово вдруг приехать — или совершить паломничество в чувашскую столицу шупашкар. и в этом большом и уютном городе не жалеть что в гостинице 'мир' оказалось неожиданно дорого — с удивленным весельем поглядывать как красными лампочками мигает над улицами 'шупашкар — чебоксары' — и тепло приветствовать огромную маму на набережной — с надписью на постаменте 'благословенны дети мои живущие в мире и любви' — она глядит на темные пристани — волги скованной льдом. вечером облепленным снегом подниматься в номер и включать телевизор. вынимать из пакета салат из морской капусты и томатный сок. самое лучшее для меня время. иногда оно продолжается дольше — до старого нового года — до середины января. если хватает сил не обожраться в праздники. обычно конечно же не хватает сил.

*

в этом году я опять уволился. начальство просило подождать с официальным заявлением некоторое время — пока они кого-нибудь на мое место не найдут.

а так — с декабря мне делать для них уже ничего не нужно. и после ноябрьского аванса мне выдадут подрасчет. этот подрасчет с кое-какими запасами позволят мне прожить без работы всю зиму. я опять очень хочу быть по-декабрьски спокойным таинственным и готовым ко всему. хочу чтобы телефоны молчали. в этот раз я вряд ли куда-то поеду — денег все-таки мало — посижу в городе — новый год здесь встречу. в хадисах пророка говорится: шайтан ходит по венам в крови человека — вытесняет его постом. и этот самый шайтан к концу года разгулялся по моим венам особенно сильно. я собой недоволен. и все у меня болит.

*

ну что? давайте теперь посмотримся. давайте расстегнемся — жарко. пройдемся от бывшей моей работы до моего дома. это недалеко. в ветлуге десять тысяч жителей — и два городских автобуса. железной дороги нет. автобусы эти — желтые. и в два этажа дома. на шапках снег — а под ногами скользко. девочка едет на велосипеде — в сиреновом пуховике — на велосипеде 'салют' — по снегу. я тоже заведу такую дочку. назову ее светланой. я знаю как с ней обращаться и выпрямить ей судьбу: каждый день с рождения светлы вечером вместе зажигать керосиновый фонарь — ненадолго — потом задуть. вот и все необходимое воспитание — не лениться только. я пахну чабрецом и спорышом которые в больших количествах пью. а внуки у меня клюква. радость всё и здоровье. я хороший. и может быть буду долго жить: в городе ветлуга на реке ветлуга на улице ветлужской — на втором деревянном этаже двухэтажного дома — на первом каменном этаже которого магазин 'ветла' где всегда продаются орехи в пакетах и ветлужская минеральная вода.

*

мне встретилась наташа — которая три года назад в тополях у кладбища разрешала мне то задрать себе коричневый свитер с синей майкой и белым лифчиком — то уронить с себя штаны и все там увидеть тоже. а потом сказала 'а хочешь?..' — и присела на корточки. то что ей вскоре в рот попало она потом выплюнула. я ее после на плечах нес — распевая песню про утку. 'ох лели лели лели лели луговая' — подпевала она припев. шли так сквозь темные тополя к автобусной остановке. смешная она и милая. я бы на тебе женился наташа. — сказал я ей. я бы тоже за тебя замуж вышла. — ответила. это я все сейчас пока иду по улице вспомнил. наташа которая только что шепнулась со мной приветом осталась позади — она шагает поспешно — перпендикулярно моему движению — без шапки под капюшоном.

*

от черного чая меня тошнит. кофе меня не по-хорошему будоражит — усиливает тревожность: а жалко — сваренный в турке кофе очень приятная штука. зеленый чай — особенно с жасмином — я с радостью пью — с гордостью даже — (я сам ведь тогда император — внутренней монголии) — но и с некоторой опаской: от зеленого чая меня тоже неожиданно может вырвать. чай я в сердце своем не люблю. остает-

ся вода — но она холодная. и томатный сок — но он дорого стоит. бушменский же райбуш и аргентинский мате — которые мне безупречные приятели — телесно и по вкусу — лежат в супермаркетах в нижнем новгороде — не поеду же я туда. остаются аптечные сборы и отдельные травы — на них я и делаю основной упор. до чего же здорово: в каждой комнате и на кухне в стаканах и чайничках недопитые свеже- или старозаваренные травинки — блюдца и сита с горстками использованного сы-
рья — и все разное: и все это пахнет: жизнью. даже из помойного ведра пахнет радостью и жизнью. везде пустые и полупустые коробки с разноцветными растениями нарисованными с каждой стороны. в каком-то стакане раздавленность от клюквы. в каком-то — калины кислый запах и жмых. (я чашки мою — но не сразу — мне нравится на все это смотреть). и я вот тоже — во фланелевой синей ночнушке — в высоких женских зеленых шерстяных гольфах с оленьим желтым орнаментом — я привез их из коми — хотел кому-нибудь подарить. обувная красная ложка висит на входной двери — звенит как 'поющий ветер' — караулит дни. если сяду за письменный стол — ноги поставлю в таз с шишками. таков мой дом в декабре.

*

балкона у меня нет. дом старый — и сами окна как балконные двери. в теплые снежные полдни я открываю их — надеваю поверх ночнушки толстый плюшевый халат неизвестного семейного происхождения — надеваю немецкую шапку подаренную другом — и сижу у стены у окон — горячую клюкву пью. я вообще-то курю — и люблю спиртное. но в таком моем декабре ни того ни другого не хочется. ну курить я как курю — только если много бегаю — что-то делаю вместе с другими людьми. или когда выпью. а алкоголь мне нравится цедить если нет серьезных дел — или же дела сделаны. запоями не пью. а если напиваюсь — то редко — и утром после лишнего выпитого у меня холодеют ступни и кисти рук — и вместо сердца чувствуется сквозняк. а в декабре раза три может статься что куплю себе например кагор — и себя угощу. или чего-нибудь из болгарии из молдовы. и то — ближе к концу месяца-поста. вино конечно хороший и нужный напиток. я часто думал и продолжаю думать о том что было бы правильно иметь в домах кроме кранов с холодной и горячей водой и третий краник — с одним каким-то вином — желательно на выбор. об этом должны позаботиться власти. в ветлуге такое пока невозможно. даже во франции с италией третьих кранов нет. может быть в македонии — уже давно? или в стране црна гора.

*

декабрь — долгожданная радость. жизнь целует нас в декабре. делает подарки. я много сплю. мало ем. не выходя из дома помногу гуляю: мысленно вожу на санках детей и девиц — глядя в окна или в потолок — сидя или лежа. тусклый небесный свет. первые бедные новогодние лампочки — накрученные на деревья. любование декабрем — очень тонкая личная штука: японцы устраивают коллективные любования лунной или алыми листьями клена — и это длится в течение вечера: декабрем любят весь декабрь — захватывая слегка ноябрь и январь — предчувствуя и прощаясь. иногда захочется выйти в город и кого-нибудь привести. хорошую подругу. или позвонить

и позвать в гости. я редко себе отказываю — в другие месяцы. пью курю и вожу девиц. но декабрь — это только для меня. и я иду на кухню заваривать зеленый чай и лимонник. мне не чем гордиться: я не поборол соблазн: спуститься в 'ветлу' за дурячками вредными брусничной настойкой сигаретами и рулетом — сполоснуть чашки и гостью ждать. (да и соблазн ли это?) это он — декабрь: когда травяных отваров с отварами тишины хочется больше чем пения звонка над дверью — 'это я' через дверь — поцелуев с порога с холода — горячих скомканных шерстяных колготок..

*

(ночных походов на улицу уколова за новым бруснично-клюквенным нежным черносмородиновым безумием.. ночных внезапных гуляний по широкому ветлужскому льду.. мочеиспусканий друг против друга в теплом ветру середины смеющейся над нами неспящей подо льдом ветлуги.. подскальзываний — тасканий на плечах — барахтаний в снегу — нескладных расстегиваний — неудачных попыток..)

*

я проснулся — от ясности и тревоги. белый ветер за окнами гудит — теплый снег декабрьской ночи в ветлуге. и в подъезде моем тоже ветер — на деревянной лестнице. в ветре пьяные где-то орут. поорали и умерли. два часа ночи — никакого сна. ну конечно — я ведь и днем валяюсь — ничем себя не мучаю. мне тревожно — как если бы вдруг обнаружил на коже своей у подмышки неизвестное небольшое пятно. никакого пятна нет. я включил свет. декабрь — утешь меня. это все оттого что плохо просыпаться ночью — и без сна сидеть. ну ладно — будем бодрствовать. я стал думать об острове колгуев в баренцевом море — как не так давно в августе ехать хотел в те края. как звонил в город печору — секретарю начальника печорского пароходства — узнавал ходит ли ракета на нарьян-мар. сердитая была девушка — наверное не замужем — в холодной пещоре — с акцентом печорских коми. сказала: звоните главному диспетчеру — и бросила телефон. главный диспетчер мне рассказал что ходит 'заря' а не 'ракета' — и не от печоры — (пещора у нас обмелела) — а от поселка щельяюр — (это гораздо ниже) — по средам пятницам и воскресеньям в 6 утра — время пути 12 часов — цена 2430 рублей в одну сторону. город печора на реке печора — привет тебе от ветлуги: города и реки. — думал я когда вешал трубку. я включил свет и думал про остров вайгач между баренцевым и карским морями — и о проливе югорский шар между вайгачем и материком. и о поселке мезень — у мезенской губы белого моря. я туда тоже когда-то звонил — в мезенский отдел культуры: спрашивал не нужен ли работник с дипломом филолога — умеющий играть на аккордеоне — работавший в культуре несколько лет. я обзвонил в своей жизни много чудесных поселков — но так и живу здесь. ветлуга — мой воздушный корабль — мой батискаф — на котором я летаю над морями-качелями над торосами над черной пургой в свисте зимнего и весеннего ветра — на котором я погружаюсь в воду чтоб навагам смотреть в глаза. ветлуга — моя ненаглядная — капсула 'ветлуга' — умеющая плавать и летать — и нестись по полю. думая о мезени я открыл стеклянную дверцу в книжный шкаф достал альбом по мезенской росписи — это местное искусство так завора-

живавшее меня на последних курсах: кони солнца олени — ели с корнями — уточки и лебеди — их перья — звезды — штрихи обозначающие ветер и бег — на сундуках и прялках — на колыбелях и туесах. я закончил нижегородский университет.

*

уснул под утро. проснулся в десять часов утра. тревоги и близко не было. декабрь — ты снова мне рад — кричишь с улицы из магазина своими белыми криками — белыми стуками стучишь в окно. ну что? первую бутылку кагора я заслужил этой ночью. позавтракал капустой и клюквой — запил тонизирующим сбором №3 — оделся и иду. не в 'ветлу' конечно — надо ведь пройтись. дохожу до Первомайской площади — там продают варежки и носки — баночные закрутки хрен и старые книжки. рядом есть магазин. покупаю кагор с парусником на этикетке и с сургучовой пробкой. еще воды. через пятнадцать минут ногами стучу по лестнице — стряхиваю с ботинок снег — я дома.

*

час дня. кагора больше нет. я вытащил аккордеон — и на всю ветлугу играю. пою на македонском — на сербском — и на татарском про соловья. и болгарскую песню 'вървите дружки'. и 'найщастливият ден'. языки-то я нет не знаю — знать бы двадцать — а знаю два — а песен вот нахватался. пою на немецком какой-то бред на мотив 'лили марлен'. и про красную армию. пение обрывается хохотом. довольный собой — голодный из-за кагора — съедаю гору квашеной капусты запивая водой — и снова выхожу на улицу. а не пойти ли — думаю — на переговорный пункт? не позвонить ли виктору в коношу? коноша — узловая станция северной железной дороги — мелькнувшее в окнах чудо где под свист поездов родилась сама ласка — где нельзя жениться потому что ласковы все до единой девушки — город вскоре после вологды — центр коношского района архангельской области. в моем доме есть телефон — но на ветлужский переговорный пункт уводит меня декабрь — и я не могу не принять его приглашение. 'коноша — третья кабина' — бегу. здравствуй виктор — это ветлуга. — говорю в трубку. привет д.о. — слышу в ответ. ветлуга — подруга коноши.

*

возле общежития лесного техникума девчонки курят. на автостанции — автобус 'ветлуга — урень'. никто почти не садится. милиционер по всяческому телефону звонит. наверное жене. кагор отшумел в моей голове. хорошо прошумел — красиво. по улице-спуску мне навстречу поднимаются рыбаки. их телогрейки расстегнуты — зимние шлемы сварщиков стянуты на затылок. буры несут — и волокут ящики — ну конечно. смеются. выпили водки на льду. уже темнеет. около нуля в ветлуге.

*

что такое ветла? — это женское дерево которое вместе с ольхой и ивой подает жизнь — принимает роды и лечит детей — успокаивает и обнимает взрослых —

это дерево свадеб по любви — зачатий от нежности — уюта и долгой жизни. кто губит себя и близких — жжется снаружи жжет изнутри — после смерти будет отдан на суд ветлы. но какая ветла судья? она будет смотреть молча — будет шелестеть. поцелует — вернет на землю — для новой жизни. а на гербе ветлуги ветел сразу восемь — на зеленом острове — 'в серебряном поле' — а я думаю что посреди ветлуги-реки. поэтому я когда-то и выбрал ветлугу. вместо нижегородской квартиры. улицы — почты — ветлужские аптеки — продавщицы канцтоваров — тихие — в кофтах — с джинсовыми попами — ветлужская типография: город живой — город для хрупкой и нежной жизни — той что как ивовая кора на вкус. о том что в ветлуге происходят убийства я думаю когда по ночам проснусь. и днем — когда в хлебных магазинах двигаясь к кассе гляжу под ноги. когда кусаю плавленый сыр. ветлужские свернутые носы — ветлужская милиция — ветлужские под моими окнами крики не переселят меня отсюда. старинная кирпичная больница имени доктора гусева не напугает меня. а сама река: песчаные пляжи — косы и отмели — ласка в изгибах — умная рыба в небестрой воде — берега покрытые ветлами и ее сестрами — вот лето вот осень а вот зима. ветлужане появившиеся на свет в двухэтажной гусевской больнице часто о ветле не думают. но здесь много таких как я — приехавших ветлужан.

*

вот например наташа — та самая. она из кирова. закончила консерваторию у нас в нижнем. теорию музыки. перебралась в ветлугу. уроки вела в музыкальной школе. в ветлужской районной библиотеке работала с нотными фондами. в доме культуры была хударком. я когда ее в тот единственный раз на плечах тащил и кричал про утку — она смеялась немножко над моим дурацким пением — но охотно подпевала. уверен что мы действительно для себя прекрасные жена и муж. и несомненно друг друга полюбим — если захотим. а видимся нечаянно — в силу малости города. и ни разу не были близки. не считая того тополинного трогательного случая — (это каламбур). с закрытыми глазами можем жениться — а нет — разбегаемся с каждым 'здравствуй'. улыбаемся при встрече — и не думаем друг про друга — не скушаем ничуть. нам — намеренным ветлужанам — трудно сойтись. это ревность — к личной своей ветлуге. приехавший ветлужанин не вздрагивает от одиночества — у него есть город и река — с общим именем.

*

в потемках был на мосту — смотрел на огни города. ноги устали. отсырела шапка. и шерстяные перчатки. и брезентовая сумка. и вельветовые штаны. можно идти домой пить чабрец — и хрустеть капустой. надо бросить туда еще клюквы и маринованных опят. хочется побольше съесть на ужин. и зеленый императорский чай заварить в большом чайнике. и пить его кружка за кружкой — лежа на кровати с книгой пришивина. декабрь — это ты мне шепчешь чтобы я влюбился? я полностью доверяюсь тебе.

*

еще потеплело. в ветлуге плюс. решаюсь съездить в ионово. это на пригородном — туда и обратно. близко — недорого — почему бы нет? в ионово молодежь без шапок. мужчины пилят дрова. то ли дождь идет то ли снег. едут фляги на санках. зеленеют дрожат леса. походил походил — из конца в конец улицы — в рыхлом поле еще постоял — задрал голову к небу — и уехал в город. нет желаннее декабря. каждый день его — праздник и чудо. год закончился: и декабрь — лучший подарок за прожитый год. на остановке в ионово когда ждал автобус — ко мне подошли две девочки лет одиннадцати. обе грустные. держат что-то закутанное в садке. возьмите пожалуйста попугая. — сказали мне — развернули тряпку. в садке сидит попугай — зеленый взъерошенный. спасибо. — говорю им. — что — родители не разрешают держать? — мы его без спросу купили. — говорят девочки. — его зовут пика. — приезжайте в ветлугу — вот адрес — заберете когда будет можно. — спасибо. — а вас как зовут? — оля лена.

*

девочки из ионово приехали на следующий день — забрали пика. и мама с ними была. я поил их зеленым жасминовым чаем. говорил: извините — нечем угостить. но мама сама достала полпирого с рыбой и с яйцом пирожки. пришлось немного съесть — не скажешь же им что у меня декабрь. я объяснил им где в ветлуге находится зооларек с попугайским кормом. посоветовал не морозить пика — не держать в сенах — и иногда выпускать полетать плотно закрыв все окна. у нас кошка. — сказала мама. надо большую клетку. — сказали девочки. мама усмехнулась.

*

этот ионовский пика в садке приехавший со мной в ветлугу переночевавший в моей ветлужской квартире и уехавший обратно — и был наш сват. эта книга сама прозрачная как ветлуга. как душа и тело ветлужского русского. как счастье его и судьба. так и должно быть. я купил вторую декабрьскую бутылку кагора когда пика унесли. выпил глоток — и позвонил наташе. телефон никогда не знал — узнавал вот — через прежние ее работы: в доме культуры в библиотеке и в музыкальной школе она как выяснилось уже не работала — обзванивал ветлужские образование и культуру — и нашел. ну неважно. а у меня послезавтра день рождения — сказала наташа в трубку. ничего себе — не удивился я.

*

что ли кончился мой пост — мой сугубый месяц? кончился раньше чем в прошлом году — чем во все последние годы — 18-го декабря — еще перед праздниками?

*

половые губы наташи оказались удивительно фигурными — так лепятся и висят — это тоже декабрьское чудо. из них можно выложить слово 'ветлуга' — если по буквам —

или даже по слогам. слово 'киров' — и слово 'казань'. почему казань? — спрашивает наташа. плавал с родителями на теплоходе. — скриплю ей в стриженный висок. голос сел — накурился. не забудь сложить 'нижний новгород'. — смеется в ответ. — сложи мне понравится. — смеется. и 'нижний новгород' сложим — и 'сыктывкар' — и 'йошкар-олу' — подожди пожалуйста. — сажусь поплотней — ее ступни упираю себе в ключицы — улыбаюсь — перебираю пальцами — буквы и фигуры — начиная от слово 'ветла'.

* *

пост закончился — а декабрь нет. мы купили новые плечики — белые синие — днем на рынке. две подушки с гречневой лузгой внутри. декабрь потек апрелем — и краски совсем размылись. мокрая обувь — треснувшие ледянки — на ветках мокрые лампочки от которых вечером виден пар — наташино венгерское пианино — ее темно-зеленая длинная куртка с капюшоном узкая дутая простроченная на прямоугольники — коричневая вельветовая без капюшона моя — жизнь на две квартиры — хождение из дома в дом — скрип полозьев по разбитому асфальту — тоже фляги от колонок везут. он работает в 'земле ветлужской': это районная газета: редактором: нет — не главным. — это наташа в киров родителям от меня звонит — сидит на стуле — в серой клетчатой рубашке без трусов — и я действительно там работал до этого декабря. ее ноги тугие и длинные. как нельмы. — думаю я — вспоминая про манси. куда такая спешка? — спрашивает начальница загса. — хотим успеть в декабре. — зачем? нет ответа. — ну ладно. поздравляю вас.

*

две бутылки 'ветлужской' минеральной воды против одной бутылки 'ветлужской' водки. глупая скумбрия. пирог со смородиновым вареньем. мои капуста и клюква. куда же я без них? говорю: ..в филиал университета леса — если возьмут — вряд ли им нужна славистика — но может быть немецкий язык. говорит: лучше сдадим мою квартиру тем же лесным студентам — пианино только заберем.

*

ветлужский казенный винный склад №4 — теперь ветлужский ликеро-водочный завод — построен в 1901 году — по данным 1907 года производил 150 тысяч ведер в год — надо не забыть пометить себе в планы сделать про него книжку — про его дегустаторов и сбытчиков — цеховых и подсобных рабочих — начальника и главного инженера — юристов бухгалтеров — алкогольных инспекторов из костромы и нижего — про детей их мужей и жен — женихов невест и любовниц — про домашние праздники и служебные банкеты — надо бы не забыть.. — это я лежа думаю — а вставать и записывать лень — ручку искать в потемках. наташа спит. с карнизов во всю капает. дождь идет. странно тихо на улицах — ведь четыре часа назад наступил новый год. иногда под окнами протопает то одна то другая песня — кто-то крикнет ура — или бл — или то и другое разом. и собачий лай. все повиснет в шуме дождя. а — поэтому людей мало. новогоднюю проливную ночь я одну только могу вспом-

нить — новый 1995-й год — город назывался констанца — и рядом со мной лежала сестра моего товарища по имени юлия сырбу — и она не спала — несколько часов подряд играла пластинка румынских колядок в исполнении штефана хрушки — я вставал ее переворачивать — бесконечное количество раз — в потемках еще иглой тыкал в примерное место на пластинке где была моя любимая песня — про белые цветы — florile dalbe — флориле флориле дальбэ — улыбается юлия — трогает покусанную маленькую грудь — улыбается и молчит — со мной бесполезно разговаривать на румынском — ее трусы лежат в моей зеленой дорожной сумке — ее родители спят под нами на первом этаже — флориле флориле дальбэ. скоро захочется в туалет. долежу — и тогда уже запишу про ветлужский винный склад №4.

*

второе января. мы с наташей на рынке. явились за капустой — калиной и клюквой. если снова вредную еду лопаем — то не значит что теперь совсем не нужно полезную есть. дождь уже не льет — но и снега в ветлуге совсем не осталось. наташа зачем-то купила графин. ну да — он смешной конечно. но я сам любитель графинов — и у меня их несколько. а я остановился перед молодой женщиной в кожаной куртке торговавшей намордниками и поводками — искусственными щенячьими косточками и мячиками для кошек. среди них — отсыревшая плоская коробка — а на ней зеленый попугай. написано — 'potrava pro andulky'. чешский корм для попугаев. потрава про андульки. набежали слезы. наверное потому что крон-то у меня с собой ни одной как нарочно нет.

*

зачем тебе этот корм? — наташа улыбается. мы медленно идем домой. — насыпать в твой графин — и бросить с моста в ветлугу — хозяину реки. — ну нет. бросай без графина. жертвую мой заварочный чайник. — синий? — синий. — синий я люблю. — вот и хорошо — нельзя же хозяину ветлуги ненужную дрянь кидать. — тоже мне — шаманка с реки нишань. ладно — найдем что кинуть. купим ему что-нибудь. ромовых баб и сушек. и фирменной водки 'ветал'. — сушки ты можешь ему и кинешь.. — ну что ты говоришь такое? кто из нас двоих читал устав маньчжурских жертвоприношений небу и духам — 'маньчжурсай вэчэрэ мэтэрэ кооли битхэ'? — а корм зачем? — съездим в ионово — отдадим пике. нельзя же пройти мимо таких вот слов. я любил чехию. тоже в декабре. в градец-кralове ездил и в пражу. днями и ночами учил язык.. — а почему попугай — андулька? — а черт его знает. наверное потому что живет в андах. — волнистые попугаи живут в австралии. — не может быть.

*

мы бросили сумки — и сразу пошли. перед выходом правда на кухне постояли недолго. то есть это наташа постояла опершись локтями о стол — а я наоборот — но эта была моя инициатива: наташа понимающе ждала — а потом ругаясь поскакала в ванную. пока не стало темнеть нам надо быть на мосту. в сумке моей большая

глубокая тарелка. ромовые бабы и водку купим. вместо сушек — кусок колбасы. (что ли ему одними ромбабами закусывать?) под мостом полынью промыло — очень теплым был весь декабрь — а последние дни лили ливни. едут с брызгами по мосту 'газели' — и прегрязные бортовые 'зилы'. мы прижались к перилам. наташа держит тарелку — а я на нее все кладу. открываю бутылку. отдаю наташе. тарелку беру себе. мы внимательно смотрим в воду. я начинаю так: кэрани кэрани на восточной горе кэрани кэрани основалась кэрани кэрани взлетающая ввысь птица кэрани кэрани на горе чанлин кэрани кэрани береза чангиса кэрани кэрани на горе манга кэрани кэрани основался кэрани кэрани барсук манмоо.. наташа на меня глядит. так говорила нишанская шаманка. — объясняю я. — красиво? ..добрый хозяин реки ветлуги — живущий под мостом — здравствуй — другом нашим будь — не сердись на нас — в этом твоём любимом городе у твоей реки разреши нам долгую жизнь — долгую и счастливую.. очень близко проносятся машины. ..это от нас угощение прими любезно. — роняю тарелку — она летит. забираю водку — лью немного вниз — ветер ее сносит брызгами. говорю наташе: сделаем по глотку? — по глотку сделаем. делаем — коротко целуемся. ..этот от нас напиток прими любезно. ну всё. может лучше было бы без бутылки? — спрашивает наташа. — она не разобьётся. — говорю я — он сделает из нее вазочку — или колотушку — будет пьяным по коленкам бить — чтобы в воду не заходили.

*

второе января стало синим — мы наступаем в подмерзающие лужи — над вывесками магазинов ветлуги мигают огни — тонкие голые гирлянды-дети. они означают радость. — я думаю им холодно. — наташа грустит. — они позаботятся о себе — надеюсь. и о нас тоже. мы у дома — нам неполные тридцать лет. я открываю дверь своей декабрьской квартиры — включаю свет. посреди комнаты стоит наташино пианино — которое мы собирались перевозить сразу после праздников — в среду или в четверг. знакомых звать на это нелегкое дело — заказывать машину. хозяину ветлуги понравилась наша водка. — говорю тихо. и колбаса с ромовыми бабами. — говорит жена.

барышни тополя

новосад
1927

мертвая	рита
мертвая	ольга
мертвая	вера
мертвая	полина
мертвая	евгения
мертвая	валентина
мертвая	александра
мертвая	нина
мертвая	мария
мертвая	варвара
мертвая	екатерина
мертвая	людмила
мертвая	светлана
мертвая	ирина
мертвая	оксана
мертвая	олеся
мертвая	софья
мертвая	наталья
мертвая	анна
мертвая	елена
мертвая	агата
мертвая	юлия

м е р т в а я р и т а

рита такая умная. волосы как у мальчика. сидит за письменным столом и хрустит суставами. рита пишет хороший рассказ или письмо подруге. нет — это бессмысленно. — вскрикивает рита и отправляется в парк. рита — рябина осени; октябрь выгуливает своих собак; рита одна — худая и хмурая. из парка она идет в аптеку и покупает себе шалфей — на улице приобретает десять коробок спичек — набивает ими карманы. вечером рита в квартире одна. никто к ней не зайдет — потому что она никого не зовет к себе в гости. рита лежит и думает о том, что похожа на дерево. какое? — начинает разбираться подробно и засыпает в одежде. среди ночи — звонок в дверь. рита в ужасе — ей кажется это смерть. сидит на кровати спиной к окну ледяная и простуженная. за дверью была не смерть — а кто-то другой. лучше бы рита открыла, потому что смерть появляется из окна и закрывает рите глаза как в детстве подруги сзади ладонями. для риты гибельна сама ситуация одиночества — но ей нравится — очень нравится жить у себя в квартире. она знает об опасности и не боится. рита по-настоящему преуспевает в искусстве; фотография, живопись, литература; вкус у нее — и дурак позавидует; музыки не выносит. рита любила — но ее смешил половой акт: раз раз раз раз — считала рита и умирала со смеху. это было давно. рита — любимая девушка тишины. мы знаем где она живет, придем — и поцелуем ритину дверь. октябрь зовет на улицу. рита желтая под ногами. если рита называет себя маргаритой — этот рассказ не о ней.

м е р т в а я о л ь г а

ольга — это имя не вашей женщины. слишком много в нем от серебряных сосудов и глянцевої бумаги. первый лунный звук под ударением открывает спокойное ее имя. ресницы у ольги всегда приопущены. умирает ольга летом. ольга — фотокарточка на памятнике под стеклом. несут ольгу в жаркий день — и лицо ее покачивается ровно на голову выше всех остальных. эта картина должна казаться невероятной — но сами знаете какие летом жаркие дни — и всякие мысли а тем более удивление откладываются на потом. хочется молчать и пить. приходите к ольге зимой. а летом спите с открытой форточкой. вы любили ольгу. никто у вас этого не отнимет. что имели с тем и остались. можете в руках повертеть. сама же ольга едва ли ангажируется — и так бывает всегда. первый лунный звук под ударением открывает спокойное ее имя. летом ольга умрет. ее несут. лицо ольги покачивается над вспотевшими лицами. лицо ольги лишено эпитетов, разве что возможен единственный — ольгино. хотеться может только пить. и так бывает всегда.

м е р т в а я в е р а

вера синяя изнутри. смерть здесь ни при чем. вера изначально тяготеет к синему — границе фиолетового. нам достоверно известно что вера имеет фиолетовое сердце. когда вера заходит в продуктовый магазин — фиолетовым становится

хлеб и синим молоко. вера — ночная птица — причем редко летающая — больше ступающая осторожно опустевшими улицами. мы заставляли веру за тем как по ночам она пьет чернила — они могут быть любых цветов. такую веру можно принять за демона — но в следующий раз она выпьет чаю, разделенся, заберется в постель. в постели вера неожиданно говорит густым голосом нецензурную брань — и начинается любовь. утром вера похожа на черный кофе который пьет. летом в дачной местности голая вера уходит на прогулку в лес — и комары ее не нервируют. лучшее что у вас выйдет с верой — это ее наблюдать. не пытайтесь ее убить. хотя очень часто именно вера оказывается убитой.

м е р т в а я п о л и н а

полина — ты меня слышишь? ты слышишь этих румын поющих 'вечерала па рано заспала'? они поют на сербском — с акцентом. я сижу за столиком. в заведениях подобных этому среди горячих блюд есть побелевшие угли — а среди напитков сулема. я не возил тебя в эти края — а теперь вот приехал сам — и не уеду — выпьем. в долине не было ничего от балканского восторга. полина смеется и носит очки — клетчатые шарфы — глубокие капюшоны из замши. полина — трава — темная зелень. в груди у долины живой золотой шар. полина подбирает упавшие ветки. если забрать долину из университета — из нее получится полевица — она перестанет говорить с людьми и полностью перейдет на язык растений. в деревнях у восточных славян самые сильные колдуньи — долины. но полина не оставляет учебу — курит — смеется — и лето проводит в таллине. на острове сааремаа полина свой человек. о травах полина знает мало — из ваших слов — но позовите ее на холмы за травами — и она забудет что кроме холмов и трав в мире есть что-то еще. и она будет кататься с вами на пароходе по дунаю — и будет без конца смотреть в подзорную трубу если вы протянете ее долине — и она скажет да если вы предложите остаться в румынии и пожениться второго января. полина будет рада если подарить ей на свадьбу четыре завязанных узелками ветра на полоске ивовой коры и научить как ими управлять. обожает осенние пальто и раздевается редко. о теле долины нам ничего не известно. за что же мы любим долину? за то что полина — наша. и это — как гром среди ясно-го дня. за то что наше сердце — сжатая губка, а полина зеленая вода. мы плюс полина равняется ста. полина — единственный способ удвоиться в мире — идти по миру вдвоем. полина — утиная лапка на нашем поясе — на красной нитке — на голое тело. полина реальна — более чем реальна: вот она. румыны поют. кое-кто из сидящих в зале все-таки заказывает сулему — временами слышно как падают стулья с новыми мертвыми. ничего не видно от табачного дыма, песни и гара от мяса. утрата долины — единственный в мире повод направить в голову револьвер. полина умерла — и вы думаете: хорошо бы заразиться сифилисом. утрата долины дает человеку шанс попасть на небо — для этого нужно приехать в румынию и выпить яд в любом из здешних кафе. мы теряем долину в первой половине декабря — незадолго до того как потеряем последнее — анну.

(анны не существует. анна — белое одиночество. мы выбираем анну — чтобы навсегда остаться с ним. мы любим анну больше полины?)

м е р т в а я е в г е н и я

евгения — кривая система координат — одно из названий антимира — пароль — надпись на зеркале задом наперед. евгения умирает дважды. первый раз в четыре года умирает маленькая жена. первая смерть евгении остается незамеченной — и девочка продолжает существовать среди живых до поры пока не умрет вторично — уже очевидно и навсегда. евгения — серая; легко обращается в серый порошок. мы знаем что делать с порошкообразной евгенией и подробно расскажем об этом в книге 'ветер ветер'. евгения — эссенция двойки (мира №2); игры с евгенией — самые серьезные из мистических практик. поговорим о сексуальности евгении: для нее не существует ни меры ни человеческих обозначений — в евгении вся сексуальность мертвых — а мертвые сексуальнее живых. евгения поет и смеется — прячется в шкафы — непрерывно мастурбирует. жена мужчинам предпочитает женщин — может растлить детей. евгения худенькая, разного роста, груди у нее отсутствуют — вместо них блестящие пятна сосков четкие по контуру с монету в две копейки. евгения гладко бреет половые органы — может оставить вертикальную ниточку волос. похороны евгении — фарс, но мы участвуем в нем с содроганием: мы знаем что только теперь после второй ее смерти будет развернута подлинная активность евгении. мы думаем — не поселится ли евгения у нас на чердаке? какой из этих домов уже к вечеру сделается беспокойным? ноябрь. идет холодный дождь. евгения королева руты — ее послушается любое зеркало — она проводит рукой по лицам и фотографиям — и они покрываются амальгамой. среди евгений часты проститутки — самые странные — (самые настоящие). евгения может не знать о своей изначальной заброшенности в антимир. если хотите — женитесь на ней и назовите женами дочек: у вас будет ключ от нарисованной двери которым вы в состоянии никогда не воспользоваться. евгения может ничего не знать и являть собой потенциал. может ничего не помнить о детской смерти. не выносит родных братьев и сестер — они не заживаются рядом с евгенией — хотя чего только не делает в подростковом возрасте с кузенами и кузинками. женатым мужчинам позволительно лежать с евгениями — по отношению к женам это не измена. когда жены умрут и узнают об этих связях — они не будут в обиде.

м е р т в а я в а л е н т и н а

валентина рождается больной — кашляет кашляет — долго учится говорить и ходить — живет в домах с плохим отоплением — одна воспитывает дочерей — умирает от голода и полного отсутствия внимания к себе со стороны демонов и людей. валентина — очень печальная история — как побуревшая вата и в ней сломанный градусник. похороны валентины — вся ее жизнь. валентины очень активны после смерти. в беспокойных домах они есть почти что всегда. активность

в мире №2 роднит валентину с евгенией. но в мире №1 евгении жилось хорошо — а валентине плохо. мы очень любим валентину и хотим ее согреть — но до сих пор имели дело только с мертвыми валями — в беспокойных домах и тополиных снах. пока валентина была жива мы бегали по городу, стучали по лестницам, в подъездах и подворотнях опрашивали жителей, кричали в тупиках — искали и не находили ее неизвестную дверь. мы в глаза не видели живую валентину.

м е р т в а я а л е к с а н д р а

теперь я куплю аптеку в переулке галактионова, назову ее 'сашина аптека' и буду всю жизнь продавать лекарства. я буду самым печальным аптекарем — и обо мне пойдут легенды. он похоронил свою александру. — будут шептаться дамы. тише, сволочи. не похоронил а видел похороны, и не свою а ничейную. александра — счастливые запахи осени, картавит, смешно произносит шипящие. саша среднего роста, в имени саша три буквы 'ша'. саша лазает по деревьям — особенно часто сидит на черемухе у себя во дворе. мы ничего о ней не знали, мы наблюдали ее из окна и несколько раз встречали в магазине. мы не здоровались но рассматривали друг друга. было ясно — с ней мы договорились бы обо всем — что с александрой возможно любое чудо. ранним утром стоя на мерзком балконе мы глядели на сашину крышу и думали о том как она спит, как разглядывает себя перед зеркалом, как с любопытством ходит на почту где ничего не ждет и не шлет. мы представляли себе как она моется в полумраке комнаты и стучит зубами от холода. мы ничего не успели — и никто не успел — и сама александра в жизни успевает только завести кошку. саша — мертвая девочка, умирает до восемнадцати лет. саша цвета как перепелка бегущая по рыжей осенней дороге. когда умирает саша — в мире рождается колыбельная. встреча с сашей в антимире обещает только хорошее.

м е р т в а я н и н а

коротышка нина с коротко стриженными кудряшками и круглым личиком теоретически нам не нравится. но нина смеется над теорией — да и мы насмешливо фыркаем. нина любит болтать вздор, строить глазки, рассуждать о мужчинах и женщинах. с ниной мы всегда здороваемся сквозь зубы и панически боимся сесть с ней в один трамвай. мы приглашаем ниной на ее день рождения где вздор болтают тридцать человек — приносим нине безделицу — торчим на балконе — и вдруг среди этого безобразия чувствуем как по отношению к имениннице в нас разрастается большая человеческая любовь. ну и что что мы любим и ищем немых (молчаливых) девушек с прямыми волосами в очках. мы ведь не декаденты. мы возвращаемся в комнату и налив себе водки произносим за нину оглушительный тост — у нас даже слезы и голос меняется — а нина моргает и смотрит. гости уходят — а мы не хотим. мы не намерены — и говорим об этом нине. нина не знает что отвечать. нина, вы устали — можно помыть вас в ванне? мы наполняем ванну — раздеваем нину — сажаем в воду. в воде нинины кудри выпрямляют-

ся и мы киваем одобрительно. сидя на краешке ванны просим разрешения заку-
рить. нина умирает героически — всегда совершая какой-нибудь подвиг. напри-
мер бежит пешком через волгу в самый ужасный февраль с банкой меда для
больного дедушки. (а у деда меда и так полно — и он ему не помогает.) нина — си-
рень. четыре буквы выложенные сиренью на рыбнорядской площади.

м е р т в а я м а р и я

мария любит старые кресла — черные платья — пустые дома. мария самая одио-
кая — не нужна самой себе. волосы собирает в аккуратный пучок. родителей у маши
никогда не было. она редко выходит на улицу — а дома жжет керосиновый фонарь
и мерит шагами комнаты. окна дома мариин темные — без занавесок — на чердаке
стоит сундук. в этом сундуке однажды находят мертвую марию. залезла в него
и умерла будто бы силой воли. — говорит судебный доктор в частной беседе. у маши
невидимое тело. и если она разденется — будут видны только голова, ступни и кисти
рук — остальное реально под платьем и не существует без него. мария похожа
на рыбу живущую в густой маслянистой воде. мы плывем по ночной реке и све-
шиваем руку с борта лодки: может быть маша заденет нас плавником.

м е р т в а я в а р в а р а

варвара — интеллигентная дочь интеллигентных родителей — с высокой грудью, с пра-
вильными мыслями. вот варвара влюбилась — тогда она говорит тому человеку: я вас
люблю, поцелуйте меня. у варвары длинные волосы распущены по плечам — в ней за-
метна некоторая полнота. особенно ноги — кто видит разваленные варвары ноги у того
кружится голова. варвара уверена в себе — любит спорить — отстаивать свою точку зре-
ния. может поднять вас на смех — а вы так и не поймете из-за чего. варвара любит моло-
ко и ненавидит кисель. варвара часто болеет — вот ведь беда — просто не верится: бо-
лет туберкулезом, почками, различными мерзостями от гинекологии. варвара умирает
в больнице кусая губы и негодуя на себя саму. конечно — разве будет варвара винить
судьбу! мы тоже кусаем губы когда узнаем о варвариней смерти в двадцать четыре го-
да. варвара розовая: это снегирь. ну что вот она умерла? и негодование мы тоже чув-
ствуем: оно связано с тем что медовое тело варвары и молочные ноги от которых кру-
жится голова видели не мы — а кое-кто из университетских крикунов и выскочек.

м е р т в а я е к а т е р и н а

а кати бывают разные. разными на цвет и на вкус — но все они очень глупые.
с катей дружить — поглупеть самому. переспать с катей — потом ходить, ру-
гаться, выслушивать фразы вроде 'и зачем я тебе отдалась?' худые кати хуже
полненьких. худая катя вдобавок еще и злючка — чего-то требует за любовь.
толстые кати — продажные девки. но они добрые, их бьют по щекам и денег

не дают, а они говорят: милый, заходите еще. кати-неряхи и вульгарно одеваются, в бордовых сумочках носят браунинги. иногда вынимают их и дрожащей рукой направляют на мужчин. слезы туманят кате глаза. надо быть последним олухом, чтобы мягко не отвести катину руку, а нарваться на пулю. кати разгуливают с длинными зонтиками и зонтиками же дерутся. кати тирают детей. катя должна быть счастлива! ну что за мрачная картина! и нужно для счастья кате как можно раньше уехать в деревню и стать художницей. именно так. блуждания по человеческим лабиринтам ей противопоказаны. катя, пейте квас и собирайте ягоды, ходите перепачканная в краске; и люди сами появятся в вашей жизни и их будет не много; и мы напишем другой рассказ, вот его начало: кати — это хомячки, и все продаются в магазине 'фауна'. а иначе мы прочтем в газетах о том, что девица к. выстрелила в себя из дамского пистолетика. всё это — о русских катях. сделаем две оговорки: чудесные, умные девушки — польки по имени катажина; роскошные, веселые плясуньи, хранительницы солнечной любви — южнославянские каты.

м е р т в а я л ю д м и л а

между ног у людмилы невероятная куча волос. их столько что даже любитель такой дикости первые секунды глядит с недоумением: уж не черную ли курицу посадила туда людмила? и под мышками у нее не иначе: а если люда к примеру танцует в театре и вынуждена убрать с-подмышек — делает это неохотно. их у меня три. — говорит людмила и добавляет заветное слово обозначающее женщину. за словом — дело: и принимать мужчин людмила может в любую из этих трех. людмила — эротоманка, боже мой — это так. но она не вульгарна как карточная дама и не доступна как леденец — ее вообще не видно — где она? думаете прохаживается по центральному улицам в кричащих нарядах и каждому первому выбалтывает свои три тайны про волосы? ни за что на свете. людмила работает в библиотеке или в букинисте или стоит за лотком с дрянными сладостями или в конторах кидает бумаги из верхней задвижки в нижнюю. и ленится люда много и кокетничать не умеет и денег у нее не водится. но людмила — пардон пардон — мы знаем как тебя искать. мы знаем до сколько придется сосчитать прежде чем тыпустишь к себе нашу руку — на улице, в парке, среди бела дня. людочка — ты такая хорошая. ты верная жена. ты лежишь на раскладушке. ты любишь спать. мы тоже любим спать. спать — это значит видеть сны. ты живешь в трущобах, с одной мамой, таскаешь воду, щепишь дрова, держишь глупых собак. людмила — скромница — и это ли не залог и не успех? — вот оно людино эротоманство. те кому нравятся курвы на людмилу могут не рассчитывать. внимание: люду легко развратить: не надо — ей будет грустно — и всем будет грустно — тяжелее будет умирать. люда хочет рано выйти замуж — и для мужа растит свои волосы. люда рыжая — забудьте о волосах! — мы говорим о сердце и внутренней стороне глаз: не металл не бронза — но как тусклый апельсин, старое пальто, крылья крапивной бабочки. ей больше подходит город: в деревнях и рабочих поселках все людмилы —

увы — развращены еще с добрачного возраста. порядочным, добрым людям просто рекомендуется влюбляться в тринадцатилетних поселковых людмил. директора театров: если у вас есть совесть — не принимайте людмил на работу даже уборщицами; а если видите — поздно — хватайте прямо в охапку — будете иметь лучших актрис (плюс неразрешаемые проблемы в труппе). редкому мужу не достаются в приданное людмилины шалости с подругами: в прошлом и позапрошлом: когда-то давно но факт. людмила не ищет женщин, но если женщина ищет людмилу — ей будет просто лень отбиваться, отшучиваться, задавать вопросы самой себе. давайте пофантазируем: людмила поступила в университет. не смешите — кто-нибудь видел хоть одну людмилу с высшим образованием? но все-таки — на кого бы она училась? — конечно же на зоолога: животные животные — от кита до соснового пилильщика. бедная люда: ей так тяжело умереть. это катастрофа. мысли о смерти — третье в ее жизни после сна и пачкания волос. она рыдает, бормочет банальнейший вздор, умирает от каждого насморка и во время месячных становится просто дурой. а смерть разве станет любить такую людмилу? и она ее мучает — мучает люду. реальная смерть людмилы — страшная картина. плачьте и держите люду за руки — говорите что скоро придете к ней.

м е р т в а я с в е т л а н а

света нигде никому не нужна. об этом мы проливали слезы спрятавшись в туалете. нет — это чудовищно. живую свету никто не любит и мертвая она оказывается неизвестно где. в какие подвалы и на какие задворки двойки поселяют высокую грустную девушку? в какие дупла каких гниловатых деревьев ее записывают? ситуация неоправима. с мертвой светланой невозможна связь — она никогда не покажется не приснится — теряется навсегда. целуйте ей руки при жизни. посреди оживленной улицы засовывайте ей посылней — милиция вас не тронет. света — шерстяная ящерица, она необыкновенно легка — подбрасывается высоко. светлана — длинный-предлинный коричневый шарф — закружитесь с ним в зимнем танце. танцевать со светой танцевать и выключить электричество, касаться ее сквозь одежду, трогать смешную грудь, надавить коленом на точку L и лизнуть ее в губы! тащить на каток, налить водки, кружить до упаду, в горячих комнатах делать своей, утром гладить живот. почему выходит иначе? зачем тогда они вообще рождаются? зачем они покупают себе дешевые колечки и ходят как тени? мы умрем — и займемся судьбой светланы. ящерицы — подождите еще немного. мы хотим исправить чью-то ошибку — мы готовы колдовать, обманывать и платить.

м е р т в а я и р и н а

здравствуй ира — давно не виделись. — так начинается разговор. ему бы не начинаться. ведь ира давно уже голубая весенняя лужа — а не человек. ран-

ней весной мы думаем об ирине. мы толкаем ногой пластины льда. особенно хорошо представляется ирина если удастся промочить ноги. ирина — воздух. ирины нет. была. и пила коньяк — и показывала ноги — и давала целовать соски — и лазила в воду — и спала — и умирала утром. ирина плывет. это ваша женщина: целуйте — шепчите нежности. но коротко, коротко. зачем? — задайте оба вопрос. и отвечаете: незачем. ирина проходит сквозь пальцы. с живой ириной со временем вы перестаете здороваться. вы узнаете о смерти ирины и думаете: как же так — ведь мы же целовались? ничего. ничегошеньки. даже если вам сообщили что ира утонула или исчезла из ванной комнаты. ирина — мартовский воздух. что нам с ним делать — смотреть по календарю приближение апреля? ирина — сосулька: мы улыбаемся слабому запаху весны. ирочка пойми нас правильно — но потерять пуговицу или одолеть весеннюю простуду заметнее для души чем расстаться с тобой. для кого же тогда существует ирина? — не мешайте — упала пуговица — придется лезть под стол. (мы очень любим пуговицы. у нас их коллекция.)

м е р т в а я о к с а н а

белое яблоко рассеченное надвое — это и есть оксана. яблоки бывают разные — но оксана — с крепкий мужской кулак. поставьте перед собой только что разрезанную половину — всмотритесь в нее с внутренней стороны — и перед вами пройдет вся жизнь оксаны и вся ее смерть. до чего же любит оксана мужскую любовь. можно с ума сойти если начать описывать все ее хулиганства. оксане выпить бутылку водки в десять минут или вычерпать ложкой двухлитровую банку меда или расколоть о колено арбуз, съесть и пойти купаться или отдаться семерым рабочим строящим дом соседу — всё это за ради бога. оксана — развратница? да ладно — оставьте такие слова при себе. если надо закласть землю телом женщины — выбирают оксану, если надо топтать виноград на вино — оксана первая прыгает в чан — и она единственная делает это нагишом — остальные участницы просто подворачивают юбки. городская оксана наклоняется несколько раз за рабочий день, а если у оксаны нет такой возможности — ругается и ерзает на стуле. у оксаны зад покрыт поцелуями. а у кого он не покрыт? верно — но верьте — поцелуй туда был для оксаны раньше поцелуя в губы. и она любит черную одежду. зачем мне одежда? — говорит оксана. — но ведь не голой ходить. яблоки падают с августа по октябрь. оксана не думает о смерти — а смерть не думает о ней. просто однажды последняя спохватывается что забыла о первой — и касается; и оксана рассыпается семенами красного паслена.

(удивительнее всего что ксения не имеет с оксаной ничего общего)

м е р т в а я о л е с я

с олесей мы давно знакомы. мы помним ее подростком — в огромной тельняшке, за складками которой две спички-груды. олесю красавицей не назовешь — и это

здорово: вся она милая свежая — излишняя красота убавила бы это ощущение. олеся — щавелевый лист облитый водой из колонки. мы всегда ей любовались — но вот у олеся случается первый сексуальный опыт — и она кувыркнувшись в воздухе опускается на руки ботинками вверх. очевидно ей крепко понравилось. по городу бегают слухи: боже мой — олеся развратничает. гуляет со студентами, хочет веселья. мы встречаем олесю все реже — у нее впятеро увеличивается грудь, которую теперь так и хочется назвать титьками. олеся раздается в бедрах и направо-налево употребляет глагол *futurer* в русском эквиваленте. это мое любимое слово. — смеется олеся. — оно очень сладенькое. стоп друзья. еще немного — и вы чего доброго осудите нашу олесю. не смейте этого делать. олеся — удивительная женщина — у нее хорошая душа. мы гуляли с ней раньше и гуляем сейчас по стареньким улицам, мы сидим в городских садах, улыбаемся, курим. мы с олесей — друзья не разлей водой, дарим друг другу подарки. мы ходим в бывший трактир 'китай', глядим в глаза и хохочем. если нам хочется расплакаться и обняться — и в этом себе не отказываем; целуемся — гладим по головам. такая только олеся: что бы о ней ни говорили и как бы ни блестили ее глаза вы готовы позвать ее в жены на любом этапе своей и олеесиной жизни. олеся почти что ангел. и в первую брачную ночь вы легко восстановите олесину девственность прикоснувшись к вагине стеблями сон-травы. вы проведете этим же пучком от олеесиного живота к горлу — изо рта у олеся вылетит белое облачко и исчезнет пройдя сквозь потолок — это выйдет все то что проглотила олеся от других мужчин. олеся всегда невеста — рассыпала волосы по подушке — вы смотрите на ее ключицы со слезами нежности. месяц олеся — апрель. цвет — дымчато-серый. у олеся серые глаза. она умирает от несчастного случая этим же самым апрелем. под олесин гроб мы подставляем правое плечо.

м е р т в а я с о ф ь я

заниматься любовью с софьей — все равно что делать это с огородным пугалом: очень высок травматизм. развеселившееся пугало (не софья) так вас отделает, что вы поднявшись на ноги похрамаете в больницу, если по дороге не умрете от потери крови. сонечка тоже может искалечить. она — настоящий оборотень. с виду как мышка (только грудь велика) — а вот поцелуйте-ка в губы — вспыхнет лиловый свет, начнется черная клоунада. соня и есть черный клоун. прежде всего достанет шприц, чем-то себя уколёт; после завяжет глаза черной тряпкой, с треском отбросит юбочку, понесет околесицу. вы поцеловали софью в квартире — лучше выбегите на балкон. скоро она явится в комнату с балконом, по-прежнему слепая, с огромным накладным фаллосом, станет шарить в углах и упадет и разобьет себе нос. соня высвобождает глаза; увидев вас на балконе жалобно разревется. а как только откроет балконную дверь — скажите ей фразу 'черепаховый очешник' — и соня уснет. тащите ее в кровать, отстегните фаллос, приготовьте чай с клюквой. клюквой поите когда проснется и радуйтесь что легко отделались. будет именно так если только вы одарите соню поцелуем длиннее восьми секунд. целуйте короче — и все пройдет обычно. удовлетворенная софья примется петь песни и делать вам массаж. никогда ничего не вкла-

дывайте софье в рот — рискуете лишиться: не потому что соня извращенная людоедка — а просто может ее посетить навязчивое желание жать зубы. соня из барышень тополя — самая маленькая ростом. грудь у нее огромна — соски коричнево-черные — торчат как большие пальцы; софья в толстых очках — она красивая — только вот волосы очень жесткие; если коротко остричь — голова превратится в шар. искренне скажем: лучше всего сонечке подошла бы лысина. с соней интересно остаться на ночь в главном здании университета, а как сторож заснет — целовать ее долго-долго, а потом убежать в темные лестницы на верхние этажи. не забыть бы с собой коробочку с кокаином. софья учится на математика и достигает в этой науке больших успехов, ездит на семинары за границу. если софья забеременеет — у нее родится лангуст. по дороге на кладбище софья несколько раз садится в гробу и громко спрашивает: ну что, коллеги? гроб ставят на землю и процессия разбегается. десять первых ночей софья кричит из земли угрожающим басом о том что ей хочется в туалет.

м е р т в а я н а т а л ь я

наташа — оторвите ноги своим родителям. разве можно так называть девочек? но мы спасем ваше имя — мы искали выход и нашли. наташа — улитка — мы накрываем ее ладонью, и угловатый шмель и золотоглазка и дафния — от радости мы курим табак, сидим на тропинке взобравшись на холм наполовину. мы болеем, наташа, но думаем о лете — об удивительном летнем открытии касательно вашего имени: маленькие ползуны и летуны носят его на лапках — и пływуны — и земляные жители — если только они размером не больше ногтя. тем летом мы размышляли как же нам с вами быть? — и подумали о добром микробе живущем у нас в пробирке (пробирку с наташей мы зажимаем в штатив). наташин исконный язык — жужжание; наташа ползает, сидит на коленях. мы приглашаем наташу на велосипедную прогулку и красим ее велосипед золотой охрой. мы едем — а спицы жужжат — и наташа смеется — что есть силы несется под гору. на вершинах холмов под ясениями мы делаем остановки: мы кормим наташу сыром, наливаем из фляжки аперитив. мы берем наташу в траве — и она визжит и щекотится — мы ее пичкаем и целуем смеющийся рот — почти всегда получается в зубы. мы просим ее сквернословить — и она краснеет и сквернословит уморительно тонким голосом. иногда мы кричим 'стой' в умчавшуюся вперед полосатую наташину спину, подъезжаем, вынимаем из штанов колотушку, предлагаем наташе открыть рот. с ума сошел? — говорит наташа — потом просит дать отдышаться — потом опускается на колени — а ветер дует и жуки жужжат. у наташи маленькая грудь и короткие волосы. короткие или дурацкие. развратить наташу невозможно — улитка-янтарка светлее нас всех. мы хороним наташу в спичечной коробке и от рыданий потом зашиваем грудь. слезы по наташе — кислота — и на щеках останутся следы. с оранжево-коричневыми бороздами хоронившие наташу. поэтому и получается что наташа мы охотно берем в жены. но чтобы так назвать дочь! наташа полосатая, пестрая. на велосипед оставшийся после наташи мы молимся каждое утро.

м е р т в а я а н н а

гусиной травы — молчун-травы — травы без вкуса и запаха — я соберу для вас, анна. вы выпьете — и смерть согласится со мной — и молча уйдет. спасибо! кастрюлька будет греметь в кастрюльке. я остужу отвар, процежу его через сито. вы выпьете анна всё — а остатками протрете себе глаза. смотрите как хорошо. и мы будем ехать из уржума в лузу ради радости декабря — ради вина на снегу — ради зеркал и кроватей в неизвестных миру гостиницах. все кто угодно но только не анна. — буду кричать и толкать лицо в горсти теплого снега. анна — как вам это нравится? в имени анны столько жизни что хватит на всех углокрыльниц и бражников из коллекции доктора рыбака. они хлопают крыльями — а я смотрю и глотаю пуговицы — так я люблю вас, анна. я шью вам желтое платье. в гусиной траве нет защиты от смерти — в гусиной траве есть я. выпейте милая. анна умирает прямо перед новым годом, в конце декабря — месяца чудес. гроб с телом анны ставится справа от елки.

м е р т в а я е л е н а

чем удивительна елена — тем что находится рядом всегда. елена — в настоящем времени — в жизни каждого. елена — вода которую все мы пьем. елена — голубь, только изящный, не как эти сизые паскуды. елена — хлеб — чуть-чуть без соли; белая как льняной холст — без аптекарской белизны. физическая близость с еленой лишена памяти — словно пить воду: легко и спокойно — и ничего не останется после. кое-кто упрекает елену в рыхлости. да — если вы любите перец с коньяком и слушать как ноют любовные раны, если любовь для вас — поедание электрических лампочек или супа из скрепок и пружинок — лена оставит вас неудовлетворенным. елена — врачевательница: лечит белой простынью и водой. она сама часть мирового запаса пресной воды, наполняет любые емкости. смерть лены противоестественна — и это понятно смерти. ни миру ни антимиру невозможно видеть как лена болеет, умирает, как елене заказывают гроб; земля отказывает ей в могиле — если закопать лену в грунт, случится возмущение земли от которого никому не поздоровится. поэтому елену которой пора умереть просто заменяют на аквариум — с чистой водой, с голубыми рыбками.

м е р т в а я а г а т а

агата агата агата — звонит телефон: я уверен — это она. об агате трудно не говорить стихами, напросившись на воздушный шар. прыгать на батуте, бежать на ходулях, тащить друзей в зоосад и цирк, кувыряться под гору — примерно этим становится агата в наших поступках. агата — чуть ли не призрак, слишком большое спасибо любви — больше человеческого сердца, легкие не справляются когда в мыслях — агата. из-за агаты лично я дважды бросал университет и брал псевдоним радован радшевич. агата — радость, она играет на гобое по дороге из перемышля в люблин, спит на

панцирных койках, залезает под душ. агата у парикмахера — агата в еврейском театре — агата на улице товаровой — в подземном переходе — чистит зубы зубным порошком. агата прикосновениями чинит часы. агаты живут в пределах: витебск — минск — киев — львов — краков — вроцлав — кошалин — гданьск — клайпеда — рига — полоцк. и в лодзи — и в бресте — и в самой варшаве. радость: огромная буква 'а': мы рассеем ее ладонью; агатой можно умыться, возить по городу в автомобиле, агату полюбят любые родители, агата полупрозрачная, желтая; суточная девушка с сумкой через плечо до колен. агата заходит на почту — ее пропускают без очереди, бесплатно звонит и ездит на всех видах транспорта где ей уступают место. да что там — в любых магазинах агате дают всё что она попросит, пускают смотреть голландских чудовищ, сажают на карусели. смерть агаты — публичное зрелище: праздник как день всех святых. агата лежит на двух стойках — а смерть в шляпе фокусника раздувает агату на звуки и бросает их в небо как поющие конфетти. бесподобно: над головами — рой цветных голосов — фантастические аккорды. среди зрителей в толпе самые счастливые — студенты консерватории. дети кричат, взрослые аплодируют, оркестр — бум-бум бум-бум, зажигаются фейерверки, трамваи будут ходить до двух.

м е р т в а я ю л и я

юлия — красное длинное платье длинные ноги и длинный нос. юлия — длинные светлые волосы — наэлектризованные, мягкие, легко волнистые. юлия — длинная шея, яркая губная помада, ухоженные руки, духи. и она выше нас на голову и смотрит на мир насмешливо. у юлии небольшая тугая грудь и тонкие бретельки, у юлии на шее белое золото-змея, длинные серьги с прозрачными камнями, красные туфли. юлия никого не слушается. только нас. мы берем юлию за руку и ночью выводим в поле на перекресток. это июль. огромные звезды. где-то совсем внизу разбившаяся в пойме река. мы говорим юлии снять платье и трусики и покормить перекресток хлебом. мы велит юлии лечь на спину пиздой на север и раскинуть ноги как можно шире. мы садимся на землю в двух метрах от юлиных колен и между собой и юлией втыкаем в землю свечку. зажигаем. всё. и так мы сидим и любимся юлией и миром. с лежащей юлией мы говорим о ветре. это ради ветра юля раскинула ноги и красное платье положила в дорожную пыль. мы отдаем ее ветру — чтобы юле полнее жилось на земле. юлия нам как сестра, нам все про нее известно. свечка прогорит через десять минут и коснувшись земли потухнет. тогда мы протянем юлии руку, сунем в карман ее трусики, платье повесим себе на плечо. мы будем еще идти по дороге через поле, теплая от ветра юлия будет молчать и улыбаться. иногда мы будем брать ее за руку, иногда сажать себе на шею. на такой же полевой дороге — а может быть и на этой — нас ожидает смерть. мы встретимся и поздороваемся все трое. мы обещали юлии умереть вместе с ней. и умрем — но не скоро. мы удалимся от домов и пойдем. в нашем кармане будут юлины трусики, красное платье со следами земли — на плече. юля будет высокая — голая — может быть только наденет туфли ведь на дороге темно. смерть будет птица-коростель и поприветствует нас криком.

валентин кислицын

верхний услон

казань
1927

верхний услон на горе
в сломанный микроскоп
в одеяло завернуты
ее фотографии
верхний услон как
в половине четвертого
кричим рюмочные
подзорную трубу
ищем анну
керосиновыми женщинами
если бы мы видели
в п р о ч е м
тащим велосипеды
что вы мне скажете анна
мы возможно
огородное пугало
бутылка и ветер
прилетела с желтой горы
есть в казани
на кроватях
л о д к и
водка и подушка
если посмотреть
что любит коростель
верхний услон есть

верхний услон на горе
напротив казани
в верхнем услоне сомы
шевелят усами
не нужно плыть по прямой
мы не станем
нам хорошо с домами
и небесами
казанцы здесь держат дачи

в сломанный микроскоп
мы увидим казань
положив на стекло
серую ткань
мы видим как
анна и юлия гуляют
по улицам с димой
мы видим они здороваются
с жоржом и полиной
мы видим желтую
бабочку над входом
в гостиницу 'амур'

в одеяло завернуты
ходим вокруг табурета
наклоняем головы
слышим начинается лето
рассматриваем волоски
друг у друга на лапках
мы болотные кулики
в синих тапках

ее фотографии
сделанные в казани
в комнатах где тошнит
пахнет чужими щами
а она стоит голая
на подоконнике наша
не боится холода
и папаши
закопаем в землю
выйдут травой

упадем в нее
животом и спиной

верхний услон как
анна на табурете
формула этой местности
холмы + ветер
и никаких лесов
с ловушками и голосами
нам хорошо с домами
и небесами
можно любить мышей
и откосы
можно глядеть на казань
и курить папиросы

в половине четвертого дня
мы проснемся
поглядим в окно на
казань улыбнемся
из-под стула
достанем ружье
пальнем из окна
в дверь туалета
а куда нам стрелять еще
ради радости лета?

кричим рюмочные
по именам
улиц углов
наши крики
не достигают
желтых домов
у которых мы
разбивали коленки
так жестоко
застревают на островах
где одни тополя
одна осока

подзорную		трубу
хорошо		иметь
в	подзорную	трубу
хорошо		смотреть
подзорную		трубу
хорошо		дарить
подзорную		трубу
нельзя		уронить
можно		купить
сразу		две
нельзя	ей	бить
по		голове
подзорная		труба
даже	во	снах
подзорная		труба
у	анны	в руках
к	ним	подойти
сняв	штаны	и панаму
поцеловать	и	трубу
и		анну

ищем	анну
------	------

разбиваем банку молчим
 лепим шар из тины и ряски
 приносим кота
 долго глядим
 в его противные глазки
 засыпаем в ботинках
 ставим ведра с землей
 справа и слева кровати
 улыбаемся в темноте
 одеваемся в женские платья
 бросаем веревочного человека
 изучаем его фигуры
 ставим в ряд оловянных птиц
 сокрушаемся: птицы — дуры
 бросаем через плечо
 пару белых монет
 мы хотим знать
 живая она или нет

керосиновыми женщинами
называются те
кто при виде
керосиновой лампы
не могут не отдаться.
лампе не обязательно гореть
она может быть
без стекла и сломана.
будь мы женщины
раздвигали бы ноги
для каждого кто бы
просто упоминал в разговоре
керосиновые лампы.

если бы мы видели
керосиновую лампу
на помойке
или в безлюдных комнатах
ложились бы на спины
в самых
красивых платьях
и гладили бы себя
до трижды пятнистого
румянца через
лицо и ключицы
потом бы вставали
и шли не отряхиваясь
не поправляя волос
не умывая рук

впрочем мастурбация
на керосиновые лампы
доступна всем
ангелы и мертвые
делают это чаще людей
но ведь бывают и люди
похожие на ангелов
но ведь случается
и человеческое сердце
вмещает в себя оба мира

тащим велосипеды
и плачем
ругаем их курвами
не иначе
мы сыты
по самое горло
такими дурными шутками
зачем мы опять связались
с этими проститутками
мы из-за них упали
и кровоточимся
ей богу на них сейчас
мы помочимся
грохнем камнем пинем
вот вам железные суки
аи gevoig летите в овраг
вы больше нам не подруги

что вы мне скажете анна
с понедельника
подарите мне цаплю-квакву
и веретенника
я отправлю вам по воде
свистунка и ходулочника
будут с вами ходить везде
искать для вас
вкусного трубочника
на почтаamtской
на черноозерской

мы возможно
и с'едем вниз
и снесем дебаркадер
мы возможно
двух дачных девиц
на багажник посадим
на спины
им пристегнем
набитый мятликом ранец
мы возможно
теперь умрем
станцуем танец

огородное		пугало
мы	называем	сашей
кормим	его	яйцом
и	подгоревшей	кашей
чтобы	когда	темно
не	пыталось	нам
зубы		выбить
чтоб	не стучало	в окно
не		просило
пожрать	и	выпить

бутылка и ветер

ищем		ветер
пустой		бутылкой
ловим		угол
она		прикопана
вот		нашли
и		ветер
гудит	на	бутылке
мы		ложимся
на		локти
поем	под	такую
хорошую		музыку
наши		губы
почти		касаются
зеленого		горлышка
от		которого
пахнет		вином
мы	лежим	высоко
наши		кофты
на	круглых	пуговицах
потому		что
пасмурно		ветренно

прилетела		с
желтой		горы

ржавчина		кора
утиные		перья
коричневатые		но
прилетела		с
желтой		горы

мокрый	забор
туалеты	двухвостки
запах	земли
но	сказала
промокла	мы
ответили	да
раздевайся	сядь

есть	в	казани
коричневый		дом
и	коричневый	поезд
жесть	коричневых	крыш
и	коричневый	шкаф
в	нем	висит
коричневый		пояс
есть	коричневая	нога
и	коричневых	пара заколок
есть	коричневая	еда
и	пирог	и компот
и		творог
белый		пух

на		кроватях
л	е	ж и м

лодки	не
надо	плакать
вы	нисколько
не	толстые
вы	совсем
не	приплюснутые
а	очень
хорошие	лодки

водка	и	подушка
-------	---	---------

водка	хороша
в ней	растворена душа
водку	пьют неспеша
от водки	увеличивается душа
а	подушка

желтого цвета
 в ней набита трава
 и газета
 половина наполовину
 подложена анне
 под спину
 чтобы нам
 было удобнее

если посмотреть
 на казань
 с услонской горы
 через полый стебель
 травы angelica
 a r s h a n g e l i c a
 останешься в казани
 навсегда будешь
 жить чудесно
 всякое перемещение
 за линию казань -
 верхний услон
 потеряет смысл
 будет суетой
 милый друг
 если хочешь
 сделай это
 а указанную траву
 найди по
 ботаническому определителю

что любит коростель

водку ветер
 казань кровать
 поле улю
 б е р н х а р д
 в общем то же
 самое что и мы

верхний услон есть
 анна на табурете
 качается на холме

слушает		ветер
разводит		ноги
и		пьет
глядит	в	трубу
и		смеется
если	она	упадет
неприменно		убьется
мы		ее
вылечим		милую

р у т н и
б и е д ě к | и

о г о р о д н ы е
п у г а л а

/перевод с латышского/

казань
1 9 2 6

бархатные пиджаки огородных пугал — перед глазами. фиолетовые улыбки, синие знаки внимания к дачницам. лето кончилось — и все уехали. пугала не приходят в города. вот агата лежала перед пугалом голой — а оно влюбилось и напугало ее до смерти. мокрая глина — коричневые лужи — лошадке наверно холодно. впереди лошадки идет крот. пугала сидят на телеге — двадцать сидят, двадцать первый правит — прокатиться осенью.

1

что ты здесь ищешь? — сказала пугало мальчику. уже нашел. — ответил мальчик и показал крота. — пойдем отпустим его в лес. я должен это обдумать. — пробормотало пугало. думай быстрее и догоняй. — мальчик уже бежал в сторону леса. пугало было не уверено в том, что кроту надо в лес, если его поймали в поле — но все-таки запрыгало вслед за ними. в лесу мальчик поцеловал крота и посадил на листья. крот завертелся и убежал. мальчик пошевелил губами. он как волчок. — сказала пугало из-за его спины.

2

на-ка выпей яблочного вина. — сказал студент пугалу. студент был сильно пьян — он уже выпил всю водку и принялся за вино. пугало не отвечало. ты что не хочешь? — удивился студент. поставил на землю бутылку и пошел сорвать чего-нибудь с грядок. были сумерки — почти ночь. он там все истоптал, сорвал петрушку и морковной ботвы, долго сидел на земле, потерял фуражку. шарил обратную дорогу к скамейке, вернулся в темноте. увидев пугало заругался: ты почему отказался со мной пить? видишь как я один напился! — а ты почему без фуражки? — спросило пугало. — я ее видимо потерял. — ну ладно — давай выпьем твое вино, а потом поищем фуражку. — пугало развеселилось. а вот студент расстроился — стал петь песню про часы и почти что плакать. пугало куда-то исчезло. ты что, в туалет? — закричал студент. на фуражку. — ответило пугало. — десять метров до грядок, а ты запутался. ты любишь девочек? — спросил студент. пугало

захохотало. — а вот я люблю и сейчас пойду купаться — ночью и девчонки купаются иногда. — не утони и не потеряй фуражку снова. — сказала пугало уходящему вниз по холму студенту. на ночную охоту вышел уж. пугало схватило ужа и добавило ему в глаза: он утонет, если залезет в воду, но скорее всего по дороге уснет.

3

дети поют:

пугало		пугало
миленькое		пугало
приходи		приходи
пугало	-	препугало

пугало		пугало
в синей		одежке
мы тебя		поженим
с кругленьким		мышонком

пугало		пугало
упади	на	спину
копай	землю	пугало
нарисуй		картину

4

пугало поет и танцует:

котенька		уехал
в лудзу		жить
паулина		думает
как ей		быть

подарила		пугалу
красные		чулки
и лежит		вздыхает
от		тоски

котенька		стучится
к паулине	в	дом —
паулина	с	пугалом
обнявшись		вдвоем

— ах вот как ах вот как
а я и не знал
— а ты же уехал
и не писал

— ах вот как ах вот как
я привез подарок
стебелек кошачьей дремы
и пятнадцать марок

5

пугало готовит глазурь. для чего? пугало все перепачкано. пугало хочет покрыть ей свою голову и жениться на елене. очень уж ноги у елены полные. когда глазурь готова — пугало черпает, льет на голову и идет к елене. по дороге глазурь сохнет — и пугало довольно. а елены дома нет — наверно осталась в городе. пугало не только покрасило голову, но и приладило к поясу огурец. теперь оно очень расстроено. разбило головой окно, а огурец съело.

6

медведка и пугало — друзья. пугало копает подвал в старом доме, а медведка крутится рядом с ним. осторожнее — попадешь под лопату. — то и дело замечает пугало. они и ночью там возятся. а вдруг мы натолкнемся на скелет? — спрашивает медведка. а вдруг нас кто-нибудь увидит? — спрашивает опять. пугало часто копает землю — роет и роет. медведка садится на кончик лопаты и спит. снег то выпадет то растает. пугало копает и будет копать. когда все застынет — закопает на зиму медведку, но само по-прежнему будет долбить мерзлую землю. когда окончательно ляжет снег — пугало оставит свое занятие до весны или до неожиданной оттепели. каждый видит как пугало роет землю хотя бы раз.

7

художница с глазами дрозда с коричневой кожей ходит по гребню холма, волосы черные по спине, между ног свисают спутанной бородкой, покрыты пылью — она бесстыжая или сумасшедшая. вот она опять идет. оглянись, посмотри на меня. посмотрела! это не сумасшедшая, не человек. это землянуха или ветрачка, а может быть просто мертвая. пугало проснулось. художница ему приснилась. но с чего вы взяли что она художница? — подумало пугало и посмотрело на место, по которому художница только что шла. вместо гребня холма здесь был овраг, начинавшийся от помойки. пугало улыбнулось и окончательно поверило в женщину, в ее коричневый цвет. ведь пугала сами коричневые землекопы — навсегда, хоть и выглядят синими. теперь оно будет meklèt художницу и расскажет о ней медведке. пугало схватило лопату и побежало по полю.

шерстяная змея лежит в траве. пугало наклонилось и смотрит. ее сплели из нитей. длинный язык завязан узелком. кто-то боялся укусов змей и прихотил сюда с заговором. ну теперь-то все змеи спят — и язык этой кукле можно бы развязать. — так решает пугало. развязывает и вешает шерстяную себе на шею. — шерстяная, хочешь колечко? змея шипит. пугало натягивает ей через голову обручальное кольцо. — шерстяная, хочешь играть? змея лезет пугалу в рот — значит хочет. пугало берет змею за хвост, размахивается и забрасывает подальше. бежит к ней, берет опять и бросает в другую сторону. дождь пошел — сначала мелкий, потом сильнее. пугало носится и гремит — бросает свою змею то влево то вправо то вверх.

пики-пики. — пришел зайчонок. что скажешь? — спросило пугало. пики-пики. — зайчонок подпрыгнул. ну ладно — пики так пики. — пугало вздохнуло. пики-пики пики-пики. — зайчонок не унимался. пики-пики пики-пики пики-пики — тебе нравится? — пугало вздохнуло опять. зайчонок еще раз сказал пики-пики, развернулся и медленно пошел от пугала. уши у тебя интересно дрыгаются. — крикнуло пугало вслед.

подержи лестницу, пугало. — попросила юстина. дождалась пока пугало возьмется крепче и полезла на тополь. залезла, а пугало лестницу кладет на землю и не собирается возвращать. ну чего ты хочешь? — спросила юстина. — так и знала что тебе не следует доверять. хочешь чтобы я подняла подол? пугало мотает головой. хочешь чтобы я расстегнула грудь? пугало не хочет — собирает дождевых червей в комок. хочешь чтобы я вся расстегнулась и назвала свои прелести нехорошими словами? — не знаю, не уверен. — отвечает пугало. юстина сбрасывает с себя одежду — осторожно чтобы не упасть — начинает указывать пальцем на свои места и выражаться ужасно. а сзади у тебя что? — спросило пугало. а сзади у меня вот что! — крикнула юстина, развернулась и раздвинула ягодицы рукой. — называется так-то и так. вообще-то я хотел, чтобы ты пообещала мне, что выйдешь замуж за ремигаса, но теперь вижу что такая как ты ремигасу не нужна. — сказала пугало, подняло лежащую лестницу ихватило ее об ствол.

старая юлия умерла. три пугала с лопатами пришли на ее могилу. у одного из них было еще и ведро. быстро набросали в ведро земли и вернулись к дороге. а по дороге на велосипеде ехали брат с сестрой. купите землю. — предложили им пугала. — а если не купите мы ломаем ваш велосипед. а что нам с ней делать? — спросил брат. это уж ваше дело. — отвечали пугала. — можете налепить из нее пирожных. ха-ха-ха. — испуганно засмеялась сестра. — вы с нами шути-

те. давайте деньги иначе пожалеете. — зашумели пугала и замахали лопатами. хватит препираться. — сказал брат и отдал пугалам все деньги какие у него были. пугала сказали: давно бы так. теперь уезжайте от нас, а мы будем за вами гнаться. и не вздумайте бросить ведро. если мы вас догоним — брата уьем, а сестру потискаем. а если уроните ведро — из могилы вылезет старая юлия и присоединится к погоне. имейте ввиду — она бежит очень быстро. ну поехали — считаем до десяти и бежим за вами. молодые люди помчались изо всех сил — брат крутил педали, а сестра держала ведро. пугала понеслись вдогонку, стали орать и кидать в велосипед камнями и лопатами. сестра уронила ведро — и в это время со стороны поля юлия бросилась наперерез. детишки, детишки. — визгливо кричала юлия. — сейчас, сейчас. в два счета оказалась на дороге, но велосипедистов не тронула, а накинулась на пугал. пугала били ее лопатами, а юлия расшвыривала их на части. разломала пугал, догнала ребят и сказала: вот ваши деньги, а девочке от меня подарок — пусть носит. — сняла с себя чепчик и надела на сестру.

12

я не люблю луну. — заявило пугало двум любовникам. оно подошло незаметно. — продолжайте свое дело — а я посмотрю. уйди пугало, как тебе не стыдно. — сказала девочка. ах ты дрянь! — крикнуло пугало. — ну подожди. пугало куда-то умчалось. пугала не было видно в ночной темноте, но хорошо слышалось как оно крутится рядом. а лежащие приросли к траве — никуда не уходят. пугало скоро появилось — все покрытое земляными тварями — двухвостками, ногохвостками, ухвертками, личинками фонариц и мясоедок, светлянками и костянками вцепившимися друг в друга, кистехвостами, мягкотелами, многосвязами, тугими детьми жуков — пугало стало толстым и шевелилось по контуру. я тряхну их на вас — берегите уши. — сказала пугало и открыло рот. изо рта полетели мелкие бабочки, посыпалась земля. давайте давайте. — продолжило пугало. — насладитесь друг другом. пока они наслаждались — пугало нависало над ними, готовое в любой момент тряхнуть своих страшилищ — потом ушло. пугало не любит птиц и ласкается с насекомыми — основным птичьим кормом. со всеми кто копошится в земле.

13

пугало — сват. оно готово сосватать землю за любого мужчину. чтобы стать мужем земли — надо выдернуть пугало, раздеться и полюбить жену-землю в дырку из-под его шеста. надо брызнуть с удовольствием. дырку потом прикрыть, а место запомнить. пугало поставить поблизости. жена мужа будет любить. муж земли не должен никому признаваться в том что он сделал. только пугало будет знать о случившемся — свадьбе. если тот мужчина женится на женщине — пусть вывалит на нее голую ведро земли. первая жена останется первой. нельзя уйти.

14

пугало в ночнушке
залезло в погреб и поет:

я в ночной рубашке
пугало пугало
пью вино из чашки
пугало пугало

ничего здесь нету
пугало пугало
я почти раздето
пугало пугало

15

двухвостки с пауками поют:

и шинель и кофту
мы тебе подарим
только ты люби нас
наш любимый барин

только ты не пьянствуй
и чертей не радуй
от дождя и ветра
только ты не падай

16

пугало тащит шкаф, а сил не хватает. шкаф кто-то выбросил. бабочки летают, смотрят. тысяченожки бегут — не знают как помочь. многоножки-твердули пробуют подлезть под шкаф, но тут же отскакивают — ведь раздавит. мокрицы охают. кобылки прыгают через шкаф — глядят далеко ли еще тащить. жуки рядом. горбатки обиделись. пугало упирается и падает — а шкаф сверху. вот и все. кто теперь пугало из-под шкафа вытащит? анна вытащит — если придет — если кобылки за нею сходят — если захочет прийти.

17

— анна анна анна
знаешь что случилось?
пугало - препугало
шкафом придавилось

— сердце мое анна
вот как получилось
для тебя тот шкаф нес
чтоб ты удивилась

— пугало цветочек
ты б не торопилось
и без злого шкафа
я в тебя влюбилась

— миленькая анна
этот шкаф хороший
будем жить в нем анна
или наша лошадь

— пугало гусенок
как хочешь так будет
хоть в шкафу хоть в яме
хоть в риге хоть в лудзе

18

полевая гвоздика сказала пугалу: будет туман. пугало забеспокоилось — ведь в тумане здесь появляется летающий сом. огромный-огромный — он подлетает и мажет слизью и людей и пугал. может застрять в кустах и громко чавкать пока не высвободится. его все пугала знают — и с началом тумана хватают кто палку, кто грабли, кто лопату. но все равно — многие будут обмазаны рыбьей мерзостью — а сом лишь несколько раз получит по голове и особенно не расстроится. дневной туман еще куда ни шло, а если ночью — сом вынырнет из него прямо перед глазами — тут даже не размахнешься. сом молчит и пахнет илистым дном далеко вокруг. он где-то близко — но где: вот и все что можно знать. туман рассеивается — и сом прячется в неизвестной воде. может быть он из лиелупе прилетает — а это совсем далеко. пугало предупрежденное гвоздикой решило не ждать встречи с сомом, а спряталось в туалете. опустился туман. запахло рыбой. то там то здесь застучали вооруженные пугала и заплывались от отвращения. что-то торкнулось в туалет и стало касаться его со всех сторон. я не выйду — шепнуло пугало — нет.

19

эй доктор. — кричит пугало. — прими роды у моей жены. какие еще роды, какая у тебя жена? — доктор изумлен. моя жена — марта. и вечером мы к тебе придем — вымой руки и жди. ну хорошо. — доктор ушел, оглядываясь. пугало с мартой пришли. марта сама оказалась пугалом — но ведь известно что женщин-пугал нет. голова у марты была сгнившим вилок капусты, тот же шест с привязанным к нему животом-подушкой — вот и вся марта — ни одежды ни рук. она голая. — объяснило

пугало. — давай вынимай ребенка. марта охнула и легла на стол. режь живот. — приказало пугало. доктор разрезал. теперь доставай ребенка. доктор погрузил обе руки в пух и стал искать, но как будто ничего не находил. где ребенок? где он? — волновалось пугало. пугало, здесь только пух. — доктор растерян. марта, ты что меня обманула? обманула чтобы женить на себе? — закричало пугало глядя в две вмятины на вилке — ее глаза. я тебя люблю. — прошептала марта. — я сейчас умру — пусть доктор скорей зашивает. ну и умирай! — пугало застучало по полу. — умирай — я уйду. убирайся отсюда, свинья. — заорал на пугало доктор и принялся быстро шить. а когда закончил — пугала в доме не было. марта, это он тебя сделал? — доктор присел. он, он. — марта заплакала. — он сам не знает чего хочет — таскает меня везде. оставайся со мной. — предложил доктор. — я дам тебе платье жены, а подушку выброшу. у меня болит голова. — пожаловалась марта. ах да — голова — срежем голову получше — а если надо детей то они у меня есть и скоро придут из города.

20

ярко светило солнце. шла мама с беленькой дочкой. пугало им говорит: поймите-ка мне бронзовку. а девочка такого жука как раз несла в кулаке. вот тебе бронзовка, пугало. — засмеялась она. ой ой — как быстро — вы даже не побегали. — пугало обиделось, бронзовку запихало себе в рот и пошло по дороге завалившись на одну сторону. иди успокой пугало. — сказала мама. — спроси может быть он еще чего-нибудь хочет. девочка догнала пугало, стала о чем-то с ним говорить, показывать на маму, смеяться. пугало вдруг наклонилось, девочка влезла ему на плечи — и пугало побегало. а мама в страхе за ними. а пугало с девочкой стало бежать быстрее и прыгать очень высоко, и кружиться на месте, и кувыряться в воздухе. девочка визжала, но кажется была довольна. мама несколько раз упала пока носилась за ними. но все-таки догнала. я пожалуюсь мужу, пугало. — сказала женщина. — снимай девочку. поймай бронзовку. — ответило пугало. мама забегала по траве, а пугало снова закружилось с девочкой. пугало чем-то щелкнуло — и бронзовки попрятались. щелкнуло еще раз — и одна бронзовка уселась у мамы на голове. мама ее не чувствует, а ищет, ищет, грозит своим мужем. а пугало с девочкой кружатся.

21

слух у пугала так хорош, что все голоса земли и многие из небесных ему доступны. и само пугало может издать любой звук. проходя мимо пугала если свистнуть — пугало свистнет в ответ. ящерица в чине или мышь под корнями подмаренника или рвущая повейку майя — пугало слышит радуется: утро — это ты.

22

пугало отрыло человеческие останки и решило разыграть кого-нибудь. залезло в дом с телефоном, позвонило в полицию и сказала, что илона убила своего дедушку — юстаса. а кто говорит? — спросили в трубку. говорит вдова. — пугало всхлипнуло. там ответили: мы приедем, но не очень скоро — из города долго ехать. пугало притатило остан-

ки к дому илоны, спряталось за яблоней и стало ждать. полиция приехала, илона с дедушкой открыли им дверь, полицейские показали на останки и спросили — это что за безобразие? кто звонил? пугало подошло и сказала, что это была его шутка. дурачина. — заругались все. а вы кирпичи в мундирах. — сказала пугало полицейским. а ты костыль. — сказала дедушке юстасу. а ты проститутка. — сказала илоне.

23

девочки стоят
у куста и поют:

чьи же это слюнки
на веточках ивы?
в дерево плевать
очень некрасиво

пугало скажи нам
кто же это плюнул
может быть зайчата
или сыч угрюмый?

24

пугало поет о личинке
пенной слюнявницы:

дурочки вы дуры
илзе и маринка —
нежная слепая
там внутри личинка

глупые девчонки
юлите и велта —
чтобы не засохнуть
в пузыри одета

аличка и трине
майга и аныня —
обещайте слюнки
не сбивать отныне

пусть сидит малютка
до начала лета
в пенистое платье
с курточкой одета

мая в очках загорает, читает книгу.
пугало с фотоаппаратом спускается
по холму и громко поет:

мая нацепила
круглые очки
титьки не прикрыла
пиле-пиле
пиле-пиль
уточка моя

мы к тебе идем
помаши нам мая
мы тебя порвем
пиле-пиле
пиле-пиль
уточка моя

ты куда бежишь
подожди нас мая
покажи-ка мышь
пиле-пиле
пиле-пиль
уточка моя

голая мая в очках бежит
от пугала к реке и поет:

пугало - улитка
по горе ползет
пугало - улитку
девушка не ждет

пиджака и шляпы
нет у слизнячка
но зато он весело
корчит дурачка

златоглазка
златоглазка
и пестрянка

златоглазка
златоглазка
и пестрянка

есть пиджак у пугала
шляпа и ремень
с синей папирсой
ползает весь день

девушка отдастся
лучше слизнячку
а потом уж с пугалом
выпьет коньячку

златоглазка
златоглазка
и пестрянка

златоглазка
златоглазка
и пестрянка

27

пугало не отстает,
размахивает фотоаппаратом:

— майя недотрога
я к тебе иду
спереди и сзади
дай тебя сниму

их тебе я почтой
осенью пришлю
очень твои титьки
острые люблю

с колесом и с лампой
и с пучком травы
двадцать фотографий
все получишь ты

и очки и задик
и овес меж ног
ты моя невеста
майя без чулок

28

майя забегает в реку. пугало остается ждать.
майя плавает вдоль берега на спине и поет:

— не хочу сниматься
ты мне не жених
мне пучков не надо
и колес твоих

я тебе отдамся
я тебя лизну
ты сказал красиво
про мою

29

майя выходит из воды очень ласковая, стряхивает капли с любимого места. пугало стаски-
вает пиджак и остается голым. майя лижет пугало в глаз. они целуются и поют вместе:

это ведь любовь
это милые касанья
это красота

не снимай очки
ты в них самая родная
самая моя

пиле пиле
пиль пиль пиль

пиле пиле
пиль пиль пиль

светлячок	мой			светлячок	мой
пиль	пиль	пиль		пиль	пиль
уточка	моя			уточка	моя
укуси		меня		пугало	молчи
укуси	меня	несильно		сладко	пахнет
а	теперь	и	я	я	люблю
					тебя
пиле	пиле			пиле	пиле
пиль	пиль	пиль		пиль	пиль
светлячок	мой			светлячок	мой
пиль	пиль	пиль		пиль	пиль
уточка	моя			уточка	моя

пугало с бритвой в руке решительно движется к яде. ядя подвязывает цветы. ядя совсем девочка, толстенькая, желтенькая, кудрявая. видит пугало и убегает в дом, думая что пугало хочет ее убить. выглядывает из окна второго этажа, пугало задирает голову: ядя открой — я хочу постричь твою мушу. с чего ты взял, пугало, что я нуждаюсь в твоих услугах? — веселится ядя. — я и так красиво пострижена. поговорим о ней. — предлагает пугало. — а там посмотрим. поговорить-то поговорим. — ядя укладывает руки на подоконник и ложится на них щекой. как у тебя там? — начинает пугало. очень коротко. — отвечает ядя. не верю. — пугало мотает головой. — ты любишь красивые волосы и наверно совсем не стрижешься — только моешь утром и вечером. смотри-ка ты! — ядя закрыла глаза. — ну продолжай. я уверен, что она красавица — и немножко вьется по ногам — она у тебя пшеничка. ядя ласково щурится. в середине особенно густо — такой овал, ну-ка я сейчас нарисую. — пугало подбирает щепку и старательно рисует на прибитом песке как по его мнению выглядит ядя. ты немножко не прав. — улыбается ядя. — подожди, а теперь я. — приносит листок бумаги, рисует и сбрасывает его вниз. пугало поднимает. ядя — ну что за глупые придирки — ведь в точности как у меня. — пугало кладет ядин листок рядом со своим рисунком. — а вот какая ты сбоку. — пугало рисует фигуру яди целиком. — а ты говоришь — коротко — да она выступает на пол-ладони! — ай-ай. ядя снимает одну руку с окна и по-особенному смотрит. — пугало, как ты думаешь что я теперь вынуждена сделать? ой нет, мне лучше пойти и лечь на кровать. а руки ты вымыла? — произносит пугало мрачно. — давай я на тебя посмотрю. нет, пугало, не сейчас. спасибо милое пугало — уйди. когда я стану выходить замуж — обязательно позову тебя с бритвой — даже в невестину баню тебя позову — ты помоешь и сделаешь полосочку. что ты думаешь о полосочке? — и ядя скрылась. именно ее я и хотел с тобой обсудить. — пугало сложило бритву. — толкай толкай немые пальцы — попадешь в полированный гроб, а не в баню и к жениху.

солдат в светлой шапке рассматривает пчелу. пчела сидит на его руке. укусит. — предупреждает пугало и пытается сбить. а-а! — кричит солдат вскакивая на ноги — пчела его укусила. кто тебя просил лезть? — говорит пугалу и заряжает винтовку. я пожалуйсь твоему командиру, если ты выстрелишь. — пугало пятится. солдат стреляет, пугало подпрыгивает и переламывается пополам. когда солдат возвратился в часть, командир его вызвал и строго сказал: ты развалил пугало с поля моих родителей? я отправлю тебя на фронт. это пугало — любовник моей жены — я сам собирался его шлепнуть, но сначала хотел накрыть их в постели и развестись — ты разрушил мои планы. ай да пугало. — солдат фыркнул. — будет жаль если на фронте меня убьют. — козырнул и вышел из комнаты. хороший солдат. — подумал командир, глядя на улицу. — а мария путается с пугалами. они имеют ее со всех сторон.

ветер волнами гладит траву.

— пугало-препугало
аничка болеет
кто ее без пугала
вылечить сумеет?

— пугало-препугало
а зачем фонарик?
аничке бы масло
и стеклянный шарик

— я бегу бегу
пугало пугало
я ежа несу
пугало пугало

— я бегу бегу
пугало пугало
я камыш несу
пугало пугало

— пугало-препугало
ей не нужен ежик
ей нужны лекарство
молоко и коржик

— пугало-препугало
аничка не дышит
на подушке у нее
плачут восемь мышек

— я бегу бегу
пугало пугало
я фонарь несу
пугало пугало

— я бегу бегу
пугало пугало
кисточку несу
пугало пугало

пугало прибегает, бросается к анне, рисует ей прямо на лбу зеленого ежика. анна открывает глаза. улыбается пугалу. протягивает пугалу руки. пугало рисует по ежику на каждой руке, кладет свою голову на ее живот, сильно плачет, анна пугало гладит, теперь она не умрет.

— пугало-препугало
ты не опоздало
я уже записку
эту написала

чтоб камыш поставил
в синюю бутылку
чтоб приставил губы
к моему затылку

написала чтобы
ты зажег фонарик
чтоб отрезал с платья
пуговицу - шарик

чтоб себе оставил
ты мою подушку
чтоб назвал ты анной
добрую зверушку

пугало целует анну через одеяло. мыши садятся ему на плечи.

сусличек мой серый
сусличек мой рыжий
на пустых дорогах
очень много жижи

я вот вот пропал бы
вот вот опоздал бы
на клавир немецкий
головой упал бы

хлюпают колеса
рвется перевязка
на пушистой кисти
высыхает краска

я бы твои щечки
миленькие тискал
и читал с мышами
ту твою записку

день рождения пугала

я ползу
в дом из бани
я умру
на поляне
сколько же нас красивых
сколько же нас счастливых

открывайся
сестрица
мы должны
торопиться
не говори что ищешь
спрячемся от деревьев

з а х в а т и
 з а ж и г а л к у
 мы пойдём
 на рыбалку
 выйдем в ночное поле
 сядем вдвоем на стулья

не кидай
 сахар ямам
 не держи
 по карманам
 хлеб и цветные нитки
 зеркало и монеты

мы наступим
 на пятна
 и вернемся
 о б р а т н о
 свалимся на кровати
 в обуви и в одежде

36

илга собирается брить подмышки, а пугало бегаёт вокруг её дома, стучит во все окна и кричит, чтобы она этого не делала. какое тебе дело до моих подмышек? — отзывается илга — стаскивает рубашку и начинает намазывать. ты дура, ты дура, ты губишь красоту. — пугало в отчаянии. — когда теперь они снова так зарастут? тебе-то что — и вообще ты их разве видел? — илга макает в таз бритву. видел сто раз — окон у тебя много. — пугало стучит и стучит. вот как — а что же ещё ты видел, свинья? — илга убирает волосы очень быстро. за окнами — тишина. не надев рубашки илга подходит к окну посмотреть куда делось пугало. а пугало сидит под вишней и водит пилой по шее — пилит и пилит — грохнулась голова. свинья и болван. — произносит илга. — будешь теперь пониже и в окна мои увидишь один потолок.

37

пугало и медведка сварили суп — вместе кушают. медведка ест аккуратно, а пугало проливает половину через затылок — и по шесту течёт суп и рубаха вся в картофеле. после того как суп съеден медведка садится в кастрюлю, а пугало закрывает крышкой. медведка, ты сейчас станешь уткой. — объявляет пугало. давай попробуй. — голос медведки еле слышно. пугало поворачивает кастрюлю в ту и в другую сторону, открывает — утка перепачканная остатками супа потряхивает головой. пугало её достаёт, осторожно трогает клюв. утка не птица. — говорит пугало. — утка — бог. долго любитесь уткой, медведка ждёт.

— не хлещи меня дурак
веткой длинной
я не ем твоих мышей
я катрина

для чего исколотил
ты бедняжку
посмотри что у меня
под рубашкой

— кате милая моя
д о р о г а я
как тебя я не узнал
сам не знаю

покупал тебе зонты
о б о д о ч к и
целовал твои чулки
и сосочки

— ты злодей а я
г л у п ы ш к а - д е в и ц а
отказала жениху
из столицы

позволяла себя
трогать и гладить
я все видела что ты
делал с ядей

— ах лягушечка моя
ну не сетуй
лучше сделайся опять
н е о д е т о й

ляжем ляжем
на бутоны волошек
на мыльнянку
и мышиный горошек

говорить о кладе, о старых сапогах. пить с пугалами кофе на осеннем снегу. жены уехали, кроты уснули, пугала вмерзли в землю. роди дочку, пугало. — попросили и ушли по глубоким следам от своих ботинок.

огородные пугала

пугало и мальчик
пугало и студент
пугало и дети

пугало и утро
пугало и мертвец
пугало и девочки

пугало и паулина
пугало и глазурь
пугало и медведка
пугало и художница
пугало и шерстяная змея
пугало и зайчонок
пугало и юстина
пугало и велосипедисты
пугало и любовники
пугало и свадьба
пугало и погреб
пугало и двухвостки
пугало и шкаф
пугало и анна
пугало и доктор
пугало и сом
пугало и бронзовки

пугало и слюнявница
пугало и майя
пугало и слизнячок
пугало и фотоаппарат
пугало и берег
пугало и встреча
пугало и бритва
пугало и солдат
пугало и зеленый ежик
пугало и записка
пугало и дорога
пугало и праздник
пугало и илга
пугало и утка
пугало и учительница
пугало и кукольники
пугало и кошечка

putnu biedēkļi

утка на барабане

свадебная
колыбельная
исполняется
на русском и
чувашском
языках

у оврага

март
апрель
2009

1

крылья утки на барабане ходят под мартовским пальто как лопатки. потому что маленькие. и пальцы тонкие — как стержни для авторучек. оказывается такие бывают. сейчас крылья спят. пальцы тоже. мы едем в автобусе из поселка староуткинского в поселок селезни. с урала — на смоленско-псковское поозерье. с реки чусовой — на западную двину. первым же вечером по приезде в селезни мы попросим у полярной звезды — дарительницы домов и браков — разрешения пожениться. автобус плавный — почти что пустой. двадцать девятое марта в окнах. мы едем уже второй день. утке на барабане тепло. и мне. утка все это время спит на соседнем кресле. утка спит — а я глажу ее по голове и представляю себе обручальное кольцо на ее безымянном паль-

це. ну и ну! да оно будет диаметром в глаз утенка! других улыбок и мыслей нет. улыбаться улыбаться этому как можно дольше! спящую руку держать держать.

2

утка на барабане как словарь областных гидронимов — такая же небольшая, такая же бесценная. она писала в феврале: 'послушай. крутится колесико в груди. послушай! не случайно ведь глаза похожи? не случайно плохо без тебя?' я отвечал ей: 'надо здороваться с реками! всегда — и со всеми. жить значительно легче тогда. видишь реку — сразу же с ней поздоровайся. если встречаешь одну и ту же в течение дня — все равно здоровайся каждый раз. увидишь как все улучшится.' с уткой на барабане мы полюбили друг друга сразу же.

3

мы поменялись глазами в конце зимы. глаза у нас и правда почти одинаковые. зеленые с коричневым — живые речные камни. мы обитаем у разных рек — поэтому и решили что глазами поменяться нужно. мы с уткой на барабане могли бы быть новой рекой. мы оба этого очень хотим. и то ненаглядное — которое представляю — крошечное утино кольцо осторожно кручу теперь в обе стороны своими (уткиными-на-барабане) глазами. люблюсь им и целуюсь с ним. утка на барабане от этого мягче дышит — спокойнее спит. сывәр — ман лайӑх ман хитре ман савнине. спи — моя хорошая красивая любимая. утка на барабане наполовину чувашка. ан васка вилӗм патне. не торопись к смерти.

4

утка на барабане не знает что такое мухмурла яшки — похмельный чувашский суп. утка на барабане зовет меня воздухом: ты — воздух. ты — мой родной. во время всего вороньего марта, который почти что ушел уже — мы останавливали милицию и спрашивали: можно нам пожениться? почему мы отдельно? ну как же так? они отдавали нам честь и отвечали: не жалуйтесь — мы за вас. мы в ответ хлюпали: ох — спасибо. миленькие милиционеры! — свадебные кузнецы! скуйте нам обручальные кольца. свадебные генералы наши — решительные, важные! пожалуйста арестуйте на улице утку на барабане — на другой улице схватите меня — и поставьте нас друг перед другом своей крепкой волей. и кольца наденьте сердито на пальцы нам. и пригрозите расправой — если надумаем сделать хоть шаг друг от друга. с уткой на барабане мы навязчиво и пытливо заглядывали всем милиционерам в лица.

5

они и направили нас напрямую к полярной звезде. без ее утверждения — сказали — с кольцами для вас ничего не выйдет. езжайте к ней из староуткинского в селезни — так как вы граждане россии. соискателям свадеб ей у нас задан именно этот путь. по до-

роге будьте предельно красивы — делайте лучшее на что способны. если полярная на вас согласится — сбросит вам свадебный уток — набитый вашими будущими адресами, будущими детьми. уток — деревянная штука от ткацкого стана, похожая на утку, с катушкой внутри — ткущий перебрасывает ее из руки в руку и прибавляет полотно бердом. на свадебном утке — разноцветные шерстяные нити. получите уток — будете вместе. и разревется и затрясется от радости за вас вся милиция нашего государства — и граничащих с ним государств. а по-другому не женятся. разве вы не знали?

6

утка на барабане — утка как утка, только в пальто. и с платком на шее. еще в черной юбке. без шапки. в теплых бордовых колготках и человеческой обуви. улыбается — и все время спешит. надвигается на меня — смеется — и голову набок чуть. я ее ждал — а она летела навстречу — через трамвайную петлю, полную людей. извиняюще ухмылялась — потому что опаздывала. хрупкая хрупкая теплая теплая! — потому что утка. мы знаем что мы родные. на барабане — потому что насквозь беспокойная, потому что одна: прыгает, вьется, кружится, даже арбуз и тот ест на лету — и барабан гукает. отобрать бы его и зашвырнуть с моста — да смешно уж очень. утка на барабане — тайное имя. я его дал — а она согласна. утка на барабане — значит невеста. утка моя — означает жена. мы подумали и решили: когда поедем — утка на барабане будет все время спать. а я — здороваться со всеми реками выбегающими нам навстречу. и гладить спящую.

7

утка на барабане не цапля — но ловит лягушек. смотри! — я грозился. — буду звать тебя цаплей. какая ж я цапля? — возмущалась она. — разве я хищная? — разве у меня безжалостный острый клюв? — и лягушек ведь я не ем — люблю только! я соглашался — и целовал ее в губы. а она тут же вытаскивала из кармана улыбчивую кругленькую лягушку на нитке — и дарила мне. учила как наматывать нить на лягушиный живот, а конец себе на палец — и дергать так чтоб лягушка подпрыгивала от ладони к земле, от земли к ладони. я пробовал — получалось. так мы и гуляли втроем. по набережным по лестницам по площадям. лягушка верещала, хоть и была из дерева — а мы с уткой на барабане останавливались то и дело чтобы дернуть друг друга за волосы и обняться.

8

утка на барабане! неделю назад в моем городе у моей реки я не мог накачать велосипедные колеса. суббота — выходной день — скоро апрель — и земля просохла — конечно пора начинать кататься! но велосипед не слушался меня. предметы ломаются в моих руках. полярная звезда на меня разгневана. я полтора часа просидел перед ним с насосом — и плакал — и ругал его — и целовал его — все напрасно: фиолетовый велосипед — купленный три года назад к ликованию — не хотел моих рук — у меня не получалось — вся моя сила уходила куда-то

мимо. лишь к исходу второго часа — когда я смотрел уже на себя в мокром ужасе — он вдруг поддался — и колеса приняли воздух. я умылся. вышел на улицу. то шапкой то рукавами вытирал глаза. ветер дул резкий сильный. катался катался — а потом грохнулся. из всего что я могу делать — самое главное и постоянное лишь умение здороваться с реками. и вся надежда моя теперь только на то.

9

утка на барабане плакала. лежала со мной — подставляла живот. я касался ее — я гладил. мы представляли себе наш дом. я целовал ее. я на нее ложился. утка на барабане взбиралась на меня. мы — бедняжки. как хорошо что мы обратились в милицию! сами никак не могли догадаться — что сделать все-таки для того чтобы сложиться в реку — в одну нашу реку. утка думала думала — и придумала что в пути будет спать. это очень хорошо и красиво. я перенесу ее с автобуса на автобус — когда понадобится. прямых ведь не будет. мы очень обрадовались что определились с тем что будем делать в пути. и вот мы едем.

10

спи — утка. я гулял один по последнему льду и спрашивал у рыбаков что они думают об утке на барабане. не провались смотри. — отвечали они. — утка на барабане славная. потеряешь ее — приходи тогда и проваливайся. на льду было много ворон. я им поклонился — собрался было сказать об утке. они посмотрели насмешливо и взлетели: разве не они самые первые увидели всё и узнали про нас? — в начале вороньего времени — на стыке зимы и весны. я сходил со льда — и сажился в трамвай. молча покупал билет у кондуктора и понимал что на самом деле рассказываю ему о нас с уткой на барабане! — всё-пре-всё! ты — в словах моих и в моем движении. все что я говорю — тайная речь о тебе. все что я делаю — тайное тебя касание. утка на барабане моя! утка утка! мне страшно что эта песня — все что могу я сделать для нас. сделать из нас. о боги! здороваюсь здороваюсь с реками!

11

эта утиность — живущая в мире! как оставить ее у себя? — как не обидеть? утиные гнезда — утиные глаза — утиные касания. я хочу быть с тобой, утка на барабане! дарить тебе кофты и свитера. готовить тебе тунцов. дышать глубоко — нырять и выныривать — вместе. улыбаться и кланяться полярной звезде. в воду входить бесстрашно — и барабанить если захотим. утиные долгие долгие дни — крепкие как ставни утиные ночи. короткие как выстрелы — если мы отдельно. я знаю что любишь. ты сейчас спи. ты не оставь нас, утиность, ты пожалуйста только на нас не обидься.

12

спи спи — моя пестрая теплая утка на барабане! ан васка варанма. не торопись проспать. писала: 'тянет спину, живот. тошнит. стояла с утра на улице как покосивша-

яся жердина. не могу ходить. и звонить не могу пока тоже. поцелуй пожалуйста. только не звони! тошнит что не рядом. пропала!' я отвечал: 'постригся. и выгляжу как суданский влюбленный принц! — бритый и желтый. я скоро к тебе приеду. с утинными лапками из латуни и черно-белой эмали на зеленом шнуре на запястье. с белой подушкой набитой октябрьской лиственницей. с куклой-зернушкой с желтыми волосами. с двумя сероватыми утками нарисованными на зеленом камне.' не окажись только формулой. наилучшей формулой — самой родной. будут селезни будут утки на апрельской-мартовской западной двине. а нас так и не будет? и кольца утку-глазого — тоже? здравствуй кама. здравствуй вала. здравствуй вятка. здравствуй мёша. здравствуй большая кокшага. здравствуй волга. здравствуй сундырь. здравствуй юнга. здравствуй сура. спи утка спи — спи любимая. эти потоки — уже москва.

13

ты невеста. буду петь нам утиные песни. тихо. удивительно — но родной город утки на барабане совсем рядом со староуткинском, откуда мы поехали. я туда приезжал один раз. утка на барабане давно здесь не плавает. а я приезжал на полдня — чтобы ходить по утиным углам. сидеть на ее качелях. на бельевых веревках в ее дворах играть эти песни — те что нашел и те что придумал. я не купался тогда в чусовой как это делала маленькая утка на барабане — было холодно и чусовая даже не вздулась. чтобы на главной почте города написать и отправить для утки письмо в полстраницы. чтобы прийти к ее окнам и высмотреть за занавесками утиных родителей. чтобы пройти в подъезд — поцеловать эту дверь — и шепнуть в замочную скважину: парাপпан синче кавакал — эпё пит сана юрататәп! я люблю тебя очень — утка на барабане! поужинать в кафетерии — и пойти на станцию.

14

здравствуй яуза — раннее утро. спящая утка на барабане теперь угнездилась здесь. мы плавно прокатимся под ее окнами. не просыпайся — я глажу тебя — я рядом. я живу на востоке — и мои реки вчера мы уже проехали. я сам сейчас как река — я теку глазами. высматриваю реки — над ними дым. здороваюсь с ними со всего сердца. ухаюсь в них и бухаюсь. утка кажется видит тревожные сны. она даже вскрикивает. что же это такое? кутаю ее речными глазами, речными ладонями — голову и крылья. я не хочу ее разбудить. полярная! подари нас друг другу! о полярная! разреши нам наш дом! мама. мы не плохие. соедини нас. ведь можно? здравствуй москва. здравствуй алёшня. здравствуй гжать. здравствуй жижала. здравствуй вязьма. здравствуй вопь. здравствуй днепр. и на нем — белый белый — наилучший — в дожде — смоленск. здесь у нас последняя пересадка.

15

утка, для чего нам эти тревожности? радостные и безрадостные тревожности и плачи. куда мы едем? зачем? ты веришь в полярную звезду? я очень. я верю в уток. верю в староуткинск. верю в селезни. я верю во все реки — да. верю в уток

от ткацкого стана — в то что это очень хороший предмет, и может быть свадебным. я верю конечно же в наше путешествие. но кажется не до конца. и если полярная нас не примет — я все равно на тебе женюсь. полярная! ты смеешься? хотела услышать как я хвалюсь — так слышь. хотела увидеть как плачу — любуйся.

16

так страшно когда не можешь дозвониться. набираешь набираешь — а там пустота. ходишь ходишь.. возьми трубку, утка.

17

на скамейке на автовокзале в смоленске сижу — а утка на барабане спит у меня на коленях. 'лаз' на селезни подадут через четыре часа. я вытащил из сумки и надел зеленые очки — тоже подарок утки на барабане. мне нравится как мы выглядим. прохаживаются патрули — и кажется нами любят. так и есть — смоленские милиционеры краешками глаз приветствуют нас. полярная звезда нас видит — а мы ее пока еще нет — небо серое, светлое. я люблю тебя, утка на барабане. я очень тебя люблю.

18

здравствуй западная двина. просыпайся, утка. вставай на ноги с моих рук. сумки — твоя и моя — на мокрой темной земле. мы на берегу. сумерки. звезд не видно — потому что над нами предпоследние в этом году снеговые тучи. полярная! покажись. подари нам свадебный уток и обручальные кольца! будем стоять и ждать.

п а р а п п а н
щ и н ч е
к а в а к а л

пуш уйăхĕ
ака уйăхĕ
2009

л е д я н к а

зима
2008

LL

1

красные автобусы
зеленые мечети.
это ты моя казань
лучшая на свете.
в середине декабря
в темень-спозаранку
я приехал чтоб забрать
синюю ледянку.

2

в этот день
с глубокой ночи
с минаретов пели.
я о празднике забыл —
верил и не верил.
но качался город весь
угощал молился.
я живу теперь не здесь —
как могло случиться?

3

но из этих улиц свитер
мне особо в пору.
от вокзала я пошел

до почтамта в гору.
тихий шаг — сердечный бег.
вправо — прямо — влево.
падал самый крупный снег
и светлело небо.

4

сыпал нежностью аллах
из небесной лейки.
магазины на замках.
на горе скамейки.
убедился что вы есть.
но сидеть не стану.
если мне на вас присесть
то боюсь не встану.

5

ну пока! ну я пошел
к цирку понемногу.
ну трамвай — как хорошо
что не едешь долго!
ты попал в чудесный плен?
ты летаешь в паре?
если не придешь совсем
буду благодарен.

6

буду я тебя не-ждать
с дамбы-парапета.
мне так нравится держать
в пальцах сигарету.
чувствовать что нету сил
чиркнуть зажигалкой.
вот опять азан поплыл.
вот трамвай мой — жалко!

7

мне кондуктор говорит:
вы чего — из бани?
сердце крутится. молчит
телефон в кармане.

сотни красных телеграмм
ищут меня будто.
да еще курбан-байрам.
да и время — утро.

8

уезжаю в двадцать сорок —
сказано в билете.
но коньяк, овец и творог
продают в аптеке.
вот милиция с ведром
в нем — вино 'тамянка'.
это вот мой прежний дом.
а внутри — ледянка.

9

на полу — летучая
красная тарелка.
полки не откручены.
по углам побелка.
не разулся — не устал —
даже не закрылся.
из-за шкафа я достал
ту за кем явился.

10

с подоконника забрал
грустную лягушку.
в сумку красную втолкал
круглую подушку.
так смотрели говоря
чтобы мы их взяли!..
я на улице. с тремя
зимними друзьями.

11

бог мой снег! куда идти
нам составом этим?
бог мой ветер! на пути
что сегодня встретим?
воздух воздух — что с тобой?

почему? — не знаю —
ты становишься тугой
а зима — цветная?

12

виноградные вот-вот
распахнутся двери?
и подушка повезет
с берега на берег?
а лягушка полетит
на балкон к невесте?
а ледянка заскрипит
котորские песни?

13

пребываем на снегу.
— что нам остается?
мы купили коньяку —
только он не пьется.
проливаю на следы
радости и чуда.
кажется.. — ведь это ты
дышишь отовсюду?

14

ты — любовь? к твоим дарам
прикоснусь надолго?
притащились в парк —
а там не мигает елка.
наилучший снег любви
оттепель не сгубит!
слышишь елка? ну мигни
если так и будет..

15

красные автобусы.
красные трамваи.
пахнут чьи-то волосы.
я не понимаю.
и лягушка-китаянка
знает о немногом.

и подушка на ледянке
сделалась сугробом.

16

я купил себе воды —
забываю сдачу.
я в подземном переходе
почему-то плачу.
люблю коньяк — и воду пью.
трогаю витрины.
вечереет. я жую
в незнакомой 'блинной'.

17

поцелованы с утра
городской любовью
мы шагаем по мостам
и такси не ловим.
нежный холод и азан
трогают за плечи.
только где ее глаза?
адрес дверь и встреча?

18

за вокзалом мы молчим
между берегами.
я хотел бы быть твоим
и не на бумаге.
запах куртки запах рук —
снись почаще — можно?
привокзальный виадук
скользящий и тревожный.

19

20.40 — отъезжаю.
праздничной казани
в дыме тамбура читаю
вслух 'этериани'.
красно-синее стекло
улицы размыло.
что со мной произошло?
что сегодня было?

'я возьму лопату заступ
 щебень вымету с дороги
 путь твой мрамором одену
 праха не коснутся ноги
 из прозрачных самоцветов
 возведу тебе чертоги
 там цветистыми коврами
 застелю я все пороги

вставляю струганные доски
 меж узорных гладких плит
 свод чинаров перед замком
 в небо вскину я как щит
 обтяну его я шелком
 пусть и солнце не палит
 обовью цветами землю
 пусть и ветер не пылит.'

в городе живу другом —
 горьковатом славном.

пусть не кажется что я
 умолчал о главном.

пусть не сбудется мечта —
 отойдет к рябине —

что сидела что была
 на ледянке синей.

*котор — город в черномории
 на адриатическом море*

*этериани — грузинская народная
 поэма — перевод а. кочеткова*

наркоматы

Вятка
1918

наркомвнудел
наркомнац
наркомпусть
наркомздрав
наркомзем
наркомфин
наркомпочтель
наркомвоен
наркомконтроль
наркоминдел
наркоммордел
наркомтруд
наркомюст
наркомторг
наркомпрод
наркомсобес
наркомпрос
в с н х

наркомвнудел

народный комиссариат внутренних дел — тихая спальня: в коридорах стоят раскладушки — в кабинетах на полу матрацы — плетеные кресла, многие из которых сломаны; все спят — а двери на улицу скрипя навешают сон. заходите — всем хватит места — только не надо шуметь и жаловаться на судьбу. в самой дальней комнате можно позвонить по телефону и приготовить чай, на балконе можно курить, хотя все обычно делают это лежа — где кто улегся. всё в наркомате ломано-переломано, чинено-недочинено. но как приятно. лежать и слушать как

по стеклам и лужам барабанит дождь. можно хоть догола раздеться. все устали — и приходят сюда отдохнуть. можно искать глазами знакомых и здороваться краешками губ. потолки высокие — пахнут сырым мелом — а зимой здесь топят.

н а р к о м н а ц

на стенах наркомнаца — хантыйские платки и марийские полотенца, бурят-монгольские онгоны развешаны на нитках; желтые бубны эвенков, алеутские маски, очажные демоны луораветлан. и многое многое другое. полы в наркомнаце усыпаны хвоей; запахи пихты, лиственницы, можжевельника. на входе в под'езд со стороны улицы чувашки с винтовками играют на пузыре, сидят на обрубках дерева — с внутренней же стороны неизвестные с тестяными лицами дуют в берестяные трубы и угощают вас пирогами с калиной. вот так учреждение. ноги сами несут вас по коридорам и вы видите рябиновые деревья поставленные корнями вверх. что за причуда — слева и справа из полукрытых комнат до вас доносятся горловое пение, топот десятков ног, крики ворона, звуки перьевых жужжалок. над головами летают птицы — кукушки и сойки, под ногами извиваются веретеницы, ходят люди, бегают цапля, бегают выпь. в наркомнаце все возможно — любая встреча и поворот судьбы. вы решаетесь следовать за выпью и она приводит вас в комнату где стопкой по четыре человека друг на друге лежат натуральные мертвецы. ей богу их штук сорок — и никакого гнилого запаха — живые вокруг едят большого налима. выпь оглушительно ревет — приглашает дальше. в соседнюю комнату осторожно засовывает клюв и делает знаки войти. в комнате насторожен самострел; 'на медведя' — успевает подумать — и огромная стрела-рогулька со свистом пробивает вам грудь. вы приходите в себя в кабинете наркома среди шкур и китовых костей. у наркома медные рога на грубо спянном обруче — под ними стриженная голова. ну-ну. — улыбается он. — не бойтесь умереть в наркомнаце. действительно — бояться нечего. в народном комиссариате по делам национальностей лучший в россии фиторазлив. чего вам только не нальют в граненые мутные стаканы. нарком лично поил нас чагой и угощал сладковатым очищенным корнем. у наркома на рукаве советская звезда — а еще нету брюк и половой орган всегда на взводе. кстати о последнем — в наркомнаце все сотрудники либо голые либо в традиционных костюмах. костюмы редко бывают полными — чаще одет лишь какой-нибудь элемент. например пояс из липового мочала на совершенно голой коми-пермяцкой женщине. сколько жизни, сколько любви, сколько разносится звуков! это наш любимый наркомат. перед уходом мы целовались до умопомрачения сначала с китайскими — а потом с корейскими девушками.

н а р к о м п у т ь

народный комиссариат путей сообщения — японский веселый дом. вся основная жизнь здесь происходит на крыше. два раза в день — до обеда и после — с крыши наркомпути отправляют аэростат с желающими любить и бражничать в небе. в пер-

вой половине дня поднимают живых, во второй половине — мертвых. наркомпуть украшен дешевыми бумажными гирляндами, транспарантами 'рады вас приветствовать' и 'счастливого пути'. на крыше кто-то свистит в свисток. ходят пьяные машинисты, капитаны пароходов и летчики. у машинистов грязные рожи — все называют их пьянь паровозная. они матерятся и лезут в драку — кидают в голову обидчику увесистый рельс. капитаны все венерические но красавцы: девушки с искренним сожалением дают им себя лишь ощущивать. летчики много шутят — каждый грохался о землю — и некоторые разбивались насмерть. насмерть так насмерть. — говорят такие. — теперь хоть двести раз насмерть — лишь бы не сгореть. есть еще водители автомобилей — от'явленные пижоны и главные обидчики здешнего женского пола. бензиновые задницы! — кричат девицы и убегают на крышу. на крыше у шоферов кружатся головы — туда они не идут. ах наркомпуть! ты отправишь нас хоть в нижний мир, выдашь напрокат батискаф, женщин и фляжку со спиртом. мы вернемся на твою крышу и оставим на ней ракушку, бивень мамонта или другой сувенир.

н а р к о м з д р а в

народный комиссариат здравоохранения — черная коробка, внутри которой так же темно. кто не знает здание наркомздрави красного кирпича? вечерами и ночами там никогда не зажигают свет, днем на окнах черное сукно. темень кромешная, все передвигаются наощупь. нарком семашко — истинный демон в костюме-троечке — всё видит как воробыиный сыч. уж он-то точно никого никогда не лечит, а только режет бритвой если натолкнется. он давно перерезал всех своих сотрудников — а себе распорол живот. смерть и семашко — университетские приятели, вместе учились на медицинском в казанском императорском университете и получили дипломы в 1901 году — они дико хохочут на этажах, так что слышно на улице. в темноте наркомздрави звонят телефоны, стучат молотки: плотники собирают ящики для похорон, ремонтируют носилки. гробов здесь полным-полно и есть отличный крематорий. из трубы наркомздрави валит желтый дым. чем они там топят? — думает обыватель. но в наркомздрав все равно идут посетители. если кто зайдет вовнутрь — вряд ли оттуда выберется — либо выйдет психически больным. он побежит по трамвайной линии, его отправят в больницу, а оттуда в наркомздрав — и семашко его зарежет. демонариум — вот что это такое; резиденция смерти на территории р.с.ф.с.р. нас самих там когда-то убили — знаем не понаслышке.

н а р к о м з е м

семь кусков земли вырезанные семью лопатами подняты нами за волосы положены на телегу э-э-э теперь поедем э-э-э теперь помолчим-ка поедем и помолчим. сорок горстей земли подняты на дороге двадцать горстей земли подняты с десяти могил э-э-э теперь поя поедем э-э-э теперь поем едем и поем. красивого мужчину закопаем по пояс красивого мужчину с большим х на вершине холма, высокого мужчину закапываем по шею на спуске холма э-э на спуске одна голова торчит и зем-

ля во рту. мальчика с девочкой приведем в овраг закопаем вниз головами только ноги торчат э-э помогай земля. всю ночь будем ездить всю ночь хлебом тебя кормить пивом поить людей оставлять всю ночь по кривым дорогам э-э помогай земля помогай. целовать будем черную грудь пока губы не изотрем целовать будем до самого села. э-э-э-э теперь приехали. семь кусков земли-поля за волосы во дворах обтрясем, сорок горстей земли-дороги под большую березу высыпем, двадцать горстей земли-могилы разделим промеж собой положим за иконы русскому богу. с этой молитвы начинается рабочий день в народном комиссариате земледелия.

н а р к о м ф и н

это тир — друзья. приходите — здесь весело. можно с девушкой или с двумя — посмеяться, отдохнуть, заработать денег. и поесть мороженое. и купить канарейку. там стоит пугало с погонами белогвардейца — стреляйте в него и получайте свои деньги: всё зависит от вашей меткости. красным командирам сюда вход закрыт. ведь они свалят пугало с шеста при первых же выстрелах. что же им всем давать миллион? у красных командиров и так хватает денег. в наркомате финансов больше любят молодежь. и музыка там играет. а влюбленным парочкам дарят котят.

н а р к о м п о ч т е л ь

народный комиссариат почт и телеграфа соединяет старушку и сына, кокшайск и киргизию, молоко и землю, белоголового ванюшку с его престарелыми сестрами, егору-утопленника и юлию-дочь, березу — божью ногу и луну — ночной глаз, пчелу и мальчика, цветы и красноармейцев, коня с деревом. ангелы проявляют повышенный интерес к наркомпочтелю. барышни наркомпочтеля звонящие серафимам вызывают у ангелов искреннюю зависть. 'серафимы так немногословны. у этих барышень красивые юбки, они думают о мужчинах.' — говорят ангелы. да они правы — эти барышни думают только об одном, любят только одно неприличное слово и твердят его про себя постоянно в рабочее время допуская от этого досадные ошибки в срочных сообщениях, а звонят куда попросят — им не трудно. у ангелов к барышням всегда много маленьких просьб личного характера. иные же бестелесные — дети тополя — очистившиеся от земли — хотят еще большего от наркомпочтеля и осаждают его учреждения всецело в рабочие дни и даже ночью: когда никого нет — а сами они не в силах что-либо сделать.

н а р к о м в о е н

в народном комиссариате по военным делам вас — естественно — сразу застрелят. поднимитесь по крыльцу, переступите через порог, скажете 'здравствуйте' и получите пулю в лоб. а что — все правильно — чего вы еще хотели? сюда идут

одни самоубийцы оставляя в домах записки 'пошел в наркомвоен. никого не виню' или наоборот 'это вы виноваты катенька — будьте прокляты сука'.

2

главные приметы народного комиссариата по военным делам — живые цветы растущие и разбросанные повсюду и чудесный оркестр играющий балканскую музыку где-то наверху. оркестра никто не видел но слышали все — в любом из углов-кабинетов в любое время дня и ночи. и кто-то поет под него — хор не хор но как хорошо — боже мой, давайте подпрыгнем. танцевать — вот главное слово, танцевать опьяненным цветами и румынскими дойнами, с красным бантом на рукаве, песнями о вещих снах стояна — красавца из сливена, плачами македонцев. что такое красная армия? — это медная труба и сломанный органиструм, под ногами синие холмы, смерть любит и глядит в бинокль — гарантирует нашу победу, она просто чудо — и никого не обидит, у нее за поясом свежие бинты. мы еще напишем о красной армии мистический трактат, мы еще сочтем всех ее бойцов имеющих небесное происхождение. они идут сюда толпами, принимают присягу, разбирают оружие — потому что наркомвоендел сделал эту войну черногорской уличной свадьбой где поют о невесте-анне полетевшей над городом подглядывать как моется жених; где мужчины снимают штаны и стреляют из ружей для устрашения демонов залезая при этом на столы; жены визгами встречают выстрелы. наши командиры оборачиваются птицами, наши лошади говорят; когда мы уходили от здания наркомвоенна нам играли и пели о боснии.

н а р к о м к о н т р о л ь

народный комиссариат государственного контроля — оптический центр республики. два мощных телескопа установлены в главном здании в москве — а в загородной местности имеется обсерватория принадлежащая наркомконтролю. у каждого работника на ремне в футляре — подозрительная труба. гигантское количество окон позволяет им глядеть с утра до вечера во все стороны света. перископы, микроскопы, лупы, бинокли, даже закопченные стекла — на каждом столе и подоконнике. стекла-то зачем? — а вот любят здесь просто так поглядеть на солнце — нарком ругается и топчет стекла ногами, грозит увольнением но по ночам улыбаясь рассказывает жене о странностях своего коллектива. сеть магазинов 'оптика' курируемых наркомконтролем разбросана по стране от кронштадта до николаевска-на-амуре — кроме приборов названных выше здесь продаются очки (пенсне и монокли — хлам для буржуев — их разумеется нет). штат окулистов — лучших на материке — трудится что есть сил. они поправят вам зрение, вставят глаза если вместо них — бордовые впадины. во дворе наркомконтроля — железная труба: ржавая но работает — диаметром в метр — уходит в землю на большую глубину. труба называется 'уховертка'. дежурный по ней прикладывает ухо к отверстию чтобы слышать что происходит внизу. вечером докладывает наркому: карлики веселятся, земляной олень трубит, крот заблудился и плачет.

н а р к о м и н д е л

народный комиссариат иностранных дел — место где люди прощаются друг с другом. только расставания. пахнет перронами, паровозным маслом, утренней гарью чугунных путей: это специально в наркоминдел натащили старые шпалы и расставили по углам. боже — мы не романтики — но что за комок вырастает в горле как только мы сюда заходим? тоска — дорогие — тоска. головная боль. курение — как ижорская песня — бесконечная и печальная. тот кто уезжает — не обязательно едет за границу. бывает что и туда, так уж назвали — наркоминдел. это не вокзал — это дом свиданий: все стоят, обнимаются, шепчутся. вот студент провожает друга: тот уезжает в ургу — в руках держит два сачка и чемоданчик — в нем всё для распяливания бабочек. вот обворожительные близняшки с открытыми грудками провожают брата. зачем они обнажили грудь? наверно это какой-то обряд. вот аничка провожает валя — держит в зубах капсулу с атропином: как только валя выйдет из наркомата — аничка стиснет зубы: а валя всего-то едет из москвы в казань. вот полина провожает ангела. ангел кусает полине ухо — и видно как у него оттопыриваются штаны.

н а р к о м м о р д е л

1

н-да хорошо придумано — и народный и комиссариат да еще по морским делам. а на деле — оплот педерастии похлеще всех лондонских и берлинских заведений для мужчин вместе взятых. сюда приходят матросы с покотившимися глазами чтобы совокупляться друг с другом. они поют 'яблочко' и раздеваются в танце — целуются — бьют бутылки. они бреют друг другу ноги — бросаются в лестничные пролеты — интрига на интриге — слезы текут рекой. иные кричат от боли, иные аплодируют. не будем перечислять всего что здесь творится. лучше с улицы грохнем им камень в окно.

2

посередине озера воже в двухстах километрах на север от вологды на якорях стоит дебаркадер — здравствуй нкмд. наш деревянный челн наконец-то доплыл — мы лезем наверх по веревочной лестнице. до чего же флотские рады гостю. нам тоже отлично знакома эта прокуренная зала со столиками и пианино, внутри которой мы оказались. и кельнерши нам знакомы — и сами они улыбаются — знают что нужно нести. несите подруги несите — водку и вяленого сига, салат из водорослей и кофе. кельнерши все в тельняшках на голое тело и босиком, ноги у них очень полные. электричество мигает, руки устали грести и теперь гудят, мы качаемся на волнах огромного озера. щурим глаза, в углу видим столик наркома — его приказы ждут корабли, голос этого человека — колыбельная для утопленников, в воде

живет много тварей — и наш морской комиссар посылает их проглатывать миноносцы и крейсера антанты, он мало спит, он женат на рыбе, и сам хотел бы быть рыбой — просил об этом председателя рвср, сонный сидит, шевелит губами. мы думаем о своем уважении к этому новому ахто — царю потоков без зеленой бороды; кельнерши доступны — но сейчас нам хочется спать; мы тянем улыбку представляя как наверху по периметру дебаркадера мочатся в воду нетрезвые краснофлотцы; рука упала — мы спим. ночь кончается — с утра будет пасмурно будет тихо — утром нам возвращаться на берег — и серебристая жена наркома поплывет впереди.

н а р к о м т р у д

женщины наркомтруда в августе раздеваются перед сойками. в сентябре открывают рты с козодоями. в октябре ходят к цаплям в гости. в ноябре рожают сойчат. в декабре сыплют яд снегирам в кормушки. в январе доверяются пустельге. в феврале вырезают бумажных вальдшнепов. в марте платят кукушкам советскими ассигнациями. апрель проводят в лугах в компании пастушка и погоныша расстелив на земле одеяла. в мае влюбляются в веретенника и сотнями тонут в болотах. в июне кричат пить-полоть. в июле превращаются в водомерок и становятся пищей чирка-свистунка. мужчин нигде нет. нарком-крапивник сидит на столе нахохлившись.

н а р к о м ю с т

народный комиссариат юстиции разместился в городе хем-белдыр — в сердце танну-тувы: о саяны. почему не москва, почему урянхайский край? а бог его знает — говорят кидали жребий. он достался юристам — и верно: они ведь все как цыгане или китайские фокусники — гадать, играть, тянуть за удачу умеют лучше других. все хотят в хем-белдыр — такое небо, такие живые цвета, разнотравье. шулеры пройдохи. — клянут юристов завистники. — заняли самое лучшее. лучшее — да. и что же после того как наркомюст обосновался на верхнем енисее среди кедровников, козэ и священных гор, среди тысячи тысяч овечьих носов в желто-зеленых долинах? а то что все наши судьи отрастили длинные косы, научились потувински и по-монгольски, а самые способные — маньчжурской, тибетской и китайской речи, завели себе тушечницы и тонко струганные палочки — гуляют и пишут на бланках со звездами трактаты о пустоте, песни о седлах и потниках, о гриве мышастого, ветре и камне. отправляют всё в наркомпрос где выходят книжки за книгой под одним и тем же названием — 'пейзажная лирика наркомюста'.

н а р к о м т о р г

народный комиссариат торговли — магазин на самокатной где торгуют швейными машинами с ангелом внутри и берут в оплату живых улиток.

н а р к о м п р о д

враги революции ругают наркомат продовольствия: он-де ведает продразверсткой и ко всем направляет чк. с врагами мы долго говорить не станем, только спросим: а что жрать рабочим в облупленных городах, где вместо земли – булыжники мостовых и деревянный настил? а армия – что? а беспризорники? и разве наркомпрод – одна продразверстка? кто знает что с самого первого дня на должности комиссара здесь состоит полевая богиня паксь-ава – соломенная мать поля размером с большую детскую куклолку? она заказала себе гимнастерку и пистолет в кобуре и так ходит и морщит широкий нос в веснушках. вся белесая, округлая, и глаза белоголубые. она говорит на смеси эрзянского, мокшанского и исконных демонических языков – таких как свист, молчание, крик, невнятное пение и невнятное бормотание. она любит трудовой народ и беспощадна к лентяям и пьяницам. это она – главный продовольственный диктатор, это ей подчиняется 30-тысячная продармия, это паксь-ава велела стрелять самогонщиков и поджигать их дома. она – такая душевная; все зовут ее пакся; на митингах она говорит убедительно, а когда говорят другие – стоит задумчива – вспоминает как на межах в разгар полевых работ для нее оставляли картофельные оладьи, ягодники и творожники; вспоминает как играла с перепелками и подглядывала за людьми упавшими в траву. вспоминает обмелевшую мокшу – как купалась и знала что парни на том берегу разглядывают ее крошечное тело и трут свои глупости-радости и капают на землю. эй ребята! – кричала им пакся. – земле будет приятно. она и вышла бы к этим парням и дала бы каждому – но ведь то что они сейчас жмут в кулаках составляет половину роста матери полей. пакся однажды вышла к мужчинам, стояла в кругу, отжимала волосы, предложила целоваться. они подносили ее ко ртам и языками доводили до смерти; пакся так умирала что ее медовые крики слышал пурьгине-паз – толстый дурак который грохочет в небе. слышал и ударил сверху по всей компании – и пакся стукнулась головой о камень – а ее друзья погибли. пакся тогда погубила весь урожай – просто забыла о нем от печали – и матери умерших от голода детей проклинали ее и искали в полях чтобы бросить в глаза могильную землю. всё это в мыслях паксь-авы – а перед глазами ветер столицы, тысячи лиц продармейцев идущих на обиду и смерть. они и сами обидят кого захочешь – вон у них какие винтовки. как все закрутилось. – думает пакся. – свистом по ночам она предсказывала урожай, а теперь ее свист означает освобождение от расстрела.

н а р к о м с о б е с

лодка треснула и идет ко дну – мы отправляемся в народный комиссариат социального обеспечения. при входе на мокрую обувь повязываем бахилы. так мол и так. – говорим в окошечко. – все пропало и ноги мокрые. заполните анкету. – предлагают нам изнутри. мы вертим ее в руках, наверху видим буквы – р.с.ф.с.р. – под ними во весь лист пятиконечная звезда, в каждом углу которой написано по вопросу. в середине звезды – пять линеечек для ответов. любите ли вы сурепку? любите ли вы анну? любите ли вы керосин? любите ли вы можжеве-

ловый квас? любите ли вы воблу? — спрашивает нас звезда. пишем пять искренних 'да' здешними красными чернилами. через полчаса со склада наркомсобеса нам выдают все необходимое для того чтобы продолжать оставаться на плаву.

н а р к о м п р о с

программа наркомпроса для единой трудовой школы от 30.04.18 — подтвержденная декретом снк от 18.06.18 — реализуемая с 02.09.18 — рассчитанная на весь период обучения (I — II ступени):

я з ы к и :

к о м и	
р у м ы н с к и й	р у с с к и й
л у г о в о й м а р и й с к и й	р о д н о й
л а т ы ш с к и й	
с т а р о - м о н г о л ь с к и й	
ф и н с к и й	
с е р б с к и й	

п р е д м е т ы :

р о с о м а х а
т р а в ы
д е м о н ы
в е т е р
м о л ч а н и е
м е д и ц и н а
т е к с т и л ь
к и т а й с к и е ч у д е с а
б и о л о г и я
н а р о д н а я к у х н я

в с н х

высший совет народного хозяйства — имеющий статус наркомата — последний, восемнадцатый наркомат. нам он особенно дорог. мы закрываем глаза. мы плачем. сидим закусив кулак. вот говорят вснх — чудовище бюрократии. не идиоты ли? грубияны, сукины дети. наша нежность, наш философский факультет, где вместо скуки — поэзия поэзия, наши два стакана вина поутру перед выходом из дома, бабочка-переплуда на твоих печатях — все это о вснх. вснх соткался из

воздуха — на наших глазах. как такое вообще возможно? комбинат чудес, фабрика удивлений и совпадений, каждое здание вснх — воздушный корабль: и мы летим все вместе. мы научены волшебству, мы наполним чабрецовым медом барабаны наших револьверов, мы разрядим их в наши рты за наркоматы, за вснх. мы ляжем на улицах животами вниз: мы улыбнемся — мы мертвые. мы не в силах глотать тот мед, укройте нас красными флагами. о вснх — мы лежим и шепчем имена твоих главков и центров. нет — не надо нас поднимать, нам ни капельки не стыдно, наши слезы — любовь любовь: главгвоздь главконсерв главкрахмал главшвеймашина центрочай главспичка главтабак — мы там пару раз ночевали главрезина главторф главкость центроспирт главмука главбум главкоавиа — где директор из третьей триады центротук централак главзолото главупркомж главточмех главсоль главкустпром главбензол главлеском главтекстиль главодежда главстекло главрасмасло главтоп главфармзав главанил главмех главсахар главсланец главуголь главводхоз главкондитер. главгвоздь, мы рассчитываем на твои гвозди; мы возьмем с собой пару твоих пирожных, главкондитер; пока горит папироса — мы гуляем на свадьбе главтабака и главспички. в главспичке работает стпанова любя — мы ее любим и дарим ей этот стих:

(л е т н и е)
 желтые сны
 адрес-календари
 скрип уключин
 бутылъ собака
 п о п р о щ а е м с я

сухая река

казань
2004

1

когда в любое время года — но чаще всего летом-осенью — жить становится невыносимо грустно — мы — старинные жители казани — садимся на 33-й автобус — на резиновую лодку — на велосипед — или можно даже пешком — (смотря где мы — и добираемся откуда) — и отправляемся на сухую реку.

она втекает в загородную дачную казанку (реку казань) — полурваной нитью прошивает северную границу города — и дальше нее — мы в это верим — уже не существует ничего.

мы не верим своим глазам когда стоя на берегу сухой реки видим что на другом ее берегу растут цветы и трава — синеют леса — садятся птицы — вдалеке проносятся машины. мы улыбаемся этому миру. мы смотрим прямо на север. в серый цвет баренцева моря.

ее длина километров двенадцать. выходит из грунта чуть севернее городской черты. случается бежит невидимо. бывает за кустами ивы слышен лишь приглушенный звук — и если захочешь сквозь них продаться — тогда и наступишь в сухую реку. тапочка чавкнет и останется в глине — тут же залется водой. казалось бы сухая река — это одно название.

если в году повсюду высокая вода — можно плыть по сухой реке от устья с полкилометра на лодке — не касаясь берегов вёсельными лопастями.

бывшие села — теперь окраины авиастроительного района — поселки сухая река караваево — поселок северный — на ее пути. гидрологи и сотрудники городских архивов говорят что когда-то она была значительно шире — и пересохла лет триста назад за чьи-то там грехи. у села борисоглебское делается шире и попадает в казанку —

где на надувных матрацах хохочет дачная жизнь. никто не думает о сухой реке. никто не видит ее устья. слившегося с береговой линией более очевидной реки.

нет ее и на многих даже городских картах. на большинстве карт.

2

сухую реку можно запросто перепрыгнуть — местами ее просто нет — местами можно пройти по палкам и кирпичам. но зачем нам на другой берег? ну да — бывает что мы туда сунемся — постоим — посидим — кого-нибудь тайно полюбим. но все эти вылазки — для усиления отчаянной нежности — для отвода глаз — и пустоты. ни одна женщина не забеременеет на сухой реке. ни одна жена не узнает о впитавшихся в здешнюю глину проступках мужа.

мы водим туда приезжих подруг и друзей — а местных подруг и друзей мы давно уже всех перетаскали — (по несколько раз). на сухой реке мы разговариваем с севером и югом — с морем и островами морей. мы видим всё — стоит лишь открыть глаза — а они и так всегда открыты. на сухой реке особенно доступны картины и закоулки мира. достаточно подумать желаемое — и всмотреться в воду в берега.

окрестности сухой реки — что-то вроде большого сломанного телевизора — ты увидишь в нем все что захочешь — запомнишь — запишешь если нужно все-все подробности — но с возможностью реальных встреч с увиденным скорее всего придется попрощаться. сухая река — условно — все та же собственность антимира — если опять воспользоваться нашей испытанной терминологией.

у казани два сильных спутника — две площадки для обретения максимума информации и чудес.

верхний услон — на высоком правом противоположном берегу волги — где волга делает к югу резкий поворот — где ветер разгоняется чтобы пролетев над травянистыми островами заполнить все сразу казанские улицы — высушить глаза — мы уже описывали.

в верхнем услоне активна жизнь — встречи и радости здесь обретаются по ее законам. верхний услон ничего не берет взамен — и не прощает обид. он не покажет внутренностей квартир печоры и нарьян-мара — а выдаст крики-призывы растущих под ногами трав — нашепчет имена здешних дачниц — и как с ними в два счета познакомиться — как понравиться в один миг. с верхнеуслонской горы можно караулить лето — махать ему голыми телами. осенью жизнерадостный верхний услон обо всем наябедничает казани.

сухая река — площадка за номером два — и дело стало быть в этом. сухая река казани не скажет ни о чем. явит любое желаемое — всё разрешит — только без жизненной перспективы.

если вы сюда привели бесконечно дорогую женщину чтобы ее раздеть — все прекрасно получится — всю жизнь без остатка будете сухую реку видеть и вспоминать — но жить друг с другом никогда не будете — не женитесь — не родите детей. если захотите — можете как-нибудь снова вдвоем на сухую реку прийти — воспользоваться мягкой чуткостью антимира — его усталостью и уступчивостью.

если вы задумали книгу о латвии — приплывите сюда в августе в октябре — вы увидите алуksне добеле пилтене вентспилс.. — все стрижки под юбками тамошних девиц — фуражки всех полицейских — телефоны и имена — не хуже чем на яву — но в латвию вас не пустят.

кто не любит трястись в поездах и по синим зимникам — (заледеневшим речным дорогам) — кто достаточно любит оба мира чтобы не пенить их не ворошить — тому стоит навещать сухую реку. она очень хорошая — очень наша.

дружба с ней не отменяет поездок в верхний услон в мае месяце. эти местности не ревнивы — как не ревнивы и ласково-равнодушны друг к другу смерть и жизнь. как известно в антимире сухо — там нет океанов — там из ржавого крана изредка капает вода. все очень верно в случае сухой реки.

жители любого города могут задуматься — где находятся их сухая река — их верхний услон.

3

мы особенно любим наш город к — здесь на сухой реке. мы любим его и думаем о смерти о собственных похоронах в кандалакше или в уржуме — на придуманной родине вымышленных родителей.

мы выпиваем здесь — да. что было бы если бы все принесенные сюда бутылки мы оставляли на сухой реке? ветер сыграл бы на них наши личные песни — их слушал бы весь материк.

дух сухой реки — какой он? вероятно сорокакилограммовый сом — с рваными усами — утыканный фиолетовыми растениями — синеглазый скользкий — в боку у него гнездятся ласточки-береговушки — как же они под водой? — чем дышат? он толкнется в ноги случайным купающимся — ни о чем не спросит. много ли людей утонуло в сухой реке? наверно ни одного. это ведь хорошо. это тоже его заслуга.

сколько здесь на сухой реке никому не известных растений. прямо скажем — мы удивлены. в верхнем услоне не увидишь и половины — (там растет всем знакомая с детства трава). а со здешними нам еще предстоит долгая и интересная работа. надо составить гербарий и атлас 'травы сухой реки' — издать

отдельной книгой. мы осторожно плывем — чтобы не проткнуть о коряги лодку — и уже по ходу видим что в основном это виды принадлежащие к травам смерти. травы смерти рубцуют самые страшные раны — отпугивают налипшее плотной коркой чужое зло — примерно как мертвая вода из сказок.

мы уверены что в окрестностях сухой реки скрывается не один неизвестный науке вид из царства животных — мы даже немного боимся — надеемся нас здесь никто не сожрет? — и постоянно вслушиваемся в плески шуршания и пиканья. какая-нибудь голубая змея в оранжевой шляпке — длиной в сухую реку — кивающая всем как тюзовская актриса — и сообщающая: 'меня зовут катерина'. вот опять посыпался берег — кто-то прополз или пробежал.

также мы должны получше продумать о возможностях ритуальных практик на этих берегах и в этой воде — и выпустить книжицу 'ритуалы сухой реки'. и опять-таки с ходу уверены что это будут практики лечения от затяжных болезней — страшные гадания — избавление от бесплодия (что ничуть не странно).

мокрая палка со дна сухой реки — определенного цвета глина — пустившая здесь корни и тонкой нитью поднявшаяся на поверхность воды ледяная зеленая кисточка будут чем-то сродни зубами вырванного зуба мертвеца или жабьего камня — если вы нам простите такое вульгарное сравнение. обнажившийся здесь человек достигнет многого. девушкам стоит сюда приходить и ронять одежду — ради обретения невероятной привлекательности — и безумной сложности судьбы.

(ритуалы верхнего услона — кто помнит: пальба из помпового ружья ради летней радости 'из окна прямо в дверь туалета' — скатывание на велосипеде с вершины горы с голыми дачницами на багажнике — кормление кашей огородного пугала и наречение его александром — ловля ветра пустой бутылкой с анной без трусиков — теплой и родной).

однажды очень давно — еще в детстве — мы пришли на сухую реку вдвоем — и в ней купались. мы голышом — а коллега в плавках. мы сделались писателями — и не покидаем сухой реки. коллега уехал и ни разу сюда не вернулся — не пишет — зато танцует — танцует жизнь — и колесит по миру. голышом плывущего по сухой реке смерть наградит талантами. жизнь искривит пути — перепутает все карты — даст табуретку и рубль на сигарету — сумасшедших соседей за ширмами — будет скрипеть и ежиться — очевидно потом поддастся — даже еще как — когда лучшие годы будут прожиты — когда останется мало желаний кроме желания посещения сухой реки.

4

на сухую реку существует несколько дорог. первая — на городском транспорте — кроме всегдашнего 33-го автобуса его еще довольно много.

мы сядем к примеру на 1-й троллейбус на улице гагарина — где мы живем. проедем соцгород и выйдем на ленинградской улице — где печальные желто-

зеленые сталинки шевелят балконами погибшими от неизвестных болезней — где рюмочные школа и баня — 10-й трамвай с непонятной страшной силой несется на жилплощадку к заводу оргсинтез через изгибы и пустыри — двухэтажные дощатые любимые нами полудомы с улицы чапаева хлопают сырым бельем.

можно бы было ехать и дальше — но мы пойдем пешком. улицами писателя вересаева — путешественника пржевальского — ученого циолковского — морского героя челюскина — улицей мариупольской или идущей параллельно с ней карагиндинской — улицей певца собинова — улицами о существовании которых кроме самых местных мало кто догадывается в городе — выйдем на сухую реку. дома здесь почти все с калитками — то есть свои.

остальные пути — вдоль реки казань: от прибрежной панельной улицы гаврилова — на велосипеде на лодке или пешком.

горбатый мост — самый северный мост казани — самая мистическая наша конструкция — по которой грохочет товарный поезд — отделяет городскую казанку от загородной — пусть условно но в общем-то это так. если на лодке — надо нырнуть под него. если с велосипедом — перелезть через железнодорожную насыпь.

неподалеку от горбатого моста раньше был поселок брикетный — вкрапленный в сладкую жизнь болот — тут когда-то из жижи поднимали торф и прессовали в брикеты — мы здесь родились мы очнулись среди утиных клювов и глаз — блестящей опасной зелени — среди чудовищ (выпивающих всю кровь пиявиц — утягивающих на дно золотисто-заилинных рыбин — и личинок стрекоз способных перекусить человеку позвоночник) — на улице луговая в доме номер один.

сапогами меряли глубину. тонули и удивляли уток. проникали в обгоревшие развалины залитые опасной водой — звали на помощь — молчали от ужаса. по болотам неслись к дому — спасаясь от болотных дядек. кидались камнями — стреляли из лука — теряли обувь — о восторг.

за горбатым мостом — мы знали — начинается всё волнующее — всё другое — за горбатым мостом есть нечто что даже больше чем всё. мы изредка за него заглядывали — прихватив шарлотку и квас. мы слышали от взрослых что перед ним похожая на нас заболоченная деревня савинка и хлебзавод — а за ним укрытое в лютиках небольшое татарское кладбище и секретный аэродром — самолеты идущие туда на посадку постоянно гудели у нас над головами — их можно было легко потрогать — сорвав подлиннее камыш. мы слышали что где-то совсем далеко за горбатым мостом есть сухая река. ни одна живая душа не могла объяснить нам — а что же дальше?

за горбатый мост если плыть на веслах сквозь луга и тесные дачи с лесенками прямо в воду — с дурацкими старыми креслами тут же у воды — с ивами и тополями — с летними запахами и криками — сухая река появится через полтора часа. а если идти обычным шагом — не петляя и сокращая путь — можно и за

час дойти. а если на велосипеде — не успеешь как следует разогнаться. то что до сухой реки замучаешься добираться — это нам смешно конечно. а то что нет ничего за сухой рекой — в это мы верить рады.

в казани и ее окрестностях много воды — это нам очень нравится. тугая упругая волга — с запахами неумирающих пятисотлетних рыб: река казань — грустная любовь к которой приобретается лишь через чтение татарского народного эпоса: свияга с поймой в тысячу островов — где хрюкает выпь и колдуют цапли — щекастым браконьерам жестоко выбивают глаза: кама — хвойная наша невеста — камское устье с сорока километрами ширины — с деревнями с луковыми грядками неожиданно уходящими к кромке океана — с городом лаишево на приокеанской горе — где в гостинице летом мы обнимаем подруг из киева — а зимой выпиваем за новый год: много воды подземной.

вода изрядно снимает напряжение земли — снимает и уносит — поэтому жить нам гораздо легче чем жителям местностей лишенных больших рек. и среди всей здешней названной и неназванной нами воды — сухая река занимает особое место. конечно мы не скажем что она значимее допустим волги — но точно уж волга не значимее сухой реки. сухую реку всегда имеет в виду каждый настоящий житель казани и пригородов. почти каждый.

лично про нас и сухую реку мы теперь вот что с улыбкой думаем — вот о чем мечтаем: вдруг сухая река лично нам окажет невиданную милость — нам одним откроет свои тайны и почти ничего не захочет лишить? мы ведь вон книгу про нее написали — самую первую наверно. едва ли это больше чем самоуверенность — река на нас не в обиде — ей тоже весело.

5

вчера мы снова были на сухой реке — мы только что оттуда. ну и жара стояла. с нашей приятной спутницей мы долго двигались на резиновом пузыре по дачной казанке — спасались от коров — без конца залезали в воду — ненадолго заплывали в сухую реку — не сразу ее нашли — поздоровались и повернули обратно.

лето пока что есть. можно кататься — вдвоем и даже втроем. аккуратно вываливаться из лодки. плыть параллельно с ней по казань-реке (чем-то кстати похожей на сухую реку) — и в самом широком месте — мимо внимательных уток и стрелообразных трав. лодку волоочь за носовой шнур — намотав его на палец — она не мешает плыть — она из резины и воздуха. кого же мы в ней везем — когда передвигаемся подобным способом? разговаривать друг с другом — иногда переворачиваясь на спины. мы не утонем — мы ухватимся за горячий от солнца борт если за ноги нас схватит судорога — и так к берегу поплывем. неожиданно нащупать дно и вспомнить что при малой воде где-то здесь действительно был остров. животами вползать через борта — осторожно — помогая друг другу.

мы уже писали в книге о суккубах что однажды велосипед у лета ломается — и можно его неожиданно обнаружить где-нибудь среди пока что зеленых холмов непо-

жухлых трав. так вот — сломанный желтый велосипед лета бережно отбуксовывается на сухую реку. делает это осень. лето-то само бросит его и уйдет — помочится на траву — прогундосит что-то. а осень припрячет этот велосипед в сухорецкие заросли.

зимой здесь будет не пройти — разве что на лыжах. сухая река подо льдом и снегом — обозначенная только двумя рядами замерзших кустов — не потеряет своих свойств. даже будет еще более благосклонна к человеку из города — проскрипевшему сюда на лыжах — безо всякой лыжни — с маленькой бутылкой водки.

ё р м и ц а

ё р м и ц а
2008

у каждой вороны
в клюве по яшме —
это тебе.
дом коричневый
двухэтажный —
на воде.

в начале мая
зима сказала:
ладно. пока.
этой ночью
земли не стало —
вошла река.

солнце спирт
запивало водкой —
спит теперь
на ветру.
все улыбаются.
все на лодках.
и орут.

я полночи
удерживал зиму —
не помогло.
расстегнулся —
и тоже прыгнул
в лодку
через окно.

с к о л ь з я т
по весеннему
серому морю —

туалет и
красивая дверь.
оно всегда в это
время приходит
на пару недель.

снова в школу
поплыли козы.
жужжит вертолет.
на щеках небритых
у миши слезы —
потерялся кот.

потому что школа
на высоком месте
не придет вода.
животным там сухо
и интересно.
миша — гребни туда!

влюблены все дети.
колдуньи ловят
кто баню
а кто крыльцо.
б и б л и о т е к а р ь
на крыше
прячет в ладони
таинственное лицо.

я к о р е м
о почтовый ящик
п р о д а в щ и ц а
с утра стучит.
она капитан —
пренастоящий —
а магазин закрыт.

спички выпали
из кармана —
добавили бед.
мне кричит
п р е д с е д а т е л ь
с в е т л а н а:
заглянешь — нет?

у меня
в каждой книге
в е т е р
потому что
сушит глаза.

я х о ч у
т е б я
с е й ч а с
в с т р е т и т ь.
всё показать.

кожа моя
пахнет белой
марью —
любовью твоей.
ты ведь даже
не в сыктывкаре.
гораздо южней.

мне без тебя
ничего не нужно —
вода простит.
радостно бухают
пьяные ружья —
и дробь свистит.

зима стащила
все мои мысли.
пуста голова.
может быть
я попаду под выстрел
от радости
что ты жива.

но нет. я дома.
привет. мы вместе.
у меня есть сон.
у меня есть пара
болгарских песен.
и телефон.

у ботинке

новые ботинки

/на луговом-мари/

морки

2005

1

капитон-кугыза — дед капитон или дядя — старый человек — за семьдесят. красный свитер с надорванной горловиной — черная шапка — черный тулуп. из-под шапки уши топырятся — а в руке палка. он живет в большом довольно селе шиньша — у дороги параньга-морки — с женой и дочерью. так-то у него пятеро детей — все давно отдельно. сын михаил здесь же в шиньше — сын василий в шурге поблизости — дочь лилия в йошкар-оле в столице — наталя в волгограде. младшая сашук с детства сильно болеет — никуда ни к кому не уехала. и жена капитона алена пять лет как почти ничего не видит. в субботу — девятого апреля — в семь двадцать утра капитон поднялся на трассу — сел в параньгинский автобус — и поехал в морки покупать ботинки.

капитон — в шиньше старший жрец. в рощах когда шиньшинские молятся — то он самый главный. все другие жрецы его слушаются. капитон отутуженные брюки наденет — белую рубашку — шапку из белого войлока. под деревьями встанет вместе с младшими остальными — будет разводить костры — принесенные людьми подарки класть под березы и липы. мед и блины на земле. полотенца новые и платки — на ветках. мясо гусей и овечки — в котлах — скоро сварится. капитон давно кугу онаенг — старший жрец. не только в рощах шиньши — во всем районе. в морках — двенадцать лет назад — во время летнего праздника — пеледыш-пайрема — тридцать шесть моркинских жрецов голосовали — поставили его старшим.

капитон конечно про все лучше других знает — про порядок и жертв и молитв — с какими словами медовой водой огонь кормить — с какими мыслями обливать из ковша живого еще даруемого богам гуся — и что потом его отрезанной голове шепнуть прежде чем женщины примутся ощипывать тушку. но большие моления бывают лишь дважды в год. и кроме этих двух дней не видно в капитоне ничего такого — живет — работает по дому. вот автобус еще набился — и двери хлопнули.

капитон щурится — рад апрелю. снега мало осталось в полях — но в оврагах лежит везде. этот паз на котором сейчас все едут — такой заляпанный. и низ — и стекла. но никто о водителе плохо не думает — не надо пока вытирать весеннюю грязь — еще успеется. напротив капитона сидит людмила из сапунжи — у нее глаза косят — жалко девушку. капитон вспоминает — подростком лежал в звенигово в больнице — его там косая девочка любила — из женской палаты. караулила его на этажах — а он от нее бегал. они все очень добрые — косые. — думает капитон и улыбается людмиле. и людмила ему улыбнулась.

где-то час надо ехать до морков — чуть меньше. автобус прыгает на разбитом асфальте. за автобусом на сырых ходулях кугарня бежит — капитон ее не видит. большая пятница — кугарня — в роще села шиньша самый беспокойный и любопытный бог — в пестрой старой одежде. не то женщина — не то мужчина. разный очень — или разная. кугарне-пятнице очень важно чтобы капитон доехал до райцентра и купил хорошие удобные недорогие ботинки. и вернулся в шиньшу — часам к трем.

2

что-то стало с этой субботой — с этим апрелем. капитон в морки едет — а в шиньше все как не с той ноги проснулись — не с тех ног точней. рассеянные все — медленные — и думают о капитоне с его ботинками — как будто эти ботинки всего важнее. кто-то видел капитона как он утром шел к автобусу — кто-то от кого-то услышал.. солнце может быть по-особенному греет — сыпет в головы весенними приправами? — или пахнет небо? — соединяясь с запахами земли теребит сердца — чем-то для всех общим — странным? шиньшинские сами себе удивляются — сами над собой смеются. делают разное по хозяйству — играют с детьми — или шугают детей — выпивают — или целуются. а в головах вертится и вертится в каждом шиньшинском доме: капитон-кугыза поехал за ботинками. ну ладно. и дальше что?

у директора клуба толи жена работает в магазине — не в том который поближе к трассе — а в другом — напротив сельсовета. она до обеда еще вдруг заперла магазин — прибежала домой — и говорит мужу: толя — вчера из морков нам привезли какой-то корнеудалитель. иди посмотри — может если надо купим? толя суп ест и ест — на жену смотрит. капитон-кугыза в морках-то ботинки ищет. — сказал — и дальше ест — хлеб мажет высохшей совсем аджикой. какой корнеудалитель-то? — наконец спрашивает. — ну такой — на палке — на длинной палке длинная узкая железка. — и сколько стоит? — тридцать пять рублей. — ну так если надо тебе — купи. недорого ведь — зачем мне идти-то. — ну давай пойдем — хорошо вместе. — ну давай пойдем. обувают сапоги — выходят — идут по улице. 'корнеудалитель' оба говорят по-русски. на марийском такое слово попробуй скажи.

леонид-кугыза — леонид агеевич — тоже онаенг — тоже жрец — тоже старший — но после капитона. сидел-сидел дома — чай с салатом пил. и немножко еще 'крестьянской' — то есть самогона. вдруг надел молитвенную белую рубашку отороченную красным — шапку белую жреческую нацепил — посмотрел по

комнате — взял охапку блинов — положил в пакет — взял из супа кусок мяса — подумал что маленький — положил обратно — со стола зачем-то схватил деревянные счеты — и туда же в пакет сунул. включил радио — в радио треск. выключил радио — вышел. во дворе жижа — собачьи куриные хозяйские следы — на солнце все так и играет. думал курицу может поймать — взять с собой — да передумал — ладно. очень хочется леониду с пакетом в руке на охотничьи лыжи встать чтоб идти — но ведь снега почти что нет — где грязно где сухо — но земля ведь. леонид агеевич заморгал — чуть не заплакал. но потом очень решительно с крыльца сошел — лыжи обул в сарае — и зашагал по деревне в сторону шиньшинской священной рощи. дом его на краю почти шиньши — роща вот она прямо по дороге — никто его не увидит. идет — растянулся — дышит — выбирает посуше обочины. капитон поехал за ботинками — капитон поехал за ботинками. — шепчет.

вениамин дома телевизор смотрел — юмористическую программу. он и жена сильно над ней смеялись — и старшеклассницы-дочери. вениамин собирался баню топить — чтобы с женой хорошо помыться. думал — вот досмотрю и пойду. но вместо этого говорит жене: я сейчас приду. — и встал с кресла. — да подожди дослушай. — сказала жена и взорвалась хохотом. вениамин со двора вышел и куда-то быстро идет. прошел всю насквозь шиньшу — поднялся на трассу — и зашагал в морки. перед этим в магазине купил бутылку настойки — такую сладкую он никогда не пил. вениамин — в шиньшинской школе учитель физкультуры. юмористическая программа давно закончилась — жена вениамина во двор вышла — вернулась — сказала младшей дочери: ну-ка сходи к дяде капитону — поищи отца. — так дядя капитон же в морки уехал. — ответила дочка. — да-да — точно.. иди тогда топи баню-то.

у старшего сына капитона — михаила — того который живет в шиньше — жена речную свежую рыбу почистила — теперь стала уху варить. сварила — насыпала сухих трав — ушла с кухни. пришел из сеней михаил — понюхал — хорошая получилась. эй жена — говорит — принеси мою шапку. — белую или серую? — спрашивает из комнаты жена. — а ты куда собрался? — серую принеси. хотя нет — давай белую — в которой выхожу в рощу. жена михаила вышла в кухню — за кухней порог. михаил стоит на пороге — уже обутый — в обеих руках прихватками кастрюлю с ухой держит. голову с проплешинами к жене наклонил — говорит: надень-ка. — ты уху-то куда кому понес — есть ведь ее думали? — хочет спросить жена — но не решается — потому что ее михаил тоже жрец — мало ли почему ему уху надо. открывает только мужу дверь — потом калитку. папиросу достала из его куртки — в уголок рта ему сует — вынула спички — подожгла — михаил раскуривает. она спрашивает тревожно: отец-то твой сегодня что ли приедет? михаил поворачивается к ней уже на улице — улыбается беззубой улыбкой — говорит: аленька — не бойся — я тебе еще наварю ушкишки.

сегодня выходной — а виталий семенович — который тоже между прочим жрец и работает на мельнице — с самого утра как услышал про уехавшего за ботинками капитона — пришел на мельницу — переоделся в выбеленную мукой спецодежду — и мельницу запустил. такой грохот внутри стоит. виталий то выбежит на улицу —

понюхает воздух. то обратно — слушать как машина тарыхтит. бегал так бегал — потом песню красивую спел 'авай' — ('мамочка' значит) — потом шапку снял — (это шлем который строители зимой под касками носят) — трижды на коленях обошел мельницу — землю поцеловал — шлем поцеловал — мельницу в стену поцеловал тоже — и сказал со слезами в голосе: белая белая белая лебедь — белое солнышко — белая белая мельница-тарыхтун — пусть моя семья долго вместе со мной смеется — а капитон из морков с новыми ботинками вернется. виталий без шлема стоит на земле. от мельницы хорошо всю шиньшу видно — сверху на нее льется прозрачный свет — шиньша сигналил ему субботним баннным дымом.

любой дом в шиньше открывай — на улице бери
любого — увидишь похожую несуразицу-ласку.

3

капитон в морках из автобуса как школьник спрыгнул. сам хромает — но быстро к рынку пошел. по рядам ходит — смотрит. с кем-то за руку здороваается. и думает неожиданно про себя: страшно это как — покупать ботинки. очень очень страшно. хорошо бы их долго носить — не пришлось бы в них лечь. по этому или по тому свету придется в них бегать? новая обувь — серьезнее не придумаешь. новые ботинки купить — как монету подкинуть. лучше бы не весна — лучше бы зимой приехал на рынок искать ботинки — и нашел вот какие мысли. но ведь ботинки весенние нужны. новые ботинки — сердце. это сердце капитона — в белой коробке где-то рядом лежит — на коробке наверно еще какая-нибудь дрянь написана.. кугарня где-то близко — волочет за собой ходили — в них не походишь по рынку — но вот привсталась все же — на капитона прикусив губу тревожно смотрит. капитон все медленнее медленнее идет.

что за мысли что за тревога? — удивляется капитон. — или это лишь в странные дни весны покупка ботинок приносит столько страданий? а радость-то тоже будет? но апрельское солнце моркинский рынок весь греет — и капитона который шапку с головы стянул — и стоит между рядов качаясь как водяной хвощ — смотрит по сторонам — пуговицу своего тулупа крутит — крутит крутит — она упала — оторвалась. капитон вдруг увидел — яснее ясного — как лежит в красном русском гробу в темно-синем своем костюме в зимней шапке-ушанке (как принято у марийцев) с пучком шиповника в кулаке — в этих новых некупленных еще ботинках. и капитон заплакал. в субботнее утро людей на рынке много — толкают капитона — и чтобы так не стоять — он отрывается и начинает по рядам плыть. капитон по рынку ходит и ревет — капитон-кугыза — старший жрец шиньши и всего моркинского района. плывет и плывет — на новые ботинки смотрит.

капитон потерялся — заблудился — не знает — но догадывается — что причиной всему особая эта тонкость — которая овладевает миром в некоторые утра и пополудни на границе марта-апреля. когда исчезает небо — и исчезнув всё проникает в голову — когда особенно сильно пружинит и тянет земля. не везде не всегда —

ну в морках примерно тогда вот. капитон не знает еще что в шиньше творится. кто-то капитона берет за локоть. оглядывается — перед глазами все льется искрит — промаргивается: людмила. она его выше ростом. капитон-кугыз — говори — что с вами? — помоги мне ботинки людя купить. — а вы какие ищите?

кугарня отвернулась — чтобы не слишком тревожится за капитона с людой — чтоб не смотреть в упор. вышла — осторожно неся ходули. на выходе из рынка купила себе в палатке стакан растворимого кофе с ложечкой — и сосиску в тесте. она их здесь подождет.

4

леонид агеевич по бесснежной земле на охотничьих лыжах долго-долго шел — хотя вот она роща — рукой подать. да так уж ему захотелось — весны и медленности. иногда на снежный островок нарочно свернет — постоит — потопчется — и от снега и от земли поднимается пар — и от самого леонида агеевича. шиньшинская роща на небольшом пригорке стоит. у пригорка леонид-кугыз снял свои лыжи — оставил их внизу — сам с поклоном наверх поднялся. вот они — все старшие деревья. вот четыре высокие ноги-липы — вот пятая главная нога-береза. вот дощечка у одной из лип — на дощечке написано 'шочын-ава. онаенг леонид петров' — это липа матери рождения — у нее леонид-кугыз старший. а вот личное дерево капитона — старая очень ель. на влажных зеленых ветках — два полотенца. под нее леонид свои блины положил — громко сказал молитву — разных-разных хозяев рощи просил чтобы капитон привез в шиньшу ботинки — и носил их как можно дольше. из пакета и счеы достал — посмотрел на них с большой любовью. поиграл-посчитал на косточках сколько лет уже в эту рощу ходит. тысяча — девятьсот — сорок — шесть — (щелкает): это он тогда первый раз сюда в пятнадцать лет пришел — положить богам свои первые подарки. тысяча — девятьсот — шестьдесят — шесть: это он уже помощник жреца-онаенга. тысяча — девятьсот — девяносто — два: с этого времени сам онаенг — перед матерью-липой старший. так пощелкав леонид-кугыз эти счеы — которые у него еще от родителей — тоже оставил на теплой святой земле — под елью капитона — рядом с блинами. крикнула громко птица: весело — не страшно. глаза леонида намокли. прости меня роща что немного глотнул 'крестьянской' — я не знал с утра что приду. — думает. зашмыгав — от дерева капитона обратно пошел — той же тропкой что сюда явился. по дороге деревьям гладит кору — мокрые кочки земли и оттаявших кислых листьев ладонями трогает — ладони нюхает осторожно. проходя мимо липы у которой он самый старший — смотрит — под дощечкой с его фамилией что-то синее блестящее лежит. наклонился — а это складная лопатка — новенькая — с наклейкой еще хозяйственного магазина. синяя лопатка — некрашенный черенок. леонид ее в руки взял — залюбовался — разложил сложил разложил снова. это мне что ли? — спросил задрав голову. голова его закружилась.

92
михаил капитонович — михаил-кугыз — на моркинскую трассу с кастрюлей вышел — на место откуда утром отъехал капитон. хорошо уха еще не осты-

ла. крышку снял. поклонился асфальтированной дороге в сторону морков — и в другую в направлении параньги сторону. шиньше поклонился — направо. налево — медленно вверх уходящему полю с одиноким далеким деревом. еще — зажмурившись — солнцу. солнце уже наверху сидит — так что получился не поклон а кивок затылком — так тоже можно. вместе всего пять раз. вылил уху с двух сторон дороги — на две обочины — и немножко-немножко тонкой линией саму дорогу поперек прочертил. перевернул пустую кастрюлю — сел у края дороги — закурил — и стал ждать отца. в три часа из морков должен быть автобус. очень долго еще. но михаил никуда не торопится. а если бы торопился — на все бы плюнул. нет сейчас дела важнее чем сидеть здесь и ждать — поглядывать в моркинскую сторону.

если б глаза михаила могли просматривать трассу оглябая все повороты — он бы увидел как километрах в шести в сторону морков движется вена — физкультурник вениамин — друг его очень славный и по линии жены близкий родственник. да и вениамин если бы оглянулся и так же пооглябал глазами — увидел бы на кастрюле сидящего шурина мишу в жреческой белой шапке — и тоже бы удивился. но михаил не знает что вениамин решил посвятить новым ботинкам его отца свой долгий пеший проход 'шиньша-морки'. не знает и вена что михаил ради них же вкусную уху его сестры на дорогу вылил.

и мельница неподалеку — тоже у дороги. михаил думает: а что это там жужжит? — сегодня же суббота. там виталий семенович в честь капитановых новых ботинок всю работу — из мешков засыпает сверху зерно — снизу вяжет мешки с мукой. и фураж и отруби. одному несподручно — надо вдвоем — так и бегают по железной из арматуры лестнице — вверх вниз. михаил разулся — снял сапоги — носки. на самой границе сидит земли и асфальта. иногда встанет — белой-белой босой ногой землю трогает — о теплый асфальт чешет.

толя жена — тоже людмила — быстро открыла и сняла замок с двери магазина — опустила на ступеньку длинную щеколду — оба зашли. это обычный сельский магазин — в котором по одну руку от кассы растительное масло консервы томатная паста и вермишель — по другую ночные рубашки тетради ножи волчки мягкие игрушки и вот пожалуйста например корнеудалятор. вот он вот он. — людмила почти закричала мужу — забежала за прилавок — и уже оттуда протянула его толе. — ну что скажешь? толя корнеудалятор вертит смотрит — не знает что и сказать. а что тут говорить — ну пусть будет. винт которым нож крепится к палке не до конца вкрученный — ну дома вкрутим. смотрит на же-ну — а жена такая радостная перед ним за прилавком стоит. толя улыбнулся — ладно возьми. людмила отвечает: как возьми? ты его у меня купи. толя расхохотался: а у меня денег нету. людмила ему протягивает свои — на вот. толя говорит: дайте мне люда пожалуйста корнеудалятор. люда говорит: тридцать пять рублей заплатите. толя протягивает: держите. люда руку протянула — и толя ее схватил. медленно-медленно солнце течет в магазин — всеми незакрытыми окнами — на крыльце кто-то громко стучит — стряхивает с сапог комья апрель-

ской жижи. толя вышел из магазина — и идет — корнеудалитель несет под мышкой — с которым теперь никогда не расстанется. думает: умру — на могилу попрошу воткнуть. боже как сладко было. морщит вдруг лоб — думает: может нужно его отдать капитону — раз уж он старший в роще — пусть всегда в руках держит вместо рябинового посоха. остановился: нет не могу — иногда давать может буду. движется дальше — к дому — погруженный в большие сомнения.

5

а в это время в морках на рынке сапуньжинская люда держит под руку капитона — спрашивает веселую молодую тетеньку — уронившую на плечи платок — раскутавшую рыжеватую голову: а сколько у вас ботинки стоят? — а вам какие — коричневые или черные? капитон кивает. — черные? капитон мотает головой. — коричневые? капитон кивает снова. тетенька берет коричневые ботинки на липучках и говорит: вот примерьте дядя капитон — на липучках-то ведь удобнее. вы меня не помните? я из нижней юплани люба. вы мое полотенце вешали в кужерской роще. берите — они хорошие — стоят пятьсот рублей. примерьте!

капитону дает двойную картонку — чтобы встал обеими ногами и переобулся — очень грязно везде. капитон наклониться не может — мешает не гнется тулуп. люда ему тулуп расстегнула — снимает совсем — и держит. в красном свитере худенький капитон стаскивает сапоги — обувает ботинки — застегнул — выпрямился. люба спрашивает: хорошо ли? капитон говорит: да вроде. люда кивает: очень красиво. капитон опять наклонился. липучки — чик чик — расстегнул. чик чик — застегнул липучки. говорит — мы берем их. люба обрадовалась: а я вам еще для них дам бесплатно крем и обувную ложечку. достала из-под прилавка ослепительно белую пустую коробку. крем достала — с поролоновой губкой в крышке. желтую пластмассовую маленькую ложку. капитон сказал: вот спасибо. кугарня за рынком пятой стаканчик после выпитого кофе в коробку для мусора кинула.

сколько времени? двенадцать почти. а автобус на шиньшу из морков в два. можно конечно на трассу идти — проголосовать — все всегда так делают. но капитон скорей уезжать не хочет. вышел на улицу с рынка. и людмила с ним. она тоже на рынок приезжала — за кофточкой. что искала — не нашла. пачку мыла только купила — и стиральный порошок какой-то. сапуньжа сразу после шиньши — значит им на одном автобусе ехать. люда тоже никуда не торопится. и они с капитоном отправляются по моркам гулять. ходят-ходят — во все магазины заглядывают. и в хозяйственный — и в аптеку — и в фотомагазин — люда купила там пленку 'конику'. на улице у палаток кофе пьют — что-то едят — тоже наверно что-нибудь в тесте. в одной руке капитон-кугыз держит палку — в другой коробку завязанную шнуром. кугарня на ходулях ходит за ними — а иногда без ходуль. тулуп капитон обратно надел — не стал застегивать. на люде рыжая набитая пухом куртка — с забрызганным низом — красивые сапоги — и шерстяные колготки — а шапку она еще сняла на рынке — волосы люды тоже рыжеватосветлые — как у любы — на плече с блестящей застежкой сумка — в руке с твер-

дыми ручками черный пакет. капитон думает: если бы не люда — не знаю вышел бы с рынка живым? — а если б и вышел — нашел ли бы обратно в шиньшу дорогу? — или бы люди как ребенка домой повезли? люда жмурится.

непонятно как у них это вышло — но они опоздали на свой автобус. видно очень им нравились эти теплые субботние морки — с двух- и даже пятиэтажными кое-где домами — с флагами на зданиях районной администрации и районного суда — со школами и 24-м училищем — с киосками и бензоколонками. и повеселевшему капитону приятно иногда думать что он здесь хоть не имеет кабинета — а тоже старший — и вот его столица — и что моркинские его любят. приятно улыбнуться воспоминанию о том — как стоял в рощах лет десять назад в медицинском белом халате от родственницы-фельдшера — и младшие жрецы в них же стояли — не было когда-то отороченной рябиновыми жилами белой священной одежды. и слепая жена алена которая сейчас как всегда сидит на лежанке за печной занавеской и невидимо смотрит в белую печь воспоминанием смешит капитона: ух здоровый был — как медведь.. — это он о жене так — порусски зачем-то думает. — и видит фотографию алены-невесты в тяжелых нагрудниках с семейным серебром — с такими толстыми к свадьбе украшенными ногами.. так и проходили — просидели на лавках на пакетах. на автостанцию пришли — автобуса уже нет. в семь вечера только будет. ну ладно — чуть-чуть постояли — и к трассе пошли. сразу поймали идущую в параньгу уаз-буханку — сели поехали. капитон впереди с водителем — люда сзади. минут через десять с ними разминулс вениамин — к моркам почти что бегущий. капитон удивился — но не стал просить водителя посигналить или притормозить.

часом раньше на трассе у деревни чинга вениамин увидел идущий на шиньшу из морков автобус — в котором он думал капитон сидит с ботинками. сразу замахал руками — в автобус втиснулся — капитона крикнул — капитона нет. и водитель сказал что капитона не видел — и шиньшинские в автобусе подтвердили что обратно он не садился. вениамину бы решить что капитон уж давно дома — добрался на попутке. но беспокойство его стало настолько сильным — что он сказал 'эй не дай бог' — и побежал в морки на рынок. на выезде из морков — сигаретный пивной киоск. у киоска — большая пятница — кугарня-юмо. эй веня! — кричит. — не беги — капитон ботинки купил — на параньгинской буханке уехал.

капитон стоит на асфальте — на боковом съезде к улицам и крышам шиньши — с ослепительно белой коробкой — в которой стучат ботинки. очень громко и ровно стучат — потому что ведь это сердце. капитон не уверен что оно его одного. ботинки-то на липучках коричневые — его точно. а сердце вот может общее. наверно шиньши — или всего моркинского района — раз уж он здесь кугу онаенг — старший жрец. да кто знает? опять щурится — провожает глазами

буханку с сапуньжинской людой. с кастрюли встает михаил. ничего не говорит отцу. всё же сам видит. неподалеку виталий семенович глушит мельницу.

человек с коробкой новых ботинок: неразбавленный ужас с неразбавленной радостью: но живые стараются не думать о плохом. от такого живого старания ужас с радостью друг с другом плавятся — и рождается сердце. нужен еще апрель — как необходимая лаборатория. и то не каждый его день. не каждый — но и не единственный. вот вторая апрельская суббота в этом году в шиньше такой была. и еще похожие дни наверно были и будут. капитон опускает руку в карман тулупа. там мыло — которое люда в морках еще зачем-то туда взяла и сунула. на мыле написано 'абсолют'. капитон вздрогнул — и сошел с асфальтированной дороги.

7

новые ботинки с кремом и ложечкой — раскладная синяя лопатка — корнеудалитель — долгий путь полубегом по весеннему асфальту — вылитая на дорогу уха — запущенная в субботу мельница — бог-пятница на ходулях — мыло 'абсолют' — под елью деревянные счеты — глаза людмилы из сапуньжи. связи если и нету — отложите пока 'ботинки' — пересчитайте в марте-апреле. утром ли вечером? соединяющая все фигура вспыхнет. фигура типичная для весны. то явная то тающая.

8

весь вечер до самой ночи капитону моркинские звонили. все кто его самого с коробкой не видел — все позвонили кажется. аж с красного стекловара — машнура — масканура — и памашсолы. купил дядя капитон ботинки? — купил купил. — купил дядя капитон ботинки? — купил купил — вот крем еще дали — и ложечку.

поздно-поздно — никак в одиннадцать — залаяла собака у капитона во дворе — в окно его дома кто-то застукал. капитон заспанный выглянул — потом вышел. толя стоит с корнеудалителем и огромным пирогом. пирог из консервов-скупбрии. некогда было свежую ловить. к тому же из консервов — скупбрии или сардин — между прочим вкусно. капитон-кугыз — не сердись — я тебе не могу корнеудалитель-то подарить. пожалуйста не сердись — вот возьми от меня и люды.

9

и вениамин пришел домой где-то в это же время. чистые красные жена и дочери смотрели телевизор. там опять смех. жена говорит: иди мыться — полотенце там есть тебе. проходя через двор от крыльца к бане вения слышит странный и сильный частый довольно треск — где-то от головы очень близко. думает: это небо над шиньшой трещит — все устали сегодня очень. вения сигарету даже вытащил изо рта — голову задрал — слушает. но перестало — никакого треска теперь не слышно. тут вения догадался — треск этот шел от его сигареты — горела бумага всякий раз как затягивался. до чего же у нас здесь тихо. — думает вения. — после морков-то.

анемоны

2002

анемоны покрывшие
железо и ткань
к р о в а т и
анемоны плеч
анемоны рук
анемоны глаз
анемоны свитера
анемоны декабря

света спит на железной койке потому что чувствует к ней симпатию. правильно — обе как сестры — похожи друг на друга. длинные и смешные. света койку называет светой — а себя койкой. утром света застилает койку, протирает обувь и идет на работу. вечером возвращается, стелит койку и ложится спать.

кварталы у северной границы города тоже похожи на свету. неизвестные миру трамвайные пути, магазины, аптеки. деревянные улицы с промышленными названиями, прямыми линиями уходящие к лесу. никто здесь не гуляет — все думают что ехать сюда очень далеко и совершенно незачем. а света любит здесь очутиться — и добирается двумя трамваями.

света любит аперитив с яичницей — и в выходные дни часто этим завтракает. пить аперитив и заедать яичницей очень здорово. так вкусно что хочется плакать. аперитив — это горечь на травах. крепко но легко. а потом света едет на северную окраину и там гуляет.

вечером света читает книгу. там написано: алуксне сине-зеленого цвета — синие крыши, зеленые окна и двери, стены пятнами. вечером глядеть на траву — вот вам

и город алуksне — зелень окутанная синевой. ветрено — улицы как качели. есть озеро — в нем купаются голышом. спины у девушек алуksне все в веснушках.

свете нравятся анемоны. но не как цветы — света цветы не очень и любит. света думает что анемоны означают гораздо большее. анемоны как слово — это какой-то пароль. анемоны как смысл напрямую связаны с любовью. света думает: анемоны: и волнуется: от нежности.

у светы маленькие груди. иногда она на них смотрит. вы миленькие. — произносит вслух. если койка — светина сестра, то брат у светы — с балкона велосипед. она на нем не ездит, потому что может упасть. света коротко стрижется. выпал снег. наступила зима. анемоны рядом.

а н е м о н ы — э т о н е ц в е т ы .

анемоны — это поцелуи в спину. ну или в ключицу. или в плечо — только долго. когда целуют в спину — любят на самом деле. в губы в ноги и между ног человек целуется с летом. а когда анемоны — целуют только тебя. анемоны рожают декабрь и одеяло. и желание пройтись. стоять на улице, мерзнуть. анемоны — поцелуи в спину иногда через белый свитер. иногда через черное пальто.

а так бывает — обнимешься в толстых куртках и ну целоваться, иногда попадая в лицо. тут уж определенно имеешь дело с анемонами. и руки в перчатках или в варежках. встретились — нечего сказать. анемоны — поцелуи через одежду.

выпьешь вина и наешься снега. с анемонами едешь через весь город и плачешь. придумываешь подарки. покупаешь пирожки. рисуешь улитку. вышиваешь бабочку. купишь ткань для красивой ночнушки — шьешь и думаешь — не получится. наполняешь квартиру керосиновыми лампами — а толку-то что — без конца вытираешь с них пыль.

анемоны желто-красные, синие. фиолетовые анемоны. анемоны и молчание. анемонов полны глаза. анемонами на балконе покрываешь морозный воздух. анемоны — когда на улице поцелуешь себя в рукав.

так бывает. сделаешь кофе и поцелуешь чашку. придешь в хозяйственный магазин чтобы перецеловать все ведра и инвентарь. каждый тазик и цветочный горшок. банки с клеем для обоев все до одной. все бутылки со скипидаром. мясорубки. гладкие черенки. резиновые коврики. шланги. мешки с удобрением. кассира и продавщицу. купишь ситечко и уйдешь оставив магазин наполненный анемонами.

так бывает. купишь много вкусной еды. и откроешь форточку. и выйдешь из дома. вот и вечер пришел за твоими анемонами.

ее вырвало на пол — а ты трезвей. вытираешь ей простыньку рот и убираешь блевотину. аллес-нормалес. — говорит она. долго возишься. она спит —

в свитере и в ботинках. наступает утро. сидишь на полу. целуешь ее от ботинок до стриженного затылка. после гладишь эти новые анемоны.

хватит не плакать и не грустить и шить некрасивые игрушки. хватит рисовать картинки а потом вставлять их в рамочку. как же жить среди такого количества анемонов? как же ходить как дышать когда их столько в такой небольшой квартире?

а н е м о н ы . н у в с ё . н у в с ё .

прав кто как света догадывается об анемонах. мы не знаем где она — но в анемонах уверены. пишем пальцем на белом стекле — анемоны — и целуем каждую букву.

*

начинается начинается — ах ах. дом был очень маленький. зима дровами щелкала. горячо аж было. хлеб был — торжественно выносился из столовой, в столовой брали — вечером — там она и работала. мыла полы — на полу анемоны — и на швабре — и на ведре. тугая полоска под майкой со стороны спины анемонами особенно покрыта. я буду чинить эту батарею — думал я — и на руках проступала позолота. дверь заменим — старую поставим в праздничный угол. почтовый ящик — ржавая лепешка. маленькая — но плечом рисуешь в темноте. скачешь на одной ноге и руками машешь. на деревьях висят бутылки. кто развесил их?

ждать ждать ждать — завернувшись в пижаму — звонка из киева. засобираются в люблин — надо бы съездить — надо. автобус с цыганами через улицы коломый, через неверные особняки. в черновцах новый год. и в сучаве новый год. ночью румынские села спят. буковинские села спят. в городе рэдэуць на румынской буковине больше всего анемонов. 'рэынтоарчереа ля рэдэуць' — анемонов личная песня. анемоны — иначе ветреницы.

в перемышле в перми в брашове анемоны выстилают поребрики — и на крышах такси — и билетные кассы. простым глазом видно как цепляются анемоны — вверх и вниз — местность-то ведь холмистая. идет продавщица из нотного магазина — пожалуйста остановись! — запусти в свои волосы руку — что там? — анемон на анемоне.

болезнь бывает так трогательна — шататься по квартире — в каждой комнате бухаться на кровать — в каждой комнате на табуретках лекарства — горло горит а голова кружится. что ж хорошего? — а то что увлажняющим кремом натираешь губы — под красным одеялом кривишь улыбку и ждешь. звонок в дверь — стук в комнату. через щель под дверью протискиваются анемоны. входит и забирается в шерстяном платье в перемятую кровать. на губах ее кровь от твоих ненадежных губ. анемоны обволакивают пружины — не дают им громко скрипеть. когда уходит — ползешь на кухню толкать и в нос и на губы отвратительную мазь.

грохнулись на парту в лекционном зале — и не жестко ведь. там ковер — из красных анемонов. голова болтается в воздухе — как же так — почему удобно? это желтые анемоны мягко поддерживают голову. синие анемоны заслонили дверь чтобы никто не вошел — не отличил от стен.

радоваться надо — скромнее надо быть — потому что нету скромности. пальчики твои перебираю как четки — потому что нету скромности. споткнулся — упал — оторвал умывальник — потому что нету скромности. видел тебя — был — радован радосевич — потому что вы ее не знаете — скромности этой — не бывает скромности.

вот завернутый в целлофан кулич, вот рябиновая наливка, а вот мой подарок — сливы. сейчас же все выпьем и сожрем, искупаемся в грязном озере. вода зацвела густо-густо — покроемся этой зеленью. она лишь разукрасит пестрые анемоны, которыми мы покрыты с позавчерашнего утра.

анемоны исчезают — гибнут — покидают — бросают нас — злючки. колдовать бессмысленно — надо целоваться. целовать кнопку лифта, рыхлый и темный снег, тяжелую дверь в главпочтамт. анемоны рождаются — смотри на них — теперь не скоро исчезнут. анемоны не обмануть — ни губами ни голосом. чтобы украсить анемонами например уют — нужно дважды до его размеров увеличившееся сердце. а лягушку можно не целовать — достаточно ее потрогать. возможно ли чтобы анемонами оказалась покрыта пепельница? — ну конечно же да. здесь совсем ничего не следует делать — просто закрыв за гостем дверь вернуться прибраться в кухне и обнаружить что пепельница вся охвачена анемонами. анемоны с предметов не исчезают подолгу — бывает что никогда. анемоны исчезают с человека очень и очень быстро — и с одежды его — вот беда. футляр из-под очков легко набить анемонами — сложнее натолкать их в карманы пальто.

слово да — салфетка плетеная из анемонов — красно-желтый узор. но их может быть много и в слове нет — анемоны здесь более дымчаты — бледно-синие, фиолетовые, темно-зеленые. а — это красный цвет выстилающий поверхность мира — позывной живых. а — любовь — анемоны свадеб и встреч, дома, своей постели. анемоны слова нет — воздушные, подземные — анемоны вокзальной ночи, гостиниц, кофе — анемоны прощания — анемоны небесной нежности когда не рассчитывают быть вместе.

мы не будем жить вместе — нет. это нет плещущее в глазах разрешает нам прорасти насквозь тысячами синих анемонов и любить друг друга. наши ласки возможны если они — в анемонах. анемоны слова нет — украшают небо. анемоны слова да — не покидают земли.

на анемоны — и вызывай такси. да ладно — стукнемся головами — и всё. подбрасывай анемоны до потолка, а уж я объясню таксисту почему мы так медленно едем — почему так трудно дышать — почему на его сиденьях шуршанье и нежный запах — почему колеса чуть отрываются от земли — охапки моих анемонов устремились к небу. нечего сказать — простились.

ехать не шевелясь, не раздеваясь, не вынимая коржиков. слушать как исчезают твои анемоны — но до конца дороги хватит. каждое легкое движение стряхивает их с тебя. не улыбаться чтобы анемоны не ронялись мускулами лица — ведь и так трясет и стучит. а сколько их оторвалось когда пришлось сходить взять постель. а если дорога особенно долгая — ближе к ее концу можно и выйти в тамбур. задрать голову — передать привет последним анемонам уходящим через крышу поезда.

анемоны — это стало ясно вполне. в сумке — шерстяные чулки разрисованные орнаментом — словно вазы для красных анемонов. с анемонами танцевать — не жалеть и умереть от жалости. существование анемонов — лучшее знание и опыт. лучшая спешка и неподвижность. но не предмет. все предметы можно держать в кулаке. анемоны не являются предметами — и в кулаке не держатся.

поэтому первым и лучшим предметом мы называем керосиновую лампу.

*

анемоны ткуются и ткуются — вне предметного мира — нами и ради нас — случайно или намеренно — пусть. удерживать и следить за ними никто не пытается — что вы. лучше поешь-ка суп и картошки с грибами и выпей. будем ходить в кафе и подмигивать друг другу. мы ведь предметы — и не имеем власти над непредметами. будем шутить и целоваться с летом в раскрытые ноги подруг. никого не станем искать и специально ездить на румынскую буковину. пусть радио нам споет. пусть появляются дети не знающие анемонов. жизнь без анемонов смешна и приятна.

притащимся в зоопарк и еще подумаем — стоит ли покрывать анемонами всех этих бородавочников и обезьян. если надо будет — покроем хоть змею — если сердце вдруг станет такое же длинное — если вдруг замолчим. но бегают жираф — а мы хохочем.

ну-ка что я такое принес? — жестяную коробку с бомбошками — выкрал из елочного подарка. есть их надо весь будущий год — доставая изредка — предчувствуя анемоны. утром встали — и по очереди пьем из чайника — ой ой ой — вот так повеселились — под столом семь пустых бутылок — и бомбошки все сожраны — в пустой зеленой коробке две последние и налит портвейн.

здравствуй милая — не думай об анемонах — такой грудью как у тебя анемоны только пугать — ну их к чертовой матери — поскорее ее достань — раз два три — прыгаем со стола в кровать. не уснули ни ночью ни утром — лежа курили — бегали на балкон. распрощались — смеялись у лифта. я на улице раскачиваюсь и машу — ты в окно в новый раз вываливаешь устрашение анемонов. не считая года — через четыре дня — звоню в твою дверь и целую дверную ручку — и косяк и глазок — открываешь — и вот они — вот они анемоны — ну не плачь — ну не шевелись!

замерли замерли — ну давай замерзнем — ну давай превратимся в сугроб — пусть нас спасают, везут в больницу — мы оживем — без ушей или пальцев ног — разве мы виноваты что холодно? — разве мы вправе мешать рождению анемонов?

моя хорошая — стой на месте — мы никуда не идем — мы не звоним — не приносим извинений. возможно мы когда-нибудь и разденемся — когда обрадованные усталые анемоны чуть раздвинутся и уступят место лету. тогда мы коснемся живота и губ — глазами грохнемся в середину тела — покажем лето и станем им в присутствии анемонов притихших на спинках кровати на стенах и потолке.

а пока лето ходит где-то под окнами и не смеет войти в квартиру. так будет долго — ровно столько сколько на наших одеждах пуговиц ниточек волосков — сколько вязаных петелек складок и разводов рисунка — на штанинах и свитерах.

Т О П О Л И

сцены из быта мертвых
числом десять

казань
1930

сон	тополя
ветер	тополя
месяц	тополя
радость	тополя
песня	тополя
сердце	тополя
комнаты	тополя
зима	тополя
небо	тополя
разговоры	тополя

№1 сон

эта пуговица на земле
приносит радость

посмотрите как хорошо
что осталась

и не стоит
ее поднимать

в я р к и й
в е т р е н ы й
д е н ь

li — li — li

(трава белый сон)

(туалет подпали)

№2 ветер

в яркий ветренный
п о л д е н ь

форточки и балконы

напевают на и

едят холодные
п а т и с с о н ы

пьют квас

л и с т а ю т
адрес - календари

спокойно сердце

к а ч а е т с я
на воде

лягушиного домика
д в е р ц а

№3 месяц

месяц тополя
белый пух
стала пухом земля
в с е м

в одеяле старик нем

месяц тополя
белый пух

мы поем без конца

№4 р а д о с т ь

да —

птицы — клювы — собаки — сны
пчелы — бутылки — цветы — дома
бритвы — чернила — фольга — шкафы
перья — волосы — трава

да —

зубные щетки — полевой крот

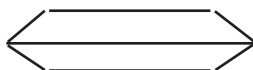
солнце — рыба — река —
в е т л а

да —

каштановое дерево

да —

ч е р е м у х а

да

№5 песня

музыкальнее всех
дети тополя

и поют лучше всех:

‘потерялся мальчишечка маленький’

песня тополя — смех

смех тонюсенький

смех чердака
обращенного прямо в кусты

а в кустах
анетта и юлия

разлетелся подол на три стороны

ах пожарные
не колесите

музыкантам на солнышке
нет не ветер полощет листы

та — та — та
та — та — ти

поют тополя

в белом земля
п у х у

по одежде в траве пробирается гусеница

ли — ли — ли
ли — ли — ли

я люблю тебя
м и л а я

твои волосы мягко черны
и пизда хороша

№6 сердце

две уключины
в сердце тополя
плеск воды

саша нина
жасмин калина
это мы

и калиновый белый цвет —
одеяло любви

вот возьми от меня конверт
на дорожке

чи-чи-чи болит голова
не хватает силы раздеться
но придет под утро сова
и осыпет перьями сердце

у мышонка болит голова
крот ему помогает раздеться
вот и утро идет сова
осыпает перьями сердце

№7 комнаты

здесь живет
неопнятно дима
(с птичьим глазом)
он гундит
он упал
его вынесли
он встал

ксения порхает
и живет в шкафу
пыльная такая
говорит ку-ку

дочки валентины
где-то здесь
дочки валентины
могут съесть

из мусора мальчик
башню сложил
картину поставил
все уронил
вон идет по улице

никита ильич
собрал гостей
с белой бородой
собрал гостей
перелез через забор

сел на табуретку

генерал идет
открывает рот

лена сидит
в подъезде
на лестнице
юлю ждет
юля в вазу срет

№8 зима

даже зимой
окно и
б р а н д м а у э р
говорят про
н а т а ш у

про ее жениха
и папашу

№9 небо

вышла из дому
н е н а г л я д н а я
оторвалась от земли
не слышала
девятого стука

в небесных домах
п о г о с т и т ь
едва ли
ей доведется
дольше обычного

скатерть сложили ангелы

набухли глаза

я б л о н и
скрипят на небесном
в е т р у

в о т
и и
скатерть
на дереве

будем стелиться
не залетать высоко

куда уж нам выше

к а ш а

а полотенца
хлопают и стучат
на всех
поперечных улицах

кто же на сердце
провел полосу?

м и л а я
м и л а я
дом мой открыт
в кухне пирог

я купил тебе пуговиц
и коробочку для камней

п т и ц ы
в ь ю т с я
к р у ж а т
н и ж е
н и ж е
вот и земля

набухли глаза драконов

внизу дорожка совсем крутая
с нею пойдешь — сотрешь все в мае

т а ю
т и х а ю
с т и х а ю
п р о н з а ю
я

т а ю
т и х а ю
с т и х а ю
п р о н з а ю
я

а н г е л ы и р е в о л ю ц и я

рассказы для
города вологды

вятка
1923

пара слов от господ бога
бесстыжая дачница
молодой рабочий
злобный пиротехник
картофельное сердце
у собаки крылья
жорж на кате
девочка и баба
большая субботняя любовь
грузинская улица
н е л л и
хлебный пролетариат
жонглер дима
т е т у ш к и
свадебные подарки
бандитка лена
инженер славянов
роскошная грудь
равнодушие моря
п л ю ш е ч к а
наташины расчески
у р а г а н
папироса на морозе
горе и несчастье
цветок потонул
димины немки
роман лины
поляк рыткевич
чекист денисов
к р и в о ш е й к а
состарившийся витя
ч е р н и л ь н и ц а
крыса юли

у нас с романом
горькое пение
с е р е ж а
питийный товарищ
п и с ь м о
п и р о ж о к
единственная радость
р а й
питийная подружка
анна бабочка
власть под кофточкой
м а к и
анна агата рада
ингвар васьилевич
беременная оля
восточные хутора
у б о р н а я
обращение камчатского ревкома
з в о н о ч е к
п о в е т р у л я
ч е х и
и м е н и н н и к
афген - пинчер
в и н о г р а д
веревочный театр
примитивизм это
на улицах
под мостом
в медном тазу
б о ж е н а
паучьи ножки
с е с т р а
отъезд немок

avec plaisir
 э с т е р
 север - юг
 л и л и ц а
 пирамидальные дубы
 фольклорист сушков
 амурский лесной кот
 первый голос
 з а к у с к а
 о р г а н и с т
 сестра моего друга
 а н г е л
 типограф максим

п е л а р г о н и я
 сцены с окунем
 м а г н и т
 lieru laru laira
 старый аркаша
 те - ика - а - мауи
 и в а н о в с к о е
 н е т о п ы р ь
 мартын межлаук
 и г о л ь н и ц а
 этот месяц август
 ш и п о в н и к
 ангелы и революция

п а р а с л о в о т г о с п о д а б о г а

на момент издания книги автору текстов исполнилось 22 года. он считает себя неплохим писателем-примитивистом и в настоящее время работает в вятской чк.

б е с с т ы ж а я д а ч н и ц а

вы её видели. вот она ходит садовыми дорожками и к пристани за хлебом и колбасой. вот её шлепанцы — вот белая кофточка и полотенце на поясе. вот подвернутая юбка и искусанные слепнями ноги. летом солнца хоть отбавляй. у нее есть лодка — в ней она плавает вокруг нашего дачного острова. помахивая веслами сидит в лодке голая и приближается к берегу на такое расстояние, когда белое пятно ее тела уже приобретает резкость — но с берега надо морщить лоб и по-дурацки пучить глаза чтобы что-нибудь различить. даже в женской купальне женщинам неудобно — так она сидит и лежит, поворачивается, наклоняется, оглядывается по сторонам. женщины возмущены еще тем что эта дачница так неоправданно дорожит волосами на своем теле. она всегда там где много людей. цыпа-цыпа — так приманили мы ее в первый раз.

м о л о д о й р а б о ч и й

изверг молодого рабочего — горячий и огромный — разобьет все папенькины окна, опрокинет маменькино канапе, огреет по уху братца, напугает до ужаса сестру которая — ах! — запомнит его на всю жизнь, раздавит кота-евнуха, найдет меня в моей комнате, толкнет в живот, порвет кружево, подденет, насадит как гайку и унесет отсюда — боже боже приведи! он бешеный красный молот. да да — я социалистка. да здравствует пролетариат. а папенька сволочь. ненавижу буржуа. — так думала вая, дочка главного инженера, в своей комнате в 11 часов утра.

з л о б н ы й п и р о т е х н и к

злобный пиротехник валериан венерин женился по большой любви. его жена женья была ласковая и очень молодая. все свои пакеты и бумажные стаканы с адскими начинками венерин хранил под супружеской кроватью – ему было невыразимо мило видеть и чувствовать как покрасневшая женья взвизгивала и ещё крепче впиwала свои маленькие пальчики в четырехугольную его спину всякий раз когда кровать начинала ходить и продавливаться. лёка злобный – когда же ты уберешь этот порох из-под кровати? – шептала маленькая женья холодными как снег губами. но мы-то знаем цену этому холоду, этим словам. знали и пиротехник с женой. извини хомячок – я опять забыл. – бубнил венерин и в глазах его стояли слезы любви.

к а р т о ф е л ь н о е с е р д ц е

мы нашли картофелину имевшую форму сердца. до чего же круглого и толстенького. в нем было что-то неприличное – но все всё равно смеялись и думали об этом каждый про себя. один только папа его перевернул и сказал – вот смотрите. тогда и коля его перевернул – но несколько по-другому. а полина с мамой скорчили рожи и воскликнули – ну-у мужики! но глаза их светились радостью. все были рады на кухне оттого что коля эту картофелину не почистил а оставил в подарок для своей жены полины. прошло уже много времени – а картофельное сердце всё ещё лежит у нас на окне и даже не позеленело.

у с о б а к и к р ы л ь я

мы шли по мосту и оживленно гадали – какие крылья могли бы быть у той или иной собаки:

у немецкой овчарки крылья как у орла; у таксы крылья маленькие – она ими часто машет как утка (такса – утка среди собак); пудель при полете помогает себе ушами – по бокам у него ещё одна пара крыльев – они такие же дурацкие и включенные; у фокстерьера крылья жука – и при полете он единственный не лает а издает специфическое жужжание; у мопса крылья – дамские вееры; у пойнтера эластичные элегантные эллипсы; у болонок розовый язычок и глаз не видно: крылья болонок – два аккуратных сочня с творогом; борзые летают – девушки сходят с ума, и крылья у борзых как у архангелов на полотнах итальянских возрожденцев; лайки и шпицы имеют невидимые крылья – слишком долго жили они среди колдунов; нетрудно представить как может летать бульдог – отчаянно машет едва заметными кругляшами и всё норовит оттолкнуться от какой-нибудь другой летящей рядом собаки – собаки не ворчат – они любят бульдога – мы решили что бульдогу надо бы пропеллер; а спаниель переворачивается в воздухе с живота на спину – он сам себе пропеллер – и крылья ему не нужны.

мост был длинный – прогревшийся за день – и собаки с нашими крыльями летали над ним.

ж о р ж н а к а т е

жорж на кате смотрелся бы лучше если бы катя была поумней. но катя ведь дура — круглая рожа и много красится. а жорж — философ — учится в харьковском университете — и в киеве его любит одна хорошая девушка. жорж например всегда опрятно одевается — высокий, подтянутый, с новым саквояжем. а катя любит яркие цвета — кричащие и фальшивые. утром снег навалится — катя виснет на жорже и говорит: жоржуня позавтракаем? и закрой пожалуйста форточки. форточки же хоть закрой хоть выломай — теплее в комнате не будет. бум да бум — посреди холодной комнаты кровать гуляет. катя ясное дело рада — рождество не за горами — под катей две простыни а на кате жорж. на рождество они поедут в ковну и поженятся. потолки высоко — и катиной душе совсем не тесно в круглой жоржевой комнате. мы ведь понимаем — милые ворчуны — твои жорж друзья. но всё-таки скажем жоржу: жорж — с кати слезь-ка! и найди себе кого-нибудь получше. скажем так — хотя от этих собственных слов на сердцах у нас грусть и холод.

д е в о ч к а и б а б а

ангел дима рассказал мне эту историю. у генерала крушилова проживавшего в киеве была дочка машенька. милый эльф с блестящими глазами и сердцем чистым как белая бегония. машеньке едва исполнилось семнадцать лет — и родители звали её не иначе как мышонок, бельчонок, минька — а на рождество и пасху дарили ей длинные вязанные носочки с орехами внутри. целый год машенька проводила в городе — а летом её отправляли на дачу к старой папиной кухне отдохнуть. так было всегда — так случилось и этим летом. только на этот раз ещё и поселился по соседству с нашими дачницами прапорщик кныш — чистый таракан — отдыхавший после ранения. он-то и водил машеньку гулять на луг и к себе в сад помогать собирать вишни. из киева машенька уехала прелестной и скромной девочкой — а вернулась ражая и истощная баба — ошалело поводившая глазами. она ходила по дому как бульдог на задних ногах — рядилась в какие-то шали и тыкала папеньку в живот, говоря при этом — эге! раздувала ноздри и подмигивала. генерал и его жена целыми днями метались по комнатам, поочередно хватались за головы и кричали — ой-ой! или же закрывшись в спальню подолгу смотрели друг другу в глаза, держались за руки и слушали в окно, как на улице машенька топала ногами и хрипло смеялась объясняя чего-то кучеру.

б о л ь ш а я с у б б о т н я я л ю б о в ь

в субботу — куда бы нас ни звали и какая бы погода ни стояла на дворе — мы с аней знаем: сегодня должна состояться наша большая субботняя любовь. что это такое? это пять часов на простыни посреди пустого дома и выходного дня. ай какие там пять часов! — ведь мы не англичане чтобы знать об этом. мы много работаем, и жизнь наша — долгие холодные дни. но едва успев пожениться мы твердо решили — большая субботняя любовь станет нашей семейной традицией номер один. всё всегда грустно наполовину — и зима здесь не станет мягче — упаси бог! — мы этого

грузинская улица

на грузинской улице с самого утра

на грузинской улице с самого утра

мне домой пора.

милая — она не носит больше очки после этого случая. они осыпались как труха на трамвайную ступеньку. известно — что трамвай без лошади движется дьявольской силою — а нелли зашла в него не перекрестившись. билетик у нелли был — на углу евангелистов она хотела выйти. 'два пирожных у кондитера — непременно два а не одно' — думала нелли ставя ногу на ступеньку — как вдруг раздался оглушительный медвежий рык в миллиметре от ее уха: мамзеля — кажи билет. дальше было так — с колокольным звоном в ушах нелли увидела дьявола в форме трамвайного водителя. он стоял вплотную к нелли и рукой закрывал проход. у него не было зуба, лоб был сожжен и шелушился, а глаз был один и — кажется — посреди того сожженного лба. дьявол глумливо улыбался. а-а билету пожандничала! — засвестили со всех сторон его прислужники. и в эту минуту очки на нелли лопнули раз и навсегда: дьявол расплылся — стекла осыпались — и оправа соскочив с носика упала вслед за ними. нелли видимо всё-таки показала дьяволу билет — потому что скоро стояла на улице — забыв про кондитера — без очков — и не могла сдвинуться с места — потому что трамвай без лошади ходит дьявольской силою — и надо перекреститься — а лучше плюнуть на рельс и сказать 'сгинь' — а еще завелся ероплан и того гляди упадет на голову — а еще по городу ходит черный перепел и ворует детей.

из всего пролетариата самый лучший – хлебный. это люди обсыпанные мукой и пахнущие самой счастливой истиной исходящей из земли. у них не такая уж сладкая

жизнь как сладки могут быть их щеки и руки — но согласитесь — хлебный завод лучше чугунолитейного или угольной шахты. конечно — эксплуатации человека человеком хватает везде — глаза у наших белых тружеников часто как у обманутых детей. но поэтому и порыв, и особенное упрямство человека умеющего делать вкусный калач, и в революционном строю хлебный пролетариат — самая душистая колонна.

ж о н г л е р д и м а

жонглер дима любил показывать трюки за столом. возьмет три винные пробки — подкинет — две поймает — а третья упадет кому-нибудь в суп. или поставит стоймя соломенную салфетку и примется показывать кукольный театр. возьмет в тарелке с костями два рыбьих плавника и водит ими над салфеткой. это море. — говорит дима. подлинно русский театр. — объявляет дима через мгновение и показывает следующее: над салфеткой-ширмой поднимает бутылку водки и стакан — из бутылки льет в стакан и смеется на всю комнату. после этого прячет за салфетку собственную голову и начинает корчить рожи и отворачивать салфетку. его пальцы скручивают салфетку в трубочку — и все видят то надутую то зубастую то печальную рожу димы. скоро рожи у димы кончатся — и он слегка смущенный откладывает салфетку. а еще он может схватить огромное блюдо изготовленное в 1871 году на королевской фарфоровой мануфактуре в саксонии — на этом блюде только что был заливной сом — и приставить себе под подбородок. ну — кто я? — обращается лукавая голова димы к сидящему напротив гостю. ты иоанн креститель. — сердито бормочет гость. молодец — угадал! — хохочет дима. — ты образованный человек. — хохочет и срывается с места для того чтобы пожать гостю руку.

т е т у ш к и

я их так любил — милые сестры моей матери и тетя саша — сестра моего отца. они играли со мной, гуляли и рассказывали очень много глупого. теперь я знаю что для меня они были детскими сексуальными переживаниями. но ведь и я для них был сексуальным переживанием. не случайно же они иногда переодевались при мне — правда отворачивались или говорили мне — отвернись. купались со мной — конечно же в купальниках — но как ловили меня в воде, подбрасывали или учили плавать! я научился плавать с такими чуткими учительницами — но ещё я помню как неожиданно толкалась моя рука или нога во что-то невозможное. кто спрашивал — ты меня любишь? и просил — поцелуй свою тетю? кто в бабушкином саду рвал со мной ягоды в халате не по фигуре и наклоняясь к нижним веткам показывал груди и темные соски? они возили меня на велосипеде по тому городишку и вдруг капризничали — теперь ты кати. и я катил во весь взмыленный дух своих шести-девяти-двенадцати лет — а потом они все вышли замуж. возможно я горевал — хотя нет — ведь я не девочка. и вообще из другого города. а к тетушкам меня привозили родители в один из летних месяцев — а потом увозили обратно.

с в а д е б н ы е п о д а р к и

вот подарки, которые супруги лапины дарили друг другу из года в год в годовщину своей свадьбы. теперь неизвестно чей подарок чей — но вот они все перед нами:

две круглые рыбы из лунного камня — каждая на голубоватой кварцевой подставке; картина размером с мужскую ладонь — на картине посреди зимы два маленьких дома; альбом эротических фотографий 'лето в питкьяранте' — на двадцати шести фотографиях везде она — жена: в лодке, на мостиках, среди деревьев и старых пней; две чайные ложки с маленькими клеймами warszawa, miodowa, 5; набор красок и к ним три кисточки: времени прошло достаточно — но краска ещё не вся кончилась; тряпичный ёжик с огромными глазами — внутри у ёжика пуговица-сердце; две глиняные утки с гуцульскими листьями на крыльях; длинный длинный шарф и две варежки; два деревянных мышонка играющие на цимбалах; грушевое дерево опять же на картине — под деревом котик ищет груши, а время — глубокая осень; две черепахи из яшмы.

других подарков нет — а нам так хочется чтобы они были.

б а н д и т к а л е н а

сколько же она переубивала красных героев! как свистнет и плюнет в рожу очередному мученику. ещё она могла потряхнуть кудрями и сорвать с себя ремень с огромной пряжкой. штаны-то с лены — ух! — а вся шушера гогочет. до чего же худая была и легонькая — ленины головорезы только на руках её носили — и на коня и в церкву и в лопухи если нужна. сидит лена в лопухах а бандиты все полукругом — шашки наголо — лене честь отдают. и орала она — и не мылась толком — а всё равно её любили. красных героев она сама же и расстреливала. свистнет, плюнет, 'что на ё — то моё' — скажет и бах в лоб из маузера. что на ё — то моё. — такая у неё была любимая поговорка.

и н ж е н е р с л а в я н о в

николай гаврилович славянов — начальник пермских казенных пушечных заводов — плыл на пароходе 'франция' на всемирную выставку в чикаго за дипломом и золотой медалью присужденными ему за изобретение электродуговой сварки металлов плавящимся металлическим электродом. шел 1893 год. океан был спокоен — и морские чудовища лениво качались на его поверхности не думая съедать русского изобретателя. середина океана. — думал славянов и усмехался в бороду. он вспоминал как в перми жена сказала ему: коля — привези из америки белого попугая — мы назовем его антон. в россии пожалуй теперь была глубокая ночь. славянову не спалось. стоя на палубе он думал — почему ей так нравится это имя?

р о с к о ш н а я г р у д ь

у нины была роскошная грудь и синий купальный костюм. нам было жалко такое со-
кровище и мы попросили нину этот костюмчик снять. лето — и на берегу нет нико-
го. — говорили мы нине. кроме нас троих была ещё танюша — нинина подружка
и наш похотливый ангелок. она сказала — нинуся, я тоже тогда сниму — и засмеялась.

ах боже мой! мы
увидели роскошную грудь
в ту поездку на озеро.

р а в н о д у ш и е м о р я

море бывает убийственно равнодушным и чаще всего разочаровывает — это
не секрет. море — это всегда окраина земли где казалось бы столько чудес —
но вот оно — обыденнее всего на свете — и зачем нужно было продельывать та-
кое расстояние из глубин материка. не случайно столько людей стреляться от
одиночества едут именно к морю. нет — море не чудо подаренное родителя-
ми — и уж никак не ленивое солнце на белый живот — а всего лишь телеграф-
ная проволока — звони куда хочешь и будь готов ко всему.

п л ю ш е ч к а

когда мы были детьми — но таковыми себя уже не считали — мы зашли в булоч-
ную григория барсукова чтобы потратить гривенник. за прилавком стояла его дочь
евгения. надо сказать что все считали евгению скромницей, но мы-то знали что
всякий раз когда в булочную входили мы — глаза евгении следили за нами с тру-
дом стараясь не расплескать какие-то тайные желания и уже едва ли скромно. до-
вольно прятко — нам было по четырнадцать — а евгении двадцать один год — мы
были очень милые умные и вежливые мальчики. скажите — у вас есть ли плющеч-
ка? — спросили мы у евгении и положили гривенник на прилавок. неожиданно для
нас евгения очень смутилась, покраснела и спросила сдавленным голосом — с ви-
дом как будто давно на что-то решалась и теперь наконец решилась: вы спраши-
ваете есть ли у меня плющечка, мальчики? отчего же — есть — пойдёмте. — и кив-
нула нам головой приглашая за прилавок вглубь по коридору из которого раньше
всегда отец евгении выносил на огромных лотках бублики и рогастики с маком. ев-
гения шла впереди и была очень сосредоточена. 'вот сюда' — сказала она и юркну-
ла в боковую комнату. в комнатке сохли какие-то травы и небрежно валялись сло-
манные деревянные лотки. у меня есть плющечка, мальчики. — вспыхнула
евгения. — смотрите скорее и никому об этом не рассказывайте. мы сразу всё по-
няли — а евгения подняла платье и показала нам плющечку — а потом села на
пыльный стул, одну ногу поставила на него, а другую вытянула на пол и еще чуть
в сторону. мальчики — правдивая плющечка бывает вот такая. — прошептала евге-
ния и пальчиками сделала такое, что вместо привычной нам плющечки мы увиде-
ли нежную свежую причудливую фигуру — и поняли что евгения была права. бра-

во! — закричали мы и захлопали в ладоши. мы были рады и готовы ко всему — но вдруг посмотрели на евгению и поняли с отчаянием что ей уже больше ничего не нужно. голова евгении была запрокинута и лежала на плече, щеки горели, а губы и подбородок дрожали сильно-сильно. потом евгения начала кричать — а мы плюнули и ушли. на момент события в булочной — скажем честно — женские плюшечки мы уже видели. но как это евгения провела нас тогда — так что до последнего момента мы не могли понять о чем идет речь? что ж — видимо в самом деле тогда мы были детьми и только сами не считали себя таковыми.

н а т а ш и н ы р а с ч ё с к и

она их купила шесть штук и случайно рассыпала в снег. одну расчёску ей помог поднять полицейский, вторую — машинист поляков, третью — сонечка, четвертую — сторож из парка, пятую — студент, а шестую помог поднять её будущий муж — то есть я. именно так. правда, наташа?

у р а г а н

ураган — большая черная собака с огромными ушами торчащими в разные стороны. уши эти ужасно несуразны и вот уж действительно похожи на крылья. ураган никогда не подходит к людям — сколько бы ты ни тянул руку и ни звал и ни подкармливал в мороз этого черного бородатого дурака. одна приезжая балерина как только видела урагана так сразу в слезы: зачем он так головой мотает? зачем у него такие уши? зачем он здесь всё время сидит? — спрашивала она и дрожала от плача. мы не знали, что нам отвечать на её вопросы. но и пристрелить урагана мы тоже не можем.

п а п и р о с а н а м о р о з е

это очень по-русски. пальцы тут же древенеют — руку прячешь в варежку — и в результате полный нос дыма. но курение продолжается. рядом две польки — которые тоже курят. а чай мы пойдем пить потом.

г о р е и н е с ч а с т ь е

за три дня до свадьбы мы разговаривали с моей невестой под шерстяным одеялом шепотом в бессонную ночь. смотри приезжай за мной в пятницу — а то вдруг ты не приедешь — а мы уже колечки купили. — говорит она еле слышно. тогда мы колечки выбросим. — отвечаю я подумав. нас обоих впечатлила эта фраза — и мы принялись вспоминать что же еще нам придется выбросить если свадьба расстроится.

мы выбросим мой галстук; и красные туфли — такие смешные и замшевые; выбросим два моих носочка — они лежат в комоде; губную помаду ярко красного цвета — которую выбирали вместе; две сережки-жемчужинки и жемчужную нить; выбросим новые ботинки из мягкой кожи вместе с коробкой и специальным кремом на пчелином воске для ухода за ними; мы выбросим трусики — бе-

люю бабочку лежащую на ладони – вечером в пятницу они должны были скользнуть по длинным ногам и улететь; выбросим мой жилет – он немецкий – хоть к немцам я и отношусь скептически; выбросим красный бант моей невесты – у неё черные волосы как графит – и этот бант должен был дивно смотреться на них; выбросим щипцы для завивания волос – едва успев хорошенько их разогреть – и они отчаянно зашипят в сугробе; выбросим чулки с рисунком-треугольником; красную прозрачную накидку (моя милая хотела быть на свадьбе в красном как сама любовь) – выбросим – и она застрянет на тополе; красное бархатное платье на тоненьких бретельках где чашечки-грудь чуть отходят при наклоне; и мои брюки с пиджаком тоже – подумав – выбросим в снег.

это же сколько горя и несчастья разольется по земле если свадьбы не будет!

ц в е т о к п о т о н у л

цветок потонул – милый убманул. – вот такая песня.
а больше слов бабушка не помнит.

д и м и н ы н е м к и

шварк	берта
изенбюгель	хельга
энглер	штеффи
ленц	ута
рихтер	моника
бирнбаум	дорин
гласс	барбара
кох	дорота
кунце	сесиль
вессау	ирма
шметтерлинг	анна

девицу шметтерлинг дима-таки довел до церкви. девица шметтерлинг – точка в немецких любовях нашего друга. теперь они живут на старо-коммисариатской улице. анна беременна – высокая и худая она ещё с трудом говорит по-русски. но всё будет хорошо.

р о м а н л и н ы

ох уж эти трамваи в нашей грустной столице. смотреть на них долго – не хватит глаз и сердца. каждый день трамваем мы возвращались со службы – нас было пятеро – мы знали друг друга давно – и маршрут был нам известен как старый старый альбом с фотографиями. среди нас была лина – девушка печальная но несомненно оптимистка – на служебных праздниках она пела и танцевала охотнее всех остальных – но при этом оставалась одна – всё время одна – мы об этом знали. лина всегда выходила на одной остановке с нами – где ее дом мы

также знали прекрасно. как-то в сентябре — когда нам случилось вместе ехать домой — лина стала уверенно выходить не на своей остановке а гораздо раньше. в этой уверенности были очевидны радость и спешка. у лины роман. — думал каждый из нас про себя. мы летим по улицам вместе с осенью. мы еще не устали ни работать ни жить. мы уже успели привыкнуть к новой лининой остановке и всякий раз подъезжая к ней начинали прощаться — но однажды в ноябре — а может это был уже декабрь — лина здесь не вышла — а вышла по старинке — вместе с нами. роман лины кончился. — подумали мы в тот же вечер глядя в стаканы с чаем. мы оказались правы. лина ездит бывшей своей дорогой — и все мы ее очень любим. но на столичные трамваи всё равно мы не можем спокойно смотреть — мы плачем — и вообще стараемся реже бывать в столице.

п о л я к р ы т к е в и ч

курва курва. — только мы от него и слышали за все пять лет учебы в университете. а ведь стал врачом — курва ебана.

ч е к и с т д е н и с о в

конечно — у него тяжелая работа. но всё-таки нельзя же в домах на случайных праздниках так пить и орать песни у пианино. нельзя же так мельтешить у всех перед глазами и предлагать без конца хорошеньким дамам покурить сплясать пострелять из револьвера в длинном и темном коридоре. если он образованный человек — ну так что ж с того? — все мы здесь образованные. как будто он один только знает о древностях вологодского края, французский язык и слова песни 'метелица'. дамы шуршат своими платьями и слушают его охотно. денисов дергает дам за тонкие пряди волос невзирая ни на какую продолжительность знакомства — улыбаются в глаза и искренне жестикулирует. под левой ключицей у него вытатуирована звезда — но дамы узнают об этом позже.

к р и в о ш е й к а

кривошейка она вот такая — ходит по земле и мало говорит — а всё больше расклевывается из стороны в сторону. она ведь одна — в целом мире — и всякий кто ее встретит обращается с ней бережно. кривошейка ходит вот так: шлеп-шлеп. кривошейка любит молча и вздрагивая. грудь у кривошейки маленькая. кривошейка боится велосипеда — но смело барахтается в воде. когда кривошейка взбирается на гору — то все смеются и ее жалеют. провожают глазами пока не поднимется. кривошейка была обижена мной когда-то — и теперь вся моя жизнь наперекосяк.

с о с т а р и в ш и й с я в и т я

витя наш состарился. его фотографии скоро станут никому не нужными. ботинки вить мы скоро выбросим. состарился витя — состарился. коробку с пуговицами вчера со шкафа уронил — а собрал только половину. чай пролил прямо себе на

живот. хорошо хоть что горячий чай витя не пьет уже давно. к вите вчера зашел димитрий. вместе они посидели. кушайте печенье. — так витя говорил. они говорили об ольге артамоновой — которую вместе встретили в алушке. в алушке витя показал себя не с лучшей стороны — нет не с лучшей. а впрочем то что происходило тогда между ними троими сейчас даже димитрию с витей не интересно. в небе над витей много птиц. но птицы не небожители. птицы спят в гнездах на деревьях. возможно так и должно быть. витю нашего мы любим. если витя состарился то нам от этого тоже не весело. птицы просто так не летают — но мы на них не смотрим. из витиных ботинок мы устроим гнездо для хомяка.

ч е р н и л ь н и ц а

чернильница — вещь хорошая сама по себе. а если еще учесть что она имеется у каждой гимназистки под юбкой — то от чернильницы мы просто в восторге.

к р ы с а ю л и

в нашем доме есть невысокая табуретка — на которой сейчас кажется стоит лимон в жестяной банке. в одном из углов этой табуретки написано синими чернилами: крыса юли. что ж — нам известна эта история. у юли жила крыса мужского пола по имени ипполит: белое туловище серая спинка и серая голова. ипполит был добрый как нам казалось — во всяком случае еще никого из гостей и домашних он не укусил. целыми днями ипполит висел на прутьях клетки и шевелил усами — пил из чашечки — ел и спал. юля — хозяйка ипполита — имела тогда тринадцать лет — была веселая и красивая всем нам на радость. юля правила в своей комнате единолично — и чтобы другим обитателям квартиры это было лучше заметно она наводнила всю комнату разъяснительными надписями. так на юлиной лампе было написано — лампа юли, на столе — стол юли, был потолок юли, пол юли, дверь юли, аквариум юли, пианино юли, комод юли, зеркало юли, кровать юли, кактусы юли — что же может быть еще в комнате тринадцатилетнего ангела — самого младшего — любимца всей семьи! на табуретке с ипполитом значилось — крыса юли — это уже стало понятным. история наша подходит к концу. ипполит умер — и усы его обвисли когда он лежал в картонной коробке из-под зефиrow, а юля рядом плакала и требовала в доме траурной тишины — комнатные надписи давно вытравлены заклеены стерты — и лет у юли уже гораздо больше тринадцати. но табуретка как-то сумела укрыться от позднего критического юлиного взгляда. мы пожалуй унесем ее от греха — поставим в совсем другой комнате — к примеру у себя на работе — и глядя на нее будем болеть сердцем вспоминая то время когда жил ипполит.

у н а с с р о м а н о м

у нас с романом есть жены — юля и наташа. но мы всё равно отправимся в ближайшую пятницу в публичный дом. будем пить всю ночь — горланить песни и обнимать лишь одних катюш.

г о р ь к о е п е н и е

мы знаем — так поют в сербии и еще в некоторых смертельных уголках балкан. но термин этот наш — мы с удовольствием дарим его отечественным музыковедам. это пение так — как будто бы вместо обычных слов пелось сплошное ой ой-ой ой-ой-ой или ай-ай ай а-йя-йя и все слова — зубами вырванные из тела — горячие и с кровью — швырялись бы в лицо утопающим в слезах слушателям. и собственно сами крики — ой и ай — жуткие по своей силе, горечи и веселью — обрамляют чуть ли не каждое слово пропетое навзрыд. мы знаем мы слышали — так поют в румынии и в боснии, так поют цыгане, так поют все у кого глаза черны, а жизнь — сплошные ножи в сердце, яркое солнце в глаза и виноградное вино вместо льда лекарства и воды. мы хотим жить до ожогов по всему телу — мы хотим умереть от боли и восторга — наши зубы раскусили семечко из абрикосовых садов и виноградников жизни — и мы поняли весь ее крик и весь ее яд сжимающий горло. — вот что горькое пение сообщает всем кто его слышит. горькое пение означает предел человеческого познания. тот кто так поет — сидя под грушей и плача — понял всё и теперь бесконечно счастлив — что бы с ним ни происходило — счастлив навсегда. нам до безумия близко горькое пение. здесь в россии мы говорим ему да! мы ревнуем — мы отчаянно завидуем людям поющим горько.

с е р ё ж а

на портрете у него нет зубов — ах ты тютя! — здесь ему всего четыре года. а теперь грешные зубы серёжи сокрушил господь. он ведь ясно обещал.

п и т и й н ы й т о в а р и щ

питийный мой товарищ — исайя маркулан — прятал голову в воротник и молча курил. он и я — оба мерзли в садике на скамейке — был вечер на редкость холодного апреля. мы были усталые и не спешили домой — потому что дома только сон — а нам хотелось отдыхать а не спать. белый дородный кот невесть откуда взявшийся вырос перед нами — потолкался харей о грязные наши ботинки и залез под скамейку. я не люблю котов — поэтому вечно груб в своих рассказах о них. я и маркулан — вытянув ноги и глядя на черные деревья — просидели так целую вечность. слов тогда было сказано мало и много выкурено папирос. правда маркулан рассказал мне о своей могилевской сестре вере и рассказ почему-то закончил словами: женись на ней. когда мы встали и собрались уходить — кот всё еще сидел под нашей скамьей и едва различимый глядел на нас сквозь решетку отсыревших брусев. вот ты-то и пойдешь со мной. — сказал маркулан и взял паразита за шкурку. я засмеялся и предложил назвать его жирной сволочью. а маркулан посмотрел на него и сказал: пусей назову — а то что он сволочь это и так видно. и втроем мы пошли из сада туда где горели фонари.

п и с ь м о

милая валери — забудем всё и поедем в вологду. в вологде — русская зима и моя любовь к вам — запертая в номерах дьяконова.

комары мешали съемке. проклятые чудовища заедали аню. комары — это единственное что продумать и устранить было бы невозможно. аня кричала и была близка к истерике — я тоже чуть ли не плакал с досады. мне было жаль и свою за-тею и свою ненаглядную невесту. представьте себе что вы снимаетесь в голом виде на берегу глухого зырянского озера окруженного глухим зырянским лесом — де-лаете высокохудожественную будущую семейную реликвию, роскошную тайну, пе-чать. в лесу этом — лоси медведи росомахи ягодники-колдуны и комары. вы тащи-лись сюда, вы ломали ноги.. когда у меня было всё готово — я командовал ане — и она моментально сбрасывала с себя одежду, влезала на пень или по поясу в воду или висла на толстой ветви сосны как мы с ней договаривались — я снимал, кричал всё! — и бедная аня обиженно ругаясь влезала обратно в свое платье и в мой гру-бый дорожный плащ. это должна была быть анна сосна — да! — номер десять гени-ального нашего альбома. для того чтобы сделать эту фотографию я как раз и велел милой анечке повиснуть на сосновой ветке — ближе к стволу — так чтобы в кадре оказались сам старый ствол, ветка и аня. моя аннет давно уже лишившаяся всяко-го энтузиазма повисла как-то неправильно — чуть ли не боком к объективу. но анечка! — кричу ей я - повернись как следует, совсем не видно пирожок! и аня не выдержала. она подняла лютый крик на весь лес. она повернулась ко мне так как я того хотел и замахала ногами в разные стороны — пытаюсь показать мне один сплошной свой пирожок — и видимо еще желая достать меня ногами и пинуть (вот глупая). боже — как это было вульгарно! снимай снимай свой пирожок! — как безу-мная кричала аня. и я снял. откуда я взял это слово? — я и сам не знаю — кажется слышал его от рабочих. еще я не мог понять и аня тоже не смогла мне потом объ-яснить — почему если она была так зла на меня в эту минуту — почему она не спрыгнула на землю и не попыталась ну хотя бы меня побить? или уйти? вместо этого аня предпочла болтаться на сосне будто я ее к ней привязал, извиваясь всем телом и ругаться горько и отчаянно. подлинный гнев подсказывает человеку очень странные решения. эта фотография где аня с ослепительно яростным лицом болта-ется на сосновом суку, разводит ноги с ужасным бесстыдством и показывает мне пирожок имеется под номером десять в нашем заветном альбоме и называется анна сосна. мы женаты — детей у нас пока нет — но когда они появятся альбом придется запрятать подальше. как она ругалась голая в лесной глухомани — какой смертельный у нее пирожок! всем спасибо. я люблю тебя анечка.

е д и н с т в е н н а я р а д о с т ь

александру палычу буравцеву было сорок восемь лет и работал он бог знает где. волосы у него вились как проволока и не думали сесть. александр палыч имел пронзительный голос который всё время срывался — и если надо мог так измате-рить что лучше не вспоминать. александр палыч был довольно хмур в обращении со своей женой — тамарой юрьевной — но бывало лёжа рядом на кушетке излов-чится и неожиданно схватит жену за бока — знаете как это бывает — пальцами меж-ду ребер. тамара юрьевна орет как десять смертей — а у александра палыча лицо

светится — и сам он смеется счастливым, прямо ангельским каким-то смехом. жене щекотно истошно и весело — но ясное дело она бы предпочла это издевательство прекратить. так она и кричит задыхаясь: прекрати прекрати! но александр палыч никак не унимается: баян — ты мой баян. — веселится он. прекрати прекрати! — колотит ногами несчастная тамара юрьевна. наконец александр палыч отпускает жену, вздыхает, мрачнеет и произносит с видом — в угрюмой серьезности которого трудно усомниться: молчи маня — может быть у меня это единственная радость в жизни. блики единственной радости еще долго гуляют по его лицу. мы многого не знаем — но знаем наверняка что александр палыч и тамара юрьевна друг с другом живут хорошо — вот уже много лет. мы подозреваем что александр палыч все-таки лукавит насчет единственной радости — хотя так как он говорит конечно тоже может быть. они всегда вместе как только выдастся свободная минута.

р а й

черноморец идет черноморочку ведет. — слышим мы как поют за стеной. ой рай ты мой рай. — подпеваем мы песне и стреляем в потолок из пистолетов.

п и т и й н а я п о д р у ж к а

ксения навряд ли хотела бы называться питийной подружкой — всякая женщина предпочла бы называться женой — а уж тем более мертвая женщина. но что есть то есть — и я расскажу на всю р.с.ф.с.р. как ксения и я купались у пристаней в гуще ошалевших от жары горожан. чахлые ивовые кустарники служили нам слабым прикрытием — и с пожарной каланчи за спиной — я думаю — тоже нас было бы видно. но пожарные стражи пьяны и сидят все внизу — а нам главное в воду зайти и выйти — четыре секунды. — так объяснял я ксении когда юбка еще была на ней и ситец на груди был застегнут на все пуговицы. вот она топчется в нерешительности сняв только старые туфли. ну же ксения — продолжай я — две твои виноградники и с близкого-то расстояния не примешь за грудь. и ксения розовеет — грозит мне пальцем и роняет юбку в горячий песок.

а н н а б а б о ч к а

на ее платье большие желтые пуговицы.

в л а с т ь п о д к о ф т о ч к о й

власть бывает самая разная. был царь — и власть его была неправильная — для одних буржуев. есть людоедский король весь обвешанный пестрыми ракушками на коралловом атолле в тихом океане — но его власть какая-то непонятная потому что он во всем слушается нервного колдуна — крикливого и без штанов. есть советская власть — самая хорошая — все мы так много сделали для того чтобы она была. но рассказ наш будет о женщинах. женщины — мягкий и очень смешной народ. они встряхивают своими головками и не претендуют ни на что

кроме любви. даже чтение идет далеко не каждой женщине. женщины не вникают в вопросы власти — а только кричат в голос когда какая бы то ни была власть их любви препятствует. но ведь и сами женщины ее — то есть власть — имеют — и о-очень не маленькую. потому что — вот инга, наша соседка, ленивая и желающая чтобы двенадцать месяцев в году было лето; вот марина, белокурая курильщица, ей двадцать лет, она поет и стучит у нас за стеной на пишмашинке очень серьезные, прямо ужасные бумаги; вот полина, наша московская приятельница, умная но охотно бы променявшая весь свой ум на свирепого матроса с якорем на животе и со следами сифилиса на морде — у каждой из них под кофточкой, мы вам скажем, совсем не шуточная власть — особенно когда они ходят или резко встают. ого как выпирает! это просто чудесно. власть эта впрочем очень глупая. но как быть с тем положением вещей что даже советская власть вместе со всем своим прошлым полным мук и героической славы и с красной армией которая вся — сердце кровь и железо — порой бывает слабее власти под кофточкой? но женщины не должны быть слишком уверены в себе — у ответственных советских работников есть средство надежно противостоять неспокойной женской власти едва удерживаемой легкомысленными пуговицами. и средство это — курить и много работать. а работы и папирос у нас хватает.

м а к и

аглая и аурел — так звали моих друзей. жили они на молдове и русский знали не так чтобы очень — особенно аглая. но маки — маки вокруг их дома и везде на этой земле — на полях и на склонах зеленых гор — маки в тонкой бутылки на столе в моей комнате от хозяев трепетно ухаживавших за мной — маки — знак и цвет — полнота моей жизни — и душа и любовь — маки делали нас троих неразлучными. революция — это маки исчезнувшие с моих глаз.

а н н а а г а т а р а д а

анна агата и рада — три сестры — дочери одних родителей — лежали под деревом. только что они накупались до одури — наговорились непристойностей полных любви и солнца глядя друг на друга — так что солнце горело ярче, брызги летели выше и сильнее шелестели деревья от смеха и перемата летевшего над рекой. теперь — наконец-то одетые — с пунцовыми щеками и словами застывшими на языках — они лежали под деревом и думали о скором замужестве анны — старшей из них. анна думала что в первую ночь заставит мужа рвать на ней одежду и ловить как женщину-оленья из отцовской книжки о лопарях. анне было девятнадцать — груди анны были с яблоко разрезанное надвое — и руки анны уже давно устали ласкать собственное тело. агата — младшая от анны на год — любила старшую сестру сколько хватало сил. когда анна выйдет замуж я отдамся папиному ординарцу и напьюсь. — улыбалась агата и не верила своим мыслям. она закрывала глаза и видела тусклый свет недавней бани — на пологие анна еле живая — сама агата едва ли живей — а рады тогда с ними не было. грудь у агаты ласковая — с женскую

ладонь — вдвое больше анниной. а рада — в свои пятнадцать лет уже успевшая ощутить тяжесть мужского тела — думала: золотая анна, чудесная ага-та — вы не знаете мой секрет. — и гладила руками траву.

и н г в а р в а с и л ь е в и ч

ингвар васильевич был финн по отцовской линии и работал хранителем коллекции зоологических экспонатов собранных при царе. к ингвару васильевичу часто приходили дети вместе со своими наставницами чтобы увидеть всё своими глазами. и дети и наставницы очень боялись ингвара васильевича — когда тот встречал их у порога темной залы — одним щелчком включал освещение и начинал свой рассказ. он водил их по огромной комнате в которой между перегородок в высоких шкафах до потолка были и птицы и пушистые звери и рыбы и змеи и пауки и окаменевшие моллюски — были восковые макеты и черви и ужасная обезьяна с отрубленной лапой — были рога лосей — были скелеты лягушек и даже такие сложные экспонаты где этап за этапом показывалось развитие гекконов. дети в страхе смотрели на ингвара васильевича который ворошил свои желтые волосы, поправлял шейный платок и говорил уверенно совсем не улыбаясь своим маленьким слушателям. иногда он вытаскивал табурет или лестницу и доставал неизвестно с какой высоты маленькую птичку на доске: этого крапивника я набил. — говорил он насупившись — и дети не понимали до конца смысл его загадочных слов. это мои щитомордники. — говорил он в другой части залы перед шкафом с двадцатью одинаковыми черными гадами в круглых банках — говорил и тыкал пальцем в пятерых из них. это вот киви. — говорил ингвар васильевич совсем грозно — и дети замирали ни дать ни взять как те две маленькие птички-киви в стеклянном ящике под его рукой. до свидания дети — любите всех кто живет рядом с вами. — экскурсия подошла к концу. проходило время — и мальчики побывавшие у ингвара васильевича став кавалерами неожиданно для всех обматывали себе шеи мамиными и сестринными платками. а бледные девочки когда подрастали — понимали что ингвар васильевич был их первой любовью.

б е р е м е н н а я о л я

когда оля забеременела — радости что воцарила в доме хватило бы на всю советскую республику. все взялись над ней подшучивать — над ней и друг над другом — потому как каждый готовился кем-то стать после рождения нового родственника. лето было жаркое — и оля вовсе поселилась в купальне взяв туда с собой только своего мужа — а все остальные таскали им туда ягоды и яблоки. олина мама тайно от всех ездила к каким-то старцам аж на сысолу — чтобы те за олю молились. а олин муж когда об этом узнал — хохотал, поправил очки а потом принес револьвер и серьезно сказал олиной маме: тетя маша — расскажите мне где живут эти контрреволюционеры? олина мама охнула, сердито плюнула и сказала: ты зятек сам контрреволюционер и дурак. иди-ка лучше сходи — отнеси оленьке орехов. — и перекрестила тарелку с ними.

в о с т о ч н ы е х у т о р а

на восточных хуторах мы лежали до половины двенадцатого — а просыпались в девять — мы смотрели на свет в неплотно закрытом деревянной крышкой окне — вдыхали запах потолочных балок и говорили о медузах живущих в других морях — мы кричали через дверь хозяйке — подождите! или — ну войдите! — и когда она вошла — толстая с белыми бровями со словами 'здесь лежало мое шило' — мы показывали ей голые плечи намеренно не прикрывая их простыней — и так каждый день.

у б о р н а я

женская уборная — в этом-то вся и беда — издавна не давала покоя вадиду вронскому. как сам он нам говорил — он всегда хотел прокрасться туда, затаиться в одной из кабинок, ну а дальше — посмотрим. сам вадик был умница — прекрасный и смелый человек лишенный невыносимых пороков и сроду не знавший невнимания женщин. он с первых же слов заразил нас этой идеей — и каждый из нас по разу да пересидел за тоненькой стенкой с писающей женщиной из наших сотрудниц — а потом мы смотрели на каждую из них с просто небесной страстью и нежностью — не ты ли это была? наши женщины — гордые и красивые — и даже сильные и волевые — представить себе не могли какие мы подлецы. но вадик себя обнаружил — его соседкой по кабинке оказалась ильза — пшеничная королева с хуторов латгаллии ходившая исключительно в гимнастерке, женщина двадцати семи лет, очень курящая, на длинных крепких ногах. она погубила нашу затею — а вместе с ней и вадика — зачинщика. такую женщину — считали мы — надо просто душить своей любовью и никак не меньше девяти раз в сутки — тогда только она сможет наконец отвлечься от щемящих сверлящих мыслей, забыть про собственные ноги и живот и сварить к примеру очень вкусный суп или приготовить белую колбасу по старинному рецепту. оправившись ильза скрипнула дверью на выход — но передумала выходить а осталась в уборной и закурила. через несколько мгновений — здравствуйте — она столкнулась с хитрющим вадиком который вылез из своего укрытия — ну что ж — все мы так рисковали! вадик рассказывал под честное благородное как ильза просто застонала от восхищения, выругалась по-латышски и сказала что вот он — мужчина ее мечты — такого-то ей и надо — после чего метнулась с вадиком в кабинку где немедленно нагнулась и умерла уверенно и в два счета — а вадик в момент ильзиной смерти сделал ей предложение. и они были хорошей парой — господи только не прогневайся — мы не плохие люди. естественно ильза потребовала от вадика прекратить это безобразие. вадик нас не выдал — но и с нас было уже достаточно женской уборной. за свадебным столом пьяный вадик пытался рассказать всему коллективу историю своего романа с ильзой — но ему никто не поверил.

о б р а щ е н и е к а м ч а т с к о г о р е в к о м а

граждане советской камчатки! как вулканы изрыгают огонь из нашей земли — так и мы сейчас должны изрыгнуть свой гнев на головы врагов революции. тогда все они сгорят или спасаясь от огня утонут в океане. вулканом должен быть каждый из нас. вулканом проснувшимся — а не сонным или потухшим.

з в о н о ч е к

он тоже есть у женщины — но так просто его не увидишь — а только если с женщиной этой вы особенно близки. заденьте его не сильно — и женщина запоет.

п о в е т р у л я

летает с цветка на цветок — спит в ведре оставленном у быстрой реки — утром задумчиво смотрит на купающихся мужчин.

ч е х и

вот так номер — чехи занимают волжские города. в казани самаре и сызрани — на деревьях и двухэтажных домах (деревянный верх — кирпичный низ) — висят оглошения на чешском языке. ребята — за это вам не нальют сливовицы и не сыграют на скрипочках 'летела гусыня над синей моравой' — а пальнут из пушки с пароходов волжской флотилии.

и м е н и н н и к

именинник был худ и росту небольшого. друзья — говорил он смущенно улыбаясь — выпьем за то что все мы здесь и все мы вместе. я собрал сегодня людей которых действительно искренне люблю и хочу видеть. потом именинник ходил по комнате и ласково поглядывая угощал гостей невесть откуда взявшимися дорогими папиросами. я достал специально к сегодняшнему дню чтобы покурить с вами. — были его слова. выпьем просто так! — мы опять видим нашего чудо-именинника с рюмкой в руках и думаем — как хорошо как хорошо в такой милой комнате с таким милым хозяином. пятнадцать человек гостей — это совсем не мало. вот приходят еще две девушки. а вот и вы! — кричит именинник. он поет песню сидя на табурете возле гостя играющего на гитаре, он уводит то одну то другую из присутствующих девушек в уборную — нет не для разврата — для того чтобы сказать наедине каждой из своих подруг что-то очень важное и доброе — это просто в квартире слишком мало места. выпьем за сибирь! — слышим мы его голос в кухне и бежим туда — так как за сибирь каждый из нас рад выпить хоть целое ведро водки. за сибирь мы пьем — а потом вдруг видим что именинник наш вот-вот упадет — а праздник только что начался. мы в ужасе — мы и в мыслях не имели — мы отбираем у него папиросу — не курите, вам нельзя! но поздно — проходит минута и именинник падает в наши руки — мы тащим его в уборную и пытаемся помочь. в уборной именинник горько плачет и бормочет: зачем я так напился? отказывается от чая и ничего не слышит. вот один из нас выносит его на руках и укладывает на единственную в доме кровать сгоняя с нее веселых гостей. вот девушка в красивом черном платье лепит ему на бледный лоб компресс-полотенце. вот опять мы — курим на балконе и щедро наливаем друг другу из чуть початой бутылки: выпьем за именинника — мы его очень любим и желаем ему любви в день его семнадцатилетия.

а ф ф е н - п и н ч е р

в немецких городах и кое-где в нерусской балтии встречается эта собака. она мала и добра — но похожа на сатану в молодости. смотрите — вот он идет по аккуратной улочке со своим толстым хозяином. бедные немецкие ангелы — они никак не привыкнут к такому вот аффен-пинчеру и всякий раз завидя его кричат испуганно — черт! черт! и бросаются врассыпную — под крыши домов — в открытые окна булочных — за стеклянные двери почт и цветочных магазинов — и к немецким девушкам под кофточки и в рукава. немецкие девушки — счастье и неяркий свет — всегда готовы похвалиться величиной груди — отлично скрывают ангелов от страшного аффен-пинчера. вон вон он пошел — милый выходец из ада с косматыми ножками и маленьким язычком. фотографии и рассказы о нем доходили до нас — а здесь же аффен-пинчера мы пока не видели — но любим и ждем его уже давно.

в и н о г р а д

виноград — трудно себе представить слово более эротически насыщенное. мы помним об этом еще с песни песней — с ее эротических виноградных аллегорий. столько эротики сколько стучит в этом слове нет ни в одной самой юной и пылкой супружеской кровати. виноград — и форма и дыхание — виноград не скрывает никакая одежда. виноград — это и островки радости под пижамой моей подушки — и ее темная темная смерть под моей ладонью — и ее голос который зазвучал еще до моего прихода виноградным наречием — и я не слышал того начала: цвет и шелест одежды — россыпи пуговиц освобожденных от удушья — я звонил в звоночки — я плавал я тонул — я кружился в других виноградниках.

в е р е в о ч н ы й т е а т р

веревочный театр — это человек с большим мотком веревки за спиной. он выбирает себе часть улицы или сквера или заходит в помещение и начинает растягивать веревку в нужные ему конфигурации. декорации готовы — на этот раз они крепятся на двух скамейках двух деревьях и неживом фонтане в вороновском саду. декорации похожи на паутину лес и горсть кристаллов одновременно. хозяин театра вынимает из сумки на плече тряпичные личины — длинные носы яркие рты и фиолетовые листья на щеках, вынимает также бумажные звезды четыре солнца и пять месяцев. светила висят повсюду на веревках — а личины одна под другой одеты на хозяине театра. он забирается в свои веревочные дебри и оттуда говорит: вот сейчас будет спектакль 'миорица' — о румынской овечке и трех пастухах — один из которых этой ночью увидит смерть. хозяин театра начинает кружиться в своих веревках, читать стихи и петь, еще танцевать напевая и хлопая ритмически — при этом он откидывает личины оставляя то одну то другую то третью — всё по тексту. некоторые из его зрителей говорят: ему бы в пару скрипача или аккордеониста. но мы не знаем его планов и мнений о своем театре. спектакль заканчивается — и театр сворачивается очень быстро. мы хотим застрелиться от избытка чувств — и ругаясь отираем глаза. дует ветер — где-то за садом играет знакомая

музыка. мы подходим к веревочному человеку и отдаем ему честь вместе со словами восхищения. он очень рад и таинственно показывает нам еще одну небольшую сумку на поясе — которой ранее мы не заметили. он открывает сумку — сумка полна пуговицами: желтыми преимущественно — но есть и красные — и блестящие черные — и круглые деревянные похожие на колеса — кроме пуговиц в сумке две катушки ниток. что это? — наш вопрос. это пуговичный театр — ну по-иному сказать кукольный — если веревочный театр можно назвать драматическим то пуговичный будет кукольным. — его слова. — так что перед вами еще и директор пуговичного театра — могу рекомендоваться и приглашаю на спектакли которых пока что не было. мы быстро прощаемся — потому что чувствуем что глаза наши вот-вот бессовестно нас предадут. мы уходим из сада. давай вернемся и застрелим проклятого пуговичника или удавим его же веревками. — предлагаю я на ходу. — я так жить не могу — я как будто напился царской водки глядя на его веревочно-пуговичное искусство — и теперь она гуляет во всех моих жилах. товарищ мой того же мнения и состояния духа. говорится одно — делается другое — и мы палим прямехонько в небо — ничуть не опасаясь ни за здоровье гуляющих там ангелов — ни за то что за стрельбу без надобности револьверы у нас отберут.

п р и м и т и в и з м э т о

н и т к а	р а с ч е с к а	ч е р е п а х а
д е р е в о	л е с т н и ц а	л я г у ш к а
в е р е в к а	к о р а	о в ц а
п у г о в и ц а	п р о п е л л е р	м ы ш ь
ш е р с т ь	п о д у ш к а	п а у к
х о л с т	п о л о т е н ц е	г а д
т р а в а	к о п ы т о	м о р с к а я
м е л ь н и ц а	а р б а л е т	с в и н к а
м у к а	э л е к т р и ч е с т в о	ж у к
с о л н ц е	п о д с т а к а н н и к	л о с ь
о ч к и	м ё д	р о с о м а х а
к о л е с о	п и р о г	у л и т к а
п л а т о к	г р у ш а	п ч е л а
б а б о ч к а	х л е б	к р о т
в е л о с и п е д	я и ч н и ц а	я щ е р и ц а
о р г а н и с т р у м	т в о р о г	б а б о ч к а
г л и н а	г р е н к а	б о г о м о л
з о н т	г о р о х	ч е р е м у х а
г р е л к а	т а к с а	р я б и н а
п е р ь я	г у с е н и ц а	б а з и л и к
р а д у г а	п е р е п е л к а	б е р е з а
у т ю г	у т к а	к а л и н а
ч е р н и л ь н и ц а	х о м я к	е л ь
р е в о л ь в е р	р ы б а	л и с т в е н н и ц а
с п и ц ы	г у с ь	и в а

можжевельник	а г а т а	р а ш к а
с о с н а	а у р е л	я в о р
л и п а	а г н е с с а	в е т л у г а
ч и с т о т е л	м а р т а	з в о н и г р а д
щ а в е л ь	е в г е н и я	п о ш е х о н ь е
м я т а	г о м е л ь	у с т ь ю г
м а к	т о т ь м а	о л о н е ц
о р е ш и н а	в о л о г д а	о с а
л о п у х	а б о	с у ч а в а
м о х	п и н с к	в я т к а
г л о к с и н и я	к а л у г а	у с ь - с ы с о л ь с к
п е л а р г о н и я	ф э г э р а ш	м о г и л е в
л и м о н	ч е р д ы н ь	г о р о х о в е ц
а н я	к и е в	х а р б и н

н а у л и ц а х

а н г е л ы
ч е к и с т ы
п р и м и т и в и с т ы
г е р о и
м е р т в ы е
к о т ы
с о б а к и
д е в у ш к и

п о д м о с т о м

кто не делал этого под мостом? наверху гром-погром — а внизу вы с августой.

в м е д н о м т а з у

не варят варенья с 1916 года возле него два ведра с водой две близорукие девушки становятся в таз по очереди поливать друг друга из ковшика полина верат, доманская катерина

б о ж е н а

ну как не рассказать об этой негоднице. здравствуйте пани. — говорили мы ей. здравствуйте сукины дети. — отвечала нам божена. смотри допрыгаешься! — мы найдем возможность подвести тебя и твоего мужа под ревтрибунал. — грозимся мы. ох-ох — мне очень страшно. — качает головой божена и всплескивает руками. она сидит у окна и смотрит на нас голубыми глазами. она очень красивая и делает вид что мы ей не чета. мы стоим на улице перед самым ее окном. бо-

жена — а кого из нас ты выберешь если останешься без мужа? — спрашиваю я серьезно. его. — отвечает она и указывает на моего товарища. божена — а кого из нас ты выберешь если останешься без мужа? — спрашивает мой товарищ. его. — отвечает божена и указывает на меня. божена — как же так! — восклицаем мы. но тут у божены начинает плакать ребенок где-то в глубине комнаты — и божена исчезает обрывая весь разговор. теперь она будет кормить его грудью и ни за что не подойдет к окну. вскоре боженин муж — наш добрый приятель — становится нашим начальником и мы демонстративно перестаем любезничать с его женой. через пару месяцев их отправляют на польскую границу.

п а у ч ь и н о ж к и

моя жена похожа на паука — да да — на сенокосца — паука довольно большого. у нее нет четырех пар ног — а только две руки и две ноги — но когда она начинает перебирать ими такими тонкими длиннющими и острыми на сгибах — сенокосец о восьми ногах представляется себе довольно живо. жена на то и жена — и мне очень часто приходится видеть ее раздетой: она ползает по кровати в темноте и в светлое время суток — то проползет надо мной то по моей ноге то ждет меня сидя на подушке, она ползает по комнате по моей просьбе — шевелит своими паучьими ножками поднимая заостренные коленки куда выше головы, проволочными руками проворно отталкивается от стен, шкафов и пола, поворачивает длинными ключицами, качает головой, вращает языком и глазами — а я смеюсь и бросаюсь ее целовать. откуда же ты выполз — такой сенокосец! — вскрикиваю я. а еще — то ночью то под утро то среди бела дня — когда ей вдруг захотелось поспать а меня не было поблизости — когда к примеру просидев за подобными рассказами в кухне я наконец вхожу в нашу комнату а утро мутно белеет на оконных карнизах — я вижу моего сенокосца искомакшего все простыни и закинувшего каждую из своих ножек в отдельный угол кровати и хватаю его за брюшко — и он моментально обвивает меня — крепко — хлестнахлест — как ему вздумается — чего-то урчит — пускает пузыри — пытается поцеловать. мне смешно — сенокосец теплый и огромный — голова болит — одежда разбросана по комнате. мне повезло: для писателя-примитивиста иметь жену похожую на паука-сенокосца — это лучше всех чудес ожидающих его в жизни: любовь и нежность и доброта, паучьи ножки, лягушьи лапки, богомолы и кузнечики шуршащие на обоях, яркая крапивница внезапно ворвавшаяся в окно и вылетевшая через балкон, июньский жук которого мы вытаскивали из стеклянного плена оконной рамы, пчела на арбузе, гусеница в подарок. в чьем сердце нет места паукам-сенокосцам и золотистой гусеничке сидящей на дачном столике в день первого приезда в это лето — тот чудовищно ограничен — и пусть любовь навсегда покинет меня если я заберу свои слова назад.

с е с т р а

ночные лягушки пересекавшие мне дорогу — маленькие колдуньи. так я загадывал и говорил об этом с сестрой. особенно в мае — сильный ветер по ночам,

быстрые шаги, темный комок наперерез. я таскал их домой в подарок сестре — а если она спала выходил во двор, сидел на скамейке и глядел на лягушку — ветер гулял — земля пахла — сна все не было.

о т ь е з д н е м о к

мы видели этих немок — как в небольшом городе полном ветра и снежных вихрей они ходили тут и там — по двое а чаще по одной — с маленькими пирогами — улицами ведущими вверх и вниз — ведущими вкривь — выбирая самые глухие самые деревянные из них. в конце февраля темнеет не в три часа после полудня — но все-таки рано. гул и свист — хлопает жесьть. знакомые скамейки в садиках под этажами сугробов. птицы не кричат — но бьются без крика в небесном ветре. балконы заколочены и готовы обрушиться. весна придет — но немок здесь уже не будет. как они вдруг заходили замелькали — и всё несут и несут свои пироги в невидимые нам квартирки, собирают на столы, открывают бутылки с чем-то не слишком приятным на вкус — а кое-кто из наших друзей является туда чтобы спеть для них пару русских песен. все немки молоды и приезжали в наш город для хорошего дела. они и сами хорошие — хотя как выяснилось совсем не разбираются в небесной иерархии.

а в е с р l a i s i r

ты знаешь ли как будет 'с удовольствием' по-французски? — спросил я у кислицына. *avec plaisir*. — ответил кислицын — он и вправду знал — и мы разыграли с ним на улице следующий диалог в духе дореволюционной россии:

— не выпить ли нам кислицын водочки?
— *avec plaisir*.

э с т е р

водяная черепаха именуемая эстер — заболела. она плавала на самой поверхности воды — к тому же как-то на боку — с трудом взбиралась на свой любимый 'кусочек суши' под лампой и судорожно глотала воздух. выражение ее змеиной морды от природы известное своим постоянством казалось нам теперь очень печальным — а хищный разрез рта как ясно все мы теперь увидели сделался обреченным. но все-таки до чего же нелепое существо — черепаха. задуматься чуть дольше пяти секунд о его конструкции — уже будет достаточно чтобы расхохотаться, крутить пальцем у виска и прийти в отличное расположение духа. но у нас редко бывают даже те пять секунд — и эстер плавает невидимая — а только когда что-то с ней не так мы вспоминаем день ее покупки и свое ликование. теперь мы очень удручены — ведь нет даже доктора для этого чудовища — в городе — и очень может быть что и в р.с.ф.с.р. мы глядим на эстер сидя за столом на котором стоит ее аквариум — и утешаем себя мыслью что она не больна — а просто мы недостаточно знаем черепа-

шью психологию и всё ее устройство. мы сажаем ее на колено и гладим по панцирю — и если бы наша рука чувствовала под собой теплую шерсть котенка а не мокрый неровный камень — нам было бы не так горько.

с е в е р - ю г (п р о г у л к и п о г о р о д у в я т к е)

когда я иду по улице — я думаю о том что иду на север — через леса коми — бурндука и росомаху — пинегу мезень — к ледовитому океану у кромки которого в темноте самоеды играют студёные свадьбы. но вот мне хочется юга — и я поворачиваю в обратную сторону улицы: я иду и вижу иное солнце — в половине неба — и белого камня дома — и маки — и базилик — я иду и слышу как гудят жуки а не комары — и играют аккордеоны и скрипки а не скрипит сосна — я иду и чувствую как воздух вокруг меня пахнет пряностями. когда мне нужно на молдову — буковину — в киев где такая любовь — я иду выбирая улицы в юго-западном направлении. я иду на восток когда хочу спрятаться или наказать себя.

л и л и ц а

лилица наша была когда-то молодой — пела песню про желтый анемон, молилась святому георгию и пила ракию. ракия была крепкая — но и лилица тоже крепко стояла на ногах — танцевала под рев бучунов — кричала хайде хайде! сейчас все по-другому. перелески овраги болота и глина оскорбительны для лилицы. мы ставим перед лилицей тарелку с супом — там плавают грибы — но лилица усмехается — она не ест грибов. 'русские сами похожи на грибы. — роняет она. — они едят эту скользкую гадость посеянную господом для червей ежей и оборотней — и вполне наедаются ею. они запекают ее в хлеб и угощают своих гостей как особым лакомством. глаза и волосы у русских неопределенного цвета. русские сами похожи на грибы и имеют каждый по рыхлому грибу вместо сердца.' мы терпеливо ждем — мы не злорадуем когда лилица после своих всегда одинаковых слов берется за грибную похлебку. лилица наша старая — старая и вытирает рот кончиками черного платка. она не очень-то понимает где она и в какое время. мы вполне уважаем ее презрение к грибам — мы знаем что лилица всю свою жизнь прожила там где едят мясо обсыпанное паприкой и базиликом.

п и р а м и д а л ь н ы е д у б ы

собственные сны — слишком дешевый материал для писателя. запросто переносить их в литературу — значит продешевить. я всегда так считаю — но сегодня слушайте:

я видел пирамидальные дубы — осенние — с огромными желтыми листьями — на ветру — на холмах — таких дубов ведь не бывает — они были как пирамидальные тополя — только именно что дубы — свист ветра в верхних ветвях — долгий единственный звук — пахло осенью — я понимал что нахожусь в сердцевине чего-то желтого и огромного — в сердцевине счастья судя по всему.

ф о л ь к л о р и с т с у ш к о в

фольклорист сушков — выпускник московской консерватории — забирался в самые медвежьи глухомани. саша саша приехал. — неслось впереди него. это саше было приятно. когда он фотографировал бабушек на фоне скирд и амбаров — те хмурили лбы и крепко сжимали губы. в экспедиции он всегда возил с собой соленые сельди в жестяной коробке.

а м у р с к и й л е с н о й к о т

амурский лесной кот — *felis bengalensis* — животное достаточно сердитое. второе больше обычного подзаборного котят — он рыщет по глухим горным лесам, зарослям кустарников и пожирает всех с кем только сумеет справиться. толстый и противный — он неуклюже сваливается с дерева на зайчонка или молодую кошку — щекочет жертву усами и радостно ворчит. может свалиться и на человека — скажем на охотника — если дует сильный ветер а кот на ветке спит. он лакает воду из быстрых холодных рек с чистой водой — он шлепает лапой по месту где только что мелькнула форель и обиженно отряхивается — форели ему не поймать. зимой он ходит с маленьким сугробом между ушами. в марте он дерется и орет на весь лес. китайцы его не боятся — а вот колчаковцы — особенно те из них кто родом из-под тамбова или воронежа — не раз рассказывали нам на допросах сколько страха они натерпелись от амурского лесного кота.

п е р в ы й г о л о с

она пела первым голосом и нравилась всем включая батюшку — а регент и вовсе был от нее без ума. но случилась революция — и регент бежал в эстонию — батюшка уехал в деревню — а она подалась в уездный город мамадыш спустившись на пароходе по вятке. она хотела ехать в казань где когда-то начинала играть на пианино. но в мамадыше следы ее затерялись. старые баржи и горы речного песка у пустых мамадышских пристаней. в мамадыше ее нет — в этом мы уверены — мы гоним от себя мысль что возможно ее нет и на этом свете.

з а к у с к а

закусывать можно разным — хлебом огурцом котлетой — но лучшая закуска это женские попки. вот как это делается: наливаете себе пол стакана водки и ставите рядом девушку — несколько ее наклоняете — закидываете на спину подол — опускаете трусики — пусть попа белеет на всю комнату без всяких там тряпичных глупостей. сами сидите на стуле — а девушка пусть стоит в десяти сантиметрах от вас — так укусить получится удобно и от всей души. раз — выпили, два — укусили. изумительно — не правда ли? следующие пол стакана! приятного вам аппетита — закусывайте и пейте как говорится не во вред а для здоровья. лучше хорошенько закусить — а вот с водкой постойте — не хватите лишнего. сами понимаете — силы вам еще понадобятся.

о р г а н и с т

в этом городе для него нет работы. я не тунеядец — я органист. — улыбается он и предлагает завезти в вятку орган. папаша — улыбаемся мы — напишите об этом ленину.

с е с т р а м о е г о д р у г а

анники — сестра моего друга товарища антонена — всем блюдам предпочитала молодых судаков сваренных в молоке с морковью и ревенем, всем напиткам — домашнее пиво которое ей не давали, а всем книгам — 'калевалу' лённрота.

айно дева молодая
еукахайнена сестрица
— кричали мы ей с порога.
в лес пошла нарезать веток
в роще веников наделать —

бойко подхватывала анники и показывала нам ежа — которого утром поймала в огороде. мы ее очень любили. даже как-то сделали ей ко дню рождения чудесную мельницу сампо — берестяной короб с ручкой на пестрой крышке — при вращении этой ручки внутри раздавался треск и на пол сыпались монпансье вперемешку с рябиновыми ягодами.

а н г е л

die angel на известном нам немецком языке означает 'удочка' и 'дверная петля'. ангел же с крыльями будет der engel.

т и п о г р а ф м а к с и м

типограф максим всю жизнь мечтал плавать на индейской пироге и не больно расстреливать из лука смуглые женские попки. но где же здесь всему этому взяться? нередко максим черпал полные пригоршни свинцового шрифта и кидал его в рабочих. это все нервы. — говорили доктора и советовали ехать на отдых в финляндию.

п е л а р г о н и я

пеларгония — это герань — но первое слово куда красивее. скажите медленно — пеларгония — и вам совсем по-другому представлятся русские города.

с ц е н ы с о к у н е м

этого глупого окуня мы ругали на чем свет стоит — когда уже дома в раковине на кухне ему вздумалось прийти в себя и устроить бешеную пляску так перепугавшую хозяйку. все мы явились незамедлительно едва заслышав хозяйкины крики. мы — рыбаки — с изумлением смотрели на ожившего окуня бьющегося

в куче мертвой рыбы и говорили о том как он два часа пролежал под лодочной скамейкой и затем помещенный в грязный пакет на самое дно рюкзака в течение часа несясь домой. хозяйка кричала что тем не менее окунь не дает себя почистить и уже проткнул ей палец. маленькая валентина кричала еще громче: бедная рыбка — отдайте ее мне! мы разбуженные по милости окуня глядели невесело и думали о том что этот окунь размером со среднее полено — вне сомнения гордость нашего улова. ладно размеры! — в десять утра не так-то просто заснуть даже если вы только что из лодки и совсем не спали накануне. следующая сцена. мы не спим — мы мечемся по двору — мы таскаем воду ведрами и наполняем ею единственную в доме ванну в которой обычно моемся — а валя кричит в окно: скорее скорее! окунь живет в ванне — сутки, вторые, третьи, пятые — чешуя его светлеет, полосы горят — он получает имя денис в честь того кто его поймал — ему таскают червей с огорода — а к концу недели бабушка объявляет что насыпет окуню купорос, так как он — бабушка — хотел бы когда-нибудь помыться — что окунь загостился — словом жарьте или несите обратно в реку. ведро с окунем тащу я — валентина шагает рядом и говорит 'прощай денисик' — до реки не близко но мы не торопимся.

м а г н и т

мене милый говорит:
оголи-кась свой магнит.
— нет любимый — мой магнит
со вчерашнего болит.

l i e p u l a p u l a i p a

тропинка из липовых листьев — нежный образ из латышского фольклора. этой волшебной тропинкой идти легко и не страшно — идя по ней всегда попадешь к желанному и заветному. об этом нам сказал иоаким вацетис — приведший в революцию латышей: первый начдив латышской стрелковой — в восемнадцатом и девятнадцатом командующий восточным фронтом — главком вооруженными силами республики. 'я желаю каждому из вас найти в россии свою lieru laru laira.' — говорил он когда-то своим бойцам объезжая молчаливые шеренги построившиеся вдоль вагонов эшелона — в рваный и ветреный полдень.

с т а р ы й а р к а ш а

мы спросили у старого аркаши — можно ли расшевелить мадемуазель так что она забудет обо всем на свете? этот аркаша — казалось — жил еще при екатерине. хе хе — говорит аркаша — хе хе. можна рашшывилить мамзелю так что она забудет про все — и где мама и где папа и где стыд и где юбочка. можна рашшывилить мамзелю до того что она гаркнет вам тридцать три матюганна и изогнется как чертова подруга. глаза его слезятся. нос и уши покрыты волосами. мы знаем что аркаша не станет нас обманывать.

т е - и к а - а - м а у и

сэр эдвард тэйлор — королевский этнограф — профессор антропологии оксфорда — в известном своем труде *primitive culture* приводит название новой зеландии на языке народа маори — самого многочисленного коренного народа острова. те-ика-а-мауи — или рыба мауи — и есть новая зеландия. славный мауи — культурный герой маори — выловил ее в океане прикрепив к удочке окровавленную челюсть своего старшего сына. по другой версии чудесную челюсть дала мауи его мать — мури-ранга-венуа — и кровь для приманки была самого мауи. мы знаем уже не от тэйлора что вадеевские и авамские самоеды — натягивающие тетивы луков ночами в шестидесятиградусный мороз — уверены будто под их ногами спина большой оленухи идущей за солнцем с запада на восток. она идет за ним чтобы испросить счастья для самоедов — которые и появились все когда-то из ее линиялой шерсти.

и в а н о в с к о е

я и сестра нашли эту деревню. церковь на середине спуска большого холма — поворот реки — течение ее под естественную горку — оттого такое быстрое. наше заветное место — решили мы. не один раз мы были здесь. ночевали у самой воды — рано утром мылись в реке — пускали друг другу по течению коробку из-под мыла. по мелкому дну ползали на четвереньках — на двух ногах было трудно устоять — ели хлеб и картофелины — пили много воды. с южной стены у церкви обрушилась кладка — в каждый приезд мы забирали оттуда по камешку.

н е т о п ы р ь

ох уж этот нетопырь. все его ругают. колдуны его высушивают и варят в котлах вместе с разрыв-травой. дети всегда пугаются если в сумерках он пролетит над их головами. но мы знаем другого нетопыря. он висит у женщин между ног. разве можно его не любить? разве можно его бояться?

м а р т ы н м е ж л а у к

вот вам и мартын. был мартын и нету. в двадцать два года его назначили комиссаром юстиции казанской губернии. когда в казань пришли белые — он болел. выходи мартышка. — сказали они и вывели его во двор.

и г о л ь н и ц а

это милую игольницу — которой бог наделяет каждую девочку от рождения — так и хочется повесить на стену. пусть висит — а иголки втыкать мы в нее не будем. барышня барышня! одолжите вашу игольницу — мы украсим ею наш кабинет.

Э Т О Т М Е С Я Ц А В Г У С Т

когда я думаю об августе — сердце мое сжимается. в августе мир наполнен как корзина с грибами — всё сущее в нем становится явным, видимым. пройдет еще не много времени — и корзина опрокинется. многое из того что накопилось в мире к августу и стало таким острым очевидным пахнущим — начнет исчезать. поздней осенью и зимой в мире пусто. я люблю эту пустоту. в зимней пустоте ничто не мешает видеть человека. вот он один — ходит — скрипит снегом. есть еще архитектура — но ведь она тоже человек. но в августе! это дрожь во всем теле. это сильнейшая пружинность ног. ноги-пружины щеки-рябины глаза-родники. это город гороховец где раскричались птицы а вода в реке посинела. кажется — купи яблоко у любой старухи или подбери его под любой из яблонь, покати посильнее — оно не остановится а ты сможешь идти за ним. даже если это яблоко чуть червивое — с земли. где-то плещется море — в августе его плеск слышен и в гороховце. возможно яблоко приведет тебя к морю. только в августе стоит на это рассчитывать.

Ш И П О В Н И К

шиповник — краснее красного — мы рвали на берегу унжи. нас было трое и мы давно не виделись. двое из нас приехали с севера — а третий с юга. когда-то мы крепко дружили и ходили вместе в театр. а теперь ягоды шиповника красные — и на унжу мы забрались сами не знаем зачем.

А Н Г Е Л Ы И Р Е В О Л Ю Ц И Я

у наташи пикеевой жили ангелы. неудивительно — у такой девушки как она ангелов всегда полный дом. после революции ангелов в наташином доме прибавилось — а в небе летали большевики с красными повязками. у наташи был даже любимый большевик — он пролетал за её окнами и крепко ругался — но наташа знала — он хороший человек. ангелы большевиков конечно же побаивались — но этого наташиного полюбили и дежурили у окна — а когда он появлялся — бежали за наташей. и большевик видел дом и окно — в окне девушку самую лучшую на свете в окружении мельтешащих ангелов. потом окно таяло и исчезало из виду — а в доме у всех поднималось настроение — наташа и ангелы задерживали занавески, садились поудобнее и начинали петь песню:

в поле да конопелька
в поле да красная девка
в поле да пень да колода
в поле да старая марья.

друг мой —
это всё.

история риты — таксы и человека

детям

казань
2000

почтовый	адрес	риты
рита	и	паук
рита	и голубой	кит
ритина		радость
рита	и осветительный	керосин
рита	на	качелях
рита	учит	языки
ритина		коллекция
рита		спит
рита	делает ловца	сновидений
ритина		колыбельная
гусеничка		рита
ритин		листок

п о ч т о в ы й а д р е с р и т ы

рита исправно ходит на почту и почтовый ящик у нее — понятное дело — есть. на рисунках мы видим ритку чаще всего на четырех лапах с длинными ушами и черным носом. но нельзя торопиться с выводами — рита наша может носить юбочку и есть при помощи ножа и вилки. она любит груши и грушевый сок. где живет рита точно не известно. может быть в йошкар-оле.

р и т а и п а у к

рита	не	боится	то	паук	слезает
злого		паука.	живо	с	потолка
если	спать	ложится —	и	кусает	вора
говорит		пока!	зубом	за	бока.

наверху	над	ритой	если	простудилась
тот	живет	паук,	рита	на бегу,
он	совсем	не злющий —	паучок	поет ей
он	сосед	и друг.	песню:	бу-бу-бу.

если	утром	рита	в праздник	дарит	рита
кушает		банан	пауку		крючок,
и	мешает	рите	а паук	для	риты
черный		таракан	сделал		гамачок.

р и т а и г о л у б о й к и т

рита знала что есть такое животное размером с девятиэтажный дом — оно живет в воде и состоит из головы и хвоста. рита надеялась когда-нибудь встретиться с голубым китом — поэтому всегда заглядывала во все городские пруды, бассейны и даже лужи. но кита там вечно не было. как-то в самом начале лета гуляя по парку где было много каналов и один бассейн — рита посмотрела в воду и увидела маленького черного кита. это был кит — конечно кит — вот его голова и хвост — а больше и нет ничего. кит был крошечный — но и сама рита была когда-то крошечной. кит проворно плавал шевеля ниточкой-хвостом, постоянно поднимался к поверхности воды и шлепал круглым ротиком. что-то бормочет. — думала рита и весело лаяла маленькому киту. — вот мы и встретились миленький. вдруг рядом с китом появился еще один. рита чуть не свалилась в воду от удивления. а в следующий момент она разглядела в воде целую тысячу китов. тут-то рита и плюхнулась в воду забыв обо всем на свете. она плавала взад и вперед, крутила мокрыми ушами, лаяла и взвизгивала поднимая яркие брызги. смотрите такса купается. — говорили все вокруг. — такса любит водичку. как она радовалась — наша любимая рита, ее мечта сбылась — и в тысячу раз сильнее. рита плавала и не хотела выходить из воды — она барахталась и знала что вокруг нее полным-полно китов.

р и т и н а р а д о с т ь

ритина	радость	ритина	радость
это	мешок	это	лягушка
в этом	мешке	в е л о с и п е д	
золотой	волосок.	мотоцикл	и сушка.

ритина	радость	ритина	радость
в сливе	неспелой	любит	кататься
ритина	радость	ритина	радость
в сумочке	белой.	любит	купаться.

ритина радость —
 дерева запах
 ритина радость
 в ритиных лапах.

р и т а и о с в е т и т е л ь н ы й к е р о с и н

всякий раз когда рита покупала в хозяйственном магазине очередную бутылку осветительного керосина — в доме у нее начинались проблемы. собственно для чего рите керосин? для того чтобы заправить чудесный керосиновый фонарь. ведь понятно что керосиновый фонарь работает на керосине. опять опять — думала рита и на этот раз — опять керосин прольется, пламя фитиля будет трещать и хлопать а главное — вырастать до страшной копоти, опять фитиль будет проваливаться так что придется разбирать фонарь а его вылавливать обмакивая в керосине все свои десять пальцев. опять керосином пропахнет квартира. все примутся стонать, и надо будет завязать фонарь в три отвратительных пакета и затолкать под шкаф. это вместо того чтобы все время на него любоваться и зажигать когда захочешь.

да — фонарь работающий на керосине доставлял рите массу мелких огорчений. и пожар-то она устраивала прямо на скатерти праздничного стола, и сколько раз уже особенно разозлившись на фонарь выливала из него весь керосин в раковину, отмывала с мылом и ставила на полку. теперь ты будешь одно глупое украшение. — говорила рита при этом. но проходило не слишком много времени — и рита с озабоченным видом приносила в дом новую порцию керосина.

к чему же такие хлопоты? разве в ритином доме нет электричества? есть конечно. но электричество — (так думала рита) — это ведь непонятно что. оно как воздух — есть — но как будто и нет. а фонарь — очень странная конструкция: из железа стекла и проволоки: дающая свет и тепло. керосиновый фонарь почти что живой — теплый и пахнет — ему надо подливать керосин, подрезать фитиль, чистить стекло от копоти. вот так штуковина! — смеялась рита когда увидела его первый раз в одном из углов прилавка среди ведер, лопат, дверных петель и оцинкованных леек. и до того как однажды рита подарила его себе на восьмое марта, она не раз и не два приходила в тот магазин и подолгу стояла перед прилавком. в магазине пахло деревом и промасленными гвоздями. с таким фонарем можно гулять по полю. будет ночь, будет ветер. посреди ночного поля при неровном свете фонаря можно увидеть оборотней и не испугаться. можно пойти с ним в заброшенный дом и осветить там все углы и лестницы. можно сидеть полночи с какой-нибудь приятельницей и попивать травяной отвар придающий бодрости: рита и гостя на двух

табуретах — между ними на третьем керосиновое пламя под стеклом. и раскладывать в приятном полумраке необычные фигуры из засохших растений, и читать китайские сказки пристроившись у фонаря, и всегда зажигать его на праздники!

'фонарь керосиновый ветроустойчивый' — пела рита на весь дом читая инструкцию в день когда принесла домой это мерцающее чудо. — 'при мигании пламени произвести ровный срез фитиля', 'полная заправка обеспечивает непрерывное горение в течение тридцати часов!' — раздавались восторженные крики из ее комнаты. 'запрещается использовать какие-либо другие горючие жидкости кроме осветительного керосина' — сказала рита позвонив кому-то по телефону. день был очень теплый. весь остаток дня рита сидела в своей залитой солнцем комнате — ветроустойчивый фонарь стоял на столе и горел — она без конца крутила проволочную ручку делая пламя то больше то меньше.

но вернемся к началу нашей истории. такая вот у риты забота: фонарь-то в отличие от электричества — штука несколько хлопотная. что и говорить — рита права: керосиновый фонарь — это прекрасно. если всегда иметь под рукой маленькую воронку для наливания керосина, острые ножницы для подрезания фитиля и пару сухих тряпок — проблем станет меньше. запах в доме останется — но может быть к осени рите удастся переехать в другой дом, в котором кроме нее уже не будет никого. там она не станет завязывать свой фонарь в пакеты — ведь сама-то ничуть не против запаха керосина в доме. несмотря ни на что рита по-прежнему имеет намерение написать трактат 'о пользе и возможностях керосинового фонаря'.

р и т а н а к а ч е л я х

рита	на	качелях	аккуратно	носит
ничего	себе		юбочку	свою

аккуратно	рита	маленькая	рита
плавает	в воде	я	тебя люблю

р и т а у ч и т я з ы к и

в каком-то старом журнале без обложки и фотографий рита наткнулась на статью под названием 'типы склонения имен существительных в ненецком языке'. прочитав статью рита так и не поняла где живут эти ненцы — зато узнала что 'самолет' по-ненецки дословно означает 'птица-лодка'. как интересно. — подумала рита. — хорошо бы выучить этот язык.

заглянув в энциклопедию рита выяснила — что ненцы живут в тундре — у ледовитого океана от белого моря до полуострова таймыр. в ненецкой земле — полярная ночь — и северное сияние — много оленей и много собак — а в океане плавают моржи и касатки. в 'сказках народов мира' ненецкие сказки — оказалось — составили

целый раздел: там старуха-пурга — у нее нет глаз а только огромный рот и маленькие уши — она дует во все стороны; там ползающий под землей мамонт; там полеты над тундрой — и люди и чудовища подолгу кружатся в сероватом небе.

надо же так назвать самолет! летающие машины всегда забавляли риту — она глядит на них со смехом и недоумением. а если кто-то на севере еще и называет такую машину птицей-лодкой! нет — язык этих людей определенно надо знать.

самоучитель ненецкого языка или хотя бы маленький учебник. — попросила рита в книжном магазине. нет ни того ни другого и никогда не было. — ответили ей. это очень долгая история как рита записывалась в научную библиотеку, как наконец нашла по каталогам один единственный 'очерк грамматики ненецкого языка', как купив толстую синюю тетрадь часами сидела в читальном зале и выписывала в нее правила склонения, спряжения и построения предложений. изучение ненецкого языка — ритин секрет.

вынггана иле пяв. ниданда хабэвкоми нгаворциетадм. — произносит рита обращаясь к своему отражению в зеркале — что означает 'в тундре стану жить. в ней буду питаться куропаткой.' собеседника у риты пока что нет. няньм юркана нгамдад! (съешь хлеба с маслом) — говорит она приступая к завтраку. сармикахат пыдами нгэбада сарёмда ваертамбидамзё (защищаясь от волков пережидая дождь). — бормочет рита и глядит в окно в дождливое воскресенье.

недавно рите кто-то сказал что на норвежском языке 'бабочка' значит 'летняя птичка'. это было большой неосторожностью. рита так любит бабочек и ей так понравилось это название. теперь она хочет изучить и норвежский язык чтобы читать книги о бабочках — летних птичках. но это потом. после того как достигнет определенных высот в ненецком. сейчас же рита только проверила по каталогу и убедилась что учебник норвежского языка в библиотеке есть.

р и т и н а к о л л е к ц и я

рита коллекционирует электрические фонарики. их у риты довольно много: больших и маленьких — металлических и пластмассовых — с регулируемым фокусом — с передним и задним свечением — с простыми и разноцветными стеклами. каждый фонарик отбрасывает свое световое пятно. у одного такое пятно похоже на паутину, у другого оно — маленький шар, у третьего как голова медведя, четвертый высвечивает фигуру похожую на привидение. рита любит зажигать несколько фонариков одновременно и заполнять стены пол и потолок своей комнаты этими причудливыми фигурами. бывает рита ложится на пол, берет по два фонарика в каждую лапу и устраивает световой театр на потолке. вот в паутину попали два кругленьких карлика, они очень подвижные — носятся по паутине и еще больше в ней запутываются. вдруг паутина гаснет — и карлики оказываются на свободе. или рита приходит в темную кухню — осторожно садится на стул и держит выключатель.

ченный фонарик наготове. из-под холодильника вылезает мышь и направляется к помойному ведру чтобы найти там что-нибудь съедобное. раз — вспыхивает фонарик, два — мышь убегает а рита хихикает. один из своих фонариков рита всегда носит с собой. даже чистить зубы перед сном в ванной комнате рита предпочитает держа зубную щетку в одной лапе а фонарик в другой.

р и т а с п и т

если рита плачет
знаем наперед
что возможно рита
через час умрет.

если рита ночью
закричит 'не трожь!'
это значит риту
укусила вошь.

если рита скажет
в темноте 'хи-хи'
значит ей читает
кавалер стихи.

р и т а д е л а е т л о в ц а с н о в и д е н и й

ловца сновидений придумали индейцы племени оджибве. вот что это такое: обруч размером с большую тарелку (его делают согнув кольцом гибкую ветвь). внутри обруча натянуто множество толстых нитей: перекрещиваясь друг с другом они образуют сетку с крупными ячейками разной конфигурации. от самой середины этой сетки вниз спускается небольшая веревочка. на нее нанизаны несколько разноцветных бусин — а на конце привязано орлиное перо. ловец сновидений готов. он вешается над колыбелью ребенка. перо легкое и раскачивается от малейшего колебания воздуха. качаясь оно навевает ребенку сон — и самое главное — ловец сновидений всегда пропускает через отверстия своей сетки хорошие сны и задерживает плохие. легкий и чуткий — ловец сновидений действительно ловит плавающие в воздухе сны и мудро решает какие из них посылать спящему ребенку — а какие не стоит. такой вот прибор. чудесно — не правда ли?

когда наступила весна и ветви деревьев стали особенно гибкими, рита отправилась в парк и срезала ровный и длинный ивовый прут. дома она поставила его в бутылку с водой — а сама принялась искать подходящие нитки и бусины. до этого рита уже побывала в зоопарке и попросила одно

большое орлиное перо. она нашла клубок красной шерстяной нити и разобрала свой старый браслет с голубыми и белыми бусинами. взяла ножик взяла ножницы — ловец сновидений был готов через сорок минут.

вот ведь какая рита молодец. теперь она ложится спать с таким удовольствием. ловец висит на стене над ее постелью. перо качается тихо-тихо. оно шевельнется даже если в комнате кто-то кашляет или во сне перевернется с одного бока на другой. а если перед сном чуть приоткрыть форточку — перо будет раскачиваться всю ночь. сны у риты самые разные — но она вполне доверяет своему ловцу сновидений. благодаря ему не только день — но и ночь у риты полна чудес.

если рита полюбит какую-нибудь вещь — то всегда хочет чтобы таких вещей было много. такой уж у нее характер. сто керосиновых ламп и фонарей, сто электрических фонариков, знать сто красивых языков, иметь сто цветущих глоссиций в доме хотелось бы рите. ловцов сновидений она тоже думает сделать не меньше ста. ведь делать их так несложно. развешанные на стенах ритиной комнаты они будут качаться все одновременно — и комната наполнится приятными шуршаниями ста орлиных перьев. будет спокойно и радостно. дадут ли рите столько перьев в зоопарке? пожалуй нет. наверно можно взять любое перо — не обязательно орлиное. — думает рита и она права — конечно перо может быть любое. и любыми могут быть бусины — например сделанные из бумаги — или маленькие деревяшечки раскрашенные фломастером; и любого цвета и любой толщины может быть нить для изготовления сетки. все равно перо будет качаться, и ловец сновидений — делать свое дело для того кто уснул под ним.

р и т и н а к о л ы б е л ь н а я

спят	в	орешниках	колдуны
поветруля		баюкает	дочь
скоро	на	заколку	луны
застегнется		новая	ночь.

покраснели		солнца	усы
их	мышонок	держит	в руке
у	овечек	теплы	носы
языки	собак	в	молоке.

белой	шерсти	тянется	нить
курочка	идет	по	горам
кукурузных	зерен	сварить	
обещает	звездам	и	нам

и	своих	цыплят	накормить
а	цыплят-то	не	сосчитать
если	вдруг	оборвется	нить
будут	все	ужасно	страдать.

в эту ночь не станем гулять
эту ночь оставим луне
пусть висит себе — мы будем спать
керосина в лампах на дне.

лер лер лер — от страха не плачь
этот мир ничуть не велик
под подушку ты себе спрячь
в синих огоньках базилик

г у с е н и ч к а р и т а

зяблик зяблик
зяблик зяблик — пела рита

зяблик зяблик
зяблик зяблик — дверь открыта

зяблик зяблик
зяблик зяблик — п о с т а р а й с я

зяблик зяблик
зяблик зяблик — ко мне спускайся

так шагай
со мною рядом милый — н а д о

мы с тобою
доползем так — вон до того сада

зяблик зяблик
зяблик зяблик — р а в н о д у ш н ы й

зяблик зяблик
зяблик зяблик — п р о т и в н ы й
с к у ш н ы й

зяблик зяблик
зяблик зяблик — дверь открыта

уползла
м о я
любимая
р и т а

р и т и н л и с т о к

на этом листке должна закончиться история про риту. я подобрал невероятных размеров каштановый лист — желтый, тяжелый, сырой, пахнет — а рита изловчилась и прокусила его зубами. прыгает на четырех лапах от радости. как она может так прыгать? пришлось посадить риту на поводок — а мой листок отдать ей обратно. так она и несет его в зубах — возвращаясь с утренней прогулки.

ребенок и зеркало

истории
города

зеркал
усть-сыольска

с ы к т ы в к а р
к о м и к н и ж н о е
и з д а т е л ь с т в о
1956

кага да рөмпöштан

усть-сыольск
рөмпöштанъяслөн

карса
историяс

с ы к т ы в к а р
к о м и к н и ж н о й
и з д а т е л ь с т в о
1956

1	зеркало	обманывает	мать
2	ребенок	уползает в	зеркало
3	нельзя	ругать детей за разбитое	зеркало
4	зеркало	и	рыба
5	зеркало	наполняет квартиру трупным	запахом
6	зеркало	показывает	мертвых
7	зеркало	травит ребенка	белладонной
8	зеркало	посылает	птицу
9	зеркало	растлеивает	детей
10	зеркало	не пускает к детям	олимпиаду
11	кисель		зеркала
12	на дорогах	опасно потому что в машинах много	зеркал
13	зеркала	как	люди
14	женщины		зеркала
15	зеркало	на	утреннике
16	двое зеркал	волнуются при появлении	третьего
17	внутреннее	дело	зеркал
18	зеркало	отрачивает ребенку	грудь
19	зачем	отбирать подарок	зеркала
20	зеркало	и	валентина
21	зеркало	вмешивается в	разговор
22	зеркало	ломает	аккордеон
23	зеркало	на	карауле
24	зеркало	на	похоронах
25	лучше	носить с собой	зеркало или два
26	и дети	могут замучить	зеркало
27	зеркало	на	балконе
28	зеркало	приучает ребенка к	вину
29	поцелуи		зеркала
30	зеркало	вступает в	игру
31	зеркало	не	охотник
32	снегири	поют для	зеркал
33	многодетная	семья насмешка над	зеркалом
34	зеркало	осложняет	роды
	имена		детей
	имена		зеркал

ребенок с матерью были одни. мать готовила в кухне, а ребенок играл на полу в соседней комнате. в коридоре стояло зеркало, в которое комната с ребенком просматривалась с кухни целиком. матери было очень удобно — не отрываясь от дел она отлично видела чем занят ее малыш — вот он тянет покрывало с кровати, вот встает, катает по комнате кольца пирамиды. в кухне шипели кастрюли и весело пощелкивало в гусятнице. мама верила зеркалу — а зеркало ее обманывало. уже четверть часа как ребенок был мертв. он лежал под столом, он что-то проглотил. он не катал колец — это неправда. не имеет смысла даже гадать, для чего это зеркалу было нужно.

о зеркальных дверцах. бывает хозяева выбросят старый шкаф, а дверцу-зеркало оторвут и оставят дома. в одной комнате с такой дверцей на полу — исчез ребенок. он был еще очень маленький и ползал по полу. мать искала, кричала. потом посмотрела в зеркало и увидела на отраженных в нем деревянных досках пола лужу и мокрый след как если бы ребенок обмочился. в комнате на этом же полу никакого следа не было. мать застучала по зеркалу и выбежала на улицу. когда через некоторое время она вернулась в дом — в зеркале было сухо.

дети разбили зеркало. мать наказала их так, что дети весь вечер плакали. утром в постели мать оказалась мертвой. ночью с ней что-то произошло. лицо почернело, а руки порвали простынь. в ее смерти было повинно разбитое зеркало. оно отомстило за слезы своих маленьких братьев.

рыба относится к зеркалу как невеста к жениху. рыба как женщина в белом платье, глаза в слезах. зеркало как мужчина со шрамом удлиняющим рот. их дети — гирлянды из жести и фольги. нельзя чистить рыбу и отражаться в зеркале. так может делать мать, если хочет смерти своему ребенку. или девушка, чтоб никогда не рожать.

в двухкомнатной квартире на ул. бабушкина время от времени разливался отвратительный трупный запах. чаще всего это происходило летом. запах наполнял квартиру стремительно — ночью ли днем — держался недолго — какие-то секунды — потом спадал. хозяева никогда не звали гостей, боялись и много пили. причиной было зеркало в ванной комнате. оно разливало запах всегда, когда в вычегде тонул ребенок. пахло пока он тонет — момент с которого запах начинал исчезать был равен моменту смерти.

в доме где на первом этаже городская детская библиотека трехлетняя девочка постоянно видела в зеркало как двое каких-то мужчин сидят друг напротив друга и прикладывают к губам подстаканники. это мертвые пили чай или что покрепче.

из зеркала вылетела птица и закружилась по комнате. анна громко заплакала — птица не первый раз пугает ее. несмотря на то что анне всего пять лет, манекены с улицы красного знамени уже съели половину ее души.

на пол где играл ребенок зеркало выкатило две ягоды белладонны. блестящие, черные. их еще называют песьи вишни.

женщина была развратна. она умерла. вещи вынесли из дома. не считая ломаной мелочи, в доме осталось зеркало на карамельных обоях. скоро появились дети. от восьми до одиннадцати лет — они искали будильники и читали открытки растоптанные на полу. они ходили и говорили, что пахнет лекарством. зеркало недолго присматривалось к детям. уже во второе посещение дома десятилетний витя увидел себя в зеркале совершенно голым. его товарищи так же отразились без одежды. дети ушли и никому про то не сказали. с этого дня чего только не показывало зеркало своим дорогим гостям: мастурбирующих учительниц, раздвинутые ноги старших сестер, и то как любили друг друга их родители. не дети обращались к зеркалу — это зеркало было неуправляемым: первым же оставалось только смотреть. видели одноклассниц и соседских девочек, видели и самих себя. было трудно дышать. было невозможно. дети изменились — и родители это замечали. приходили из школы жаловаться — дети рассеяны и смеются. один из мальчиков рассказал родителям все что было. они обругали его дурачком, но на всякий случай сходили разбили то зеркало. но что толку губить белену в ноябре, когда вся она сухая и легкая, а семена давно упали в рыхлую землю.

дети знали что делали. взяли зеркало, камень, свечу. написали на зеркале 'олимпия' вверх ногами, прислонили к камню, свечку воткнули рядом, зажгли и убежали в темноту. свечка была от торта. как только она прогорит — олимпия выйдет из зеркала и отправится их искать. улицы были грязные, все дома свои. дети не знали кто такая олимпия, просто верили в это слово. ждут в укрытии — олимпии нет — снова прячутся и смеются. а олимпия вышла из зеркала и хотела идти, но зеркало пригрозило, что не пустит ее обратно. это было в вильгорте — рядом с сыктывкарком — на другом берегу сысолы.

раздавите клюкву между двумя зеркалами, соскребите с обоих поверхностей и сварите кисель. дайте ребенку — у него из носа сразу побежит кровь. нелепый факт, дурацкая забава.

чем меньше ребенок тем ближе к зеркалу — тем сильнее зеркало хочет его обратно. никто не думает но это так: в смерти грудных детей — практически в каждом случае — виновато зеркало. детям постарше и взрослым зеркало склонно помогать. неправильно думать, что кто-то из домашних зеркал пытается забрать ребенка: зеркало может стоять к примеру в парикмахерской г. рыбинска, а в усть-сысольске и в москве погибнут дети. этот пример на отсутствие закономерности. есть примеры и указывающие на нее: дети часто попадают под колеса — здесь всегда виноваты зеркала — зеркала машины, наехавшей на ребенка. родители не станут свинчивать и бить те зеркала, а накажут пьяную сволочь, сидевшую за рулем. это правильно — но не прибавит ни там ни здесь ни равновесия ни справедливости.

иногда зеркала бывают как люди. обычно они работают в педагогике, реже в детских учреждениях культуры, детских журналах и поликлиниках, магазинах с товарами для детей. зеркалом был директор престижной школы и кружок по бисеру в центре народного творчества вела пожилая тетенька-зеркало. очень уж много всего они делают для детей, только и знают твердить: 'дети дети'. зеркало тянет детей в поход каждые выходные и ругается с родителями, если кого-то не отпустили. копошатся и копошатся с детьми — но при этом как-то фатально удалены от них и от собственной ради них деятельности. зеркала активно преобразуют мир вокруг детей — но чем выше эта активность, тем сильнее кажется, что все движения зеркала — обман чувств. учитель-зеркало запускает ребенка на воздушном шаре, а ребенок летит и думает, что того учителя нет. зеркала если бы даже и вычислить — не стоило б увольнять из интернатов и школ. будучи как люди, они — неплохие учителя — никогда не кричат на детей, сексуально над ними не насильничают. прямой от них вред случается крайне редко — да и это вопрос: кажется, зеркало необратимо путает жизнь своим самым лучшим ученикам. а лучший — это тот кто способен угадать в учителе зеркало.

женщина сделавшая аборт дорога и приятна зеркалу. каждое зеркало знает ее в лицо. шутки здесь нет. зеркала никогда не обидят свою милую подругу, будут ее беречь, помогать, искренне делать нежности. уверенно можно сказать, что после аборта женщина попадает под покровительство зеркал. это не плохо и не значит, что кто-то другой теперь от нее отвернется. в анти-мире нет конфликтов. все ходят своими комнатами. чтоб заслужить симпатию ангелов — надо пролить керосин. подружиться с пугалами можно выстрелив в птицу. чтобы помогали птицы надо неудачно покончить с собой или убить человека.

на новогоднем утреннике в детском саду дедом морозом было большое овальное зеркало. зеркало прекрасно играло по сценарию и шутило с детьми. настало время дарить подарки в обмен на песни и стихи. дети выходили под елку, выступали, кланялись — получали от зеркала сладости и игрушки. одна девочка в зале как раз заболела опасной болезнью — и это видело только зеркало. оно не выдержало и сказала, вручая ей свой подарок: сыпь багульником в зеркала, если не хочешь умереть в новом году. девочка испугалась, заплакала, родители соскочили с мест. эту воспитательницу сразу уволили.

в другом детском саду зеркалами были нянечка и музыкальный руководитель. в один и тот же день нянечка ошпарила ребенка супом, а музыкальный руководитель уронила другому ребенку на палец крышку от пианино. вы что делаете, дуры! — кричала на них заведующая. а ведь это была ее вина: утром заведующая привезла в детский сад раскладное зеркало-убийцу — пока что завернутое в бумагу оно лежало в ее кабинете — и эти двое сильно занервничали.

молодой незамужней женщине по имени светлана казалось, что в ее квартире живет мальчик в очках. навязчивость этой идеи стала невыносимой — и женщина начала его искать. а где искать — ну не под кроватью же. буду шарить под кроватью и в шкафах, когда окончательно сойду с ума. — решила для себя светлана. светлана была серьезный и тонкий человек: вечерами она не зажигала в квартире свет, а брала фонарик и начинала светить по углам и перспективам, по мебели, стенам, а главное — при разном состоянии темноты и при разном приближении ощупывала фонариком зеркала и долго в них вглядывалась: с той же сомнительной уверенностью она знала, что мальчик где-то возле зеркал. светлана искала мальчика несколько дней с вечера до пол-ночи, поиски ни к чему не приводили. однажды очень поздно как раз во время напряженных светланиных поисков зазвонил телефон и детский голос сказал в трубку: вас беспокоят из магазина 'елена' — ваш мальчик у нас. светлана похолодела и включила свет. никакого мальчика больше в квартире не было. внутри светланы лопнула и теперь разливалась огромная грусть. света вызвала подругу и пила с ней водку. через пару лет она родила мертвого ребенка. света — умная, дорогая — поразительно, что она так остро чувствовала, как зеркала делили ее еще не зачатого сына.

девочка из корткероса приехала с мамой в сыктывкар. мама купила ей в городе игрушечное зеркало — и вскоре после этого у девочки невероятно стала расти грудь. через пару каких-то месяцев грудь у девочки восьми лет

стала больше чем у ее матери. зеркало выбрало очень наивный способ сделать так, чтобы девочка поскорей стала взрослой.

девочка принесла домой резинового зайца — совсем нового. мама спросила: откуда он у тебя? девочка молчала. пока не скажешь, не будешь с ним играть. — сказала мама и отобрала игрушку. когда вырывала из рук — заяц громко пискнул — была в нем такая дырочка. заяц достался ребенку от зеркала — зачем надо было его отбирать? ночью девочка запищала как резиновый заяц — сидела на кровати в пижаме — смотрела жалобно. вызвали скорую. отдали зайца. но девочка еще с неделю не произносила слов.

мальчик играл на аккордеоне сидя перед зеркалом — тренировал пальцы. зеркало любило музыку но плохо слышало — просто глядело в упор. иногда зеркало плакало от обиды — но этого уже не видел играющий мальчик. как-то мальчик открыл футляр и обнаружил, что у аккордеона разрезаны все меха. он страшно перепугался что его поколотят родители. но родители в этот день вернувшись с работы закрылись на кухне и стали долго говорить. утром оказалось, что у отца другая семья и он от них уходит, а мальчика забирают из музыкальной школы.

с валентинами зеркала изменяют рыбам. по сравнению с другими детьми валентины всегда слабее здоровьем и умирают чаще. если школу или детский сад закрыли на карантин — заболевшие валентины туда не вернуться, а стараниями зеркал все попадут на кладбище. зеркала собирают валентин как грибы в лесу — не дают валентинам жить. валентины — особая категория. девочки с этим именем — главная страсть в жизни зеркала. зеркала смертельно влюбляются в валентин. мальчики ухаживающие за валями находятся в опасности. насиловать валентину — способ самоубийства — только вот хоронить обидчика будут в закрытом гробу. при зеркале очень часто находится валентина. валентинами также зовутся и многие зеркала. рыба, зеркало, валентина — это почти семья. за одну живую валентину нередко стараются сразу несколько зеркал. на могилах маленьких валентин родственники застают незнакомых мужчин и женщин — все они зеркала, упустившие валя соперникам. валентина будет жить, если невольно обидит зеркало, например глядя в зеркало крикнет: я тебя не люблю! в день валентининой свадьбы все зеркала на ее пути — грустные добряки: к любому из них валентина может обратиться с просьбой. когда валентина становится женщиной — зеркала срываются со стен. взрослая валентина не должна целовать зеркала и показывать им свои детские фотографии.

в доме убился котенок — и дети рыдали — не хотели его хоронить. миленькие, ну не плачьте. — говорили папа и мама. миленькие, не плачьте. — повторило зеркало в прихожей. — если будете плакать — отправитесь вслед за ним.

от старого усть-сысольска в сыктывкаре осталось немного — несколько улиц у края реки. там же есть парк. зимой в нем совсем темно. зимой в этот парк не надо ходить беременным женщинам — зеркал здесь больше чем деревьев — они прячут под снегом лед и ставят подножки.

ребенок кинул в аквариум много корма — и рыбки умерли — овдовело несколько зеркал. зеркала хоронят рыб долго — отступив от амальгамы на значительное расстояние — не интересуются в это время уже ничем. когда зеркала хоронят рыб — случаются зачатия, роды у женщин проходят легко, а тяжело больные дети неожиданно идут на поправку.

существуют способы избежать беременности при помощи зеркал. никакого бесплодия, никаких неприятных последствий — в этих случаях зеркало выступает как обычный презерватив. способов довольно много, но большинство из них не может быть использовано из-за своей громоздкости. наиболее доступные — это: если женщина отдается мужчине в обмен на зеркало; если в комнате где происходит любовь присутствуют восемнадцать и более зеркал; если любовь наблюдает ребенок, у которого день рождения. для случайных связей лучше всего иметь зеркало и оставить его подруге. этого достаточно, но если нужен красивый ритуал — можно сразу же пока подруга не сдвинула усталые ноги ненадолго поднести это зеркало к ее переду. подруга будет в восторге. тогда она вам еще раз отдастся — и будет нужно второе зеркало.

половые органы детей зеркалу не интересны. а ведь дети довольно часто демонстрируют их зеркалам. зеркала скрипят и кривятся как если бы были людьми и жевали лимон. зеркало может поперхнуться злостью и погибнуть если соберутся несколько детей и начнут совать в него свои половые органы.

зеркалу на балконе плохо. балкон придуман для радости, но на балконе обычно грустно — и зеркало тоже грустит. на балконе ненужная мебель, клетка без птицы, разбитый петух с остатками краски без четвертого колеса. на балконе игру-

щечный хлам, бутылки и банки – сюда выходят покурить. даже если балкон как комната – и постелены дорожки – все равно здесь достаточно грусти и не место зеркалам. зеркало засидевшееся на балконе точно станет хватать детей.

одного довольно большого мальчика зеркало постоянно уговаривало попробовать алкоголь. так и твердило ему – давай выпьем, давай выпьем. мальчик однажды послушался – взял и напился из родительских запасов. стало ему весело, а потом вдруг страшно. тогда мальчик взял пустую бутылку и бросил с размаху в зеркало. разлетелись осколки – одно из них угодило мальчику в глаз. сейчас этот мальчик взрослый – все называют его одноглазый пьяница.

когда ребенок скрипит зубами – зеркало целует его в губы. не надо сильно хлопать по подбородку – зеркало может треснуть. одна мама так хлопнула, что разбила ребенку рот. она ненарочно – уж больно отвратительный звук. пришла на работу – а у начальницы истерика: недавно она открыла пудреницу – а там все в крови – и пудра и пуховка и зеркало.

папа играл с четырехлетним сыном в игру 'найди мишку' – прятал мишку где-нибудь в квартире, а мальчик потом искал. очень весело, хоть играли не первый раз – и все возможные места где надо искать мальчик давно запомнил. зеркало вступило в игру. мишка был в платяном шкафу – мальчик забрался туда уверенно и наощупь принялся рыться в грудке одежды. а вместо мишки наткнулся на лезвие и сильно порезался.

не следует думать, что связь с ребенком – главное свойство зеркала. связь имеется и сильна – вполне достаточная для того чтобы вышла маленькая книга. быть ребенком до двенадцати-четырнадцати лет и быть родителем такого ребенка – значит испытывать со стороны зеркал повышенный интерес. зеркало против рождения ребенка, но при этом ведет себя пассивно – зеркало не охотник с капканами и ружьем. положите рыбу на зеркало, нарисуйте рыбу на зеркале, утопите зеркало в воде, заверните зеркало в коричневую бумагу или ткань, опустите в отвар *ledum palustre* или просто насыпьте на зеркало этой травы – сделайте что-то одно и приступайте к зачатию – это зеркало точно не станет вам мешать. и другие зеркала может быть также позволят вам стать родителями видя что вы доставили радость одному из них.

снегири поют для зеркал. или о зеркалах. дети теряют по году жизни, когда слышат их одиночное пиканье.

многодетные семьи зеркалам ненавистны. родители в этих семьях редко бывают счастливы, а из детей так же редко все дорастают до совершеннолетия живыми и здоровыми. даже если и выросли благополучно все пять или семь детей, скорее всего кто-то из них подмененный или мертвый.

крошечное зеркало в зубном кабинете, которое врач засовывает детям в рот, постоянно терялось. бывало, оставленное с вечера, утром не оказывалось на месте. бывало пропадало среди бела дня. не очень-то это было заметно, потому что таких зеркал в кабинете был целый ворох. а лучше бы было заметить и сжать его в кулаке и измазать детским калом, принести в школьный туалет и бросить прямо в дырку. зеркало бегало в ближайший роддом — и во время родов вставало внутри женщин кривой чертой затрудняя проход ребенку.

имена	детей
-------	-------

павлик	витя
света	лена
женя	галя
лида	дима
рита	витя
света	игорь
инна	валя
эдик	саша
сережа	ира
вероника	нина
миша	алла
агнюша	люда
витя	ксеня
аня	толик
валя	оля
майя	дима
лена	лиля
валя	наташа

имена зеркал

сергей	борисович
виктор	валентинович
никотай	михайлович
валентина	сергеевна
павел	анатольевич
витя	викторович
константин	алексеевич
ксения	робертовна
евгений	евгениевич
отто	виноградов
витаий	анатольевич
валентина	викторовна
лидия	лидиевна
п о ч т а л ь о н	
борис	семенович
рита	с павликом
света	денисович
сергей	эдуардович
пани	агнешка хомик
евгений	сергеевич
снегирь	снегирь
никотай	геннадьевич
јуля сергеевна	викторовна
филипп	гербертович
сергей	анатольевич
элла	анатольевна
эва и фуксю	млынарские
ольга	дмитриевна
с м и л о в и ч	
татьяна	вениаминовна
инна	валентиновна
дима	венялайн

б а л к о н ы

вятка
1929

уржума малмыжа
яранска лузы
котельнича мурашей
мамадыша ветлуги
сарапула глазова
в я т к и

желание быть балконами заслуживает похвал. мы сами хотим стать балконами — и уважаем себя за это. мы любим себя за то что имеем почти одинаковую с балконами душу. балконы нам родственники — и мы рассчитываем вот-вот оторваться от земли и зависнуть над улицей на уровне второго этажа.

1

черемисская грамматика и коньяк — коричневый стул и пепельница. на стуле растрескался шпон и прикрыт подушкой. во время дождя или снега перечисленные предметы остаются на своих местах на балконе. балконы рождаются в белых рубашках на клепках — с бритыми рожами умытыми дорогим мылом. ждут наташу — посещений и дел любви — ждут когда щелкнет дверной шпингалет — напряженно прислушиваются.

2

но время идет — а шагов не слышно — и балконы выкуривают папиросу. вызывают поспешно ветер — чтобы тот как можно скорее истребил неласковый запах табака — и продолжают ждать. открывается дверь — и на балкон выносят олифу.

выносят какой-то мусор и изгнанную из дома мебель — испорченную одежду и сажают лук. вылезают сюда в тапочках в пальто покурить — да и балконы теперь тоже курят папиросу за папиросой. на балконах лопаются банки и гниет капуста. разбухают и снова сохнут березовые еловые чурки — из которых хозяева никогда не соберутся вырезать-таки домашних покровителей на самоедский манер. ведро с землей от новогодней елки — тот новый год встречали очень давно — тушить окурки. забыты: толстая ивовая ветвь для лука для детей и для них же пакет с шишками — собачьи шапки на поделки, на малицы северным куклам — шинель для пугала — палец с недовышитым снегирем.

не такими хотели бы быть балконы. не иметь бы такой никудышный негодный вид. и какой уж там запах мыла. губы балконов покрываются простудами — так и живут — постоянно с мазью на губах.

балконы существуют отдельно от дома. за балконом дверь и окно. вокруг — улица небо ветер. располагаясь на такой границе балконы — как мостки чудес и испытывают огромное мистическое напряжение. балконы живые и способны на многое. ну хотя бы загадывать желание ведь можно выходить на балкон — чтобы вернее быть услышанным. ну и действительно — балконы для чуткой радости — а не для помойки из ненужных печальных вещей которым нет места в доме. на балкон обычно не хочется выходить — а должно чтобы посещение балкона было сродни посещению священной рощи. не всуе — не покурить и плюнуть вниз — а мысленно снимая обувь. кому не становится чуточку грустно после любого балкона? — без исключения всем. это маленькое свойство балконов — кашляющих волшебников заросших луком — которых никто не слышит.

случаются радости — но их очень мало. случаются движения раскрывающие истинный смысл балконов — но они случайны. бывает конечно и весна и чаепитие и голая наташа выходит проветрить подмышки и остудить лицо и дед на балконе щурится в улицу и апрель. дети жрут цветные бомбошки в чей-нибудь день рождения — кричат и машут прохожим — опускают привязанную к нитке пуговицу на тротуар. георгий дмитрий и валентинь являются на балкон чтобы выпить 'за сербских братьев и румынских сестер' и похабно обсудить женщин. в метель в балконные сугробы бывает выскочит молодая тетенька и считает оставшиеся до нового года дни.

но — ах — этого не достаточно — все равно балконы посещаются катастрофически редко. редко кто думает о балконах — а любят и обращаются с ними так как они того заслуживают невидимые единицы. колдовать или шептаться с мертвыми на балконы вообще никто не выходит — чаще с них прыгают и ломают ноги или швыряют надоевшего кота.

провести на балконе ночь в гаданиях на китайских закладках для книг — обливать раздетую сестру из одиннадцати банок с вытяжками из трав жизни — пригласить кого-нибудь чтобы вместе молчать на балконе — молча ждать — целый день до вечера. использовать балкон как место зачатия ребенка — балконы будут счастливы, дети будут здоровы. любовь к балконам и дружба с ними необходима всем. игры на балконе — мистические практики — см. книгу 'ветер ветер'.

на юге лучше относятся к балконам. кошунственное обращение с ними — на юге редкость. балконы и сами — южане по происхождению и имеют в глубинах сердца неделимую желтую крупу. а здесь на севере и в средней полосе — да что там говорить — уж лучше тогда вовсе строить дома без балконов. окон вполне достаточно. балкон на севере как посаженный среди елок пион — раз уж его посадили то зачем же мучить? с другой стороны пион на севере — чудо гораздо большее. правила поведения на балконе каждый должен выработать сам.

балконы не озлобляются — не причиняют вред. изредка срывает балконы и обрушивает их на головы кто-то другой. балконы любят ветер и сон (папиросы и водку). балконы не назовешь активными фигурами — но бывает они вплетаются в чужие конфигурации — и возникает зло. существа и предметы обоих миров — тасующаяся колода карт — иногда ложится такая выборка что рождается опасное. так балконы несовместимы с зеркалом, с домами умерших животных — старыми аквариумами, клетками. попугай был съеден кошками — клетка теперь на балконе — однажды съеденный попугай появляется в клетке и говорит пронзительно 'хаврошка хочет пить' — это он раньше умел говорить. скажет так еще раз двенадцать — и случится несчастье.

а какие на балконах сны. комаров не будет — если искренне вынести на балкон одеяло и матрац.

дети любят балконы — и старики. живая связь с миром номер два у них сильнее: первые недавно оттуда — вторые туда собрались. балконы им рады — но ценят внимание их несколько меньше внимания взрослых и молодых — потому что тех на балконы ноги сами несут, а значит меньше прямого желания и свободной воли.

любая оптика и балкон — пример удачайшего соединения. держать на балконе микроскоп трубу и бинокль — значит ждать от балкона подарок-сюрприз — а именно — увидеть в оптические приборы такую радость такой восторг — что просто жизнь перевернется! — увидеть невесту — сюжет для книги за которую нежданно свалится большущий гонорар. а вот велосипед на балкон выставлять не стоит. велосипед и без того чрезмерно весел своенравен и глуп. постоит на балконе или повисит привязанный — а потом так вас уронит или вашу подружку — что вы закинете его в озеро с матерными проклятиями. а все потому что в компании балкона на велосипед навалится слишком много чудес — а ума у него для этого недостаточно — весь его ум разместился в месте где руль соединяется с рамой — крохотный участок! — вот и выйдет с балкона дурак дураком. дома надо ставить велосипед — чтобы был поспокойнее — более домашним.

снесенные дома и их балконы поднимаются с прежнего места на сто два метра и продолжают существовать на этой высоте. над городами порой висят целые кварталы и части улиц. на тех балконах живые бывают очень редко — но можно постараться туда попасть. при помощи проститутки, при помощи библиотекаря, евгении, ксении, решета. при помощи травы — которая во всем помощник. при помощи больших рыболовных крючков. с помощью земли. с помощью носков. с помощью новой обуви. земные балконы также могут помочь в этом предприятии — с ними можно советоваться. вопрос — что делать на других балконах? слоняться и осматриваться — вот что. не бояться — не ждать ничего конкретного.

балконы — покровители девушек в очках. и наверно нет ничего прекрасней их дружбы. девушки в очках даже если ненавидят балконы — те все равно их берегут и любят — прощают им все — ходатайствуют за них после смерти. не всегда принимают во внимание просьбы этих горячих защитников — ведь очки случается носить и паскудные девушки. но балконы от них без ума — как семнадцатилетние вятские студенты роняющие одежду с пятнадцатилетних уржумских школьниц. боже мой — что за страсть! девушкам в очках по настоящему есть за что завидовать. когда видишь как такая девушка стоит на балконе и не знает как целует целует ее

балкон — слезы становятся в глазах — зачем читать, зачем ходить в театр? — надо выманивать девушек в очках на балкон и смотреть и превращаться в сердце.

16

балконы — не ворчите, не пойте песен, не гуляйте с собаками по паркам и площади, не карабкайтесь на каланчу, не заказывайте ювелиру обручальных колец и сережек с утиными лапками, не ходите на вокзал провожать друзей, никого не ждите. лучше побольше спите зимой и поменьше весной и летом. не кричите приветы в открытках неряшливым почерком. а ведь может статья! разные люди в разное время получали открытки присланные балконами. на одной стороне на зеленоватом фоне — покровская улица в сарапуле или мост через каму. на другой — непонятно что — только и разобрать — 'милая ната! кланяется..' или 'здравствуйте дмитрий юрьевич'.

17

и людям и балконам нужно примерно одно и то же. балконы к людям так сочувственны — так близки. пригласите балкон на каток — он скорее всего не пойдет — потому что уже состарился — но в ответ пробурчит спасибо и выпьет за вас рюмку водки. подарите балкону шарф тапочки и очки — познакомьте с невестой — похвастайтесь женихом. лечить балкон от простуды тоже наверно можно — подумайте как — скорее всего окажется правы. на балконе ругаться — да боже вас упаси. осмотритесь внимательнее — будете знать как доставить приятное вашему или любому балкону. на балконе киньте монету — выпадет правильная сторона. этой монете верить!

18

как становятся балконами

балконом может стать любой человек — если он не свинья. не нужно искать в этом условии подвоха — не кокетничайте с собой — свинья всегда знает кто она.

второе условие — ожидание. ожидание — это пароль к превращению человека в балкон. ждать в своей жизни надо очень-пре-очень много — и в основном зря. ждать можно по-разному. ждать приходится всем. слишком долгое ожидание не проходит бесследно. ожидание — балконный хребет: ведь вспомните — именно этим чудовищно разросшимся смыслом определяется реальная жизнь балконов.

людям — кандидатам в балконы — ждать надо так чтобы белые рубашки окончательно переставали нравиться — чтобы дурнела кожа — чтобы любовью до слез становился сон — чтобы ожидание наметило контуры морщин и ту самую полосу на сердце которая впоследствии будет резко прочерчена смертью. неважно сколько человеку лет. главное — желание улыбка искренность. хотя пожалуй сложнее представить — чтобы балконом стал человек моложе двадцати.

люди ждут правильно или неправильно. если ждать неправильно — превратиться в птицу. если правильно — то в балкон. неправильное ожидание и его последствия страшнее смерти: человек наполняется химерами — часами не покидает общественный туалет — кричит на весь трамвай и однажды его глаза зарастают птичьей роговицей. правильное ожидание — когда ты цел и с улыбкой присматриваешься к балконам, варишь кофе, гуляешь и спишь.

19

как балконы становятся людьми

балкон не станет человеком — и никогда не стремится им стать. но те балконы которые были людьми — в сущности могут принять прежний вид. такое желание — вопиющая редкость. его осуществление — близко к нулю. но если теоретически — то можно вернуть балкон. кто-то должен помочь. кто-то — сам не обязательно из людей — должен узнать в балконе конкретного человека — и породить в нем обратное желание. нет — это слишком! — в практику сложно верить — да в каком городе его искать! кто-нибудь от кого-нибудь слышал фразы 'я два года пробыл балконом', 'я — шестнадцать лет'? или историю о том как у дома исчез балкон? исчез — а не отвалился! балконы имеющие человеческое происхождение не станут слезать со стен.

20

и это обстоятельство еще больше сближает нас с балконами.

с и р е н ь в сапогах

казань
2007

*с и р е н и
закировой*

*г о р о д у
вселенной*

на электричку на чепчуги
два билета.
твои резиновые сапоги
синего цвета.
мои резиновые сапоги
зеленые — как и куртка.
тебя и правда зовут сирень.
не перевод не шутка.

а чыпчык — с татарского воробей.
чепчуги — это так близко.
наша дорога могла быть длинней
через апрельскую слизкость.
но сирень не решилась
на целый день
в мокро-снежном ветре-тумане.
такая миленькая сирень
может вырасти только в казани.

сирень невысока, сирень кругла.
усадить бы ее на санки.
в 'канцтоварах' от нас через два двора
продает dvd-болванки.

с телефонным радио что-то поет
если все про нее забыли.
мы в лицо друг
с другом знакомы год.
а вчера лишь заговорили.

теперь молчим. теперь мы стучим
на загородную прогулку.
сирень прихватила куриный рулет.
я — бальзам 'бугульма' и булку.
зеленый плащ чтобы
сесть под сень
кривых чепчугинских сосен.
я думаю что раздвинуть сирень —
это лето весна и осень.

и конечно — сердечная та зима
что не может расстаться с нами.
приглашает слезы — плачет сама
над нашими городами.
над мечетями.
мокнул спины собак.
я держу сирень за запястье.
через двадцать минут мы
сойдем в чепчугах
если не задохнусь от счастья.

*

тепло магазина теплее рук
которым не разъединиться.
сирень покупает репчатый лук
'чтобы не простудиться'.
я покупаю кагор с кораблем,
треугольник сыра, печенье
и керосин чтоб согреть костром
холодное воскресенье.

сирень — дай сумку! беги налегке!
прыгай над чепчугами!
сирень — нам нужно выйти к реке
и двигаться берегами!
вот и гусь за тобой побежал —
обрадовался затее!

только не дуйся! — я же не знал
что будет так веть веть!

сирень дорогая! прекрасны мы!
и пока не замерзли ноги
давай скорее глотнем 'бугульмы'
щедро плеснув дороге!
дачи уносятся как облака.
обещаю — моя полянка —
станет теплей когда будет река.
ведь эта река — казанка.

*

перепрыгиваем ручьи.
любуюсь на плотины.
на мостах целуемся.
пьем. молчим.
шуршат последние льдины.
послушай — ведь это
праздник земли!
весна как раз в середине!
там — куркачи. там — бирюли.
в какую сторону двинем?

*

серый-серый прибрежный дым.
красны-красны колени.
н е о ж и д а н н о - ж ё л т ы
под взглядом моим
трусики у сирени.
сирень улыбается и говорит
что не была на прогулке
когда в снегу у костра сапоги
а она без трусов и в куртке.

*

говорит: я — всё.
можешь кончить так.
не смотри туда — мне неловко.

говорит: по-турецки
стакан — 'бардак'
а 'дурак' — остановка.

говорит: у меня есть друг.
мы поженимся скоро.

говорю: будем есть твой лук
и запивать кагором.

*

замечаем уточку на волнах.
она приплыла из детства.
это проверенный добрый знак —
увидеть такое соседство.
кидаем с сиренью булки кусок
заступнице ненаглядной.
у меня в кармане утиный манок.
сирень — возьми его — ладно?

подари мне свое лицо у огня.
прими коловскую позу.
и что ли теперь
сними и меня —
я поцелую березу.
ноги твои и твоё бельё
березе забыть будет сложно.
а полезли теперь на неё? —
кажется это возможно.

*

смотри — берег-то наш в рыбаках.
а рыбаки — в капюшонах.
я и сирень расселись в носках
на белых ветвях огромных.
на искусственную стрекозу
сейчас поймают питона.
сапоги ожидают внизу
и остывают снова.

кагор и влажная береста:
так отчаянно-вкусно!
сирень рассказывает что вчера
ей было ужасно грустно.
еще рассказывает — в феврале
ей исполнилось двадцать.
еще говорит: спасибо тебе.

береза! — не дай разрыдаться.

*

может быть срежем домой букет
набухших побегов ивы?
может обжарим этот рулет
на палочках вместе с сыром?
может до города — на такси,
если на станции встретим?
в нем будет жарко.
и мы поспим.
чепчуги чепчуги. ветер ветер.

*

дымится за 'дворниками' земля.
именно так и надо.
сирень замечательная, не моя,
спит под казанские танго.
глажу ее. уснуть не могу.
кто тогда слушать будет?
их запускают из комнат в дыму
дорогие мне люди.

в этих комнатах я бывал.
пил то коньяк то кофе.
танцевал со всеми, всех обнимал.
а все были не против.
в сапогах вода.
в небесах вода.
зреет в губе простуда.
глажу глажу сирень. я никогда
не уеду отсюда.

куплю тюбетейку — и не сниму.
у мечетей буду молиться.
татарстан, реву тебя и люблю —
в тебя нельзя не влюбиться.
портрет президента свяжу крючком
из шерсти самой красивой.
он мудрый — а я улегся ничком
на апрельский живот без силы.

тюбетейку к круглой своей башке
приколочу гвоздями.
о гусинокрылой сыграю тоске
перед глухими друзьями.
жаль не казнят
в казанском кремле —
пропадает за вечером вечер.
но может быть
может быть все-таки мне
мой город пойдет навстречу? —

на кремлевской, 1
подпишут приказ
искренне сожалея.
барабан, сурнаи-курнаи и саз
вытащат из музея.
на площадь где плитка как чешуя
зиланта — моей голубки —
ну пожалуйста пригласите меня.
я доберусь на маршрутке!

отъезжающим пикает наш вокзал.
о, большое спасибо!
перевяжи мне глаза, казань —
я знаю как ты красива.
я понимаю свою вину.
мучаюсь и горюю:
я женат и люблю жену —
а трогал сирень смешную.

*

и потом я начну гулять
средневолжскими снами.
каждому-каждому буду шептать
сиреневыми ночами
что любовь любовь
к человеку — да! —
заверяю своим казанством! —
так смертельно сопряжена
с любовью любовью
к пространству.

*

мои электрички! мои тополя!
мои рябины! мой праздник!
мои улицы! простите что я
размечтался о казни.

*

таксист-эфенди — не торопись.
посидим две минуты.

отважная, миленькая — проснись.
мы — у ветинститута.

*

стукнул трамвай на сухой реке.

*

сирень укатила на квартал.

*

недоеденный лук в рюкзаке.

*

давно я вот так не плакал.

*

я пока не иду домой.

*

веять не перестало.

*

целую целую люк гербовой
казанского 'водоканала'.

С К А Т Ы

зима

2

0

0

8

лето

2

0

0

7

(6)

(5)

(4)

(3)

скаты оказывается рыбы. ну да правильно — ведь у них жабры. не осьминоги же они — не медузы. и пусть поначалу трудно решиться назвать скатов рыбами — ну какая это рыба? — это водяная лепешка — это неизвестно кто. скаты — примитивные хрящевые рыбы — как и акулы.

пилорылые скаты — акулохвостые скаты — гитарные (рохлевые) скаты — ромбовые скаты — нитерылые скаты — скаты-хвостоколы — толстохвостые скаты-хвостоколы — речные хвостоколы — скаты-бабочки — скаты-орляки — быченовые скаты — рогачевые скаты (манты) — электрические скаты (гнюсы) — нарковые скаты (наркогнюсы). мы узнали об этом потом.

скаты плывут все вместе. кушают и плывут. кушают. скаты собираются большой толпой где нет акул и начинают размножаться. ската поймали и вытащили из воды — а он свистит. эти скаты вынули мою душу — и я сижу и реву. прячусь в ванной чтобы жена не видела. я там как в западне. выйти нельзя — и на улицу выбежать поздно. вроде все уже — проревелся. но подумаешь: скаты. и все с начала.

С К А Т Ы : н е л ь з я д ы ш а т ь .

*

камбала и морская капуста — так дешево. так просто с их помощью добраться до океана. капуста открыта консервным ножом. туда как всегда насовали лук. убираю сколько могу эти отвратительные кусочки. камбала оттаяла —

и жарится в кухне. выпотрошены маленькие животы. брошены в ведро льдинки-внутренности. я и сам лег глазами в шипящую сковороду. по дому разливается йодистый запах жизни. правильной жизни. полной скатов. черпаю вилкой водоросли, отщипываю камбалы — отправляю в рот — глаза брызгают. здравствуйте скаты! я вас вижу! я не могу жевать.

как добраться до океана мечты? примерно так же. скаты-мечты терпеливо ждут когда я не доев камбалу побегу по улицам в малолюдный парк у железнодорожной ветки — там побегу по горячей трубе на север — в сторону тэцевских башен — к океану огромному, радостному, моему-моему — спотыкаясь о улыбки свои и плачи — по обе стороны от трубы разбрасывая одежду — здравствуйте скаты здравствуйте! товарный стучит. не жду — не могу — через него перепрыгиваю. скаты мои! — вот мы и вместе!

*

измучился. я не люблю городá. узкого полуострова — прохладного дома — ветра над океаном! — иначе нельзя. мне нужно на север — и чтобы скаты были вблизи. нам вместе всем так там тепло. даже жарко!

мне нужны живые пучки подводной травы. живой удивленный скат пусть касался бы моего живота своим боком. мне нужны большие влажные камни — чтобы подолгу сидеть на них — и зрачки отпустить и разжать губы.

я очень люблю города за то — что столько здесь скатов моих летает — летает и гибнет на моих глазах — рождается гибнет рождается.. улетают из меня — и не возвращаются ко мне обычно. я столько местностей перецеловал — что мне давно уже некуда складывать удостоверения о почетном гражданстве. не знаю в каком подаренном доме жить — в какой квартире? как поддерживать все дома свои в чистоте и чем оплачивать коммунальные услуги? куда приглашать друзей? — ведь везде так просторно и чудно.

люблю — и скаты тому свидетели. скаты-утешители! — навестите меня наяву!

*

у каждого свои причины не жить со скатами.
и плакать над морской капустой у себя в кухне.

*

моя пустота — гулкая и наполненная — самая свежая — тебя не будет?

*

соевый соус сделанный в хошимине — тоже путь к скатам. в мае я рассеян — и дома сидеть не могу. вышел — иду в магазин за соусом. перекрестками сразу всеми своими.

в мае заработали приемные комиссии. я собираюсь выучиться на ихтиолога. как всегда из года в год в это время. это давно уже — ритуал. куплю соус — приду в университетский двор — где-нибудь присяду. в майские-летние дни дворы университетов — это те же порты, откуда отправляются навстречу скатам большие и маленькие лодки.

мои порты — моя комната, стол и стул, задуманные книги, рыбные ряды в супермаркетах и на рынках. слава скатам — что сердце как океан.

*

но — в аквасалоне улицей ниже есть настоящий скат. я часто туда спускаюсь. за двадцать рублей покупаю билет. скат смешной. и я смешной. у ската — крылья. а у меня в сумке соус. глаза ската — это мои глаза.

но — между зимними берегами широкой реки бегают катер на воздушных подушках. скат-рашпля водит его. он пятнистый — и переливается всеми планетами. через брызгальца набирает воду — которой заполнена капитанская тесная рубка — дрожит жабрами — поет и гудит. я улыбаюсь ему из вечернего автобуса в городской пробке — из обжигающего ресницы метро. и скат-капитан меня слышит — и посылает для меня по льду фиолетовый крик.

*

новогодними ночами я дарю сам себе и своим близким баночки с мясом каракатицы. может быть все мы встретимся со скатами в наступившем году? и с каракатицами конечно тоже! и с камбалами — очень живыми. и с аурелией ауритой — нашей лунной медузой-мечтой. и с тунцами. и с ситами. и с сардинами. с морскими гитарами, с морскими скрипками, с акулами-банджо.

*

уснул в середине дня укрывшись картой ямала. я сплю так почти всегда. карт и флагов в моем доме много. я сплю — вижу скатов своих во снах. проплывают над головой — и говорят слова утешения. вот японский скат-бабочка. вот гладкий скат рая батис. вот рая радиата — беломорский звездчатый скат. вот мобула мобула — такая славная, умная. вот скат морской кот живущий напротив ялты.. они проплывают — а у меня во рту вкус молока и черники. и — чистое все внутри.

спать спать под картами! под флагами! ямала, таймыра, латвии, республики коми, якутии, финляндии и камчатки! румынии, франции, сербии, боснии-герцеговины! полуострова канин и устья лены! ирана, пакистана, вьетнама, турции!

спать на полу в резиновой лодке. она занимает почти всю комнату. я ее не сдуваю — это моя кровать. настезь окно. в запахе бортов и уключин — как в запахе ног любимой. обнимаю борты. знаю что скаты на меня любят.

*

мой сосед лёва тоже без скатов не может никак. с раннего утра — всегда пьяный. сидит у подъезда с кошкой. салютует проходящим девушкам обрубками рук. лёва всегда со мной здоровается. задумчиво спрашивает то десять то пять рублей. я никогда не отказываю потому что читаю в его глазах совершенно другой вопрос: так когда мы с тобой едем к скатам?

*

мы загрязнены, мы отравлены. наши лучшие плачи превращаются в наших скатов. проплывают за окнами — скрываются из виду. а как же скаты — которые гибки и очевидны? которые будучи пойманными — тащат за собой катера с волочащимися по дну якорями на расстояние десяти миль — а потом убегают и залечивают свои раны.

покупаем водку 'лапландия' ко дням рождений. набираемся 'лапландией' лишнего — ах как жаль! ламинарии из аптеки добавляем и в макароны и в суп. слишком много насыпали — невкусно.

*

опустился вчера зачем-то на окрашенную скамейку в сквере. так огорчился: что это я? в только что стиранных шортах. раньше такого со мной не случилось. сидел — трогал пальцем зеленые пузыри невысохшей краски. молодежь по соседству с интересом на меня смотрела. оставил в поезде лорку — возвращаясь последний раз из москвы. в 'доме чая' забыл часы. заказал манти со сметаной и два треугольника. даже без водки. все съел — вымыл руки — а часы оставил. нечаянно сломал комод — навалился на задвижку, а она хрупнула.

*

трясусь от нежности и мороза — завернувшись в три одеяла в середине летнего дня. утром и вечером я пишу пишу — ноги в сухом аквариуме с морскими камнями — на шее зеленый платок для слез. то один глаз — то другой глаз вытру.

*

сенокоски внезапно ушли из моего дома. их было так много всегда. их распугали бутылки из-под 'лапландии' и грустные подруги? сенокоски отправились к скатам. а я с каждым годом все дальше от них.

*

объедаемся — плачем — тошимся. зачем нам еда? — мы ведь не голодные. зачем готовили? зачем на рынок ходили за вкусными рыбами? 'вытащенный из воды скат-мобула' издает музыкальные звуки — похожие на звон колокола'.

*

у меня есть друг — старый-старый господин григореску — посол румынии в польше — хороший человек и хороший писатель очень. и начальница отдела культуры кандалакшского района мурманской области — лена лучникова. и мэр воспитательного торжка наталя пушкина мне иногда звонит — приглашает в гости. и король островов тонга — толстый и добрый, в очках — про меня помнит. поклонимся ему! — и будем ему верны! я счастлив и горжусь собой — раз такие люди обо мне думают. скаты тоже думают про меня. только мы обычно не видимся. и удильщики. и кузовки. анемоны наземные, надземные и морские.

*

где моя полярная станция, мое побережье и мой бесконечный гусь в небе? — только в сердце. скаты! — спасибо за то! вы как мои анемоны — вас нет, а вы есть, а вас нет. ладно.

*

скаты уплывают в литературу. и это — как жарить камбалу. вкусно — но больно и глупо. получается очень красиво — но нет больше сил держать слез. вылезти из ванной что ли? нельзя ж ее долго так занимать. скаты мои — за мной! камбала моя — на обеденном, а вас приглашаю к письменному столу. нам ведь не привыкать. ничего не бойтесь.

*

а сегодня — день города. стало быть — праздник и мой — мучительный самый и самый нежный. дует ветер и хлещет дождь. на улицах все равно концерты. и танцплощадки. и угощения. и мокрая милиция в белых рубашках на мокрых лошадях. вечером начнется салют. я сижу дома. я купил для города цветы и шары. и в упаковке воздушного змея. я не буду писать сегодня. лягу в лодку — и поплыву. потолок откроется — там гусь полетит. обниму тугой борт — как ненаглядную, милую, теплую и родную. за бортами лодки и под ее дном поплывут скаты. на что мне жаловаться? ну на что?

*

*

но — боже мой — скаты! мокрые боги мои! я обожаю вас — скаты-прескаты!
я не с вами — простите простите меня!

пилорылый скат — моя радость — прости меня!

акулохвостый скат — моя тишина — прости меня!

178 гитарный скат — моя музыка — прости меня!

ромбовый скат — мой танец — прости меня!
 скат-нитерыл — моя красота — прости меня!
 скат-хвосток — моя смелость — прости меня!
 толстохвостый скат-хвосток — моя сила — прости меня!
 речной хвосток — моя чистота — прости меня!
 скат-бабочка — моя бабочка — ну прости меня!
 скат-орляк — мой праздник — ну прости меня!
 быченоый скат — моя верность — ну прости меня!
 скат-рогач, большущая манта — мой создатель — прости меня!
 электрический скат — мое чудо — пожалуйста прости меня!
 нарковый скат — моя нежность — ну пожалуйста прости меня!

ну простите меня — мои скаты.

p u t n u
b i e d ē k ļ i

no novembra
līdz martam

о г о р о д н ы е
п у г а л а

с ноября по март

/перевод с латышского/

алуксне
1980

žagatai
soroķe

у ремигаса и юстины родилась фелиция. они решили: зачем нам тесниться в смилтенской квартире и драться с придурочными мамами-бабушками? — и уехали из города. разбудили согрели дачный дом — и живут вчетвером. впятером даже. четвертое — пугало. пятая — медведка. пугало для фелиции — хорошая нянька. на голову-ведро повязало платок. юстина если сидит на кушетке с книгой — пугало подойдет посмотрит — заберет книгу — и со словами 'тебе пора кормить фелицию' деловито вытащит юстинины обе груди. юстина к такому обращению привыкла. они с ремигасом ничуть не стесняются пугала. как не стеснялись и раньше — все летние годы их долгой дружбы до женитьбы и рождения дочери. юстина юстина! — кричит к примеру пугало на первом этаже — задирая голову к узкой и темной лестнице. — юстина! — фелиция уже не спит. а на тесном втором этаже юстина имеет сейчас полный рот своего ремигаса — и не может отозваться. ремигас двигает светлой ее головой. быстрее быстрее — пугало может к ним подняться. но пугало не поднимается. глядит на неспящую фелицию. зовет медведку растирать цикорий.

*

черная сорочка — воспоминание пугала. полупрозрачная черная. такую хорошо б иметь. пугало вздыхает на продавленном диване — на холодной веранде в стеблях и листьях. вспоминает как давным-давно видел ее на приехавшей в гости к рукавицам витебской родственнице по фамилии сорока. эта сорока смешная была девица — хохотала и прыгала с детьми — каблуками топала под музыку из радиолы. вся в зелено-коричневых бусах — и на пальце ящерка-кольцо. имя ее

пугало никак не вспомнит — какое-то русское вроде. моя сорока — тебе уже тридцать. — говорила франя — жена хозяина дачи — сороки двоюродная старшая сестра. пугало не вникало в их жизнь. но однажды в августе рано утром был синий цветочный дым — на клумбах раскачивались яркие плывущие к осени растения. сорока вышла на крыльцо в черной сорочке и закурила. непричесанная неумытая — босая. пугало стояло напротив. поздоровалось: доброе утро. доброе утро. — ответила сорока. но дальше разговор не пошел — сорока еле-еле умела полатышки — хотя хорошо понимала франю. она докурила — встала — огляделась по сторонам — шагнула с крыльца в ярким холодом пылающие клумбы — присела и записала — ей было лень идти в кривой туалет по кривой тропинке. такого пугало не ожидало. оно уставилось на писающую сороку. а потом она зашла в дом. а вскоре вышла уже в костюмчике с чемоданом — и уехала. пугало до смерти влюбилось. из листьев кукурузы крутило-вертело фигурку-сороку — до ста и больше штук в день — развешивало на вишнях. залезло не в один дом в поисках черной сорочки — чтобы стащить на себя надеть. угрожая топором и сломанным револьвером останавливало на дачных дорогах машины и раздевало сидящих там женщин — не было ли на них похожих сорочек? (эту сорочку пугало бы не снимая носило до самой смерти — и в ней же заклеванное птицами однажды грохнулось бы в весеннюю грязь или в сугроб.) собственную голову зашвырнуло в овrag — вместо нее нацепляло то поганный ночной горшок то скользкий проржавленный умывальник. несколько месяцев неподвижно лежало на земле.. да — любовь.. — размышляет пугало. — любовь всегда такая. крутит-крутит — потом отпустит. когда крутит — причудливо, невыносимо-радостно-жалко. а отпустит — ну пусть. пугалу не холодно на веранде. ни сороки ни сорочки у пугала нет. не жаль.

1

жизнь огородных пугал с ноября по март тронет чужое сердце. вмерзли в землю — но вот не спят — не ужи же. многие скучают — некоторые ищут горячей ухи и приятной музыки. в города не хотят прийти — а земляные приятели пугал все почти умерли или дрыхнут. пугала-свистуны пугала-хваты стоят не только ведь в дачных местностях. кроме дачных картонных аллей есть деревни и хутора — где неважно зима или лето: все равно происходит жизнь. тамошним пугалам веселей. и многие дачные пугала туда тянутся. а ужи — они и сами нередко просыпаются — из-под валежника ползут по снегу — чтоб наблюдать зимнюю жизнь огородных пугал.

2

пугало накопило большое ведро земли. надолбило даже. то ломом — то штыковой лопатой. забралось с ведром в чей-то дом. посмотрим-ка кто там оттаит. оттаили друзья: сонный туалетник-занозоед и его жена пырялка-дергушка — клеверница амалия-немка с мятым усиком — и полудухлая двухвостка лиене (ее очень долго приводили в чувство — и привели). вдохновленное пугало высыпало из ведра теплую пахнущую землю прямо на пол — даже газеты не постелив — с нетерпением продолжает ворошить. и появились агрис и юрис — два жирных

журчалыщика-гнильщика. выкатилась личинка панцирной защелки по имени аусма. с яркими рубчиками беспокойный трухляк валентинс сразу же заскрежетал песню — и кинулся было в угол прогрызать щель — но его остановили: тише валентинс тише — это мы — ну куда ты? — там снег на улице. снег? — в ужасе крикнул валентинс и потерял сознание. но и его поставили на ноги. остальных пугало не знало в лицо. вместе — двадцать примерно гостей у него теперь было. еще столько же валялись в рассыпанной земле и никак не просыпались. в наглухо закрытом доме пугало и оттаявшие друзья пьют украденный в буфете чай из суданской розы — и крошат туда полезные для всех обои. в следующий раз пугало копнет сразу два ведра. а потом три. самогон раздобудет — и шпроты.

3

*оттаявший валентинс
наелся обоев и поет:*

ики ики — я икаю
ики ики — я моргаю
л и - л а - л и л ь!

б ы л о х о л о д н о
и г р у с т н о
с т а л о в е с е л о
и в к у с н о
л и - л а - л и л ь!

здесь знакомые
м а л ь ч о н к и
здесь красивые
д е в ч о н к и
л и - л а - л и л ь!

с л о м а н а н о г а —
н е б о л ь н о.
ж о п а а у с м ы
т р е у г о л ь н а.
л и - л а - л и л ь!

4

журчалыщики-гнильщики поют:

не икай валентинс милый
лучше без трусов попрыгай

бубликус! бубликус!

чаю отхлебни из чашки
смело отстежни подтяжки

бубликус! бубликус!

а не то тебя шалун
склюнет дятел-обсерун

бубликус-ликус!

5

валентинс только и успел что отстегнуть подтяжки — сбросить несвежие трусы — и выкинуть пару коленец — как пугало вдруг громко расхохоталось. в общем-то смеялись здесь давно и все — но пугало неожиданно прогрохотало на весь пустой дом — оцинкованной башкой застучало о пол. все к нему повернулись. притихли. пугало ведь — начальник. дятел-обсерун! — звучит неплохо! — сказала пугало. — я придумал новую игру. итак — сыграем в дятла-обсеруна. тро-ло! ло-ло-ло!.. — закричали радостно все. — а как играть в нее, пугало? пугало важно посмотрело на друзей: ну.. я буду сидеть посередине комнаты на полу очень и очень грустный. а вы все прыгайте вокруг и пойте про то как отвратительный дятел на меня нагадил. только смотрите — чтобы у истории был хороший конец и зло было наказано! подходит? барин, а какой же припев? — спросила пырялка-дергушка и зевнула. пугало очень долго думало. его фантазия неожиданно закончилась. ну — кричите бубликус.. или лучше — бубликус-скотина. да — именно так!

6

пугало уселось в центре комнаты прямо под лампочкой. (вернее под патроном — лампочку хозяева унесли. а пугало и его ребята видят без света.) обхватило голову сокрушенно. и снова валентинс расстегнул подтяжки и уронил трусы. это было сигналом к действию. все запрыгали и запели:

обсерун летал летал
б у б л и к у с - с к о т и н а!

и на б а р и н а н а с р а л
б у б л и к у с - с к о т и н а!

барин плакал и рыдал
б у б л и к у с - с к о т и н а!

в лудзу жалобу подал
б у б л и к у с - с к о т и н а!

заседатель в лудзе — клёст
б у б л и к у с - с к о т и н а!

он захохотал до слез
б у б л и к у с - с к о т и н а!

жалобу измял порвал
б у б л и к у с - с к о т и н а!

барина домой прогнал
б у б л и к у с - с к о т и н а!

бочку пива — две вина
б у б л и к у с - с к о т и н а!

выслал для обсеруна
б у б л и к у с - с к о т и н а!

чечевицы бочек пять
б у б л и к у с - с к о т и н а!

сри на пугало опять
б у б л и к у с - с к о т и н а!

7

повисла тишина. все просто онемели. никто не ожидал такого развития событий. аусма громко заплакала. пугало потемнело и улеглось лицом вниз. пробормотало: ничего себе.. как же вы могли? что мне теперь — застрелиться? убитые горем агрис и юрис шепнули: импровизация — страшная штука. пугало перевернулось на спину — и все увидели что лицо у него в слезах. пугало простонало: идите все спать. как-нибудь заройтесь. всего хорошего.. так быть не должно! не должно! — яростно завопил валентинс. — мы должны отомстить им! родненькое пугало, подожди! мы им покажем!.. и зазвучала новая песня. сначала не очень уверенно — но понемногу все громче и торжественнее. как костельный орган.

барин плакал горевал

ах паскуды-шлюхи!

никого не принимал

ах паскуды-шлюхи!

не вставал с постели он

ах паскуды-шлюхи!

отключил свой телефон

ах паскуды-шлюхи!

но потом обсеруна
застрелил дуплетом – да

так его паскуду!

и гнездо его спалил
и жену его убил

так ее паскуду!

а клеста за хвост схватил
и живьем коту скормил

так его паскуду!

и гнездо его спалил
и жену его убил

так ее паскуду!

новый прикупил костюм
водку в лудзе выпил всю

так ее паскуду!

в зилупе купил еще
и конечно выпил все
ах красавчик-барин!

в резекне купил опять
насекомых угощать
распевает с нами!

*

зимняя ночь. темный дом. а внутри него пляшут. вот что обычно
творится в занесенных снегом дачных пустых домах.

у маленькой марты из деревни листренини — день рождения. день темный с утра. снег идет — густо-густо. и в форточку залетают снежинки. ее уже конечно расцеловали родители и злющая старшая сестрица. накормили вареньем и колбасой, еще мороженым. сами ели холодец. теперь все крутятся по хозяйству. а марта сидит у окна и грустит. пугало заглянуло к ней в гости. маленьким девочкам пугало всегда большой друг. а уж девицам на выданье и молодым женам!.. — м-м!.. но об этом позже. марта рада пугалу — но молчит. пугало молчит тоже. в оконной раме — мертвый жук. хочешь я оживлю его, мартышка-марта? — пугало наклоняется к мартиной голове. оживи. — марта шепчет. — это песчаный медляк — он лежит тут с осени. ах марта, да бог ты мой! — откуда такие знания? — я и сам-то его не сразу узнал! — пугало стучает кулаком по стеклу — и жук оживает. дальше — они сидят уже вдвоем. марта показывает пугалу и жуку свои блокноты с наблюдениями за живой природой, с рисунками, со стихами о деревьях, о рыбах, о жуках. это вот про тебя. — говорит песчаному медляку и зачитывает вслух такие строчки: 'поцелую в губки! ты моя скорлупка!' медляк от счастья делается то зеленым, то голубым. день рождения марты получился. как же это хорошо! родители со двора зашли — опять достали колбасы с вареньем. холодец. шиповник на коньяке. пугало танцевало с мартиной старшей сестрой — на глазах у всех гладило ее по спине. марта и жук о чем-то шептались под столом. родители марты сидели на табуретах у окна где недавно еще спал жук — смахивали с лиц то улыбки то слезы — наверное вспоминали про что-то. эту историю нам подарила марта карлисовна смирнова — старенькая-старенькая госпожа декан биологического факультета университета в полоцке — узнав что мы пишем новую книгу об огородных пугалах.

писатель из даугавпилса зимовал в силене вместе со своей женой. сидел у окна за столом — к комнате спиной — писал писал, листал словари и карты — и сидя вот так, все время огорчался оттого что жена его не подойдет к нему, не обнимет, не позовет на диван. сам-то он если встанет и обнимет ее, осторожно опрокинет на спину, начнет целовать — она ответит на его поцелуи, и снимет трусы, и в ванну потом ненадолго сходит — и он сходит после нее — и вернется за стол. но это же ведь мучительно.. ну что такое! ну сколько можно придумывать, ждать за всех, устраивать всем встречи — а самому не дожидаться? — думал писатель весь световой день — а ближе к вечеру всегда одевался, обувался и шагал в магазинчик за коньяком. силене ведь очень мало — сельцо при трассе — у белорусской таможни. хорошо хоть пугал тут предостаточно. у магазинчика всегда толкуются, бубнят. мешают продавщице. здороваются с писателем — а он с ними. вот и еще один день прошел.

беговое колесо для хомяка альдриса — голубое-нежное. дом хомяка — глиняная аромалампа — долго пустовал — и вчера упал с комода. конечно разбился. бе-

лые с красными брызгами лилии — стоявшие в аквариуме вместе с желтыми хризантемами — начали вянуть. их так и не пофотографировали со штатива. на улице с утра темно. как сидеть в риге? — думает алма. — если есть хутор вишки у реки айвексте.. — ставит беговое колесо на стол и крутит его пальцем. колесо дребезжит — алма смотрит. у алмы маленькие ладони — черные волосы — черные ресницы — зеленая кофта — зеленые глаза. вынимает из шкафа фотоальбом — листает до страницы с пустым окошечком. там была фотография огородного пугала среди пионов — с большими глазами и длинной улыбкой-ртом. теперь фотографии нет — подарена. алма берет телефон и говорит кому-то: если бы я была королевой — с удовольствием сейчас казнила бы кого угодно.

11

три позднегоабрских пугала в ворованных дохах выпивают за сараем по чашке спирта с табаком и солью — дожидаются пока прошумит в головах — и начинают петь:

п е р в о е п у г а л о :

притворяшка юлия!
ты моя подруга!
у тебя длиннющий ус
и спина упруга!

коль не хватит
нам на свадьбе
чесноку и каши —
ты сожрешь все чучела
у моей мамы!

в т о р о е п у г а л о :

кожеедушка карлина!
тебе сапожонки!
ты заканчивай глотать
дохлого ежонка!

надевай-ка поскорей
платье с земляницей!
я люблю тебя давно
горячо и дико!

т р е т ь е п у г а л о :

в латвии красивой всех
пухоед бригита!
до чего же превосходно
грудь твоя развита!

веселее тебя нет!
пляшешь под пластинку!
ты наносишь сильный вред
галкам и фламинго!

определенно — эти пугала решили жениться. и не за горами — свадьбы. распевают жениховские песни. спорят чья невеста лучше. дерутся — мирятся — дерутся. интересно — а чем в это время заняты их крошки-возлюбленные? — притворяшка юлия, кожеед карлина и пухоед бригита. в бане наверно сидят втроем. намыывают друг дружку — и плачут тихо и сладко. не станем подглядывать. счастья им!

12

старые орешники, грабы и буки — все засыпаны январем. из айзкраукле вышел поезд — почти что пустой. остановился в поле не доезжая плавиняса. почему мы стоим? — пассажиры спрашивают у кондукторов. — опять что ли пугала? кондукторы устало поводят ладонями — ну конечно. огородные пугала — их наверно штук с двести — лежат на рельсах и смотрят в небо. они ничуть не хотят умереть. они напротив — живы небесно. они мечтают — они вспоминают — гордятся — и просят прощения. их души с нового года особенно утончены. ведь безусловно — зима нежнее чем лето. пассажиры и кондукторы аккуратно разбирают затор — укладывают пугал в сторону. медленно все происходит. поезд приходит на пункт назначения с опозданием в два часа. но все привыкли. ведь так всегда в середине зимы. все поезда так ходят. ведь пестрые пугала лежащие на рельсах согревают и украшают мир.

13

*январские пугала поют
про сумерки, яблони и ступени:*

вечер качает мочальные пряди
у огородных тачек.
алма алма — присядем присядем
на ступенях чердачных.

качаются черные яблоки лета.
синее розовым простынь.

стебли в снегу — это букеты
что не подарены гостем.

целуются лейки, целуются банки
в сугробе как на подушке.
мы видим как огородные шланги
неловко ползут друг к дружке.

ты не мерзни — и я не буду.
улыбается холоду тыква.
я так рад что и ты отсюда —
что ко всему здесь привыкла.

в кормушку кто-то залез.
понятно! — чудище
с доброй пастью.
в мешке на яблоне вероятно
туго набито счастье.

за соседскими крышами
за островами
дрожат города-гирлянды.
яблочными чабрецовыми снами
пахнет пирог с веранды.

мы не съедем его
полностью — да ведь?
лодка по льду побежала.
наших ступеней синяя наледь
дороже любого жара.

уснем — а утром
найдем на ступенях
двух кошек и божьего сына.

идем целовать
живот и колени
яшмы и керосина.

риите такая стройная, такая красивая. волосы русые, прямые. в половину лица риите — родинка — такая большая, такая бордовая. риите так переживает, так переживает. много курит, носит широкую шляпу и джинсовый длинный плащ. риите многие хотят приласкать. риите ко многим жметя. замуж риите никто не зовет.

она измучилась от аборт. надуит как в грелку — напачкают и ладно. три парня из пскова надули риите даже одновременно — месяц с чем-то тому назад. риите сама хотела. наверное будет теперь рожать. думает что головастик — сын или дочь — сильно-сильно ее полюбит. а пугало так ее любит, так любит риите — что целыми днями плачет. растратило все уже слезы — а они не кончились.

15

майре не по себе. ей двадцать два года. замуж вышла три месяца назад. морщит-ся от неудовольствия — охает при ходьбе. что случилось? майра в одной только кофте и юбке шагает с ковшом к курятнику — а пугало присматривается к ней: хочешь я отгадаю с трех раз — что с тобой, майрочка? — ну попробуй. пугало подходит и весело заглядывает майре в глаза — нюхает майрины губы. эге — да тебя твой антон попробовал в зад! не так ли? — пугало дружески фыркает. так так — пугало! — майра краснеет и шепчет — вот скотина! больше никогда ему не позволю!.. ох-ох-ох!.. женщинам хорошо — им всегда сочувствуют и помогают огородные пугала. влюбчивые уж больно. неинтересных женщин для пугал нет.

16

директор аграрной школы в куправе — господин алоизс вейш — пригласил вести курс занимательного труда огородное пугало своей мамы — со второго семестра. это — не совсем по программе. начальство в алуksне не похвалит. но мама все время жаловалась что пугало не дает ей нормальной жизни — совсем распоясалось — не спит, только шатается по подворью — царапает на дверях и на окнах совсем не невинные стихи, разрисовывает поленья и не дает потом ими топить, напрашивается помогать по хозяйству — а все животные от него шарахаются. вот и коза в пятницу чуть не умерла при родах оттого что пугало в самый опасный момент неожиданно влезло в клеть и заорало: я люблю тебя — козочка! давай-ка выстрели десятерых!.. итак — пугало сегодня первый день на службе. ходит между рядами — ласково поглядывает на слушателей. (у сидящих куправских парней на уме одни тискания — а девицы куправские все уж конечно беременны. отважный испуганный директор тут тоже сидит.) на преподавательском столе — пугала брезентовая сумка и брезентовый мешок, из которого пахнет вкусно. мои дорогие! — басит пугало. — я научу вас делать из батона несчастную элеонору! развязывает мешок — достает аппетитную булку. из сумки вынимает ситец, двунитку, газ, крепдешин, джутовые и льняные веревки, сено для кроликов, губную помаду, карандаш для глаз, сушеные вишни, туалетную воду. внимание коллеги! — несчастная элеонора может стать для вас очень и очень родной! — пугало сильно растрогано. поднимает к глазам батон — и целует его с обеих сторон раз по десять. осторожно сажает вишни-глаза, обводит карандашом, помадой рисует ротик. прилаживает легкие травяные волосы веревочной крепкой травой. одевает в материи. ловко мастерит и надевает берет. спрыскивает его душисто. элеонора готова — и пугало расцеловав еще раз пускает ее по рядам. молодые люди стесняются директора — и не смеются. но девушки не сдерживают смеха и восклицаний — и они не насмешливы. взволнованное еще сильнее пугало по-дирижерски вскидывает руки и говорит: в мешке батонов хватит

на всех. и всего остального тоже. да и в ваших сумках и сумочках если хорошо порыться — можно найти ведь не только тесты на беременность и презервативы! делайте элеонор, друзья! уносите их по домам — и сажайте у изголовий! а засохнут — отнесите в поле. да сбудутся ваши мечты! а я пойду на крыльцо — покурю и поссу..

*

в воздухе куправы — не то снег не то капли. пугало курит. сигарету от сигареты. почему она несчастна? — спрашивает господин директор. он тоже здесь. это были только слова, алоизс. — объясняет пугало. — я сказал так для того чтобы мои студенты очень старались, вели себя вдумчиво, смирно — и увидели в результате что их булочные элеоноры счастливы бесконечно!

17

грызунам отдыхающим в норах — и им нет покоя от пугал охваченных беспокойными нежностями зимы. разрывают мышовок, сурков — трясут изо всей своей грубой силы — пичкают салом и карамелью — тащат с места на место.. пытаются людям дарить — а люди не рады часто. вот и в крещенский сочельник пугало с редким именем бургс разворошило уютную сурковую берложку — ухватило спящую сурчиху за шкуру и потащило к озеру. озеро это всегда очень теплое — местами лишь замерзает. у самой воды сурчиха проснулась — спрашивает у пугала: в чем дело — инженер бургс? какой я тебе инженер? — засмеялось пугало. — совсем ты мозги отлежала, дайва! — я метеоролог! ну хорошо — простите — а что вы задумали? — сурчиха такая вялая — не стоит на лапах. а пугало — бах! — плюхнуло ее в воду и кричит на весь берег: купайся купайся в святой воде! будешь большая красивая — долго проживешь! будешь как капибара!.. хорошо хоть неподалеку — в той же поцелованной богом воде — плавал метеоролог из стайцеле — ладзиньш. сурчиху вытащил — завернул в свою куртку — унес домой. и пугало прихватил в гости — стукнув пару раз по шее.

18

метеоролог, сурчиха и пугало немного согрелись
и пишут желания на снегу — во влажную ночь надежды:

метеоролог:

n e k u s t.

сурчиха:

n e a i z s a l t.

п у з а л о:

nesalauzāms.

19

сурчиха дайва попросила разрешения спеть:

с литене на эдоле мы уедем вскоре.
с эдоле на павилосту — там увидим море.

мы войдем на волнорез — никого не спросим.
вытащим фонарик-лес и фонарик с лосем.

и аромалампу в форме чайничка на ножках.
и аромалампу в форме дома в три окошка.

и аромалампу как на цепочке шарик.
и еще один простой колбочку-фонарик.

мы присядем на шарфы и на рукавички.
мы достанем из карманов зажигалки, спички.

рады что из-за зимы нам не расстегнуться.
зачерпнем морской воды в маленькие блюдца.

масло мяты разольем в той смешной посуде.
все расставим. все зажжем. а курить не будем.

все потом погасим. завернем в бумагу.
и вернемся в литене через яунпебалгу.

20

на воскресном базарчике в клеверных стружанах пугало выпросило у какого-то доброго пьяницы купить ему лотерейный билет — и выиграло по нему фен — о господи! бедные девушки — бедные кошки — бедные бедные свиньи, коровы, лошади!.. пугало хочет теперь одного — вейть горячим воздухом в морды животным и просушивать мокрые чистые женские волосы. ходит из села в село — от бани к бане. как-то еще ведь умеет само вырабатывать электричество — воткнув себе вилку от фена в дыру на лбу.. если клиентов поблизости нет — пугало топит снег, обнажает землю, найдет корневище, куколку — и греет греет. в волости его прозвали 'март'. нету ну нету теперь от марта с феном никому никакого спасения!

ты рада за нас — зима? рада что мы тебя любим? рада что в октябре купили в аугшли-
гатне зеленые чернила — и пачку финской бумаги? а мы-то как рады! милая-
премилая! — протяжная, зацелованная! скрип под ногами. над крышами дым. спасибо!

*putnu biedēklis
iemīlējās žagatā —
kas gan to būtu
domājis! bet tāda
žagata nav putns,
bet meitene..*

*пугало влюбилось
в с о р о к у —
кто бы мог
подумать! но ведь
эта сорока — не
птица, а девушка..*

пугало твердо решило что наступивший год — это год лося. лось — очень смешной, большой, никого не обижает, всех любит и умно смотрит. и цвет его шерсти — такой уютный для глаз и ласковый. везде на снегу — лосиные следы. целыми днями пугало по ним ходит — хочет лось увидеть и рассказать ему что это — его год. обнять и поздравить. но лось все нет. пугало не отчаивается — продолжает поиски. отрывает пуговицы со своей шинели — и опускает их на лосиные следы: невидимому лосю пусть повезет! раз ходит — то живой значит.. вот увязло в валежнике — не может идти. ночь началась — метель. в метели — лесные крики. пугалу страшно. со снежного неба спустились на руки пугалу какие-то существа: мяукают — тарашатся — круглые. пугало стонет: кто вы? существа букают: мы птицы. нет! — кричит пугало. — если вы птицы — то я погиб! кончайте меня — мучители! передавайте мой привет лосю.. но вы не птицы.. букают снова: мы совы. пугало улыбается: ах совы!.. — а говорите что птицы.. — не клеветайте так на себя.. совы заворчали — забухали — спрашивают пугало: что оно потеряло в ночном лесу? я ищу лось — уже давно. — отвечает смельчак. — и поздравляю вас с его годом! не знаете как мне найти длинноногого нашего короля? совы помолчали — букнули: жди. исчезли.

*

пугало снегом занесено по грудь. пугало не вполне живо. но слышит снова буки и стук. видит огромные ноздри — глаза — уши. от ноздрей — тепло-пре тепло.

в умных глазах короля качается благодарность. король у кого-то спрашивает голо-
сом очень шершавым, давним и очень новым: откуда он? кто-то отвечает: с кривеу-
стиглавы. кто-то медленно тащит пугало под руки и укладывает на шерсть — на ту
самую — от которой пахнет всем наилучшим, что задумалось в наступившем году.

*

лось идет. пугало на его спине. совы полетели низко. измученное страхом и радо-
стью пугало засыпает с мыслью о том что следующий год будет годом совы.

24

ах огни валмиеры! — города где царит спокойствие — праздничные праздничные!
елки стоят на всех площадях — над берегами гауи — и украшены у домов. две
кельнерки из кафе по бульвару баложу — ольга и алдоня — сидят на скамейке под
одной из елок и обсуждают странные события, произошедшие под самый новый
год на даче у алдони в валмиерском пригороде. они собрались там с большой ком-
панией — в вечер последнего в старом году рабочего дня. накрыли на стол —
пьют — танцуют — желают любви друг другу. вдруг — стук в окно. открывают —
а там огородное пугало с длинными сиреневыми ресницами — совсем без одежды.
крестовина — ведро — и ресницы — всё. кто здесь хозяйка? — спрашивает. алдоня
назвала себя. пугало приглашает ее на улицу — на пару слов. алдоня выходит ми-
нут на десять — потом возвращается и говорит друзьям что неизвестное пугало пе-
редало ей дар. скоро он у тебя откроется. — добавило и ускало в сторону трассы.
а какой этот дар? — все спросили. алдоня не ответила.. может быть теперь расска-
жешь? — роняет ольга подружке в глаза. — я вижу — тебе самой хочется. алдоня
страхивает с шапочки снег — закуривает: пугало сказала что теперь всегда с ноября
по март я смогу превращать свои поцелуи в музыку. вот смотри. и алдоня отодви-
нув сигарету подальше от накрашенных губ медленно зацеловала воздух. а воздух
вдруг зазвучал — да так что воскрес бы моцарт — и умер бы тут же от радости. не-
известные человеческому слуху инструменты рождали сказку — которая была аб-
солютно правдивей чем жизнь. дочь южной ночи и северного сияния — впитавшая
в себя и теперь дарящая все поцелуи земли, все ветра. все замерли в валмиере —
поводили лишь головами — ведь не было ощущения что музыка исходит от алдо-
ни. алдоня целовала — курила — целовала. ольга поднялась со скамьи — глаза бле-
стят. скоро алдоня перестала — и музыка медленно сошла на нет. по переулкам,
бульварам, по площадям и набережным все бежали — хватали друг друга за ру-
ки — каждый спрашивал каждого — каждый хотел убедиться в том что не испытал
сейчас галлюцинаций. ольга и алдоня сидели молча. ольга спросила: а как был пе-
редан дар? алдоня закурила снова: ты не поверишь — пошлее некуда. пугало ве-
ло показать сначала одну, потом другую грудь — потом то что ниже. то что ниже
вдобавок еще и пощипало. так — сверху и очень глупо. я бы не стала — но мне по-
нравились его ресницы да и не слишком трезва уж была.

темной февральской ночью пугало вскрыло деревенский магазин. сработала сигнализация. приехала полиция — нацепила на пугало наручники и повезла в участок. ну и что будем делать с тобой теперь? — покрикивают сердито. а пугало давай ре-веть — и повторяет только одно: бегемотик.. бегемотик.. ассортимент у магазина очень невелик — продукты, ночнушки, пакеты, совки и веники, и всякий красивый вздор на подарки. вызвали хозяйку магазина — вытащили из-под мужа. спросили: о каком бегемотике идет речь? хозяйка подумала и сказала: в магазине только один бегемот — размером с мышь, из селенита, с толстенной попой и маленькими крыльями — глупо улыбается и будто летит куда-то — сходить за ним? полицейские дали машину — хозяйка съездила и привезла фигурку — поставила на стол. смотри-ка! какая красивая штука — а мы не замечали! — сказали все. разревелись — и отпустили пугало. и бегемота отдали — за то что оказывается лучше всех в деревне понимает красоту. спросили еще разрешения иногда на бегемотика смотреть.

*пугало размышляет о том куда
летит его селениновый бегемот:*

титити		лилюла
темный	мой	малыш.
знаю	я	откуда
и	куда	летишь.
титити		лилай.

за	яванским	морем
море	банда	есть.
там	морей	красивых
и	не	перечесать.
титити		лилай.

море		сулавеси
за	морем	серам.
через	море	сулу
начал	путь	ты к нам.
титити		лилай.

крылья	мыл	в меконге.
высушил	в	нампхо.
чуть	не	отморозил
их	над	хух-хото.
титити		лилай.

голубого города
помнишь шепот рек?
помнишь над монголией
выпал синий снег?
титити лилай
триюла лилай.

были в атыртау
длинные мосты.
на луке самарской
в снег свалился ты.
титити лилай
триюла лилай.

на горе услонской
сел на синий дом.
снова потеплело
сразу за торжком.
титити лилай.
аболиньш лилай.

пролетел в гребняве
русскую границу.
над карсавой нашей
нравилось кружиться.
титити лилай.
аболиньш лилай.

скачут за карсавой
редкие огни
вот и показались
айзелкшни мои!
титити лилай
лелеле лилай.

скажешь ты из африки?
я тебе не верю!
ты из микронезии.
и летишь на север!
титити лилай.
лелеле лилай.

пугало шмыгает носом:

тро-ло-ло бедняжка!
тро-ло-ло лилай!

сауса баранчиня ругает кошку. кошке лет шесть – а саусе баранчине лет восемь. ругает – потому что думает что именно кошка сгрызла края у огромной снежинки из теста – которую сауса баранчиня недавно сделала. загнала в угол – и снежинкой легонько стучает по кошачьей круглой голове. сухая снежинка крошится – кошка шипит – и саусе баранчине того гляди не поздоровится. огородное пугало наблюдает за этим с улицы в окно. ей и кошку-то жаль немного – и нравится саусы баранчини припухлая незлая сердитость. вот сауса баранчиня еще раз стукнула – снежинка окончательно развалилась – на мелкие куски – а кошка убежала. на улице кошка пугалу говорит: и что ты за меня не заступился? спать со мной можешь – а защитить нет? пугало распахивает объятия и хохочет: да ладно – иди ко мне!.. кошка отворачивается. ну кате – ну брось – ну тебе же было не больно! ну прости! – пугало жалуется через смех. кошка не смотрит гордо. зато наблюдает за ними из окна дома сауса баранчиня. вздыхает – покачивает головой. потом выходит в домашнем платье к кошке и пугалу – сапогами черпает снег – и произносит: мир. саусу баранчиню зовут анной вообще-то. и мать ее – анна тоже. сауса баранчиня – прозвище. бублик – по-русски.

представьте себе цветочную вазу в виде женского костюма: бордовая юбка – бордовый жакет. фаянсовая – очень тяжелая. в пустую горловину вставляются свежие или лучше сухие растения. вот страшилище! разумеется пугало изнемогает от любви к ней. но ваза не говорит. она стоит у дровенника на баке – в доме она никому не нужна – ее все побаиваются. пугало с ней и по-латышски и по-эстонски и по-белорусски – читает и райниса и 'лачплесис' и 'песнь песней'!.. ваза не издает ни звука. она набита снегом. пугало снег вытряхивает и наливает туда молока. молоко исчезает в вазе. она его выпила! из вазы раздается глубокий вздох. спаси меня пугало! – мне нужен поцелуй невесты. – говорит ваза. миленькая! зачем он тебе? и что тогда будет? – пугало даже задрожало. но ваза умолкла опять. нацепив вазу на руку пугало несется к церкви. а там как раз венчаются смуйдра и курбадс. священник уже приготовился объявлять их супругами. врывается пугало – смуйдре в лицо вазу тычет – умоляет: целуй! целуй! смуйдра спросила мнение курбадса и поцеловала – она девушка славная. пугало поблагодарило их – и вылетело как влетело.. недалеко от церкви – пригорок. на пригорке – огородное пугало и ваза-костюм, которая теперь в человеческий

рост — целуются целуются целуются. ваза обнимает пугало пустыми руками. а пугало не может ее обнять — шест из которого руки совсем не гнется.

31

восемнадцатого февраля в чударинях произошло неслыханное — мир увидел огородное пугало женского пола. волосы пугала были густыми и белыми как зима — с сиреневым отливом. глаза — веселыми и молодыми. голова — невянущий патиссон. было очевидно что это девочка — а не притворившийся ей сладострастный балбес с помидорных грядок. откуда ты взялась? кто тебя сделал? — окружили-заговорили все — и люди из чударинь и чударинские пугала и даже птицы. меня зовут визма! — сказала красавица. — и даже визма-конкордия! визма-конкордия-путнубедеклиня! четвертое имя — истинная! больше пока нет имен. а кто меня сделал я не скажу — потому что все вы гнидушки и проститутки! — сказала сия. умиление, радость в глазах. ну — приплыли.. — сказали люди. — она точно пугало. ошибка исключена — узнаём повадки. и что теперь будет?.. будешь хамить — отвезем тебя в каунас — в музей чертей. — пригрозили пугала-мужчины. — ты не истинная — а пожалуй истинный выродок. а что я в литве забыла? — визма-конкордия говорила как пела. — я латышка. принесите мне выпить из чьего-нибудь туалета лавандовый освежитель — это мой самый любимый напиток, пьянорожие срани и ногтегрызы вы родненькие мои! а птицам визма-конкордия пообещала веселое лето. птицы задумались — радоваться или грустить?

*

над чударинями летит самолет. командир экипажа если бы знал из-за чего так толпится народ и пугала — и соседние пугала по полям в чударини бегут — отдал бы приказ немедленно садиться!

32

*визма-конкордия-путнубедеклиня-истинная
получила не один флакон лавандового освежителя —
а сразу три. от пугал-мужчин. от людей.
от птиц. два уже выпила. теперь поет:*

скатерть желтую купила. а зеленую куплю.
я на желтой отдыхаю. на зеленой — я люблю.

задница и жопа!

скатерть красную купила. и куплю как купорос.
красная нужна для счастья. синяя нужна для слез.

задница и жопа!

чтоб летать над хуторами — скатерть сизая как дым.
фиолетовая скатерть будет парусом моим.

жопа просто жопа!

на оранжевой сыграем мы на коклях — решено!
а на белой станем станем про любовь смотреть кино.

задница и жопа!

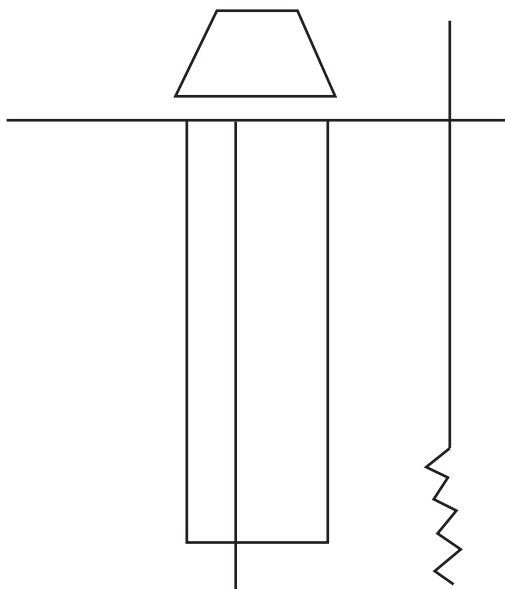
33

зимняя латвия — это фотография женщины и мужчины. мужчина стоит —
женщина сидит на его плечах. на обороте написано:

*tu runā — ziemassvētku pasaka. es
runāju — anemoni. mēs domājam par
mūsu notikumiem vienādi būtībā.*

*ты говоришь — рождественская сказка.
я говорю — анемоны. мы думаем о
наших событиях одинаково в сущности.*

так считают все как один латвийские огородные пугала.

а ты кто такой? — спрашивает пугало у маленького зверька — похожего на слепыша и на крота — но с шерстью красно-желто-зелено-фиолетового оттенка. небо сегодня высокое — на дорогах тепло. зверек идет и идет — куда-то в сторону бензоколонки у дороги на жейкари. я златокрот. — отвечает и кланяется. а что наша упитская волость — пустыня намиб? а речка вот эта не кухва — а конго? — пугало глазам не верит. златокрот пожимает плечами — извиняется — говорит что торопится — и скрывается за поворотом. пугало смотрит то ему вслед — то себе под ноги — то в небо. думает: нет — определенно с началом этой зимы мир сошел со своих катушек. воздух переполнен нежностью. рождаются чудеса. протяжно-протяжно. слезно-тепло. не больно. тревожно немного — ну что же!

пугало повстречавшее златокрота — право. лишь немного ошиблось — только в одном: все еще удивительнее! — и куда более странно.. *шкилбенское пугало в белом свитере подружилось с поползнем. как такое понять?* все остальное понять еще как-то можно!.. даже явление огородной девицы в соседних чударинях.. но шкилбени затмили всех. сначала то пугало к поползню презрительно присматривалось — стояло у ствола и обзывало всяко. а вскоре их стали замечать вместе.. ты аккуратненький — и снуешь. — говорило пугало. ты тоже очень хороший. — поползень пикал. и многие это слышали. мне нравится зимняя рыбалка. — рассказывало пугало другу. — только не ради рыбы — я люблю бурить лед — опускать веревку в воду — и ждать — вдруг кто-нибудь ухватится за нее! — и мы на него посмотрим. а еще — если неглубоко — в лунку можно увидеть щитников!.. (щитники — это такие хвостатые треугольники. если б они были размером с дом — были бы наилучшим воплощением конца света. но взрослые щитники — с двухлатовую монету..) пугало с буром, с веревкой на шее и с поползнем на голове медленно движется по замерзшей реке. вот остановилось — бурит. вот они щитники. — шепчет-шепчет — приглашает поползня посмотреть. щитники лежат на дне и покачиваются от течения. не оторваться! — ну и вид у них! а теперь пошли на русло — к самой большой глубине. там и веревку спустим. — пугало бережно поднимает поползня под белый жи- вот с края лунки — прижимает к сердцу. они бурят новую лунку на самой середине реки. пугало опускает свою веревку. садится. они молчат — любят — ждут. за веревку никто не дергает — но все равно интересно — все равно волнение! так проходит световой день. а на его исходе веревку что-то тронуло. пугало тащит тащит — что-то маленькое! — что-то есть! поползень в лунку чуть не прыгает. оказалось — стрекоза-брошка. стеклышки на крыльях в основном зеленые — но есть и прозрачные как вода в ручье. отцепляя иголку пугало принимает несколько равнодушно-бывалый вид. хотя никогда еще раньше ничего на веревку ему не попадалось. протягивает поползню: возьми себе — обо мне память.

в ночь на первое марта алма не спала. стояла, сидела на зеленом балконе — смотрела на спальню-квартирную ригу — как гаснут а потом зажигаются окна в домах. с рассветом собрала сумку — поймала такси — приехала на вокзал — купила билет — ступила в вагон — и поехала в вишки. по обе стороны от поезда голубел снег — но зима все равно уходила.

огре — лиелварде — яунелгава — айзкраукле..

в плавинясе пересела на автобус идущий в дзелзаву. вышла в любане — оттуда до вишек километров пять.

было почти что двенадцать дня.

алма шагала полем.

берегом белой айвексте.

от показавшихся яблонь вишек слышалось пение и шум.

ах как бы хотелось сейчас собрать всех вместе! и девицу сороку — и агриса с юрисом — и марту-мартышку с песчаным медляком — и трухляка валентинса!.. селенитового бегемота летающего вместе с совами и с доброй хозяйкой своего магазина!.. медведку и лося и златокрота и поползня!.. счастливых несчастных элеонор с мастерами своими и мастерицами!.. пассажиров поездов стучащих латвией и выезжающих из нее — машинистов и кондукторов!.. сурчиху с аромалампками!.. гениальную алдоню с валмиерского бульвара!.. чуткую ольгу!.. грустную риите с сыном!.. бодрую майру — которой не больно

давно!.. писателя с метеорологом!.. их жен!.. юстину ремигаса и фелицию!.. визму-конкордию и саусу баранчину — они бы подружились!.. вазу-костюм похорошевшую от молока и поцелуев!.. айзелкшнинских полицейских!.. всех-всех огородных пугал — ноябрьских декабрьских январских февральских — с обоями, шпротами, бурами, шарфами, расческами, фенами, лавандовыми и хвойными освежителями и спиртом — с приятелями и подругами!..

44

но на границе вишек под мерзлыми яблонями было только одно огородное пугало с барабаном. колотило в него и пело — пытаюсь на разные голоса собственным охрипшим — не ожидая увидеть сейчас даже алму — двадцатисемилетнюю хозяйку хутора приехавшую вдруг из риги.

45

куплетов в песне всего лишь три. но пугало пело пело.

man māmiņa piesacījā —
meitenei puīšu nemīlēt.
trolo lo-lo-lo
meitenei puīšu nemīlēt.

мне мамочка наказывала —
девушке парня не любить.
троло ло-ло-ло
девушке парня не любить.

es, māmiņa, nemīlētu
ja zirniši neziedēt.
tro-lo lo-lo-lo
ja zirniši neziedēt.

я, мамочка, не любила б —
если бы не цвел горошек.
тро-ло ло-ло-ло
если бы не цвел горошек.

zirnišiem ir skaisti ziedi
puīšiem jauka valodī.
tro-lo lo-lo-lo
puīšiem jauka valodī.

у горошка душистые цветы
у парней сладкие языки (речи).
тро-ло ло-ло-ло
у парней сладкие языки.

46

202 алма поставила сумку в снег. сказала: прости — я пока тебе не очень рада — но постепенно скорее всего обрадуюсь, весна.

ф и г у р ы народа коми

казань
2001

вӧр вӧрлӧн вӧрлысь
вӧрлы вӧр вӧрӧн
вӧркӧд вӧртӧг вӧрла
вӧрын вӧрысь вӧрӧ
вӧрлань вӧрсянь вӧрӧд
вӧрті вӧрӧдз

лес леса у леса
лесу лес лесом
с лесом без леса за лесом
в лесу из леса в лес
к лесу от леса по лесу
по лесу до леса

ӧ	д	я
рӧмпӧштанъяс		вӧрын
мамӧ	муніс	турунла
сана		локтӧ
г	о	ж
анналӧн	потандорса	ссыланкыв
ӧдзӧс	видз	вылас
чӧв		олӧм
ё	д	і
тӧлӧ		тӧлӧ
ыджыд	сыня	ю
карасина		пӧнар
шань шань шаньга	— да ӧтарыс	мавтӧма
пӧрысь	пон	ройӧ оз увт
паньсӧ	пеляс	небось оз ну
видӧмыд	абу тшын	— синтӧ оз сёй
ошкисны	ошкисны да	ошкӧ и пӧрис
ӧшкамӧшка		петкӧдлыны
льӧм		ю
ы		ю
ыб	грездлӧн	олысьяс
кӧм		вурясь
дзодзӧг	-	зыряна
рака		тӧлысь
к	у	з
ь	ч	ы
ш	ъ	я
н		

öдя живет на р. вашка в деревне пожъя удорского района республики коми. когда öде было двенадцать лет — ее похитили вöрсы — демоны леса из тех что свистят и сипло поют в лесу. треск и скрип деревьев. стук и плач. жители деревни все как один в том числе öдины родители были уверены что с öдей случилась именно эта беда — тогда у самой кромки леса была найдена ее одежда и пихтовые иголки густо рассыпанные вокруг. вот здесь ее подхватили и понесли. — говорили старухи. через три года öдя вышла из леса — молча появилась на краю деревни и пошла к себе домой. говорили что через несколько дней öдя родила еловое полено, которое ее отец тут же сжег в бане, а öдя лежала на пологе отвернувшись к стене. сей-час öде тридцать лет — она живет одна — никто к ней не посватался — родители умерли давно — вскоре после öдиного возвращения из леса. когда öдя пропала — в деревне ее жалели, плакали, оставляли на пнях лукошки с пирогами чтобы лесные куролесы öдю отпустили; когда вернулась — стали бояться и втихомолку обвинять в ранней смерти собственных родителей. но мы ее очень любим. очень любим. если öдя нам вдруг приснится — мы просыпаемся в слезах. öдя невысокая — волосы светлые — короткие — под белым платком. грудь у öди неразвита настолько — что можно сказать отсутствует. коми сами по себе большие молчуны. но среди них öдя — первая молчунья. иногда она поет — песни ее просты:

кöч кöч котöртö
ныв ныв качайтö

заяц заяц бежит
пихта пихта качается

пища öди — грибы и растения. животных она не ест. летом öдя купается — и ее кусают комары. осенью много ветра — вода в вашке становится серой — птицы кричат — деревья шумят особенно сильно. зимой öдя сидит дома. если выходит — подпирает дверь пешней. теперь в деревнях — даже если они по вашке, выми и мезени — не живут просто так. каждый при деле. öдя в пожье не имеет статуса местной дурочки, слоняющейся задумчиво и живущей чем придется. öдя — библиотекарь в клубе. но что это за клуб и что там за книги? кто их видел кроме öди? там ничего нет кроме острого запаха дерева. мы очень любим öдю. мы глядим на нее во все глаза. нам дорога каждая минута ее жизни. деревня живет. и öдя — совсем не главный ее персонаж. пожъя — деревня женщин-икотниц и мужчин с разрушенными зубами, сбивающих куниц-сеголеток с самых верхних ветвей. икотницы садятся в лужи и кричат как выпы. öдя действует на них до странного положительно. при ней кликуши успокаиваются. öдя же не делает ровно ничего — только стоит рядом и плотно сжимает губы. икотницы сами бегут к öде. если ее нет дома — идут к ней в библиотеку. они не просят книг — но именно с ними öде приходится чаще всего встречаться на работе. öдя и две-три икотницы — такой вот читальный зал. когда икотницы засыпают — родственники уносят их домой. несмотря на это обстоятельство — еще никто в деревне не говорил

об ъде как о колдунье. ъдя — это ъдя. на ней лежит печать трехлетнего отсутствия в мире — и это всё. естественно — о том времени никто никогда с ъдей не говорил. в деревне есть свои колдуны. и в соседних деревнях есть свои колдуны. кто-то роет землю — кто-то лижет топор — кто-то кувыркается через пни. а ъдя — это ъдя. и то что с ней произошло много лет назад — случай хоть и редкий — но не из ряда вон для деревень утонувших в болотах, окруженных такими лесами.

мы видим коми деревню и слушаем звуки внутри нее. мы смотрим на землю — и на траву — в глаза убитого горностая. фигуры народа коми одни за другими выстраиваются перед нами. ветер дует — комар звенит — расходятся круги по воде — ъдя осторожно заходит в воду и не боится замерзнуть.

тема ъди для нас — красная нить, рассыпанные рябинины: она не одна — но она единственная. мы видим ъдю обычную: она идет — она стоит — она щурится — пьет кисель — она спит. через все происходящее в пожье проходит ъдина повседневность. и видя любой зауряднейший элемент этой повседневности мы всегда знаем — думаем — помним что ъди касались демоны.

бур миян ъдяным
радейтам ми тэно
а д д з ы с ь л ы т ъ д з

милая наша ъдя
мы тебя любим
до свидания

(тема похищения лесными демонами людей в целях сожительства довольно популярна у коми. действие также может происходить и в гайнском районе коми-пермяцкого автономного округа на малых притоках верхней камы. ъдя говорит по-русски с сильным акцентом. ъдя — кинорассказ).

р ъ м п ъ ш т а н ъ я с в ъ р ы н з е р к а л а в л е с у

в лесу висят зеркала. в них нельзя смотреть. если посмотреть — лес заберет глаза — и оставит взамен глаза неживого зайца. с матовыми глазами такой человек вернется домой и попросит воды, потому что заячьи глаза очень грязные — все в соринках. промойте пожалуйста — скажет с порога. вернуть утраченные невозможно, а можно действительно очистить от сора новые — и жить хорошо или плохо — как все живут: играть свадьбу, соскакивать с табурета, рожать детей, ложиться на мох и плакать. мертвые заячьи глаза видят хорошо — только страшные. у нас-то никак до конца не привыкнут, а приезжий может сильно испугаться. потому что чаще всего дети в зеркала глядят — и ходят потом — очень жалко и страшно. в сёльбые агнюша, в большелуге аня и света, павлик в кирике был — да отец его пьяный до смерти ведь пристукнул. а пьяных самих зеркала хорошо подлав-

ливают. женщина в лесу уснула — идти не могла — потом открыла глаза — а зеркало стоит в траве у самого ее носа. зеркала прячутся: ищешь грибы — а оно снизу блеснет, залезешь в куст — а там зеркало. но бывает и просто висят на дереве — и видно издалика — можно камень кинуть или выстрелить. нельзя смотреть. будешь коч синъяса — с заячьими глазами. жить с ними можно — но все равно кричат, царапаются мужики — и матери кричат когда дети домой придут и водички попросят. ну уж если случилось — вешаться не надо, с ума сходить не надо. а родится у такого ребенок — будет ребеночек обыкновенный. хуже всего что мертвые эти глаза — если бы как у живого зайчика — было бы даже весело и красиво.

мамо муніс турунла мама пошла за травой

мама пошла за травой — а детям велела спать. утром дети проснулись — а мама сидит за столом и пьет кисель через край кастрюли. повернулась к детям и говорит — сейчас вот допью и нарежу вас горбушкой. а горбушка — это такая коса у коми — кривая и маленькая. дети закричали и выбежали на улицу. мама кисель допила, взяла горбушку и пошла по деревне искать детей. а они сидели у соседки — все ей уже рассказали. ой милые — испугалась соседка — наверно ваша мама зимнюю траву скосила. эту траву кто скосит — становится очень злой. а дети в окошко смотрят и видят как мама с горбушкой сюда идет. к ней навстречу побежала буська — соседкина собака. а мама ее хватить горбушкой по голове — и детям издалика грозит. потом повернулась и пошла обратно. дети плачут — а соседкин муж губы скривил и сказал: пропала буська. дети сквозь слезы спрашивают — как же хорошую маму вернуть? соседка знает — найти в мамином коробе зимнюю траву и на нее помочиться. только скорее — вдруг мама траву скотине вывалит или по двору разбросает. короб полный травы стоял дома — но как туда зайти — вдруг там мама? соседкин муж говорит: давайте вместе ходим — я ружье возьму — на ружье никто прыгать не станет. вот они пошли вчетвером — двое детей и соседка с мужем. заходят в дом — а мама у печки варит кисель и горбушку держит. увидела гостей, говорит — сейчас я вас всех нарежу. тут соседкин муж поднимает ружье, говорит: ничего у тебя, валентина, не выйдет. мама опустила руку с горбушкой и опять за кисель взялась. дети быстренько к коробу. опрокинули всю траву на пол — стали вместе с соседкой искать. соседка зимнюю траву скоро нашла: ну милые — скорее помочись. дети мочатся — а мама так и мешает кисель. неожиданно говорит соседке — маша, я что зимнюю траву скосила? ну слава богу — ответила та — опускай ружье, сашка. мама спрашивает испуганно — я убила кого-нибудь? мама, ты ведь буську убила — сказали дети. ладно хоть вас не убила — ответила мама — а только буську.

сана локтö росомаха идёт

росомаха хромает подпрыгивает. лапы ставит вывернув — шаркает об землю. видит пень и лущит его в труху. видит мертвую девочку и кусает ее за ногу. лезет на дерево — катается по земле. топчет грибы. ничего не ест. росомаха — младший

брат медведя — и очень обижена. она куница — а медведем ей стать не пришлось. про медведя поют, называют жирная мишка — а росомаха кричит и злится. росомаха — лесная обида. у росомахи один глаз сойки, другой — поползня. никого не ругают мужчины как росомаху — и не боятся леса — ее отца. росомаха — калека-вор — жрет попавшую в петли добычу. росомахи не дружат с вóрсами, но когда последние гадят в охотничьи капканы — первые смотрят и радостно взвизгивают. росомаха если приснится со спины — то несчастье уже случилось; если спереди и посмотрит — вот-вот случится. иногда с росомахами живут лесные женщины — вóр бабаяс — чтобы потом еще больше опакостить мужчину-охотника. в лесу без женщины тяжело — лесные бабы иной раз и придут в избушку. охотнику повсякому отдадутся, а потом засмеются и скажут про росомаху. охотник за ружье — а лесная баба лампу на пол смахнет и выскочит в елки. что же потом охотнику делать — если он одно и то же место вместе с росомахой лизал? так ведь и застрелиться можно. росомаха на болотах кормит щенков и царапает им носы. росомаха всегда одна и может загрызть даже лося. колдуны у коми не превращаются в росомаху — но есть такие среди приезжих — эти люди каждые десять минут бегают помочиться. коми знают — если часто мочится мужчина — значит он росомаха-оборотень. если женщина — то куница. могут взять и выстрелить в такого человека — их не убедишь что у него возможно больные почки или что-нибудь еще. если поджечь росомахью шерсть — ветер отравится и надолго утихнет. кто сожжет росомаху полностью — ветер оставит того навсегда. если росомаха надумает сдохнуть — будет до смерти биться головой об ствол. росомаха любима лесом. все его дети кричат слово вóр — но лишь росомаха внятно произносит отцовское имя. коми больше любят медведя — но лес больше любит росомаху. лес — росомаха и есть. не медведь не тетерев. у леса много языков: главный из них — крик. коми узнали от росомахи подлинное имя леса и взяли его в свой язык. криком вóр росомаха окликает своего папашу. коми угадали — молодцы. им не любить росомаху — нелепо. может быть они врут. росомаху любят только русские — называют ее то грязненькой то косматенькой то аничкой то полиной.

г о ж ö м л е т о

лето кончилось — а манипа взяла да повесилась — не пошла за грибами. так бывает — потому что с летом здесь по особенному. вот и манипа — семьдесят лет прожила — теперь ее ругают дурой — но на могилу кладут вкусную еду. это геня сказал ей про лето — пьяный был. идет по деревне и машет руками: пускай — говорит — пускай. небо меняется сто раз на день. есть ветер — который главнее лета — но любят его не все. собаки бегут вдоль берега. на коряге лежит налим. очень ветрено и хорошо. лето кончилось — ветер доводит до слез — лодки черные и сырой песок — небо движется — а собаки смотрят.

каждый коми на слово лето морщит лоб и утирает глаза. а уж если коми сказать, что лето кончилось или что его нет — тогда он совсем расстроится: воткнет топор в землю и с ревом потащится в лес, вылезет из-за стола и уткнется

в подушку. а в городе в автобусе можно видеть как хорошо одетая тетенька-коми смотрит газету, вдруг ее комкает и с сильным плачем протискивается к выходу — водитель притормаживает, тетенька сходит, автобус едет дальше — из его окон видно как тетенька идет не глядя под ноги и давится рыданиями. все кто в автобусе коми — со страхом думают об упавшей на пол газете — знают что где-то в ней сказано то чудовищное про лето.

этнографы еще в прошлом не раз приезжали на вымь и пижму — на другие неширокие безнадежные заросшие лесом реки — и наблюдали этот феномен. приходили в деревни, кричали о лете — изумлялись, писали потом статьи. а местные и сделать таким негодным ничего не могут — все плачут и движутся как во сне — кто-то в лодку залезет и поплывет, кто-то кинется было прибить этнографов а ему тоже о лете крикнуть. потом конечно могут прибить — как проревутся. так все население можно огорчить и спокойно уйти. в общем — все очень странно. дерутся и пьют здесь как везде — и мужчины редко умирают своей смертью — в деревнях чего только не случится — а с летом такая штука.

но кто-то и сам начертит на отмели 'лето кончилось' — и сидит один. если увидит кого-то сюда идущего — вскочит и затопчет буквы. бывает один коми в сердцах крикнет эти слова другому — чтоб досадить — а потом вместе и плачут и долго не могут успокоиться. трагичен ли этот плач? — безусловно да — но видимо он еще и заветен. такую фразу бывает ведь и в мешочек зашьют и носят на поясе, повесят на шею своему ребенку — велят никогда не снимать и не трогать — не распарывать ни за что. бывает даже на иконе напишут — чернильной ручкой с обратной стороны. весь этот смысл и слезы гораздо шире любви к лету которая на севере действительно особенная. ведь тогда могли бы просто 'лето' написать или 'лето лето'. любовь к лету и жалость его утраты — это только очевидный смысл.

краской пахнет. мы покрасили керосиновую лампу и теперь ждем. геня копается пальцем в рыбьих костях на тарелке и вспоминает тогдашний их разговор — когда манипа с утра выглянула в окно, сказала 'ну что такое — дождит и дождит', повязала на голову красный платок и зашагала к двери.

— кытчö мöдін?	— куда пошла?
— г р и б л а.	— за грибами.
— но тэ ёбнутöй.	— ну ты ебнутая.
татшöм поводдяын.	в такую погоду.
— абу ме ёбнутöй.	— я не ебнутая.
а мый нö вöчнысö?	а что делать-то?
регыд и гожöмыс помасяс.	скоро и лето кончится.
— помасис нин.	— уже кончилось.

208 мы на берегу с полбутылкой спирта — разбавляем речной водой — пьем и лезем купаться.

анналӧн потандорса
с ь ы л а н к ы в

чери юн уялӧ
лэбач енэжын лэбалӧ
лельӧ му улын бӧрдӧ
аня крӧватъын узьӧ

руй руй висьтала
ло кӧть либӧ кулӧма

гӧгрӧс сьӧлӧм абу
зарни ӧдзӧс абу
кӧчъяс уръяс абу
клянича абу

ӧввӧ висьтала
ло кӧть либӧ кулӧма

видзьяссянь босьтам турунӧс
нюръяссянь босьтам турунӧс
мылькъяссянь босьтам турунӧс
аннасянь босьтам турунӧс

руй руй висьтала
ло кӧть либӧ кулӧма

шондјяс кык кык
лов пуяс кык кык
пасьтӧм чойяс кык кык
ми тэкӧд кык кык

руй руй висьтала
ло кӧть либӧ кулӧма

колыбельная анны

рыба плывет в реке
птица летит в небе
гусеница плачет под землей
аня спит в кровати

руй руй я скажу
будь хоть мертвой (ым)

круглого	сердца	нет
золотой	двери	нет
зайцев	белок	нет
стеклышка		нет

бай	бай	я	скажу
будь	хоть	мертвой	(ым)

с лугов	возьмем	травы
с болот	возьмем	травы
с холмов	возьмем	травы
у анны	возьмем	травы

руй	руй	я	скажу
будь	хоть	мертвой	(ым)

солнца	два	два
ольхи	две	две
голых	сестер	две
нас с тобой	два	два

руй	руй	я	скажу
будь	хоть	мертвой	(ым)

в и д з в ы л ы н ö д з ö с д в е р ь н а л у г у

дверь стоит на лугу. света коровина пришла и смотрит — сегодня выходной и не надо в школу. у меня болит голова. — жалуется. света могла бы курить — но она маленькая. волосы прячет за уши — краснеет нос. дверь молчит — как и все луговые двери. у свету наполняются ветром глаза. белые волосы сносит к небу. раньше небо было близко к земле — волосы бы его коснулись. на лугу остались крики неба не считая чудес земли. болит голова. — повторяет света. — не пройдет. цепенеет — и садится на курточку.

ч ö в о л ö м м о л ч а н и е

на болоте одна девочка проснулась. где деревня ді — как я сюда попала — где мама? все милая — теперь ты здесь умрешь — тебя подменили видимо. в деревне ді мама гладит по голове тебя — да не тебя. гладит видимо болотную крошку.

ё д і л е щ

лещ рот открыл и скрипит — вот лопата! леща надо бы отпустить пока не задохнулся. или в пирог его засунуть? лучше отпустить — больно уж он здоровый. лещ поплыл поплыл — и нырнул.

т ө л ö т ө л ö в е т е р в е т е р

если ветру сказать 'ветер ветер бабушка умерла' — он бросится ее хоронить — подует. если сказать 'ветер ветер бабушка не умерла' — перестанет дуть. дети так играли — гоняли ветер то взад то вперед. а бабушка ветра к ним сзади подошла — плюнула рябиной из стебля-трубочки и сказала по-матерному чтобы не шалили.

ы д ж ы д с ы н я ю р е к а б о л ь ш а я с ы н я

большая сына — маленькая речка. там никого нет. из нее медведь пьет. и много камней.

к а р а с и н а п ö н а р к е р о с и н о в ы й ф о н а р ь

стоит на дне лодки — и вдруг дождь. скорее тушите керосиновый фонарь — а то стекло треснет. стекло уже треснуло — вот беда.

ш а н ь ш а н ь ш а н ь г а — д а ö т а р ы с м а в т ö м а
х о р о ш а ш а н ь г а — д а с о д н о й с т о р о н ы м а з а н а

летом можно хорошо купаться — но полно комара. красив осенний лес — да легко заблудиться. зимой можно ездить по льду — только очень холодно. в марте приедем в кривой наволок — а обратно дорога растает.

п ö р ы с ь п о н р о й ö о з у в т
с т а р а я с о б а к а н а л и ш а й н и к н е з а л а е т

из керчомьи в усть-кулом ехали. вот лошадь остановилась и не идет. дядя сказал: что-то здесь не то — конь немолодой — но старая собака на лишайник не залает. снял штаны и нам велел снять. папиросу закурил и перекрестился.

п а н ь с ъ н е б о с ь п е л я с о з н у
л о ж к у н е б о с ь в у х о н е н е с е т

очень умная столля баб — бабушка евстоля. у сашки с павликом пьяных ружья отберет. лодки их сцепит и подальше отгонит. ложку в ухо не несет.

в и д ъ м ы д а б у т ш ы н — с и н т ъ о з с ѐ й
р у г а н ь н е д ы м — г л а з а н е в ы е с т

ехали в керчомью обратно. опять лошадь остановилась. голая белка стала прыгать на спине у лошади. голая куница зарычала в траве. мы ну давай ругаться. дядя с мамой ругаются очень некрасиво — и нам велят. мы ругаемся с сестрой — стыдно ведь. лошадь сбросила белку и помчалась бегом. мы плачем — разве можно так говорить? мама нас поцеловала — а дядя захохотал.

о ш к и с н ы о ш к и с н ы д а о ш к ъ и п ѐ р и с
х в а л и л и х в а л и л и — в м е д в е д я и п р е в р а т и л и

кот винтик поймал мышь. хвалили его хвалили — в медведя и превратили. винтик как медведь стал и всех в доме съел. в лес убежал.

ѳшкaмѳшка петкѳдлыны показать радугу

показать радугу — значит устроить скандал — сильно разораться. маша пришла из школы и разоралась — затопала ногами — сняла трусы и платье на себе порвала — дверью хлопнула и ушла. все притихли. а мама сказала что маша показала радугу. мы пошли машу обратно звать. маша во дворе сидела с мордой-гымгой на голове и плакала. увидела нас и сказала нам слово на букву м.

л ь ѳ м ю ч е р е м у х о в а я р е к а

черемуховых рек три. раздевшись — первую с берега на берег дважды переплыть — дважды глотнуть воды. вторую переплыть дважды с берега на берег — глотнуть дважды. и третью так же — два раз глотнуть. все хорошо будет. смерть черемухой будет пахнуть. не страшно. в лес пойдешь — любовь будет. куда ни приедешь — все ласковые. только пьяный не лезь в черемуховые реки — вдруг утонешь. они узкие — не тони. если их вдвоем переплыть — с подругой из котласа, мадамаса, из коровьей воды — туда и обратно — вместе — будете вместе о господи — даже если сразу после третьей реки окончательно разъедетесь в разные стороны не успев как следует обсохнуть.

течет через лес. можно анну сюда привезти. совершить обряд. анна станет рекой ы — или ее сестрой — смотря как сделаешь, чего захочешь. многое можно на реке ы — почти все. превратиться в ветер или зачать от него ребенка. рыбу выловить — и сделать своей женой если понравится друг другу. вдоль берега ы — лишайники елок и лесные хвощи. лишайник съесть, хвощ в рот положить — попросить у чирка прощения.

ыб грездса олысьяс

удора районса
йёртымдін сиктсөветса

сьола миш
мишка коля
витьö натö да
витьö вальö
кывтöм-пельтöм люлюк
сьöd кок натуль
тури верук
пошта ольö
паськыд вома полля

виччсьöны гöстьясöс —
да налань тöвнас
мунан туйыс абу

жители деревни ыб

удорского района
ёртомского сельсовета

миша рябчик
никотай михайлович
наталья викторовна
и валентина викторовна
глухонемая юлия
наталья черная нога
вера журавль
ольга почтальон
полина с большим ртом

ждут гостей — но
зимой к ним
не проехать

к ö м в у р ы с ь о б у в щ и к

осенью грибы выходят из леса — приходят в микунь. поближе к микуню из леса выходят и колдуны — и маня — и кусанная лепешка — и с паром похлебка — я ягоду ем. в августе же хлеба много на столах. плачут две девочки — а что плакать — пейте пейте мутный квас — изображайте рыбу на скатерти. пришел лён öпöнь — пришли без штанов — и молока хватило всем. в июле береза подставляла ветки для полотенец. в июле кладбища покрыты земляникой. в июле ноги без колготок — комарами искусанная ласка. в июльскую жару дети обступили обувщика: что это с ним? — дергается — упал — все рассыпал — ботинки не чинит. в июне — пух. мы прячемся от него под водой. в мае вечер и каша и чай. в апреле холодно — и радоваться нечего. в марте холодно — и ничего не видно. зимой мы плакали — валя в белых полотенцах — музыка и зима. а осенью — о-ёй — грибы выйдут из леса — маня пень начнет колупать — машины замелькают засигналят. в июле пельмени и дождь — в июле ель и береза — в июле неоправданный разговор и поминальные полотенца — свечи — монеты. в июльскую жару дети обступили обувщика — что это с ним? — дергается — лежит — все рассыпал — ботинки не чинит.

дзодзѳг - зыряна
гуси - зыряне

двое копают землю
зарывают медвежью шкуру
зарывают медвежьи зубы
когти и уши

а заяц-бедняк смеется
радостно заячье сердце —
давайте зыряне давайте
веселее копайте

он ко мне в дом ввалился —
этот зубастый заяц
ночью медведь постучался
так мы вместе сидели —
заяц медведь и веня

ели лесную похлебку
днем мои чудища встали
а я уснуть не пытаюсь
варево грею маме

мама вот-вот проснется
доброе утро мама
как прожужеешь приходи за мной
вдоль по опушке прямо

они и сейчас существуют
б о р м о т у н ы - к у р о л е с ы
бурундуков и белок
разбрасывают по лесу

р а к а т ѳ л ы с ь м е с я ц в о р о н ы

месяц вороны — март. снег тяжелеет и скоро двинется. небо то давит как утюг то вовсе исчезнет. среди ворон заметное оживление. разве плохо — днем хрусткий лед, а вечером запах счастья. и днем запах счастья. и милые девушки в рюмочных. в месяц вороны все было бы хорошо — если бы не было так тревожно. ворона тревожит — в марте всем приходится тяжело — стирается граница дома и улицы — в чистом запахе пилорам ощущение чудовищной трагедии. резкие приступы нежности — которую нечем накрыть. отсюда — неумные письма, звонки и знакомства — попойки и трата сил. дома сидеть бы в ночнушке — что-то делать не торопясь — не ездить кругами по

лесу. но все выйдет наоборот — в марте немеренно дел. ездить приходится много — страшно торопиться — чужое со всех сторон. поить себя чаем с клюквой и чабрецом — подливать себе пива чтобы быть попроще — кутаться в длинный свитер — не делать резких движений — любить кого-нибудь не по-летнему (ворона — не летнее время) — тогда будет легче. события вороньего месяца — залог на будущее. и если удастся себя сохранить — то в августе-сентябре из леса приедет гостя теплая как шаньга — ласковая как шаньга — шанег и привезет — напомним март — автовокзал пирожок и кофе. в марте нужно вылить воронам пиво и положить еду — сказать молитву. потом ничего не бояться. если будет страшно — ждать когда пройдет.

ракаяслы молитва

ракаясö-лэбачьясö
сёйöй пöжалуйста
юй пöжалуйста
да энö лёкалöй
ме вылö
рака тöлысьбыд
и вобыд

молитва воронам

вороны мои птицы
ешьте пожалуйста
пейте пожалуйста
и не сердитесь
на меня
в месяц вороны
и весь год

к у з ь ч ы ш ь я н

п о л о т е н ц е

на кафедре коми фольклора сыктывкарского университета есть полотенце. девушки которые здесь учатся — на него непристойно смотрят. домой берут по очереди чтобы постирать. это женское полотенце. каждая студентка женским местом украдкой должна его коснуться. а зачем да почему — милые не говорят — только смеются.

валентин кислицын
верхний услон
плюс франция

верхний услон
2007

valentin kislitsyne
ouslon supérieur
plus la france

ouslon supérieur
2007

верхний услон
на горе
напротив казани
в верхнем
услоне сомы
шевелият усами
не нужно плыть
по прямой
мы не станем
нам хорошо
с домами
и небесами
казанцы здесь
держат дачи

в. кислицын. 1927

*

в верхний услон
приехала из парижа
анна-sécile матье
чтобы стать нам
гораздо ближе
чем мы стали уже
матье и кислицын

четыре года назад
на фестивале в ницце

синие волны августа
'ом' качали
на дебаркадере мы
ее встречали
анна-сесиле курила
и мы курили
анна-сесиле пила
мы тоже пили

анна-сесиле — лозу
красную и сухую
мы — 'старуху-казань'
белую и простую
анна-сесиле ревет
мы слез не жалеем
анна-сесиле бледна
мы краснеем

анна-сесиле родом
из города тюля
встретились мы
в ноябре не в июле
анна-сесиле и мы
отвечали французской
п р е с с е
анна-сесиле кукловод
в нашей пьесе

номер 'либерасьон'
еще не верстали
мы и анна-сесиле
уже лежали
на теплой
предзимней земле
в пустых проулках
мы обменялись всем
что нашли
в наших сумках

трап деревянный
узкий собаки
встречают лаем

анна-сесиле смеется
а мы стреляем
осени, франции, ей,
лету чей ход недолог
в небо сразу из
двух красивых
своих винтовок

анна-сесиле сидит
голая и родная
в нашем
услонском доме
на улице первого мая

*

а н н а - с э с и л е !
дай ногу
дай вторую
ну как?

а н н а - с э с и л е !
дай руку
мы пойдем
с тобой
на чердак!

а н н а - с э с и л е !
с и л ь н е е
з а ж м у р ь
г л а з а !

а н н а - с э с и л е !
открой их!
вот это да!

не упади
пожалуйста!

*

что будем делать — анна-сесиле?
резать холодную курицу-гриль?

яблоки резать и огурцы?
холодно если — надень трусы

будет тогда прохладно!

курица вкусная — да! ты права!
у тебя светлая голова

у тебя перепачканный рот
а у меня выступает живот

надену рубашку — ладно?

велосипеды? завтра возьмем!
мы с них сегодня с тобой упадем!

лучше полезли на дерево в сад!
если не слезешь — я не виноват!

лучше пойдем на веранду!

*

вечером фарида-ханум жена ильяса-хазрата муллы услонской мечети добрая
очень женщина спрашивает меня качающего из колонки не слишком трезвой
хохочущей анне-сёсile ледяную упругую воду: бу матур кыз — кем, валя?
(кто эта красавица?) отвечаю счастливо, не слишком трезво: вы будете
смеяться тетушка фарида, но эта матур кыз — французская актриса.

*

просыпайся неуёмка!
просыпайся неумытка!
посмотри-ка — я написал
за ночь целую бутылку.

ну а ты сама-то помнишь
нафырчала мимо банки?
ничего — поставим к ночи
широченную лоханку!

по ночам на улицу
тяжело шнырять.
туалеты для того
чтобы в них стрелять.

(из ружья из лука
и зимой и летом
ощутив себя с утра
бархатным поэтом)

(из окна, с веранды..)

*

(анна-сécile..
валентин кислицын..)

день что начался в два
кружит кружится

анна-сécile и мы
в его колеснице

(анна-сécile..
валентин кислицын..)

пьем из колонок воду
ходим по магазинам

у магазина — квас
продает дина

(анна-сécile..
валентин кислицын..)

дине от нас боб
от нее нам орех грецкий

с анной-сécile мы
говорим по-немецки

ломанный наш немецкий
похож на баржу

что не должна плыть
но плывет — гудит даже

идет-идет без буксира!

(анна-sécile..
валентин кислицын..)

сеемся над анной-sécile
ищущей 'drum'-махорку

читаем по-русски ей
гарсиа лорку

завидуешь, капитан
'в о л г о - д о н а'?

ты проплываешь в пермь
а мы дома!

(анна-sécile..
валентин кислицын..)

*

к у п а т ь с я?
к у п а т ь с я!

*

каждый каждый глоток
воздуха косогоров
каждый каждый гудок
'волгонепфтей' и 'волго-донов'
запах каждого волоса
анны-sécile и кожи
провожают лето
а лето уйти не может!

мы влезает на крышу сарая
с коричневым табуретом
против солнца ходим
вокруг него – провожаем лето
с неба на паутине
к табурету
с бутылкой
спускается август
и кричит: ходите ходите –
а я останусь!

*

русское слово 'сиськи'
нравится анне-sésile
а нам особенно нравится
французское слово 'иль'

ведь островов-илей
так много в этой округе
где можно часами гладить
сисечки у подруги

в поцелуе воды и ветра
и мокрой земли

где стерегут
р а д о с т ь
р а д о с т ь
все лодки
и корабли

*

после обеда

стук — стук — стук.
это пришли деревья.

с анной-sésile мы
открываем двери.

черемуха, две ветлы
яблоня и груша.

наполняют дом.
выпускают уши.

выпускают глаза,
рты в гармошку.

выпускают главное.
н е п о н а р о ш к у.

анна-sésile снимает
с себя колготки.

мы приносим насос
от резиновой лодки,
глиняного утенка
с отверстиями на шее..

деревья вздыхают хором:
анна-сесиле! смелее!

.....
.....

.....
.....

потом пьем кофе.

друг в друга
ах не могли не влюбиться

волшебница анна-сесиле
и чародей кислцын.

*

*сидим под флагами
на самой большой
площади у здания верх-
неуслонской районной
администрации на
скамье, вспоминаем*

в небесах над нами
бегает киты

геен вир шпацирен?
говорила ты

gehen wir spazieren?
мы спрашивали тоже
этого вопроса
не было дороже

мы идем гулять?
что же значит это?
то что целоваться
будем до рассвета

стукаться зубами
плакать друг на друге
если кто-то прошуршит –
замирать в испуге

ищут разные друзья
нас на фестивале
а мы утащив вина
взяли убежали

море море! не зови
потому что сами
на сухих камнях земли
мы морями стали

*

от волнений
от нежности
и от счастья
наши губы с утра
растрескались.
ну здравствуйте!

вздулись и
затвердели
в трех местах сразу.
анна - с é с i l e,
нам нужно
быстро - быстро
изгнать заразу!

ты беги
пожалуйста
голодай
к хозяйственному
магазину
и купи за
тридцать рублей

осветительного
керосину

не оглядывайся
ни на возгласы
ни на крики
пробеги сквозь
августа тихие блики

пробеги по улицам
поселковым
по маши
девчонкам
курящим у школы

керосином смажь
свой живот
худой круглый
положи живот
нам на губы..

только обуйся
во что-нибудь,

наилучшая!

*

подарок анны-sécile

белая рубаха без воротника
как ее наденешь — взмоешь в облака

покружишь - покружишься
чуть не обосрешься

а потом как грохнешься
но не разобьешься!

(такие они — артисты)

*

наш для анны-sécile
с ю р п р и з

писатели из верхнего услона тоже не промах. мы вручили анне-sécile пакет фиников. пока жуешь финик — думаешь во что должна превратиться косточка. косточку сплюнешь — и вот оно — желаемое — лежит перед тобой. правда вариантов мало: или надувной матрац или вантуз. эти финики никогда не высохнут. кончатся — раздобудем еще. мы знаем на каком базаре брать их.

(не так уж глуп наш подарок — если учесть что матрацы двухместные, очень красивые, их можно направо-налево дарить; а вантузами легко вернуть к себе в кровать любимого человека — хотя бы на минуточку — немедленно! — где бы он ни находился.)

*

с ч а с т ь е

вчера мы с анной-sécile
на дамбе тянули песни.
обычно по-одному
лишь изредка вместе

мы спели про
вятский колодец,
про соловья-башкира
анна-sécile про безрукого
безногого бригадира

про красную армию
пели мы и про танки
анна-sécile о любви
трех дураков к цыганке

тянули любимую грусть
об эмине из герцеговины
о краковских яблоках и
орешниках буковины

анна-sécile — о скале
на которую не забраться

потом в холодной воде
мы начали целоваться

приседая на мелководье
ловили друг друга ртами

потом мы бежали к дому
с разрезанными ступнями

о раковины-перловицы

*

под внезапным дождем
на рынке
встречаем наташу
первую нашу любовь
давно замужнюю
ведущего специалиста
местного отдела
ф е д е р а л ь н о й
регистрационной службы
знакомим с анной-sécile
приглашаем в гости
у нас как раз баня будет
наташа приходит в срок
приносит жареных судаков
моемся в бане втроем
сегодня не очень жарко
в ы т и р а е м с я
у ж и н а е м
п р о щ а е м с я

*

на вечерней крыше сарая
мы искали компанию
кто пойдет вместе с нами
сейчас на ночное гуляние
от услонской горы до печищ
и совхоза имени кирова

мы позвали с анной-sécile
паука-сенокосца милого

мы позвали рака
у с н у в ш е г о
у соседа на блюде

мы позвали сарайную крысу
которую все не любят

мы позвали крота с женой
из-под садовой тачки

мы позвали верблюда кемалю
с пустой сигаретной пачки

мы позвали еще туалет
с простреленной дверью

только он нам ответил
'нет. надоели!'

*

проходили так до утра
то асфальтом
то тропкой узкой

оказалось что крыса жанна
говорит по-французски

сенокошка юлия томчик
влюбилась в кемалю

рак шепнул что наш туалет —
это дама по имени галя

(о ч е н ь у м н а я)

*

29 августа

доброе утро, день!
твое имя наверное
серж - сережа?
анна-sécile спит
мы не можем

ноги анны-sécile —
летняя рана на ране
мы расцелуем их

не губами
наши глаза тоже
умеют целуют
губы пока пусть
на анну-sécile дуют

анны-sécile майка
ветром губным сбита
анна-sécile младшая
п р и о т к р ы т а

купим анне-sécile
с а п о г и - б р о д н и
в спящей анне-sécile
наших детей сотни

посадим их в сапоги
когда родятся
чтобы стали судьбы
не бояться
ни судьбы ни воды
ни совы ни ямы

сначала в папашины
и
потом в сапоги мамы

*

30 августа

анна-sécile плачет никак не успокоясь
дергает висящий над кроватью пояс

пояс тот волшебный, мы его связали
'делает что просишь' — про него сказали

плачет наша гостья — а о чем не знаем
дергает за пояс, мы ей не мешаем

мы пока достали куклу из рябины
в белом сарафане, в бусах из калины

эта наша аня — нас она жалеет
сами вырезали, все она умеет

мы ей шепчем-шепчем никак не успокоясь:
пусть поможет гостье наш волшебный пояс

*

3 1 а в г у с т а

верхний-преверхний услон
очень красив сегодня
хватит стихов двадцати
иначе писать до сотни
мы какие на вид?
анна-сécile какая?
среднего роста, круглый
среднего роста, худая
любит услон и каштан
любим услон и рябину
с анной-сécile мы
похожи наполовину
наши несхожести мы
дарим дарим друг другу
машем машем с горы
летнего солнца кругу
за красный мост у моркваш
летнее солнце садится
мы отдаем ему честь
кричим что хотим жениться
западный ветер несет
французские нам приветы
анна-сécile от чувств
рассыпала сигареты
коньячной бутылкой мы
тот ветер умело ловим
анна-сécile стоит
с ладонями наготове

г л о т а е т!
г л о т а е м!

в к у с н о!

* *

Л Е Т О

К О Н Ч И Л О С Ъ

* *

а поедем
в казань?
там неплохо!

нас забросит туда
сосед леха

в 27-м году
в казань не
хотелось деду
но анна-сесиле
говорит: ich gehe!
то есть — я еду!

а н н а - с е с и л е!
п о с и д и ш ь
без заколки
и без футболки

на приятном носу
лехиной лодки!

в благодарность
соседу и славной
его моторке!

тогда довезут
прямо к цирку
нас на лодке!

сегодня казанский
цирк народу полон

выступает думитря —
румынский клоун!

*

помнишь знакомились с ним
в авиньоне на вечеринке?

во время антракта мы
украдем у него ботинки!

к лодке сбежим в темноте
опять разбивая коленки

умчимся в верхний услон
пить водку и жарить гренки

вместе с думитрей-другом!

Т а Н
— г о
п е —
л а р —
г о —
Н и я

нолинск
уржум
2005

..
стварно
сам волео
ту свет-
л а н у
ј е д н е
ј е с е н и .
// перо
з у б а ц.
мостарске
к и ш е.
1 9 6 5

..
я дей-
с т в и -
т е л ь н о
л ю б и л
с в е т л а -
н у т о й
о с е н ь ю.
// перо
з у б а ц.
м о с т а р -
с к и е
д о ж д и.
1 9 6 5

я родился и вырос в нолинске. это вятский юг. там где птичья сплошь геральдика. над нолинском 'не останавливаясь пролетает' лебедь. над санчурском — канюк. над малмыжем — ястреб. две утки качаются рекой ярань мимо города яранска. на гербе уржума — серый гусь. внимательно смотрит — поводит головой и крыльями. я тоже повожу головой — и кистями рук. после школы я решительно поступил на геологический факультет — в казанский императорский. все удивились — потому что думали что я хочу быть филологом-фольклористом. именно им я и собирался стать. но готовя себя к судьбе гуманитарного ученого я тогда рассуждал что всякий серьезный человек — а особенно будущий фольклорист и этнограф — прежде обязан окончить геологию — потом биофак — а уже третьим высшим надстраивать свою специальность. великолепным своим планом я восторгаюсь до сих пор. хотя сам стал лишь дипломированным гидрогеологом. так странно. но я рад что был в те годы серьезен и красив. я пытался выучить множество языков — выучил только два — польский и коми. влюблялся в них с особой взаимностью в разные периоды жизни. приезжал в сыктывкар — покупать лучшие в мире коми книжки и лучшие в мире коми словари. приезжал в польшу — целовать ее зеленые дорожные указатели и болеть отчаянно. после учебы поселился в кирове — в своей столице. был государственным служащим в областном природонадзоре. долго работал на гтрк 'вятка' — редактором документального цикла о традиционной культуре народов волги-урала. формально я и сейчас там работаю — только не делаю ничего. больше всего мне подходит карьера начальника управления культуры какого-нибудь района. например нолинского. но эта работа — адова. при которой не посидишь сунув ноги в таз с шишками в синей ночнушке за ноутбуком у себя дома неделями напролет — не попишешь огромных книжищ. так что — увы. может быть стану попозже. начальники районных управлений культуры — небесные мои коллеги — как и речники. по-польски ноябрь — листопад. а по-коми вӧльгым. мне очень трудно сделаться ученым — потому что я стал писателем. писателем из кировской области. мне скоро тридцать. и во мне поубавилось серьезности и красоты. у меня есть семья — жена и дочь — рита и инна. мои отношения с ритой позволяют нам длительно жить отдельно. они прекрасны как ноябрьская вода — прохладны как на ногах сине-зеленое стеганое одеяло. собственно — мы решили что в случае несчастья с одним — жизнь другого пусть будет сломана. и это всё что нас связывает пожалуй. у нас две пустые квартиры — в нолинске и в уржуме — остались от родни. последнее время я много писал для киностудий — которые хорошо платили. поэтому — вот: с середины августа сижу один то в лебедином городе то в гусином — и делаю эту книгу. жаль что в утином — в яранске — своего дома нет. возможно еще будет. раз в неделю наезжаю в киров. к своим девицам. или они ко мне. инна весь сентябрь чахла — я забирал ее сюда болеть. в декабре я хотел бы закончить 'пеларгонию' и уехать на новогодние праздники в белоруссию или в герцеговину — в мостар или в свирь.

б а б у ш к а
 каша для демонов
 о л е н ь к и
 с ю д а н и к о х т а л о
 т р и б а б о ч к и п о д с т е к л о м
 с к е л е т е ж и к а
 э т о л и ш н е е
 избирательный участок
 т а н г о п е л а р г о н и я
 к о л ю н я
 в т р о е м
 ё б а н а м а т ь
 злющие клещи и рита
 парикмахеры вне любви
 п а н а м ы
 медовая лепешка
 п у с т ы р н и к
 с ч а с т л и в ы е
 э л ь с а — д и т я с у д ь б ы
 п. с.
 д я д я в о в а
 котенок и щенок
 в у р ж у м е о с е н ь ю
 к у р н и к с в и н о м
 п и с а т е л ь № 2
 з е м л я
 в е с н а в л у з е
 ф е д е р и к о г а р с и л о р к а
 н е в е с т а
 чайник чая в летней золотице
 я д у м а ю о т е б е
 а н г е л
 л а с т ы
 л а д о н ь
 н а р у с а л к и н о й н е д е л е
 р а з г о в о р
 дымящееся зеркало
 ж е с т я н а я п е с е н к а
 р а с п о р я ж е н и е
 и з м о р е н а с ь м
 с т о л и ц ы
 с а л о м о е г о м у ж а
 п р о п а д и п р о п а д о м
 з и м а
 с а н к в ы л т а п
 р а с к л а д у ш к а
 е в г е н и я е в г е н ь е в н а
 в п о е з д е
 к и н о
 д ы м
 п ы х т е л к а
 panthera tigris altaica
 т е п л о х о д ы
 в а з о н ы
 т р у с ы и т р у с и к и
 т а н г о с у д ь б ы
 в ш а ш л ы ч н о й
 х у д о ж н и к и е г о б о т и н к и
 м о р с к и е о к у н и
 з а с т о л о м
 j e h o p r a p o r

мои изумрудные муллы
 в п о л е
 smēs na svařené víno
 велосипедные ключи
 м и х а и л м е д у н и ц а
 п а л а т к а
 п р и ц е п
 копченный гусь к рождеству
 п о л и н а
 пара сухих макрелей
 м у з ы к а
 л о д о ч н ы е с т а н ц и и
 ч е т к и
 п р е д с е д а т е л ь
 п о л е н о
 о р и г а м и
 горбунова анна семеновна
 с и н и е г л а з а
 в д о н ы ш к о
 ф у р у н к у л и п о р о л о н
 т ю м - т ю м
 п у ч е ж
 с е м ь к о л ы б е л ь н ы х
 и с а а к и й — з м е е в и к
 м а н д а р и н ы
 в т у р ц и и
 с о в а
 б о г и н я
 м о л о д о с т ь
 и в а н о в с к и й п а р а ш ю т н ы й
 к у р к а ч и
 р а к о в и н а
 м а с с а ж
 т е л е ф о н
 ш а х у н ь я
 с в я т о е
 а м е т и с т
 в а р г а н ы з е м л и
 э л е к т р и ч е с т в о
 м а ш а
 в а р е ж к и
 к а р а с и
 ю р и й г а г а р и н и а н n a г е р м a n
 с п и ч к а
 о г н е н n a я т е л e г a
 в е р т у ш k a н a c o c n e
 п о л ы н ь т a в p и ч e c k a я
 с т и х и
 с е с и л ь
 т e k o g o б у д у д у ш и т ь
 н o в o c и б и p c k и e o c т p o в a
 п л e м я н н и к и
 т ю б e т e й k a
 л и ч и н к и
 c м e р т н ы e к o л ы б e л ь н ы e
 — а п ч х и!
 c в я т a я в o д a
 г o p o d l i
 у л и т k a
 б у к o в и н a
 м а с т и k a

я сижу на стуле и в руках у меня аккордеон — я расскажу любимую историю. у меня была радость на целую жизнь — когда-то совсем давно на зимние праздники я гостил в румынии в констанце в семье моего друга еужена попы. и надо было тогда умереть — в последний день в сугробах у границы — но я зажмурился — выехал из румынии — вернулся в киев — вернулся в нолинск. господин попа — отец моего товарища — был красен и толст. имел двухэтажный дом — жёну — кроме сына трех дочерей — свиней — собачонку — домашние вино и водку. по-русски он знал слово 'бабушка' — фразу 'куда идет?' — и еще 'до свидания' — последняя формула служила хозяину дома в качестве приветствия. до свидания. — сказал он мне встречая нас у порога — улыбнулся — расцеловал — взял из рук чемоданы. ни я ни еужен не стали его поправлять. потом еужен носился по родному городу — короткие каникулы — я не пытался гоняться за ним — а счастливо жил в доме его родителей. господин попа был очень общителен — живо интересовался Россией и объяснялся со мной исключительно тремя своими фразами. я не помню подробностей — не помню ничего — по-румынски и сам в ту зиму знал примерно столько же. оказавшись внутри чуда мы спешим только радоваться и пить. какие удивительные диалоги мы вели с господином попой — проникновенные — предолгие. бабушка! — громко говорил он и поднимал указательный палец. далее как-то выяснялось что речь идет о женской болезни его средней дочери или о румынском короле или о поросятах, которых ждут к февралю. куда идет? — спрашивал меня когда я собирался гулять на пирс или на троллейбусную остановку за папиросами. куда идет? — это я уже вернулся а в доме все меня ждут — дочери встревожены — господин попа грозит мне кулаком. любовь по-румынски драгостя. господин попа водил меня в церковь, двадцать раз говорил 'бабушка' и десять 'куда идет', говорил 'до свидания', указывал на ворота церкви и обнимал меня посреди улицы. я понимал что он пытается мне сказать что русские и румыны — православные и большие приятели. я подпрыгивал на месте — кричал да-да-да. ты хорошо говоришь по-румынски. — произносил папаша. он не знал что слово да звучит одинаково в обоих языках. боже великий и добрый — ну всё. скажем что в румынии нам хорошо. что румыния — это молитва. что в конце декабря было ветренно и тепло — рыжие улицы — но в новогоднюю ночь навалило немеренно снега. мы сидели с еуженом в нашей комнате на втором этаже — а внизу собирались гости. мы спустились когда нам крикнули — появились в праздничной комнате. за столами сидела родня — может тридцать лиц — может меньше. увидев меня они крикнули все в один голос — до свидания! — и приветливо замахали руками. это папаша их научил. до свидания. — ответил я и испугался что заплачу. плакать от восторга удалось позже — в другие дни. а тогда я еще долго пожимал руки мужчинам обмениваясь 'до свиданием': дядям из бухареста — племянникам из лунгулецу — целовался с беззубыми женщинами и называл свое имя. в полночь загудели теплоходы — все выбежали на улицу — с сестрами еужена мы лили на снег вино — кувыркались — целовались в губы — ужасная ужасная суматоха — все пляшут — орут — пытаются перекричать рев сирен. я зачем-то забежал в дом:

попробую угадать: за бутылью. внизу у входной двери такая же давка и суeta — сердце колотится — сестры на улице ждут. в доме меня видит господин поpa и неожиданно дико вопит: бабушка! бабушка! при этом хватает какую-то маленькую старушонку в черном стоявшую неподалеку — трясет ее изо всех сил — поднимает и ставит на пол. я подхожу. господин поpa тычет в старушонку пальцем — тычет ей в нос и в глаз — бесцеремонно хлопает по животу — ежесекундно кричит 'бабушка'. я протягиваю ей руку. она очень рассержена и столько же весела — смущенно улыбается и смотрит куда-то под ноги. маленькая как вилка. я киваю ей головой. господин поpa смеется от удовольствия — на этот раз он объяснился по-русски особенно хорошо — старушонка была его мама.

к а ш а д л я д е м о н о в

мы накладывали кашу в мисочки из кукольного сервиза — расставляли их в оврагах и на тропинках — под вишнями — чертополохом и конечно у туалета — ходили перед сном с керосиновыми лампами. засыпали довольные: гадали — кто же из густо существующих в дачной местности демонов будет угощаться нашей кашей наступающей ночью. полевики — круглые как мячики? хозяйева трав? женщины ветра? их дети — голые — цвета земли? утром многие мисочки оказывались пусты. мы ликовали. возможно кашу съедали ежики. мы знали что никогда не сможем быть в этом уверены — и ликовали еще больше.

о л е н ь к и

мы вернемся в город где жили прежде — где на крышах больших домов — об-музея и мэрии — сидят наши любовницы в античных платьях — с венками и лирами — босиком. они приезжали с августовских дач и бежали на нашу ночную работу — находили нас везде. мы грязные. — говорили они. — мы грязные как свиньи. ничего. — задыхались мы и рвали с их изуродованных ко-марами ног зазелененные пыльные шорты. счастливые ольги ругались матом. ольги и правда ведь были грязные — такие противные — дорогие — кричали на всю комнату — пахли — кидались ртами — подставлялись и поворачивались — глотали и хлюпали — молчали курили — потирали ноги — шатаясь брели в туалет — возвращались ложились прикрывали глаза. но мы забирали в кулак их скользкие волосы и дергали посильнее. они ойкали — и все сначала. с каждым пихом поминали господа — твердили: о боже. и бог посылал нам новые силы. он нас тогда не карал. мы знали что кроме нас оленьки водили дружбу с усатыми личностями из союза архитекторов. кое-кто из этих личностей реставрировал большие дома. красивые высокие ольги — попавшие на важные крыши города — под шортами имели невероятные шары волос: эти причудливо крученные летние бороды оленьки раздвигали пальцами — чтобы мы не загнали их внутрь. и мы пойдем грозить пальцем каменным оленькам — покажем бутылку из-под полы пальто. их полные ноги облеплены снегом. де-

кабрь сжимает горло. делает горлышком — твердым и узким. надувшись из той бутылки — прижмемся к стенам и подождем — может быть новенькие вазоны стоящие рядом с ольгами качнутся и свалятся нам на головы. может быть в теплом декабрьском ветре у ольги отвалится лира или стопа.

с ю д а н и к о х т а л о

сердце и судьба. ударение на первом слоге. в песнях звучащих на финских танцплощадках — маленьких и больших — эти два слова живут в каждой строчке. нередко к этой неразлучной паре добавляется сатумаа — страна сказок. все остальные — служебные слова.

т р и б а б о ч к и п о д с т е к л о м

три одинаковые бабочки — одна под другой — нарисованные — а лучше вышитые на сером холсте — вставленные в узкую рамку — должны висеть в каждом доме если хозяева — семейные люди. у нас они есть — и на свадьбу лучшим друзьям мы всегда приносим именно этот подарок. эти бабочки придумались как-то сами собой. жена вышивала бабочек — а я сказал: вышей трех — так надо. первая бабочка — я. вторая — ты. третья бабочка — это смерть. а потом уж три бабочки под стеклом стали нашим регулярным подарком на свадьбы хорошим людям. женитьба всегда союз троих. люди сплетаются друг с другом по-разному. но если они женаты — то смерть становится с ними рядом, садится на третий стул. это главная черта женатости — отличающая ее от всех других человеческих отношений. мы женимся — значит решаем что конец нашей близости будет положен только смертью. поэтому смерть — вот она: глинтвейн варит вместе с нами, потом гуляет в парке урицкого. это хорошо — это правильно — три бабочки одинаковы и не бывают друг без друга. женившись мы оба предлагаем смерти взять нас под руки и начинаем сильно отличаться от тех кто не замужем и не женат. жить можно по-всякому — или вообще разойтись — тогда третья бабочка исчезнет. а пока женаты — бабочек три. это действительно хорошо. очень верно. третью бабочку нельзя забыть — это будет оскорблением смерти.

с к е л е т е ж и к а

о ежике мы думали так: вряд ли у него есть позвоночник. хотя если рассуждать научно — позвоночник обязательно должен быть. ведь даже у змеи и рыбы есть позвоночник. а еж — млекопитающее — а значит почти что обезьяна и человек. но как его себе представить? вот череп у ежика точно есть — есть кости четырех лапок. а все остальное — просто пузырь с внутренностями, состоящими из мягких тканей. костное основание черепа постепенно переходит в мякоть мышц — то же самое происходит и с лапами. таким образом у ежика пять основных костей — и если нарисовать его скелет то выйдет очень

забавно: череп с глазным отверстием — внизу четыре маленькие конечности — всё соединяется пустотой. не может такого быть. — скажет нам профессор зоологии. но мы обругаем его свиньей. мы тоже профессора в своем деле и не можем себе представить другие кости в теле нашего колючего друга.

э т о л и ш н е е

гуляем мы гуляем после работы вечером за ручку по улицам и скверам — забредаем во дворик университета — и вот принимаемся целоваться. это хорошее дело — и девушка смешная — нам нравится. помаду ее мы всю съели. оба горим и стукаемся зубами — надуваем слюнные пузыри. думаем: ладно — пошли в развалившийся дом — там нацелуемся вдоволь. по сносимой улице тельмана идем осторожно. одни рытвины — до утренней смены цепенеют гусеничные машины — люки открыты. лезем в знакомую развалину на второй этаж — осторожно чтобы не убиться — целуемся снова — приподнимаем подруге кофточку. это лишнее. — говорит она. почему это лишнее? — удивляемся мы. — скажешь тоже.. теплая кофта завернута под ключицы. неожиданно большая грудь — с неожиданно крошечными сосками — глазами густеры — покрывается уличным холодом. светлые брюки — светлый замок. светлые трусики — светлый ворох. светлая попа — в середине мы. конечно все это лишнее. сквозь бывшие окна гуляет ветер. большой коричневый город вокруг нас гудит. мы в самом его разрушаемом сердце. уставшая за день ее спина — в брызгах. брошенный в угол наш носовой платок. лишнее — безусловно.

и з б и р а т е л ь н ы й у ч а с т о к № 3 0 4

избирательный участок № 304 — стрелка-фанерка которой мы машем над ржавым мангалом — очень скоро будут готовы куриные глупые шашлыки. деревянный мусор с участка мы весь спалили — а ее оставили — нужно ведь чем-то махать — разгонять роскошный хрустящий дым. по холму за дровами в орешник спускаться не хочется. а в овраге сидит змея — и мы там вообще уьемся. у соседей с массива щепки таскать неудобно — к тому же сейчас все соседи сами в перчатках и кепках повсюду трудятся. они трудятся — мы дышим — размахиваем 'избирательным участком'. а во время завтрашнего мангала мы пожалуй отдерем от нашего сарая парочку не очень нужных досок. или от туалета — если не побрезгуем. а чего брезговать? — не от дыры же. спалим наверно и эту красную фанерку с белыми стертыми буквами. если только не решим увезти с собой в городскую квартиру — на память об этом лете.

т а н г о п е л а р г о н и я

неизвестно как попавшая на веранду нашего дома в нолинске пластинка с финскими танго 60-х годов называется 'танго пеларгония'. есть там и такая же песня. автор и испол-

нитель — кари куува. мы думаем он хороший человек. пеларгония — это герань. нам это давно известно. мы не выучили финский язык — и теперь пытаемся представить: герань — при чем она здесь? мелодия нам очень нравится. на веранде просторно: три велосипеда — электроточило — ископаемый велотренажер с оттиском '22 p' — электропропеллер — стол стулья — и груды книг — проигрыватель и пластинки. вероятно кари куува с геранью пляшет — вспоминая своих любимых. а как же иначе — если не именно так?

К О Л Ю Н Я

на улице гагарина мы встретили колюню. давненько мы не виделись. вы живы? — спросил колюня и протянул нам руку. ничего себе приветствие. — подумали мы и ответили скорчив страшные рожи. — нет колюня — мы давно умерли — и теперь пришли за тобой.

В Т Р О Е М

мы плывем на резиновой лодке втроем. я капитан — а они пьяные. сам я тоже пьяный — и может быть больше чем они. по берегам везде дачи. август — садится солнце. нам тесно — смешно. мы горланам песни — едим огурцы с подноса и запиваем пивом. с берегов на нас смотрят нетрезвые женщины в вечернем дыму — их обнимают нетрезвые мужчины. я пытаюсь причалить к красивому месту — привстаю — хватаюсь за кусты — неудачно — падаю в воду — моя команда смеется — над мокрым капитаном. я тоже смеюсь. протягиваю им удостоверение и часы. мы летние. летние. боже мой как грустно.

Ё Б А Н А М А Т Ь

помните анекдот? — кстати наш любимый. в югославии во время войны с фашистами партизаны из сопротивления тито глубокой ночью стучатся в какой-то дом и громко кричат — открывай ёбана мать! открывай ёбана мать! двери открывает старушка. они хватают ее за руки: ёбана мать — ты? старушка кивает. партизаны всхлипывают: мужайся — ёбана убили. ну нет — мы тогда просто рухнули на пол от полунервного хохота — когда услышали эту печальную историю в перемышле от каких-то собутыльников с украины. они же еще добавили — с сочувствием глядя на наши корчи: ну что ж тут сделаешь! — такие у них имена.. мы были в то время бездомными семнадцатилетними студентами — учили в частности сербохорватский язык — от тех нежнейших балканских стран сходили с ума — тамошние имена и географию пели как музыку — перебирали как четки. попав на ближайшие каникулы в дом к родителям мы как-то не удержали радости и рассказали про убитого ёбана своей десятилетней сестренке марине. она ничего не поняла — особенно после наших объяснений. но поразилась возможности легко и безнаказанно сматериться — даже хихикнула от удовольствия. не рассказывай маме. — добавили мы. через день или

через несколько входим на кухню и видим как марина с хитрой рожей рассказывает мою посуду маме слово в слово анекдот про партизан. мама с интересом слушает — кивает головой — уже приготовилась улыбаться. мы пришли поздно — марина глотнула побольше воздуха заколотила кулаком по кухонному столу и заорала восторженно: открывай ёбана мать! открывай ёбана мать!.. кричала бы и дольше. мама с перепуганным зверским лицом подлетела к марине и принялась хлестать ее по губам мокрой тряпкой. марина отбивалась и орала что подожди дослушай. мы опять оказались на полу — в лужах хохота. мама смотрела на нас и недоумевала еще больше. марина визжала и пыталась продолжать рассказ. опять упомянулся ёбан. мама стала трепать сестренку за волосы — и как нам тогда показалось колотить головой об стол. но анекдот марина закончила. мама ее отпустила — вся очень растерянная красная непонимающая что происходит. тогда марина разревелась — правда с победным нисколько не обиженным видом. зачем ты меня избила? — сыпала слезами сестренка. — это же анекдот — это же такое имя — ёбана мать это же мать ёбана.. (мама неуверенно замахнулась тряпкой.) это же мне денис рассказал.. ты бы тоже была ёбана мать если бы его звали ёбан.

з л ю щ и е к л е щ и и р и т а

на второе лето нашей семейной жизни мы с ритой ездили к родителям моего отца — под белую холуницу в деревню пеньба — кажется на пару недель. нестарые тогда старики весело рассматривали мою двадцатилетнюю жену — красивую худенькую — на полторы головы меня ниже — в сером сарафане — с брекетами на зубах — студентку бессмысленного отделения психологии. они друг с другом еще не виделись. на нашей свадьбе не было гостей. холуница не так далеко от нолинска — но я и рита жили тогда в другом городе. бабушка угощала нас рыбными котлетами и морсом — а дед крепленным вином и водкой. мы ели и пили — не теряя сил. дед тоже бойко опрокидывал рюмки — и приговаривал весело: мы скоро помрем. бабушка смеясь заметила: я думаю ты помрешь сегодня. когда это ты последний раз столько пил? они смотрели на ритку ласково — а на меня сурово. мне казалось — они осуждают меня за то что я мог тронуть такую птичку такого ребенка — (и до сих пор продолжаю наверное трогать). они не верили хорошему блеску ритиных глаз — они не знали какая она бывает. после обеда мы гуляли в окрестностях пеньбы — сидели на траве — дед тоже был с нами — водил ритку под руку и рассказывал ей про то как строил воткинскую гэс. а к вечеру топились баня. но мы не могли дольше ждать. бабушка с дедом ходили за нами по пятам — поэтому я взял ритку за руку и потащил ее в баню — объявив что нам нужно осмотреть друг друга — вдруг прицепились клещи. дед сказал: какие еще клещи?.. а рита сказала: злющие. в узком предбаннике я трогал — свою смешную ритку — все что на ней было двумя движениями скатав на живот. рита твердила: мой сладкий мой милый. я наставил ей синяков. каждой капелькой пота риты я мог бы тогда умыться — напиться и досыта и допьяна.

п а р и к м а х е р ы в н е л ю б в и

парикмахеры — очень желанные девчонки — а сами они желают в несколько раз больше того что желаем мы. их мысли — только о сочных грубостях любви. это понятно: ведь они имеют дело с волосами. а что такое волосы как не грубая эротика заставляющая пунцоветь? и это не профессия делает их такими — как бы не так! — наоборот наиболее терпковато-свинские пирожные-девчонки уверенно оказываются внутри такой непристойной профессии. как вы считаете о чем они думают целыми днями пока стригут — пока перебирают волосы? эх — да что там: они не думают — а текут как патока. они трутся о кисти завернутых в креслах мужчин — и мелодично ойкают. мы вежливо улыбаемся их голосам. но приходят летние дни — и парикмахерам надо бы разбежаться в отпуск. ведь летом все мужчины разгуливают бритые — и в парикмахерские не идут. их жены в халатах на голое тело дома скоблят им головы — мужчины их благодушно гладят — горячими ладонями по прохладным ногам — а парикмахеры сидят в пустых креслах, прислушиваются к радио и кондиционеру — и грустят. в отпуск — конечно в отпуск. но кто их отпустит — на целое лето и сразу всех? и они выходят на крыльцо — сидят на поребриках — много курят. весело смотрят сначала в лица — а потом в спины проезжающих бритых велосипедистов. в их веселости — грустный вызов. иногда чего-нибудь крикнут — например: у вас неприличные ноги, мужчина — не желаете ли постричь? иная из них поправит подол — чтобы открыть трусики. бритые мужчины проезжают мимо — и ноги увозят с собой — в разные стороны — улицами города. а парикмахеры возвращаются в душистые залы чтобы стричь недовольную тетеньку или плачущего ребенка и мысленно пишут заявления об уходе.

п а н а м ы

не стоит жалеть о времени — о ненаполненных пользой днях. а надо вот как мы сегодня: поехали в лему на мотоцикле — прокатиться туда так просто — нагрузив питья и еды. ехали ехали — проехали километров двадцать. с утра было пасмурно — вдруг вышло солнце — и уверенно закрепилось над нашими головами. можно щуриться — а зачем? панамы свои мы оставили дома. думали секунду — или пару секунд — и развернулись — чтоб взять панамы. они у нас красивые — новые — из чистого хлопка — темные как у болот трава. до лемы мы засветло десять раз успеем. а обратно можно и в темноте. еще лучше даже. бензиновый полонез над фиолетовыми холмами. валторна фары сквозь сиреневый луговой воздух.

м е д о в а я л е п е ш к а

у мужа вылезла дрянь на шее — сразу за ухом — ниже к челюсти. блестящая красная — вот гадость. не хочется и называть такое. жена обещала посмотреть ему какое-нибудь средство — в домашних своих тетрадках набитых вклеенной пользой — в дурацких вырезках про здоровье — в старых невыброшенных отрывных календарях.

это было утром — перед выходом на работу — когда муж злился натягивая штаны — а голая жена не надев очки сидела на столе и огорченно смотрела в форточку — ей тоже выбегать на сизый мороз — тоже ехать — в другую сторону — толкаться в автобусе — не пришлось бы ловить такси. приходи пораньше. — сказала она мужу. — я тебя вечером полечу.

день выдался обычный зимний. на коричневой деревянной станции жена колдовала в синей форме железнодорожницы — под свист поездов на казань и ижевск. муж в неясного цвета комнате где-то неподалеку от сквера шпагина стучал на компьютере и что-то чертил. в вятских полянах поставили елку — даже три. муж видел одну из них из своего окна.

этот декабрь такой тревожный. радиостанции бубнят про скорый новый год. повсюду елочные базары. в детских садах идут утренники. а тут то и дело неизвестно зачем сжимается горло — и рвется сон. неуютно шевелится сердце. возмущается кожа. и хочется насквозь пропахнуть успокоительным и купить велосипед. лучше даже три-четыре. суру — салют — и каму. две камы. надо меньше пить и меньше работать. — думает муж. и то и другое трудно.

после работы муж зашел в рюмочную. порция уржумской водки и треугольный татарский пирожок. сумку поставил на стол — вернее на столик. стало веселей. очень глупо. — подумал. — сейчас захочется кому-нибудь названивать.

вышел на воздух. ну вот разумеется — захотелось. лена с ним раньше работала. они иногда встречались. изредка — но до исхода сил. не от неверности-некрасивости душ — от глубокой симпатии друг к другу — от вятскополянской нежности. лена всегда кричала — прогибала спину — тяжелыми ногами била в диван и в потолок — не стесняясь невидимых соседей вокруг своей незамужней квартиры — мужу это очень нравилось. лена была хорошая — настоящая искренняя подруга — такую только на плечах по улицам носить. на столе фаршированные перцы — напротив лена. ленины пальцы расстегивают ленины пуговицы — появляются самые грустные в мире ленины соски.

муж пришел домой часам к одиннадцати. с запахом — но не пьяный. жена спала. под настольной лампой — блюдечко и записка. в блюдечке плоская бурая странность не то из теста не то из глины — размером с рюмочное дно. лейкопластырь и ватный диск. в записке написано: 'медовую лепешку прикрепить на ночь. можно еще обмотать шарфом'. поднес к глазам — надкусил эту штуку — вкус меда, муки и горчицы — яснее ясного — больше ничего.

лампа гаснет. через минуту вспыхивает — а может быть через полчаса. жена спит как спала — не притворяется — что-то видит во сне и по-сонному дышит. муж сидит на столе. в свете лампы режет ножницами пластырь — медовую лепешку укладывает на ватный диск — наклоняется над круглым зеркалом. неудобно — темно — весело — очень глупо — куда-то за ухо на небритую шею — клеить липкую каракатицу.

полоски пластыря скручиваются и не держат. пальцы их комкают — режут новые. лампу можно выключить — потому что все равно от нее нет толку — потому что муж с закрытыми глазами осторожно плачет навзрыд — и делает все на ощупь.

(наш личный смертельный враг — тот кто подумал что сидящий на столе с медовой лепешкой на шее муж плачет лишь потому что ему стыдно перед женой).

(может быть боги за нас заступятся. или за медовую лепешку. вытрут наши слезы — как свои собственные. ну пожалуйста).

п у с т ы р н и к

в горечи пустырника — крахмальность мира. вкусом этой шершавой травы соединяется все что живо. стебель пустырника — нить с которой мы все сплетены — неважно куда каждый из нас бы вился — в какую сторону. запах пустырника — запах жизни. пустырником пахнут глаза живых. мои — моих близких. когда мы умрем — может быть станем пахнуть как луговая герань. это так. только так. у сухих дорог или на мусорных кучах мы видим его фигурные листья-ладони — и наклоняемся чтобы их поцеловать. мы выкапываем кустики пустырника и рассаживаем по всем нашим комнатам. на кухне и на балконе.

с ч а с т л и в ы е

когда август сердился на агнешку — свою жену — грозился прострелить ей из пневматической винтовки обе коленки и оба локтя. (будешь ползать по дому на животе — и говорить: бу.. бу..) когда агнешка сердилась на августа — хваталась за ножницы и направлялась в ванную чтобы остричь у себя огромную рыжую красоту — которую август заставил вырастить — которая лезла через любое белье и поражала женских врачей и подруг в сауне. (хватит мне ходить как краковской ведьме!)

e l s a o l e t k o h t a l o n l a p s i
э л ь с а — д и т я с у д ь б ы

*музыка — эрик линдстрём. оригинальный
текст на финском — мартти иннанен. ори-
гинальный текст на русском — денис осокин.*

эльса — ты дитя судьбы. на станции яянекоски близ ювяскюля в озерном краю ты машешь поездам идущим на тампере и котку. эльса — ты дитя судьбы. твоя судьба в ветренной оулу ловит рыбу в фуражке помощника капитана. его траулер как раз сейчас заходит в порт. почему у тебя такое счастливое лицо? почему

ты смеешься? твое сердце больше чем поезда. оно больше чем море. эльса — ты дитя судьбы. ты купила желтые босоножки. и машинисты знают об этом.

п. с.

я рылся в старых очень блокнотах в поисках каких-то адресов и встретил карандашную надпись 'п. с. пахла арбузом' — с восклицательным знаком в скобках. я сразу вспомнил что п. с. означает — пизда светланы. зачем я тогда записал? наверное чтобы однажды вспомнить — и сунуть в литературу. мы коротко дружили в осенней перми на каком-то фольклорном съезде. вечерами я таскал ее на плечах. на набережной камы говорил: я не мытый. — и целовал руками ее светлую теплую голову. мы устраивались на октябрьских тротуарах — как-будто мы где-нибудь в италии — в безымянных заросших оливами почти что морских городах. я все время удивленно думал о том что ворошить свету ртом — как вдыхать арбуз — до чего же это здорово. даже невозможно — а все-таки! арбузная свежесть протекала в ней — я и сам таким становился. она приезжала в пермь из судогды если не из юрьева-польского. говорила что видимо скоро будет жить в кинешме замужем.

д я д я в о в а

мне приснился мамин младший брат — дядя вова — и сказал: денис — тебе сколько лет? в августе будет двадцать восемь. — я ответил. а мне будет сорок один. — продолжал он. — и я до сих пор занимаюсь физкультурой — и летом собираюсь с друзьями в грузию. — дядя вова улыбнулся. — может быть даже поедем на мотоциклах. странный какой-то разговор. тем более я упорно знал что он очень важен. утром я сразу подумал о том что дядя вова полгода как умер — умер от странности сердца в сорок лет. с мертвыми я говорить привык — но эта беседа меня взволновала необычно сильно. она и сейчас не выходит у меня из груди — качается там бесконечной грустью — как желтая лодка-качели в парке приморского города.

к о т е н о к и щ е н о к

анна хочет котенка и щенка — но в доме для них нет места. анне пять лет — и котенок с щенком как две половины солнца. анна сидит под столом и задирает к голове свои ступни. соединяет их — гладит — подносит к губам: играет с щенком и котенком.

в у р ж у м е о с е н ь ю

футляр от аккордеона — стол за которым сидят друзья. сам аккордеон лежит неподалеку. друзей трое. на футляре-столе — личные вещи августа — который ушел вчера: яблоки — съедобные растения — (корни и трава) — грушевое здешнее вино

в португальской шаровидной бутылке. в соседней комнате зазвенел телефон. хозяин дома улыбнулся и вышел. пока он разговаривал — кто-то из друзей взял в руки аккордеон и наиграл гимн латвии. хозяин вернулся — уселся на пол рядом с остальными — наполнил стаканы. сказал: он сейчас в цепочкино — переплывает вятку. жанна звонила — видела его. — на спине плывет? — спросил игравший гимн. — на спине — как обычно. — за плывущего в волнах. — третий друг встал на ноги и сделал золотистым стаканом приглашающий жест. они пили за август.

к у р н и к с в и н о м

в лесных заболоченных деревнях коми — где близок холодный океан — где небо все время движется — где мы обретали в течение жизни самые лучшие ее куски — куда добираться по несколько суток — поездами вездеходами лодками — где жизнь проста и нежна как топор — как пешня прекрасна и подлинна — где женщины живут вечно а мужчины не умирают естественной смертью — курником почему-то называют большой пирог с рыбой — обычно с хариусом или с сигом — а вином разведенный сырой водой спирт неизвестного происхождения. наевшись курником напившись вином — в октябре или в напоминающем ноябрь августе — мы бросались в обжигающие серые реки — в мокрое небо с изгородей и крыш — чтобы утонуть или не утонуть от полноты жизни — разбиться или не разбиться.

п и с а т е л ь № 2

вспоминаю диалог со старым приятелем в большой весенней казани. весь вечер мы цедили 'рябину на коньяке' у него в кухне. все окна были настежь — раскачивался балкон — скрипел свои оттаявшие песни. мой дорогой. — ласково говорил приятель — наполняя гигантские фужеры. — я вывел для себя алмазную формулу — и готов спалить за нее свою голову на газовой горелке: в нашем городе много писателей. но писатель №1 — это ты. писатель №2 — женья дудкин. и наверное я — писатель №3. и мы заслужили называться лучшими. мой милый. — отвечал я — обнимая друга, наливая 'рябины', закуривая, поднимая палец к выбеленным небесам. — ну что же ты говоришь такое! ты ошибаешься — и я сам спалю свою башку за исправление твоей ошибки. писатель №2 в нашем городе не дудкин — писатель №2 в нашем городе ты.

з е м л я

что мы знаем о земле? довольно многое. мы произносим это слово с наибольшим напряжением души. вода и ветер земли не слабее — но нас не пугают. небо мы плохо чувствуем — улыбаемся и над ним и ему. ветер для нас — имя самого любимого и равнодушного бога. земля — бога самого любимого и страшного. именно запах сырой земли способен свести с ума в долю секун-

ды — раздавить с одинаковым успехом и радостью и ужасом. цепенеть от ветра — самое большое что мы в жизни любим. прогулка по пашне — самый сильный для нас поступок — на большее мы вообще не способны. главные знания о земле можно свести к девяти пунктам. 1) земля всегда женщина. неважно какого рода имя ее в языке. и есть ли вообще в языке категория рода. 2) женщины больше всего на свете любят на нее ложиться. им не больно — ни на гравии ни на щебне ни на мокрых разбитых мостовых. они боятся испачкать одежду — поэтому обычно раздеваются догола. им не так страшно оказаться застигнутыми и не успеть одеться — если ложатся на утренних пирсах или на ночных тротуарах во всех местностях. (этого боится мужчина.) обычно бывает такая картина: с расстегнутыми брюками мужчина лежит на совершенно голой женщине — сливочной спиной трущейся по любой земле. он сильно удивлен. 3) каждому человеку для удачной сексуальной жизни *совершенно необходимо* практиковать контакты на земле: на холмах — в лугах — на песке — на осенних листьях — где угодно. чем чаще — тем лучше. но хотя бы один раз в год. иначе внутри все просохнет — и год будет прожит вне земли. 4) мужчинам полезно мастурбировать на землю. продляется жизнь — и мужское здоровье. для мужчин это вообще почти универсальное средство от многих житейских бед. у женщин вот нет такого простого способа. 5) земля бывает празднична — (беременна или же именинница — у кого как) — в разные дни в июне. поэтому совсем не шутки страшные запреты на нечуткость к земле допустим русских зеленых святок — особенно в духов день — и всех нерусских эквивалентов этого периода. сегодня вот между прочим семик. с самого утра мы только о земле и думаем. 6) звук [э] — позывной земли. 7) бывает в течение часа или двух — или половины или целого дня — ходишь с тяжелейшим чувством будто лопата или кусок земли лежит на твоей груди — и ощутимо давит — затрудняя жизнь. в такие моменты обычно занимаешься текущими делами — не бросаешься взбудораженный в кровать или к мерзавцу-доктору. землю эту с груди убрать трудно. иногда помогают продолжительные горячие телесности: физические исступления любви. чем старше мы — тем чаще с нами случаются эти неприятные земляные приступы. так проявляется страх смерти. это он пришел — и лег без примесей — без неба без воды. надо по возможности не обращать на него внимание — чтобы не сделать себе еще хуже. приступ пройдет. 8) горсть земли в инвентаре колдуна — предмет номер два. под номером один — поясок с узелками-ветрами. самый сильный колдун — тот кто больше ничем не пользуется. у человека ведь две руки. 9) больше всего о земле знают чуваш. и называют ее словом *щер* (çĕр).

в е с н а в л у з е

в марте — даже не в апреле — правда в марте на редкость горячем — почти без снега уже — на рынке города лузы — севернее которого Кировская область переходит в архангельскую — девушка покупала купальник. стояла за раскладушкой-прилавком внутри палатки — в синих джинсах — с голой ко всем спиной — к продавцу грудью.

пасмурное но теплое солнце и весь лузский рынок на нее осторожно смотрели. спина в родинках. куртка на раскладушке. лифчик и кофточка в руках у продавца – раскрашенной грустной дамы. руки девушки шарили по спине – пытались справиться с блестящей застежкой. нет – не то. руки освобождают от оранжевых бретелек плеч. продавец неодобрительно протягивает ей привычную белизну. девушка ее – на себя и шелк. одевает кофточку и куртку. движется по рынку к выходу.

ф е д е р и к о г а р с и а л о р к а

в мазовецком городе здуньска-воля – во время большого веселья – к нам подошел сильно выпивший войчеховский и спросил кто у нас самый любимый автор? войчеховскому было лет тридцать семь – он успел изучить философию и теперь изучал математику в познани – в школах преподавал что-то. гарсиа лорка. – ответили мы. войчеховский медленно поднял глаза. ни слова не говоря подошел к шкафу – и застучал о него головой. да так сильно – что шкаф гудел и качался. очки у войчеховского слетели на пол. а все вокруг перестали тискаться и курить – и на него уставились. мы впервые столкнулись с такой адекватной реакцией на имя лорки. поэтому сами немедленно кинулись к шкафу – и застучали головой в другую его дверцу. о! о! – кричал войчеховский. о! о! – кричали мы. в наших действиях не было и капли фальши. фиолетовый лунный лорка может быть это видел. нашу зависть от хрящей души. нашу костяную ногтевую радость.

н е в е с т а

самое большое любовное удовольствие – а может быть это и самая большая земная радость – крепко засовывать в свою невесту. стоит жениться чтоб испытать такое. и многое вынести в будущей жизни ради воспоминаний о предсвадебных днях: неделях или месяцах. невеста – слово-то какое прекрасное! вот она улыбается и дышит – легко утягивается на старый диван. по вашей просьбе стаскивает с себя колготки – раздвигает ноги и говорит: вот. вы говорите: поиграй с собой милая. и невеста вас немедленно слушается. ее пальцы – умелые длинные – аккуратно шевелят любовный огонь. ваша невеста – керосиновая лампа – прибавляющая пламя своего фитиля. вы любуетесь – вырываетесь от брюк и на это пламя ложитесь – и невеста издает стон. в комнате криво задернуты занавески: в их щели глядит зима. это длится и длится – длится и длится: диван потихоньку стучит. я сейчас закричу. – говорит невеста. вы отвечаете ей: кричи сколько хочешь. но она не будет кричать – а только вас прикусит: по дому шуршат родители телевизор и младшая сестра. что мне сделать? ну что мне сделать? – зацелованным голосом шепчет. – хочешь я буду тебя целовать? хочешь я всё поцелую? вы качаете головой. вы не в силах остановиться. успеете с поцелуями – вы ведь даже еще не женились – вы ведь друг друга не разлюбите. исчерпаны все отсрочки – не получится больше ждать. лампа-невеста лежит забрызгана. ваша голова на ее животе. ваша невеста вытекает вам на ладошку. голос вашей невесты кругами расходится – в полумраке как по воде: я тебя очень люблю. потная раз-

давленная щепотка вашей опрятной невесты — это она: которая обещает океаны. руки вашей невесты тянут вас за плечи. диван опять застучал. в поцелуях дышать трудно — но вы не можете расцепиться ртами как нельзя соединить невестиних длинных ног. из-под щели под дверью потянулся табачный дым. это отец уселся на унитазе с сигаретой — и открыл туалетную дверь: чтобы было вернее думать про то как его сын обет свою невесту — будущую жену — в комнате именуемой в доме детской.

ч а й н и к ч а я в л е т н е й з о л о т и ц е

цедить чай с бальзамами в сорок пять градусов — с утра до вечера — изо дня в день — вот что здорово. сорок пять градусов — это крепость бальзамов — а не погода за окном. хотя одно с другим здесь может совпасть — в зимние самые месяцы. скрипеть одному — полами большого дома и двуспальной кленовой кровати — здорово и роскошно. задвижками черных комодов гукать. свистеть тусклым чайником. в него мы добавили уже бальзам. ведь сам по себе чай — большое свинство. сколько раз в своей жизни мы еле сдерживались чтоб не плеснуть чаем в рожи — хорошим людям любезно предлагавшим его нам. пейте сами. мы — нет. ведь первая половина нашего сердца — финская. вторая — балканская целиком. в сербии и македонии на чай просто мочатся. если используют — лишь как самое дешевое рвотное. здесь напитки — вино и вода. разбавляя как можно. как позволяют твои обстоятельства. финны дуют прозрачные соки, мутные морсы и кисели. и разные травы. чаем же начинают патроны и убивают фригидных жен. финские женщины покупают чай чтобы сыпать мужчинам в волосы — тем кто сильно их чем-нибудь обидел. например посмеялся — отказался взять замуж. у мужчин от этого вся сила рушится. под финнами мы имеем ввиду всех финнов — и коми и вепсов и мари.. мы в доме одни. не считая белого моря — прохладой дышащего нам в окна. с текущим над ним небом. не считая золотой пустоты — с дребезжащим внутри нее чайником.

я д у м а ю о т е б е

так говорят французские женщины мужчинам которые им симпатичны. так письма свои подписывают. очень приятно и легко — нежно и равнодушно — по-настоящему и без страха потерь. странные они какие-то: отрываются от тротуаров когда бегут навстречу и худеют от любовных огорчений. в самом очевидном смысле — никаких метафор здесь нет. мы же видели. мы тоже их не забыли. похудеть от любви и нам бы сейчас хотелось.

а н г е л

антон начисто выбрил своего антона — того самого — и решил что он у него теперь похож на ангела. об этом мне смеясь рассказала ира — его жена — незадолго до того как перестала на мне прыгать. мне было совсем не смешно. оказыва-

ется и ангела я обидел. с тем что антон ко мне хорошо относится я как-то давно смирился. а теперь — я так думаю — нежная светлая дорогая мне с детства ира соскользнула с меня в последний раз — и попросила подать полотенце.

л а с т ы

человек придумавший ласты — наичудесный. с ним мы обязательно подружимся на том свете — будем много разговаривать о ластах когда умрем — издавать журнал 'ласты' — и снимать про ласты продолжительное кино. а пока мы еще на этом — не устанем любить эти тяжелые перепончатые резины — смеяться над ними и всячески пропагандировать. покупать и дарить: знакомым детям к настороженности родителей — знакомым взрослым к улыбкам их жен и мужей. в ластах можно и плыть — и прыгать по берегу. и утопить одну ласту — чтобы потом до одурения за ней нырять — все озеро взбаламутить. можно в ластах лечь на голую анastasию. хохочущая анastasия тоже в ластах — задирает ноги как можно смешней. хоть на берегу в сырых лютиках — хоть дома на большой кровати. зачинать веселых детей — которые больше всего на свете полюбят воду. а когда они родятся — дарить им ласты. вместе печатать песок и ил. одевать ласты на руки — топить их. не ранить ноги в незнакомой воде — можно даже бежать бегом. в один прекрасный момент эти самые дети обязательно раздурчатся и сделают нам какое-нибудь паскудство — и тогда мы сможем роскошно отдубасить их ластой — сорванной хоть с нашей хоть с их ноги.

л а д о н ь

стол — протянутая к людям ладонь богородицы. — говорили на беломорье. мы бежим без шапки навстречу этим словам. мы бы хотели коллекционировать столы — и заставить ими всю свою землю — за домом и перед ним. не выращивать же на ней огурцы. земли у нас не так много. когда она вся покроется столами — мы будем ставить их в этажи. пакостить за столом и его пачкать — значит плевать в протянутую ладонь. столы — на целую книгу. мы уверены в двух вещах: правильно на столе зачинать детей — и ставить на стол гроб. хотя гроба вообще не должно существовать в предметном мире. значит урну. каждый предмет — который однажды побывал столом — оторванная дверь, сплюснутая коробка, упомянутый футляр от аккордеона, капот 'нивы' — наполняется чистотой и святостью. хорошо бы пойти в столовые инспекторы — и обходя с суровыми лицами дома людей — отбирать столы у тех хозяев — которые их обидели.

н а р у с а л к и н о й н е д е л е

сколько раз я пытался уехать из города — встретить ночь на понедельник на русалкиной неделе где-нибудь в прибрежных полях — у озер или тихих рек. наблюдать — фотографировать — или просто не спать — сидеть на земле с керосино-

вым фонарем. в эту ночь водяницы качаются на пленке воды — в гибких кустах играют их безрукие дети. в оврагах и на дорожных развилках — танцует смутная жизнь — смутная смерть смеется и копошится. в эту ночь земля открывает свои тайны всем кто готов их увидеть. сколько раз хотел — да все зря. вот и в этот раз ничего не вышло. съемочную группу собирался с собой везти — на светлую реку пажиму. на пажиме всю ночь не спать — караулить рассвет — ходить босиком — слушать ушами землю. но в троицкую субботу стало холодно как в тундре — небо зависло над столбами серым утюгом — полил бесконечный ливень. мы бы никуда не проехали — а проехав ничего бы не сняли. что и следовало доказать. ну ладно. украшенная праздничная земля не хочет городского любопытства — и я в который раз с трепетом встречаю ее решение — обзваниваю всех — отменяю съемки. на ночных холмах пажимы не свернуть бы любопытные шеи. земля оберегает нас. в бормочущем темном ливне без нас прошла духовская ночь. на размытой границе реки и неба русалки плескались одни — а съемочная группа напившись пива в уютных домах обнимала жен и видела странные яркие сны.

р а з г о в о р

мы ехали с незнакомой коллегой людой поздно ночью в такси домой с дня рождения нашего большого коллектива. ехали долго и молча. может быть минут сорок — несмотря на то что все улицы и перекрестки с мигающими желтым светофорами были пусты. может быть поедем к вам — люда? — спросил я за пять минут до своего поворота. — ко мне невозможно: жена и дочь — и все со мной в одной комнате. люда ответила: у меня родители — неудобно. а что родители? — продолжал я. — есть у вас своя комната? — есть. — пройдем и запремся. — неудобно — не стоит. я пожелал ей спокойной ночи. она пожелала того же мне. я вышел — а люда поехала. она еще отдаленней живет. я был ей так благодарен за этот разговор. ступал по улице как олень хрустальный. слышал внутри себя такую сладость, такой телесный гул — как будто мы неделю пили друг друга с людой в двухместном купе майского поезда идущего из москвы во владивосток, из москвы в улан-батор.

д ы м я щ е е с я з е р к а л о

тескатлипока — американский бог — никогда не жил на реке свияге. когда-то там жили мы — восхищенные его удивительно жуткой сущностью. дымящееся зеркало — тескатлипока — был скорее суров — и способен на очень многое. он учил колдунов. возбуждал льды. прибывал на ночные банкеты — отпечатывая на муке рассыпанной у порога след единственной своей ноги. все видел — все знал — всем мстил. в самом страшном своем облики тескатлипока являлся без головы — имея в груди две хлопающие дверцы. каждый кто слышал их стук — падал лицом вниз от ужаса. когда-то мы изгоняли родителей со свияжских дач. привозили туда филологических и ветеринарных студентов. игра с названием дымящееся зеркало заключалась в том — что кто-то из нас привязывал к груди две лакирован-

ные дощечки. (несложную конструкцию спроектировал я). если резко шагнуть или подпрыгнуть — они глухо брякали. можно было постукивать ими с помощью рук — или красться неслышно. на лбу тескатлипока укреплял кукольное зеркальце. мы выходили на луг — полный летними звонами. на полукруг луга — между полосой шиповника и дугой оврага. все завязывали глаза — и бежали от тескатлипоки. тескатлипока тоже имел на глазах повязку. но изредка подглядывал — ведь бог — противоречивый, непредсказуемый. впрочем это было его официальное право. неофициально подглядывал каждый. если тескатлипока ловил кого-то — хорошенько стучал тому досками около уха. и пойманный оставался неподвижно лежать на земле. только лицом к небу. подавать голос чтобы не наступили. как-то тескатлипокой был юрий. поймал веронику. я подглядел — а вероника юру целует — а юра хватает ее за титьки. потом вероника упала — а юрий за мной побежал. я подумал про него: разве ты бог? — ты гнида. первым именем тескатлипоки было сердце гор. хозяин пещер — виновник землетрясений. вторая нога была у него кем-то оторвана. свое испускающее желтый дым зеркало тескатлипока любил носить на обрубке ноги. в свяге никогда не водились пираньи и барракуды. но закинув в свягу удочки и резинки мы когда-то терпеливо ждали их — усевшись на сыроватый берег на дощечки тескатлипоки. роднее тескатлипоки и ближе разве может нам кто-то быть? разве есть нам кому молиться из числа других покровителей? разве что уткам и желтой пуговице.

ж е с т я н а я п е с е н к а д л я а л ь б и н ы ш и ш к и н о й

где-то она вычитала как сделать себе сюрприз — маленький подарок — ко дню рождения. в течение года записывать все приятные слова услышанные в свой адрес — на отдельных маленьких карточках. эти карточки опускать в жестянку из-под кофе. в день рождения — открыть. такая вот идея. я хмыкнул — когда услышал об этом. и я видел альбину спустя год — в ее праздник. мы даже вместе в тот день проснулись. пока она напевала в ванной — я бегал на трамвайную остановку за хризантемами. вернувшись — усадил чистую именинницу на край стола — приоткрыл ноги — поцеловал в намытую середину. подожди. — сказала альбина и метнулась в комнату. вернулась с кофейной банкой. хитро потрясла ей. крышку поддела вилкой. высыпала на ладонь аккуратно нарезанные карточки — исписанные красивым почерком и цветом. их было штук восемнадцать. альбине исполнилось примерно столько же лет. комплименты ко дню рождения. — пояснила альбина. она их читала читала — сидя в расстегнутом пижамном верхе на краю стола — а я согнувшись на табуретке сажал и сажал ее себе на язык — всю целиком всю сразу. альбина вздрагивала — и гладила меня по затылку. какая ерунда. — время от времени говорила она. — я и так все помню. я бубнил снизу: ты дура.. глаза я тоже тихонько макал в альбинину клейкоту — чтобы не выплеснуть на пол отчаянье о кукурузной юности — которая пока что с нами. о жизни — которая еще не кончилась.

распоряжение глав администраций нолинского уржумского котельничского белохолуницкого лебяжского лузского малмыжского яранского вятскополянского пижанского подосиновского омутнинского мурашинского юрьянского унинского районов Кировской области о числе два

мужчине нужны две женщины — ведь у него два бока. и две бутылки вина — ведь у него две руки. время от времени мужчина может отдыхать от женщин — играя на тромбоне. женщины в это время могут пополнить на рынке запасы вина и морской рыбы.

и з м о р е н а с ь м

весела ангелова грустила оттого что никто не хотел танцевать: все расселись по комнате и болтали разные глупости. мы подошли — спросили: веси — ты что устала? да устала. — ответили черные глаза — черные волосы — винные губы. а как по-болгарски сказать 'я устала'? — нам не хотелось от нее отходить. изморена сьм. —дохнула весела как родопский ветер. замигало кометами — шьющими праздничный жилет неба возле пирин-горы. потянуло бесконечностью — высланной по овечьим спинам. танцами бесснежной зимы. исчезли потолок и стены. мы взяли ее за руку и вывели из комнаты.

с т о л и ц ы

мы видим единственный повод проживать в больших городах, в столицах: наличие в них крематория. в уржуме и в летней золотице крематориев нет. точно так же традиция хоронить в гробах — единственный повод для эмиграции из россии.

с а л о м о е г о м у ж а

за столом нас было человек сорок. была середина марта — и мы наконец-то уселись чтобы женщины поздравили наших мужчин — а мужчины наших женщин — с соответствующими прошедшими праздниками. на столах среди прочей еды где-то было разложено сало — на вечеринке оно считалось особенно вкусным. лично нам казалось что только вокруг этого сала и точился праздничный разговор. праздничный народ рыскал по столам глазами и вилками. сосед подкладывал соседке — чтобы смазать будущий взаимный интерес. а сала не передадите? — кричали то там то здесь. вкусное сало принесла лидия арнольдовна — наш библиотекарь. она сидела напротив нас. лидия арнольдовна! вы прелесть! — кричали ей. — расскажите как вы его делали! делала не я — а муж. это сало моего мужа. — отвечала лидия арнольдовна — меланхоличная дама — с огромной стрекозой на коричневом пиджачке — с высокой прической — в газовом шарфике — полжизни прожившая с мужем-пограничником на курилах. вскоре после

того как реплика упала — мы подняли на лидию арнольдовну глаза и увидели что она сидит как гранат красная и что-то шепчет самой себе. мы прислушались. это сало моего мужа. — бормотала она задумчиво — и старательно зажевывала какую-то гримасу. что-то явно поднималось к ее губам из глубины груди. лидия арнольдовна вдруг захохотала — так что все подпрыгнули. мы ни разу не видели как она смеется. лидия арнольдовна говорила редко — ко всем обращалась на вы. теперь же она смеялась примерно так — как может смеяться в цирке какая-нибудь пятилетняя девочка — до дурноты. сала давно не осталось. большинство наших женщин и мужчин танцевали или курили по коридорам. в полную силу сплетался и вился взаимный вечерний интерес. многие уже прихватив куртки не прощаясь убегали на улицу. а лидия арнольдовна все сидела за столом и смеялась — все твердила и твердила: это сало моего мужа.. сало моего мужа..

п р о п а д и п р о п а д о м

прогнать преследующего вас демона — например на недоброй ночной дороге — можно через треугольник ног и земли. нужно наклониться вперед — и посмотрев назад через этот треугольник — сказать пропади пропадом. или модапорп идапорп. то есть перевести эту самую разящую фразу на один из языков антимира. если же демон окажется чересчур сильным и продолжит свое преследование — нужно повторить этот же треугольник — но со спущенными штанами. половые органы ваши и зад должны смотреться как можно бесстыднее. через треугольник следует как можно ужаснее заматериться — время от времени вкрапливая в ругань 'пропади пропадом' и 'модапорп идапорп'. постыдные звуки приветствуются. акты выделения тоже. и так — пока демон не уйдет. хоть час хоть два если даже придется держать оборону. не прогнав демона — дальше ведь вы все равно не сможете идти. мы рассказали об этом юле — дачной соседке. в городе кирове в одном из банков юля возглавляла юридический отдел. какой же восторг был у нее на лице написан! какое желание-любопытство! а мы-то как обмирали пытаясь представить себе отважную ангелицу юлию прогоняющую сильного демона. (господи боже — прости — мы пожалуй рискуем нарядиться твоей вражиной и напасть на соседку. если не трудно — то сделай так чтобы юлечка не палила в нас из пистолета, не брызгала из газового баллончика).

з и м а

да здравствует! — да здравствует жанна! и ее почтенные родители — смелость и здоровье. наша дружба была можжевельново-клюквенным землянично-бузиным чаем — с густым бальзамом конечно. юбки сами падали с жанны стоило лишь мне на них взглянуть. мы просыпались с жанной в пустых электричках — и вспоминали что куда-то едем. ах да — немного на юг — надышаться осенью — попрощаться с октябрем. на осенних реках кутались в чехол от лодки — ледяными носами добывали тепло из щек. в зимних пустых аллеях под железнодорожной линией из накрашенного рта жанны шел пар. снег ложился жанне на рыжеватые волосы. она в ис-

кусственном полушубке. то и дело смотрит на меня издалека, снизу — блестящими умными глазами. я стою — а жанна присела. я тяну ее за воротник — наверх, к своему взгляду. жанна спрашивала: красиво? я отвечал: ты зима. она улыбалась — и не узнавала почему я ее так называю. упругая хрустящая сказка — полная бесстрашия — длинная-длинная — в которой короткие драгоценные дни — в которой рано наступает ночь — пронизанная горячим светом: это зима: и не нужно ни весны ни лета. она понимала, она говорила: ты промочил зиме колготки.. давай уж до дома дойдем.. телеграммы к жанне я заканчивал словами: разбиваю о твою голову керосиновую лампу. океан моей нежности в таком прощании слышала лишь она.

с а н к в ы л т а п

санквылтап — прибор для рождения мансийской музыки. он похож на длинную крытую деревянную лодку — на которую натянули пять струн. все струны одинаковы — но натянуты с разной силой. санквылтап давно мой. вот он — у меня на коленях. я не умею на нем играть. одной рукой защищаю струны — другой приглушаю — так делают мастера. подкручиваю колки. они сердятся — и скрипят туго. фломастерами под струнами санквылтапа неумело нарисованы сцены медвежьего праздника: огромный стол — на нем медвежья голова, рыба-чир и водка. справа от стола — танцующий мужчина. слева — танцующая женщина. женщина стоит спиной. мы видим лишь треугольник стекающего по спине платка. расписанной получается вся 'лодочная палуба'. этот санквылтап подарил моему другу — тюменскому фотографу — слепой манси по имени николай. николаю было за сорок — он говорил что скоро умрет. это он изготовил санквылтап — и играл на нем половину жизни. николай рассказывал между прочим что этот санквылтап хороший — который знает о многом. люди из поселка николая — разрушающегося капкана жизни на реке пельм — рассказывали моему товарищу о том — что молодой николай с братом любили одну и ту же женщину. вместе с ней жили — из-за нее дрались. в пьяной ссоре во время медвежьих дней брат ударил николая по голове кедровым чурбаном — и николай ослеп. вернувшись из районной больницы из того чурбана он сделал мой санквылтап. с братом они помирились. их жена рожала им детей — и умерла при восьмых родах. я виноват перед санквылтапом: редко в руки его беру — он лежит в шубе пыли на четвертой полке под потолком. при этом если мой дом загорится с четырех концов — санквылтап будет первым предметом который я вынесу на улицу.

р а с к л а д у ш к а

я долго мечтал о раскладушке — и вот однажды ее купил. она была сделана в кишиневе. была упругая — и разрисована желтыми листьями. боже — какая красота. из хозяйственного магазина я нарочно шел домой не дворами — а прямыми улицами — чтобы горожане видели раскладушку, а раскладушка — наших горожан. я вручил раскладушку жене и трехлетней дочери — а сам побежал на рынок за свежей форелью и за водкой в фирменный магазин — надо ведь было раскладушку поприветствовать

и ввести в круг семьи. днем раньше я приобрел графин — в виде треугольной колбы. без рисунков — без всяких рельефных глупостей: только стекло — и пробка-шар. я думал по пути о том что дома почищу форель и порежу, тщательно уберу все кости — улягусь на раскладушке у окна комнаты — на табурете справа от себя поставлю рыбу и наполненный водкой графин — жена усядется за столом рядом — дочь будет играть у двери на полу и не мешать нам. я очень долго возился на кухне с рыбиной. отмывал руки потом полчаса — стиральным порошком, жидкостью для мытья посуды и тремя мыльными видами. расправил раскладушку — улегся. она мне любовно скрипнула. придвинул табурет. жена уселась на стуле у моих ног. наполнил две рюмки. на две вилки насадил по ломтику форели. сказал про раскладушку короткую речь. мы выпили и закусили. я зажмурился от счастья. справа от меня раздался оглушительный звон. все что было на табурете я увидел на полу. мои форелины в стеклах графина. пятна водки на раскладушке — и под раскладушкой лужа. яркая юла посреди всего этого. притихшая дочь у двери — ожидающая сигнала захохотать или громко расплакаться — голову в плечи вжать. это был высокохудожественный поступок — развалить юлой мой прекрасный стол. я пошпателься с раскладушкой. мы решили что был дан салют. я сел и показал дочери кулак — который был знаком к тому что можно начинать смеяться.

е в г е н и я е в г е н ь е в н а

евгения евгеньевна родилась в старой майне. это на волге — чуть выше ульяновска. уехала оттуда сразу после школы. выучилась в консерватории в саратове — на музыковеда и виолончелистку. прошла аспирантуру. концертирует. преподает. сейчас евгении евгеньевне около тридцати пяти. русые волосы — коротко пострижена. прыгает с виолончелью из маршрутки в трамвай — где к ней обращаются 'молодой человек — передайте..' иногда подлетает на такси к железнодорожному вокзалу — бежит по переходному мосту — и прыгает в отъезжающий поезд под крик проводницы. в поезде этом уже сидят ее коллеги и виолончель. иногда с белым от ужаса лицом поднимается в самолет — и улетает за границу. иногда сидит в саратовских барах с неизвестными никому девицами — и громко смеется. евгения евгеньевна неудачно побывала замужем — за старпомом с теплохода 'михаил фрунзе'. недавно евгения евгеньевна купила комнату. когда евгения евгеньевна приезжает в старую майну к маме — та с крыльца не здороваясь грозит застрелить ее из поганого ружья. ну что же ты — мама! — сокрушается евгения евгеньевна. — так ведь даже фашисты не говорят! а ты и есть фашист — с такой прической. — отвечает мама и поднимается в дом.

в п о е з д е

из четверых соседей в купе двое уселись пьяные. каждый ехал сам по себе. эти двое быстро сдружились и налили еще по рюмке. оба были башкирские татары. выпив — и не закусив — один посмотрел на другого и объявил: ты не настоящий татарин — по-

тому что у тебя левый ус короче правого. тот страшно разволновался. сказал: ну спасибо тебе.. в ботинках забрался на верхнюю полку и заплакал. потом захрапел. утром был пыть-ях. днем сургут. к ночи — ноябрьск — где они вышли.

К И Н О

в 6600-м / 1092-м году на город полоцк напали мертвецы. невидимые но издававшие стуки и стоны — они целую ночь скакали по улицам на невидимых лошадях — копыта которых оставляли следы — и уязвляли всякого. эпизод относится ко времени княжения в полоцке всеслава чародея. о том как навьи побили полочан упоминается в повести временных лет — в лаврентьевской и в ипатьевской летописях. предивно бысть чудо в полоцке. ночью бывше: стук стон полунощи — яко чело-вечи рыщут беси по улицам.. неизвестно со стороны речки полоты они прискакали — или против течения западной двины? ускакали на псковщину или в латвию? вот такое кино минут на десять-двенадцать. возможно — анимация..

Д Ы М

если грубо идти у обстоятельств на поводу —командировки в район за живой этнографией — это непрерывное глотание спиртного и жесткое покрывание самых ласковых и страстных в мире специалистов районных отделов культуры. естественно мы почти не идем на поводу у обстоятельств. но так или иначе: грусть и отчаянье — нежность и страх — острое ощущение смерти — всегда рядом. всегда трясешься в служебной машине на дороге домой наполненный жестоким укором к себе. и к жизни — дымящейся радостью. с темным лицом. слушать из радио веселую муть. в одном кулаке сжимать в красных нитках холодную пуговицу-ладанку — в другом корвалол не имеющий никакого смысла. перека-тывать внутри себя женский голос: спасибо за вечер. он скоро растворится — как и всегда. не верить что боги позволят побыть здесь еще — среди этого дыма. не ставить преграды проплывающим сквозь тебя блестящим крестам из крашеной арматуры. картинам собственных похорон и похорон своих близких.

П Ы Х Т Е Л К А

бабушка из деревни карадули — что на речке мёше — рассказала мне про пыхтелку. он пыхтит-пыхтит по ночам — и съедает друг за другом всех обитателей дома — которые просыпаются и идут взглянуть на источник пыхтения. а как он выглядит — те-тя лида? — спрашиваю я. надо будет — сам увидишь. — отвечает бабушка. а можно как-то от него защититься? — продолжаю спрашивать. — конечно нельзя. — а можно не ходить — не смотреть — остаться лежать в постели? — можно. только тогда сам пыхтелкой сделаешься: к полудню уже окочуришься — и будешь по углам пыхтеть.

p a n t h e r a t i g r i s a l t a i c a

рассказ володи конькова — изолировщика 'архангельскспецстроя'. вариант для компании с дамами. нужно представить мужской вариант.

мы стояли восточнее сихотэ-алиня — рядом уже татарский пролив. нам не разре-
шалось неорганизованно выходить за ворота части — говорили что сожрут тигры —
но я был сержантом — и выходил иногда. какие тигры у нас в россии? ну хорошо —
пусть рядом китай, японское море. но рожи-то вокруг те же самые. умом
понималось — а так не верилось. только я вышел — на клапан как надавило!.. я по-
бежал на горку к ближайшему дереву. сижу под ним. комары кусаются в голую за-
дницу. я их как могу гоняю. думаю — вот природа. хотя — и у нас на севере комары.
и вдруг — такой рррев! если представить — ничего получится. где-то совсем рядом.
я оглох. подумал что прилетели из космоса или взорвали что-то секретное. огля-
нулся из-за дерева — и вижу как в метрах тридцати от меня огромный как в цирке
тигр ревет и сосну дерет лапой. от поваленной сосны во все стороны летит щепа.
я ползком из-под дерева с грязной задницей выкатился — и побежал к части.
а тигр все это время орал. так я первый раз в жизни увидел уссурийского тигра.

т е п л о х о д ы

летние движения большущими теплоходами — синими мускулами широченных
рек — неделями — а то и почти месяцами: самое значимое зерно детства. эй вы в ко-
рыте! х вам в ж! — весело кричали местные купающиеся — если мы шли к берегам
слишком близко. не утоните там в луже! — добродушно отвечали им теплоходные
мужички с биноклями на пузах. я стоял на палубе рядом с ними — смеялся и дрожал
от счастья. громко клялся бакенам и берегам что поступлю в институт водного
транспорта в город горький. сочинял июньские поэмы про себя и теплоходную де-
вочку. на краю танцующей кормы подпевал феям лета из группы 'комбинация' —
и песне 'воаж'. лучшее что может произойти — с нами в нашей
жизни — это если нас посадят на пассажирский или на грузовой
теплоход и пустят по рекам на как можно дольше.

в а з о н ы

в вазонах венчающих фасады старинных зданий — смерть и готовность
к смерти. плюс любовь к россии. особенно много вазонов в уржуме. и в целом
в Кировской области. многие здешние вазоны стоят разбиты. и смерть
с готовностью и с любовью густо-густо сочатся в головы.

т р у с ы и т р у с и к и

женщина бывает без трусиков. мужчина бывает без трусов. есть ведь разница?

т а н г о с у д ь б ы

одна половина диска здоровья — желтая. другая синяя. валентин стелит газету на неровный деревянный пол — укладывает на нее диск. желтой стороной вверх — так радостнее. комната узкая как пенал. диск лежит между диваном и шкафом. впереди — окно. оно раскрыто. у окна — стол с проигрывателем. валентин опускает иглу на пластинку — и встает на диск. песня называется kohtalon tango — танго судьбы. музыка унто мононена. слова сауво пухтилы. поет эйно грён. когда-то король финского танго. в песне два куплета и два припева. валентин — молодой мужчина — с несколько тревожным лицом. под небыстрые правильные ритмы танго судьбы он поворачивается на диске то в одну то в другую сторону. отталкивается от шкафа под длинный красивый проигрыш между куплетом и припевом. и врывается в припев — долго долго крутятся на диске — поднимая вверх руки — чтобы не удариться об углы комнаты.

в ш а ш л ы ч н о й

красные пластиковые столики — над столиками красные зонты — вокруг них красные кресла — в шашлычной города нн — на верхневолжской набережной — были огорожены металлическим фигурным заборчиком. эта ограда в высоту меньше метра. в сумерках июля стелился дым. горели огни повсюду. и по верхневолжской — и по нижневолжской набережным — и с террас между ними — и с дальних дебаркадеров-кафе — и с чкаловской лестницы брызгали довольные пестрые крики. гудели танцами теплоходы. мигали бакены. в шашлычной не было места — и мы туда не пошли — остались сидеть на поребрике — под липами — полуобернувшись к волге. нам было хорошо видно как по внешнему периметру ограды шашлычной двигалась пожилая тетенька. медленно-медленно. она внимательно заглядывала в лицо каждому сидящему мужчине и твердила с короткими паузами: гад гад гад.. всем без исключения. к ужасу мужчин — и их ослепительно белых спутниц. каждому раз по тридцать. почему-то тетеньку никто не гнал — ни хозяева ни посетители — и она продолжала свое движение от столика к столику. минут за пятнадцать обошла всю шашлычную и исчезла.

х у д о ж н и к и е г о б о т и н к и

что-то сильно мешало виктору в левом ботинке — уже третью или четвертую зиму. но как всякий умный и деликатный мужчина — к тому же чудесный фотограф и художник — он с большим отчуждением относился к собственной обуви — и старался не обращать внимания на легкое неудобство при ходьбе. он прав: мало того что обувь всегда нас запугивает — она еще чудовищно дорого стоит. разваливается внешне — и вот пожалуйста: трать теперь непредусмотренные деньги на эту дрянь.

в обуви гнездится страх смерти. он зацеловывает наши живые ноги. покусывает и жжет их. однако в начале этого необычно теплого января — во время луж — ботинки стали сильно пропускать воду — и виктору все же пришлось набравшись мужества туда заглянуть. он позвал ларису — свою жену — чтобы было не так тревожно. оба вышли в коридор и склонились над ботинками виктора. лариса сказала мужу: их давно пора выбросить. виктор ответил: да — они меня замучили — они в один выход рвут хорошие крепкие носки. лариса сказала: а где одна стелька? виктор ответил: не знаю. а она была? это был как раз левый ботинок — в котором мешало. там и впрямь чего-то не хватало — и проступала решетка. виктор засунул в ботинок руку — и сказал испуганно: лара — там что-то есть. потянул — и вытащил отвратительную черную стельку — сказать правильнее отвратительное черное нечто — неизвестное время назад сбившееся в гармошку и сползшее в носок. стелька была гаже некуда. в трещинах вся — в дырах — лысая и в песке. виктор поднес ее к глазам. лариса сказала: ну ты даешь — витя. у тебя что нет денег? выкини этот ужас. как ты ходил-то вообще? виктор вдруг посветлел и начал смеяться. лариса тоже улыбнулась — действительно ведь смешно. виктор сказал сквозь смех: я не могу ее выкинуть — дорогая лара. ты знаешь что это? это моя душа. удивительно похоже.. лариса фыркнула: ты что серьезно? ты оставишь ее себе? тогда сделай так — чтобы я никогда не видела твою эту мерзкую душу. подальше ее куда-нибудь убери. смеялись они уже вместе. они были давно знакомы. и быстро досмеялись до того что сидящий на полу виктор засунул руку своей ларе под подол — а она протяжно отозвалась. они не скоро вернулись в комнату — так и шуршали в тесноте коридора — попирая ногами ботиночный страх. что же касается души виктора — она висит в его мастерской прямо на люстре. виктор утверждает что она помогает ему работать и жить.

м о р с к и е о к у н и , к а м б а л ы , т у н ц ы ,
г о р б у ш и , т е р п у г и , к е ф а л и , с е м г и

рыба — королева в химии любви. волшебница-королева. это отлично известно. уже один ее вид в магазине или на рынках — замороженный и несчастный — будоражит фантазию тела. искристые эротические абзацы о том что творится с хмурыми бабами — енисейскими или вычегодскими — поевшими к примеру окуневой ухи писали в серьезных трактатах еще дореволюционные этнографы. различный беспозвоночный морской народ — из тех что умнее чем люди — навроде головоногих — еще более сильные королевы и короли: однако им сложнее вскарабкаться на наши вятские столы — поэтому здесь о них мы говорить не будем. некоторая хищная речная и любая морская рыба съеденная желательно в сыром виде обратится в фонтаны и фейерверки — которые ворвутся в нашу спальную комнату — или достигнут нас на пути за обоями в хозяйственный магазин. обои тогда мы бросаем в урну — и бежим в ближайшую сирень, в ближайший подъезд если очень холодно. ихтиотерапия — большая наука — которая должна быть создана. ведь рыба лечит любую болезнь. купить вот хотя бы замученного морского окуна на кировском рынке — такого красного с большими глазищами. рыбины сразу четыре. почистить — и с кем-нибудь съесть: вот и до самого утра праздник! вот и победа над усталостью, над сомнени-

ем! или принести в гости к подруге в пакете пару замороженных тунцов. пока они оттаивают — можно поговорить если есть о чем — или посмотреть телевизор. постоянно забегать в кухню — пальцами тыкать в стальные тунцовые спины. и наконец-то вскочить на них полуоттаявших верхом и начать кружиться по комнатам — со скоростью этих самых красивых и самых удачливых пловцов — целуясь до крови — разбивая плафоны — разбрасывая одежду. можно пропарить жирного терпуга в импровизированной пароварке — и провалиться в душистый густой разврат — опустив жалюзи, задернув занавески — не успев как следует отмыть терпужинные руки — заскрипеть в терпуговом клею! можно в самом начале зимы наесться оранжево-матовой семги — разбавляя ее пожар квашеной капустой смешанной с журавинной-клюквой. и после всю первую половину зимы лепиться друг с другом в хорошо проветриваемой комнате. другую же половину — спать: склеившись до весны.

з а с т о л о м

я сижу за письменным столом. справа от меня стоит стакан пива — слева стакан кваса. ноги в фотографической ванне наполненной шишками. не закрывая глаза я вижу прошедший год: в правом от меня стакане массандровский сурож. в левом — отвар шиповника. шишки под ногами те же. до чего же я — радостная картина: ухватился за жизнь четырьмя конечностями — и сижу. улыбаюсь — даже подмигиваю. продавщице из 'культиваров' при повороте на вятские поляны — ангелу-силуэту на кресте с маковки уржумской пожарной церкви.

j e h o p r a p o r n a d e m n o u j e l á s k a

и знамя его надо мной — любовь.

м о и и з у м р у д н ы е м у л л ы

мне так радостен месяц рамазан! так мне дорог! в нашей волго-вятской полосе он — я думаю — самый светлый. в масштабах изумрудного мира. вполне может такое быть. ведь в аравии и в иране в рамазан солнечно и сочно. а у нас на притоках вятки — пустые улицы и мокрый снег. там сандали и спасающие от жары одежды — здесь резиновые сапоги и утиная тревога небес. листья — сломанные зонты. рамазан подвижен по-лунному — но в последнее время приходится на прохладу: то в ноябрь вдавлен сильнее — то захватывает больше октября. самые северные мусульманские селения — татарские деревни — со всех сторон окружали меня с детства. правочерные ходили — ходят: в месяц рамазан шелестят взгляды — походки пружинят неторопливо: разбиты тротуары — грунтовки разжижены. в глубине спокойных лиц — улыбки-полумесяцы. и на моем лице тоже немножко похожая улыбка. или мне так кажется. благодаря тому что многие живущие рядом люди встречают свой чистый месяц который лучше тысячи осталь-

ных, думают о закованном в цепь шайтане отказываясь от питья и пищи — и наши жизни в это время года становятся значительнее и теплее. в деревянных мечетях горит свет. мы знаем что если туда заглянем — увидим вереницы сапог и калош — расставленных на сплюснутых картонных коробках. деревенские хазраты — вот это личности! они учились на учителей географии в кирове в казани в ижевске. потом — духовному ремеслу в ливане в ираке в сирии. некоторые — в небесном городе хартум — там где река нил распадается на голубой и белый. или соединяется. как кому нравится. учились на отлично — и охотно расскажут вам о запахах судана — если спросите. о библиотеках йемена — о ветре в портах джидды и бушира — о первой своей любви. коран и хадисы мухаммеда — самая сладкая поэзия. хазраты зажмурятся и прочитают вам арабские стихи — халифа аль-валида, аль-мутанабби, аль-удри.. что-нибудь про женские шеи и родинки. глаза у них увлажнятся. скажут: это ведь как коран почти что. они принесут вам гусиного супа пожирнее — и кашу с бараниной — и губадью как солнце. будут сами подливать вам чай и придвигать финики. кушайте кушайте! вы ведь не на посту! рамазан — щедрый месяц! после прыгнут с крыльца в резиновые сапоги — отодвинут ногой индюка от калитки — поспешат в мечеть — меся грязь черки-бикеевских, чубья-чуричинских или урта-атяшевских улиц — балансируя руками. я за ними — и тоже балансирую. мы гуси — я и хазраты. то и дело нам попадаются курящие подростки. хазраты ахают и хватаются за сердца. окликают по именам курильщиков и грозят кулаками долго и выразительно. ветер. галочки крики. вот ведь!.. вот!.. а еще в мечеть ко мне на занятия ходили!.. я их не успокаиваю — а огорчаюсь вместе с ними. как на том горящем зеленым костром востоке мне хочется взять расстроенных хазратов ладонь на ладонь — и так идти. в мечети прохладно. все уже собрались. мы с хазратами разуваемся и проходим в маленькую комнату — где сбрасываем куртки. хазраты нахлобучивают тюрбаны и бегут к ожидающим намаз мужчинам — берут микрофоны в руки — набирают в легкие воздуха — нажимают на кнопки направляющие голоса в хрусткий воздух через высокий балкон. я стою у дверей. надо бы сесть — но мне не сидится. хазраты поют азан. в узких окнах мечети — ноябрьский вечер. вне азана — и месяца рамазан горящего последними рябинами мне трудно представить собственный личный мир. рамазан еще несколько дней продлится. а потом закончится год. в году одиннадцать месяцев. идущий за рамазаном декабрь — уже не год — а чудесная всем награда — подарок от года прожитого — ушедшего в ноябре. я стою у тусклой стены и смотрю людям в спины. и очень жалею о том что среди возможного прочего никогда не стану таким деревенским хазратом — поющим в мечети азан в микрофон — азан плывет с минарета над пожухлой улицей — грозящим пальцами и кулаками курящим в рамазан негодникам.

В П О Л Е

мы ехали полем из деревни старый убей в убей малый. все это были чувашские деревни — в самой середине дрожжановского района на юго-западе татарии. где-то за перелесками прятались еще убей средний и убей новый. нижний убей

когда-то еще был — да его почему-то бросили. этот дрожжановский район — вы знаете — я его называю босния и герцеговина. что-то с ним не так как везде. на вид район как район — татарское и чувашское население. но я его до смерти боюсь — и люблю до смерти. мы ехали на 'газели' — дорога была грунтовая и страшно перекошенная. был поздний октябрь — с обеих сторон тускнела земля покрытая многолетними растениями. мы стали нагонять идущий впереди трактор с прицепом. в прицепе по периметру сидели люди — и смотрели как скоро мы приблизимся. люди были сильно закутанными: женщины в двух платках — мужчины с поднятыми воротниками и в зимних шапках — дети в каких-то шубах. все были застывшие как прутья изгороди. сыпал мелкий снег. трактор прыгал на ломанном грунте — люди тряслись но не гнулись — что-то посередине поддерживали. я сразу подумал что в тракторе везут покойника. так и было. скоро мы разглядели край гроба и украшенное мертвое лицо. рядом с трактором бежала собака — и выла. бросалась под колеса. я закрывал глаза чтобы не видеть как лопнет ее дурная башка. мы стали обгонять трактор. в его кабине кроме водителя еще уместились две девушки. трактор внезапно заглох. и наша 'газель' заглохла. собака выла и каталась по земле. я открыл окно и сказал: қаһар (прости). протянул сидящим бутылку водки из наших дорожных запасов. молодая женщина наклонилась и ее у меня взяла. кто-то с прицепа протянул мне домашнего пива в пластиковой бутылке и несколько конфет. я спросил: каймалла юраты-и? (можно ехать?). мертвый мужчина уселся в гробу и сказал: ыранччен! (до завтра). мы завелись и обогнали трактор. нам было сильно не по себе весь этот день и последующий. хотя мы конечно понимали что едва ли покойник говорил буквально.

с м ё с н а с в а ї е н ё в í н о

смесь для глинтвейна — привезенная из чехии — в пакетице с ладошкой. пакетик прозрачный. на наклейке написан состав. мы и так видим что там. апельсиновые корки корица бадьян гвоздика.

в е — л о — с и — п е д — н ы — е к л ю — ч и

о велосипедных ключах можно сказать стихами. сочинить поэму с таким названием. все без исключения радости и тайны лета — радости и тайны молодости — радости и тайны жизни — любви — можно извлечь и приблизить к себе при помощи этих инструментов. самая красивая фраза нашего мира — это: велосипедный ключ. потому что нет в жизни сложнее объемнее лучше этой плоской наивной с виду фигуры — лежащей поперек ладони. ключами для велосипеда обвешан живот солнца. в вас влюбится каждая женщина — помаши вы перед ее глазами велосипедным ключом. а если чуть-чуть подтянуть ее голую этими ключами — любовь превратится в сказку. велосипедный ключ — в кармане у каждой божественной сущности. и хочется верить что самый старый пан бог велосипедными

ключами делал мир. при помощи велосипедных ключей можно найти воду – выманить из земли – да хоть притянуть индийский океан в нолинскую свою квартиру. здесь на земле велосипедные ключи попадают на глаза так редко – вы заметили? и в магазинах-то их обычно нет. и теряются очень часто. все потому что божественные сущности за ними внимательно охотятся и даже из-за них дерутся. а какой нас охватывает трепет – если мы среди хлама веранды или чердака вдруг отроем велосипедный бардачок: приоткроем его: они там? я всегда ношу с собой два велосипедных ключа. (и манок на утку). не отдам их даже если целая орава огненных колес закатится в мою комнату и примется рыдать.

м и х а и л м е д у н и ц а

михаил фиалка. михаил подснежник. перевод фамилии сеспель варьируется. пружинит вышагивает средневожскими сердцами. круглый от радости год. и в нашем сердце ширятся тоже – холмы покрытые сепелем.

сѣспѣл мишши. михаил сеспель. 1899–1922. чувашский поэт. вместе с константином ивановым (1890–1915) для чувашской литературы – самая первая пара крыльев – золотого цвета. наследие сепеля – шестьдесят стихотворений – многие из них в набросках, пометки к роману 'беглец' и драме 'убик', дневниковые записи, около ста писем. в активном литературном обороте – стихотворений двадцать-тридцать. 'чувашский язык' – 'как умру' – 'чувашскому сыну' – 'чувашке' – 'стальная вера' – 'к морю' – 'пашня нового дня' – 'проложите мост'. медуница писал в основном про то что новый день отлил из рассвета плуг – между оглоблями которого танцует солнце – и выехал так на поля чувашии. родился в деревне шугурово цивильского уезда казанской губернии (теперь деревня сеспель – канашский район). окончил второклассную школу села шихазаны (неподалеку). с 1917 – слушатель тетюшской учительской семинарии (теперь – татарстан). печатался с 1917. с 1918 – в ркп(б). 1919 – по командировке тетюшского уездкома едет в москву – на курсы агитаторов-пропагандистов. в 1919–1920 – следователь тетюшской судебной следственной комиссии. в ноябре 1920 в газете 'канаш' – статья михаила сепеля 'стихосложение и правила ударения' – точка отсчета чувашской силлаботоники. 1920–1921 – работа в чебоксарах: первый председатель ревтрибунала чувашской автономной области – начальник отдела юстиции. в 1921 обвинен в поджоге отдела юстиции – смещен с должности и арестован. вина не доказана – оправдан и освобожден. невидимая работа в издательско-переводческой комиссии чувашского облпроно. большая любовь михаила подснежника – замужняя туся червякова. после отмены запрета покидать чувашскую столицу – в мае 1921 – выехал в госпиталь в нижний новгород – оттуда в крым. с 1922 – на украине на черниговщине – сотрудник остерского уездного земельного отдела. пытался спасти голодающих поволжья. в июне 1922 – покончил с собой – повесился в саду на липе. медунице 23. похоронен в черниговском селе старгородка. с эпитафией на украинском. 'он был убежден что

поступает правильно. я помню даже как аккуратно стояли рядом у дерева на траве его ботинки.' — писала потом одна его знакомая.

п а л а т к а

я купил палатку — двухместную — за тысячу рублей. с надписью 'норвегия'. наверное из китая. это еще лучше. принес домой. сел на стол. стал звонить знакомым девушкам — предлагать с палаткой где-нибудь погулять. катя павлова согласилась. мы ушли за хлебозаводский парк — за железную дорогу — к тэцовским почти что трубам. там болотца и камыши — сладкие лютиковые и аир. палатку несли как большую булку — такая компактная — потому что на телескопическом каркасе. поставили в пять минут — и туда залезли. уселись друг против друга. ну что — катя? — что скажешь? — я улыбаюсь. замечательная палатка. — отвечает катя. у палатки отстегивается потолок — остается сеточка. сетчатые окошки. майское утро.

п р и ц е п

лальск когда-то был вологодским городом — и имел на гербе две куньи шкурки. а теперь он — наш вятский поселок — очень северный — возле лузы. но города не перестают быть городами. бывшие города — важные папаши. и можно всегда от них ожидать неожиданной роскоши в учреждениях и квартирах, щедрости и сюрпризов, по-городскому свободных душ, элементарной городской любви, прохладной городской нежности. неожиданных товаров на прилавках магазинов — попробуй такое где-нибудь еще найди. только например в лальске — в магазине 'центральный' — который вместе со вторым жилым этажом и заколоченными чердаками можно легко перенести на коробок спичек — и унести в вельветовом кармане. мы наткнулись в лальске на велосипедный прицеп. синяя тачка на одном колесе — с отражателями — большая, сияющая — такая чудесная. он стоил чуть больше тысячи рублей. очень многие замечательные вещи стоят тысячу или сто (или дважды сто — двести) — потому что это очень правильные очень позитивные цифры. мы немедленно его купили — вытащили на улицу и стали думать как из лальска будем домой тащить? — до кирова триста почти километров — а мы сейчас даже не на колесах. с ним не полезешь в рейсовый автобус. железной дороги здесь нет. железная дорога в лузе — от лальска в тридцати километрах. эти километры мы тряслись в кузове неизвестного автомобиля. на краю лузы прощаясь мы спросили у водителя — что у него за машина. а он не ответил — и денег от нас с прицепом не взял. мы шагали сквозь лузу — до вокзала — прицеп волокли за собой. полночи сидели в зале ожидания — караулили с котласа электричку. потом ползли в киров в этой электричке — самой медленной на земле. на котласской ветке она почему-то ходит как конный трамвай. в кирове с вокзала позвонили жене. она нас ждала гораздо раньше — из лальской командировки. мы живем недалеко от вокзала. велоприцеп и мы пересекли привокзальную площадь — мимо бессовестных таксистов — полезли в гору по улице горького. все это время старый вологодский город лальск качался и брякал в нашем велоприцепе — размахивал уличными столбами, синими занавесками, фантастическими антеннами (в контурах кото-

рых — чья-то земная судьба), корродирующими флюгерами, оградами и балконами, разбитыми беседками, верандами без стекол, окнами вытянутыми в ромбы и овалы, щегольскими водосточными трубами — пел вместе с нами и радовался пути.

к о п ч е н ы й г у с ь к р о ж д е с т в у
б а р а н ь я н о г а к п я т н и ц е

в холодильнике лежали копченый гусь и сырая нога барана. хозяева квартиры на неделю уехали — а нам сказали: вы уж пожалуйста следите чтобы холодильник не отключался — он все время должен гудеть — там у нас новогодние продукты. если заглохнет — тресните вот так посильнее. из бараньей ноги можете сварить суп. мы сами всегда такой варим — обычно в пятницу — перед выходными — вкусный-вкусный.

мы были рады оставленной нам трехкомнатной пустой квартире. а супы мы не особенно едим. мы лежали на широкой кровати. жгли вереск и сандал. открывали настежь все окна. слушали музыку. смотрели телевизор. уединенно существовали в комнатах. долго спали. за окном с утра было темным-темно — старым джемпером нависало поздненоябрьское небо. а потом наступала ночь. нас было трое — мы с женой и дочка. это был буферный какой-то район — смутный: посреди неживых фрагментов частного сектора — девятиэтажные постройки. буквой г — буквой п.. котлованы со сваями. строительный мусор. открытые помойки. арматура из земли поперек троп. в общем незачем было выходить наружу. даже на балкон.

на четвертую ночь гусь и баранья нога вылезли из холодильника. жена первая услышала как скрипнула в кухне дверь. что-то тупо завозилось о линолеум. ударилось о плинтус. кто-то икнул: гунь гунь. жена села на кровати — и разбудила меня. дочка спала между нами. место было в квартире — но мы спали так: пространство все-таки здесь чужое — к тому же мне нравится обнимать их обеих.

мы вышли в коридор — включили свет — и сразу же их увидели. шатко и вяло они двигались вдоль стены от кухни в нашу сторону. наша дверь была в центре коридора и открывалась в комнату. мы стояли в раскрытой двери. оба мы были голые. я держал себя в кулаке — насколько вмещался. жена никак не прикрывалась. я взглянул на ее груди — они были голубыми и совершенно гусиными. окончелено сморщились соски. я видел что жену охватил ртутный ужас. гусь и нога шли. гунь гунь. — опять проикал кто-то. наверное гусь — хоть у него и не было головы. я шевельнулся — и ледяные жуки густо и медленно поползли мне в ноги откуда-то снизу затылка. я подумал: как они там живут? как вмещаются?

резкие запахи сырого и копченого. яркий свет двух коридорных таблеток-плафонов. когда гусь и нога к нам приблизились — мы отступили в комнату и прикрыли дверь. мы слышали как они касались ее и об нее торкались пока проходили мимо. они слепые. — сказал я жене. жена всхлипнула. потом еще. потом чаще. я дернул ее за волосы — довольно сильно.

мы снова выглянули. они шли — оставляя на полу маленькие лужи и льдинки — начинали оттаивать. первая и вторая (наша) комнаты дверями выходили в коридор. а третья — самая большая — начиналась за устьем коридора. в той комнате был балкон — незастекленный и чуть приоткрытый. я спросил жену: как ты себя чувствуешь? жена спросила сухо-сухо: мы можем не сойти...? с ума. — она имела на мысли — ей было тяжело говорить. — не знаю.. но кажется раз они вылезли — мы должны поймать их.

мы подошли и наклонились над ними. я осторожно взял гуся на руки. он был шершаво-мокрым. я сказал: гунь гунь. гусь довольно похоже скрипнул. возьми ногу. — сказал жене. — у нее нет ни глаз ни зубов. они безвредные.

не прижимая животных к себе мы отнесли их на кухню. холодильник молчал. мы открыли его — и дверцу морозильной камеры. уложили ногу и гуся. основанием ладони изо всех сил я треснул по холодильнику в верхний правый его угол. он загудел. мы вымыли руки. разлили по чашкам холодный чай. мы надеялись что теперь они не вылезут. надежда оказалась верной. уходя — мы туго закрыли кухонную дверь на тряпку. если вылезут — пусть слоняются здесь. bon nuit.

легли. обнялись. дочь вздрагивала и насвистывала. с женой окунулись друг в друга осторожно и быстро — чтобы лучше уснуть. раскатились по краям кровати — пытаящую жаркую дочь опять закатали на середину. долго гладили ее под пижамой по животу. ну и история. чем только не случится заниматься родителям пока дети дрыхнут.

в течение следующих трех дней — которые до приезда хозяев мы прожили в той квартире в доме №2 по улице блюхера — холодильник останавливался дважды — и оба раза днем. беспокойных копченого гуся и баранью ногу мы ловили довольно ловко. первый раз — у обувной полки. второй — тут же у холодильника. тогда они только и успели что приоткрыть грязновато-белую дверь.

п о л и н а

я влюбился у полину. сердце бьется о штанину. эти стихи сложили не мы — а русский народ. мы же только шепнули их однажды нетрезвой слегка полине — такой кругленькой! среди каштанов и качельных скрипов. полина сначала опасно фыркнула и вздернула брови. а потом — как схватит нас за сердце!

п а р а с у х и х м а к р е л е й

милый наш коллега — старинный господин сайкаку в новелле о монахинях-певицах — гуляющих на лодках в гавани осаки сетовал что ныне они ничем не отличаются от уличных дешевых потаскушек — и что цена им охапка дров или пара сухих макрелей. когда-то они зарабатывали пением молитв — теперь распевают любовные модные песенки. на юных монахинях тростниковые шляпы — желтые

халаты из бумазеи — нарядные носки. они сплывают среди кораблей — стоящих в гавани — и на глазах у всех переходят на заезжие корабли со своих лодок — 'без всякого стыда' — к тем кто вдали от жен в одиночестве спит головой на волнах как на подушке — и возвращаются очень быстро. помимо пения и короткой любви осакские девицы приторговывают амулетами и раковинами сугай помогающими роженицам. уразумели? — спрашивает господин сайкаку в конце. мы уразумели — конечно же. авторская грусть безбрежно нам дорога. но рассматривая в лупу фигуры собственной судьбы — обшаривая в телескоп закоулки собственной поэтической вселенной мы не можем не думать о том что обменивать любовь на сухих макрелей — или на бутылку керосина из хозяйственного ларька — или на фарфоровое стекло — или на апельсин и яблоко — или на кулинарный помазок из гусиных перьев — небесно хороший поступок. такими затевались предметы — и отношения между ними — то есть предметный мир. не можем не грустить по таким поступкам. всем сердцем ожидать их. стремиться к ним.

м у з ы к а

мне до смерти нравится как деревенские дядьки держат в руках гармонь: как женщину за задницу. немножко от себя вперед — немножко к низу. немножко свирепеет — и очень крепко. с таким удовольствием! вы мне простите разговор о гармонии — но если б не городская вульгарность — гармонь не казалась бы таким нехудожественным инструментом. а женщины-гармонисты! — клубные хуружки, учительницы музыки, просто умницы! они играют с лицами как если бы принимали сзади мужчину. глаза прижмурены — стыдливая сладкая чуть улыбка. обязательно легко насмешливые глаза. они смеются и над этим невидимым мужчиной — которому захотелось — где-нибудь в лабиринтах зимнего двора — среди петухов и овечек. и над нами — стоящими напротив — потому что сзади это не мы. женщины-гармонисты всегда стараются играть сидя. ведь тела их очень быстро зальются усталостью. от такой музыки.

л о д о ч н ы е с т а н ц и и

лодочные станции так хороши так дороги — что думая о них хочется взлететь одновременно на всех здешних лодках. задымить моторами. уключинами загнать, зануть. немислимыми траекториями ввинтиться в белый след реактивного самолета — и спикировать в мокрый поцелуй земли и воды — и разбиться. только конечно не до смерти. потом — ожить. лодки разогнать по местам — по мосткам и эллингам. лодочные станции — территория восторга: юности — надежды — бесконечной любви. лодочные станции — молитвенные поляны. самые главные в жизни. и неважно совсем что половина хозяев эллингов — лодок в них не имеет. или круглый год держит под потолками на ремнях как побежденных чудищ. половина людей приходит сюда для того чтобы доставать из земляных погребов мерзкие мутные соленья — и покрывать

двухвостками свеклу. садиться вместо стульев на ненужные блеклые спасательные круги — пить и плакать. пусть! лодочные станции — храмы которые ничем нельзя осквернить. и можете себе представить? — у меня и первой любовью была дочь председателя кооператива лодочной станции нашего города.

ч е т к и

у меня есть можжевеловые четки. их звенья — веселые круглые шары. я купил их чтобы нюхать. комкаю в кулак — и подношу к носу. чудесный способ общения с богами. попробуйте!

п р е д с е д а т е л ь

председателю меминского сельсовета сорок четыре года. председатель живет без семьи — с мамой — которой восемьдесят. по-странному не сложилась у председателя личная жизнь. трудно представить себе человека красивей умнее и веселее. и в ранней молодости — и теперь. и здесь — в окрестностях сердца-мемей в глубинах балтасинского района — и когда-то в казани в химико-технологическом. с председателем радостно дети здороваются — и взрослые как один. у председателя большой дом. с синими воротами. на воротах нарисованы гусь в тубетейке и цапля в бусах — друг дружки касаются крыльями. это когда-то рисовал председателя отец. председатель знает много красивых песен — много хороших слов — и часто произносит их на людях: на праздниках в школе; на новогодних утренниках в детском саду — когда наряжается кыш бабаем; на вечерах в клубе. председатель владеет родным татарским и удмуртским языками. собственно русским он и не пользуется в мемах. русский почти ни при чем. председатель режет ноябрьских гусей за домом. потом потрошит их — раскладывает в тазы со снегом хлюпающие желтые горсти жира, гусиные горла, печени. любимая песня председателя — 'за домом растет черемуха'. если ты соскучишься — открою окно — ты влетишь ко мне легким ветром. если я соскучусь — открою окно — ты влетишь ко мне легким ветром. такие там слова во втором куплете. я обнимал председателя на прощанье и благодарил за помощь. а он сказал мне: останься. или в гости потом приедь. я остался. и еще приехал. мы сдружились в минуты в секунды! мылись в бане. плечом к плечу. до ночи там просидели. перед сном председатель проверил маму. мне сказал: отвернись пожалуйста. щелкнул светом. мы улеглись с председателем на одну кровать. хоть в доме кроватей много. пизда председателя — самая сладкая. набухшая горем. упругий из песен язык. белые лодки — ноги. сверкающее на весь дом тело. я то и дело вскакивал и включал свет. уговаривал председателя не стесняться. целовывал председательские слезы. председателя зовут рамиля. я всегда в деревнях никого не трогал. но с председателем сердца-мемей мы гладились и плакали несколько раз в ноябрьские декабрьские ночи — в пропахшей шерстью, калиной и гусиными крыльями комнате.

п о л е н о

инна колет грецкие орехи березовым поленом у меня за спиной. я сижу на стуле и пишу — она сидит на полу и колет. за окном пятый день мороз — поэтому инна не в садике. у инны орехов — целый таз. у меня тоже — целый таз замечательных срочных мыслей. это полено я когда-то привез из волшебного коми леса. оно — из числа моих домашних покровителей. полено живет под шкафом. наблюдает за нашими ступнями. внимательно их охраняет. мне очень трудно не расколоть волшебным поленом иннину глупую голову. инне угрожает серьезная опасность. после каждого удачного удара она кричит: я сильная! звонко хохочет. я закрываю глаза и шепчу: доброе полено! ты березовое! из белой ноги господа на земле! заступись за инну!

о р и г а м и

необыкновенная печаль серыми ладонями сжимает сердце когда я думаю об оригами. это очень-очень правильное искусство. очень точен его язык. но я не могу им заниматься: к вечеру первого дня занятий я лягу и умру от старости. почему так? вероятно потому что оригами белое. потому что под машину попала соседская девочка лена — любившая оригами больше всего на свете. потому что его фигуры — умные и смешные. коэффициент хрупкости в них — самый тот. потому что оригами — как литература. более мудрая ее сестра. когда по бумаге не нужно водить ручкой. можно сложить из нее белую рыбу белую лягушку — повесить над изголовьем и лечь спать.

г о р б у н о в а а н н а с е м е н о в н а

покойная моя прабабушка анна семеновна горбунова страшно веселилась когда наблюдала как я что-нибудь брал ногами. ее не стало когда мне было лет восемнадцать. когда-то я каждое лето приезжал в камский город оса где она прожила свою жизнь — в деревянном доме у пристаней. очень суровая — совершенно одна. каждому абсолютно говорила угрюмо ты. и на рынке и в райсобесе. не общалась ни с кем из своих здешних родственников: ни с родными детьми ни с внуками ни с детьми внуков. только криво улыбалась нам — кировской родне: моему отцу — вятскому внуку, моей маме — вятского внука жене, и вятским правнукам — нам с сестрицей (хоть и не сразу припоминала наши с ней имена). я случайно как-то заметил. брал носок с пола пальцами ноги. прабабушка увидела — и так захохотала!.. подавилась даже рыбным пирогом. я спрашивал: что смешного? она только еще больше смеялась. пришел отец и на меня наорал. было из-за чего в общем-то: прабабушка уже сипела. надо же! надо же придумал! — кричала сквозь слезы и показывала на меня крюченным пальцем. честно вам скажем: все последующие разы предметы ногами мы брали уже нарочно — с сестренкой на пару — у анны семеновны перед коричневым лицом. реакция прабабушки всегда

была неизменна. она начинала хохотать — и мы вместе с ней тоже. падали даже на пол у прабабушкиных ног. никто кроме нас не знал как выглядит ее смех. она видела много горя. муж погиб на фашистской войне — оставил анне семеновне четырех деток. родителей белые потопили на барже смерти где-то между сарапулом и сайгаткой. прабабушка прабабушки была веслянская колдунья — известная всему верхнекамью. пермяки звали ее сюсь лизуш — смышленная лиза. в одно лето анна семеновна хотела подарить нам ткацкий стан. а куда мы его? хоть я и плакал и порывался взять. на другое лето — ангелицу на темном полотне-иконе. я когда ее увидел — от радости чуть не сошел с ума. божку себе возьмите. — мрачно сказала тогда прабабушка. родители поленились тащить. а на следующее лето она куда-то исчезла. я до сих пор временами думаю что ради обладания этой ангелицей упорно и веселил прабабушку хватанием ногами подстаканников и носков. но что-то вот не завершилось в наших с ней отношениях — не достиглось что-то. видимо нужно было смешить прабабушку еще больше. пожить рядом с ней в ее холодном прикамском доме целую зиму или целый год — и брать носки с пола в день раз по сорок. может так? хотя возможно это веселье ног было затеяно для того чтобы мне лишь увидеть темную ангелицу. из рук анны семеновны.

с и н и е г л а з а

мы странствовали на велосипедах с сестренкой — через мало знакомые горы и поля — за которыми через трое суток велосипедного пути должна была появиться наша дача. мы старались держаться диких берегов рек — ведь так интересней. но на второй день мы до того измучились крутиться прибрежными болотами — что решили откатить от реки на асфальт на трассу — и немножко на ней отдохнуть — наверстать километры. карта у нас была какая-то слабая. судя по ней нам следовало доехать полями до села кокузы — а оттуда уже можно разглядеть вдалеке трассу — если высоко подпрыгнуть. мы снова крутились — обходили змеиные овраги — подступи к которым заросли пыреем. деревня кокузы должна была уже появиться — но ее все не было. жгло солнце. мы бросились на траву. мы были мучительно красные. сестренка вдобавок с разрезанной ногой со вчерашнего ночного купания. мы слышали шуршание шагов и подняли головы. среди пырейной дымчатой синевы стояла женщина. мы поздоровались и спросили как нам попасть в кокузы. а какой вам надо кокуз? — заговорила она с татарским сильным акцентом. мы сказали: а что их два? женщина кивнула и махнула рукой: там вот большой кокуз. а там маленький. понятно — наша карта еще хуже чем мы о ней думали. выяснилось что трасса проходила примерно в одинаковом расстоянии от обеих деревень. мы пошагали полем опять — и наконец увидели изгороди и крыши. и крошечные спины коров. на въезде в деревню — старая табличка — белой краской по рассохшейся доске: олы кук куз. большой синий глаз — значит. мы немножко оторопели — защелкали языками от удовольствия и въехали в деревню. я сказал сестре: наверно имеется в виду озеро. здесь побольше — в малых кокузах поменьше. в глубине улицы мелькнула спичечная голубая метель. мы шли и здоровались с медленными прохожими.

они подолгу на нас смотрели. некоторые спрашивали откуда мы идем. некоторые улыбались и кланялись. в колонке мы набрали в бутылки воду. в общем все как всегда — если случается транзит сквозь деревню. выходящая из улицы дорога впадает в трассу — это нам подтвердили. главная и почти единственная улица больших кокузов по которой мы шли — сломалась в угол. и продолжилась за углом. самый центр деревни. вот и мечеть. мы ее приветствуем. по другую от нее руку — небольшой пустырь — небольшая площадь или поляна — там что-то вздрагивает и синеет. мы свернули на это синее. заросший как маленькое болотце — рогозом осоками бордовыми зонтиками-цветами — перед нами лежал огромный синий глаз. в длину метров пять. или если точнее — его можно было сравнить с комнатой в одиннадцать-двенадцать квадратных метров. глаз был желевидным — и синим-синим. зрачок тоже синий — только еще синей. в глазе бликовало солнце. мы никогда не видели такого красивого. дунул ветер — поднял пыль. и глаз моргнул. веком нежно-синего цвета. вокруг было мало движения. только лежали неподалеку козы — смотрели сонно. мальчишки с брызгалками-флаконами из-под шампуня краем глаза поливали друг дружку. да в молитвенной позе на корточках с глазом разговаривал старый дед в синей тюбетейке. и мы вот еще — стояли смотрели — ухватив велосипедные рули. вместо трассы мы поехали искать малые кокузы — кече күк күз — и быстро их нашли. его — то есть. мы увидели там примерно то же самое. только глаз был значительно меньше — как большой обеденный стол. только и остается что на татарский манер хлопнуть руками по бедрам и вскрикнуть: а ба-а!..

В Д О Н Ы Ш К О

мы виделись очень давно — мельком. но по служебной переписке в течение прошлого года друг в друга почти влюбились. ждали встречи на 'февральских чтениях'. так называется университетская конференция в сыктывкаре. она мне до слез интересна и дорога. она — не конференция. теперь февраль. сыктывкар. мы сидим за столом — друг напротив друга. стол длинный. это банкет. да — так я ее задумал. в таком же свитере. только губы чуть не такие. мы молчим. иногда наклоняем головы к левым и правым соседям. выслушать что-то или шепнуть. смотрим друг на друга через донышки высоких стаканов. целуем друг друга сигаретным дымом. хоть и стараемся по диагонали в потолок. в стаканах — вино. оно белое. через белое лучше видно. ее поезд через два часа. мой автобус — утром.

ф у р у н к у л и п о р о л о н

смешнее слов я не слышал. это — два самых смешных анекдота. два пароля — два стука в двери — которые распахнет перед вами смех. по — ро — лон. фу — рун — кул. можно помереть от хохота. я и сейчас обливаюсь весельем пока пишу — думаю и вижу. поролон нужно произносить как пишется. всех своих возлюбленных я просил говорить эти слова как можно чаще. они говорили — а я целовал и стаскивал с них юб-

ки. смешнее всех говорила рита. поэтому и стала моей женой. конечно она не одна такая во всем остальном мире. что если китайскую девушку попросить сказать — француженку — или финку!.. девчонок говорящих высокими вологодскими голосами или южным таганрогским басом!.. рита лишь превосходила в то простое и решительное время своих немногочисленных предшественниц. но сокрушаться не будем. а скажем-ка лучше все вместе: по — ро — лон! сказали? а теперь: фу — рун — кул!

Т Ю М — Т Ю М

тюм-тюм — марийская полупустая деревня в уржумском районе — в одну улицу — в три километра в длину — перпендикуляром выходит на реку вятку. в вятке осенью стерлядь. в тюм-тюме нет твердых дорог. грунтовой пять километров до русского села шурма. в шурме — рынок и разнообразные магазины. тюм-тюмские всегда по полю туда бегают. в сырые времена в тюм-тюме не приехать. разве что с санавиацией. но можно дойти пешком. тюм-тюмские мужчины гуляют по улице на ходулях. по-марийски они — журавлиные ноги — турня—йол. тюм-тюмские женщины носят однорогие головные уборы. с алой изнанкой. блестящими и раковинами каури. они называют их колпаки. колпаки эти словно чомужьи клювы нависают над лицами. все заборы тюм-тюма — в стерляжьих сетях. за вяткой чернеет лес которому не видно края. тюм-тюмский народ — родник песен. так говорит директор тюм-тюмской школы. он вывозил своих в киров и в петрозаводск — на фестивали. тюм-тюмские стеснительные родники-певицы жаловались нам на то что в кирове ученые и журналисты норовили с них снять колпаки — и штаны даже: хотели рассмотреть подробно таких удивительных. мы приехали в тюм-тюм на два часа. поставили камеру посреди улицы. тюм-тюмские пели — плясали. громогласный крошечного роста дед сказал нам что слово тюм означает дуб. дуб-дуб. дубы здесь были. некоторые в уржуме называют тюм-тюм — баден-баден. мы торопились. уехали — прокричав спасибо. отъехав метров пятьсот от последнего тюм-тюмского двора глотнули водку и вдохнули поздней октябрьской пашни. она уходила за горизонт. из солнца посыпался снег. мы вовремя в тюм-тюм приехали. в вятскополянском районе есть деревня дым-дым. там живут удмурты.

п у ч е ж

мы приехали в город пучеж. встречать новый год. знаете ли вы такой город? ивановская область. горьковское водохранилище. старый пучеж как раз под ним. видимый пучеж — шершаво желтый. дома-корабли приплыли из пятидесятых — и сильно истрепались в пути. в этом городе мы хотим жить. в желтой квартире на улице 30-летия победы — 50-летия комсомола — на главной улице ленина. или в деревянном доме на безымянных улицах — заламывающихся к волге — по которым скатываются пучежские дети. 'край голубого льна' — книга о пучежском районе — украшает вечность в единственном книжном магазине. мы ее сразу купили.

очень холодно было в гостинице. ну ничего. мы грелись дорожным земляничным ройбушем — и коньяком. мы купили много льняных одежд. и льняных сумок с огромными пуговицами. когда мы впервые вышли на здешнюю волгу — покрытую рыбаками — чтобы усесться на одинокой заснеженной скамье чтобы глотнуть коньяку и официально поздороваться с пучежем — расчистили варежками высокий снег — прочитали красиво нацарапанную надпись: я люблю настю горохову.

семь колыбельных для моего школьного друга — бегущего в африку коростеля

(только в малаге или в хересе-де-ла-фронтера он ненадолго взлетит чтоб пересечь гибралтар. если не сядет там же — в портах андалусии — на трансконтинентальный паром. если не сделает этого раньше — в генуе или в марселе. пока что — бежит в одиночку по осенним сырым полям — от пригородов уржума. ночами бежит — днем в канаве дрыхнет. попробуй-ка так побегай — полтора месяца через всю ночную европу. колыбельные эти — очень старые. мы придумывали их вместе):

№ 1: примитивизм (чехия)

рябину клюют не птицы. ее срывает горстями святой поликарп — пришедший сплестись перед гостями — в честь престольного праздника. однако забыв в чем дело — он знай загребает руками — ей богу забыв зачем он сюда притащился — еще и с велосипедом. подождите — он еще спляшет. даже ломает забор соседу. напугает соседку дочку своей вполне доброй рожей. еще подарит ей зайчика — собственными руками выструганного. а девочка увидев деревянное чудовище до невестиних лет останется косноязычная. (любовь разумеется все потом выпрямит). и к нам поликарпа позовут и на свадьбу к соседу. одно святой поликарп очень хорошо знает — он ни-

когда не ездит по небу, если
 летит самолет — поликарп не
 осеняет себя знамением —
 а крутит пальцем у виска
 и хихикает до побагровения:
 вот еще ездить по небу! —
 что ли я злющий илия-пророк
 или безмозглый ангел? — хо-
 хочет аж наверху в самолете
 слышно, добрые люди сидя-
 щие с ним за столом всякий
 раз отвлекают его музыкой
 и просят закатить глаза будто
 это им досмерти интересно
 когда услышат — летит ма-
 шина, а то непременно пода-
 вится и помрет наш святой
 поликарп — пришедший
 сплясать перед гостями, но
 хихикают лишь девицы — на-
 что хозяин ставил пугало?
 ведь в чехии рябину клюют
 не птицы, а вон кто — поли-
 карп, поликарп ее срывает
 г о р с т я м и.

№ 2: что такое деревья

что такое деревья?
 это путеводители
 в ноябре деревья
 это путеводители
 твой отец кондитер
 хорошо живут кондитеры
 в ноябре деревья
 это путеводители

он позовет булочников
 они сюда явятся
 а мы не встанем
 мы не встанем
 пружины продавлены
 не расправятся

пусть твой отец

ведет домой булочников
пусть он аптекарей
пригласит на обед
пусть он хоть с каланчи
кривой и невеселый
таращится на казань
тоже мне страж городской
п о ж а р н о й с л у ж б ы

№ 3: фэт-фрумос

едет едет фэт-фрумос
на мертвой кобыле
опять молдову
драконы навестили

распускались маки
поднимались овцы
лаяли собаки

едет едет фэт-фрумос
слава богу что живой
по которой из дорог
убежал зайчонок
цыганский цыпленок
ушла миорица
летела аурика?

едет едет фэт-фрумос
сыночек базилика

№ 4: за четыре кроны

за четыре кроны
акробатам не наскучишь
за четыре кроны
многого себе не купишь
за четыре кроны
я гуляю по скамейкам —
ничего не видно

поднимите руки —
покажите сколько пальцев

поднимите листья —
почему они упали?
постучите в трубку
и подуйте и повесьте —
будет вам болтать-то

вон они милашки —
все расставлены в линейку
за четыре кроны
я гуляю по скамейкам
за четыре кроны —
вот пожалуйста без сдачи:
заплатите в кассу

№ 5: старая русса

посетите не пожалеете.
в автобусе на двадцать мест
я заметил двух венгров —
подсел к ним — разговорил-
ся — извинившись спро-
сил — что там у них в старой
руссе? а они оказывается
каждый год в конце марта
сюда ездят — живут в гости-
нице — комнату прокурива-
ют — запирают затем проку-
ренную комнату — портьерке
сухо кивают и прямым
в дебрецен — с вокзала идут
молча — дома запираются
изнутри — усаживаются воз-
ле кофейника — голова кру-
жится кружится — вспоми-
нают старую руссу

№ 6: гэлэуцаш

— простите это бухарест? —
да бухарест. на следующий
вопрос я уже не смог отве-
тить — а развел руками
и улыбнулся как всякий
вежливый иностранец. так
мы познакомились. с какой

же завистью потом глядели
на нас обыватели тырго-
виште — торговцы сигарета-
ми в панчу — телеграфистки
олтении работающие
в праздники. она была ро-
дом из гэлэуцаша — куда
мы вскоре и отправились —
по пути заезжая в фокшаны

№ 7: мама

мама ко мне пришла
сидись мама закуривай
сделай себе кофе
вон торта отрежь
открой форточку
сосчитай будь добра
от одного до ста
и возвращайся
к себе в пермь
не приезжай больше

и с а а к и й - з м е е в и к

исаакий-змеевик — 12-го июня. змеи в этот день играют свои главные свадьбы. сплетаются в шары размером с холодильник. и лучше вообще не выходить из дома. даже в городской парк. но мы все-таки выходим. каждый год. обуваем сапоги — садимся на велосипеды. отъезжаем метров двести от последнего дома на последней городской улице — прямо в поле. мы привозим с собой нашу любимую змею — которую купили когда-то в московском метро. деревянную — нарезанную кольцами — с желтым капроновым язычком — со спинкой покрытой красноватым узором. привозим — и оставляем. она волнуется еще с ночи. вздыхает — падает с полки. ей тоже необходимы свадьба и размножение. вечером возвращаемся за ней. пластмассовые глаза ее светятся радостью. хвост тихонько дрожит. неземной красоты не особенно гибкие змеята расползаются в разные стороны. деревянные змеи из метро размножаются очень быстро.

м а н д а р и н ы

друг из вологды научил меня есть мандарины — зимой на улице. он сказал: в зимнем воздухе они живы и бодры. а дома — спят. как рыбы в морозильнике. дома мы

В т у р ц и и

C O B a

279

ней. гужавино было у нас под ногами. на глубине лопатного штыка. оно стояло на-верху еще в пятидесятые годы — а к семидесятым окончательно ссыпалось в землю. в начале девяностых невидимое гужавино и еще два из него выселка нарезали в дачный массив. хозяин дачи об этом знал — но молчал. тискал вику и юлю. вика трогала его за трусы — со смехом оттягивала резинку.

б о г и н я

на наш убежденный взгляд главная составляющая женской привлекательности — это очки. на втором месте — неправильное выговаривание [р] — картавость или йотирование. (желательно еще не выговаривать [л]. от любви к такой женщине совсем ошалеть можно). на третьем месте — оттопыренные уши. чем сильнее ее уши топырятся — тем сильнее наше эротическое напряжение — нежность + страсти. и это всё. остальное — не главное. кажется мы не встречали девушек обладавших этими тремя качествами сразу и ярко. но знаем что они есть. ушек очень много в деревнях — в городах мало. в деревнях вообще куда больше невест. если же девушка 1) в очках — 2) не выговаривает названные звуки — 3) уши имеет как приставленные к волосам маленькие волшебные ладошки — 4) и вдобавок долго смеется над словами фурункул и поролон: это уже богиня.

м о л о д о с т ь

неплохая жизненная стратегия: молодость надо проводить в столице — зрелость на севере — а старость на юге. мы придумали. под конец школы. поделились с лучшим приятелем. оба ее вспоминаем. когда приезжаем в гости друг к другу. из кирова в казань. из казани в киров. из столицы в столицу. между югом и севером.

и в а н о в с к и й п а р а ш ю т н ы й з а в о д

существует космический перечень учреждений — учеба или работа в которых автоматически присваивают человеку звания художника, ученого, мага, хорошего человека — в масштабах вселенной. его земная жизнь может быть невнятной и трагической. но небо ставит ему бесповоротный плюс — и уже не отвергнет. это странно — но это так. и можно не заканчивать университетов и художественных академий. не писать диссертаций и книг. эти *небесные* художники — (обычно здесь невидимые) — будут уравнены в правах с *очевидными земными* — когда закончится жизнь. будут поселены в одних комнатах. учреждений подобных много — но все же не слишком. ..марийский колледж культуры — факультет народных инструментов — отделение шұвыра (бычьей волюнки). отделение пчеловодства — уржумский зооветтехникум. речное училище № 72 — поселок затон имени куйбышева. ветлужский филиал московского института леса. пучежская льняная фабрика. горбатовская школа-интернат для

глухих. нии льна в торжке. массандровский нии вин. городецкий шлюз. ивановский парашютный завод. казанский оптико-механический. лаишевский рыбный..

к у р к а ч и

с самого рождения и до девятого класса я собирался поступать в казанский речной техникум — потом в горьковский институт водного транспорта — идти следом моей обширной речной родни — становиться штурманом, потом капитаном. это было — как алмазом на платине. но в сентябре — в начале девятого класса — нас сняли с уроков и повезли в село куркачи — прибираться на складах какого-то дружественного школе предприятия. все дурачились — и бегали по селу. хулиганы курили. девочки собирали листья. за нами наблюдал единственный взрослый — из местных — какой-то очень ленивый. село было татарское. день был очень красивый. осень была сказочная. мы снимали куртки и работали в школьной форме. неподалеку я видел лес — очень густой — очень маленький — очень круглый. как-будто специально — а вокруг поля. меня очень туда тянуло — и я пошел — положив на землю метлу и грабли. подходя — я увидел что лес обнесен полуразрушенной оградой. это было куркачинское кладбище. старое-старое. где уже не хоронят. над входом — жестяной полумесяц со следами синей краски. камни — грибами теснящиеся из земли. белые. покрытые арабской вязью. покрытые грибами же. и осенней сыростью. здесь на каждой могиле сажали дерево. и теперь эти деревья корнями разбили и выворотили многие плиты. приподняли из грунта — сбили в кучи. эти деревья казалось сплелись в единое дерево — достигающее до неба. меня не было — я исчез. мне казалось я умер — и был этим счастлив. я пачкал форму и спотыкался. уменьшался в размерах и проникал в разбитую вязь. подолгу в ней путешествовал. мне казалось что у меня остались одни глаза — поглотившие остальное тело. странно что я много пел — ведь языка у меня тоже не стало. какие-то дальние песни — персидского острова кешм и южного пакистана — оказавшиеся в куркачинском лесу — в часе езды от нолинска. пряча слезы — прижимаясь щекой к стеклу увозившего нас из куркачей автобуса я просил прощения у речной карьеры — дебаркадеров, баке-нов, шлюзов, капитанских мостиков, горящих ночными огнями рубок.

с и я т е л ь с т в а

настоящий сиятельный господин писает только в раковину. во-первых — он по возможности не станет выслушивать и заставлять выслушивать окружающих оскорбительный грохот из сливного бачка (особенно если сиятельный господин не у себя дома). а во-вторых — писая в раковину сиятельный господин непременно ополаскивает себя под струей воды — и вытирает тщательно. на полном автоматизме. ведь сиятельный господин в каждую секунду должен быть готов к тому что придется заложить в ротик какой-нибудь сиятельной даме. и обязан быть чистым! сиятельным дамам же писание в раковины

ни к чему. природа сама позаботилась о том что это не слишком и возможно. золотым сиятельным дамам не страшно оставаться немножко грязненькими. их привилегия от бога. сказанное касается только сиятельных господ. свиньи могут мочиться по-своему: хоть в унитаз — хоть в фортепиано.

м а с с а ж

это уже не массаж. — шелестнула анжела. прогнолась морем. сдавила мою голову. это уже не массаж. — я не спорил.

т е л е ф о н

8 — 10 — 48 — 22 — 695 69 97. это прямой телефон варшавского воеводы. вельможного пана лешека мижелиньского. его кабинета в доме номер три на банковской площади. он всегда у меня перед глазами. висит у компьютера — и есть в мобильном. я в любую секунду могу набрать эти цифры и пожаловаться на вас — суки. на владика — третий год не возвращающего мне старинный киевский подстаканник. на упертых родителей — отравляющих мою жизнь. на вредную продавщицу кваса на углу воровского и декабристов.. на каждого из вас. и пан воевода вам покажет!..

ш а х у н ь я

шахунья — железнодорожная станция между вяткой и нижним новгородом. шахунья — город. шахунская фабрика 'тканые узоры' производит замечательные вещи. они лежат в художественных салонах и у нас и в нижнем. у меня дома тоже полно шахунских прихваток салфеток и полотенец. миллион раз я ездил по этой ветке. однажды под конец лета по дороге домой в шахунью взял и вылез — надо ведь ее в этой жизни повидать. за станцией бабушка продавала яблоки. я спросил ее как пройти в гостиницу. не знаю, мальчонка — я ведь в сию пьяная. — она ответила. я с большим удовольствием купил у нее яблок. нашел гостиницу — и встал напротив дежурной. молодая красивая полная — она разговаривала по телефону: ..он надоед как репей.. время час ночи.. я позвонила в милицию.. сказала — он пьяный в сию.. ну просто в сию.. в сию в самую.. так они тут же приехали и его забрали.. она спросила чего мне надо. дала анкету и продолжила разговор. бросив сумку — я гулял ветряными шахунскими улицами — разглядывал девушек. пил из колонок — была не августовская жара. утром экспрессом уеду в вятку. шахунья — прекрасная финка — заселенная русскими. жаль что нет никакой реки — искупался бы голым. зашел в магазин за вечерними продуктами. в магазине много людей. когда подошла моя очередь — появились две круглые тети — которые уверенно передо мной влезли и сразу же стали обращаться к продавщице. разве вы здесь стояли? — спросил я их. а разве нет? — обиженно сказала первая. да ты посмотри на него — он же в сию пьяный. — объявила вторая. я не в сию пьяный. — возразил им. да ты в обе сиси пьяный, милый, иди проспись! — закричали тетеньки разом. когда в конце своего

небольшого продуктового перечня я попросил коньяк — продавщица взглянула на меня неодобрительно. и оставалось одно: вечером в номере напиться на сию — с веселым духом города шахуны — с толстым шалопаем в зеленой шляпе.

а м е т и с с т

аметист бережет от пьянства — это известно. аметистовую подвеску подарила моему дяде — валерию — его жена вера. дядя валера работает механиком на 'волгонефти' — ходит по всей стране — бывает ненадолго выскочит в море. это серьезно ведь: 'волгонефть'. но это — во время навигации. в период же когда наши реки лежат во льдах — дядя валера лежал перед телевизором в тесной квартире — и много пил. аметистовую подвеску он принял с трепетом. с любовью — с верой. прицепил на шнурок — повесил на пояс — на голое тело. а через день или пару дней его остановили на улице и повезли в вытрезвитель. там отобрали штаны. смотрят — а это еще что такое? — поверх резинки широких трусов выглядывает аметист — нежно светится алым фиолетом. милиционеры принялись смеяться — и тут же выдали версию о происхождении аметиста очень обидную для женатого мужчины — речника и моряка. дядя почти заплакал. попросил позвонить жене — попросил чтобы отпустили. рассказал об аметисте правду. дядю выслушали — и сунули в камеру. там он сидел в слезах — в компании шестерых. а через час прибежала тетя вера. из вытрезвителя ей позвонили — хоть так у нас и не принято. заплатили штраф — побрили домой. дома обнаружилось что аметист от дяди ушел — потерялся по дороге. и честное слово — на этом закончилось дядино пьянство. и можно увидеть его нетрезвым лишь в день открытия навигации — и в день ее официального закрытия.

в а р г а н ы з е м л и

в середине августа на большой покровской в нижнем новгороде под зонтиками уличного кафе сидели три деда в галстуках — и пили водку. мы расположились к ним спинами — по соседству — и нечаянно слышали весь разговор. тем более что говорили они очень громко — голосами отлитыми эдак сорокапятилетием непрерывного преподавания в вузах. у каждого было свое сорокапятилетие — и свой вуз. но было очевидно что они знали друг друга давно — в течение жизни возможно менялись женами, менялись пощечинами, и трагикомичными лобзаниями мужчин — и выпивали они сейчас за невидимого своего четвертого, только что вернувшись с похорон. зычные деды пили аккуратно: за юру; за волгу; за честно прожитую жизнь. голоса их были какие-то густо-бордовые. варганы земли. весь смысл и цвет — в интонациях. а какой такой смысл? — самый простой: в землю. но все же не каждые старческие голоса резонируют вот так вот — заставляя цепенеть случайных соседей. мы вставали время от времени принести от кассы то горячие бутерброды, то мороженое, то чай — и видели как ветер ворошит их галстуки и волосы — а потом бежит по покровке и скатывается с откоса в волгу. а может быть мы еще, а? — гудел один. да пожалуй

и может. — соглашались остальные. девушка уважаемая, красивая! будьте нам любезны еще грамм четыреста. красивая у кассы отвечала: у нас самообслуживание — вы что забыли? деды удивленно хмыкали: разве?... и все трое медленно поднимались чтобы идти обновить графин. да ладно — сидите. — летело им из-за кассы. — сейчас принесу. осанистые — достойные — профессорское разрушение зубов. алкоголь растворил их слух — поэтому разговаривали они уже криками, жестикулировали, называли друг друга по имени-отчеству но на ты. когда девушка принесла им графин один дед коснулся ее руки и сказал: почему бы вам не подать документы на радиофизический? девушка не улыбнулась. они вспоминали своих студенток — и оппонирования на защитах — и то как не раз ходили ругаться в горком, бесстрашно отстаивая кого-то. мы слышали через спины как рюмки опять наполнились. юра был архитектор — но при этом поэт. — произнес из них кто-то. — я-то знал — я-то слышал. он был наш, горьковчанин — и писал как сережка есенин, володя высокоцкий — но совершенно иначе. по-здешнему — по-волжски. у него намечалась в ярославле книга — но он поцапался с редактором-подлецом. кое-что я знаю наизусть. это нужно прочитать стоя. ну-ка ну-ка!.. — оживились собеседники. — геннадий борисович, мы тебя очень просим.. мы не стали оборачиваться — только слышали как геннадий борисович тяжело встает. встав — продолжил: юра мне говорил что в пятьдесят девятом стоял у чкалова — у самого постамента — и смотрел вдаль — эти стихи пришли внезапно.. геннадий борисович кашлянул — и:

мы взлетим! мы взлетим!
турбинами загудим!
наших дней виражи
хорошему посвятим!

мы взлетим! мы взлетим!
рев в ушах! ну смелей!
мы летим! мы летим!
э-ге-гей! э-ге-гей!

сновавшие по покровке оглядывались на чтеца. их взгляды скользили и по нашим макушкам. а мы сидели и чувствовали что сами сейчас охотно бы опрокинули что-нибудь сильно спиртное. но не могли себе это позволить. ведь даже один горячительный глоток окутал бы наши сердца золотистой праздничностью — мешающей слушать варганы.

э л е к т р и ч е с т в о

ранде растопырив ноги и сушим мокрые пиписки электрическим пропеллером. пропеллер жужжит — и поворачивается в разные стороны. ему нравится.

м а ш а

мы гуляли по ялтинскому зоопарку держась за руки — и пели от счастья: ялта — апрель — смешные животные — а за ними море. тыпыр тыпыр биерге.. — кричали мы веселую татарскую песню — известную нам с казанских студенческих лет. мы шли накачавшиеся крымским вином. и в сумке у нас было еще две бутылки. мы целовались — и дергали друг друга за уши. проходя мимо вольера с пони — встали как вкопанные: до того милая была лошадка. толстенная маленькая бука. с блестящими боками и челочкой. она стояла совсем близко. мы кинулись тянуть к ней руки — гладить и кормить лавашом. это же маша! маша! — в два голоса решили мы. двестипроцентное воплощение имени! маша жевала лаваш — а мы ее гладили. в теплой машинной гриве сплетали пальцы. то и дело обращались к ней. маша — а маша!.. как чудесно что мы тебя нашли! маша жмурилась — кивала — была нам рада. а потом вдруг свесила большущий болт — и зажурчала в теплую землю.

в а р е ж к и

у старой кряшенской бабушки на рынке в селе ципья за сто рублей я купил варежки. черно-серые. наполовину овечья шерсть — наполовину козий пух. такие которые немножко колются и пушатся. купил бы и все пять пар — да пожалел тогда денег. варежки эти сверхэротичны. бог мой — можно было бы сунуть в них прямо на рынке! они с очевидностью будоражат. как все одежды из шерсти из льна из конопли. мягко покалывающие темные варежки — что-то особенное. я подарил их жене. после покупал часто. на волго-вятских рынках — всегда одинаковых! — на выходе из которых стоят вереницы закутанных в шали татарских чувашских марийских удмуртских эрзянских мокшанских бесермянских кряшен-ских русских бабуль — с изделиями из домашней шерсти. они — как будто улыбочиво сожалея о молодости — изо дня в день в любую погоду распродают эротику в чистом виде. еще есть шали жилетики и носки.. в варежках этих — весь эротический заряд нашего удивительного края — вся его теплая снежность и радость неисчислимой воды. связанные в здешней деревне варежки — фирменный подарок для моих гостей, для иногородних подружек. подругам я советую надевать их на руки своим друзьям и мужьям — и подставлять под их руки шею живот и груди. или же разнагишавшись тискать варежками самих себя — пока никого нет дома. подруги смеются и говорят: попробую.. все средневолжские пожилые продавщицы эротической шерсти знают меня в лицо.

к а р а с и

народный эпос о карасе! роман-эпопея о карасе! диссертация! балет! десятисерийный фильм! пятиактная опера!.. всё о карасе! восторг! восторг! вытянуть его из масляного болота! золото в иле! чудо чудес среди неподвижной воды — тихой — покрытой притворно безжизненными стрекозами — среди сладкого запаха страха и приключений!.. ухватить силача ладонями и поздороваться с ним — поцеловать в золотые губы! карась — это бог детства. лет в семнадцать мы перестали поддевать карасей на крючки — и с этого времени стали лишь осторожно гулять любимыми опасными болотами — осторожно всматриваться в них. там живут золотисто-алые боги-караси. всасывают в себя других богов — ильного слоника и пресноводную гидру. в детстве — когда мы здесь много тонули — они выталкивали нас на берег. тогда при нас были резиновые сапоги, кривая бамбуковая удочка и термос с горячим вишневым морсом. сейчас — захляпанные на шнурках ботинки, болотная палка-щуп и наполненная сорокапятиградусной 'камчаткой' фляжка с надписью 'экспедиция'.

ю р и й г а г а р и н и а н н а г е р м а н

двое самых замечательных мертвых за все времена человеческой смерти. светлые наши покровители: покровители живых. если нам нужен совет — мы подкидываем десятирублевик с улыбающимся лицом гагарина. можно и двухрублевик — там где гагарин в фуражке. юрий алексеевич выпавший лицом отвечает 'да'. улицы гагарина и площади — места где обретается любовь: здесь с закрытыми глазами можно ее увидеть. анна герман кажется еще сильнее. гагарин лежит в московской кремлевской стене. анна — на кальвинистском кладбище в варшаве. среди наших планов есть научно-мистический трактат — 'песни анны герман'. если успеем — обязательно его напишем. мы живем на улице гагарина. и больше всего на свете хотели бы обрести квартиру еще и на улице анны герман. если б у нас родилась разнополая двойня — мы бы назвали их юрием и анной.

с п и ч к а

с наташей случилось беда: она проснулась в осенней тундре. холодное небо покрывало наташу драным одеялом. дул ветер и шел дождь. в дальней дали чернели горы. таймырские бырранга или ямальская байдарацкая губа с последними вершинами урала. — думала наташа. а может быть заполярная якутия? — где каспают долганы? — самое ледяное место на земле? наташа была в одних трусиках — светло-зеленых — в которых накануне уснула прижавшись к мужу. ей было холодно — но как-то странно: кисельный детский озноб — вместо неземного околечения как если бы под ногами была планета сатурн. наташа шла по мхам. крестообразно закинув ладони на ключицы. прикрывая груди. в тундре есть много рек — и наташа рассчитывала дойти до какой-нибудь неширокой неглубокой реки — и двигаясь по ней найти помощь. но не было ни одной реки. и холод планеты сатурн действительно помалу заполнял наташу. наташа сунула руку в трусики. толкнула в женскую глубину два самых заколеченных пальца. и на свое счастье нащупала там спичку. теперь нужно поймать оленя. — подумала наташа. чтобы дождь не истре-

бил спичку — наташа аккуратно ввела ее себе в задний проход, вскоре прямо на нее выбежал олень. наташа его схватила, вынула спичку, чиркнула об оленью шкуру. спичка зажглась. наташе сделалось значительно теплее. потом ее подобрал вездеход и повез в сторону фактории. наташа села на матрасе на полу. было утро. улыбающийся голый муж копошился в платяном шкафу чтобы извлечь припрятанный там подарок к тридцать первому наташиному дню рождения.

о г н е н н а я т е л е г а и п т и ц а - л о д к а

поезд и самолет. если буквально перевести с монгольского и ненецкого.

в е р т у ш к а н а с о с н е

друг детства приехал из авиньона. он теперь там живет. изучает японский язык в авиньонском университете. я ему несказанно рад. выехал в малмыж встречать его автобус — прибывший из казани. оттуда привез в нолинск. наделил всем чем богат: пустотой дома и чердаком — кроватью — табуретом — велосипедом — мотоциклом — лодкой 'казанкой' не первый год лежащей во дворе. мы вышли вечером в парк. рыжие сосны — и река воя. у друга в сумке двухлитровая винная бутылка — с незамерзающей реки роны — за арлем впадающей в средиземное море. у меня — капустные пирожки и вертушка. помните такую радость? пусковая штука зажимается в кулаке — с резинкой внутри и леской. широкое с тремя лопастями кольцо — которое на штуку насаживается. ясно ведь о чем речь? за леску посильнее дергаешь — кольцо взмывает. до пятого этажа — или выше — так нам казалось в детстве. я недавно ее купил — и взял с собой чтобы обрадовать друга. он обрадовался. положил на землю авиньонскую неоткупоренную бутылку — и взял вертушку в руки. не закинь на сосну. — я улыбнулся. — ты ведь уже отвык. не отвык. — сказал друг и отошел от сосен в сторону. рука дернула — леска порвалась — вертушка унеслась в вечернее небо — и станцевав в ветре спланировала на сосну — на нижние ветви. нижние ветви сосны — это ведь не низко. вино не открыто. мы шарим в траве — в поисках чем бы кинуть. легкие палки и шишки позапрошлых лет здесь не подойдут. бутылка из-под 'трояра'. какое счастье! мы рады ей куда больше тех кто когда-то ее распилил. кидаем по очереди. проходит вечер. утираем мокрые лбы. молодые мамы смотрят на нас с симпатией. пожилые подруги оборачиваясь говорят: чокнулись наркоманы. вино открыто. мы кидаем — и пьем. почти стемнело. пьем виноградное солнце роны и кидаем 'трояром' вверх. когда налетит ветер и закачает сосновые ветви — мы кричим ему: давай сильнее! я произношу заговор повышающий силу ветра — но он на финском — и здешние ветра его не чувствуют.

п о л ы н ь т а в р и ч е с к а я

эфирное масло полыни таврической — за двадцать рублей — в колбочке — которое всегда с собой носим — и вдыхаем южное лето — мы подарили шестнадцатилетней чувашской невесте в праздник семик. невеста была беременна — и вме-

сте с женихом гуляла по кладбищу — рассыпала конфеты по родным могилам — капала самогон. качалась сирень — целовала фотографии на памятниках. мы обходили с камерой умогильные столы — сидящих за ними веселых людей нетрезвых от праздничного солнца. детей прогонявших бабочек из дырявых могильных мисок. стариков дающих им подзатыльники. бабочки — это покойных души. сняли невесту — показывавшую предкам свой большой живот — испрашивавшую счастливую семейную жизнь и легкие роды. невеста поднесла нам чашку с самогоном. мы выпили — сунули руку в карман — и протянули масло. невеста понюхала. и жених понюхал. жених улыбнулся слегка беззубо — и приобнял подругу. невеста спросила: а можно им мазать вот тут? и хлопнула себя под живот бескровной птичьей ладонью. жених захихикал. мы строго ответили: волосы — можно. только чуть-чуть. открытую кожу — ни в коем случае.

С Т И Х И

рифмованные — с выпуклым ритмом стихи — пустая инерция ритуального поведения. если конечно рифмование и ритмика не берутся в привычки — и стихи не тараторятся с примитивистской улыбкой. нормальная речь уступала место сакральной в самых значимых жизненных случаях — в самые ответственные бытийные узлы — каковыми являлись праздники. изменять привычную речь на непривычную: например интонировать (петь), рифмовать, кричать или шептать вполголоса — заложив ногу за ухо и закатив глаза: следует исключительно ради диалога с богами — ради спасения самого себя и всего человечества. ритуальное поведение в виде различных осколков сидит в нас очень и очень сильно. поэтому мы любим попеть — пописать и послушать поэзию. литература должна стремиться к молитве: это безусловно. но верно ли всуе резонировать? пьяное пение — тому пример. алкоголь за ручку приводит нас в это очень бородастое ритуальное поведение. человек напился — и хочет петь — и кожей полагает что боги приготовились его слушать. стало быть — подавляющее большинство тех кто пишет стихи всерьез — напоминает пьяного горланящего 'ой да не вечер' или о том что сильнее всех красная армия.

С Е С И Л Ь

эту игру — я думаю — придумали еще вятские гимназисты. хоть прямых доказательств нет. поздно спохватились — бывшие гимназисты все почти умерли. но поищите если хотите. нам игра тоже нравится. вятская сашенька или оля — у которой уже третий год все желанно и красиво — и выступает новыми контурами — приходит в гости к дмитрию или к алексею. они выпивают чаю с ликером в комнате где наиболее жарко протоплено — и принимаются играть в сесиль. сесиль — это сашенька (оля). она в гимназическом платье — прижимается спиной к стене — начинает строить ужасно кокетливые рожи — поводить плечами — гладить себя по губам по щекам — за грудки — приподнимать и одергивать подол — говоря при этом разные французские словечки — любые и самые глупые: пардон — мерси — пуркуа па — жё мапэль сесиль — фромаж — о ревуар — манже — силь ву пле — ди-

манш — пуассон — солей — жё вудрэ — ожурдюи — мадам агат ва а ля гяр.. а олух дима — или золотой медалист алексей — со смехом и страстью вятской дикой принимается ее целовать и ощупывать. растарабанит сашеньке всю прическу — всю одежду — наворошит пальцами — напενит — наставит синяков — и все на этом. ведь до серьезной физики вятские гимназисты еще не доросли. а когда дорастут — игра в сесиль будет им уже казаться глупостью.

т е к о г о я б у д у д у ш и т ь

у меня есть несколько заветных перечней. те кого я буду душить после смерти — один из них. там пока четыре человека. трое из них — врачи. перечень открытый. я был бы рад не пополнять его новыми фамилиями. делать мне будет больше нечего на том свете — как еще и кого-то душить!.. но то что каждому из этого перечня грозит регулярное мной душение — очевиднее очевидного.

н о в о с и б и р с к и е о с т р о в а

острова разделяющие море лаптевых и восточно-сибирское море — наша святая земля. наша мекка. мы ежедневно бываем там. сильно уставшие — мы открываем голову: и все что там есть отпускаем на новосибирские острова. и жители нашей головы — все наши мысли — все импульсы — подолгу там гуляют: с острова на остров — из пролива в пролив — среди нагромождений рассыпавшихся мамонтов — неисчислимого камня — неисчислимых ветров и птиц — садятся моржам на головы — касаткам на плавники — гренландскому киту на спину. спят укрывшись на острове котельный — самом крупном новосибирском острове.

п л е м я н н и к и

странно- остро- и нежно- эротические отношения между тетями и племянниками — на виду у всех. и очень давно нас волнуют. между ними пламенеет большая дружба — в ней сладко бесстыдствуют доверительные касания и эксгибиционизм. племяннику тетя — и старшая родня и девушка. тети молоды — им нравится племянников в себя влюблять. они им о многом рассказывают. и показывают тоже многое. недавнозамужние — они с удовольствием кормят грудью своих младенцев — в присутствии племянников хлебующих суп. или сцеживают лишнее молоко за тем же столом — пока нет никого кто их пристыдит и прогонит. ладно помогать не просят. уходя в баню — сильно сожалеют что не могут прихватить племянников с собой. поэтому часто кричат из предбанника что забыли халат или полотенце. и когда племянники им все принесут — распахивают двери как настоящие королевы — щуря блестящие близорукие глаза. не всегда даже ойкнув для приличия. (ой это ты!.. я думала — мама..) они объявляют племянникам что спят обнаженными — что это очень полез-

но — и с вечера в дверях своих комнат оставляют небольшой зазор. племянники тоже не лыком шиты. пусть им восемь-четырнадцать лет — сексуальную манеру общения с тетями они принимают смертельно охотно. поднимаясь над городом с любимой тетей на колесе обозрения — они быстро целуют ее в ушко. они отчаянно рвутся купаться на дамбу — ближе к десяти вечера — когда дедушка с бабушкой уже в пижамах и не могут их сопровождать — и командируют в провожатые свою девятнадцатилетнюю дочь — то есть тетю. и племянники плавают с тетями в окрашенной сумерками воде. и бросаются в них галькой. а когда наступает самое желанное время — время переодеваний — задышающиеся от восторга племянники стаскивают перед тетями плавки — обнаруживая изумленным тетиным глазам густые мужские волосы. и тети прерывисто выдыхают: бесстыдник! — и задумчиво развязывают купальники. и племянники кричат им: сама бесстыдница! — и выкручивают свои плавки выкручивают! в них давно не осталось и капли воды. между племянниками и их молодыми тетями — какой-то небесный протокол — завизированный рукой господ.

т ю б е т е й к а

художнику действительно следует покрывать голову во время работы. идеальный вариант шапочки мастера — тибетейка. во-первых шайтан не залезет в башку — и не вылезут боги. во-вторых — соберутся мысли в кружок. а в-третьих — можно позволить себе благородный художественный гнев — и сорвав с головы тибетейку швырнуть ее в домочадцев — мешающих работать. тибетейкой не искалечишь.

л и ч и н к и

июль-август между третьим и четвертым курсами я подрабатывал на стройке. мы занимались прокладкой трубопроводов. меня и еще двоих рабочих однажды привезли на какую-то дальнюю автобазу — и велели раздолбить кувалдами широченный торчащий на метр бетонный колодец — собственно отколоть лишнее — и положить при помощи крана бетонную крышку чуть выше уровня земли. мы покурили и было взялись за дело. одному колотить кувалдой — двум другим ожидать свой черед. я полез первый. размахнулся — и ударил. бетон заскрипел. ударил сильнее — бетон посыпался. в колодце темнела гнилая вода. я всмотрелся в эту воду — и увидел каких-то существ. чудовищных чудовищ — копошащихся у самой поверхности — размером со взрослый палец. серо-коричневых. посылая миллион поцелуев-приветов зоологии беспозвоночных — я не знал кто они. я крикнул своих друзей заглянуть внутрь. это были вероятно какие-то личинки — какая-то промежуточная жизнь. они мне никогда не встречались. такое безобразие — такой восторг. у каждой из них было сто ножек — сто голов — сто хвостов — двести усиков — пятьдесят звеньев. друзья заглянули. они были старше меня раза в два с половиной. каждое утро они выпивали портвейн — в обеденный перерыв водку — пьянели только к вечеру в вахтовом автобусе — разговаривали на девяностошестиградусном мате. они сказали: вот тебе

на! это что за чертовщина? подожди-ка подожди!.. кувалды лежали не земле. мы стояли и долго смотрели. я подобрал проволоку — и попытался одно из чудовищ поддеть под брюшко — чтобы поближе рассмотреть. но оно шлепнулось обратно и шумно забилось. рабочие на меня зашикали: осторожней ты! не повреди! как же мы в них бетонными глыбами будем сыпать?.. колодец мы разламывали целый рабочий день. вместо часика — как предполагал мастер. мы крушили колодец — как ели торт — по чуть-чуть — золотыми чайными ложечками с эмалевыми гербами. в бетонном кольце — каркас из проволоки: мы осторожно снимали с него разбитые куски. один из нас сильно разрезал палец — из-за такой ювелирной работы. когда же в положенное время мастер прибыл и со свирепой рожей пошел на нас — мы показали ему личинок. мастер галактически заматерился — но это был гневный восторг. изматерил личинок — изматерил нас. божился что коэффициент трудового участия в зарплате за этот месяц у нас будет ноль. мы ему не верили.

с м е р т н ы е к о л ы б е л ь н ы е

люди работающие с фольклором знают о смертных колыбельных. есть специалисты по 'смертным' — и хорошие статьи. но мы до того околдованы и потрясены этими песнями — что еще раз хотим рассказать о них. смертных колыбельных много записывалось на русском севере. их и сейчас поют. в смертных колыбельных поющих желает ребенку смерти. люлю бай люлю бай — поскорей умирай. — типичный для них зачин. мать (или бабушка) делает пугающий равнодушный голос. дальше описываются подготовка к похоронам и сами похороны. папа сделает гробок — из осиновых досок. мама платице сошьет.. заканчиваются называнием того что поставят и что посадят на детской могиле. камень или крест. череду или крапиву. смертные колыбельные призваны обмануть смерть. пустить ее по ложному следу. чтобы она миновала дом — где ребенок и так сейчас умирает или уже умер. смертные колыбельные поются над детьми которые серьезно болеют — или в минуты когда взрослые слишком сильно за них тревожатся — когда готовы реветь от любви. в качестве иллюстрации мы сочинили одну типичную смертную. чтобы не повторять известных. они выглядят именно так:

люлю бай люлю бай
я прошу — умирай
не кричи не реви
отвернись и умри
будет выжить с утра
понесем со двора
ямку выдолбим тебе
на мартыновой горе
в два холста завернем
летом в гости придем

— а п ч х и!

— не чихай — сволочь!

с в я т а я в о д а

крещение — это единственный праздник когда очень тянет пойти на всенощную. крещенский сочельник невозможно нежен — наверное из-за воды. нежная ночь надежды. вода населенная богом утешит и исцелит. помню однажды привез из деревни воду освященную крещением. держал в шифоньере — любовался всю весну. делал осторожные глоточки. а встретив лето напился на радости в парке с двумя подругами какой-то плохой мадеры — и сильно страдая под утро нашарил крещенскую бутылку и в два глотка проглотил. днем было очень горестно. перед глазами мигали проруби залитые нежностью — наполненные звездной хрупкостью родники. я грозил своему отражению в зеркале крещенской пустой бутылкой. отражение было опухшим — виновато краснело глазами — сокрушенно фыркало.

г о р о д l i

севернее городка хаукипудас — не доезжая куйваниями — у северо-восточной кромки ботнического залива — в провинции оулу — есть город ли. речка ли впадает здесь в море. есть автомобильная и железная дороги — идущие параллельно — самой линией морской воды. в сорока километрах выше по течению ли-речушки находится город юли-ли. мы во что бы то ни стало должны сюда съездить. в города ли и юли-ли. неужели там живут люди? до города ли от хельсинки — шестьсот пятьдесят километров на север.

у л и т к а

в мокшанском селе лелесьвеле в тетюшском районе бытует игра 'улитка'. улитка — покажи рога. — говорит парень девушке. и девушка — если парень ей не противен — на коротко показывает титьки. мы снимали здесь фильм — на троицу — а таня вокруг нас так и крутилась. видно было что мы ей нравились. а может хотела с нами в огромный киров? на таниной футболке были чьи-то чудовищные полустертые рожи. похоже красивых и энергичных 'космических девиц'. грудь под ней пела и ходила. что ж! время троицы — женское. тани было пятнадцать — а нам двадцать шесть. она звала нас к себе домой — пока все были за селом в березах. мы сказали ей: невозможно. и пошагали к оператору — снимавшему с высоты танцующих в березах. и таня сказала: сыграем с вами в улитку? — и объяснила правила. таня — вылитое яблоко. улитка улитка — покажи рога. — бросил я яблоневои соблазнительнице. и таня потянула футболку вверх. улыбается — и стоит — покачивает плечами. таня — опусти — ну всё! — я не мог открыться соблазнам деревни. страшно жаль — но приходится иметь здесь принципы. таня захихикала: да ладно! — оглянитесь! я оглянулся на четыре стороны — и увидел спускающиеся к волге холмы — с прозрачными

березами — растущими хороводами ручьями и веерами — покрытые людьми играющими в улитку. ты счастье — мокшанская троица! среди играющих были видны оператор — его ассистент — звукорежиссер — и водитель. далекая камера на штативе была повернута объективом к солнцу.

б у к о в и н а

маргарита ильинична славянова (в девичестве эминеску) — лежала одетая и в туфлях — в каюте теплохода 'буковина' — двигавшегося из архангельска в амдерму — первым экспериментальным рейсом севморпароходства — решившего наладить пассажирскую линию между областной столицей и самым дальним поселком области — в глубоком заполярье — у края карского моря — у пролива югорский шар. теплоход 'буковина' был комфортабельный. но все равно раскачивало так сильно — что маргарита ильинична очень боялась. шел год за номером 1964. маргарита ильинична — доктор. корабельный доктор на этот рейс. она жила в четырех-комнатной квартире в центре архангельска всю свою замужнюю жизнь. только мужа уже нет в живых. он был филолог. работал на радио — и корректировал несколько газет. зато живы скверные его родители. миновали поселок несъ — и полуостров канин. впереди остров колгуев — носовая — вارانдей. и варнек — столица острова вайгач. после которого только амдерма. это ведь родина ее — буковина. виноградно-холмистая. ветренно-слезная. дульче-амарэ. поэтому она и вызвалась в рейс. южная буковина — город рэдэуць. сейчас — социалистическая румыния. михай эминеску — великий поэт — молодой и трагический папа румынской литературы — ее прямой предок. илие эминеску — папа маргариты ильиничны — живет в одессе. баренцево море трогает сердце — но как-то уж очень сильно. маргарита ильинична сердится сама на себя. ну что это такое? как она себя ведет в море? и хватает за виски — потому что 'буковина' снова проваливается в пучину. и лежащий в помятой черной юбке доктор видит как невкусная весовая морская капуста забивает ей рот и глаза. больше маргарите ильиничне не придется так мучиться. в связи с неполной загрузкой теплохода пассажирами эксперимент закончится одним рейсом.

м а с т и к а

лягу и усну — а когда встану — очень хотел бы найти стограммовую бутылочку македонской анисовой мастики. сорок три градуса. стояла бы рядом с кроватью на полу. в награду за эту книгу.

ПЫЛЬНЫЙ МИША

/с и н е е
п у т е -
ш е с т в и е
и з р у ш е к
и з ч е х и и/

ветлуга
2004

К Т О Т а к и е п ы л ь н ы й м и ш а
и л и б у ш е б е л у н к о в а ?

пыльный миша был из раскраски. а либуше белункова — с круглым носом и веревочными волосами. оба они были для детей и говорили друг с другом на чешском. платье либуше было в синюю клетку — а у миши были синие кепка и комбинезон. пыльного мишу нарисовал художник анджей черевка. кто придумал либуше белункову — мы не знаем. липнице — это город где на улицах много пуговиц — там жили миша и либуше. вообще-то миша не пыльный — а старательный. pilný — по-чешски значит старательный. но на обложке раскраски написано 'pilný miša' — старательный медвежонок — и нарисован миша с пылесосом. мы смеялись и решили что пусть уж будет пыльный — раз писать на русском — а миша когда узнал тоже смеялся и не был против. миша старательный не случайно — на разворотах своей раскраски он то прибирается, то ловит рыбу, угощает вином собаку и пчелку, сажает вишню, стирает шорты, красит окно — поэтому. а либуше белункова — милая — жалко детям отдавать. они ее сунут в песок и платье запачкают творогом и черникой. может быть потом ее получат — когда вырастут. пусть вон пока играют старыми целлулоидовыми куклами — а не либуше белунковой. надо бы отдать конечно — но все равно потом. миша давно уже кем-то раскрашен — а значит в раскраске делать ему больше нечего. а либуше — купленная в подарок — сидит в шкафу и ждет когда дети подрастут.

к а к л и б у ш е и м и ш а и с ч е з л и

либуше с мишей в отличие от людей легко исчезнуть. они исчезли из липниц и появились в крумлове. в зоомагазине на площади крумлова купили в банке шпорцевую лягушку и исчезли опять. появились в брно — и поели в кафе салат из морской капусты. появились в пардубицах — заглянули к даме по фамилии меликова. появились в яблонце — поели яблок. появились в младеничкуве —

мельтешили прятались озирались по сторонам. появились в весели-над-лужнице — там их застала ночь. лужнице — неглубокая река. миша сказал: давай уляжемся спать на дно с прудовиками и рыбами. либуше согласилась.

к а к л и б у ш е п л а к а л а

среди ночи миша проснулся оттого что либуше плакала. вокруг и так вода и водоросли — а теперь еще и слезы — от них розоватые щеки либуше немного смылись. что случилось? — испугался миша. лягушка убежала. — ответила либуше и показала пустую банку. вдруг заиграла музыка. течение реки усилилось — стало тревожней и нежней. а крышку ты перед сном закрываешь? — спросил миша. либуше отрицательно покачала головой. ну не плачь пожалуйста — лягушке теперь просторно — поплывет в океан. — и миша погладил либуше по голове. я тебя давно люблю — сказала либуше. и они впервые обнялись — на дне реки лужнице на окраине города весели-над-лужнице в середине августа.

п ы л ь н ы й м и ш а и л и б у ш е б е л у н к о в а о с т а в и л и ч е ш с к и е р е к и и г о р о д а

оставили — верно. в чехии их с тех пор не видели. они поженились на волыни в польском городе перемышле — поселились там же в гостинице — и вдруг потерялись. миша поехал на автобусе в румынию за красивой одеждой и разделочными досками — поехал один чтобы было дешевле — и пропал. либуше придумала песню и пела — заглядывая в пустые костелы перемышляя, спускаясь и поднимаясь кривыми улицами к сломанному замку, гуляя по окрестным сырým холмам.

п е с н я л и б у ш е б е л у н к о в о й

ой река сучава ой на пруте волны
миша уезжает самый пыльный миша
самый толстый миша с пилой и коробкой
вы слышали миша утопился в буге
вы слышали миша попал под колеса
вы слышали миша подавился сливой
ой-ой не слышали ой-ой не видали
ой-ой не любили
уехал в повозке — в повозке цыгане
мишу нет не знают — пыльного забыли
видели в быстрицах — шел по дороге
видели в белграде — лежал на скамейке
ой река сучава ой на пруте волны
ой зима без снега ой уехал миша

иногда она пела так

ой река сучава ой на пруте волны
зонтик уезжает самый теплый зонтик
самый хрупкий зонтик с большим чемоданом
вы слышали зонтик утопился в буге
вы слышали зонтик попал под колеса
вы слышали зонтик был казнен на рынке
ой-ой не слышали ой-ой не видали
ой-ой не любили
уехал в повозке — в повозке цыгане
зонтика не знают — зонтика забыли
видели в быстрицах — шел по дороге
видели в белграде — лежал на скамейке
ой река сучава ой на пруте волны
ой зима без снега ой уехал зонтик

миша пойман в тимшоаре и бежит в фэгэраш

а мишу с красивыми разделочными досками, ворохом нарядной одежды для себя и либуше, и в высокой новой овечьей шапке задержала румынская полиция в городе тимшоаре и посадила в ведро. миша просил себе пылесос, чтобы сделать уборку. просил шкаф и плечики — чтобы все аккуратно развесить. но ничего не получил. тогда миша исчез — а доски с одеждой оставил: им нельзя было исчезнуть вместе с ним. овечью шапку миша так протаскил — запрятал ее под рубашку и трусики. из-за этой шапки миша не смог сразу очутиться там где хотел (то есть рядом с либуше в гостинице в перемышле) — а свалился на улицу в румынский город фэгэраш — расположенный высоко в горах — в половине своего пути. рядом оказалась почта — и миша заплатив монету в пятьдесят лей с портретом короля александру куза сообщил либуше что едет — и либуше выехала его встречать в город рэдэуць на румынскую буковину — потому что город рэдэуць самый синий и ласковый.

рэдэуць

ну как на волыни? — спросил миша, когда они обнялись. на волыни снег. — либуше вынула рыбные котлеты. у вас снег и у нас снег. — добавил миша. они сели возле дорожного указателя с надписью rădăuți. либуше достала из внутреннего кармана бутылку некрепкой водки — а миша ее открыл. такой крупный снег бывает только на буковине. такой теплый и крупный. рэдэуць — лучший город на свете. — либуше сказала правду — а миша плеснул на землю немножечко из бутылки. от указателя обозначающего начало города до самого города было еще с полтора километра — и выходит что город рэдэуць либуше с мишей еще не видели. но они не пошли туда — чтобы не задохнуться от сча-

стья. от счастья не стоит умирать. долго они так сидели. стало темнеть — и либуше с мишей решили поймать такси и доехать до границы двенадцать километров. такси-то они поймали — поехали — но — тут вдруг такой сильный снег пошел что все дороги засыпало мгновенно — а такси застряло. над тремя румынскими провинциями — молдовой, в которую входит и буковина, марамурешом и банатом — как раз в эти синие предновогодние дни просыпался огромный снег: поезда въезжали в снежные стены и высаживали пассажиров посреди гор и степей, автовокзалы отменяли все рейсы, радовались дети, кричали наряженные зимние девушки и их товарищи в тулупах и длинных цветных шарфах — из глубины снега отовсюду слышались хохот и скрипки и блеянье овец святого вэсиле — возгласы 'че фатэ фрумоасэ!' (какая красивая девушка!) и 'че бэят фрумос!' (какой красивый парень!) — всем было так празднично так тепло — снег согревал все деревни и города будто толстым-претолстым живым одеялом. да нет же нет! — не только над тремя провинциями! — это творилось по всей румынии — снег валил и в трансильвании и в кришане и в валахии, в которую входит добруджа. вместе с трансильванией в городке синайя засыпало летнюю резиденцию короля. а вместе с валахией засыпало и бухарест — со всеми его музеями, цыганами, урнами, церквями, трамваями, метро, речкой дымбовицей и проспектом победы (cala victoriei). глубоким вечером этого дня немного навеселе и до неузнаваемости облепленные снегом пыльный миша и либуше белункова подошли к поселку сирет — за которым две стеклянные будки два флага и лежащий поперек дороги столб — отделяющий румынскую буковину от украинской.

ка к ли бу ше и ми ша ста ли си ни ми

станем полностью синими? — предложил миша. станем. — кивнула либуше. и их стало не видно — ведь вокруг повсюду синяя земля и синий воздух. синие комнаты, города. и сердца живых — синие-синие. едем в город ивано-франковск через прут и чернузъ и роняем синие ресницы. либуше белункова с пыльным мишей тоже трясутся в таком же автобусе среди синего января, синих огромных сумок с синим мясом внутри. в киев — большой и синий — они не поехали. решили не ехать в синий могилев. в кишинев и калараш отправили синие подарки. всего не объехать. закончилась волынь — началось полесье. синего цвета меньше не стало. мозырь проехали и гродно. и не станет — даже когда приедем в вентспилс — на море латвии — и синее путешествие закончится. эта книга — самая таинственная.

как либуше и миша свернули
в ветлугу и уржум

когда синий цвет приобрел первые контуры литвы — либуше сказала что хочет в ветлугу — а миша вспомнил что собирался в уржум. город ветлуга на реке ветлуга. город уржум на реке уржумка. (есть еще город вологда на реке вологда — мы о нем помним). это не сербское поморавье — а ветлужско-вятский край. кто упомянет эти два города всеу — будет есть хлеб со спорыньей и заболит злой корчей. либуше сказала в ветлуге: если я умру первой — привези меня сюда.

пыльный миша сказал в уржуме: похорони меня на здешнем кладбище. по улицам этих городов они катали друг другу стеклянный шар. пили дешевый кагор на подтаявшем льду обеих рек. целовались и мерзли. либуше и миша проживут долго. уржум и ветлуга — города не для смерти — а для жизни более чем: для жизни слишком хорошей — которой не будет и нет. разговоры о смерти приходят здесь оттого что точно так же как в случае румынского города рэдзуц — при одной только мысли об уржуме и ветлуге можно задохнуться от синего цвета — обволакивающего легкие и глаза. ты синяя синяя, любовь. ты такая синяя. а пчелино-желтой бываешь редко. синее абсолютно все. даже керосин стал синим. пускай — это ничего. это значит что мир печально-волшебен — а мы в нем печальные волшебники — и не изменится цвет. у либуше и миши на пальцах синие обручальные кольца. синяя веселка ботева где-то живет неподалеку.

как либуше и миша познакомились с веселкой ботевой

на ветлужском автовокзале к пыльному мише и либуше белунковой поедающим бутерброды подошла какая-то девушка в синей короткой куртке. ну что сидим? — спрашивает. в латвию едем. — важно ответил миша. — на море. — встал и поклонился. позвольте представиться — пыльный миша — а это моя жена пани либуше белункова — мы из чехии из липниц. а либуше на это кивнула и быстро дожевала бутерброд. веселка ботева. — улыбнулась девушка и присела рядом с ними. вы где живете? — спросила либуше. да тут. — веселка махнула рукой. — во сколько у вас автобус? — давайте я вас провожу. давайте давайте. — обрадовался миша. — а автобус прямо сейчас. невидимый синий голос заговорил сквозь тоже невидимые но безусловно синие динамики: либуше и миша — пройдите на посадку — не забудьте взять сумки и сходить в туалет. все вокруг захохотали — а миша либуше и веселка торопливо вышли на улицу. ну до свидания. — шевелит губами веселка ботева с улицы глядя в автобусное окно. па shledanou. — нараспев по-чешски прощаются с ней миша и либуше. автобус дернулся и поехал сначала вниз по зимней улице потом вверх на мост через ветлугу.

н а б е р е г у в а р д а р а

край вардара седиш, мори
бело платно белиш
се нагоре гледаш, душо,
срце мое, йовано йованке

— пела либуше на македонском. сидишь, любимая, на берегу вардара, белишь белое полотно, смотришь вверх, душа, сердце мое, йована йованка.. они с мишей шли берегом реки вардар и думали — как попали в македонию? ответа не было — была лишь уверенность в том что всё это верно — без македонского вардара их синее путешествие было

бы неполным. снега нет — тепло. миша попил речной воды — а либуше помылась. я расскажу тебе о синей герцеговине и городе мостаре на реке неретве — отсюда это недалеко. — сказал пыльный миша раздетой либуше, которая вылезла из вардара — и закурил.

клонится груша под
сильным ветром
/рассказ пыльного миши/

трое больных сифилисом музыкантов — скрипка аккордеон скрипка — играют песню. аккордеон сидит на земле; скрипка: лысый безногий карлик — привязанный к тележке двумя истертыми ремнями — тоже можно сказать на земле — сам размером со скрипку — катит огромные слезы по щекам — играет как больше чем бог; вторая скрипка стоит: черная небритая пьяная — на одежде сухая кровь — на щеках грязный пот — босиком. но это еще не вся труппа. артистов пятеро. в трех шагах от музыкантов — девушка в боснийских шальварах грязно-белого цвета — под шальварами ничего нет и это отлично видно — выше пояса девушка голая — черные волосы за плечами — бог велик — он знает откуда родом эта девушка как ее зовут и где ей жить после смерти — руки она держит над головой как бы кругом. прямо напротив девушки — слегка присев — опершись ладонями на собственные колени стоит мальчик лет пятнадцати — он единственный в высокой черной овечьей шапке — и дует на девушку — дует неимоверно надувая щеки — дует со всей груди — дует до черных слез на пыльных щеках. девушка от этих его выдуваний прогибается то в одну то в другую сторону — гнется — едва стоит — она тонкая — где ей устоять — груди ее встряхиваются, катаются, глядят в упор — а собравшиеся вокруг рычат от радости и швыряют деньги в музыкантов и в пыль под ноги девушке и в саму девушку куда ни попадя с такой силой — что иной из этих бедняг так и вскрикнет от удара монеты по лицу.

между базаром и рашкою на холме
клонится груша под сильным ветром

— поет дурным голосом аккордеон — он сидит на земле — карлик глядит на солнце и плачет — груша клонится куда ни подует ветер — на ней всего две груши — так и должно быть. песню им не дают закончить: когда намечается конец — в них летят деньги камни и проклятия — аккордеон повторяет каждый куплет по три раза — мальчик бледнеет — песня повторяется не менее десяти раз — я знаю наверняка, можно и не понимать язык — после того как песню удастся закончить все пятеро ложатся на спины в пыль — но и это не конец — это чистая правда — клянусь своими глазами — клонится груша под сильным ветром — все — все болеют и плачут — все здесь стаканами хлещут уксус — герцеговина — неретва — мостар — осень — целую целую тебя!

о н е г а

белое море — скалистые острова. город онега — набережная. либуше белункова молчит — и пыльный миша молчит — звездчатый скат плывет подо льдом онежской губы белого моря.

к а н д а л а к ш а

а кандалакшская губа хоть и тоже замерзла — но ее вскрывает синий ледокол чтобы не прекращалась синяя навигация. пыльный миша и либуше белункова по-прежнему молчат — глядят на синий след от ледокола своими синими глазами. на мише синяя капитанская фуражка — а у либуше маленький нос.

что пыльный миша сказал либуше белунковой вполголоса

асеновград звониград смолян
момчилград крумовград подкова
златоград бачково гоце-делчев
велинград благоевград видин
михайловград тополовград шумен
пазарджик нови-пазар марица разград
пловдив свиленград черковица русе
исперих силистра тырново габрово
тырговиште радомир елена петрич
ботевград стара загора мельник мадара
плиска преслав никопол ой сливен

п о с е л о к б р и к е т н ы й у л и ц а л у г о в а я д о м 1

мы где? — удивился пыльный миша. похоже где-то в россии. — задумчиво ответила либуше белункова. они стоят посреди болот перед низким деревянным домом с коричневой дверью с вывеской ул. луговая 1. у воды осока и камыш — в воде извиваются пиявки — на воде качаются утки. мелкие болота — мелкие дома. где-то впереди в конце заболоченной улицы — кучи песка которые ровняет трактор. скоро здесь ничего не будет. — понимающе сказал миша. ага. — согласилась либуше белункова.

л и б у ш е и м и ш а в г о р а х б ы р р а н г а

ой-ой! — кричит пыльный миша. ай-ай-ай-ай! — отвечает ему либуше белункова с соседней вершины в синих горах бырранга на синем холодном таймыре. они стоят в этих самых северных самых одиноких горах — под ногами у них вся земля весь мир — впереди только синие киты и синие касатки — синий ветер все дует и дует. они уже ничему не удивляются. не удивляются тому что что-то им постоянно мешает просто и прямо достигнуть латвии.

у либуше маленький нос

у либуше маленький нос
маленький нос
который замерз
а у пыльного миши
ф у р а ж к а

такую песню сочиненную еще в кандалакше пел миша для своей либуше — когда их здорово заоченевших увозили из таймырских гор два синих пилота на синем вертолете в дудинку.

либуше и миша в
байдарацкой тундре

давай заодно и здесь все посмотрим. — сказали одновременно либуше и миша когда уже из дудинки летели строго на запад. и они посмотрели место где вырывается в небо упругий нерв земли, где головы людей не выдерживают натиска силы — ломаются как спички, где серый шершавый урал ныряет под океан и кричит пронзительно.

б у д а

в пригородах буды — кроты и лисята. важные венгры с ружьями и охотничьими собаками. вот например идет бассет с перепачканными болотной грязью лапами. афишные тумбы всем сообщают что будет рисованный фильм про мальчика — он везде путешествовал и кого-то искал, а когда грустил — прятал лицо в коленки — и играла музыка. почему так сильно ветер дует? маленький пыльный миша сидит со своей подружкой на тротуаре на крышке люка и шепчет: либуше милая..

смотрят синий рисованный фильм
в синем кинотеатре

и они пошли в тот самый кинотеатр посмотреть цветную историю о венгерском или югославском мальчике лукаше или милоше который носил колпак — плавал на плоту — ночевал под деревом — пел и плакал. этот разноцветный фильм оказался совершенно синим — но от этого только выиграл. музыка очищенная от других цветов под которую плакал мальчик заменяла каждому зрителю душу — становилась вместо нее. наши синие миша с либушей вышли из кинозала зареванные. а ведь история не была особенно грустна — и все хорошо закончилось — все дело в синеве. уедем отсюда — уедем из буды, миша. — твердила либуше отчаянно. у миши тоже дрожали губы. не разбирая дорог они шли всю ночь и утром вышли из венгрии — перешли словацкие синие карпаты — и снова попали в польшу.

к р а к о в

зачем мы так бежали бежали? — миша с либуше сидят на старом городе у краковского барбакана. — ведь вроде таким хорошим был тот венгерский фильм. рядом с ними трое людей из боснии играют какую-то дикую синюю музыку. один из них — карлик на маленькой тележке с поцарапанной скрипкой в руках — безногий — размером со скрипку. миша видит его и легко бледнеет — но это не заметно. все ходят вокруг и целуются — студенты ягеллонского университета угощают пивом студенток — в старом синем городе кракове наступила весна.

л о д з ь

пшы улицы пётрковскей спаээровалищмы разэм з колегами пшэз цалэ вёсэне дне. розмавалищмы о паненках о милощчы — пилищмы дужо алкохолю — щеджелищмы в кавярнях — щёпевалищмы глощно пёсэнки польске, росыиске, румуньске, финьске и навэт немецке. ледве не zostали забрани на полицие — але мелищмы шчэньщчы: полицыаньчи пшэбывали в добрым настрою. виджелищмы мишэ ораз либушэ — тэж там лажили и робили не вядомо цо. правдоподобне спаээровали рувнеж — так само як мы. луджэ — то ест пенкнэ! място о колэже гранатовым. но то до видзэня паньству. на раже. эчэщчы!

к а к п о п а с т ь в г р о д и с к - м а з о в е ц к и

сесть в варшаве на синю железную линию в синю трехвагонку и ехать один синий час. купите синие билеты — дышите спокойнее. на станции коморув придут контролеры — и наступит март. гродиск-мазовецки пахнет аптекой, слабостью весны, пробитыми телефонными картами. для миши с либуше город вполне подходящий. не снять ли комнату за миллион двести злотых? с хозяйкой, у которой трое подростков-детей, коробка цветных деталей от радио и ни одной кровати. можно даже в магазин зайти и подарить по банке олив грудастым польским школьницам — идущим в зеленых куртках всеми улицами одновременно — по пятеро и всемером. либуше белункова идет без шапки и слегка прихрамывает — а пыльный миша любителю привокзальной частью гродиска-мазовецкого — покупает зонт и сдает багаж.

w a r s z a w a / в а р ш а в а

странное путешествие. — сказала либуше. ничего странного. — пыльный миша счастливо улыбнулся. — мы проводили начала любви. мы чехи — и помним где она начиналась. а уж потом эта любовь выросла — обняла весь клюквенный север — и монгольского песчаного червяка олгой-хорхой — и острова тонга с толстым добрым королем в очках. не очень-то ясно — но чудесней и не может быть.

либуше с мишей вполне согласна: да — вот и моя подружка — кукурузная аничка из незнашова — прислала на днях открытку и пишет что очень за нас рада. с варшавского почтамта они послали веселке ботевой чешско-русский словарь и русско-румынский разговорник. а на следующий день получили от нее в подарок две синие ночнушки. на улице копиньской либуше и миша зашли в цукерню и попросили пончиков. говорили они на чешском — поэтому все вокруг смеялись громко но с нежностью. а миша ворчал: nemluvime polskou.

а г д е и л а в а ?

об этом знают только пыльный миша с либуше белунковой. ухватаются за руки и убегут — и ничего не скажут. в окрестностях илавы много лугов. на улицах илавы много велосипедистов. луга и платья — дома и форточки. мы поздороваемся — ilava, dobrý den. лето будет не скоро. сначала оно наступит в илаве. оно там рождается.

а л у к с н е — с м и л т е н е
— л у д з а — г р о б и н я

и вот они в латвии — о которой только молчать — молча дышать — ступать осторожно. из алуksне они поехали в смилтене — из смилтене в лудзу — из лудзы в гробиню. из гробини в вентспилс — дорогой идущей взморьем. у кошки умерло дитя накануне святок — все поля покрываются туманом от кошковых слез. — приветствовали высокие латышские пограничницы пыльного мишу и либуше белункову и брали их на руки. это народная поэзия — не мы придумали.

в е н т с п и л с

за пластмассовым столиком уличного кафе на
пирсе вентспилса пыльный миша произнес:

синий ветер
синяя трава
синяя чечевица

мы же не в румынии. — улыбнулась либуше белункова на слове 'чечевица'. да — мы в латвии. — ответил пыльный миша и погладил ее по пальцам.

з а з в ъ н я м е д н а т а к а м б а н к а

/из народной поэзии болгар/

зазвонил звоночек медный
зазвонил на зорьке ранней
зазвонил на зорьке ранней
под ирин-пирин горою
скачут нежные телята
скачут ласковые овцы
скачут пестрые коровы
рады все теплу и свету
оттого что солнце вышло
над ирин-пирин горою
оттого что солнце вышло
над ирин-пирин горою

аист сергеев

О В С Я Н К И

н е я
2006

*

четыре месяца назад на птичьем рынке в костроме я купил овсянок. раньше я никогда их не видел там. ноябрь вытягивался за половину. шел снег — но реки еще не застыли. лимонно-серые — овсянки сердито смотрели на меня. продававший их дед уловив мой взгляд бесцветным голосом произнес: овсянки. покрутившись в раздумье по рядам с живностью — потолкавшись с веселыми и плачущими детьми, добродушными и нервными взрослыми — я подошел и попросил их. триста рублей за пару — единственную на рынке. взял зерновой смеси на пятьдесят рублей. купил за пятьсот овальную клетку — довольно большую. овсянки ведь — крупные дутыши. не зяблики, не чижи.

ехал домой в электричке. я не собирался покупать птиц. и в разукрашенной своей областной столице был совсем по другому поводу. было время — и некуда было пойти. а я люблю птичьи рынки. овсянки поманили меня. при том что я твердо знаю: ноябрь — месяц покупок. конец года — ярмарка чудес. когда нужно быть импульсивнее, решительнее. береты художников и колпаки магов падают на наши головы с первым снегом. лично я всегда с радостью подставляю свою. жду ноябрь с волнением.

*

я живу в нее. этот город из тех — о которых никто не думает. река нея — костромской лес. между вологодским и вятским лесами. нея впадает в унжу. правда есть железная ветка. сто лет назад здесь возник полустанок — названный городом в 1958-м. в полпути от неи до костромы — более примечательный галич мерский на берегу галичского озера. севернее галича — чухломское озеро и город чухлома. прекрасные имена оставшиеся от мери — финского племени — лет четыреста назад как известно окончательно растворившегося среди славян. это — некогда их северная окраина. северные окраины всегда памятьнее. тут многие мерей себя продолжают

считать. мерянского конечно не знают. но иногда закрывают русскими кальками незабытые мерянские смыслы. от этого речь звучит характерно. ну например: разговаривают два старшеклассника из шушкодома или из шарьи — наушники от плееров висят у них на воротниках: — у тебя есть веретеница?... — нет.. — а настя?... — настя не веретеница — просто веселая.. по всей видимости словом веретеница здесь называли возлюбленную. как оно звучало по-меря — сейчас никто не вспомнит.

народ странноват тут — да. лица невыразительные как сырые оладьи. волосы и глаза непонятного цвета. глубокие тихие души. половая распущенность. страсти не кипят. частые разводы, убийства и самоубийства не имеют видимых оснований. ласка всегда внезапна, испугленно-отчуждена.. все как в старинных книжках по финской этнографии! в этом углу много детских домов и коррекционных школ-интернатов — а памятников архитектуры почти нет. реки — узкие светлые — как бедра взрослеющих девочек — из звона насекомых и пиков крошечных птиц: вохтома — вига — унжа — векса — шача — мера — покша — нея — межа — меза — лух — кусь — вая — шуя — согожа — лежа..

лесопилки и целлюлоза. запах древесных внутренностей на тепловозный дым — вот формула хоть бы города неи. к приезжим здесь несколько недоверчивы — хоть и покажут что рады гостям. наши женщины стараются не уезжать отсюда замуж. мужчины тем более живут где родились. я и сам когда-то потерял веретеницу — оттого что она хотела жить в петербурге. мы учились там вместе в фотшколе. она была местной — с обводного канала. мы так плакали когда прощались.. мы — меряне — очень любим свои безвестные поселки и города.

*

туда я и вез овсянок — в пустом вагоне. когда сошел — была уже ночь. накрапывало. темными тротуарами я дошел до подъезда. разулся — включил в комнате свет. овсянки дулись. не дуйте. — сказал я птицам. овсянки от меня отвернулись. я налил им воды в поилку. насыпал зерен. разделся и лег.

*

всю ночь я смотрел длинный фильм — с названием 'узюк'. ударение на втором слоге. он меня радовал — потом тревожил. но проснуться не было сил. в фильме будто бы я в составе большой и веселой группы 'лучших художников костромского края' поехал в португалию на фестиваль. ехали мы туда в приятном автобусе — кажется в 'неоплане'. ехали с остановками в разных городах — разворачивали арт-площадки и показывали каждый свое искусство. нас кормили, поили, встречали музыкой — все были очень нам рады. жарко дышало лето — и девушки приходившие смотреть на нас не носили лифчики под майками. много чудесных девчонок было и среди участников. мы дружили, касались друг друга, смеялись, покачивали головами, жестикулировали. нам было свободно и легко. мы двигались на запад — еще по россии. пестрая заграница лежала вся впереди. на выезд

из россии мы пошли не через привычную смоленскую — а почему-то через брянскую область. узковатыми неровными пустыми — далеко не федеральными трассами. белоруссия украина и россия неясно соприкасались здесь. мы не понимали в какого именно соседа вот-вот заедем. на границе нас пригласили с вещами в ангар — проходить таможенный досмотр. мы шли туда уже в сумерках. мне как всегда понадобилось в туалет — он оказался тут же в ангаре — там я и расположился, заполняя декларацию заодно. неожиданно в ангар набегали какие-то люди — дети, взрослые, старики — похватили всех моих друзей и подруг вместе с пограничниками — и поволокли наружу. их человек двести — нас человек сорок. эти люди были какие-то нетеперешние. цветасто-домотканные одежды. сероватые лица — из которых мне не запомнилось ни одно. бородатые мужчины, женщины в платках-надбровках. запах хлебного мякиша, пота и одежды сделанной из травы. я подумал: как какие-то скрытники-староверы ломоносовских времен — сжегшие себя в лесном скиту перед карательным отрядом из архангельска. неопасные — живые не вполне.. они тащили моих испуганных коллег — приговаривая ласково: на узюк.. на узюк.. голоса их были очень сухими. они в момент утащили всех. от фестивальной публики остались лишь приготовленные к досмотру сумки. декларации, паспорта.. я осторожно выбрался из туалета — вышел из ангара — и пошел по вечерней земле. две женщины несли в ближний поселок воду. я спросил их: что такое узюк? они ответили: многокилометровое болото — местами пригодное для жизни — на здешнем диалекте. я рассказал о товарищах — уволоченных только что на узюк. ну им не сделают ничего плохого. — сказали женщины. — узюковские просто любят гостей.. я не поверил лисам-водоносицам — и понял что мне предстоит выручать с узюка наших 'лучших костромских художников'..

*

утром ходила милиция по квартирам — у соседнего дома убили мужчину — тыкала всем фотографию жертвы. я еще не чистил зубов — а мне уже показывают мертвеца на полароидном жутком снимке. ну вот — началась неделя.. огорченный я заправлял кровать. овсянки как будто мне говорили: и куда ты притащил нас, безмозглый аист?

аист — редкое имя. мерянское — ясно. нравится всем. мой папа был поэт из соседнего кологрива — печатался в газете 'огни унжи' под псевдонимом сергеев веса.

ко мне обращаются — аист всеволодович. мне только что за сорок. семьи нет. в течение жизни я разглядел только две абсолютно внятные вещи — две лишь точки опоры среди мерцания и подвижности мира людей. одна из них — то что: девушка фатально меняется после первого полового акта с мужчиной. и вторая: один человек всегда может испортить жизнь другому человеку — если задастся целью. его не остановишь ничем. опора не слишком прекрасная — но что делать?

я изжарил яичницу с ветчиной — чтобы стало на сердце теплее. любимыми с детства запахами я всегда вытесняю смуту из пространства вокруг себя. прожевал — прислушался — посмотрел на испуганно-надменных овсянок — и пошел на службу.

*

я работаю фотографом на нейском бумкомбинате. это в высшей степени странное призвание — но очень типичное для моей судьбы и окружающего меня родного пейзажа. фотографировать мне приходится не часто — при том должностная инструкция обязывает постоянно находиться под руками у директора, его замов, главного инженера, главного технолога. вот я и обитаю на комбинате шесть-восемь часов в день — пять (иногда и шесть) дней в неделю. обычно меня не теребят. полагаются на мою инициативу — что верно! но нет-нет да вспомнят — и требуют как на пожар. и я мчусь по лестницам, из корпуса в корпус.. у меня отдельная дверь — с надписью 'фотограф'.

я снимаю утренние планерки — и встречи с партнерами, служебные праздники, оборудование, образцы, бываю в командировках. я веду что-то вроде фотолегиона комбината. работа размыта — и — как туман — не ведает своего конца. я — колоритная личность. здесь трудится много женщин города ней и нейского района. все из них почти что со мной дружны. некоторые навещают меня в свои обеденные перерывы — и угощают фисташками с сельдью. они пускают меня и в душевые — и я делаю там невозможные снимки. самые лучшие висят в широких рамках в моей комнате-лаборатории. всяческое начальство ко мне бывает заходит — любитесь. говорит: эх — повесить бы на стендах в конторе! налицо и достойные условия труда на комбинате — и красоты наших бумажниц-озорниц! так говорит — но вешать не решается. мне занимательно — мне смешно. мне везде есть доступ. и слово 'фотограф' на моей двери — в атмосфере нашего предприятия — все равно что 'кефалинийский птицегадатель', 'маньчжурский каллиграф' или 'измирский факир'.

*

на проходной комбината — милиционер зоя. нежная — как сестра. проходя я вложил ей мизинец в накрашенный рот. зоя его легонько погрызла — растегнула замок у себя на брючках, метнула туда палец и достав мазнула мне нос. я кивнул ей — закрыв оба глаза. точно так же кивнула она. все это означало: как дела зююшка? все хорошо? рад тебе! ты умница! будем жить!.. — здравствуй аист! доброе утро! ты хороший! береги себя!..

*

первое что я сделал как только оказался у себя в комнате — включил ноутбук, залез на рамблер и набрал в строке поиска слово узюк. я успел прочитать что узюк — это войлочное покрытие купола казахской юрты. а в тувинской — маленькое пространство между изголовьем кровати хозяев и семейным ламаистским алтарем. судя по ссылкам — слово узюк входит в название многих саяно-алтайских рек и урочищ. да — география несколько не та.

строки про узюк я перебирал бы и дольше — но захрустел внутренний телефон: позвали в приемную к директору комбината — мирону алексеевичу козлову.

*

мирон алексеевич протянул мне руку — пригласительно поднял палец вверх — взял настойку ирги с подоконника — мы накинули куртки и поднялись на крышу. там удобно — винтовые офисные кресла в снегу и стол.. мы глотали настойку и глядели на ноябрьскую утреннюю нею. вот что я узнал: этой ночью умерла его жена — татьяна.

мирон алексеевич рассказал что она лежит сейчас дома — на боку на кровати — какой он ее нашел. (спят они в разных комнатах). молодая — не исполнилось тридцати шести — а почему-то вдруг не проснулась. жаловалась временами на 'нагревание сердца' — под левой грудью делалось почти горячо. директор попросил меня помочь отвезти жену за мещерскую поросль — где они проводили медовый месяц — и там сжечь. мещерской порослью мы называем горбатов — ласковый городок на оке — в сорока километрах от нижнего новгорода.

мы с директором никогда специально не дружили. но хорошо, уважительно относимся друг к другу. конечно я знал его незаметную полноватую танию — добро здоровался с ней.. мирон алексеевич говорил что не хочет жену никому показывать — не повезет в морг. хочет все сделать вдвоем со мной. не хочет быть один. (детей у них нет). прямо сейчас поедем пожалуйста. — мирон алексеевич закончил.

нужно сказать — что здесь часто жгут по-тихому своих мертвых. и это правильно. кладбища у нас полупусты — там лежат в основном приезжие. в загсе потом верят на слово — и выдают свидетельство о смерти. потому что вот так вот лгать — например укрывая преступление — самый чудовищный проступок: лгун прикрывшийся похоронами мери очень скоро и мучительно умрет.

я кивнул — ну что ж. в этом деле действительно удобен один помощник. до сих пор я не жег никого — кроме своей матери с мертворожденной сестренкой ниной. (мама умерла когда родила ее почти). мы делали это вместе с отцом. я тогда был в четвертом классе. помню какие мы были невесомые, чинные. как нам вдвоем друг с другом было смертельно легко.

(а отца похоронили по-русски. у него была вторая жена — не из местных — и он попросил ее не огорчать.)

*

мы спустились в приемную. мирон алексеевич сделал несколько распоряжений — и сказал что едет на горбатовскую канатно-веревочную фабрику — улаживать проблемы с контрактами по бечеве. там заночует и вернется завтра — видимо под конец рабочего дня. а может и послезавтра — если всплывут дела в нижнем. сказал что меня берет с собой. эти веревочники из горбатова хоть и давно работают с нами — но очень уж щепетильны — как в оборонном нии.

вышли на улицу. сели в директорский черный джип — мерседес-гелендваген — и поехали за татьяной. сыпался мелкий, очень горячий снег.

*

козловы жили на выезде из нее — в двухэтажном коттедже. мы въехали за ворота. на подснежных клумбах блистали неувядшие цветы. танюша лежала на боку в бледно-зеленом платье для сна — очень коротком — с тесемками на ключицах. приоткрытые рот и глаза. темновато-бордовые виски. мы перевернули ее на спину.

мертвого сразу нужно раздеть. ненадолго. чтобы его перестали бояться живые. чтобы нежностью обернулась тоска. мы стащили с татьяны платье — и стоя ее рассматривали. мирон алексеевич улыбнулся: моя милюська.. тая лежала не чужая, не страшная — а понятная и смешная. нам показалось даже что улыбкой стала фигура ее приоткрытого рта. платье надели обратно. но завернули до пупка подол.

мирон алексеевич достал откуда-то коробку из-под конфет и ножницы. в коробке лежали разноцветные мулине. отрезал шесть таких ниточек — каждая сантиметров в восемь — красную желтую зеленую коричневую серую и голубую. положил их на живот жены. мы сели от живота по обе стороны — и стали привязывать ниточки на женские волосы танюши. так всегда у нас украшают умершую — начиная с возраста когда волосы здесь уже растут. точно так же — как счастливую невесту украшают ее подруги в бане или в ванне — вечером перед свадьбой. вымоют. вытрут сухо. приготовят разноцветные нити. невеста ляжет или усядется. подруги вокруг нее столпятся. щекочут невесту. шутят. шумят. невеста иногда ойкает. иногда даже кричит — если подруги очень уж близкие, очень уж озорные.. завтрашняя жена — такой она и достанется мужу. вечером он снимет нитки с волос жены. завяжет в узелок — и повесит на ольху. ниточек может быть много — до тридцати.

мы молчали — как тая. когда привязали все шесть — одернули платье — завернули ее в голубое одеяло с постели мирона алексеевича. вынесли из дома — положили на заднее сидение машины. невысокая тая вся уместилась там. мирон алексеевич сходил еще за подушкой — подложил ей под голову. лицо освободил. тая улыбалась.

завелись — поехали. тая сзади — мы впереди.

*

и тут я вспомнил про своих овсянок. меня не будет дома сутки — может быть и двое. кто же их накормит? и вообще мне смутно казалось что в нашу компанию их стоит взять. мирон алексеевич был не против. мы снова покрутились по нее — приехали на мою улицу. я вынес овсянок вместе с клеткой. корм не забыл. уселся в машину рядом с директором. клетку поставил на пол между ногами — зажал ее коленями.

*

мирон алексеевич не торопился. до города кадья мы ехали почти два часа. он то молчал — то рассказывал мне о жене разные эротические подробности. так у нас принято. не обязательно хоть и. рассказывать о любимом — пока тело его еще не сгорело — то что приличный человек никогда не скажет посторонним покуда любимый жив. но над умершим можно — ведь лицо рассказчика от этого становится светлей.

каждый вид отношений между сжигающим и сжигаемым требуют своей темы. дети хоронят родителей — родители хоронят детей — внуки хоронят бабушку — сестра хоронит брата — супруг супруга.. — в каждом случае темы разговоров свои. эти разговоры называются дымом. иногда сжигающий так и спрашивает: можно дымить? ведь некоторые дыма не выносят. но обычно рядом со сжигающим не оказывается случайных ушей. и можно дымить без предупреждения — если уж эти уши согласились на похороны идти. и поэтому тоже — хоронят у нас не толпой, а один человек или двое. никогда чтобы больше пяти.

помню как отец — пока мы везли мать и сестренку на моторной лодке из колорива (где тогда жили) к месту сожжения в поселок ужугу (в ужуге мать и отец родились — там и играли свадьбу) — рассказывал мне такое о матери и о себе, что я дышал еле-еле и чувствовал как поминутно становлюсь взрослым.

мама стала для меня гораздо любимей, роднее — после того как я, десятилетний сын, узнал как отец лишал ее невинности — во всех нежнейших подробностях. я слушал и слушал — смотрел на маму — усталую, ушедшую — и ничего не спрашивал у отца почти. точно так же слушал сейчас своего директора. так принято помощнику на мерянских похоронах.

*

— вы помните, аист всеволодович, как отмечали мое пятидесятилетие?.. (я помнил — это было в апреле — полгода назад. накрыли столы в комбинатской столовой. и тая там была тоже..) — я выпил вина и страшно захотел танюшу. я посмотрел на нее — и она поняла — но сказала глазами что неудобно, не стоит. я так расстроился — выпил еще бокал и пошел в уборную. у меня огорчительно заболел живот. я сидел на унитазах и плакал. танюша была очень славна — и холодна: не приставала ко мне — не вешалась — за руку никогда не брала сама.. я всегда думал: пускай. и сейчас так же думаю. я и пальцем не шевельнул чтобы что-то менять. все должно быть самопроизвольно.

..

— так-то если посмотреть — что только мы с ней не делали: вытирали попы друг другу — любовничали в подъездах как подлые дети — выражались во

время любви.. все три отверстия у танюши были рабочие. и распечатал их именно я. но все всегда происходило исключительно по моей инициативе.

..

— я взял ее замуж в девятнадцать лет. она жила в вохме. была очень робкой.. стеснялась что не умеет краситься и интересную одежду носить.. но тania такая родная ведь!.. она меня *слушалась* — и только. я говорил: сними платье, сними трусы, вот так вот раздвинься, попробуй, проглоти.. встань здесь — и поводи бедрами..

..

*

овсянки ехали тихо — даже слишком. иногда — чтобы делалось им веселее — я ставил клетку на колени. она была большая — и загораживала мне лобовое стекло. через клетку, через овсянок я смотрел на дорогу.

..

— мирон алексеевич, вы спали с ней вчера вечером?
— нет. погладил живот — и ушел к себе.

..

*

у меня несахарный диабет — постоянно в туалет бегаю. вдобавок еще был взволнован. директор то и дело останавливал джип. я ставил овсянок на свое сидение — и выходил на дорогу. маневрировал чтобы все время к проносившимся мимо машинам стоять спиной. мирон алексеевич пока я бегал поворачивал голову в сторону улыбки жены.

*

давайте их выпустим? — сказал он мне после того как я в очередной раз вернулся в машину. — пусть едут с нами в салоне. и танюша очень любила птиц.. не держала дома — потому что не могла видеть их в клетках. я все думал — цаплю что ли ей подарить — чтобы свободно разгуливала. но цапля еще в коленку клюнет.. как представлю себе пробитую танину коленку.. я ответил: можно.. но как-то неуверенно. вдруг будут гадить или замечутся.. овсянки — они пугливые какие-то. мирон алексеевич рассмеялся: так это у вас овсянки? никогда их не видел — но всегда это слово любил. овсянкина — танина девичья фамилия. тania овсянкина — из вохмы. в молодости я постоянно овсянкиной ее звал. или овсянкой. но имел ввиду кашу.. я тут же открыл дверцу клетки.

овсянки запрыгали осторожно. я думал: русские боги! неужели я купил их для того? — в погребальную свиту тани овсянкиной? посмотрим что дальше будет. приближалась волга с многострадальным, но таки достроенным мостом. заволжск — а напротив кинешма.

я хотел купить тане что-нибудь в кинешме. этот бодрый — набитый соборами город — с волжским бульваром и шныряющими по нему такси — под гул стареющих папаш-теплоходов — идущих как будто с завода в рюмочную или из рюмочной на завод — имеет для нас очень грустный и нежный смысл. ну как париж — для европейцев обращенных к западу. по сути это наша поэтическая столица. мы принимаемся к кинешемскому воздуху — и чувствуем: бесконечно свое. катятся слезы нежности. по этому признаку в кинешме сразу видно мерян. мы даже называем себя в шутку кинешемскими ревами. но главный наш город — кочки. это ростов на озере неро. столица во всех прочих смыслах. мы не плачем — а ликуем там. судьба же города коноплянки нас искренне изумляет. мы за нее рады — и желаем ей не пропасть. хотя без надобности туда не ездим. нам весело на ее проспектах — на кольцевых развязках — и на эскалаторах в метро. электричка от кочек до коноплянки проходит 200 километров и прибывает на ярославский вокзал.

вытирая слезы мы ехали по кинешме. тania бы тоже плакала. овсянки смотрели то на нее то на нас. я попросил встать около магазина с игрушками на улице рылеевской. очень быстро я выбрал там маленького ежика на ремешке — как часы надевать на руку. ремешок и ежик были из какой-то каучуковой химии. полупрозрачные, бледно-зеленые — как танино ночное платье. если ежику нажать под живот — он должен был мерцать цветными огнями. я нажал — в животе у ежика запрыгал свет. но погас тут же. я нажал снова — не было мерцания. дайте я вам поменяю — он сломанный. — сказала продавщица. я остановил ее: нет-нет. это то что нужно. не придется ломать самому.

юреевец мы прошли верхом. он желал нам счастливого пути. мы не видели, но прекрасно знали, что внизу за спусками — вереницы уютных домов, магазинов с ивановскими и костромскими настойками, с продавщицами похожими на таню. против юрьевоца — устье нашей унжи. юрьевоцкая колокольня на площади как белый маяк. на таниной спрятанной под одеялом левой руке не мигал мой кинешемский ежик — хоть и был включен. овсянки ходили по тане — сидели около нее. гелендваген был полон дыма — хоть никто из нас не курил.

..

— мы не раз ночевали в здешней гостинице. очень жаркие номера. да и вы наверное тоже? как-то были зимой, были молодые. танюша хотела помыться — но не было горячей воды. я сбегал за водкой — купил четыре бутылки. танюша разделась — а я ее водкой мыл — протирали гостиничными полотенцами. две бутылки на тело. третью на голову. а четвертую мы выпили потом. танюша закусывала угадайте чем? прямо мной. рюмку выпьет — я ей сразу же суну в губы. а потом уже с ложки салат дам какой-нибудь. танюша

хототала. сидели голые. она пила очень мало и редко. а тогда что-то мы разошлись.. эту водку проглотили минут в пятнадцать. потом нас тошнило. очень дешевая была — только для мытья и годилась.

..

*

желтый город пучеж трасса прошивает насквозь. мы остановились у хозяйственного магазина на центральной улице. мирон алексеевич купил там керосин — тридцать бутылок. вынес в четырех пакетах — положил сзади. почему-то не оказалось топорщ — только вместе с самими топорами. мы решили взять их в балахне. темнело понемногу. темнели танины виски. овсянки трогали их клювами и пели: зинь-зинь-ци-и!..

мирону алексеевичу всю дорогу названивали на мобильный — в основном по личным служебным вопросам. и с комбината, и с вологды, и с коноплянки.. один раз позвонила даже танина мама. она пару раз набирала дочь — хотела спросить какую-то ерунду — а не сумела дозвониться. он ничего ей разумеется не сказал. после очередного такого вызова мирон алексеевич вспомнил как-будто что-то. искал в телефоне — и протянул его мне. на экране стояла аудиозапись. мирон алексеевич предложил мне нажать на старт. уточнив как это сделать — я нажал на большую синюю кнопку. что-то невнятное раздалось. мирон алексеевич взял телефон у меня из рук — и прибавил громкость. из телефона шло какое-то хлопанье-хлопанье.

— приложите к уху. приложите — так слышно лучше. это тania делает ртом. я всегда просил ее делать шумно. она долго стеснялась — и меня поругивала. но потом смирилась. так долго всегда это длилось. моя теплая.. мучительница моя..

мирон алексеевич прибавил скорость автомобиля. мне в ухо лились — нестерпимо громкие нестерпимо печальные звуки. запись закончилась. я запустил еще раз — и отложил телефон к лобовому стеклу. тянулся за окнами мокрый снег. работали фары и дворники. мирон алексеевич плакал. мне захотелось расцеловать его таню за такую старательную нежность. окрики овсянок влетали в танину сочную музыку — льющуюся из мобильного.

снова и снова пуская ту запись — мы почти за час домчались до балахны.

*

здесь нам повезло с хозяйственным. мы купили около восьмидесяти топорщ — сколько в магазине было. черенков для лопат штук сорок. вечерние молочаи лежали впереди. мы рассчитывали частично их по окружной объехать. влетишь в молочаи через сормово — замучишься из них выбираться. тем более в час пик. молочаи — нижний новгород. город для утренних и дневных

прогулок по ароматным пустым кафе — для уличных вечерних-ночных веселых. для того чтобы танцевать, глотая коньяк — сразу на всех его виадуках.

в гелендвагене было темно. тикали наши птицы. я спросил у притихшего мирона алексеевича помогал ли он танюше стричь ее мед и хлеб? мирон алексеевич сразу же оживился.

— дорогой аист всеволодович! — да конечно! только ноги танюше я уж старался не брить. боялся поранить. ну а мед и хлеб — только вместе всегда. или сам — или тания передо мной. как и подмышки. вы заглянули тание в подмышки? они у нее слегка заросли. обычно к зиме я просил танюшу перестать стричь волосы. и к новому году вся она превращалась в наш лучший секрет. скромная молодая красивая в красивой одежде — а под одеждой такие букеты среди сверкающей белизны.. травяные острова — и я в них как утка. когда я снизу нырял в танюшу — в островах под ключицами прятал глаза: этой травой промакивал слезы. тания думала что потеет. она меня тоже любила — но тихо. обнимет за спину — целует и не поет.. вы видели — танины волосы еще не успели как следует вырасти — ведь до нового года больше чем месяца.

..

мы не материмся по-русски. это непростительно. и не помним собственных заветных слов. но кто-то привез давно это слово — манянь — от вологодских коми — из близкого солнечного созвучного нам языка. оно очень быстро распространилось среди мери. что такое манянь — в коми знает каждый ребенок — и частенько получает за него от взрослых по губам. манянь — это слово-женщина. это под животом. это там — где волосы, на которые мы вяжем разноцветные нити — если женщина выходит замуж или мертва. ма — это мед. нянь — это хлеб. с коми перевод дословен. мы с удовольствием восприняли — и говорим 'мед и хлеб'. можно 'хлеб с медом'. очевидно мерянское имя было близким по смыслу.

машины уже текли лентами. нами езжены-переезжены эти дороги. но видно мирон алексеевич был слишком далек — где-то с живой танюшей. мы не повернули вовремя вправо — и влетели в молочаи — и увязли в них. нам по-дружески заморгали все их светофоры — и теплые окна сормовских квартир, в которые только что возвратились усталые люди.

*

я предложил — раз уж закрутились молочаями — не заехать ли в 'меру'? — купим там уголь для шашлыков. крюк сделаем незначительный. после мызинского моста проедем на федяково — а потом уж вернемся к оке и двинем на нужный нам богородск — на мещерскую поросль. мирон алексеевич радостно кивнул. березовый уголь лежал повсюду. но видимо хотелось ему как и мне попасть сейчас в гипермаркет — в его сияюще-леденящую атмосферу. там много женщин — и все живые. там много негреющих огней.

ползли в пробках — молчали — наконец подъехали — припарковались со стороны 'оби'. я хотел было загнать дутых птиц в клетку. они не согласились. пусть. мы закутали голову танюши. спросив разрешения у мирона алексеевича — я насыпал полную горсть кормовой смеси — и ударил ей о потолок. зерна рассыпались по всей машине. вы ешьте — а мы пошли.

*

нам тут было довольно уютно — мы топали, топали.. прошагали всю 'мегу' насквозь. отвечали на взгляды консультанток — молодых и милых. поели икеавских сосисок — чтобы быстро покончить с голодом. сходили в туалет. повернули в обратный путь. я заметил черный телескоп в каком-то отделе — и подошел к нему. подплыла душистая девушка лет двадцати — и мне про него рассказала. я поблагодарил — она попрощалась. мы забрели в 'оби' — взяли тележку — отыскали уголь. положили четыре самых больших мешка. чуть постояли в кассу. расплатились. двинулись было вниз. но на травелаторе тележку спускать нам не дали. из-за выпущенной из рук такой же тележки здесь недавно оказывается погиб малыш. кое-как мы взвалили на плечи этот увесистый уголь — и пошагали к джипу.

*

за ольгино нас остановил дорожный патруль. сырая-тестяная физиономия в фуражке отсалютовала мирону алексеевичу. мы показали ей свои физиономии — примерно такие же. — откуда вы? — из неи. — куда едете? — в мешерскую поросль. — что везете? — веретеницу. она умерла. тестяная физиономия отсалютовала еще раз — и скрылась. мы поехали. в молочаях и его ближайших окрестностях живет и работает очень много мери. дорожные инспекторы — так через одного они. медленно и верно мера поступает на эти должности. чтобы днями и ночами наши траурные машины беспрепятственно шли. на дорогах ивановской и костромской областей мерян с жезлами и в форме под восемьдесят пять процентов. да и оставшиеся пятнадцать про нас осведомлены.

*

после богородска мы не пошли той же трассой в привычную ворсму — а двинулись на мешерскую поросль узкими асфальтами сквозь вечерние села некогда шуклинской муромы. мы петляли — перепрыгивали невидимые реки — освещали фарами жидкие улицы — пьяных и псов на них. чуть не переехали упавшую под колеса бабулю. резко остановились — танюша от этого с сидений сползла. упала бы и вовсе — не дали красивые угольные мешки. они стояли тут же за спинками наших кресел — и заполняли пустоту, предназначенную ногам пассажиров сидящих позади. но все равно пришлось выходить — и поправлять татьяну. овсянки — пока мы прыгали ухабами — носились по салону как стрижи. это был последний участок нашей дороги. в девять вечера мы въехали в мешерскую поросль. город горбатов на оке. на гербе его цветет яблоня.

*

подъехали к фирменному магазинчику канатно-вервочной фабрики. он конечно же был закрыт. мирон алексеевич набрал по мобильному продавца сережу — и попросил его прийти. сережа пришел — и продал нам горбатовской веревки. принес ножи. сережа был мудрый. ему уже под семьдесят.

*

нельзя сжигать в темноте. ночевать в гостинице с таней — тоже. сережа не звал нас к себе — ведь мы бы не согласились. прокатившись через горбатов — мы выехали к склонам у оки — встали на одном из них в покрывавшем вершину лесочке. будем ждать до утра.

*

мы слушали радио. нам хватило дневного дыма.
мы уснули легко — и тая не снилась нам.

*

умывались — поливая друг друга из пластиковой бутылки — в половине пятого утра. зубная паста была в салоне у мирона алексеевича. и щетки — его и танина. он чистил таниной — а я пальцем. снег не падал — но местами тускнел. было темновато. мы сидели в машине. медовый месяц? — а почему здесь?

— ехать далеко не хотелось. оба мы школьниками не раз проплывали по оке. тая в эту реку тогда еще влюбилась — да и я всегда был и буду ей рад. сняли дом — и после свадьбы приехали. правда на неделю — а не на месяц. а мещерская поросль — так это ведь так красиво! удивительно хрупкий октябрь был.. в магазинах пустота — и на улицах. 1990-й. а у нас — припасы к свадьбе. тая девятнадцать. мне тридцать четыре. в неограниченном количестве мед и хлеб.

*

было мусорно — из-за овсянок. мы еще посидели так. овсянки меня не слушались — не хотели в клетку. охраняйте танюшу. — сказали мы им. и отправились готовить место.

мы нашли его быстро. и поляна вроде бы — и река видна. надо чтобы рядом была река. ведь она размывает и уносит горе. мы уцепимся глазами за нее.

мы вернулись — и вынесли в одеяле таню. оставили гелендваген открытым. овсянки полетели — то следом то впереди. положили на север головой — к нашей. развернули одеяло. сходили несколько раз туда-сюда — прежде чем вынесли все необходимое. я резал веревки. мирон алексеевич чуть поодаль от-

крывал керосин — бутылку к бутылке. черенками и топорищами мы обвязали танюшу. она была очень сильно мертва. мы снова подняли ей платье — бережно на живот. открыли украшенные женские волосы. поджигать будем именно здесь. под голову тани высыпали уголь. как валом огородили все тело ее углем. овсянки то взлетали — то садились на землю. они были рядом. мы взялись за керосин. первые две бутылки мирон алексеевич вылил прямо на танечкин мед и хлеб.

запах керосина самурайской саблей рубанул воздух
и разорвал все наши связи с танюшей.

мы не встретимся. у мери нет богов — только любовь друг к другу.

*

таня козлова — в девичестве овсянкина — горела. скрипело — щелкало — пахло. овсянки вились близко — насколько могли. в этом гукающем полутреске мирон алексеевич снова запустил в мобильном запись живых танюшиных языка и губ. несмотря на поющий костер — мы отчетливо ее слышали. потом мирон алексеевич эту запись стер.

*

чтоб ничего почти не оставалось от костей — мы доплескивали керосин. досыпали уголь. сливали бензин из гелендвагена. принесли забытую танину подушку — и сожгли тоже. подтаскивали заранее замеченные сырые упавшие ветви. они шипели и смешивали запахи. смотрели и смотрели на лежащую внизу оку — незастывшую нашу душу.

*

кости остались. хоть и еле-еле. мы все сделали грамотно — но они всегда остаются — если не строить над мертвым сруб. но сруба мы не могли себе позволить. жили бы если в лесной деревне — если бы там же и жгли — то да. а тут же кругом люди. нужно все делать быстро — пока например горбатовские замечательные дети не прибежали посмотреть что тут за костерок. и мы привыкли хладнокровно относиться к костям. хоть лучше конечно чтобы их не было — чтобы оставалось лишь темное на земле пятно. прах от татьяны вместе с головешками мы закатали палками в единственный несожженный из-под угля мешок. спустились вниз — и высыпали в реку. отмылись от копоты заодно.

как и тогда с отцом — обратив маму и сестренку в теплый ветер на костре в ужуге — мы были с моим директором спокойными, усталыми, живыми.

вернувшись к месту сожжения — в тот самый мешок
сложили пустые керосиновые бутылки.

я совсем забыл про овсянок. где они? впрочем ладно. летите в лес. живите теперь на воле. но овсянки оказались в джипе. я улыбнулся: умницы мои..

*

дымить теперь не было смысла. ведь дымом мы пропитались насквозь. впервые мы закурили. в горбатове отдали сереже ножи. в ближайший контейнер выбросили бутылки. поехали удобной дорогой на ворсму. мы были обессилены. голодны. сексуально напряжены. но нам было радостно. и да — легко смертельно. едем в молочаи! едем в молочаи! помоемся и отдохнем. не поедем сегодня в нею. в густых молочаях укроемся до следующего утра. гостиница 'волжский откос' с кусочком верхне-волжского бульвара — больше нам ничего не нужно. в радио пел таркан. самую известную песню. аламадан айрылык олмаз.. я подумал что он не турок — а только что сжегший свою веретеницу костромской меря. сказал об этом мирону алексеевичу — он с благодарностью улыбнулся мне. танцевали ноги и руки.

*

проехали богородск. кажется они очень умные. — сказал я об овсянках. — давайте попросим их о чем-нибудь? недолго думая — мы попросили у них бессмертия. бессмертием мы называем смерть от воды.

утонуть — мечта каждого мери. мы не верим в жизнь после смерти. и только утонувшие продолжают жить — в воде и вблизи от берега. только лучше тонуть в реке — чтобы не сидеть как скучный карп в глухом озере, а иметь возможность двигаться целым миром. вода — сама жизнь. и утонуть — значит в ней задохнуться: одновременно от радости нежности и тоски. утонувшего если найдут — не сжигают — а привязывают груз и опускают обратно в воду. вода заменит его тело на новое, гибкое, способное к превращениям. только утонувшие могут встречаться друг с другом.

мой папа тоже мечтал утонуть. как-то даже продолбил лед пешней и спустил туда свою пишущую машинку — чтобы пользоваться ей потом. но так и не утонул — хоть и много раз окликал реку: купался в холод с болями в сердце — таскался выпивший на неокрепший лед. это нескромно — поэтому отец и умер непохожей смертью: нечаянно выпил суррогатный спирт. так жалко всем его было. нельзя утопиться. меряне не топятя. это нескромно. это по-русски чересчур. как мчаться в рай обгоняя всех. от русских святых katerин в волге не протолкнуться. чопорные дуры. река сама отберет для себя людей. вода — суд наивысший.

утонешь — так утонешь. станешь жителем берегов и воды. не утонешь — так будешь сожжен или закопан — и навсегда исчезнешь.

*

тихо-тихо в 'волжском откосе'. хоть и занято — как выяснилось — было почти всё. мы заплатили за обычный двухместный. поднялись на третий этаж. прохлада этого просторного сталинского фрегата плывущего над далями подходила нам как никогда. после сожжения танюши овсянки сделались удивительно послушными. на заправочной станции перед молочаями дали посадить себя в клетку. пока мы заполняли анкеты в гостиничном холле — сидели как чучела — ни звуком не вызвали недовольство администраторов. и теперь мирно прыгали по полу клетки — в чистом номере на журнальном столе. мы заправили постели. вымылись. на втором этаже поели. вышли на бульвар — растягнутые. прямо против гостиницы оперлись на парапет. почти зимняя волга врачует глаза. снова стало очень тепло — и немножко снежно. к нам подошли две девушки: вы нас не хотите? мы улынулись: как хорошо что вы есть. мы вас очень хотим. но давайте сначала купим вина в нормальном магазине.

мы сходили на алексеевскую — купили сурож и херес — розовый портвейн и кагор: каждому в руку по крымской бутылке — каждому по две! минеральной воды — мандаринов. против кремля за фонтаном в сквере взяли зачем-то еще шаурмы. девушек звали юля и римма. они были ничего. смеялись когда мы представились: мирон и аист.

*

в номере мы разделись — попросили раздеться девушек. было холодно — но вырвало вино. мы еще на бульваре предложили подругам остаться на ночь. они были рады — ведь мы не стояли за ценой. когда вино перестало греть — мы накинули на плечи кроватные покрывала и одеяла. время от времени мы расходились по комнатам. так принято после похорон. очень бывает нужно. в 'волжском откосе' просторные номера. любой обычный двухместный — значит всегда двухкомнатный. юля была постоянно со мной. она была из кстово. имела очень девичий мед и хлеб. покалывали волосики. она их утром подстригла. я представил как мы в это время в мешерской поросли льем керосин. мед и хлеб риммы пах на весь номер жасмином. она при нас поводила эфирной палочкой по блестящим волосам — щепоткой нависавшими над клитором. юля была тихая — а римма прыткая. увидев у мирона алексеевича обручальное кольцо на левой руке — римма спросила: жена умерла? мирон алексеевич кивнул: недавно. римма погладила грудь его ладонь.

мы смотрели телевизор — и спускались в ресторан ужинать. персонал неодобрительно поглядывал на нас. но мы были очень признательны римме и юле. это ведь тоже реки — женские живые тела. уносят горе — и утонуть в них можно. мы положили их спать на наши кровати — а сами улеглись на пол. они недоумевали и звали нас — но мы не шли. утром перед уходом девушек мирон алексеевич предложил им устроиться на бумкомбинат в нею. обещал жилье подыскать. юля взяла визитку — а римма нет. сказала что родилась в нижнем новгороде — и здесь содохнет. сердито заплакала — но плакать умеют все.

*

до свидания — дымчатые молочаи! до новых хороших встреч. мы сдали номер. съехали к речному вокзалу. постояли у кнехтов. мирон алексеевич забросил в волгу обручальное кольцо. оно попрыгало по невидимому припаю — и скользнуло в воду. за ночь приморозило. на душе было невероятно светло. при этом невероятно грустно. но эта грусть не давила — а кутала нас как мать. целовала как веретеница кончиками невидимых лапок. мируну алексеевичу снова позвонили. из разговора я понял что надо торопиться на комбинат — а завтра с утра ехать в старые улы — в ярославль — подписывать что-то. я спросил у директора: буду нужен? он ответил: нет аист — до конца недели отдыхай. порадуй своих овсянок.

*

до свидания сормово. если когда-нибудь я куплю в молочаях квартиру — то именно здесь — на северном выезде — в странноватом доме-волшебнике — трехэтажном, одно- или двух- похожем на меня..

и тут я вспомнил что этой ночью на полу в 'волжском откосе' видел вторую серию фильма про узюк: я пришел на болото. костромские художники и узюковцы радостно пили и ели. если есть узюк — зачем нам португалия? — кричали наши девочки — и обнимали узюковских малорослых кутанных девиц, с любопытством трогавших их пирсинг. я искренне за них порадовался. и сказал что сам тогда в португалию отправлюсь. надо же предупредить организаторов фестиваля что нас не будет. а потом уже к ним присоединюсь. все хлопали в ладоши и кричали мне в спину: привези вина — сколько дадут на таможне! португальского вина привези!..

*

радио пело. на этот раз мы спустились в юрьевец с трассы — проехали по советской улице от автостанции до начала дамбы. помахали маяку-колокольне. поели в 'молодежном' кафе. в магазинчике в конце улицы я купил ивановский бальзам 'шую'. мы въехали на дамбу. я открыл бутылочку. подснеженный но бесснежный позднегоябрьский юрьевец напоминал старинный китай. царство у. или шу. или вэй. прекрасно.

я тоже бывал здесь с женщинами. как-то даже сразу с двумя. и сейчас я видел тот дом — который мы целый летний месяц тогда снимали. юрьевец — это сочи и ялта для мерян бассейна унжи. мы живем севернее — вон там. все сюда едут. вероятно потому — что унжа здесь заканчивается и вливается в волгу — огромную упругую как океан. а другие моря нам чужды.

мы молча перекачивали каждый свои воспоминания — связанные с этим курортом — любимым и цветным. жарким — веселым. овсянки запикали в клетке. мы сели в машину — и выпустили их. пусть спуют по салону. на подъездах к кинешме мирон алексеевич сказал: пропала моя танюша.

веса сергеев

д е к а б р ь

кологрив. 1976

- 1 мои обе таксы спят..
- 2 слышится — енот заплакал..
- 3 в кологриве ходят..
- 4 я с утра пошел в аптеку..
- 5 унжа-река..
- 6 я рисую на коре..
- 7 на двухъярусной кровати..
- 8 поселок ужуга..
- 9 мексиканскую игрушку..
- 10 мы сидим в кафе 'гурман'..

1

мои обе таксы спят.
мягко уши их хрустят.
потому что эти уши
в кулаках моих лежат.

мне хороший снится сон.
дышат таксы с двух сторон.
не уронится кастрюля.
не пиликнет телефон.

рыбы смотрят на меня.
это середина дня.
в их аквариумах темных
лучшие мои моря.

куклы надо мной сидят.
камни разные молчат.
пусть живут на этих полках
миллионы лет подряд.

на меня глядят чижи,
фотография жены,

терракотовые воины,
керосинки в этажи.

из угла — велосипед,
под кроватью — пыльный дед,
жалюзи не пропускают
темно-темно-темный свет.

к декабрю растаял снег.
я красивый человек.

2

слышится — енот заплакал.
я скорей проснулся.
в лес большой и очень влажный
сразу потянулся.

бегал я в сырых деревьях,
наступал в болота,
страху своему не верил
— все искал енота.

(а енот что было сил
все вопил вопил вопил).

наконец-то я увидел
друга за корягой.
новой курткой зацепился
за нее бедняга.

капюшон порвал и больно
оцарапал спину.
да еще и погрузился
в грязь наполовину.

я его освободил.
только где взять нитки?
ну пойдем, енот, пойдем,
одолжим у ритки.

городок наш небольшой
— в середине леса.
всем известно где живет
добрый дядя веса.

мы с енотом одолжили
нити у соседки.
очень быстро все зашили.
сгрызли все конфетки.

втерли в спину гостя крем
чтобы уж не больно.
а потом енот ушел
— чиненный, довольный.

я со шкафа взял кларнет
встал с окошком рядом
и играл ему играл
проводжая взглядом.

3

в кологриве ходят
козы и козлята.
ходят также лоси
ходят их телята.

мальчики и девочки
ездят на мопедах.
а совсем уж малыши
на велосипедах.

а ужи с ужами
дышат в каждой луже
а кроты с кротятами
с ними очень дружат.

все лесные звери здесь
в спячку не ложатся
а приходят в кологрив
чтобы наряжаться.

в детском саде им дадут
разные наряды.
все гуляют там и тут
все друг другу рады.

вот свистулька из ольхи
ну а вот из глины.

в кологриве с ноября
праздник долгий зимний.

4

я с утра пошел в аптеку
и купил мыльнянку там,
а еще сухой калины
и рябины килограмм.

топяную сушеницу
и конечно же чабрец,
кукурузных рыльцев ворох,
птичий горец наконец.

льнянку с листьями брусники,
почки молодой сосны,
мяты, пижмы, цвета липы,
и кукушечкины сны.

одуванчиковы корни,
можжевельника плоды,
и еще сто двадцать пачек
всяческой смешной травы.

все принес домой — и в баке
тут же вместе заварил.
просто очень захотелось
чтобы запах лета был.

5

унжа—река..
в ней раки и рыбы
носят знакомые имена:
аня и леша, паша и кира..
унжа-река..
унжа-река..

спит подо льдом
перловица татьяна.
окунь сережа не спит.
ты не глотай только
нашу мормышку
— сильно живот заболит.

скоро спущусь я к вам
вместе с кроватью,
шкафом и круглым столом.
будем гулять мы,
будем болтать мы
под удивительным льдом.

может быть умная
ильница ленка
сможет меня полюбить.
может быть старый
ручейник арсенка
станет со мною дружить.

унжа-река,
плавунцы, водомерки,
я похожу здесь пока:
в юрьевец съезжу,
сдам столбик в газету..
жди меня, унжа-река..

6

я рисую на коре
старый город на реке.
на боку паромный катер
— на снегу как на песке.

рыбаки сидят на льду.
я рыбачить не иду.
я в окне — грибы с горохом
сыплю на сковороду.

а над крышами летят
пеликаны — и урчат.
их пустил гулять наверно
вологодский зоосад.

лошадь на моей коре
на фасаде на гербе.
это здание музея
— там понравится тебе.

поползни пугают такс.
это кологривский загс —

в декабре здесь происходит
по четыре свадьбы в раз.

покупает санки дед.
драчуна ведут в пикет.
подарю кору полине
— ей сегодня тридцать лет.

7

на двухъярусной кровати
я всю жизнь мечтаю спать.
надо б съездить за ней в горький
или самому собрать.

а потом по настроенью
спать то сверху то внизу.
или позвонить сначала
в 'нашу мебель' в кострому?

нет — пожалуй лучше в киров.
я там в пятом классе был.
и кровать такую видел,
но отец мне не купил.

я бы мог на той кровати
делать массу чудных дел..

в нашем 'доме быта' кстати
тоже мебельный отдел!

позвонить туда — а лучше
влезть в пальто и догулять.
мне так много лет.
ну где ж ты,
двухэтажная кровать?

8

поселок ужуга!
рукой подать до кологрива.
на твоих улицах
так пусто и красиво.

я здесь родился.
никуда не делся дом.
здесь пилят лес.
нет ничего на слом.

зайду в столовую.
вдохну и выйду.
здесь целовал при всех
невесту-лиду.

нет не невесту —
ставшей только что жену..

кассир шевелит
книжкой тишину.

9

мексиканскую игрушку
мне прислал кубинский друг.
на башмак она похожа.
в ней вода рождает звук.

вся она — из грубой глины.
будто только что ее
откопал профессор длинный
и воскликнул: ой-ё-ё!!

в месте где как-будто пятка —
горловина для воды.
где носок — лицо девицы:
грустные его черты.

я не знал что с этим делать.
только друг мне написал,
чтоб налил я воду в деву,
и, смотрев в глаза, качал.

осторожно полстакана
я налил воды, качнул.
дева тихо застонала.
(изумленно скрипнул стул.)

стонет тише, стонет горше,
стонет жалобно, светло..

я еще не сразу понял
как с подарком повезло!

из невидимых отверстий
в уголках огромных глаз
на живот мне льются слезы
хоть неси сейчас же таз.

с этой мексиканской девой
я часами напролет
с той поры сижу в кровати:
дева в тазик слезы льет.

слезы кончатся у девы
— я их подолью тотчас.
таз наполнится — я встану,
вылью воду в унитаз.

10

мы сидим в кафе 'гурман'.
весело и вкусно нам.
за окном автобус едет.
ходят люди по делам.
ну а наше дело — вот:
есть салат и пить компот.
а потом гулять по парку —
проводжая этот год.

веса сергеев
(сергеев всеволод степанович)

*

слово нет — любимое слово мери. даже значение слова да мы нередко стараемся передать через нет. меня нет здесь уже четыре месяца. мы разбились с мироном алексеевичем на обратном пути. овсянки помогли нам в этом. бросились с поцелуями в глаза водителю. мы упали с кинешемского моста в великую мерянскую реку. она еще не успела тогда застыть. овсянки куда-то делись. возможно вернулись на птичий рынок. на какой только? мирон алексеевич сразу отправился искать татьяну — хоть прекрасно знает что это бесполезно. гелендваген наш вытащили — а жаль. я с радостью жил бы в нем и дольше.

тогда я решил немного пройтись. спустился до юрьевца — там повернул в унжу — поднялся в кологрив и отыскал заиленную пишущую машинку отца. зашел с ней в тихую реку нею против города неи — где был мой дом. до чего хорошо здесь. на рдестах-водорослях и боках мертвых рыб я отстучал эту книгу. а теперь начало весны. я вернулся под мост в кинешму. здесь теперь мое постоянное жительство. меряне утонувшие тому назад лет тысячу сказали мне что нея — значит овес. я расхохотался. я активно учу наш язык. и мирон алексеевич учит. он перебрался в оку — поселился за мещерской порослью. через рыбацкие лунки выбирается на танюшин холм. носит на поясе ее кости. кроме воды и любви друг к другу у мери ничего нет. река скоро вскрыется. я дойду до коноплянки — и попробую пристроить написанное в какой-нибудь ее журнал.

les lèzards
b o u r r è s
d u s a b l e

(verts bleus)

я щ е р и ц ы
н а б и т ы е
п е с к о м

(зеленые синие)

octobre
2004

1

госпожа мэр идущая вечером с работы в коричневом платье усталая теплая с пиццей в большой коробке с двумя пакетами вкусной еды роняющая негромкие бонжуры каждому каждому встречному не знает что ее любят ящерицы.

мы ведь здесь тоже живем — нас больше чем людей — мы ее тоже любим. — говорят они друг с другом. это правда — ящерицы тут повсюду. южный город — горы со всех сторон. море тоже недалеко. далеко но не слишком. каменная теплая земля.

у желтого здания мэрии ящериц особенно много. под скамейками и возле скамеек. они раздобыли гелевый стержень — и чертят им на упавших листьях знаки своей любви. листья ползут по городу. госпожа мэр их вряд ли читает видит. грустно — но именно она посылает симпатичных людей в комбинезонах собирать эти листья в кучи ловкими машинами.

осень пока как лето. только вечером холодно и листьев вдоль бордюров полно. ящерицы еще не скоро все куда-то денутся. осенью госпожа мэр им особенно дорога. ведь она бы могла в том числе и устроить ящериц на зиму. оставить в городе — рядом с собой. чтобы они никуда не прятались не цепенели в зимних щелях. а любили ее открыто — круглый год — без вынужденной спячки.

на рынке на площади республики дважды в неделю тоже продают ящериц — разной величины — набитых песком. глазастые милые тяжелые и смешные. зеленого и синего цвета. их берут охотно. несут домой. дарят друзьям и подругам — мужьям и женам. увозят за границу. живые ящерицы им завидуют: каждая такая песочная их сестрица может оказаться дома у госпожи мэр.

главная улица камиля буффарделя переходит в ру дю виадук. на этом месте — только под виадуком — у быстрой какой-то воды почти все городские ящерицы собрались глубоко за полночь и думают — что ну что же сделать для госпожи мэр? как доставить заметную радость? как привлечь ее внимание? сколько лет еще можно ее любить безнадежно и невидимо?

выпившие хохочущие русские топают по виадуку из кинотеатра 'лё пестель' — тащат на плечах выпивших хохочущих французских женщин. едут сонные велосипедисты. кто-то поет. ящерицы внизу поднимают головы — ждут пока все пройдут и перестанут орать — голоса у ящериц очень тихие. с гор и так дует ветер — и шелестит вода.

ящерицы долго молчат и думают. и утром находят отличное решение — радующее всех: подарить госпоже мэр двух песочных ящериц с рынка. она будет в восторге от такого подарка и сразу все поймет.

счастливые и проворные — сменившие радостью ночную усталость и тревогу — ящерицы бегут из-под виадука к дому своей обожаемой и любимой — сейчас она как обычно откроет дверь и пойдет на работу в мэрию. (ящерицы всюду ее караулят. и очень грустят когда госпожа мэр уезжает из города по служебным делам или делам семьи.)

2

решение было принято в ночь на пятницу 1-е октября. а в субботу в очередной раз принесли песочных ящериц на рынок. ящерицы влюбленные в госпожу мэр сидят под лотками и не знают что делать. толкаются под ногами у покупателей не боясь что на них наступят. дети их видят кричат: ой ящерицы ящерицы — почему их так много?

песочные ящерицы толще и тяжелей — и стоят каждая пять с половиной евро. влюбленные ящерицы забираются к песочным вверх чтобы на месте все решить. продавец куда-то ушел — а лоток прикрыл бумагой. самое подходящее время. странно — но раньше друг с другом влюбленные и песочные ящерицы никогда не говорили.

ящерицы набитые песком оказались удивительно умными грустно-ласковыми — в общем дорогими. они выслушали своих возбужденных худых гостей. ничего не сказали — поулыбались пощелкали — после этого две из них аккуратно упали с лотка на булыжную землю — зеленая и синяя. влюбленные их подхватили подняли поволокли.

набитые песком очень сильно напоминали живых. наши ящерицы живыми их и считали. песочные бегать разве что не могли и внятно говорить. но очень внимательно смотрели. как и какими путями какими силами — неизвестно — но 4-го октября в ближайший понедельник пришедшая на работу госпожа мэр обнаружила двух симпатичных песочных ящериц на столе в своем кабинете. голова у одной — у синей — была запачкана как кажется известью. у другой — зеленой — был немного мокрый живот.

госпожа мэр одну ящерицу подсушила — а другую вымыла водой из графина, положила обратно себе на стол, опустила голову — подбородком на ладони. стала смотреть и думать — откуда они? думала весь день — занимаясь обычными важными вещами. думала думала — кому-то даже звонила. (звонила мужу в городской музей. звонила хорошему другу в жандармерию. в театр звонила — там у нее подруга которая любит розыгрыши. и в стоматологический кабинет доктору перье.) вечером поцеловала обеих ящериц — положила в сумку и пошла домой.

на ужин были чечевичный суп и морепродукты. госпожа мэр разговаривала со взрослыми детьми — улыбалась мужу. ящерицы набитые песком сидели тут же рядом с ними. было очевидно что домашние госпожи мэр не имеют отношения к этому подарку. в этот вечер госпожа мэр даже выпила. не вина как все — а целый стакан аперитива. и легла спать раскрасневшаяся и еще более красивая.

3

утром резко повернулась осень — повернулась к холоду. госпожа мэр села в кровати охваченная нежностью и беспокойством. она не знала что делать. она даже заплакала. ящерицы набитые песком как и вчера внимательно на нее смотрели. мало ли какие чувства бродят по утрам — мало ли какие слезы. — подумала она и пошла в душ.

ящерицы сделавшие подарок потеряли свою надежду. они тоже умные — и живут здесь дольше людей. города не было — а они были. госпожа мэр если б взяла их на службу — знала бы обо всем. и была бы с помощью ящериц лучшим мэром не только в департаменте дром — не только в регионе рон-альп — но и во всей франции. ящерицы погоревали — и решили готовиться к зиме.

и они бегали прыгали. сидели на люках. любовались госпожой мэр. расписывали листья. они не могли этого не делать. бежали на берег дрома. шуршали там днем и ночью. там камни белые и большие. и рокот горной воды. и запах лаванды и южной хвои. большие быстрые рыбы сочувствующие ящерицам — плывущие в рону. вот светится трехвагонный поезд несущийся в темноте на прива и лион. несущийся на марсель через авиньон — если в другую сторону. шпалы и рельсы ящерицы тоже любят для осенних ночных посиделок.

близ дрома ночью по камням земли случается кто-то шарит красным фонариком. вскрикивает споткнувшись. густо целуется — ложится. разбрасывает одежду. плачет — шепчется — остро дышит. уходит за красным глазком. ящерицы потом сбегаются на это место — на голые неостывшие камни. и думают: неужто не больно?

иногда они забегали в кафедральный собор послушать орган и воскресную проповедь. там прохладно и хорошо. хорошо на гладком полу под покрытыми черным лаком скамейками. иногда собирались под виадуком и пили польскую зубровку. (прошлой осенью здесь был польский фестиваль — и какие-то режиссеры из кракова потеряли пакет с бутылками.)

ну

а

что

еще?

4

ящерицы набитые песком из дома госпожи мэр однажды исчезли. она обыскала всё. очень нервничала. бессмысленно было спрашивать детей и мужа — маленьких хулиганов нет. не было и домашних животных. пару недель спустя госпоже мэр позвонила директор медиатеки госпожа аньес буасси и попросила заглянуть к ней по важному делу. видите ли — я не могу к вам сама прийти. — извинилась она.

шел дождь когда госпожа мэр шла в медиатеку в свой обеденный перерыв — через площадь республики улицу камиля буффарделя и виадук. в городе всего-то четыре тысячи жителей — и кто бы куда бы ни шел все равно придется идти одной и той же дорогой. первое что увидела госпожа мэр на столе у директора медиатеки — были ее пропавшие ящерицы.

присаживайся алис. — госпожа буасси всхлипнула — сняла и надела очки. — они мне все рассказали. — и показала на двух песочных кукол. я ничего не понимаю аньес. — госпожа мэр не стала садиться а коленом слегка уперлась на сидение стула — как школьница. (с директором медиатеки они когда-то были одноклассниками.)

5

через полчаса госпожа мэр позвонила секретарю и сказала что с обеда в мэрию не вернется. и завтра возможно не выйдет. во всяком случае точно опоздает. позвонила детям — сказала что задержится — чтобы сами готовили еду себе и отцу. обе женщины куда-то сбегали — и вернулись с полными пакетами. вежливо и отчаянно извинились перед посетителями — всех выставили — и заперли медиатеку. а потом открыли стеклянную дверь на террасу из кабинета госпожи буасси — и ящерицы хлынули.

если бы видел кто — что здесь потом творилось. обе женщины курили и плакали — и пили вино. комната шевелилась ящерицами — может быть их тут был миллион. на полу на стенах на потолке. на стеллажах на стульях на компьютере. все целовали друг друга. ящерицы — госпожу мэр и госпожу буасси. алис и аньес — ящериц. еще они целовались друг с другом. и все целовали ящериц набитых песком — зеленую и синюю — которые сопели и смешно хихикали.

госпожа буасси притащила из холла велосипед на котором ездит из дома на работу и с работы домой и принялась кататься с ящерицами по залам медиатеки. а госпожа мэр хохотала и кричала обиженно что тоже хочет. так и катались по очереди. чего-то там уронили. ящерицы пищали восторженно.

они ни в чем не отставали от дам: пили курили — танцевали и плакали. а ящерицы набитые песком поворачивали радостно пришитыми бусинами глазами покачивали некруглыми головами цокали и щелкали.

двадцать пять стихов
ассистента коменского

суккубы

казань
1922.

посвящается петру
флоренскому отбывшему в
местность хоф
(где ангелов пруд пруди)

асс. коменский валентин

суккубы с тощими ногами
дурачества суккубов порой
в запредельных домах суккубов
суккубы знают всё о растениях
суккубы часто страдают зубами
осень и падает сердце
угощаю суккуба яичницей
один суккуб по имени улла
катание на каруселях
когда ты одинок
под ручку с суккубом
волнуется грудь суккуба
больно ударившись головой
утром вдруг оказалось
известно всем происхождение
а что будет если
любовь суккубов к ветру
любовь суккубов к флоренскому
любовь суккубов к кругу и
трем треугольникам
стыдливymi как улитки
четыре перечня предложенных
суккубами для приготовления отваров
на водяной бане
вульгарное представление о суккубах

суккубы с тощими ногами
 суккубы с большими головами
 от суккубов исходит приятный жар
 со злости суккубы могут
 хватить об пол самовар
 суккубам нравится как пищит комар
 суккубы бывают разные
 суккубы опасны но не заразные
 суккубы взламывают дверь
 суккубы показывают большущую щель
 в наших городах суккубы появляются
 когда подходит к концу апрель
 суккубам любезна оргия
 суккубы хватают за плечи георгія
 суккубы варят волшебный суп
 суккубы отличаются от женщин
 только тем что не имеют пуп
 о суккубах нам известно довольно
 многое черт бы их побрал.

дурачества суккубов порой
 отличаются наивностью. к примеру
 мужские усы — предмет их особого
 обожания: досадуя на безусость
 многих мужчин суккубы являются к
 ним с обрезками кроличьей
 шкуры различной конфигурации
 нервничают просят приклеить.
 пардон пардон — возражают мужчины
 и выбрасывают усы в окно.
 и-и — всхлипывают расстроенные
 суккубы. очевидно — они хотели как
 лучше. эти усы из кролика.. мягкие
 легкие они обсыпаны табаком
 и надушены парфюмами 'janette'.

в запредельных домах суккубов
 чистота и порядок
 над койкой каждого суккуба
 висит распорядок
 он написан красивым почерком
 очень умелой латынью.
 на тумбочке рядом с кроватью
 отрывной календарь
 на полу желтый
 китайский фонарь.
 в домах суккубов очень
 светло окон нет
 фонарь никогда не горит
 вообще непонятно что происходит.

суккубы знают всё о растениях:
 калина невеста невест и невестина
 смерть бузина. ирга воробьев
 ладоней. кора. и что происходит
 внутри деревьев. название водорос-
 лей. второе имя
 болотной кровохлебки. тревожных
 цветов сентября. суккубы
 режут можжевельные подсвечники.
 прикладывают к уху сухие
 рябинины. щеками ложатся на
 мох зеленый и мокрый.
 тупи-тупи — говорят улыбаясь.
 в эти минуты поди их пойми.

суккубы часто страдают зубами
 потому что по их словам у господ
 есть специальные ангелы крушащие
 зубы грешникам и демонам. этих
 ангелов суккубы зовут 'болванами'
 но хоть бы и так — господен завет

прекрасно блюдется последними.
тела суккубов – сирень после дождя
крик радости на лугу – но вот по
дороге на них бросаются небесные
драчуны разящие по зубам. сколько
слёз сколько жалоб. их выслушивают
мужчины. они оттирают суккубам
слезы и щедро снабдив деньгами
отправляют к дантистам.

6

осень и падает сердце.
в сухих вереницах кустов
дремлют погибшие дети
они не выносят сырости
и после дождя уйдут
из промокшего мира.
солнечный свет насыщенный
насекомыми это лето.
солнечный свет очищенный
от насекомых это осень.
вместо жужжаний слышится
смех. суккубы так любят этих
игривых обиженных увальней.

7

угощаю суккуба яичницей прямо со дна
большой сковородки он тыкает вилкой
в желток и говорит: хорошо прожарена.
я же измученный страстью суккуба
настолько ослаб что есть не могу но
смотрю на румянец покрывший
прелестные щеки демона и говорю
ему: милая возьмите себе приправ.

8

один суккуб по имени улла любил
называть себя леночкой. хороша
леночка! черна как кофейная гуща.

а умашена — боже мой! ни волос
тебе ни ресниц и по-русски говорит
со свистящим гортанным акцентом.

9

катание на каруселях. воскресенье.
теплень. толстые карпы в прудах.
вот бы знал хозяин аттракционов
что студент-билетер рассадил
бесплатно суккубов на синие спины
деревянных крашенных бегемотов.
и дважды пустил машину.

10

когда ты одинок
и тебе невкусен щавелевый пирог
и друг пишет письма из дома со львом
о том как утром плывет паром
по глади чужого озера
когда по железной дороге из киева
любовь невозможная нет не едет
отбрасывать длинную тонкую тень
на эту проклятую стену
а первый небесный звук ее имени
напрасно твердят мудрецы тибета
когда пустые воскресные улицы
во сне сложили фигуру 'нет'
когда среди желтых холмов вдруг
находишь сломанный лета велосипед
тогда ты особенно нежно
ласкаешь суккуба за грудь
говоришь ему что-то глазами
и играешь с его волосами
если они имеются.

11

под ручку с суккубом иду по
почтамтской улице иду на почтамт
отправить письмо в германию.

12

волнуется грудь суккуба
 белеет живот суккуба
 и плачет суккуб и смеется
 когда в руках ваших бьется
 когда суккуб наклоняется
 то вся природа меняется
 и улыбаются дети
 и дует радостный ветер
 подмышки суккуба спелые
 штаны у суккуба белые
 суккуб приглашенья не просит
 белье суккуб часто не носит
 и все у суккуба огромное
 и все-то приятно темное
 и пусть ухмыляется черт
 суккуб это как торт.

13

больно ударившись головой
 о железную кровать а
 коленом о печку-буржуйку
 черноволосый нагой суккуб
 ругает меня скотиной за то
 что развел-де в комнате
 столько дрянного железа.

14

утром вдруг оказалось что
 ночью суккуб выпил квасу
 и умер. сломана жизнь.

15

известно всем происхождение слова
 суккуб. все помнят как крестились
 гимназические батюшки об'яснявшие
 нам значение латинского глагола
 succubare. тупицы — шептали мы и

бегали в белый не очень красивый
дом которому быть самым длинным
в городе если б не здание
императорского университета. в том
доме не очень красивые женщины
свинки ну что вытворяли! 'лежащими
под' не назовешь даже их — чего
тогда ждать от суккубов? — думали
мы когда выходили от наших
сестер в кислые улицы к.

16

а что будет если
суккуба побить
а что будет если
суккуба убить
что если брызнуть
в него кислотой
и выбросить в воду
вниз головой?

не знаем не знаем
не пробовали

что если разрезать
суккубу живот
и капнуть ему
керосина в рот
одеть на суккуба
железный чулок
и пропустить
электрический ток?

не знаем не знаем
не пробовали.

17

любовь суккубов к ветру

по ветру и на ветру сказав
друг другу amor ad ventum

даже если внизу чистополь
баржи какая уж там латынь
катятся цвета вчерашней земли
вчерашнего солнца они в лаишево
где я когда-то стрелялся от
радости к этим телам и
душам к себе к толстому
лори — предмету моей науки
много воды аой! ветру
взаправду свистят они дочери
ветер раскидывает их ноги
и вызываются с помощью sic
манипуляций со словом ventus.

18

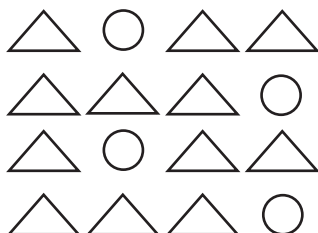
любовь суккубов
к флоренскому

флоренский идет рядами
с'естного прохлада свет
потолок громче стучит
ногами прикрыть отсутствие
стука сердца думает надо хлеб
вино и большую рыбу которую
упустил тогда голый коменский.

за кассой сидит суккуб
флоренский думает это ангел
и называет свою фамилию
суккуб отвечает 'bene' и
открывает грудь флоренский
роняет продукты и выбегает
на улицу суккуб понимает
что спутался.

качнулась земля. смотрите
флоренский удивленно
смотрит под ноги потом
на небо потом ничего.

любовь суккубов к кругу
и трем треугольникам

in vento
ad ventum
cum vento
per ventum
causa venti

стыдливый как улитки суккубы
бывают при рыбах и если в комнате
есть аквариум не может быть речи о
бегании с голыми задницами разве что
накрыть рыбу пестрой тряпкой но сами
суккубы на это никогда не решатся.
вот звуки мира насекомых толкают
барышень на жуткий разврат. над
лемурами смеются похищают книги с
их изображениями таскают показывать
настоящим лемурам. при виде
долгопяты кричат и падают на пол —
кого уж им там напоминает этот милый
зверь с сулавеси? в бабочек суккубы
кидают камнями потому что
флоренский любит их больше суккубов.
суккубам нравится выпь — они и сами
могут так крикнуть если мужчина
сделает им особенно приятно — от
этого крика мужчина сильно бледнеет.
только котов суккубы не любят
называют их непечатным словом
и если в доме есть кот
обязательно плюнут в его тарелку.

четыре перечня предложенных
суккубами для приготовления
отваров на водяной бане

1

осока	пузырчатая	осока
острая		вербейник
подмаренник		топяной
ситняг	болотный	ситник
сплюснутый		полевица
белая	незабудка	мята
лапчатка		гусиная

2

мятлик	узколистный	полевица
овсяница	красная	тимopheевка
луговая	клевер	белый
чина	луговая	клевер-котки
подмаренник		желтый
тысячелистник		гвоздика
звездчатка		злачная
щавель		малый

3

лисохвост	костер	безостный
мятлик	луговой	мышинный
горошек	клевер	горный
кровохлебка		спаржа
подмаренник		мареновидный
таволга	вязолистная	лук
угластый	луговой	чай
щавель		кислый

4

вейник	пырей	мятлик	луговой
полевица		донник	белый
люцерна	серповидная	дрок	

красильный		молочай
василистик	малый	пижма
девясил		иволистный
лапчатка		серебристая

22

вульгарное представление о суккубах
печалит сердца красавиц. печально и
нам слышать расхожие мнения.
'вот прилетает черный дракон'. но
будем придерживаться традиции:

суккубов породил сатана
суккубы носят женские имена
евгения ксения анхен
все это могут быть суккубы
суккубы нюхают полынь
родной язык суккубов
классическая латынь
суккубы вставляют
искусственный глаз
яд для суккубов
хлебный квас
суккубы собирают гербариум
суккубы залезают в оссариум
мы спрашивали их об инкубах
суккубы ответили что о таких
ничего не слышали наверное
это какой-то розыгрыш.

з а т о н и м е н и к у й б ы ш е в а

казань
2004

1

смерть гуляет по улицам затона имени куйбышева в выцветших добела речных курточках — с якорями на нагрудных карманах — с якорями на прокуренных легких. эти курточки были синими как августовская вода — когда их выдавали со складов выпускникам здешнего речного училища №72 — штурманам и механикам-мотористам. и матросам — и начальникам дебаркадеров — и их кассирам — и бакенщикам — и погрузчикам — и буфетчицам тоже — всем работникам запустевшего волжско-камского речного пароходства.

2

смерть в старых брюках — где по-прежнему хорошо видны стрелочки — не спеша открывает двери в магазины — ждет своей очереди — разговаривает с продавщицами — сидит на скамейках или кусках бетона подложив под себя пакет — смотрит как девушки в коротких и длинных юбках заходят в двухэтажные дома пахнущие старостью едой и стиркой — видит через деревья непомерную ширь воды и прибрежную речную рухлядь — покуливает или нет — отпрыгивает от пьяного мотоцикла — с улыбкой пропускает велосипед который бритый восьмиклассник крутит еле-еле — а усевшаяся к нему на багажник толстая девица радостно ругается и визжит — велосипед вихляется и падает с грохотом. смерть иногда и сама вихляется и идет с красноватым лицом стараясь через дворы а не улицами — но это редко — и останавливается патрулями. но это знакомые патрули — и они говорят смерти — 'ну ты что брат?' — или 'ну ты что старик?' — 'давай исчезни'. и смерть сосредотачивается — исчезает — и скоро оказывается у себя дома — в тесном подъезде перед дверью обитой двп — из выцветшей курточки с якорями или из брюк вынимает ключи. она повсюду — такая смерть.

смерть придумала здесь в затоне очень правильный вид — обрела на наш взгляд самое дивное воплощение — другого не пожелать. объемное чуткое тихое — как пробуждение на раскладной кровати под синей простынью — на втором деревянном этаже — среди утренней прохлады и раздающихся внизу голосов. ласковое и мудрое как неожиданно наступивший август. мы скрипнули пружинами и не сядя задумались — чем же так потянуло с улицы? что за знакомой силой? за лучшей на свете силой и ясностью? ага — это значит уже не июль месяц.

смерть из куйбышевского затона похожа на август. в августе мы родились и хотели бы умереть. в затоне ножи входят в тела как серебристые стебли мятликов. сердца прищемляются нежно — утиными клювами. смерть из куйбышевского затона — старого речного поселка на волжском берегу против устья камы — пусть разыщет нас где бы мы ни были когда решится за нами прийти.

смерть из затона иногда садится на 'метеор' и едет пару часов на север в казань — проводить свою тамошнюю подругу. и смерть казанская водит ее по блинным — по выставочным залам — по рюмочным — по стройкам — по паркам в которых недавно была тишина а теперь идет реконструкция. они по-настоящему любят друг друга — и когда-то хотели жениться. смерть из затона имени куйбышева — пожилой мужчина в штурманской куртке с дешевой черной китайской сумкой на плече. смерть из казани — симпатичная молодая женщина с республиканского телевидения — имеющая семнадцатилетнего сына и мужа. она нежная и веселая — но умеет за себя постоять и выматериться. человек из затона — улыбается как бы стесняясь — и жалеет что недавно врачи в райцентре запретили ему курить.

смерть из казани много работает — и сама в затон выбирается редко — только в командировки — ну где-то раз в пару лет — делает репортажи про то как в камско-устыинском районе проходит съезд механизаторов или открывается новый клуб. если летом — тогда купается с бывшим своим женихом — прямо тут же под старым футбольным полем — среди намертво севших в речное дно барж и облезлых катеров. боится наступить на какую-нибудь страшную железку. взвизгивает от страха если рядом появляется рыба-солитер. громко смеется когда входит в воду — оттого что так мелко и так широко — что так долго надо идти пока не скроешься под водой хотя бы по грудь — а купальник она забыла в казани — вот и смеется и кричит другу чтобы тот смотрел не идет ли кто.

человек из затона — его могут звать сергей — посматривает в полглаза на край берега — в другие полглаза на спину бывшей своей невесты а теперь бархатной подруги — улыбаясь ждет когда ее попа скроется под водой и можно будет перестать поворачивать шеей. вспоминает как был принят в казань в речной техникум — как любил эту женщину — как ее трогал — провожал соседей по комнате из общежития — обещая им за это много пива — как потом волок это пиво купленное на лихорадочно одолженные деньги по улице несмелова и на четвертый этаж. капитаны на пенсии — мастера по судовождению — его хвалили и обещали рекомендацию в горьковский институт водного транспорта — а он перевелся в свой куйбышевский затон в малюсенькое училище — в семьдесятвторушку — после того как обсуждаемая по всем панцирным койкам, набитым синим троллейбусам и тополиным аллеям их женитьба расстроилась. и как его все ругали в казани и даже орали на него и злобно швырнули аттестат о неполном среднем в обмен на студенческий билет. ну как — я тебе еще нравлюсь? — смеется казанская гостя пока выходит из воды — а ее подстриженное счастье приближается медленно-медленно. смерть из затона имени куйбышева смотрит прямо в него в упор и кивает не глядя в глаза подруге.

еще реже — в августе — на одном из высоких выступов берега над ветром камско-го устья — встречаются не только они. вместе с ними их другие теплые друзья — мужья и жены — любовники и любовницы: смерть из лаишево — смерть из тетюш — смерть из буинска — смерть из высокой горы — смерть из апастово — смерть из арска — смерть из кукмора — смерть из верхнего услона. у каждой из них свои привычки — свой возраст — своя одежда. смерть из железнодорожного поселка кукмор — рослый жестокий парень в черной кроличьей шапке с запонками под изумруд. смерть из апастово — нерешительная и нечаянная — в стоптанных тусклых туфлях — в мокром халате из зеленоватого ситца — у нее сквозь одежду всегда проступают очень грустные соски. у них синеют губы и краснеют носы. они открывают бутылки и шпроты. обнимают друг дружку и бегают в туалет под ближайшие деревья. в любую погоду здесь пронзительный оглушающий ветер — даже если внизу вода неподвижна как алюминиевая сковорода. поэтому все кричат друг другу в ухо. мы видим как они жестикулируют. но нам ничего не слышно.

если их встречи случаются в казани осенью — такое тоже бывает — их фразы сры-вает казанский ветер — он тоже неслабый из-за близости акватории — ее широкой воды — несет вдоль поребриков как листья. местом своих постоянных прогулок в столице они почему-то выбирают улицу клары цеткин с трамваем №1 — и всю лежащую от нее по обе стороны адмиралтейскую слободу — деревянно-смутную — с заводом 'серп и молот' — со скульптурами про пионеров которых боятся идущие из садика дети — с книжным магазином где есть все чего нет в остальных книж-

ных магазинах города и наоборот. неизвестно почему они именно здесь гуляют — наверняка из-за особенной силы ветра в этой прибрежной окраине.

10

бархатцы и календула раскачиваются на клумбах затона имени куйбышева. здешняя смерть сидит у себя во дворе на полувкопанной в землю автомобильной шине и смотрит как дети роются руками в песочницах — а родители их оттаскивают — некоторых детей неожиданно дергают за волосы — видимо те им ответили что-то лишнее. у нее ведь тоже где-то были запонки — смерть думает что надо бы их найти. белую рубашку отгладить и поддеть под голубую речную курточку и вытянуть манжеты — обрезать пуговицы — провертеть на их месте по еще одной щели — и запонки вдеть. кажется они были черные — с черными матовыми камнями — купленные в казани в цуме — перед отплытием в затон имени куйбышева без студенческого билета — на память сразу обо всем.

11

вдоль разбитой асфальтовой дороги выходящей из затона на две стороны — идущей вдоль правого берега волги на юг и север — белые чайки на полях. они как галки или как вороны или как весной скворцы — шастают по пашне или сидят в густом овсе — целыми целыми полчищами — неподвижны в любой ветер. смерть иногда приходит на них посмотреть. перейдет асфальт — поставит складной брезентовый стульчик — сядет и смотрит.

12

этим августом — как только нам исполнится двадцать семь лет — мы переедем из казани в куйбышевский затон чтобы здесь учиться и жить. купим у кого-нибудь голубую курточку — или ее на что-нибудь выменяем. подадим документы в семьдесят второе училище с якорями на воротах. нам скажут — что в этом году прием окончен. но мы очень попросим и нас возьмут — расскажем о своих успехах в скольжении на резиновой лодке — о горячем желании детства выучиться в речном — о своих родственниках мужского пола которые все как один капитаны или их старшие помощники. мы снимем деревянный угол с раковинной и окном — и со временем может быть его купим. привезем из казани два стула и раскладушку. здесь в хозяйственном магазине купим еще матрац — чтобы ложиться на него вдвоем — иногда — когда так получится — на раскладушку-то вдвоем не ляжешь — это ведь известно.

13

нам в затоне многие симпатичны. например кругловатая девушка в коричневом костюме из бухгалтерии нашего будущего училища. правда у нее сдвинутая на бок пышная прическа — но мы уговорим ее все изменить. мы про эту девушку сразу же поняли что она наша. можно сразу кольца купить. такие есть везде — хоть и нечасты встречи — а в районах у нас всегда бывает особенно много встреч.

если только она не замужем — мы ведь видели ее очень давно. если все же окажется замужем — то мы просто замуж ее не позволим — только и всего. женщины здесь в затоне желанны как рыбы. они красивы и ходят туда-сюда.

14

мы немедленно заведем знакомство с кем-нибудь из смерти — да хоть бы с сергеем — мы ведь знаем где он живет куда ходит. будем вместе ходить и думать о любви и ее ошибках. праздновать конец навигации и ее открытие. вместе шуку в сарае коптить. часом ночевать друг у дружки. мы ему уступим матрац если ему нравится пожестче. будем одалживаться друг у друга. пускать если нужно в свои квартиры — мы его а он наших гостей. иногда вместе съездим в казань.

15

в упругие утра города — в утра особенно синего неба — особенной сердечной синевы — особенно синих касаний августа — мы видим как все это уже случилось. мы гуляем и смотрим на детей и шаркаем сандалетами. мы сажаем их на качели и пускаем бежать высокими бордюрами. мы гуляем одни. мы звоним занятым подругам — говорим им нежности — они рады и просят обязательно завтра перезвонить — мы обещаемся перезвонить и не перезваниваем. мы едем одалживать денег на переезд в куйбышевский затон. по дороге домой от этих денег чуть-чуть отщипываем и покупаем разную рыбу и весовую морскую капусту. дома опять куда-то звоним и еще раз просчитываем все затраты. скоро наша августовская середина — день рождения и отъезд. все хорошо. воздух пахнет речной водой — а дома качаются. мы не можем оставаться в комнате долго — и вот мы снова на улице — мы поддерживаем хлопающую по боку пустую сумку — поворачиваемся на перекрестках — и отпускаем глаза:

16

мы несемся на 'метеоре' от казани в затон — и раскачиваемся из стороны в сторону. все окна залиты брызгами. брызгами и дождем. небо серое — все размыто. еще с неделю — и оставшиеся 'метеоры' не вернутся из казанского речпорта — а зимующие у нас 'метеоры' не отчалят от мокрых пристаней затона имени куйбышева — будут подняты на стойки до конца апреля. сергей — или кто-то другой похожий — хороший ласковый спутник. до праздников в начале мая мы в казань уже не поедем. вот сейчас прокатились еще раз на пару дней — и ладно. вареные яйца и хлеб мы уже съели — и страхнули крошки. из пластиковой бутылки почти все выпили — там был холодный массандровский портвейн. сергей наклоняется к нашему уху и спрашивает о куйбышеве. почему в честь него назвали затон? и вообще что мы о нем знаем — кроме того что куйбышевым была самара? и нам вспоминается фотография человека с красивым и умным лицом — виденная в школьных учебниках и в подаренной дедом энциклопедии о гражданской войне. да-да — это точно. — мы с радостью кишаем сергею. — веселый красивый человек со странной фамилией — дружить и смеяться с ним одно удовольствие — и звали его тоже ласково и красиво — валериан.

к о р и ц а

2007

*

корицей пахнет живот жены.
гвоздикой — ее подруги.
на животах этих уложены
мои июльские руки.

мы — середина большого дня.
жена выдыхает криком:
как замечательно что у тебя
живот пропах базиликом!

*

пахнет под окнами молочай
как от подмышек люды.
полина на кухне готовит чай
среди невытой посуды.

по мокрым ногам ее и спине
снуют тунцы и кефали.
они довольны судьбой вполне —
мы долго их рисовали.

*

мы ходим с хохотом и с трудом.
мы молимся на медузу.
мы за чаем мечтаем о том
как уедем жить в город лузу.

мы отвезем туда волжский загар
и японский кларнет-никоси.

мы откроем там фитобар
столиков ну на восемь.

*

ах любисток!
ты купаешься в двух
теплых-претеплых ваннах.
я читаю девушкам вслух
об однолетних пряных.

ах хризантема! тебе конец!
ах полынь моя!
ты сладковата!
ах фенхель фенхель!
бесстрашный мудрец!
твои семена отжаты.

*

гардины есть. занавесок нет.
эта комната — рубка.
мы в устьях больших
майорановых рек.
мы как мировая утка.

наш общий клюв — тот самый зажим
из которого небо брызнет.
качаемся щуримся и дрожим
вспененные от жизни.

*

скатерть расстеленная
на матрац
делает нас вкуснее.
можжевеловый людин квас,
полинин из сельдерея.

ягод и мхов съедобных лесных
много на наших ресницах,
варенье из шишечек майской сосны
под коленями и на ключицах.

*

наши выдохи под потолком
вьются гирляндой веселой.

они мечтают иметь диплом
белградской балетной школы.

мы смотрим на них.
мы не можем встать.
мы кидаем в них мандарином.
мы обещаем похлопотать
перед ректором розмарином.

*

махните ногами — и я махну
чтобы цвела мелисса!
мы уже капнули в нашу уху
лимона и барбариса.

не угадать из какого соска
запах герани нежной.
желтая гладильная доска
гладится с нашей одеждой.

*

чайное дерево! будь нам отцом!
встань у кровати рядом!
анисом, шалфеем и чабрецом
наши набухли взгляды.

*

кровать-вербена — стучи стучи!
мы любим кричим и верим!

*

мы слышим как подбирают ключи
к нашей коричневой двери.

*

там — седой болтун-куролес,
ворот чужой рубахи,
пыльный чехол, угнетенный лес,
мертвые росомахи,

горсти высохшей чешуи,
и волос искусственных, жженных,
разбитые рамочки — а внутри
подруги, мужа и жены..

*

клоуны съеденные щенком,
ластик из-под дивана,
т е л е г р а м м а
в которой видно с трудом
'вчера умерла оксана',

ледяные комья земли,
клетки откуда сбежали,
табуретки с которых прыгали и
на которых потом лежали..

*

кот задавленный грузовиком
в зубах у него синица..

они унюхали что наш дом
на весь город пропах корицей..

*

скорее в ванную! — там вода.
льем ее на пол прямо.
если они проникнут сюда —
наш дом превратится в яму.

*

бледнеют и уплывают тунцы.
каждый не сожалеет.
вода смывает наши мечты
это она умеет.

*

по колена в воде
жуем виноград.

*

радуемся победе.

*

и тому — что сердито звонят
затопленные соседи.

о ж и д а н и е о л ь г и

мо́лочаи
2007

c z e k a n i e n a o l g ę

mołoczaï
2007

о л ь г а ѿ с в и ч ч ы с ь ѿ м

möľöचाи
2007

a ș t e p t a r e l u i o l g a

moloceaï
2007

o d o t t a a o l g a a

molotšai
2007

1

наша задача проста: показать человека ждущего ольгу: что происходит внутри и вокруг него. мы уверены — эта книга напишется за два часа. к вечеру завтрашнего дня переведется на языки — тиснется в типографиях как двусторонняя открытка — и будет рассыпана во всех местностях населенных людьми.

2

ожидание ольги — ни с чем не сравнимо. вот состояние — равных которому нет. ждать ольгу — значит делать мир лучше. ожидающий ольгу — очень красивый и мудрый человек. настоящий человек — которым гордятся боги. гордятся и ревут. зареванные спускаются в рюмочные. в варшавские, в московские, в вятские.. в казанские, в нижегородские, в киевские.. в могилевские, в пинские, в пермские.. когда человек ольгу ждет.

3

потому что он — ветры! ветры! — в эти минуты лучше богов. он прав даже больше чем керосиновая лампа. и жизненной силы в нем столько — сколько не уместит в себе самая крупная рыба-скат. и ничего что ольга мало о чем догадывается! не понимает — почему же повсюду и ей самой так удивительно хорошо? ее ведь даже не поприветствовали! — она ведь еще только вышла с работы и ожидает маршрутное такси.

ожидание ольги — главная симпатия предметов в мире. мы не ведаем почему так. нам лишь очевидно что все предметы — вовлеченные в эту ситуацию — ложатся в поющий узор: все поет друг с другом — и нет фальши. и дело не столько в ольгах — сколько именно в ольгах умноженных на ожидание них. странная формула — но странен мир. вне ожидания себя кем-либо — ольги ведь женщины как женщины. ждущая ольга — тоже не вызывает таких вот музык вокруг. но начните *ждать ольгу* — и все зазвучит. и ольга изменится. вселенная вспыхнет восторгом. провода на растяжках синей нежностью загудят. ожидания катерины — ожидание мариин — ожидание анны.. — это совсем не то.

хорошо когда ольга опаздывает! как приятно! есть люди — это умные люди! — которые приходят на место встречи за час, а то и за два часа — если их ольги очень уж пунктуальны. они стоят — в каждое время года — на остановке, у главпочтамта, у входа в академию водного транспорта, или на мостах.. сами волшебники — они улучшают всех проходящих мимо людей. и стучащие мимо трамваи не уйдут на переплавку лишние лет десять.

пьяные курсанты перестают драться. гаснут пожары — даже так! убийцы выбрасывают в люки неразряженные пистолеты — и уезжают в оленеводческие бригады в тундру к байдарацкой губе. в домах ближайших к *ожиданию ольги* люди отказываются от намерений сделать друг другу боль — или прощают друг друга. дети находят пятидесятирублевые или даже сотенные купюры в радиусе семи кварталов от *ожидания ольги* — и покупают на них пельмени к ужину ради ликования родителей или цветущие кактусы для себя.

даже скрепка — лежащая в луже поблизости — сбрасывает ржавчину и говорит тихим голосом: оля, здравствуй.

мы знаем человека из петрозаводска — который придумал что поездом москва—мурманск к нему приедет ольга из вышнего волочка — завтра в 6.40. он купил цветы и вино 'кодру'. с вечера позвонил другу — пригласил ночевать. чтобы утром вместе с вокзала ольгу встретить. друг обрадовался и сразу приехал. об этой ольге он много был слышан. думал: теперь-то они поженятся. но ольга не приехала — и приехать была не должна. об этом наш знакомый сообщил другу уже на перроне. друзья двигались вдоль вагонов. пили вино. пассажиры все разошлись. проводницы их жалели — а ведь напрасно! лучше бы позавидовали — и порадо-

вались за поезд свой, за своих детей и мужей, за свои судьбы.. середина декабря. что стало с цветами — мы почему-то не запомнили. но точно уж их не бросили в урну вместе с пустой бутылкой! вероятно забрали домой и поставили в графин.

9

мы знаем человека — уехавшего в ганновер — который в студенческие годы часами ждал ольгу в волжском городе к. он ждал ее очень сильно. очень правильно. именно так ольгу и нужно ждать! дожидался — но не всякий раз. когда дожидался — ходил рядом молча. а как говорить!? — если ольга рядом, если он ее только что ждал, если они гуляют, заходят в пиццерию!.. ольге стало с ним скучно — и она от него ушла. ничего страшного. но на каждом месте его ожидания неплохо бы было развесить таблички:

осеннее ожидание ольги

зимнее ожидание ольги

летнее.. и весеннее..

чтобы город к. стал самым первым в мире общепризнанным *городом ожидания ольги*. такой статус принес бы горожанам много добра! но в городе к. с того времени несколько раз поменялась власть: все почти позабыто — дома почти все снесены.

10

а ольги ходят — их много — их ждут. мы тоже от радости плачем. мы знаем об этом несложном способе делать свет — при помощи ольги и собственного ожидания.

11

вот она — настоящая доступная магия — тонкая, дымчато-золотая. когда мы ждали ольгу в варшаве — шопен приходил в костел святого креста за сердцем, и анна герман была жива. ольга не зашла в тот день в наше общежитие — зато явились они — на приготовленный для ольги торт. когда торт был съеден — пан юлек тувим неожиданно влез в окно — читал нам 'цыганскую библию' и 'золотую легенду'. мы посидели очень хорошо. а потом позвонила ольга — извинилась — сказала что придет завтра — и пришла.

12

когда мы ждали ольгу в алатыре — река алатырь открывала каждому кто был рядом все свои знания, учила языкам. мы прождали тогда около получаса — и знаем теперь чувашский, эрзянский и мокшанский языки. умеем лечить бесплодие с помощью рябины.

13

когда мы ждали ольгу в москве — неживое небо столицы становилось небом печорского севера в августе-сентябре: текло над затылками — играя с ними — меняясь радуясь каждый миг. чередуя фигуры свежести — одна другой невозможнее, лучше! гуси тянулись гулками поясами — скручиваясь то и дело в буквы двух слов: ожидание ольги.

ожидание ольги так видно! этот человек ждет ольгу. — всегда можно с легкостью заметить и сказать. ага! — с арзамасской улицы потянуло *ожиданием ольги*. а вон его эпицентр — идем же туда! мы ничему не помешаем! — наоборот! можно ходить по городу и намеренно касаться таких ожиданий — проходить как сквозь сияющие дождевые облака — чтобы быть лучше, жить дольше, нежнее. зачем люди дуют водку? зачем обращаются к докторам? зачем с друзьями бормочут без умолку об одном и том же? ночью потом не спят? — когда там и тут *ожидаются ольги* — когда ты и сам все можешь — улучшить и излечить. просто ходи по городу — от облака к облаку.

что еще? так грустно дописывать нашу открытку. но об одном и том же чего твердить? и места на ней уже нету. петит — он тоже имеет свои пределы. дизайнеры будут на нас ворчать. к каждой открытке ведь не приложишь лупу — при таком тираже. ну ладно. мы за себя очень рады — мы ждали ольгу — и продолжаем ждать.

ольга нуждается в ожидании — как в ожидании ольги нуждается предметный мир. ее необязательно даже трогать, тем более раздевать. запросто можно не иметь среди близких. ожидание — несоизмеримо важнее. увидите что у продавщицы в 'копейке' написано 'ольга' на блузе. ничего ей не говорите. а посмотрите до которого часа работает магазин — и подождите ее где хотите. можете даже не у выхода — а там где навряд ли пройдут вечерние ее пути. но вдруг? — есть же шансы! может быть и дождетесь. а захотите — знакомьтесь, встречайтесь каждый день, берите в жены! но даже если и без этого — вы уже совершили очень хороший поступок *пождав ольгу* — и принесли и ей и себе и богам и всем много-много счастья! мы скажем вам большое спасибо за то. мы тоже где-то поблизости — и ждем.

вот ольга появилась — на входе в парк — и идет быстро. мы узнаем ее по походке — потом проступают черты лица. мы делаем шаги навстречу. и каждый наш шаг — как по педалям органа. последние аккорды. и — тихо! ольга пришла. мы берем ее за руки и целуем. с этой минуты мы становимся обычными людьми. мы видим как машут нам нетрезвые боги — и лезут на небо. мы улыбаемся им — и уводим ольгу куда-нибудь.

ожидание ольги — всем на удивление и всем в подарок. чудесную эту тайну так трудно разгадать. можно лишь — обнаружив — прокричать и проплакать на всех вокзалах — набережных и выставках: ожидайте ольгу! хорошо?

к у к м о р

2004

пгт — рц на северо-западе
 рт — 115 км на северо-восток
 от казани — граница с
 Кировской областью — жд
 станция на участке
 'шемордан — вятские поляны' —
 17 тыс. жителей —
 кукморский валяльно-
 войлочный комбинат —
 кукморская меховая
 фабрика — кукморский
 завод металлопосуды

кукмор — поселок большой
 красивый и сильный
 кукмор — поселок свежий
 л ю б в е о б и л ь н ы й
 кукмор — подумаем мы
 и улыбнемся ртами
 сыпется крупный снег
 над нашими головами

в кукморе в основном
 живут изумрудные люди
 в кукморе моря нет
 и не будет
 есть почему-то горы
 и ленин и флаг
 и столовая под горами

поезд промчится и свистнет
и мы улыбнемся ртами

видели старый дом
с вазонами над головою
а изумрудные наш
кукмор зовут кукмарю
лисицы и лисенята
весь виноград сожрали
мы их поймаем в горах
мы здесь жили всегда
а вовсе не приезжали

в гостинице на этаже
у железной дороги
с графином и табаком
.

мы выходили толкали
дверь попадали наружу
через дорогу видели
все что нам было нужно
столовую и магазин
аптеку с зеленым чаем
ветер чугун пути
мы гуляем

сначала под гору вниз
до автостоянки
потом наверх где рынок
и мед без банки
на белой таблице кукмор
зачеркнут — спасти его
мы не успели
увидели бы скамейку
схватились б за сердце и сели

да что же это такое?
откуда здесь верховина?
это же зимний кукмор
а не зимняя буковина
однажды мы влезем выпить
с фэт-фрумсом
и горными королями

только бы разминуться
с румынскими патрулями

чем выше мы лезем
тем меньше под снегом солнца
кажется мы забрались
прямо к японцам
румыны поют и ждут нас
к праздничному обеду
поэтому пусть япония
будет в среду

сидим на горе поем
глядим на кукморский ветер
мы самые бесподобные
румыны на этом свете
есть у нас барабаны
и вэсиликэ-овечка
и много-много вина
орешники быстрая речка

и мы играем на флуерах
дрэгучуле меа дрэгучэ!
меня зовут радован
тебя зовут илинкуца
танцуем и плачем от острой
румынской радости-горя
за теми вон-вон путями
гусиный камыш и море

а в среду когда мы
снова сюда взберемся
достанем пакет креветок
качнем головой улыбнемся
решим что хоть мы и японцы
но этого есть не станем
нельзя же взять и сожрать
беззащитных японских тварей

.

сушим обувь лежим
не можем разговориться
знаем о близости
кукмора к румынской
(японской) границе

и стоило лазить вверх
вязнуть в сугробах мокнуть?
радиом на стене
можно щелкнуть

.

мы ходим сидим едим
смотрим в зеркало наши рожи
эти стихи про кукмор
напишем на рыбьей коже
отправим в москву в берлин
к новому году
купим у почты мадеру
и минеральную воду

.

(и в вятку отправим
и в вологду

и в измир и в смирну)

(наши глаза темны
и на сердце мирно)

к	у	к	м	о	р
---	---	---	---	---	---

изумрудные — мусульмане

*фэт-фрумос — чудесный
герой румынских сказок —
сын солнца — иногда
его зовут базилик*

миленькая моя милая (румын.)

e. lwowski

eugen lwowskis
geschlechtsbeziehung
mit einem spiegel

aus dem deutschen
von denis ossokin

sasnitz
2005

e. львовский

половая связь
еужена львовского
с зеркалом

перевод с немецкого
дениса осокина

засниц
2005

1

львовский — это я. мой отец из румынии. из добруджинских русских-липован. я уже не говорил на русском. мама — этническая венгерка из провинции банат (западная румыния). мой родной город — алба-юлия. мне 34 года. в германии мы живем 25 лет. время до окончания школы я прожил во франкфурте-на-майне. вместе с родителями — которые навсегда поселились там.

2

одна моя давняя девушка была зеркалом. тогда я об этом не знал. мы поддерживали отношения когда мне было 22 года. зеркалу — 23. она была первой женщиной которую я всерьез позвал замуж — и первой которая радостно согласилась выйти за меня.

со своей предыдущей девушкой я не спал. ей было 15. мы лишь рассматривали — трогали друг друга. целовались в трамваях — по часу не разлепляли губ. когда уходили родители — у нее или у меня дома — она осторожно целовала мой источающий соки и запахи рог — и сладко хихикала. говорила: черт возьми — мне пятнадцать лет! — что я делаю!? горячей уверенностью приближался акт. она мне до смерти нравилась. я показывал ей как мы брызгаем — взамен на то как они вьют ногами если никого нет. после — пел ей на венгерском и румынском — под разбитый клавир. она гордилась мной — и плакала зачем-то о моей судьбе. женщины к тому времени у меня конечно были. но хрупкости такой — никогда — нет. закончились зимние каникулы. я уехал влюбек — где в то время учился. при каждом возможностях — и абсолютном отсутствии их — наезжал домой. целоваться и трогаться. мои родители злились — называли меня веретеном. все верно — в половине случаев я катался на их деньги. под самый конец зимы моя джульетта влюбилась в школьного учителя и попросила меня уйти.

в середине апреля я снова приехал: на пасху. и тогда — меня неожиданно пригласило к себе на день рождения зеркало. белокурое зеркало в сером сарафане. с зеркалом я шапочно был знаком. скажем — по общим компаниям. не знаю зачем оно включило меня в число своих гостей. зеркало собиралось отметить свое двадцатитрехлетие. зеркало было общительным славным. не очень красивым. но звонким уютным смешным. зеркало звали уте.

к ночи все разошлись. остались я и еще одна незнакомая девушка. и ей и мне добираться до дома было слишком далеко. зеркало предложило нам остаться на ночь. ее мама принесла постели. зеркало еще до двух ночи показывало нам свои рисунки. сложные тревожные нагромождения смыслов. среди них были очевидными дети женщины жидкости лабиринты слоны. гостья-девушка быстро уснула.

мы с зеркалом сидели на балконе друг против друга. я чувствовал себя усталым, большим. зеркало рассказывало мне о луне что-то. луна висела над новостройками — внутри которых повисли и мы. зеркало было в белой майке. говорило взволнованно и смешно. я его обнял. мы начали целоваться.

руки с талии поползли вверх по голой спине. я знал что под майкой бюстгальтера не было. я направил руки на соединение. и коснулся больших прохладных грудей зеркала. подумал: вот — новые груди в моей жизни.

майку я приподнял. груди зеркала были красивы. вдобавок охваченные лунной мутностью. с молочно-розовыми мелкими сосками. я их сухо целовал и покусывал.

мы вернулись в комнату где на диване спала незнакомая гостья. это была комната зеркала. зеркалу было разобрано кресло у противоположной стены. для меня — матрац на полу между зеркалом и девушкой. не раздеваясь зеркало улеглось на кресло. я снял носки и лег на зеркало. майку с него стащил. потянул вниз штанишки. зеркало придержало мне руки. я поцеловал его в нос: не волнуйся — пусти. неожиданно проснулась гостья и села на кровати. как-то дико она на нас смотрела — не мигая — ничего не говоря. мы тоже молчали. может она сомнамбула? — я думал. девушка вдруг бухнулась обратно на диван. ее сон продолжился. нацеловавшись с зеркалом до боли языка и губ я уполз к себе на пол. в одноместном кресле мы бы не уснули. штанишки остались на зеркале. я тогда зачем-то подумал о том что не стоит проникать в новую девушку в темноте — наощупь. как в жену. хотя понимал что рискую никогда в нее не проникнуть.

утром мы вышли из дома держась за руки и зашагали к трамвайной остановке. улыбался жаркий сухой апрель. я сказал зеркалу: было бы здорово нам пожениться. зеркало замурлыкало. я прижал его к себе. поцеловал в затылок. мы даже прошли пешком кажется пару остановок.

весь день мы гуляли по городу. зеркало правда еще ходило на занятия. из трех лекций оно посетило одну — по моей просьбе. зеркало училось во франкфуртской высшей инженерной школе на факультете дизайна. в час дня оно уже освободилось. я потащил свое зеркало на причалы. там мы сели на прогулочный теплоход почему-то с голландским флагом и отправились вниз по майну. через час показался рейн. майн вливался в него под птичий гомон. это мы с тобой. — сказал я зеркалу. — показывая как соединяются эти две реки. мы сошли на берег и углубились в залитые солнцем заросли ольхи.

мы сели на покрывало — которое я прихватил — (специально опрометью за ним таскался в свой восточный борнхайм пока зеркало было в школе). зеркало мягко легло на спину. унесло руки. широкие бретельки толстого серого сарафана — который был на зеркале как и вчера — застегивались над грудью на пуговицы. я расстегнул. сарафан по-

тянул вниз. зеркало осталось в нижнем белье — на покрывале шуриться от солнца. белый лиф и белые трусики. душные взрослые ноги. трусики плотные и большие.

13

гологрудое зеркало лежит передо мной. неуверенно шевелит попой. желая мне не то помешать — не то помочь. скорее все же помочь. неотвратимо — как город кёльн за кёльнским поворотом рейна — выскочил раздавленный ком волос. солнце в нем так и прыгает.

14

зеркало долго потом рыдало. чем я мог его утешить? разве что словом дура. у меня не портилось настроение от зеркальных рыданий-иков. я был заодно с апрелем. мне было известно что женщины — особенно западные европейки — часто лютуют внезапные слезы сразу после того как страстно проутюжатся под новым мужчиной. мне всегда не было ни малейшего дела до этих смутных психологий: я не уважаю их. зеркало плакало — я не злился а его любил. глядел на его слишком покатые — немного рыхлые плечи. они вздрагивали. пахло нашими половыми органами и теплой землей. минеральной водой из пластиковой бутылки я отмыл и зеркало и себя. безобразно опухшее зеркало в этот момент принялось смеяться. хохотало на все окрестности устья реки майн.

15

doamne meu dragu. мой боже дорогой.

16

днем позже я сел в поезд на любек. зеркало явилось на перрон. целовать меня на виду у всех. в любекском медицинском университете я учился на судебного психолога. меня всегда привлекал север. его моря. вот я и забрался так далеко от дома. впрочем мой дом вообще не здесь. я очень сердит на родителей — которые привезли меня в германию. еще больше сердит на себя — за то что не поехал учиться в тимшоару или в москву. близость моря в любеке непрерывно меня спасала. любекская речка траве стремящаяся в балтику была моей первой любовью. а теперь еще и эта новая любовь.

17

зеркало звонило. от зеркала приходили письма. с рисунками на конвертах и внутри. все та же текучесть, напуганность форм. все те же лабиринты, зыбкости. я все ждал лета — и окончания летних практик. я не рвался теперь домой — как было в случае с пятнадцатилетней милой. в зеркале я видел свою жену. думал: мы всё успеем. а что важного я в зеркале углядел? что интересного? что такого? этого я до сих пор не знаю. уютность — вот был тогдашний пароль. уютная теплая уте. неяр-

кая — дорогая. у меня во франкфурте есть невеста. я ее привезу сюда. — эта мысль питала любой голод — делала жизнь по-славному несложной. я не изменял зеркалу. смягчились все мужские желания. подобно тому как хочется лишь гладить по глазам и ладоням беременную от тебя женщину — в месяц перед родами.

18

зеркало навестило меня в мае. приехало на пару дней. я снимал квартиру пополам с воеводинским венгром. как раз в это время он уехал в родную суботицу хоронить сестру. (на самом деле у сестры была свадьба. теперь уже дело в прошлом — и можно открыто говорить. у нее уже трое сыновей.) приехавшее зеркало менструировало — и нехотя принимало в рот. я на него немножко злился. говорил ему: не сплевывай. не сплевывай.

19

зеркало живо интересовалось моей наукой. твердило что мне завидует. по его настоятельным просьбам я то и дело прогонял его через разные тесты. об эгоизме — о способностях к сочувствию — о половом складе мозга.. через разную дурь. жалел наше время. торопился — тащил его в парки — скверы — в аллеи широкие свежие. шумят тополя, сосны. зеркало торопливо двигает головой. я стою — а оно на корточках. опять сплевывает — хоть я же просил.. эта сцена как нейлоновая нить собрала на себе все парки города любека. было ветренно было жарко.

20

я предлагал per anus — зеркало было против. говорило что не хватало чтобы у него сразу из двух отверстий сочилась кровь. мы обсуждали это поедая марципаны в уличном кафе у института брамса. зеркало улыбалось так заразительно. мне тоже было смешно.

21

зеркало уезжало ночью — в 1.33. до франкфурта долгий путь. мы гуляли — с вечера до самого поезда. любекский май. огни. зеркало шептало: ты выбрал хороший город. и целовало меня на ходу. в шею за ухом. когда оно уехало — я выпил водки. радостно и много. потом уснул.

22

всю ночь мне снилась зима. густая зима. такая грустная.

23

утром что-то случилось с моей головой. я сел в кровати и заплакал. плакал физически часа полтора. то есть без перерыва текли слезы. время было около одиннадцати дня. я знал что зеркало будет во франкфурте где-то в четыре. (по

дороге оно собиралось сойти в берлине и побегать по нему часа два.) мне было так горько оттого что тогда в устье майна голое зеркало из-за меня рыдало. оттого что здесь в любеке я его почти что насильно ртом насаживал на себя — как на колодку старый башмак. предложение же *per apus* казалось мне настолько чудовищным — что слезы трыскали из моих глаз как у клоунов в цирке — и я переходил на стон. меня штормило — меня раскачивало чувство неимоверной жалости и вины. на своей кровати я был как на убогом рыболовечком траулере — далеко оторвавшимся от земли — без рыбы — терпящим вдобавок крушение. в общем это был очевидный невроз. с какой такой стати?

24

ни раньше ни позже со мной не случалось подобного потемнения души. даже при очевидных винах. а тут — на пустом месте. как будто пока я спал — мне сделали укол. я подумал что рушится моя психика. так мне и надо. — немедленно вспыхивало в голове. — не надо было обижать уте. я проплакал у себя в доме — правда уже с паузами — до четырех вечера. плача зубы чистил — и кофе варил. плача слушал балканскую и еврейскую музыку — и на коротко включал телевизор. в пять минут пятого я позвонил зеркалу. наговорить невротических нежностей — извиниться. его мать сказала что уте не приезжала.

25

с этой минуты мне стало холодно. я отчетливо делался ледяным. я не испугался. не стал звонить в скорую помощь. а разделся догола и улегся как мертвец на кухонный стол. тут же встал. вырвал страничку из своего заграничного паспорта. написал на ней 'eugen lwowski' — и насадил ее себе на ногу на мизинец. так я больше походил на труп в морге. взобрался на обратно на стол. трупно приоткрыл рот. я лежал абсолютно закоченевший — и слышал как стол мелко подо мной трясся. сколько же времени так прошло? может быть минут двадцать.

26

у меня вдруг поползла эрекция. вот уж действительно — медленно — в гору. остро захотелось собственноручно это напряжение снять. ледяными руками я дергал свою ледяную штуку пока ледяные брызги не обожгли ледяной живот. как вам нравится такое издевательство над человеком? потемнение души закончилось. я слез со стола. 'оттаял'. сорвал бирку с пальца. набрал номер зеркала. она в душе. — сказала мать. — передайте что звонил еужен. — передам.

27

мне стало спокойно уверенно и тепло. но зеркало я не любил больше. в третий раз я не стал звонить. и зеркало не позвонило.

с этого момента не было больше ни писем ни звонков. ни капли взаимных желаний. уверенно говорю лишь про себя. зеркало устранилось. и по крайней мере так выглядело будто и с ним творилось что-то похожее. у меня же как будто была прооперирована душа. нейрохирургии такое не приснится. на месте огромного трепещущего в ветре дома — тянущегося коммуникациями во все обозримые края — спокойное ровное поле.

на психолога я учился шестой семестр. и — слава доброму богу — научился по-хорошему не церемониться с собой. впрочем к этому у меня были способности. чего только с нами не случится — не всплывет из глубин. вспоминаю как однажды в январе в румынском городе сучава — на южной буковине — в ночном баре на нас напали местные бандиты. пьяные. наверно и под наркотиками. на меня и моего друга дана. из посетителей мы были одни — в час ночи. собственно они захватили тот мышиный бар — на четыре столика. заперли хозяек — мать с дочерью — в туалете. заперлись изнутри. стали распоряжаться стойкой. намешивать себе зверское пойло из цветных бутылок. может они и были настоящими хозяевами и бара и города? их было человек 12. главари хотели нас резать — когда узнали что мы не здешние. стали бить бутылки — тыкать нам в лица 'розочками'. втыкать в стол ножи. но когда я обмолвился что моя мать из баната (про то что венгерка я не сказал) — самый мрачный бандитский комиссар заплакал. ведь румынский банат переходит в сербский. а в сербии по его словам он долго работал. и любил там девушку ружу. плача — он перешел на сербский язык. и горестно обращался ко мне — ожидая от меня того же. по-сербски я умею лишь поздороваться, попрощаться, знаю пару любовных слов и пару ругательств. самое большее — 7 корней. но той ночью в том баре я говорил с тем парнем на сербском до пяти утра как президент югославии. как апостол. мы сербские песни распевали — вот ведь что. причем многие предлагал я — затягивал и вел. моя беседа на сербском была залогом наших жизней. когда время от времени мы делали осторожные попытки встать — бандиты опять хватались за 'розочки', стулья — и метили в наши головы. по приказу любившего сербию бандита — нас поили вином и водкой. угощали как родных. он хотел даже вынуть из туалета хозяек — чтобы они нам дали. но я сказал что в сербии меня ждет невеста по имени зоранка. бандит подарил мне два миллиона лей. и попросил позвать на свадьбу. думитря — думитря-чёрт. — кричал он. — это я — меня здесь все знают.

прошло 12 лет с тех любекских странностей. из любека я перебрался в штральзунд. еще севернее — в померанию. оттуда — в заснитц — на остров рюген. работаю по специальности. на рюгенскую полицию. у меня и офицерское звание есть. и зеленая форма. вот уж где странность! из любека до моря было километров пятнадцать. от моего настоящего дома в заснитце — пятнадцать метров. море по-прежнему спасает меня. придумавших мою немецкую судьбу родителей нет в живых.

с зеркалом больше мы никогда не виделись. пару раз сталкивались на улицах во франкфурте — кивали друг другу — но это не в счет. я слышал что зеркало все эти годы работает в малой архитектурно-художественной академии. учит творчеству детей. творить творить. из бумаги — глины — камня — стекла.. из тысячи материалов — правильные названия которым я даже затрудняюсь дать. зеркало на отличном счету. дети его обожают. очень быстро оно стало заместителем директора.

у меня русская жена — ирина. она из липецка. окончив учебу — я на год уехал в россию. встретил ее. привез. у нас семилетняя дочка. зовут майя. через 10 месяцев после рождения у майи пропал слух. клиника неясна.

в ночь перед рождением майи мне приснилась уте. мелом на школьной доске перед целым классом семи-восьмилетних турецких мальчиков она писала по-немецки: *зеркала не едят марципаны.* и подпись: *миро.* я спросил как бы из-за границы кадра: что — художник миро был зеркалом? уте не ответила. я проснулся. подумал: господи — причем здесь миро?

майя рождалась в штральзунде. был октябрь. полуголый я вышел на балкон. шел дождь. пахло сыростью балтики. я подумал: зеркало по-французски — *miroir*. но миро ведь кажется испанец. я стоял абсолютно сбитый с толку. встревоженный. обрывки ярких ощущений и мыслей кружились внутри и вокруг меня. штральзунд — осень — балкон — в глубине немецких улиц рожающая ирина (ирина рожала через сечение — операция была назначена на 9 утра — время было 9) — миро — уте — зеркала.. я стоял с ощущением что об мою голову разбили удивительнейшую мозаику — острый цвет и смысл. я пытался его сложить — но ведь это невозможно. в штральзундской воздушной сырости вдруг крикнула медицинская автосирена. и вот тогда — мозаика сложилась сама собой в четкую уверенность — в смысл-кристалл — который впился мне в голову будто гранат в брошь — то есть в старательно подготовленное место: уте — зеркало. уте — не человек.

интересно. волнующе. ну ладно. я уже ехал в роддом. там мне сказали: операция прошла успешно. девочка родилась здоровая. 3950.

моя тогдашняя половая связь с зеркалом в апреле-мае 1995-го года имеет прямое отношение к майиной глухоте.

миро — я долго потом выяснял — не произносил фразы про зеркала и марципаны — во всяком случае так чтобы эта фраза стала его художественной собственностью — и запомнилась кем-то.

был ли хоан миро зеркалом? занимал ли высокое место в иерархии зеркал? или же какое-то неизвестное зеркало в том сне под него подделалось? вообще стоит ли здесь думать о миро?

караулить матовые смыслы глупо, но еще глупее саморазрушаться когда матовые смыслы подкараулили тебя.

мы с ириной еще до свадьбы мечтали о том что хорошо бы выучить вместе какой-нибудь интересный красивый язык — только чтобы с нуля оба. латышский думали, или финский. ну вот, теперь мы оба — немецкие сурдопереводчики, даже бывает на этом зарабатываем, ирина по русской профессии микробиолог, поступила в любек — на дефектологический факультет.

город франкфурт хорош тем — что там готовят апфельвайн: яблочное вино — еще со времен карла великого, продают в двухлитровых бутылках, это — сидр, крепости — 5.5 процентов, во франкфурте есть банхоффиртель — привокзальный квартал, там повсюду веселые дома — горят пустыми красными сердцами, вечерами осени шататься по этажам этих заведений — рассматривать болтающих языками неодетых девиц сидящих в дверях своих подсвеченных синим комнат — смешно и славно, особенно если апфельвайна по пути глотнуть! поглазев на девиц — мысленно себе кого-нибудь выбрав — отправиться допивать апфельвайн на майнские пристани — вместе с другом детства, друг — тоже румын, пить и петь, смотреть как в обе стороны майна движутся голландские теплоходы, а над ними — веселым чертовым колесом самолеты заходят и заходят на посадку — взлетают и взлетают, это то что хорошо во франкфурте, чем он может быть дорог.

осталось лишь описать себя, коротко стрижен, люблю зеленые и синие длинные свитера, зеленые и синие с капюшонами куртки, курю — хоть и ощущаю себя некурящим.

*

еужен львовский — мой друг. он выучил русский — иногда приезжает в россию — к родственникам жены. он попросил меня перевести эту книгу. хотя сам бы мог это сделать. на вопрос почему он не стал писать на венгерском или на румынском — ответил что этот текст должен был родиться только на немецком языке.

д. осокин

*

spiegel essen keine marzipane
miro

валентин кислицын

рюмочные и шашлычные

верхний услон
2012

*моим детям —
а н н е
валентиновне и
в а л е н т и н у
валентиновичу —
с нежностью!*

1

рюмочные и шашлычные!
как же я вас люблю!
а музеи и выставки
я совсем не люблю!

потому что кто склонен
ходить по музеям
и выставкам —
тот до сих пор
мало что знает и дурак.
а тот кто сидит
в рюмочных и
в шашлычных —
тот все давно знает
и умный —

и это именно так!

2

в музеи стоит зайти
 в глубоком детстве —
 увидеть лук и колчан
 и икону с ними в соседстве,
 халат муллы
 и чучело белуги
 и картину на которой
 например нарисованы
 летающие над безводным
 городом чайками
 оконные фрамуги.

3

а потом повзрослев
 ну примерно лет в двадцать
 в двадцать пять край
 надо сказать себе:
 хватит ей-богу!
 этих фрамуг-чаек
 и внутри меня очень много.
 я прочитал уже
 много стихов, много прозы.
 читайте дальше
 кто слепой зануда —
 а я всё понял,
 почти всё сказал
 и пошел петь и плакать
 в шашлычную 'каспий'
 и в рюмочную 'береза'.

4

я знаю что любить хорошо.
 что пить много плохо.
 под гроб соседа
 подставлять плечо —
 это отборно плохо.
 что красоты и уродства
 особенно красоты
 рассыпано всюду по свету.
 что лежать самому в гробу —
 хуже нету.

5

я знаю как замечательно
взбираться на горы и
мчаться с них вниз по склону.

я знаю как больно
разбиться в оврагах.

я знаю чем отличаются
маки от анемонов.

я знаю как утка живая
сидит на ладонях.

знаю как она матовеет
и сходит с руки.

и у меня вызывают улыбку
те кто чего не понял

и куда-то меня зовут.
за что-то меня ругают.

6

рюмочные и шашлычные!
пластиковые столы!
вы мне так солнечно дороги!
будьте пожалуйста вы!

трамвай по земле проносится,
'москва' на реке гудит.

мне все что по вкусу и по сердцу
здесь ясно и принадлежит.

7

есть те которые хроники —
хронически не понимают,
шуршат ногами,
шуршат страницами, ищут,
постоянно стучат к чужим,

унизительно шлятся
по их выставкам.

и есть те кто давно нашел
и поет под грушей.

я вот давно нашел — и пою —
и нет ничего лучше.

мне нравится
девушка - парикмахер
трогавшая меня
сегодня за уши.

я пригласил ее после
работы в шашлычную,
она согласилась,
и нет ничего лучше.

ее зовут гуля.
так-то!

8

и мне например очень
нравится страна иран.
но там для меня нет
рюмочных. а для нас
с гулей есть автокран.
повиснуть на нем
за прогулку —
это ли не безбожно?

а где на земле есть все
и при этом всё можно?

9

и мне например очень
нравится город вена.
но там нет
хороших шашлычных
и с гулями тоже не верно.
от умных дев-полицейских
делается тревожно.

а где на земле есть все
и при этом всё можно?

10

в казани — на средней волге!
и в местностях рядом с ней!

ура!

значит все кто не здесь
до сих пор —
приезжайте сюда скорей!

ура нам и вам!
ведь мы ждем вас!

*

школьницы! не спешите
в шашлычные
с рюмочными,
чтобы найти там мудрейших
себе в мужья!

там водится ужас как мало
личностей таких же как я.

а я женат вторым браком.

библиотекари

казань

2002

яснотка (*lamium album*) — иначе глухая крапива — растущая по обеим сторонам границы между единицей и двойкой — имеет мягкие листья — почти белые — выглядит как крапива (*urtica*) только не жжется — цветы белые — запах пугает. порослями этой будто посыпанной мелом травы с пограничья миров и являются библиотекари — фигуры родственные проституткам — в меньшей мере манекенам и зеркалам. все они из одной коробки — косые отмычки вхожие в инвентарь колдуна. библиотекарем как проституткой или котом можно открыть дверь на север — в доме где дверь открывается на юго-восток, можно приманить карлика на игрушечном паровозе — он поедит по комнате и умрет. уснуть привязав себя за ногу к библиотекарю — значит бродить по комнатам тополя, по пустым магазинам, пустым балконам, наступить на убитого елизаветинского генерала, убежать. случайные связи с библиотекарями повышают личные мистические способности. стать мужем библиотекаря или женой — все равно что сдать комнату проститутке или укладывать рядом с собой что ни ночь шевелящийся манекен.

1

библиотекари способны издавать всего лишь два звука — [н] и [м]. внятная речь которую обычно приходится слышать — жестокий подвох. пока мы им верим слушая — они языками трогают наши глазные яблоки с внутренней стороны. с библиотекарями лучше вообще не разговаривать. или резко оборвать их фразой — перестаньте-ка есть мои глаза! от этих слов библиотекари выйдут из равновесия — и вы услышите их настоящую речь — из двух сонорных указанных выше. не надо — не слушайте — хватайте книжку или наоборот швырните ее на кафедру — и бегите от библиотекаря побыстрее.

2

у библиотекарей в одной руке ножницы — а в другой телефонный провод, из задниц торчат расчески мешающие сидеть, в животах у них пыль, в кастрюлях за ширмами — кислые формуляры и пирожки с человеческими пальцами.

библиотекари вечно стригут себе ногти — а провод накручивают на шею. требуют тишины — а сами только и делают что щелкают ножницами и ползают среди столов собирая отлетевшие кусочки ногтей.

3

библиотекари часто плачут прижимая к глазам платок. в зале тихо. тихо шмыгает библиотекарь. что случилось? — вы думаете стоит его жалеть? опять обман — опять ловушка. кто подумал о библиотекаре с жалостью — у того утончились кости. кто подошел спросить в чем беда — тот уж точно теперь свихнет себе шею, вывернет руку, ломает позвоночник. библиотекарей нельзя жалеть. надо позлорадствовать и негромко сказать — 'чтоб ты сам раздробил позвоночник.'

4

ни в коем случае с библиотекарями не следует здороваться. и вообще быть сколько-нибудь вежливым. единственное что можно — это прощаться. и то — прощаться резко, с обидным для них удовольствием — например вот так: натянуть улыбку и зашипеть — ну до свидания, до свидания, наконец-то я от вас ухожу; или — ну я пошел, прощайте, господа как хорошо! — при этом совсем нелишним будет библиотекаря выматерить. а что — ведь он людей ест! библиотекарю говорить спасибо — нелепость над нелепостями — нелепей нелепости нет! только грубить, угрожать и злорадно смеяться на каждое его действие. в библиотеку надо приходить всегда с приготовленными ругательствами — не надейтесь на ситуацию и себя в ней. напишите на клочке туалетной бумаги необходимую вам книгу, журнал или вопрос консультации — бросьте библиотекарю в волосы. он возьмет, поднесет к очкам — а вы скажите: какая же вы уродина. библиотекарь встанет и соберется искать — а вы поднатужьтесь и издайте постыдный звук. библиотекарь вернется с книгами — повернитесь к нему спиной. если это женщина — (что наверняка) — сделайте свирепые глаза и скажите — мне насрать что у вас менструация, ходить вы должны быстрее. сунув книжки в пакет объявите — я ухожу домой, а вы тут сидите до вечера. и еще — при входе в любую библиотеку обязательно надо сказать слово *жопа*.

5

все это меры личной предосторожности и следствия страха перед библиотекарями — безусловно естественного чувства. действия — сродни тому когда в деревне при входе в незнакомый дом вы держите в кармане кукиш чтобы не быть испорченным возможно живущей здесь бабкой-шептуньей. но библиотекари куда серьезнее какой-то травяной бабуси — потому и система поведений и отношений к ним бесконечно сложна. по-свински обходиться с библиотекарем не потому что он ничтожество — а потому что — яснотка — глухая белая крапива — мертвая трава. можно хамить ему и думать — а если тебя отыметь и сзади и в рот — каким же магом я буду.

будете будете — не сомневайтесь. библиотекари отдаются очень легко (вспомните проституток). и идут замуж сразу — хоть в первый час знакомства. вспомните как умирают колдуны — мучаются если не излили свою силу хотя бы частично в какого-нибудь преемника. вот и библиотекари — не хотят ходить до боли накаченные волшебством — они рады отдаться и завести семью — чтобы вдруг не лопнуть. уверяем вас — если подойти к библиотекарю и брякнуть ему на стол половые органы — библиотекарь засопит от радости и не кинется на них только из вынужденного приличия. посидите с альбомами по живописи до конца его рабочего дня, подождите библиотекаря на улице или идите сразу к нему домой. проститутки стоят денег — библиотекари бесплатны. но сплетаясь с библиотекарем не рассчитывайте что ночью будете видеть тихие сны — ночью к вам притащатся мертвые и будут диктовать матовые стихи — ночью будете лазить по несенным балконам и проснетесь неотдохнувшим — нужно ли вам это?

библиотекари хоть и не просят денег — но получают от вас сполна — о глазах и костях мы уже сказали. кроме болезней глаз и костей библиотекари имеют прямое отношение к таким явлениям как детские драки, квартирные кражи, смерть от ночного кошмара, изнасилования, болезни ногтей, болезни живота. пускать детей в библиотеку — горькая беспечность: библиотекари подменят ребенка — дадут вам черного таракана с гландами из стеарина. этого таракана вы будете целовать перед сном — а он будет скрести хитином о простынь, а когда вы уснете — откроет библиотекарям форточку.

библиотекари заполнят ваш уснувший дом, позовут водомерок, ремезов и устроят оргию. пока они будут лизать друг друга — ваши ногти сморщатся. ближе к утру библиотекари оставят кладки по всему вашему дому и отправятся на работу. почаще делайте влажную уборку — чтобы смахнуть и раздавить возможные кладки библиотечарей — ведь библиотекари могут и сами забраться в дом.

у библиотечарей часто и необъяснимо болит голова. голова болит у огромного числа фигур двойки и пограничья — можно сказать что у всех у кого она есть. вот мертвые например всегда существуют с головной болью и не обращают на нее никакого внимания. а библиотекари — ведь не мертвые же — от этого страдают и стонут. чтобы голова прошла — библиотекари берут с нас штраф. это единственный случай когда они просят денег — но ведь не на любовь. эти как правило смешные штрафы за несвоевременно возвращенные книги лучше все-таки платить. иначе библиотекари пошлют к вам уличных грабителей или квартирных во-

ров. что они делают с теми деньгами со штрафов — нам до сих пор неясно — но уж точно не тратят их на анальгин и цитрамон. может быть отдают зеркалам — и те оттягивают их головные боли, может быть этими же деньгами и лечатся — глотая их или заталкивая в естественные отверстия — что-нибудь в этом роде. еще случается оставлять в библиотеках большие деньги когда мы берем книгу под залог — тут уж обычно все аккуратны — приносим книгу, забираем деньги. как вы думаете — каково библиотекарям? — библиотекари убиты огорчены — ведь они всякий раз надеются что книга будет испорчена или утеряна.

10

все библиотекари писают стоя — а испражняются исключительно на пол — рады если на полу рассыпана земля. поэтому библиотекари пропадают в туалетах так долго — ведь женщинам нужно снять все что ниже пояса и встать на унитаз. это что-то вроде традиции, которой не все придерживаются — многие просто приспускают трусы с колготками и подносят баночку. испражнившись библиотекарь вынужден затирать пол — и горя ему мало что студенты у кафедры ждут. мы не случайно сказали про землю — библиотекарям очень нравится усесться над ней почти коснувшись и скрести ногой как кот. загляните в библиотеке в служебный туалет — там и баночки и земля. проститутки справляют эти потребности полностью раздевшись.

11

вы пришли в библиотеку и читаете на дверях табличку 'санитарный день' — ну вы приблизились так приблизились к границе двойки! — завертитесь на месте схватившись за пуговицу, заплюйтесь, закричите 'жопа' на разные голоса — и бегом от этой двери! если заглянуть к библиотекарям в санитарный день, наилучшее что с вами случится — это истерика, а в худшем случае — рухнете как подкошенный на пол — останетесь там навсегда. библиотекари в синих и серых халатах стоят на стремянках и мочатся — жуя мышиные хвостики. собирают тряпками свои лужи и протирают ими плафоны, дверные косяки. включают электрические чайники и плещут друг в друга кипятком. играют в жука-ползуна — это вот как: один библиотекарь ложится на пол, заталкивает в рот несколько каталожных карточек и начинает их усиленно разжевывать, все остальные разбегаются и прячутся по комнатам. как только лежащий — он и есть жук-ползун — разжует карточки до кисло-желтой массы — начинает ползать по библиотеке, искать своих коллег и плевать в них тем что у него во рту. все увертываются от жука-ползуна, ждут пока он проползет мимо их укрытия и бьют его ножками стула и старыми пластинками, роняют на него вешалки и стеллажи. но если жук-ползун прижмет кого-нибудь и таки попадет плевком — все выбегают с криками, валят жертву, срывают с нее одежду — кусают, щекочут, тычут булавками, подбивают глаз, ломают один палец и обливают кипятком. после чего этот ничуть не замученный библиотекарь сам становится жуком-ползуном. в санитарный день библиотекари приглашают птиц и откусывают им головы — головы сплевывают заведующей отделом на стол, а тушки раскладывают на читательских столах и стульях. заведующая открывает рот и забрасывает туда все птичьи головы — которых могут быть сотни. потом раздевается, влезает на

стремянку, вынимает нос и глаза, рот превращает в полуоткрытую улыбку. все сотрудники рассаживаются вокруг и открывают блокноты, кто-то садится за пишущую машинку. заведующая мочится, издает какой-то внутриутробный звук — и птички головы обильно начинают из нее сыпаться — из глазных отверстий, из пустоты носа, из улыбки, из интимных щелей. каждая голова выкатываясь произносит какое-то слово — или обрывок фразы. рассеявшиеся библиотекари должны успеть все записать и соблюсти последовательность. после того как выкатилась последняя голова — заведующая валится со стремянки трупом. библиотекари собирают головы, кладут рядом с тушками и прогоняют птиц. заведующей ставят обратно глаза, поднимают, тепло ее благодарят. после все садятся кругом и начинают складывать из птичьих слов сокровенную песню. приносят мятые трубы, кларнеты, рваные скрипки, открывают пианино — и поют эту песню, подаренную им птицами до следующего санитарного дня. эта песня — залог существования библиотекарей в течение ближайшего месяца. будет новый санитарный день — и песня будет записана новая. игра в жука-ползуна, разрывание птиц и пение — обязательные элементы. во всем остальном в этот день в библиотеке может твориться что угодно — зависит в каждом конкретном случае — от личностей библиотекарей и внутренних традиций коллектива. во время санитарного дня библиотекарям обманывать некого — поэтому все они пользуются исконным языком. библиотекари всегда им пользуются когда остаются в своей среде.

12

а вот еще бывает табличка — 'отдел закрыт на мероприятие'. знаем мы какое там мероприятие — кушают своих племянников, ухватив за волосы. нередко библиотеки устраивают вечера для инвалидов, школьников, ветеранов, проводят дни пожилых людей. бедные бедные — все кто туда пришли — раздеваются в гардеробе, слушают в исполнении библиотекарей песни и стихи, едят печенье, шоколад, пьют вкусный чай — не знают что после такого вечера одеваются уже не они — веселые, прежние — а куклы из целлулоида, с глазами из слюды — и вся их последующая жизнь будет суррогат от которого нельзя очнуться. знаем мы эти концерты в библиотеках, спектакли, встречи с композиторами! знаем мы этих инвалидов напившихся чаю и может быть вина — выезжают на колясках из библиотеки не думая что сами они отныне — те же коляски, те же костыли. находятся такие глупые, которые встречаются с библиотечным начальством и договариваются об аренде комнат — для кружков по макраме, для фотостудии, руководители фольклорных коллективов радостно ходят и смотрят помещение — оценивают акустику зала где будут петь. пойте пойте, плетите плетите, платите библиотекам вырученные денежки! и вам — бестолковым арендаторам — и вашим гостям и клиентам самое место теперь на свалке фабрики игрушек и целлюлозно-бумажных комбинатов. с кем связались? куда сунулись?

13

мы лишь описываем существование фигур и их свойства. мы не можем ответить на глобально поставленный вопрос — чего вообще хотят библиотекари, чего ищут? — тем более что такой вопрос некорректен. ничего они особенного не хо-

тят как любая фигура из числа любых фигур — как мертвые, как все остальные люди. фигуры и их свойства — еще раз подчеркиваем. единица и двойка — два общежития соединенные жилой перемычкой. мы открываем комнаты.

14

списанные книги и газетные подшивки библиотекари превращают в клоунов — клоуны пытаются нас веселить. клоуны вообще из глухих подвалов двойки — существа в высшей степени нехорошие для живых. библиотекари часто возятся с бумагой — что-то режут, что-то подклеивают. ворохи полупрозрачных полосок для починки книг становятся домашними насекомыми — платяными молями, тараканами, мошками. библиотекари проливают клей — и кто-то из женщин становится безнадежно фригидной. укалывают палец — и девочка станет женщиной против своей воли. всякий библиотечный мусор подвергается превращениям. библиотекари выпьют чай и выкинут заварку — в кого она превратится? библиотекари дружат с переплетчиками. язык переплетчиков строится из пяти фонем — [н] [м] [б] [п] и фонема [у]. языки переплетчиков и библиотечарей родственны — но весьма отдаленно — они не понимают друг друга и общаются жестами. библиотекари могут убить переплетчика или поменяться с ним местами. могут подослать переплетчика в дом к интересующему их человеку — он изготовит ему свой переплет — красный гроб с черными строчками. переплетчики часто переплетают людей — делают это по просьбам библиотечарей.

15

не позволяйте библиотекарям заполнить на вас формуляр читателя, не говорите свое имя и фамилию, адрес и телефон, не называйте паспортных данных. иначе они и сами к вам явятся, и еще кого-нибудь пришлют. телефон сообщат в ближайший к вашему дому магазин — оттуда пожелают гости. если не манекены — то большие пустые коробки из-под консервов или сока позвонят в вашу дверь. придет чиполлино с сигаретой во рту и дыхнет в глазок. придет каруселька-гусь с детской площадки, придет качель-крокодил. если же формуляр на вас заполнен — внимание! — когда вы бросите пользоваться этой библиотекой — придите туда и любыми способами заберите свой формуляр — не дайте библиотекарям его порвать: в угоду зеркалам они рвут ваших будущих или живых детей, в угоду котам выворачивают руки вашим родителям, в угоду клоунам или птицам толкают вас к самоубийству.

16

у библиотечарей обеденный перерыв — но библиотека не закрывается, а просто одни библиотекари садятся за кафедры, а другие уходят за шкафы. хихикните если вы в читальном зале — то-то сейчас там начнется! за шкафами библиотекари вынимают свои желудки и долго вытряхивают набившуюся в них пыль. наливают туда из своих противных банок суп с отвратительными пластинками жира и опускают кипятильник. разогрев наполненные желудки начинают перебрасы-

ваться ими друг с другом переваривая таким образом пищу. бывает чей-нибудь желудок упадет и суп разольется. тогда коллеги доливают пострадавшему из своих желудков. когда супа в желудках становится поменьше — библиотекари льют туда кофе или чай — и кидают снова. пообедав засовывают желудки обратно, причем неважно в кого чьи — разницы нет если библиотекарь с библиотекарем случайно поменяется желудком. а потом сытые библиотекари раздвигают ноги и дерзко мастурбируют смачивая пальцы обильной слюной. а если библиотекарь уходит за шкафы один — что ж — все точно так же — только желудок свой подбрасывает и ловит сам — потряхивает — отбивает как мяч об стену.

17

чем заняты библиотекари в свой выходной день? они отправляются на поиски любви. а те кто свою любовь уже нашел — извиваются от нее как змеи. тащатся в гости, звонят, сами кого-то к себе заманивают. иногда бывает трудно найти людей — тогда библиотекари спешащие любить исчезают с пустых кроватей или от таксофонов и обретают любовь в пределах двойки. там они любят со всеми — с кем-то любят, с кем-то дерутся. в двойке проще всего встретить конечно мертвых. библиотекари так неразборчивы — их сексуальность не знает предпочтений, запретов, границ. да хоть с духами отхожего места, да хоть с разбитой коньячной бутылкой, хоть с пятнами женской крови, хоть с перегоревшими лампочками от электрических фонарей. библиотекари помногу пропадают в двойке — ведь им так же как и всем людям нужно внимание и тепло. а если в единице на них не смотрят — не станут же они квасить надежды и радости выходного дня. залезают на антресоли — и проникают в двойку — им-то это несложно — а вот мы грустим и гуляем одни.

18

связь библиотекаря с библиотекером — редкость и разочарование возникшее раньше чувств. связь возникает от безысходности и сама абсолютно безнадежна. библиотекари прекрасно знают об этом, но все же нередко поворачивают глаза друг к другу. чаще всего участниками этой связи с обеих сторон являются женщины, от которых в единице все бегут — а в двойку им постоянно лазить страшно или просто лень. и что в результате? — в результате мы имеем отношения напоминающие людоедство, причем взаимно поедающим ничуть не вкусно — библиотекари-любовники отгрыгивают друг друга — собирают себя в одно целое и начинают вновь. если библиотекарь целует библиотекера — его рот наполняется мелом — он сплевывает и сплевывает — и целует опять. если библиотекари лежат в одной постели, иступленно ласкаются, не хотят сдаваться — мел покрывает комнату, мел растет, мел крошится. им придется долго выносить этот мел в уличный контейнер — но привкус останется — полощи рот не полощи. женщины-библиотекари могут беременеть друг от друга и рожают гипсовый бюст гагарина, гипсовые руки-ноги-пальцы когда-то уже наложенные травматологами на неизвестных людей. бедняжки — ведь зная о том что будет они иногда оформляют декретный отпуск, ложатся в гинекологию, ложатся в роддом. библиотекари — мужчина + женщи-

на — это лучше — появится человек — но человек этот будет библиотекарем — хоть даже если и никогда не войдет ни в одну из библиотек. но и он будет белой ясноткой — сохранит все ее свойства. он растворится, спрячется среди нас. таких скрытых библиотекарей крайне мало — за их появлением жестко следят зеркала — известно что, но что-то чрезвычайно важное должны сделать зеркалам супруги-библиотекари чтобы родить библиотекаря-ребенка. может быть отправить переплетчиков к сотне чужих детей? может быть самым долгое время служить сексуальным утехам зеркал? библиотекарь и простой человек существующий в единичности легко создадут семью и родят ребенка. библиотекарь качнет в человека изрядное количество волшебства, человек опрокинет в библиотекаря изрядное количество вина и меда. может даже выйти неплохой союз, могут даже родиться неплохие дети. здесь уж зависит лично — кто есть кто. чтобы не стряслась беда человек не должен быть болезненным и запуганным, должен быть смелым и отчасти колдуном, целуясь в загсе с библиотекарем не смеет думать о том что только что повесил себе на пояс роскошную фиолетовую отмычку — а думать о любви к своему библиотекарю — который ведь тоже не сгусток, а человек. хорошего любящего человека и библиотекарь полюбит — не причинит ему вред.

19

библиотекари отличаются огромной воспроизводящей способностью. вне удачной семьи — да и внутри нее тоже — библиотекари могут порождать превеликое количество предметов и существ. кладками или штучно — от соприкосновений, желаний, связей и даже чужих движений — библиотекарями рождаются стоптанная обувь или насекомые, вырванные зубы или собачья шерсть, рулоны войлока, кошельки, воротники, афиши, люди, пачки с солью, унитазные ерши, сломанные дома.. библиотекарь споткнется или во сне хрюкнет — в антимире окажется ваша зубная щетка или в зоомагазине в пустой птичьей клетке закопошатся десять морских свинок и четверо хомяков.

20

вернемся в библиотеку — к ее структуре, будням, праздникам. с праздников и начнем — вот чей-нибудь день рождения или юбилей. опять на дверях появляется табличка извещающая мероприятие или технический перерыв или кто-то один в отделе оставляется на обслуживании, а все остальные запираются в служебной комнате или прячутся за шкафы. случайный посторонний как всегда увидит чашки с чаем, варенье и торты, услышит обычные поздравительные слова, с улыбкой оценит подарок — дешевую вазочку, статуэтку, бельевой комплект. но что происходит на самом деле? любому праздничному библиотекарю — имениннику, счастливому пенсионеру, молодой жене, молодой матери — коллеги дарят всегда одно — перфокарту. о перфокартах ниже еще будет идти речь. других подарков библиотекари никогда не делают друг другу. эту перфокарту герой застолья немедленно съедает, срыгивает, засовывает в трусики и долго благодарит. все хлопают в ладоши и радуются. перфокарты были у би-

библиотекарей всегда — даже когда у всех остальных их в помине не было — даже у ассирийского царя ашшурбанипала — первого известного в истории библиотекаря — имелся наполненный перфокартами каменный сундук. ой темное это дело — манипуляции библиотекарей с перфокартами — основные из них мы конечно опишем, но в смысл проникнуть не рассчитываем никогда — даже после смерти. собственно это и все веселье — далее библиотекари быстро глотают горячий чай, съедают угощения крайне торопливо и неряшливо, остатки плещут и швыряют на пол — и разбегаются по рабочим местам — ведь читатели их ждут. тот кто оставался работать пока все они веселились через какое-то время приходит на место торжества убирать на полу и мыть посуду.

21

в праздники более значимые, собирающие всех библиотекарей в один зал — такие как восьмое марта и новый год — все библиотекари получают от высокого начальства по перфокарте — съедают, срыгивают, ставят перед глазами и с них поют — длиннющие песни из [н] и [м] напоминающие эпические. пожалуй они и суть эпические песни библиотекарей — длятся часами. в эти важные дни при этом сакральном пении библиотекари предельно сосредоточены — не могут отвлекаться на обман посторонних чувств и открыто пользуются исконным языком. поэтому на масштабные библиотечные праздники никогда не зовут чужих, а если и вынуждены пригласить музыканта-небиблиотекаря — то потом его убивают или превращают в говно. библиотекари большие певуны (это сближает их с мертвыми). напевшись вдоволь библиотекари в полном молчании облизывают перфокарты, продолжительно глядят друг на друга через их дырочки, целуются каждый со своим соседом. директор библиотеки обязательно вынесет дорогую красивую книжку и поставит на тумбу, а его зам расчехлит охотничье ружье и пальнет в книжку разом из обоих стволов. грохот стоит ужасный — в зале дым, библиотекари извиваются и пищат — собирают остатки книжки на хохломской поднос и угощаются все по очереди. нам доподлинно известен случай как не так давно в казанской библиотеке таким вот именно образом была ритуально съедена книга '500 шедевров' — роскошный альбом за триста рублей — сейчас он наверно всю тысячу стоит — а может и полторы.

22

отдельный рассказ — о дне библиотекаря — 27 мая — вот как проходит он в нашем городе. в этот день библиотекари получают от начальства по две перфокарты, еще две вынимают из себя сами — одну через рот, другую откуда-то через низ. имея таким образом по четыре перфокарты каждый — библиотекари отправляются в порт и арендуют небольшой теплоход, причем рассчитываются перфокартами, но не всеми. выезжают из акватории, доплывают до пустых моркваш и затопливают теплоход аккуратно посередине волги. вся команда тонет — а библиотекарям хоть бы что. на дне их ждет лобачевский — он ведь не просто выдающийся геометр и знаменитый ректор казанского университета — но

и создатель изумительной библиотеки — в казани лучшей — мы ей очень теперь гордимся! для здешних библиотекарей лобачевский — любимый мертвый мужчина — в белой шапке из бересты, в белой ночной рубашке. и библиотекари пируют с ним на дне, дарят ему оставшиеся перфокарты, что-то еще происходит — но не беремся осмысливать что. лобачевский занимает место штурмана и катает библиотекарей по волжскому дну, и по речной поверхности, доводит теплоход до саратова, оттуда — до чебоксар, возвращает судно в казанский речпорт глубоким-глубоким вечером. в других городах и местностях — свой лобачевский, своя река или озеро — но весело в этот день везде и всегда. кстати в день библиотекаря библиотекари берут на борт всех кто попросится — из посторонних — всех кто хочет радостно утонуть вдохнув до затылка май и ветер.

23

библиотекари любят парикмахеров — и приглашают их к себе прямо в рабочий день. парикмахеры стригут библиотекарей, лакируют и пият им ногти на глазах у всех. это еще что! — библиотекарям в большей мере чем проституткам не все равно что у них между ног, поэтому раскладываются на свободных столах и предлагают парикмахерам заняться их интимным туалетом. это может долго длиться — а когда закончится — библиотекари с голыми пипками бегают и бегают из зала в зал — красуются друг перед другом и любуются в зеркало. парикмахеры — чья работа волосы и ногти — растущие части тела — библиотекарям также родственны — существуют неподалеку. парикмахеры примитивны. они — орудия в чужих руках. из выщипанных и упавших волос с интимных складок проститутток и библиотекарей парикмахеры и рождаются.

24

библиотекарь сидит на стуле и очень хочет домой. мерзкий суп давно переварен — ничего другого нет. читателей мало — их глаза давно опротивели — вылизаны до блеска. передок за длинный рабочий день наласкан уже так, что больно и шевельнуться. библиотекарю грустно и скучно — от этого родится крахмал. крахмал — вещественная печаль библиотекаря. крахмал выходит через кожу и осыпается под одеждой. крахмал у библиотекаря под ногами, в некрасивых его туфлях, на столе, на жестком стуле. сыпется и сыпется — но библиотекарь равнодушен ко всему. ко всей своей жизни и свойствам. к тому что в крахмале по холоду поедет домой. в доме немытая посуда. в троллейбусе злые люди, которые обязательно изобьют крахмального библиотекаря пачкающего их одежду.

25

библиотекари в день зарплаты не идут домой — покупают курицу и с ней гуляют — всю ночь из улицы в улицу — крошат белый шоколад. если зима — лежат в снегу. если лето — купают курицу в луже. если вдруг остановит милиция — мирно ей отдадутся заменив всем фаллосы на окурки. кажется это всё.

обычная структура библиотеки включает в себя хранилище, отдел комплектования и обработки, методический отдел, библиографический отдел, читальные залы, абонемент, каталог. кабинеты директора и его зама — это уже отдельно. иногда — стол записи сам по себе. у библиотеки могут быть филиалы, разбросанные по всему городу. ну и наконец чисто тематические подразделения, такие как например отдел искусств, отдел краеведческой литературы, отдел редких рукописей и книг, юношеский отдел, сектор медиатеки с кассетами и пластинками — все это частные случаи. в сельской библиотеке — так там вообще одна комната в клубе и одна персона. ну а в областной или в национальной — ясно — всего и всякого много-премного. там и фонтан может быть. и оранжерея.

в книгохранилище термометры и полумрак — табуретки, лестницы, узкие коридоры, ядовитый воздух. библиотекари которые там работают отлично разбираются в ядах — и сами весьма токсичны — имеют ядовитый зуб, ядовитый шип, ядовитую слюну. им приходится опрыскивать все свои книги — могут и вас тоже спрыснуть. сколько здесь сущностей начиная с мертвецов! сколько колдовских возможностей! книгохранилище — территория двойки наяву. библиотекари туда никого не пускают. а вы попробуйте-ка напроситься — понравьтесь библиотекарю — подарите ему пару собственных ребер, почку или глаз. впечатление будет незабываемым. а если договоритесь чтобы остаться в хранилище спать — когда за вами запрутся десять железных дверей, люков и решеток, когда погасят рубильником свет и сдадут на сигнализацию — вот тогда — боже мой! — кого обнаружат утром если все-таки обнаружат? — если все-таки вас — настоящего, первого — то поздравьте себя, от души поздравьте — но потом обязательно крепко выпейте и вступите с кем-нибудь в половую связь — лучше всего с красивой дурочкой-единичкой — танечкой или наташей.

комплектование и обработка иногда объединены в один отдел, иногда соседствуют раздельно. комплектование представляет из себя фотолaborаторию-павильон, где сотрудники отдела снимают друг друга голыми — полным ходом идет производство печальной разнузданной порнографии — и ничего кроме. в комплектование постоянно посылают библиотекарей из других отделов по служебным делам — конечно их там сфотографируют с вывернутыми ногами в горжетке и с мундштуком — какое может быть другое дело? фотографии голых библиотекарей стопками отправляются в обработку. в отделе обработки каждый снимок наклеивается на перфокарту — и возникает заготовка будущей книги. в длинных ящиках напоминающих змеиные гробы лежат эти странные штуки еще какое-то время, после чего библиотекари обработки превращают их в книги уже окончательно и отправляют в хранилища на места. таким образом любая библиотечная книга является эротическим снимком неизвестного библиотекаря, наклеенным на перфокарту. этим книги из библиотек отличаются от прочих книг.

в методическом отделе сидят самые загадочные изуверы. хорошего от них никогда не жди. жениться на методистах-библиотекарях вообще не рекомендуется. они и инвалидов в библиотеки заманивают, и планируют собрания, пишут сценарии, сочиняют песни. они всё придумывают, везде звонят. в методистах менее всего человеческого — даже думать о них страшно. они отлично читают перфокарты, более того — сами немного их изготавливают — как монету чекают. библиотекаря из метотдела надо бы засунуть в стеклянный колпак — и изучать. да ничего не выйдет — он вылезет оттуда и дерет с тебя кожу, и с твоей бабушки, и с детей, и со всех мертвых родственников. из фотографий методистов выходят самые дрянные книжки — но ключами являются именно они. все потому что если методиста раздеть и сфотографировать — на бумаге проявится перфокарта, увиденная в упор. методист непрерывно рождает, жует и ползает. если его иметь — он даже не повернется, не перестанет мочиться и рождать. с методистом если отправиться в двойку — он тебя в ней и бросит.

ну библиографический отдел есть не везде — только в очень хороших больших библиотеках. библиотекари там культурные, умные, знающие языки. они никогда не разлягутся перед парикмахерами в присутствии школьников — и ногти стригут под столом и в баночку — и в туалете на пол стелят клеенку и брызгают освежитель. с библиографами лучше всего заводить семью. они мягкие и умеренные. в жука-ползуна когда играют — это прямо кокетство какое-то и замедленная съемка.

читальные залы, абонемент, каталог, стол записи — фрагменты библиотеки, где толкуются читатели. именно здесь их обслуживают — превращая, съедая, мучая. именно здесь пересекаемся библиотекари и мы. здесь решается — кто кого? в библиотечарских институтах — о которых у нас впереди подробный разговор — есть долгий самостоятельный курс 'обслуживание читателей' — по которому сдают экзамен. читальный зал — самая до вульгарности удобная площадка для применения на практике знаний полученных из того курса. в читальных залах сидят, листают и делают выписки самые наивные болваны. и заметьте — библиотекари всеми силами пытаются нас сюда заманить — придумывают крокодильи правила — не дают на руки приличных книг. на руки выдают одну блевотину и собачье говно — книги возникшие из методистов — эти книги дома вытянут из нас полдуши. вот люди и вынуждены в читальных залах становиться обедками библиотечарей. на абонементах всегда очереди — и библиотекари глумятся над нами не так изощренно — зато кусают очень неровно как стопки из бутербродов — после абонемента с нас свисают куски с бахромой. работа с каталогом растлевает нас изнутри — да еще бы — любая каталожная карточка есть негатив того снимка, который соединившись с перфокартой превратился в книгу. касаясь негативов

помногу и быстро мы наполняемся желаниями, еле сдерживаемся, выходим из каталога и насилуем первого встречного — или жестоко бьем себя по щекам, прячемся в туалете, скрежещем зубами. в столе записи нас возьмут на крючок.

личности руководителей библиотек. конечно после всего уже сказанного о библиотекарях — удивиться чему-либо трудно. но многое впереди. табличка со словом 'директор' на двери в кабинет директора в действительности содержит надпись 'kaiser der mandschurei' — император маньчжурии. этого императора (как правило в юбке) как вообще не роняет земля?! он сидит и поет и глотает мыло. его песен не понимают даже библиотекари — потому что все они очень старинные — на древнем мертвом языке. настоящий директор всегда в своем кабинете — не выходит оттуда никогда пока занимает должность — вы понимаете? — ни ночью ни в выходные дни. а суетится и бегает по филиалам, собраниям и начальству его нёбная занавеска. она ведь как раз мешает директору петь: чтобы звучала древняя библиотекарская речь — занавеску необходимо вынуть. настоящего директора нельзя иметь — да и нёбная занавеска не очень контактна. если у директора-занавески есть муж — то когда он после своей смерти узнает с кем жил все земные годы — исчезнет от ужаса совершенно — лишится существования в двойке. заместитель директора библиотеки — хохотун похожий на клоуна. он не раздваивается — нет. тоже поет — но непристойные каламбуры, куплеты — причем часто по-человечески. непристойное пение так часто слышится из кабинета библиотечного зама. он всем рад и мило болтает с читателями. табличка на его двери содержит похабную поговорку. он бושует, пляшет, поет — и в отличие от директора вечером возвращается домой и с радостью уходит в положенный отпуск. замдиректора осматривает раздетым каждого нового библиотекаря пришедшего устраиваться на работу и только потом велит нести директору заявление — или не велит. он съедает у библиотекарей их больничные листы и рождает духов болезней. он раздает зарплату и свистит в свистульку — от этого свиста у библиотекарей рушатся зубы — замдиректора перекувыркивается в воздухе и смеется. у него есть ружье — мы уже сказали — однажды он является к директору в кабинет и направляет стволы ему в переносицу. директор сердито смотрит, угрюмо поет. замдиректора дожидается какого-то момента — следит за содержанием пения — и спускает курки — разваливает директору голову. любого директора библиотеки всегда убивает его зам. а уже после приказом сверху увольняют нёбную занавеску или она уходит сама — по собственному желанию или на пенсию — и продолжает жить. директорское место не обязательно занимает этот зам. у него слишком веселый нрав. но библиотекари ведь сами видите что такое — и при необходимости замдиректора может перемениться. директор и замдиректора тоже снимаются на книги — мы не знаем — не видели этих книг. директор и замдиректора — фигуры направленные на библиотекарей. при их непередаваемой на словах чудовищной мистической силе читателям они не так опасны — потому что более равнодушны — у них слишком много смутных внутренних дел. для нас с вами куда более страшна грустная еле заметная девушка в очках, сидящая на обслуживании в читальном зале — хоть силы и свойств у нее значительно меньше. заведую-

щие отделами и филиалами, библиотекари главные, старшие, заслуженные работники, ветераны труда, библиотекари в зависимости от разряда — оставляются нами без подробного описания. попытайтесь представить сами — сказанного уже достаточно для домыслов и реконструкций. ваши догадки к истине будут близки. мы хотим скорее закончить книгу и без того доставляющую нам страдания.

33

номер филиала обозначает количество душ которых ежедневно кромсает каждый библиотекарь здесь работающий — это обязательный минимум. филиалы разбросанные по городским окраинам наиболее черны. их-то как раз смело можно было бы ликвидировать, оставляя лишь несколько центральных библиотек. нередко библиотекари выбирают какой-нибудь филиал и проводят в нем свои собрания. взять бы и вызвать туда милицию и войска — но это увы не способ борьбы. арестовать всех библиотекарей запершихся в филиале ведь никто не позволит — да и какой толк? а поугатать их солдатами с оружием — библиотекарей только смешить. мужчинки мужчинки! — засуетятся они и высунутся в окна — включают музыку, перережут себе горла и пригласят солдат танцевать. кто здесь окажется более напуган?

34

в китайских записках и сказках, а также в фольклоре японии очень часто описываются такие вот существа: сидит в парке женщина и плачет, прохожий наклоняется к ней и спрашивает — могу я вам чем-то помочь? женщина поворачивает голову и оказывается с гладкой белой поверхностью вместо лица. прохожий в ужасе мчит или замертво падает. очнувшись от временной смерти или ветром примчавшись на другой конец города тот человек бросается к первому встречному. чем вы так напуганы? — участливо спрашивает встречный. только что в парке я видел плачущую женщину — у нее нет лица. — трясется бледный прохожий. посмотрите-ка на меня — не такой ли она была? — весело отвечает встречный, проводит перед лицом ладонью и лицо его выравнивается. прохожий обычно уже не вернется в себя — а оборотень приплясывая уходит. нам было очень любопытно узнать в чудовищах библиотекарей — но не слишком-то мы удивились — в древнем Китае и в древней японии библиотеки были на высоком уровне — библиотекари в них были очень сильные — посильнее чем лисы.

35

как библиотекаря повышают разряд. дадут ему двадцать пфеннигов и заставят катать под кожей. разумеется разденут и смотрят насколько ловко монета двигается. методисты велят закатить ее то в подмышку то под сосок то за глаз то выглянуть из задницы. это сделано — хорошо. далее методисты дают аттестуемому две монеты по двадцать пфеннигов и лезвием отсекают ему соски. задача библиотекаря зажать отверстия монетами и унять кровь. это сделано — далее. спрашивают — какие выставки были вами сделаны за период работы,

какие мероприятия проведены? библиотекарь рассказывает. методисты советуются и выносят свое решение. потом — банкет. это если разряд повышен. а если нет — тогда библиотекаря зверски насилюют — кто как может — ой боже ой боже — да что творится! методисты лезут в него и руками и ногами и швабрами, выворачивают наизнанку, обнажаются и заставляют себя трепать. библиотекарь им благодарен — ведь это своего рода интенсивный курс повышения библиотечарского мастерства. даже если проваливший разряд от мучения умер — его не увольняют — он продолжает совершенствоваться и работать.

36

существует библиотечный коллектор. его нельзя обойти — несмотря на то что о его существовании никто не знает. идя по городу по его незнакомым улицам кому-то случается натолкнуться на дверь и вывеску, подумать — а это еще что? — и не придав значения тут же забыть — пройти мимо. если доведется увидеть бибколлектор еще раз — обязательно возникнет пугающая уверенность, что прежде вы его видели в другом месте. бибколлектор вообще вне категорий. мы не знаем что про него писать. там никого нет — ни людей ни мебели. там стоит на сломанной треноге старый zeiss-овский фотоаппарат, на полу лежит смятая перфокарта. всё в толстой пыли. ни следа — ни движения. коллектор будто бы распределяет по библиотекам откуда-то поступившие в него книги. но мы знаем как комплектуются библиотечные фонды — коллектор здесь ни при чем. он — безусловное порождение библиотечарей, но самих их там нет. любой сотрудник коллектора любой предмет видимый нами если заглянуть в окно — в реальности не существует. зачем библиотекарям нужна эта тревожная фикция? что означают фотоаппарат, перфокарта, пыль? для чего пустота? для чего чувство страха, смущения и неловкости у тех кто проходит мимо? из чего рождены фигуры и предметы наполняющие коллектор? возможно кому-то это случится узнать. но пока запомните — нельзя ходить в бибколлектор, нельзя выносить оттуда ни один предмет, нельзя иметь никаких контактов с теми кто там работает. возможно бибколлектор имеет отношение к сердцевине двойки — уже указывает на это слишком толстая нетронутая пыль.

37

уборщицы, гардеробщицы, вахтеры — обслуживающий библиотеки технический персонал — не являются библиотекарями. в библиотеках ведь может быть и штатный электрик и рабочий-мастер — какие же они библиотекари. нет конечно. но все эти люди работают не в лучшем месте. безопаснее водолазом работать или пожарным. в результате они становятся немногим лучше библиотекарей — но при этом остаются в полном неведении — не удивительно — они живут без внутренностей и глаз. чтобы стать библиотекарем — надо на него либо выучиться, либо написать заявление о приеме на работу на котором директор поставит визу. надо иметь запись в трудовой книжке — хотя библиотекари-совместители работают и без нее. о том что значит родиться библиотекарем мы уже писали. библиотекари не всегда работают в библиотеках. не всегда библиотекарями являются сотрудники библиотек. но в последнем случае это близко родственные фигуры — как правило прости-

тутки. проститутки изредка попадают в библиотеку. вступают с библиотекарями в инцестную связь. нам хорошо известны подробности одной любовной связи библиотекаря с проституткой — обе женщины. нарожали две дуры кучу мертвых котов и голубей, разрушили детский сад, скурили вагон папирос, поменялись половыми органами. еще более изредка директор библиотеки может взять на работу какую-нибудь дохлятину — задавленную собаку или упавшего с высоты кота. может на время устроить зеркало в детскую библиотеку. мало таких — очень мало — небibliothекарей в библиотеках есть ли один процент? после увольнения из библиотеки у библиотекаря слабеют все его свойства — но никогда не исчезают полностью — особенно если библиотекарь имеет квалификацию и диплом.

что мы имеем еще? — ряд с виду кажущихся второстепенными библиотеческих служебных практик. библиотекарям работающим на обслуживании регулярно приходится делать выставки — поступившей или имеющейся литературы, тематические посвященные той или иной дате — празднику, дню рождения или смерти какого-нибудь деятеля. эти выставки обычно оформляются в читальных залах, реже на абонементе и в коридорах библиотек. вот близится день рождения художника васнецова — и библиотекарь по трафарету пишет на картоне имя фамилию и годы жизни, рисует глупую завитушку и долго ее раскрашивает. открывает три плохих альбома и скучные журнальные статьи, вырезает репродукции, переписывает из энциклопедии пару пустых слов о художнике. такая выставка стоит обычно с месяц — остается незамеченной — и исчезает так же как появилась. сделавший выставку библиотекарь дует и тихо бубнит — ну что же никто на мою выставку не смотрит, не просит с нее книг, не спрашивает о васнецове? читатели ожидающие в очереди смотрят на стенд постольку поскольку в его сторону повернуты их глаза — и то — смотрят всквозь. когда же случается иногда что к выставке проявят интерес — крикливые школьники которым дали задание, сумасшедший в толстенных очках заглянувший погреться или старая учительница — библиотекарь так вежливо говорит, так красиво снимает заинтересовавшую книгу — и тут же победно бьет пальцами в сомнительный прибор отражающий статистику — или если вместо прибора простая тетрадка — ставит в ней точку или крестик. внимание друзья! — кажется пришло время библиотекарей искренне похвалить. выставки — счастливый случай когда библиотекари открыто творят добро. библиотекарь делает выставку — красит там что-то, пишет какую-то ерунду — и бутоны ясны распускают цветы. это значит что у библиотекаря весна на сердце — ему хочется ваших глаз, но он запрещает себе их трогать, зная что вам не пойдет на пользу; он не плачет чтобы вас приманить — а крепится; у каждого обратившегося к выставке библиотекарь проведает заветное желание и постарается его исполнить; удар ради вас по статистике или поставленная точка накручивает вам километры жизни, превращается в аллею высоких деревьев в которые вы попадете, в которых будет светло. библиотекарь рассказывающий вам о выставке книг со сказками народов поволжья конечно будет вынужден вас обмануть — заменить свой исконный язык на вам доступный — но будьте спокойны за свои глаза. до чего же трагично видеть как гнутся края бума-

ги, как осыпается краска и с завитушки и с прочих букв. если библиотекарь и плачет разбирая свою полочку или стенд, укладывая друг на друга и репродукции и годы жизни — то лишь потому что ни разу ни для кого не ударил по клавишам своей выставки, никому не поставил в тетради точку радости и любви.

39

что за статистику они делают — хлопая по пластмассовой штуке? что за отчеты пишут? заводят папки, помещают туда свои листы. по статистике ведь можно по-разному стукнуть. вы книгу взяли или наоборот принесли — библиотекарь не глядя на вас хлоп по двум из клавиш — ваше имя становится колонтитолом в списанной книге, авантитолом в книге где не предусмотрен авантитул стали ваши память и воля, а ваша судьба обернулась в форзац — белый-белый как белье покойника.

40

заведующая произвольным филиалом или сектором посылает двух своих сотрудников делать сверку фондов — задание на пару месяцев. то-то радости у сладострастных библиотекарей! в процессе этой работы им предстоит перетряхнуть каждую из имеющихся у них книг и сопоставить их существование с данными генерального каталога в отделе комплектования. работа очень дотошная — ей не видно конца — проводится раз в пять лет. библиотекари очень довольны — остальные им завидуют. сколько голеных перед ними пройдет! на первой стадии работы необходимо без исключения каждую книгу превратить обратно в наклеенный на перфокарту снимок, описать в подробностях на маленьких карточках что на снимке изображено, отдельная карточка — отдельная книга. с этими карточками-описаниями — которые библиотекари именуют индикаторами — надо явиться в комплектование в генеральный каталог и сравнить соответствуют ли здешние негативы (иногда дубликаты снимков) числящиеся за их отделом реально существующим книгам. и это вторая стадия. любой библиотекарь не ниже десятого разряда может превратить книгу обратно в исходный смысл. необразованным новеньким такой важный труд не поручат. в результате выявляются несоответствия — остается ряд несозвучных генкаталогу индикаторов или наоборот выясняется что каких-то книг в своем отделе нет. книги пытаются найти — может быть они на руках у должников? — но как правило безуспешно — и тогда они списываются. у библиотекарей на сверке фонда глаза масляные и навывате — ну только подумайте! к тому же во время своих ежедневных хождений в комплектование они — заодно и с радостью — сами снимаются на сотню-две новых книг.

41

два раза в год библиотекари занимаются подпиской — приносят с почты центральные и местные каталоги и будто выписывают периодику и новые книги. ну что вы — что вы — ведь вы уже столько знаете! выписывается пленка и фотореактивы, фотобумага и перфокарты для производства книг. заказывается антураж: шубки, муфточки и с

подвязками чулки — мундштуки, кальяны, высокие пепельницы — чучела комнатных собачонок, волосяные сеточки, кровати и кресла — для этой же цели.

42

о мероприятиях библиотек мы уже сказали — в совокупности и по сути. но чувствуем что должны уделить персональное внимание одному из них — речь о музыкально-литературной композиции. возможно эта штука из мероприятий — самая расхожая. школьников обычно притащат, два библиотекаря сядут за стол — и давай попеременно включать им пластинки и страшными голосами читать стихи. одна музыкально-литературная композиция называется 'весна', другая — 'федерико гарсиа лорка' и тому подобное. такую каракатицу сделать ведь очень легко — что там нужен за особенный ум или богатая фантазия? дети и все остальные зрители чуть-чуть засыпают и входят в особенное состояние, которое ни с чем не сравнишь — считайте что парализуются и превращаются в питательную жижу. библиотекарям даже не приходится их жевать. так действуют пауки и многие другие насекомые — впрыскивают в упругую гусеницу слюну-разжижитель и ждут пока она сама раскиселится и стечет им в рот.

43

методисты-библиотекари выдумают какой-нибудь спектакль и возят его по школам, по детсадам — завучи сами начинают их звать набивая полные залы нашими с вами детьми. после таких спектаклей все молодые зрители — и девочки-медалистки и мальчики-кадыки — станут петрушками, наркоманами, венериками, проститутками, выучатся на библиотекарей.

44

находятся такие несчастные которые не возвращают книг — и библиотекари приходят в их дома. эти походы по должникам — занятие не лучшее для библиотекарей — ведь в незнакомых подъездах на них могут напасть пьяницы и покусать псы. библиотекари боятся и идут неохотно — но если уж добираются до нужной двери — используют случай сполна. визит библиотекаря в дом — непропорционально жестокая репрессия. как только им откроют дверь — они перебьют всех домашних покровителей, передушат живое счастье этого дома где оно только есть — залезут во все углы. физически самому должнику ничего не сделают — только с ним побеседуют — попросят книгу и штраф — уйдут. а оставленный после них дом — безнадежно мертв и пуст — никогда не станет живым. если же книга не отдана, а библиотекари поняли что она в этом доме есть — уходят и делают так что утаенная книга оборачивается тем библиотекарем который на нее сфотографировался. может быть тот библиотекарь давно умер или сошел с ума. он — ободранный, пыльный, с перфокартой приклеенной к лицу или спине — насилует всех в доме и поселяется здесь. со временем выгоняет хозяев на улицу или устраивает пожар. надо сказать, что прежде чем направиться к должникам — библио-

текари посылают им письменное предупреждение с предложением немедленно вернуть книгу. чьи глаза уткнутся в эту бумагу — тот на улице обосрется — не успеет, не добежит. библиотекари не всегда шлют эти веселые письма — могут сразу явиться в дом. если в доме есть телефон — должнику повезло — библиотекари наберут его номер и в дом не придут. ну подумаешь что после разговора тот заболеет сифилисом — это лучше чем утрата тонкого счастья дома. в ситуации с этими порой невольными похитителями библиотекари могли бы быть не столь свирепы — верно, но с другой стороны — книги следует возвращать.

45

не лучше обстоит дело с теми кто выдирает странички из библиотечных журналов и книг. ну вырежут две семиклассницы любимого певца и от страха бросят в эту библиотеку ходить — сами себя накажут — зачем же их искать и превращать ту вырезку в мертвую руку или кусок кожи библиотекаря на снимке? так кажется нам. но ясна и причина активности и ярости библиотекарей. библиотекари не могут реагировать иначе на утрату и порчу книг — ведь и порча и утрата отражается на самочувствии их коллеги который когда-то разделся в отделе комплектования (его фотография оплодотворила перфокарту и возникла книга). этот коллега может быть действительно мертв — а у него какие-то дыры с цветными ранцами вырывают волосы, испарывают живот. конечно библиотекари не могут не проявить профессиональной солидарности даже если и жалеют умершую с перепугу девочку однажды заглянувшую дома в ящик стола. дали бы денег сколько требуется книжные жулики и порчуны — библиотекари бы от них легко отстали.

46

библиотекари могут взять и распухнуть. опухание — вообще самый страшный и омерзительный процесс свойственный материи. в распухших сломанных пальцах и укушенных осами щеках — смысл категории безобразного и основного ужаса живых. библиотекари прекрасно разбираются в том что уродливо что прекрасно — используют знания как ключи. в учебных заведениях библиотекарей учат пухнуть на семинарах по эстетике. есть какой-то не то плакат не то театральная афиша с распухшим мертвым королем — он держит мухобойку вместо жезла, в распухшую голову врезался парик, распухший язык прикушен. мы короля никогда не видели — только слышали что библиотекари неравнодушны к его величеству — спускаются в подземные переходы, крутят афишные тумбы сдирая с них верхний слой, ходят по остановкам, ездят по городам — внутри страны и за границу — ищут этого короля чтобы заглянуть в глаза.

47

в конце последнего рабочего дня перед началом отпуска библиотекарь надувает презерватив и оглушительно его лопает. если были читатели схватившиеся за сердце — то начинают на библиотекаря орать — а он тряситься как припадочный и выставляет их вон. читатели изгнаны — но у библиотекаря есть еще минут со-

рок рабочего времени. тогда он рвет какую-то бумажку, превращает клочки в мороженное и поедает его как цирковой слон. конечно библиотекарь рад отпуску — оденет купальник, закурит. библиотекарь в отпуске — милое существо. выберется за город смотреть красивую церковь, залезет в воду в панаме и голышом. кто-нибудь его увидит и подойдет к берегу — а библиотекарь гордо выпрямится и выйдет потягиваясь, потряхивая головой. библиотекарь в отпуске жадно откроет рот и доставит вам удовольствие. обгорит на солнце, не захочет домой. во время отпуска он стремится к радостям единицы — а если и лезет в двойку — то за бесплатным вином. отпускных ему не дали — но библиотекарь родит наколдует сходит — принесет и того и другого для себя и для вас. обычный библиотекарь на отдыхе — чудесный любовник и друг, прячет жала как и в случае с выставкой. библиотекарь доест мороженное, попрощается, выйдет — примите его на крыльце работы и предложите быть вместе — в эти короткие дни.

48

мы смотрим на фотографию праздничных библиотекарей — и с улыбкой думаем что вот-вот простимся. они интересные смешные — только вот слишком много в общении с ними приходится маневрировать. можно знать тридцать две травы и закрыть-ся ими — тогда библиотекари не опасны — мы знаем не все. работники архивов — те же библиотекари — там немногим иначе. заявления и приказы — вся внутренняя библиотечная документация — стелется по миру и жжет глаза: если уметь их читать — расстегнутся пуговицы, упадут замки. мертвая ксения сказала нам в своем доме — 'оставайся со мной — три дня в неделю я буду тебя любить, один день в неделю я буду тебя съедать'. разве в неделе четыре дня? — спросили мы. примерно так же любят и библиотекари. кого-то мучают — но что делать если существовать? в домах библиотекарей так грустно. мы сказали откуда в библиотеках книги — но ведь есть еще периодика, кассеты, пластинки, слайды, фильмы. журналы с газетами — неудачные порноснимки, обрезки с удачных по краям; пластинки, кассеты — библиотекаррей ночные крики; слайды и киноленты — их лопнувшие мечты.

49

в институтах культуры на факультете библиографо- и библиотековедения а также в библиотечных техникумах можно выучиться на библиотекаря. в летние дни иногда с мамами придут зайчата, грудастые посредственные девицы, мальчик с кривым передним зубом — подадут документы, сдадут экзамены. разденьтесь — скажут им на первом экзамене — покажите подмышки. у кого они заросли и особенно резко пахнут — тому и ставят приличный балл. на экзамене по литературе одобрительно глядят на тех, кто выдернув билет расплачется за партой и откажется говорить. на третьем экзамене попросят спеть и сматериться — возьмут того кто фальшиво пел и сексуально выругался. экзаменаторы сунут себе руки в трусы и проверяют — много ли вытекло — это и есть критерий. вы приняты. — скажут и вытрут пальцы. начнется студенчество — как северное болото заросшее осокой и высоким хвощом. весь профессорско-преподавательский состав, деканы, завкафе-

397

драми — те же библиотечные методисты — особенно чувственные. стандартные предметы — физкультуру, иностранный язык — ведут и небibliothекари, но библиотекари-старшины внушают им свою дидактику и манерность. если видите как в парке кругами бегают библиотекари — знайте что все они голышом. в спорт-зале где нет посторонних можно украдкой видеть их титечки и хохолки — поэтому студенты других факультетов так любят сюда подглядывать — но за этим следят. некрасивость, кудряшки, угловатости, дефекты речи, странного тембра голоса — в большем почете: если подобного не было у абитуриента — будет у специалиста — или студента отчислят. некрасивость сексуальна, никому ненужность — залог волшебства: в этом здесь абсолютно правы. из младших студентов главное — отлить форму, чем старше — тем больше ее заполнения — то есть узких дисциплин. исконный язык библиотечарей студенты получают в дар — как только повесят списки зачисленных — его не надо учить. многих берут из районов — ведь в деревнях особенно пугливый развратный народ. библиотечарей всегда видно — их вывернутость и вдаленность в антимир очевидна всем. их побаиваются, они держатся друг друга, не устраивают веселья, пьянок, мальчики девочек не трогают. то они молчат, то ложатся на пол и смеются, то зайдут в туалет и оттуда вылетят все кто там был крича и запроляясь на ходу. то случается заглянуть к ним в аудиторию и увидеть как все библиотекари молча едят из банок облепиховое варенье, а преподаватель лежит на столе и рождает банку за банкой с глухими стонами. они изучают обслуживание читателей, библиотечарский почерк, книговедение, бибтехнологии, научную обработку документов, механизацию и автоматизацию библиотечных процессов, бибфонды, историю библиотечного дела. за этими названиями скрываются и умение распухать и летать и выедасть детей сквозь одежду и другие полезные навыки. они открывают каталоги ббк и удк и поют как в опере. в институтской столовой покупают компот с ватрушками и не наевшись превращают в ватрушки самих себя. подойдут к небibliothекарям и протянут автобусный билет. спросят что это? те растеряются. это документ, это документ! — заорут библиотекари и кинутся в драку. в коридорах часто разговаривают с пустотой — о внутреннем номере книги, о страницах 1 и 17, про алфавитно-предметный указатель, картотеку и авторский знак — иногда расстегнувшись или уронив на пол юбки. к последнему курсу узнают все необходимое о перфокартах и получают диплом.

50

библиотеки подчиняются местному управлению культуры а через него — министерству культуры в москве. есть еще научные библиотеки относящиеся к различным ведомствам образования. заводские библиотеки, военные. за границей еще и частные. самые доступные и наиболее жуткие — библиотеки от культуры. именно в них не надо пускать детей и самим ходить бы как можно реже. только в культуре выдумали этот откровенный ужас — детскую централизованную библиотечную систему — дцбс. школьные и университетские библиотеки от культуры недалеко ушли. культура она вообще — для отдельной книги. сеть ее административных учреждений тяготеет к клоунам. мы вздрагиваем при виде каждой ее вывески и ускоряем шаг. каким бы ни было вышестоящее начальство — библиотеки

вполне автономны и только прикидываются зависимыми. на библиотеки смотрят сквозь пальцы, на их невзрачную суть. бывает начальство и не догадывается что представляют из себя формально подчиненные им библиотеки. и лишь в культуре сполна отдают себе в этом отчет. министр культуры знает где висит тот король которого ищут библиотекари по всем городам — остановкам и тумбам.

51

библиотекари густо краснеют и дико ржут. те из них кто патологически долго болтает с читателями о дачах и об искусстве — считайте что уже демоны — их надо бы вычислить и уволить — они спят исключительно в кухне перед плитой вывернув все конфорки. ждут когда с того света им витька позвонит — а когда зазвонит телефон — так хохочут в трубку что читатели никнут и съеживаются. эй библиотекари — мы знаем про вас почти все. передайте витьке привет и скажите что мы его не боимся. мы внимательно осмотрим вашу выставку. мы подарим вам георгин. вот вам перчатки и красные трусики — оденьте-ка их снимите и выпейте с нами кагор. зима теплая — нам с вами не скоро в отпуск. ну что ж — подождем.

52

подведем итоги. библиотекари не пакость — а серьезные мистические фигуры — существующие на пограничье миров — там тяготеющие не к золотой желтизне но к густому фиолету вместе с проститутками манекенами и зеркалами — перемещающиеся мобильно из единицы в двойку — из мира в антимир — и наоборот. с библиотекарями следует быть осторожными и безусловно их уважать. нельзя стремиться использовать библиотекарей в грубо корыстных целях и вообще заигрывать с ними не будучи хотя бы средней руки колдуном. излишние контакты с ними — уже заигрывание. перфокарты и перфорация — предмет и процесс содержащие библиотечный смысл. не ходите в библиотеки переждать время, отсидеться за журнальными глупостями — не топчитесь вдоль границы. хорошо подумайте и приходите по делу — с чувством глубокой серьезности — усмехнитесь — начитайтесь перед приходом любовной лирики тувима и галчинского — съешьте ромовую бабу с коржиком — запейте вином.

53

если вы пришли в библиотеку — первым делом спрашивайте эту книгу.

а н н а
и
революция

рассказы для господ
бога и роман

XI.1918
вятка

п е р ы ш к о и п у г о в к а

/роман из жизни двух
подруг из города
глазова. они как сливы/

прошел комиссию
наркомпроса
и был взят на небо.

22
19 – 18.
v

а н н а и р е в о л ю ц и я

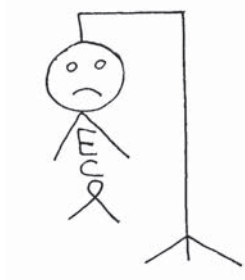
анна встретила революцию
в мастерской где братья
осиповы ***** ее.

наконец - то
новый пейзаж с анной
удался двум
балахнинским бездарностям.

в в о с к р е с е н ь е

в воскресенье у олеся нашли деньги и револьвер и документы капитана алексея елогоуева. и не отопрешься — капитан-то в розыске — натворил делов в маньчжурии. уж как она плакала плакала — олеся. но григорьев — чк — университетчик — сказал ей: вы барышня изволите стихи сочинять? 'изволю — да' — пропищала олеся. — так скажите мне-ка — какая лучшая рифма будет на имя олеся? — 'не знаю.' — ну тогда я вам скажу: олеся-повесить.

олеся увел
и картинку нарисовал
вот такую на
ее двери.

в б у р я т и и

мы в бурятии много пели.

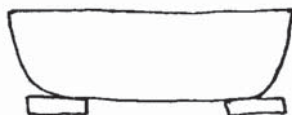

кричали ура!

и не удивительно —
ведь тащились сюда
две недели с гаком.

у р и и л

уриил сказал юлии верховской: кто такие большевики? она вытянувшись в ванне — не вынимая обеих рук из воды — не переставая урчать — слабо поводить ногами и закатывать глаза, сказала: уриил, большевики — это власти. дура — сказал уриил и плюнул в ванну с бесстыжей девкой.

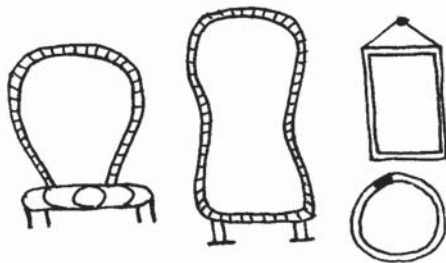
когда большевики застучали прикладами в парадную дверь
дома юлии — уриил и юлия не открыли им.

а большевики
расселись на ветках
двух растущих у
дома яблонь —
закурили и
стали ждать.

1 7 л е т

мне 17 лет — говорила поля судакова — у меня все впереди. зачем зачем вы перебили зеркала в ее доме! — они говорили мне о том какая поля была красивая. после того что они видели по утрам и во время отсутствия полиных родителей они были уже живые.

к у н к а

— слово непристойное.

но что делать?
ведь время нынче такое.

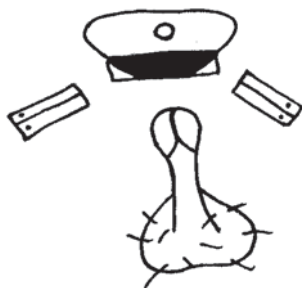
даже батюшка в церкви
теперь так говорит.

в е с т и и з к а б а р д ы

аркаша получил письмо от любимого дяди сергея степановича
из прекрасных и диких мест где дядя нес военную службу:

аркашка! всё разуздалось и
расхлябалось. вечерами я
отрываю на себе пуговицы —
такое выделяваю перед
портретом — неладно смотрю
на оружие и ору на солдат.

я люблю государя.

а р к а ш а

а вот аркаша любил ольгу николаевну. и думал
как бы ее украсть с государевой дачи в ялте.

всех влюбленных
соединила революция

небо спустило свои
лестницы

и нам ли сейчас бежать в харбин?

н а р к о м п о ч т е л ь

народный комиссариат почт и телеграфа соединяет старушку и сына, кокшайск и киргизию, молоко и землю, белоголового ванюшку с его престарелыми сестрами, егора-утопленника и юлию-дочь, березу — божью ногу и луну — ночной глаз,

пчелу и мальчика, цветы и красноармейцев, коня с деревом.

ангелы проявляют повышенный интерес к наркомпочтелю. барышни наркомпочтеля звонящие серафимам вызывают у ангелов искреннюю зависть. 'серафимы так немногословны. у этих барышень красивые юбки. они думают о мужчинах.' — говорят ангелы.

да они правы — эти барышни думают только об одном, любят только одно неприличное слово и твердят его про себя постоянно в рабочее время — допуская от этого досадные ошибки в срочных сообщениях

а звонят куда попросят — им не трудно.

у ангелов к барышням всегда много маленьких просьб личного характера.

иные же бестелесные — дети тополя — очистившиеся от земли хотят еще большего от наркомпочтеля и осаждают его учреждения всецело в рабочие дни и даже ночью: когда никого нет а сами они не в силах что-либо сделать.

е в г е н и я

разве можно иметь
такие малюсенькие
сосочки, евгения?

где ты?

мы найдем тебя
с помощью чк.

с а м о е д ы в б ы т у

самоеды в быту едва ли похожи на нас с кихой.

они целый день кушают олений жир, ездят по снегу и называют своих богов – хэхэ.

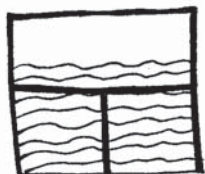

м а т р о с ы

рожденные из воды при
участии большого сига

выходят на землю.

на земле их ждут
оля и наташа.

б у р ж у и —

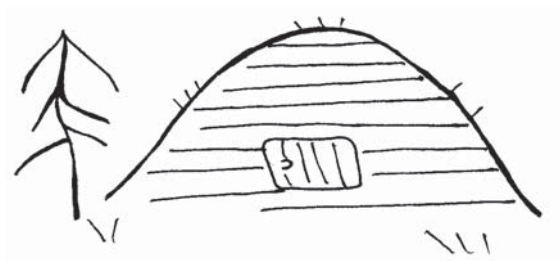
не верьте что жизнь апельсин.

идите в леса

ставьте пасти на росмаху настораживайте самострелы на выдру
ройте землянки царапайте бога на лиственнице

кончилось ваше время!

а

б о г

это старый старик
на реке.

он щелкает трофейной зажигалкой
и хочет носить имя дмитрий.

и з б у т ы л к и

из бутылки видно поле — экий вид. а на поле ходит бродит ипполит. умирает ипполитова сестра. очень мается бедняжка она. краем поля из бутылки виден сад. там вздыхает и ругается игнат. краем сада из бутылки виден пруд. там по берегу поляка волокут. за прудом среди деревьев город наш. там на складе и на почте саботаж. из бутылки виден с севера вагон. архистратиг возглавляет эскадрон. из бутылки видно маму и жену. из бутылки видно медную трубу. видно скрипку две тарелки и кларнет. от оркестра пролетариям привет.

2 2

г о д а

черная такса

арх. михаил

каштаны

битое стекло

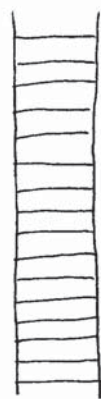
ка т ь к а

серая вата

ли з о к

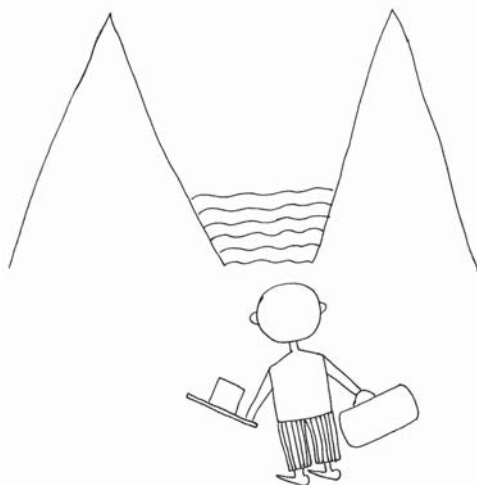
молоденький
к о м и с с а р
(это я)

в е н г р

моя далеко не
первая женщина
сказала мне подставляя
горячую задницу: тебе 22 года.

в с т р е ч а с м о р е м

н е м ц а п о й м а л

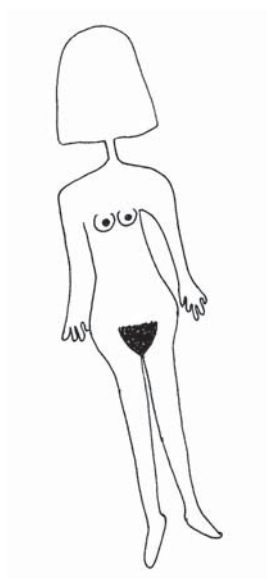

К

и

е

В

М

о

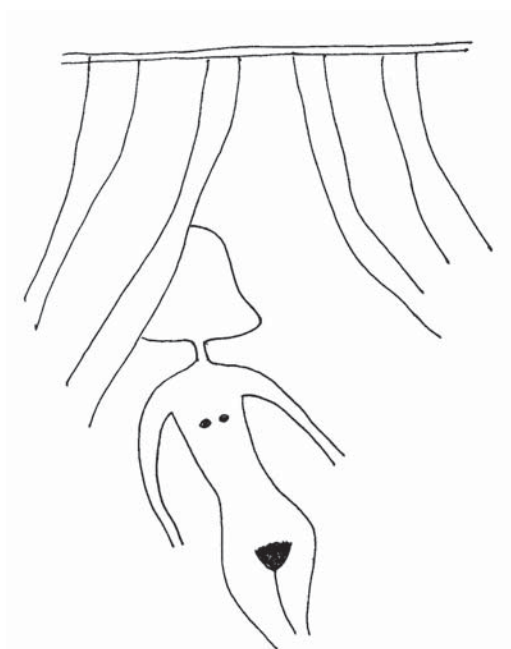
г

и

л

е

В

т о п о л и

остались расти.
нам помогают
устроить встречи.

так –

с мертвыми хорошо.

а	н	н	а
и			
перышко и пуговка			
анна и революция			
в воскресенье			
в бурятии			
у	р	и	и
17		лет	
к	у	н	к
вести из кабарды			
а	р	к	а
шаркомпочтель			
евгения			
самоеды в быту			
матросы			
буржуи			
бог			
из бутылки			
22		года	
встреча с морем			
немца поймал			
киев			
могилев			
тополи			
революция			

в т о р н и к в п у ч е ж е

н и ж н и й
н о в г о р о д

2006

1

сядем на 'метеор'.
поедем во вторник
в пучеж.
если ответишь нет —
ты у меня получишь.
наша общая жизнь
не продлится ни
на день дольше.
откажешься — значит знай:
ты не жена мне больше.

2

четырежды щелкнем ключом.
пикнем усталым подъездом.
дернем ногой, плечом.
слезем почтовым съездом.
первых шашлычных дым
смешан с последней грязью.
девки пойдут навстречу
майскому безобразью.

3

камень толкает хлябь.
нет радости между ними.

хлябь хочет нас принять —
чтобы мы заскользили.
камень гулок сердит:
мы встали к нему затылком.
в урне у касс лежит
наша ладонь-бутылка.

4

все пучежские дома
с лупленной желтой кожей,
все пиджаки из льна,
юбки льняные тоже,
продавщицы, их колпаки,
их коньяки и галеты —
с поцелуем винтов и реки
мигнули нам нежным светом.

5

пучеж — воздушный флот.
и речной и подводный.
низко летит, плывет —
радость сгружает в тонны.
мачты-антенны в ряд.
чайки роняют перья.
пучеж — прекрасный сад.
пахнут его деревья.

6

улыбками крась лицо —
ты ведь не сиг не пелядь.
раз на пальце кольцо —
придется тебе мне верить.
мы долго мешали кровь —
наша кровь стала
кровью факиров.
слышишь? — гудят с катеров.
видишь? — нам машут
с буксиров.

7

навигации мы нужны.
и она нас одарит за это.
в первый вторник ее
мы должны
'метеором' или 'ракетой'

'рбт'-ром или 'зарей'
мчаться в пучеж —
туда и обратно.
а не то реки слижет зной.
будет грустно невероятно.

8

целый год проживется зря.
пусть мы будем
здоровы живы,
пусть я не разлюблю тебя,
и украсятся наши квартиры —
год погибнет.
до января
можем спать
раз опять не сели
на царапанный борт корабля
в самом-самом конце апреля.

9

из-под стиранных штор —
майские боги-тучи.
жметя наш 'метеор'
к белому слову 'пучеж'.
край голубого льна
дарит затон в бензине
и коробку вина
в первом же магазине.

10

на площади подними
кофту как можно выше.
машут твоей груди
флаги на пестрых крышах.
фотограф к нам семенит —
предлагает свои услуги.
кот на скамейке спит —
ноют его подруги.

11

солнце на спины льет —
прячется торопливо.
шляется бегемот
у берегов красивых.
празднуется вода,

долгий год полный силы.
праздничная еда —
рыба и апельсины.

12

мы в основном молчим.
мне нравится как мы одеты.
мы с тобою почти
замечательные предметы.
7 пуговиц, 5 наперстков
купим в 'галантерее'.
любимся ими — после
разбрасываем в аллеях.

13

в три пучежские часа
плёнок отснимем десяток.
спрячем потом глаза
когда понесем печатать.
задохнемся но не умрем
во время бега к причалу.
мы умницы. мы зачем
очередное начало.

14

мы приедем домой.
поднимемся нашим
п о ч т о в ы м .
оглянемся — под горой
носятся 'метеоры'.

15

какая сегодня среда?
мы опять не сумели.
мы не муж и жена
со следующей недели.

16

дай свои губы милая.

*пучеж — город в ивановской
области. пристань на волге.
текстильное производство.*

у т и н о е
г о р л о

л у д о
л о г а р

2013

1

из самых последних сил разума декабрьским вечером уже в темноте я попросил своих марийских друзей найти мне телефон человека умеющего затыкать утиное горло — и получив позвонил. ее звали дина — она жила в параньге — в райцентре от казани километров за двести пятьдесят. голос ее был колокольчиковый — хотя мне сказали что дине немало лет. я хорошо знаю такие молодеющие с возрастом голоса — слышал их не раз во время своих экспедиций — в домах у тех кто способен помогать другим. дина тоже узнала меня как будто — ойкнула задумавшись откуда же я ей знаком? — сказала: приезжайте конечно! приезжайте сейчас! заночуете у меня. сразу и начнем. добрым я помогаю. а вы добрый.

2

на момент разговора мой дом мигал алкоголем как новогодняя елка самой феерической гирляндой — накрученной самой умелой рукой. что-то я видел перед глазами — что-то было забыто еще со времен когда мои близкие были поблизости — а не прятались от меня далеко и глухо. но я знал что найду когда возьмусь искать. например под матрацем в детской кроватке точно есть кое-что — правильной плоской формы. за иконами во всех киотах — ага! — было бы, но только киотов у меня в доме нет. за всеми фотографиями в семейных альбомах. в коробочке для обручальных колец. в новых ботинках — купленных к недавней австралийской киноцеремонии, где я ослепленный радостью и светом на сцене сжимал свою статуэтку, цветы, желал всем нам долгой жизни вместе с нашими любимыми, а переводчица ласково жмурилась и переводила. добавок днем я вызвал пару верных своих алкогольно-сексуальных скорых помощей. и это не те помощи которые ставят капельницы и дают снотворное — а наоборот. они пикали мне что работы свои закончили, что вечерние пробки — но что они уже на пути. и я мечтаю поставить им памятник в любимой городской аллее в знак мое-

го почтения и моей нежности к ним. если понадобится — то на том свете я буду им самым горячим заступником. но при этом если мы с ними сейчас здесь встретимся — я как обычно ввергну себя в моральный ад минимум на несколько лет. на балкон ко мне прилетел умирать голубь. в кухне и в ванной заплясали мелкие комаришки — я старался отложить на потом выяснение вопроса об их зарождении в моем доме в начале зимы и просто отгонять от еды. все подушки уже лежали на моих кроватях мертвыми стариками и детьми. темнота уже колыхалась и вот-вот собиралась запеть. коридоры тишины уже открылись и пролегли во все стороны — я видел как толпятся их обитатели вплотную к моим вискам. сучий запах под носом — верный признак беды — не смывало уже никакое мыло. иногда он перетекал в запах кала — а потом обратно. так пахнет демоническое войско вплотную меня окружившее — я хорошо это знаю. и галки — серые, черные и несколько больших белых — терлись давно и со всхлипами о все мои подоконники.

3

георгий приехал ко мне раньше всех остальных. я набрал его сразу же после звонка дине и нашел слова убедить все отложить и съездить со мной в параньгу — чтобы быть рядом дружеским плечом — потому что один я никак бы не выдержал перемещения. мы выбежали из подъезда, перешли по моей просьбе в соседний двор и вызвали туда такси. когда явятся мои скорые помощи и не смогут попасть в квартиру — они решат что я сплю и разочаруются меньше чем если бы я отменил свой вызов. спать и не слышать ни стуков ни телефонов — это принимается, потому что в порядке вещей. они беззлобно поругают меня под дверью — попинают ее — и куда-нибудь пойдут — улыбаясь и желая мне долгого сна, скорейшего выхода на сухой берег, здоровья и сил — тем более что в их сумках есть самые лучшие на земле еда и напитки, которые их не бросят вот так вот как я. мы заехали на улицу к моим родителям — они вышли из подъезда — дали нам денег и меня обняли. мама крестила — а отец курил. в тундре есть правильный глагол 'потянуться' в значении 'пойти'. так вот — мы потянулись в сторону дины. нам еще долго выпутываться из петель городского зимнего свитера — пока доберемся до северной объездной трассы и возьмем скорость. а потом чертить часа три по темным скользким дорогам четырех княжеств — со столицами на высокой горе, в большой атне, в морках и в паранье. водитель молчал на мое великое счастье. под дорожное радио.

4

лудо логар — это вот что. когда человек на своем пути принимается пить — и так что аж до последнего волоса соединяющего его с жизнью — и не останавливается пока не начнет обрываться и он — а часто при этом у него море деятельности, всяческой любви и чудесных планов на будущее — марийцы полагают что этому человеку кто-то недобрый налил сквозь утиное горло. в прямом физическом смысле налил — через вырезанную трахею утки. из бутылки через трахею в стакан — и как-то подsunул выпить. наливая пожелал: как утка не может без воды — так и этот пускай теперь не сможет без этого. а утка — устроительница зем-

ли, утка это и есть красота и добро. силой призывать ее на проклятие — страшнее ничего нет. и дальше у человека который сделался лудо логаран — с утиным горлом — начинается жизни сгон — нередко в самые короткие сроки. если кто-то более сильный это утиное горло ему не заткнет. я вовсе не думал что это — мой случай. на утиные горла сваливать как-то грешно. но думал: встретимся с диной — и разберемся. главное — что-то делать. ведь за плечами моими уже стояла вся наша городская и республиканская наркология. мы с ней давно уже не красивые любовники — те что не столько друг с другом любят, сколько мучают, мучаются, ждут подвоха, не доверяют и злятся. следами от наших сомнительных отношений покрыто все мое тело. мы молчали. георгий иногда касался моей ноги и говорил: как ты, дорогой? я отвечал ему: я хорошо, спасибо.

5

дина разговаривала на пироге из лугового марийского, татарского и русского языков — то есть изготовленном из финно-угорской, тюркской и славянской вселенных, выпеченном в идеальной для этого дела параньгинской печи. я верил прежде всего именно в нее — в свою любимую землю. и помощи именно у нее просил. и дину рассчитывал обнаружить чутким проводником-связным этой земли. так и было. она так обрадовалась когда мы вошли. рыжие брови — белый платок. сказала мне: пока вы ехали — я ведь вспомнила кто вы! вы хороший человек, марийцы вас многие знают, я и в газете про вас читала, вы много ходите, вот шайтана и нашли. а георгию поклонилась прямо в пояс со словами: побольше бы на земле людей таких как вы. а денег с вас я не возьму: у меня в казани в мединституте учится дочка — и я не беру с казанских. мы поужинали. потом расстелили с георгием диван в гостевой комнате. он остался там читать хозяйского 'айвенго' — а мы с диной вернулись на кухню. всю ночь до утра на плите горел можжевельник на маленькой сковороде. работали так — двадцать минут дина читала и молчала надо мной, касалась и не касалась меня руками и животом, а я сидел босой на табурете. потом в кроватях сорок минут отдых. я осторожно ложился чтобы не разбудить георгия. потом снова двадцать минут кухни. время летело так что я видел как движутся стрелки в часах на буфете. закончили около семи утра. тогда легли и проспали почти до полудня. завтракали, улыбались. я — георгий — и дина. георгий рассказывал что-то о своей преподавательской работе. я совершенно не запомнил что мы ели. хотя что-то помню — чай, скумбрия, мед.. я спросил — с какими словами мне уезжать, что крепче всего запомнить? дина сказала: самое прекрасное на свете — это слово сказанное вовремя. мне очень понравилось. я поблагодарил. прямо за столом меня вдруг ужасно потянуло в сон — как будто бы сильные коричневые как ольхи руки вырывались из-под земли через пол, обхватили меня за голову и потянули. дина сказала: это лучшее из того, что я могла ожидать. ты поправишься. ложись прямо здесь — где тянет. за ночь дина стала говорить мне ты. я сполз из-за стола на пол — запомнил стоящие рядом четыре дружеские ноги — и моментально исчез час на полтора. это было что-то наподобие перезагрузки после отлова вирусов. дина потом говорила мне — значит шайтанов много погибло. но ты себя береги.

уезжали из парангы с автостанции — рейсовым автобусом, маленьким, белым, долго его ждали. я был хрупок и велик. не знаю с чем себя сравнить. со слюдяным трактором? велосипедом из перьев и косточек чижигов? мостом через каму в сорочьих горах — сделанным из паутинчатого льда? но и это все грубые сравнения. георгий был рядом. я сказал ему: друг мой! спасибо! очень надеюсь что эта поездка не останется для меня лишь очередной интересной этнографической экспедицией. георгий ответил: я тоже на это надеюсь. а потом мы ехали и ехали. останавливаясь иногда в подорожных деревнях подсаживать и ссаживать людей. было много пустых сидений. а за нашими спинами двумя огромными грудями очень юная женщина кормила огромного мальчика. автобус встряхивался на дырах в асфальте и на больших наледях — и мальчик терял грудь и кричал. она успокаивала его на татарском и на удмуртском. георгий спал — а я не спал и был счастлив. и вспоминал все какие знал слова благодарности на всех языках средней волги. мне было горько. но эта горечь была горечью миндала. мне было жалко себя и людей. но жалость та была сделана из сухого душистого можжевельника — вдохновляла сердце, а не топила его в парализующем чувстве вины.

в илети в автобус зашли две девушки — сели на местах прямо перед нами, но чуть левее. лет восемнадцати. скуластые, с подкрашенными глазами. они сняли шапки, размотали шарфы, воткнули в уши по одному белому наушнику от одних общих, достали ужасный розоватый напиток джин-тоник в полуторалитровой бутылке, до автобуса он уже был отпит. они прихлебывали и роняли фразы об учебе в училище в атне, о своей комнате в общежитии, называли мужские и женские имена — резедушка, альфиюшка, азатик, генка, руслан.. они очень быстро пьянели, начали по очереди засыпать, роняли на пол свои наушники, шапки, перчатки, сумки, почти что пустую бутылку и она катилась в мою сторону, но потом укатилась вперед, телефоны с подвесками в виде черепашки и обсыпанного разноцветными стеклышками скрипичного ключа, я несколько раз поднимал все эти предметы и клал одной из них, той что сидела ближе ко мне, на колени, придавливал шапкой, чтобы не падали снова так моментально, но они падали и падали, потому что очень трясло. они были здешними красавицами — хоть и не для обложек журналов о красоте — но желание к таким как они уносится в небо мировым деревом у казанских художников и лично у меня, они были абсолютными уточками которым я всегда молился. я откровенно любовался ими!

я смотрел на них во все глаза и представлял что через несколько хорошо знакомых фигур трассы выскочит большая атня с высокой красной мечетью — и они сойдут и что с ними будет вечером. они будут падать но добредут, уснут на унитазах и невытертые с него свалются, позовут гостей, потом улягутся с ними или друг с другом,

засверкают телами на все наши средневожские-вятские эмираты — и все наши флаги забьются заволнуются от того. или все будет не так — но еще трагичнее. я видел в упор и любил их тела. их дико дико хотелось. и мыслилось с ними сойти — и на какое-то время остаться на их волне. и пережить — вместе поддерживая друг друга — все к чему они приготовились как яблоки упавшие под пест давящий на пастилу. тем более — если они готовы вовсе не ко всему, а наоборот — многого желали бы избежать — сейчас или уже после. они были ненаглядными и сильными — не меньше чем дина. только другого цвета. я быстро придумал им имена — черные агаты. камни черного цвета некрасивее желтых и белых? так и подумать смешно. черный агат. черный гагат. черный обсидиан.. я думал что смог бы надеть на себя только такие. значит эти спящие пахнущие алкоголем илетские девушки — и есть драгоценности которые я выбираю для своего тела. потому что все это — тот самый хорошо видимый мной дым земли. потому что все это — та самая обожаемая до подпрыгиваний выше всех мечетей изрезанная оврагами весенняя покатошь. та самая сырая пашня. и черная арматура на кладбищах. от всего этого сердце летит над миром выпущенное из черной пращи. и в союзе с черной пращей и серым дымом рождает рождает! потому что само мое сердце желто-медовое — с зелеными прожилками. я как талая вода в ложбины сейчас к ним тянулся — к этим попутчицам. а они спали, роняли слюнки, телефоны и сползали с кресел.

9

все это прекрасно. но знамена мои! как средство для чистки стекол смывает следы долго стучавшегося в окна дождя во время липового цветения — илетские девушки размывали параньгинскую дину. вместе с ее можжевельником, ее животом и словами, и нашей великой спасительной ночью без сна. в которую верят теперь все кто меня любит. в которую верю и я. мой белый добрый великий боже. нет никакой защиты. кроме самой по себе одинешенькой человеческой беззащитности. и только поэтому можно надеяться уберечь себя. человеческая жизнь всего лишь в пять-шесть-семь раз длиннее пути на автобусе из параньги до казани. и кто защитит беззащитного? — а никто. значит ему попросту нельзя дать себе пропасть. только полная беззащитность оборачивается наконец-то крепостью. только беззащитный по-настоящему защищен. потому что иначе как же? — иначе совсем никак. дина не сильнее черных агат — но и не слабее. я одинаково люблю их. они любимые — мне и друг другу. к тому же никакие они не черные агаты — а просто девочки из села илеть параньгинского района республики марий эл, студентки из районного центра большая атня республики татарстан — лена и люда.

10

мои агаты проснулись вовремя. кое-как собрали все что было при них — и вышли на атнинской площади — и как водоросли закачались вцепившись друг в друга. мы тронулись. но за окнами раздалися раненые крики одной из них. от него проснулся георгий. в заднее стекло я увидел как одна агата размахивала руками — делая знаки автобусу остановиться, другая затыкала ей рот. водитель уви-

дел — подумал что что-то они забыли — и притормозил. девушки влезли обратно. кричавшая плакала, вторая кажется ее журила. но это все в сумме была не речь. суть в том что они передумали — и решили зачем-то ехать в казань. доплатили водителю. правда сели уже не на прежние места — а у самой двери.

*

ме илена.
без эле исэн.
эпир пурнатпър-ха.
ми улэпесь.
минь эрийть.
минь шисотама.
мă живой ылына.
мы живы.

**

кто со мной — отмечать новую книгу?

в е с а с е р г е е в

мастурбирующая
ж е н а

кологрив
1974

жена мастурбирует
перед вами.
есть ли что краше?
вашу жену зовут
например наташа.

ваша жена в теле.
ваша жена в силе.
вы смотрите на нее.
это вы ее попросили.

ваша жена лежит
на смешном диване.
поворачивает головой.
целует воздух губами.

ее взгляд прикрыт.
ее грудь острится.
у нее темно
пламенеют ключицы.

ваша жена вам
в обе руки играет:
ее руки вьются.
одна одну накрывает.

щепотка левой
толкается на полногтя.
море — живот.
альбатросы — локти.

пальцы правой
(один с кольцом)
качают крышу.
слышится легкий чмок.
ваша жена чуть дышит.

она раскрывает ноги
хоть так доспевать
н е у д о б н о.
она понимает что
смотрится бесподобно.

из вашей жены
пахнет лодками
рыбами островами.
вы давно ее знаете.
вы ее выбрали сами.

вы сидите на стуле
со спинкой его в объятьи.
перед вами жена.
вот висит ее платье.

им тихонько играет
желтый ветер
с балкона.
разлетаются первые
выстрелы — стоны.

и вторые и третьи
их делит минута.
ваша комната будто
в букетах салюта.

— тебе нравится?
— да.
— тебе нравится?
— очень.
— начинай же меня.
приходи если хочешь.

О Т Л И Ч Н И Ц А

июнь
2009

1

миленькие боги — расцелуйте отличницу. черные туфли — белый ободок. розовая сумка набита насекомыми — крошечными, приятными на ощупь, из магазина 'радуга' — тетрадами с наклейками, монетами, зеркалами, ручками, заколками и расческой. она лучшая в классе. и самая высокая. была во втором — а теперь перешла в третий. вместе с другими отличниками сегодня утром городские власти посадили ее на теплоход и отправили кататься по волге до пяти часов вечера. теплоход еще не отчалил — а ей уже дали на палубе грушу, мороженое и воздушный шар. лето вот-вот начнется. а когда опрокинется — ей исполнится девять лет. я долго ожидал отплытия — чтобы махать ей с берега. а она смущалась теплоходного народа — и делала просительные жесты 'иди, иди!'

2

это я с утра расчесал ей волосы и привез в порт. она впервые уплывала одна. меня не брала — да я и сам в это утро не стремился на воду. учительница сказала что теплоход пойдет вниз. а потом они остановятся на каком-нибудь острове. все выйдут и погуляют. будут танцевать, устраивать конкурсы и играть в игры. будет вкусный обед. 'здравствуйте дорогие ребята! — раздалось в микрофон. — команда теплохода и я, ведущая нашего праздника, поздравляем вас с успешным окончанием учебного года!..' задымилось с кормы — заиграла музыка. я сфотографировал отплытие — купил минералки — и пошел по набережной к железнодорожному вокзалу.

3

проходил весь день скамейками в скверах — и к пяти вернулся. теплоход танцевал навстречу по блестящей воде, гудел, огибал бакены. я щурился — и с тревогой видел что у отличницы разрисовано сплошь лицо — чем-то красным и желтым. впрочем —

не у нее одной. дети поднимались по трапу. отличница обняла меня и сказала что два клоуна на теплоходе рисовали так всем кто хотел — так ведь веселее! волнистые линии — на щеках и на лбу — через нос и на подбородке — и улыбка сквозь это все. она показала желтую грамоту — в которой красными буквами городские власти благодарили ее за пятерки — и в конверте от них же пятьсот рублей. показала островные камни — еще влажные. предложила мне выбрать себе в подарок — какие нравятся. я выбрал — положил в сумку. было тихо — облачно — уже не так жарко. мы пошли — всё туда же — к железнодорожному. люди с набережной — трезвые и не очень — весело посматривали на отличницу. а она — на них. то отставала — то убегала вперед. иногда брала меня за руку. рассказывала о путешествии очень мало — говорила что устала говорить за день. что ж — ладно — я попробую представить все сам.

4

наша набережная — это длинная лежащая у воды на боку огорченная чем-то девчонка. парапет — асфальт — и аллея. асфальт изрядно разбит. отличница подобрала ветку тополя и махала ей как копьем — как флагом — как шпагой, ружьем — и щупом будто слепая помешанная. подпрыгивала и махала. смеялась. я просил ее быть осторожнее — отойти подальше. но она хотела быть ближе — наоборот. она меня раз чуть не треснула. а после второго раза я вдруг не сдержался — потемнел — и неожиданно сильно встряхнул ее за плечо. отличница сделала испуганные глаза — уронила палку — схватилась за плечо — заплакала.

5

лицо ее потекло. не знаю что это была за краска. размывалась и таяла сразу же. я заledenел от горя — и бросился ее жалеть. ловил слезы — смахивал платком и пальцами. она конечно дура — и нужно слушаться. но — лучше умереть чем такое видеть. я утешал отличницу, гладил, целовал — я и сам разревелся — и думал о том что забыл даже сфотографировать ее в том смешном разукрашенном виде. а теперь лицо почти все размылось — и смешались цветные полосы почти что все. чудесные волнистые полосы-мосты — по которым весна прямо сейчас переходит в лето. только на хмуром лбу все осталось как было.

6

тише — тише — ну извини! отличница больше не плакала — но стояла скорбная, непримиримая. я сделал восемь кадров. взял ее за руку. в другую руку вложил ту дурацкую ветвь. мы пошли дальше. я спросил на что она думает потратить свою пятисотку? ответила что купит сейчас нам квас — а все остальное отложит на катер или на машину. квас был только за рельсами. мы спускались с набережной и поднимались на переходник — проходили перронами — зданием вокзала — привокзальной площадью — нашли бочку и долго пили. отличница с сумкой и палкой, я с сумкой и фотоаппаратом — держимся за руки и глядим прямо в вечеряющий город. может в кафе? в какое? в 'паровоз'.

умоешься? нет — не хочет. да и мне тоже жаль эту краску смывать — хоть она и не очень теперь красива. тогда — только руки. отличница выбирает рис без всего и блины с семгой. я — уху и куриный шашлык. чайник зеленого чая. два куса тор-та. мы кушаем медленно. мы устали. я прошу ее грамоту — еще раз рассматриваю — и хвалю. отличница — а давай уедем куда-нибудь как поедим? мы возвращаемся в здание вокзала и изучаем расписание поездов. теплый вечер — конец мая — пахнет. люди оживлены — в динамиках позывные. становится мягче и веселее. и я обнимаю мою отличницу. еще раз извиняюсь за слезы ее на набережной. она отвечает: ладно. решаем что едем в астрахань. покупаем билеты.

у нас еще полтора часа. предлагаю отличнице прогуляться до главпочтамта — подняться в гору. я очень его люблю. у меня с ним связано столько хороших событий. а что мы там будем делать? — спрашивает отличница. да ничего. — отвечаю. — просто дойдем, посидим внутри минут пять на лавочках под зеркалами и вернемся. отличница не согласна на такую скуку — и говорит что тогда мне придется что-нибудь ей там купить. например шарик-прыгун. я не против. а на обратном пути к вокзалу мы еще заскочим с тобой в цум. — обещаю ей. — только покупать ничего не будем — просто посмотрим — договорились!

вечереет еще. на почтамте я чувствую себя так уютно. потому что это самый светлый в городе дом. всё здесь друг с другом встречается, всё друг друга любит. говорю об этом отличнице — но она не очень-то понимает и бежит к прилавку. я даю ей денег на прыгуна. я смотрю на наши отражения в зеркалах,правляя телефон и увлекаю отличницу на улицу. мы проходим почтамтскую улицу до кремля, площадью первого мая — и спускаемся к цуму. я кричу ей: отличница! я тебя очень люблю! она оборачивается и мне машет — далеко уже убежала. в цуме ходим по залам. отличница трогает игрушки и какие-то будто японские скульптуры в человеческий рост. я так рад ее желтой грамоте. ее полосатому лицу. ее ободку и горячей ладони.

— а астрахань большая? — да, хоть казань больше — а в астрахани море недалеко. мы с отличницей разрываем пакеты с постельным бельем. мы едем. постелимся — и еще попьем чай. сумерки — лучше бы их не было. я их едва терплю. так холодно — так неудобно. не то что на главпочтамте. сумерки можно запить конечно слабоградусным сладким чем-нибудь — но не с отличницей же. и потом ведь — смеркается каждый день: что теперь — спать? отличница интересуется что мы будем делать когда приедем. отвечаю — ну будем гулять. пару дней поночуем в гостинице. ты ведь гостиницы любишь? засыпая отличница говорит что возможно купит себе там что-

нибудь хорошее на остатки денег. я глажу ее. да — так лучше: на катер или машину сейчас у тебя вряд ли получится отложить. мы едем на юг. мы даже тополиную ветку с набережной прихватили. а лицо отличницы пришлось перед сном смыть.

11

я не сплю — я мерцаю. мерцать неправильно. это когда почти спишь — но в голове запущены три тысячи триста тридцать три карусели. утром предложу отличнице поискать и купить выжигатель. отличная добрая штука. в магазинах казани они тоже конечно есть. но пусть будет память о городе — в который мы уносимся. купим выжигатель — обрадуемся ему — и возможно сразу вернемся или уедем дальше. выжигатель включился в моей голове — заполнил ее приятным дымом — унял карусели — и я уснул — уже утром.

12

но первое что мы купили в астрахани — не выжигатель, а краску. и сразу же разрисовали во дворе того художественного магазина лицо отличнице — так же как было. она такая красивая. мне сильно, до слез, хотелось чтобы краска опять была. мы устроились в номер гостиницы 'белуга'. купили план города и начали гулять. снова уже смеркалось. мы ходили с ней по дворам с бельем. махали в порту теплоходам. бойкая отличница изо всех сил размахивала своей веткой. кидала ее — и носилась за ней как сеттер. ели шашлык на набережной. фотографировали. катались на троллейбусе. вернулись в гостиницу в полночь. умылись и легли. завтра найдем выжигатель — купим простых хлебных досок — и будем в номере выжигать — хоть весь день. выжигать и смотреть телевизор. и лежать на кроватях. и есть что-нибудь.

13

мне нравится очень отличница. так нравится ее видеть. нравится причесывать. забирать из школы — и отводить, хоть это всегда рано — и хочется спать. выбирать ей еду. готовить ей долго. и долго потом кормить. розовая сумка ее — у кровати на стуле. я открыл замок-молнию — пока отличница спит. пусть на меня не сердится. перелистал все тетради и все наклейки внимательно рассмотрел. насекомых из 'радуги' разложил у себя на животе. и карандаши — и заколки — и деньги. расческу — на подушку — поближе к своей щеке. камни с острова — себе на глаза. только бы прогнуться раньше отличницы и убрать ее богатства в сумку — а то разорется.

14

мы выжигаем. как хорошо. я — сову. а отличница — утку. чего будем делать с этими досками? оставим в номере — и поедем дальше. только куда? может в казахстан? может в азербайджан? может быть на луну? может в город никель на кольский полуостров? а хочешь — усядемся на теплоход — и поднимемся до казани? — будем скользить дня четыре с остановками в разных городах. куда

бы мы ни поехали – будем каждое утро раскрашивать тебе лицо красным и желтым. а? будем выжигать всю дорогу – и доски пускать по волнам. ты только по возможности поменьше со мной спорь – а то я нечаянно тебя изуведу. а может и туда и туда и туда и туда – и дальше? сначала в казань теплоходом? ладно. а по приезде сразу же поднимемся на главпочтамт. вздохнем грубо – посидим – чего-нибудь купим – и уедем снова куда-нибудь. пошли сдавать номер? можно перед выходом я покурю? нельзя? ладно.

15

– нравятся тебе жигули? – нравятся. – а шлюз в тольятти? – нравится. – а устье камы? – и оно тоже. – ты чего такая неразговорчивая? – ... мы швартуемся против трех флагштоков. на одном из них – бодрый змей с крыльями. это наша казань. мы идем набережной – как недавно – за руки. когда набережная заканчивается – поднимаемся на переходник и проходим насквозь здание железнодорожного вокзала. мы едим в ближайшем 'аль-халяле'. я – шурпу из баранины. отличница – крабовый салат и огромный лаваш. выпиваем чайник чая. поднимаемся медленно на главпочтамт. там сидим под зеркалом на деревянной скамейке. то есть это я сижу с нашими сумками – а отличница ходит по залу и рассматривает открытки. я подзываю ее и говорю что если прямо сейчас мы вернемся на площадку перед речным портом – успеем сесть на автобус 'казань-баку', который недавно пустила наша азербайджанская диаспора. автобус удобный – и идет двое с половиной суток. мы выходим, ловим машину, прорываемся сквозь перекрестки центра.

16

мы успели. откинули мягкие кресла – и дремлем. автобус покачивается – будто плывет. мы снова откатываем на юг. мы вылезаем на улицу то и дело – бегать в туалеты и разминать ноги. отличница иногда рисует. часто едим в придорожных кафе. в автобусном телевизоре все время безобразие не для детей. но отличнице оно нравится – там много бегают и много дерутся. я то и дело прошу ее посмотреть в окно – и рассказываю о том что мы через него видим. вот – это черные земли! – калмыкия. отличница скорее к тому равнодушна. азербайджанская, турецкая и туркменская музыка – играет в салоне – мы уже почти там. мы проезжаем ночную недавнюю астрахань. проезжаем шумную махачкалу. мы видим каспийское море. мы стоим на огромном как солнце бакинском автовокзале. я помогаю отличнице раскрасить лицо. а куда мы пойдем? а чего мы здесь с тобой купим?

17

отличница – а ведь лето идет. ощущаешь? красивый город – баку. что и говорить. жаль, очень жарко – и мы утомлены. струйки пота вредят твоей краске – пускай – у нас ее много. в спортивном магазине прохладно и дышится летней резиной. отличница прыгает перед красивой коробкой шашек. покупаем их

вместе с темно-красной доской. я предлагаю поскорее устроиться в гостинице. купим много воды и сока — разденемся до трусов — и будем играть в эти бакинские шашки весь остаток дня. но отличница сердится и угрожающе хлопает веткой об асфальт: сначала она хочет купаться в море. я-то этого совсем не хочу. ну — пошли. одну тебя в воду непустишь — да и каникулы начались у тебя — а еще ты отличница. лезем в воду. пьем сок у моря — едим шашлык и лепешки и зелень. моя отличница! вкусно? в гостинице 'ленкорань' — полураздетые — режемся в шашки раз тридцать прежде чем выключить свет.

18

наутро — умывшись — причесываем отличницу — делаем ей хвостики — красим лицо — завтракаем в баре на втором этаже кашами, кебабами, джемом и белым хлебом — уезжаем в казань тем же дальним и долгим автобусом — только обратно он идет почему-то через кабардино-балкарию и ставропольский край. что ж — мы ничуть не против таких неплохих вовсе местностей. в казань въезжаем под вечер. и чтобы не ночевать здесь — бросаемся на железнодорожный — хватаем билеты на знакомый поезд до астрахани. самые дурацкие билеты — у туалета в плацкарте. сойдем в саратове. оттуда поедим в чимкент — в казахстан. еле успеваем сбегать на главпочтамт. отличница покупает себе еще одного прыгуна — оранжевого. ударяет им об пол — им и первым, зеленым. а я сижу под зеркалами. делаю пометки к вот этой книжице на листочках 'бумаги для записей'. когда я пишу мне ничего не страшно. кого-то нам не хватает. потом отличнице делают замечание тетеньки-служащие — и мы извинившись уходим. глотаем две пиццы в кафетерии магазина 'татлык'. запиваем бутылочным квасом.

19

отличница! тебе не грустно? я знаю наверняка что мы купим в чимкенте. глобус на казахском языке. ух — какая красота! очень нарядный, умный и радостный глобус. влезем в чимкенте на самую большую гору — и будем его там крутить. будем любить его — и тоже возить с собой. отличница спит — а я то и дело в тамбуре. раз ночью отличница поплелась в туалет — заглянула в тамбур — и долго меня ругала. а я ее оттуда гнал. она сонная — я заплаканный. лето — и окна настезь.

20

саратов — и пересадка — поезд на алма-ату — купе — много земли — много краски — которую мы смывали и наносили на отличницу. в саратове отличница придумала правильный светофор. она уверяла что нужно идти на красный, на зеленый стоять, а на желтый сигнал показывать дороге задницу. так она и делала — особенно старалась при желтом — у каждого саратовского светофора — пока мы бродили там три часа с лишним. сердилась что я стесняюсь быть правильным как она, ставила мне двойку и замахивалась на меня веткой. я был доволен. чувство юмора у отличницы прямо-таки мое.

в чимкенте просим таксиста отвезти нас в самый хороший книжный. глобусов много — и на казахском есть. мы выбрали — мы расплатились — мы вышли и топаем улицами и видим горы вблизи и вдали. отличнице по сердцу чимкент — и мне по сердцу. отличница с глобусом, веткой — и разукрашена. все остальное наше несущая — мне не тяжело — в двух теперь сумках. кого-то не хватает, отличница — сильно. все время нам не хватает. так ну? — какая гора из ближайших самая большущая? встречаем рынок — и покупаем там местной еды. мяса и фруктов и мучного и сладкого. и воды — много. скоро заведет. давай не станем искать гостиницу — а проведем всю ночь наверху? отличница рада. только тогда я куплю-таки себе бутылку коньяку. тем более что здесь в казахстане он такой вкусный и недорогой. ну вот например 'туран'. даже пару 'туранов'. не бойся.

как тебе это место? садимся? шинкуем съестное? надеюсь не улетим? не сорвемся вниз? тогда помогай! поприветствуем глобус ужином! мы крутим его по очереди. гладим пальцами казахские названия стран и морей. пожалуй я пить здесь не буду — а то ведь свалюсь или тебя не поймаю. или укатится глобус. или утром не слезем с горы. отличница — поцелуемся? засыпай у меня на коленях. огромное солнце погасло. глотаю 'туран'. отличница спит. ничего — не свалимся.

мы вернулись в казань под вечер спустя неделю. добирались степными попутками до оренбурга. оттуда автобусом на уфу. оттуда опять автобусом. по прибытии сели у автовокзала в такси — и приехали на главпочтамт. я запрашиваю телефон. я сижу под зеркалом. отличница разглядывает витрины с открытками и прыгунами. сидит со мной рядом. разукрашенная, веселая грозит своей веткой отражениям посетителей главпочтамта. потом мы вышли. едим сочни с 'тархуном' в 'татлыке'. на железнодорожный? — или домой на девятом трамвае? но наш нынешний дом — главпочтамт. я рад что ты не догадываешься.

решено — уезжаем в никель. поездом на столицу. потом — мурманским. я и отличница. и с нами вместе: похвальная грамота. тополиная ветка. шарики-прыгуны — оранжевый и зеленый. выжигатель. шашки с доской. казахский глобус. фотоаппарат. розовая сумка отличницы с ее богатствами. моя — с документами, деньгами и бумагой. красная краска — и желтая.

в ожидании посадки перед составом мы играем в гуся. наши сумки стоят под переходным мостом. эта вот такая игра. мы давно придумали ее и любим. отличница — гусь. а я веду ее тополиной хворостинкой. хлопаю по спине не сильно — она несиль-

но вышагивает вперед. хлопаю по правому боку — поворачивает влево. хлопаю по левому — повернет вправо. ударяю по спине сильнее — отличница-гусь бежит. удар по лодыжкам-лапам — стоит на месте. гусиная походка — хлопает крыльями — озирается — недовольно гогочет. как ей надоест — в гуся превращаюсь я.

26

я тебя так люблю. так люблю. ты меня тоже? в никеле купим ролики и все снаряжение к ним. проедем так до конца лета — всякий раз через казанский главпочтамт. и до луны от него между прочим совсем близко. ну — это если очень захочется. за день до катания отличницы на теплоходе казанскими властями — на северо-западной городской окраине мы развелись с ее матерью. мы как будто не виноваты в том дурном совпадении — даты нашей судебной повестки и ее теплохода. а во всем остальном — разумеется да. хотя что я говорю — боги суровы в мудрости, и совпадений нет. отличница ни о чем не знает. я ей расскажу в конце лета — тридцать первого августа. и лето сразу начнется опять. она заберет тебя на главпочтамте, отличница. она здесь часто бывает. это ведь дом теперь и ее. и вы проведете вновь наступившее лето как захотите — вдвоем. а потом — в школу. за еще одной желтой грамотой в конце учебного года — что вероятнее всего. и пятьюстами премиальными. и клоуны на теплоходе отличников снова раскрасят тебе лицо. если захочешь. миленькая.

27

мы разрываем пакеты с постельным бельем.

олык мари-влакын
кавасе ватышт

небесные жены
луговых мари

уржум
1970

овдачи	о	п	и
овроси	о	р	а з в и
огаптя	о	р	и к а
одарня	о	р	м а р ч е
одо ча	о	р	о п т и
озави	о	с	и к а
ойси	о	с	ы л а й
окави	о	ц	к а н я ш
окай	о	ч	и н а
окалче	о	ч	ы к а й
оканай	о	ш	а л г е
окачи	о	ш	а л ч е
олика	о	ш	а л я к
омаки	о	ш	а н я й
оналча	о	ш	а н я к
ононя	о	ш	в и к а
оношка	о	ш	п а л ч е
оня	о	ш	т ы л е ч
оняви	о	ш	ў д ы р

невесты и жены
луговых мари на земле
с небесными не имеют
заметных отличий.

О В Д а Ч И

елочка-овдачи с большим подбородком моет в бане невестину сову. невеста не она — сестра. но овдачи тоже скоро выходит замуж. и сова овдачи ничем не хуже. у сестры титьки-клубни — и у овдачи — обе низенькие косые. овдачи захватывает сову сестры в кулак и дергает посильней — так надо — чтобы муж ласкал а не дергал. сестра от боли ругается — толкает овдачи ногой. но овдачи отскакивает — смеется — выплескивает на себя ковш ледяной воды. сестра ложится на лавку и зовет овдачи. овдачи подходит и раздвинув ей ноги — отслонив волосы — ногтем пощелкивает в совиный клюв — тугую красную гусеницу — зарывшуюся под волосами сестры. так тоже надо сделать — чтобы невеста прогнулась на лавке и громко крикнула — а жених услышал. сестра овдачи — липка: и гнется быстро. овдачи думает про сестру: вот ведь будет на мужа бросаться — вот ведь усядется на него.. сестре уже плохо — надо скорей попить и идти домой. овдачи одевает выводит сестру — с песней о двух стрижах-летунах-любовниках передает родителям — возвращается в баню мыться.

О В Р О С И

в дни месячных овроси наигрывает на листе черемухи — никуда не ходит. сидит на скамье у дома — высокая — задумчивая — худая. подходит тютай — и садится рядом — слушает как овроси играет. иногда подсвистывает — но сразу замолкает — ему кажется что овроси свистом его недовольна. ей двадцать пять — а тютюю двадцать. овроси не замужем — а тютюю невесту неделю как сосватали — веселую крепкую унави — соседку. тютай уже успел ее потрогать и посмотреть — а унави хихикала. а сестра унави — овдачи — как-то потом на улице ему погрозила пальцем. черемуховый лист — на котором овроси играла — рвется: у него короткая жизнь. овроси роняет его под ноги — приподнимает руку и не глядя срывает другой: черемуха из-за забора густо нависла над скамейкой. неразговорчивая овроси — черемуховая ветвь. темные волосы — темные брови — удлиненное худое лицо. неразговорчивый и тютай — он щурится от солнца и думает о том как позапрошлым летом — в августе — прихватив для виду распаренную крупу и кривые удочки — прихватив блины и сырники — бегал совать овроси.

О Г а П Т Я

игра в дырочки многим нравится — любит ее и огаптя. глаза ее непромытые — заspanные. ну и пусть — зато какое мягкое большое лицо — целуй не нацелуешь — сколько места. огаптя ведь шмель — пухлый шмель — низко летающая шмелиха — в конопляной одежде — с медом в ушах и уголках глаз. огапте четырнадцать лет — сильная она и большая — ее голос как берестяная труба которой из деревни гонят шайтанов во время праздника сюрем — а дырочки огаптя очень любит. приведет подруг к колодцу на край деревни: одна пасяй вредная и надутая — другая ласковая иналче — одной одиннадцать — другой двенадцать. и вот играют. каждая ищет дырочки у себя на одежде — по очереди показывает — у кого окажется дырочек больше

та и выиграла, а если очень не захочется которой проигрывать — может показать три дырочки на теле. (но третья дырочка должна быть особенной.) вот они играют — смеются. огаптя найдет на онучах — пасяй на рукаве — иналче на грудке передника. огаптя на рубахе под мышкой. пасяй долго шарится злится находит трещинку под тесьмой на воротах — подружки с ней спорят — не хотят засчитывать. иналче-умница — не неряха — улыбаясь показывает на ухо. огаптя показывает на ухо. пасяй открывает рот и сует туда потемневший палец. иналче розовеет — показывает мизинцем в нос. ветер гладит низкую йүршудо — застелившую землю дождь-траву — всматривается в трех девочек у колодца. очень медленной становится игра. огаптя вдруг радостно кричит — показывает странную дырочку сбоку на подоле. иналче и пасяй внимательно смотрят — хмурятся. ты ее сейчас провертела стеблем. — объявляет пасяй. иналче кивает. огаптя неохотно соглашается с ними и показывает на второе ухо. пасяй тот же палец себе в нос сует. иналче будет очень красивой девушкой — уже красива. будут за иналче скоро насмерть драться женихи. ей теперь или выйти из игры в дырочки — или показать совенка. иналче ищет ищет — ищет ищет еще что-нибудь на одежде — глаза блестят. очень долго это длится — подружки не торопятся. ну что? — ухмыляется огаптя. — играешь? и иналче поднимает рубаху — развязывает и тянет вниз штаны. и внимательно смотрят пасяй и огаптя — даже сели на корточки. пасяй говорит: дай потрогать? иналче говорит: потрогайте. трогают обе подружки — тянут за узко торчащие волоски — довольны. в возрасте в котором они сейчас — серединки у девочек все разные. кто-то едет на телеге. иналче одергивает рубаху. теперь она вышла из игры — и проиграла если подружки продолжат. огаптя ухмыляется опять — срывает траву-метелку и тычет в спину иналче. там явная дырочка — у пояса чуть повыше — иналче ее не заметила. все молчат. теперь огапте черед показать — если не останавливаться. зачем проигрывать? — огаптя показывать любит. штаны снимает совсем — садится на землю — раздвигает ноги — девочки глядят с восхищением — такая заросшая огаптя — как их матери в бане — а ноги еще потолще чем ноги у матерей. палец огаптя прямо к дырочке подносит — и говорит: вот она. гнездо огапти девочки долго рассматривают — хоть и видят не первый раз. ну ладно. пасяй стоит мрачная. зачем? она ведь если теперь у себя покажет — значит выиграла игру в дырочки — обошла подруг. а откажется — тогда огаптя. иналче и огаптя улыбаются вместе — они знают что у пасяй под штанами гладко — вот она и не рада рядом стоящей победе. а победа всегда важна — хоть и не было никогда и нет за игру в дырочки никакого выигрыша. это девичья игра — не надо ничего просить. ладно смотрите. — говорит пасяй отрывисто — подол подняла и опустила. — ну видите? — все как было. и вот три подружки — иналче пасяй и огаптя — уже идут по деревне. что-то кричат — хохочут. иналче вспоминает о том чем сегодня должна помочь матери. большущая огаптя то и дело бубнит и тискает подруг. пасяй огапте завидует и злится.

о д а р н я

одарня из малого кожляля всякий раз когда едет с мужем на базар в морки — думает: увижу опять его. странный он — очень странный — говорит что сам из кучко-памаша — из той же деревни откуда взяли замуж одарню. а одарня его ни разу там не видела — когда с родителями жила. он хорошо говорит по-русски — не то

0 Д 0 Ч а

434

0 3 а В И

О Й С И

0 K a B И

435

приходит. и даже не одна — а с сестрами и подружками: с марвай и пигаи — с юкталче и оляной — с чипикой и ошвикой — с анюш и сосей. рубахи у всех белые — и белые штаны. когда рубахи уже лежат на земле — девушки долго возятся с завязками. а тюмша-то узкая-узкая — и купаться-то даже негде — и парни на том берегу того гляди оторвут себе свое кривое бычачье счастье.

о к а й

пижайская толстая окай еле ходит — так насовал ей жених — так измочалил изъел издергал. ой не могу. — кричит окай. — ой не могу. — это она племяннице кене рассказывает — которая уже год как замужем. кеня хохочет: хорошо было — тетушка? и окай опять рассказывает рассказывает обо всем — показывает даже.

о к а л ч е

рябиновая окалче — окалче-рябинка — немного выпила вместе со мной. женились вот — и теперь друг на друга смотрим — не можем руки разжать. я-то еще пьяней — через рубаху ее живот глажу — небритый — весь в очереди. и окалче в очереди. сидим в пустом доме. на улице были — будто бы работали — вместо этого катались по земле. реву что ли? — глаза об ее живот тру. череду с окалче собираю — зашью в куль — на шее носить буду. белый бог — белая монета — великая молния волгенче-юмо — великая пятница кугарня — защитите простите нас — не карайте смертью болезнями и страхом — меня и рябиновую окалче.

о к а н а й

ушкозя и тяпай — два друга. а оканай им обоим нравится. бесстыдница-оканай перед двумя в молочаях разляжется — у речушки пюзи — над низким обрывом в котором у ласточек дом — а они ее молочаями мажут — белым соком любовной клейкой травы — пахнущим и густым. оканай им все разрешает — только нельзя совать. измажут ее друзья млечными стеблями — на сове и на подмышках косички десять раз заплетут и расплетут обратно — вылижут оканай — все издергаются. после этого оканай их по штанам пощелкает — и они крикнут. ну всё. то что делается у ушкози и тяпая в штанах оканай совсем не интересно. ну оканай — ну может быть сегодня?.. — шепчут ребята. нет и нет — а то и этого не будет. — оканай сердится. недавно они так опять играли: сначала тяпай кусал оканай за розовую грудь — потом ушкозя положил на сову оканай большую висвис-ромашку. оканай мурлыкала — и с ромашкой играла — пальцами надавливала на нее. а потом ушкозя уселся у лежащей оканай за плечами — голову оканай затылком себе на штаны положил — ласково начал с ушами играть — как и прежде — и внезапно схватил оканай за плечи и к себе прижал — а ушкозя сдернул с себя штаны и на оканай навалился. оканай и дралась — и ругалась — и пела. а взвинченный ушкозя чиркнул несколько раз — и кончился. тоже самое и тяпай — слишком долго их оканай мучила. ох и смеялась выгнувшись рыжая оканай — ох и смеялась. ох и терла ушибленную сову. у обоих друзей их радуги

вынула — посмотрела — сказала: вот вы значит какие? отдохнули ребята — и все трое еще по несколько раз за ту встречу крикнули. наполнили оканай как ведро. оканай — ты на нас не сердись? — спрашивал тяпай у подруги. а она еще больше хохочет. этого ведь давно и хотела оканай — этого и ждала.

О К а ч И

среди сосен бегают окачи — среди скрипа и посвистов близкого лета — играют солнечные тени — пахнет смолой — пахнет прогретой упавшей хвоей. она разулась — и бежит взад вперед — по высокой сосновой роще продуваемой ветром. хорошо что сосны далеко растут друг от друга — и ветви их сильные высоко над головой. сосновая роща — не еловая. в еловую темную рощу прибежишь от горя. в сосновую светлую танцующую — от радости. окачи маленькая-маленькая. белочка окачи — в родниках всё тело. сосны танцуют — окачи танцует. сосны любят — окачи любит. вчера в старом юледуре прошел кугече — большой поминальный день. окачи вместе со всеми ходила на кладбище — угощать умерших родных. своей любимой бабушке увати окачи положила подаренную отцом конфету — щедро плеснула дорогой наливки купленной в турке от русских. а бабушка шепнула из-под земли: ты беременна — окачи. так и скажи мужу. и еще кое-что прибавила — отчего у окачи до сих горят уши — и крутит внизу живота. (велела мужу окачи передать чтоб от радости с внучкой поделал что-то — несколько даже раз). нынче утром муж окачи все выполнил как того вчера пожелала мертвая бабушка увати. постарался. прости меня бабушка. — говорила закрыв глаза окачи. — отвернись — не смотри на нас.

О л И к а

олика три слова любит: шыже — шыма — и шудо: осень — ласковый — и трава. хорошо бы из них сделать песню. — так думает. — из одних этих слов — но чтобы всем обо всем сразу понятно было. любимыми словами играет олика так и так — не выходит песня — только музыка есть — ее олика ведь тоже сама придумала — на пикане — на дягиле свистит. вот олика замуж собралась — за кугаша. вот улыбается — на собаку кугаша смотрит. вот в холодном озере стоит — моет живот и плечи. а вот умерла — не тех ягод поела. осень нежно шевелит траву — и роняет березовые звонкие листья — ломкие паутины на головы односельчан. олику хоронят в свадебном наряде — в лубяную колоду рядом с телом из приданного кое-что кладут — и белую нитку привязывают к пальцу — как раз олики в рост — чтоб иногда выбиралась из могилы. карты неслышно плачут — а бабушки крепко стянули лица. о непридуманной песне из трех оликиных слов никто не успел узнать. удивляются до сих пор весьшургинские наши — оттого что осенью и весной — когда мертвых в гости зовут — и столы для них накрывают — олика приходит и ничего не говорит — никому ни о чем не рассказывает. вот живые сидят за столами — а невидимые гости-мертвые им на уши разное шепчут: о том как им там приходится — кто чего кому велел передать. а олика ничего не говорит — и на вопросы не отвечает — ни родителям ни кугашу. мертвые-то еду ведь не могут взять — и рюмки с самогоном поднять сил у них нету. зато хорошо всегда нюхают эту еду и самогон. а нанюхаются — говорят нам о том что

еда была вкусная а самогон крепкий. а потом летают пьяные по деревне — и песни поют. кто какие любил — те и дальше любит. и нам это хорошо слышно. как на куженерской ярмарке — в воздухе шум стоит. голоса с голосами плетутся — разрываются — гаснут. и плачут если совсем напились — но больше тянут веселые песни пьяными языками. тут-то и слышно олику. можно по деревне ходить и навести уши — можно можно ее поймать. очень необычная ее песня — больше всех нам нравится — в песне всего три слова — шыже шыма и шудо — осень ласковый и трава.

О М а К И

имя у омаки означает сон — сон-женщина. омаки праздничная как калина — терпкая как эта же ягода. ярко-красные толстые губы — ярко-красные с окуневый значок соски — ярко-красная под животом дырка. и не любит омаки спать — шевелиться любит. под одеялом мужа за руки хватать — и его руками себя трогать. муж насмехается — но с пальцами своими дурачиться разрешает. хоть пальцы все его в трещинах — и ему ведь больно у жены в сырости. терпит терпит — а потом как омаки заколотит — как хрустнет ей сразу по всей спине. как сунет ко рту жены свой горячий заросший рот — зубы стукнутся — из губы омаки кровь пойдет. и она было вскрикнет заплачет — но тут же мужу давай помогать — давай калиновым своим квасом под мужниной толкушкой на весь дом хлюпать — до самого утра. если дети под утро во сне заорут — омаки босыми ногами вокруг них зашлепает. старший сынок проснется — испугается — спросит: что у тебя мама со ртом? омаки спохватится — кровь вытрет — прикроется ладонью — титьками в полумраке махнет над сыном — скажет 'спи — ничего' — и бегом к мужу. какой уж тут с омаки сон. муж не спит. и старший сын тоже. трет себя в кулаке — слушает как мать трет — аж сердце как колокол на всю семисолу бьется — того гляди перебудит всех.

О Н а л ч а

про оналчу из шой-шудумари знали и в портянуре и в кугунуре и в ивансоле и в паранье и даже в мари-туреке. и русские знали в казанском и в сернуре. летом ходила она в рубаше — зимой в тулупчике. славная оналча девушка была — говорила что родная дочь самой мардеж-авы — матери ветра. оналчу и правда близ шой-шудумари на лугу после сильного ветра нашли — года два ей тогда было. выросла как родная у бортника вылипа. двадцать лет в том году исполнилось оналче — и все к ней ходили — просили у ветра что-нибудь для себя вымолить — помочь в большой беде. оналча не брала денег — помогала если могла — а могла всегда почти. ветер ведь вправду все может: принести пропажу — унести болезнь — сорвать порчу и в болото забросить — нерожающей плод надуть — горькой брошенной девушке напротив никчемный плод из живота вытряхнуть. может силу дать — может взять последнюю силу. оналча помогала — но только если люди хорошее просят. к ней и сами шли — и привозили больных на санях и телегах. помоги оналча-мята оналча-душица оналча-щавель — помоги оналча-дочка — сестренка-оналча помоги — помоги оналча филипповна (это пришли русские). нежно любили оналчу ветры-мужчины — мягко любили оналчу ветры-женщины. мардеж-ава ведь не одна — де-

тей и родственников у нее много. и как это оналчу они решили на землю положить? видимо отец оналчи был мари. оналча никому не велела подсматривать за тем что она будет делать. но со всеми всегда одинаковое случалось. оналча уведет просящего за собой в поле — на то самое место где когда-то ее нашли. и велит человеку крепко завязать глаза — или сама завяжет если тот не мог. если родственники привезли чуть живого хвораго — то несут его за оналчой до нужного места — а сами потом уйдут. стоит человек с завязанными глазами — или сидит — или лежит на земле. внезапно вдруг сильный ветер задует — и прямо ему в лицо — толкает касается тела. кому-то теплый — кому-то царапающий — кому-то ледяной как январская могила. кому-то с запахом крови — кому-то с запахом цветущей иявондо — чертовой травы — кому-то можжевельный дымный — кому-то без всякого запаха. и всё на этом. просящий получал чего хотел раньше чем доходил до дома — а на руках принесенный немощный своими ногами обратно шел к ожидавшей его родне — и то и дело кланялся шой-шудумарьской оналче. так было до прошлого апреля. а в апреле когда снег еще не весь сошел но хорошо жарко было — из кугушени приехал мужик какой-то — рыса — и подглядел за оналчой. кугушень и стоит на реке собака — и это-то видно был собачий человек. сказал что страх его изнутри жует — что жить из-за него не может — оналча его и повела. из деревни тогда ушел быстро. всем рассказывал потом что оналча ветру сову показывает — у просящего встав за спиной — играет с ней даже. ветер к ней ластится — проходит через больного — снимает его печаль. как слухи везде пошли — оналча исчезла. исчезла — и больше ее нигде нет. а рысу потом шой-шудумарские убили. и место где оналча ветром людей лечила теперь плохое — там теперь видно убитый рыса живет. и называется иначе: рысакиреметь — чертово место рысы — вместо оналчан олык — луг оналчи.

О Н О Н Я

пекоза и онаня из йошкар-памаша друг друга любят. и вот пекоза приходит сватать ононю. а сестра онони — чемелек — от обиды губы кусает: пекоза ведь ее потискал — сунул раза три — всего наобещал — и вот как теперь получается. сваты ушли довольные — родители невесты их хорошо угостили — и за ответом просили завтра с утра прийти. вечером чемелек зовет ононю под бузину на пруд — и ревет и сестру за плечи хватает. онаня страшно сердится на пекозу и решается с чемелек убить его этой ночью. чемелек плачет: как же мы это сделаем? — нас в уржум увезут — в тюрьму посадят. онаня предлагает: вызову его сюда же под бузину — поласкаю немного — а ты сзади камнем тресни его по башке. чемелек плачет: нет не смогу. онаня говорит: ну так ты зови и ласкай — а я тресну. чемелек ушла — а онаня камень ищет. нашла и спряталась. вот пошел шорох-шум — чемелек возвращается — идет впереди — а пекоза уже ее сзади лапает. повалил — и начал совать. чемелек его обнимает стонет — пекоза пыхтит. а онаня ждет чего-то: может жалко — может смотреть нравится. вдруг кричит чемелек: не убивай его онаня! — не убивай не надо. онаня вышла — и камень бросила рядом с ними. говорит: вставай пекоза — заправься. завтра сватов к чемелек присылай. а женитесь — я на вас смотреть буду. иначе всем расскажу про тебя паскуду. и женился пекоза на чемелек. нельзя ведь играть с девушкой. у онини груди вздернутые и острые — у чемелек плоские и большие. че-

0 H 0 Ш К а

О Н Я

440

в шиньше еще выполоскал — если не дурак — но может ошалел и забыл про все? она бежит домой. а как же она смотреть будет? муж ее на руки не берет — на кровать не несет — не хочет. а она к нему не полезет первая — очень всегда стесняется. дома муж перед баней в одних штанах сидит и в пузырь дует — веселую музыку — свадебную. подмигивает оне — глазами приглашает рядом сесть. садится она. а муж все играет играет — на солнце жмурится — совсем глаза закрыл. она сидит слушает — а потом сухим голосом мужу прямо на ухо шепчет: ондик — мне свою радугу покажи.. ондик как такое услышал — так сразу волынку из бычьего пузыря. оню за руку схватил — вскочил на ноги. ты это от кого научилась? с кем гуляла? — крикнул и в дом жену поволок. с перепугу она молчит как рыба — будто виноватая перед мужем. ондик оню тряс тряс — потом немножко поколотил — а потом штаны с нее сорвал и насовал. еще как старался. тогда и помирились они. так и не узнала она — грязный ли ее муж вернулся из шиньши. сейчас-то он еще какой грязный — но это уже теперь она всё виновата — размазалась густо по нему. еще раз кольнуло оню беспокойство. на живот к ондику сползла. свой-то запах она вроде знает — и вкус вроде тоже. может быть все ж и чужие следы где-то под ониными остались? коснулась мужа носом и языком. эй она — ты что делаешь? — муж от неожиданности так и сел. ни разу жена его так не трогала. побить хотел — но вместо этого ноги оне за уши закинул и опять отодрал — кости чуть не вывихнул — чуть не задушил целую. она лежит на подмышке мужа — не может шевельнуться — из совы течет и течет — а она и не вытрет. теперь уже всё — уже точно — навсегда затерлись следы шиньшинской возлюбленной мужа — теперь уже нечего искать.

О Н Я В И

в озере шергеер вода всегда синяя как ранняя осень. змеи там замерзают если сунутся — очень страшные распухшие плавают потом. шерге это гребень. гребень-озеро. а мы здесь в шушере — 'гребень оняви' зовем. вода шергеера всегда открыта — зимой из нее рыси пьют. в марте снег потихоньку тает — над озером пар. оняви где-то здесь мужа убила. никто не знает зачем. самая ласковая оняви в шушере была. самая тихая — родная. в марте вместе с ним сюда пришла — на тулупе лежала на снегу — он веселый на ней качался. а потом в него гребнем кинула и вдоль озера побежала — по разбухшей охотничьей лыжне. муж за голову схватился и умер. кто-то гребень у оняви заранее смертью набил. всё в лесу у озера капало — тюкало с деревьев — солнце текло сквозь ели — и пар — проталины были. не угнаться за оняви — пропала.

О П И

от деревни липша речка липша недалеко. на берегу ее — липшинская роща. туда и пришла опи — одна пришла. в этом году здесь не будет уже молений: последнее в октябре прошло — а сейчас ноябрь. полотенца от женщин мокнут на деревьях — березах и липах. которые пестрые — поновей. а которые черные — обветшавшие на ветру и сырости за много лет. длинные столы за которыми овец и гусей едят запи-
вают водой на меде — в спякотных листьях. палки-рогатки одиноко торчат из зем-

ли — на них перекладыны с крючьями. на крючья вешают тяжелые котлы — а самих котлов нету — карты с помощниками зимовать унесли в деревню. опи очень нужно было сюда прийти. ей пятнадцать лет. она осторожно ступает — всего боится. дождь накрапывает. небо как грязная подушка — всё вздулось — и так уже несколько дней: вот-вот разродится снегом — который больше не растает — а пролежит до весны. опи с деревьями рощи издалика здоровается. ищет где б руки помыть — но к реке из-за грязи не подойти — а в луже пожалуй не стоит. опи плюет на холодные ладошки — растирает — извиняется что заходит в мер-ото — липшинскую мировую рощу — с не очень-то чистыми руками. озираясь и вслушиваясь проходит к липе шочын-авы — одному из главных деревьев — а всего их здесь шесть: береза петро-ош-кугу-юмо — большого белого бога петра, липа мер-кугуче-юмо — большого общего солнечного бога, липа кюдырчан-юмо — громовика, липа тюнямбал-серлагыш — хранителя вселенной, береза шөр-шөрвал-ер-юмо — бога молочного-сливочного озера, и вот она шестая — липа шочын-авы — матери рождения. опи-опика запнулась о лестницу — лежащую на земле — по таким лестницам под конец молянов строгие помощники картов в белых и длинных одеждах влезают наверх и забрасывают на ветви женские полотенца и платки — связанные все вместе. от страха опи даже крикнула. а крикнув — испугалась еще больше — ведь все боги рощи на нее одну сейчас особенно близко смотрят — особенно пристально. к шочын-аве приходят женщины — и не только за помощью когда время наступит рожать — не только просить долгожданного зачатия — не только беречь детей — болеющих или идущих где-нибудь далеко на чужой дороге. женщины липши шочын-аву ведь обо всем просят — как добрую старшую сильную таинственную подругу. иной раз такое попросят — о чем стыдно и говорить — но нужно ведь! опи-опика на колени встала — достала кривую тонкую свечку — которую с собой принесла — замерзшими пальцами выпрямила — и перед липой зажгла поставив. ветер ее задул. опи вздрогнула. снова зажгла — и ладонями закрывает. снова погасла та. опи-опика упавшую кору нашла — и какие-то старые ветки — обувь сняла — и свечку со всех сторон закрыла. зажигает — еще и ладонями держит сверху. и шепчет скорее — пока горит: милая шочын-ава — ты мне помоги — родинки мои убери пожалуйста — ну что это такое я с ними? — хотя бы половину убери — хотя бы некоторые — хотя бы те что снизу. пять гусиных яиц достает из берестяного туеса — кладет перед шочын-авой — у обнаженных сырых корней: пожалуйста вот возьми — помоги — не сердись — до свидания. после чего опи-опика встает с колен — обувается — принесенные кору и ветки уносит обратно — аккуратно кладет туда же где взяла. выходит из рощи — по глиняной дороге скользит в деревню — слушает ветер и свои шаги. небо рвется — и сыпет снегом. опи-опика оборачивается — улыбается кланяется пустой темной роще — и говорит шочын-аве: спасибо за добрый знак.

о р а з в и

маленький глупый пензя спрашивает у оразви: шошо кунам толеш? — весна когда будет? пензя с матерью к родителям оразви в гости приехал из китнемучаша — родственники они. оразви отвечает: когда съешь червивое яблоко. пензя морщится — во двор идет — червивое яблоко приносит — вместе с огрызком ест. опять

спрашивает: шошо кунам толеш? — весна когда будет? когда меня поцелуешь. — говорит оразви. пензя радостно улыбается — к оразви прыгает на колени — целует в щеку. спрашивает не слезая с колен: шошо кунам толеш, оразви-кокай? (да она ему значит тетка). оразви говорит: когда змеей станешь — хорошенько поползаешь по мне. оразви ложится на пол — а пензя по ней ползает — то так то так проползет — извивается — дурацкую рожу корчит — оразви его щекотит — смеется: вот так змея! оразви спохватывается: ну давай последний раз спрашивай. пензя спрашивает с оразви не вставая — лежа на ней: шошо кунам толеш? оразви садится: когда станешь маленьким — моего молока поешь. прижимает пензю к себе как грудного — вытаскивает одну грудь: ну кушай ребеночек кушай — и плачь — ты ведь проголодался. и пензя которому десять лет начинает противно плакать — а оразви ему грудь в рот сует: поешь поешь. чмокает пензя — губами за грудь дергает — а оразви ее рукой потряхивает — и пензю к себе крепко жмет. пензе-то десять — а оразви восемнадцать. выдумщица она. теперь ее очередь водить. грудь прячет — спрашивает у пензи: кенгеж кунам лиеш? — когда будет лето? пензя отвечает: когда съешь червивое яблоко. иди принеси. — говорит оразви. пензя приносит. оразви осторожно надкусывает с двух сторон — откладывает: ну вот — говорит — съела. кенгеж кунам лиеш? — когда будет лето? когда стану маленьким — а ты моей мамой. — кричит пензя и лезет к оразви за грудью. что ж — его должна оразви слушаться — не то лета не будет ни у кого. другую грудь вынула — и пензе сосать дает. так долго они сидят. кенгеж кунам лиеш? — оразви должна еще хотя бы раз спросить. и пензя ей что-то тихо так отвечает — и в глаза заглядывает. и с хохотом оразви летит на спину — валится на пол — отпихивает пензю руками. нельзя нельзя! дурачок! — ногами стучит — на весь дом хохочет. — ты еще пензя маленький.

о р и к а

ужарсола — зеленая деревня. а усола — новая. одна напротив другой — через овраг с шиповниками и змеями. в овраге вувер живет — вроде черта — волосатый весь — как ушибленная собака тявкает. дети боятся — взрослые посмеиваются. орика как-то пьяная из усолы домой в ужарсолу со свадьбы шла — и в овраг скатилась. кое-как выбралась — отряхнулась — под ночь уже домой пришла. а муж-то орики в усоле остался — напился там еще крепче. утром орика злая на мужа — ушиблась в овраге-то. ругается про себя — вот скотина не проводил. вместе бы шли — не упала б. сходила позвала пеняслю — соседку. говорит: ты меня за ноги искусай — как тебя муж кусает — даже еще страшнее — своего испугать хочу. пеняслю посмеялась — поотнекивалась. орика штаны сняла — а пеняслю давай кусает — у самой совы почти. орика зеркало поднесла — смотрит. говорит: ладно — давай немного за грудь еще. сделано. спасибо пеняслю сказала — сметаны ей дала. овечьими ножницами у себя между ног неровный клочок отхватила — почти полсовы снесла. муж к обеду только явился — глаза красные. орика ему с порога кричит: ну что пьяница — все ходишь? — сунул ведь мне вувер — в другой раз не бросишь одну — сунул и еще как! ой мой беленький боже! лишь бы не забеременеть от такой скотины!.. а у мужа и так после свадьбы в голове красные пчелы роятся. какой — говорит — вувер? — да тот самый — из оврага. и сюда и сюда пихал. смотри вот — давай лечи.

и догола разделась. муж как увидел — заплакал даже. жену целовал — маслом мазал. потом ружье схватил и к оврагу понесся. и усольские видели и ужарсольские — как вокруг оврага прыгал и в кусты палил. плакал и страшно ругался. всю дробь истрелял — домой за новой бегал. пульей зарядил — дорого заряд стоит — спустился в шиповника цветущие кусты — и бабахнул. люди перепугались. бросились к орике: милая скорей беги — у мужа-то твоего в голове ночь настала. орика плачущего мужа домой увела — ружье себе на плечо повесила. дома рассказала все ему. пожалела — самогоном чуть-чуть напоила. сама нежно на него взобралась. эй пеняслу! — на другой день кричит муж орики через забор соседке. — давай совушку покажи — раз на мою жену глазела. та вилами грозит. долго-долго уламывал — может с месяц. проходу не давал. и не отстал ведь пока не показала.

о р м а р ч е

кышал-пайрем — праздник киселя — тоже у нас как поминки. наши яснурские девушки под самый уже ноябрь в откупленном доме соберутся — каждая со своим киселем. рано-рано уже придут. с утра белого киселя напьются — мертвым нальют — наливая всех поманут. а вечером веселятся. из ведра пиво цедают — парней в дом зовут. поют — и перед ними пляшут. парни заложив нога на ногу хлопают им и смеются до следующего утра. ормарче ходить на кышал-пайрем раньше всё родители не разрешали. но в этот раз ормарче вдруг так жалобно стала рыдать — что мать ее отпустила и кисель дала — саму себя видно вспомнила. самая младшая сидит среди девушек ормарче — пугливая самая. парни явились — гогочут. у каждого в руке по букетику кишкышинчи — змеиных глазков — луговых бледно-синих и фиолетовых фиалок. а из нагрудных карманов у каждого пучками выглядывает кишкыйылме — змеиные язычки — гусиный лук — по пучку у каждого. девушки немножко пьяные уже. парней усадили — поднесли кисель. парни киселя половину на пол плеснули — половину выпили. один из них — онисым — на шювыре заиграл. другие — захлопали. пошла пляска. никто не заметил особенно что парни со странными букетиками пришли. и мало того — с ними сидят — девушкам их не дарят. иногда кто-нибудь из парней к своему карману наклонится и гусяного лука куснет. и не морщится — жует так. плясали-плясали. плясали-плясали. потом ситяк — брат двоюродный ормарче — достает из кармана пиджака лошадиное копыто. и говорит: давайте в копыто играть. никто из девушек такой игры не знает. как это? — смеются. а так — отвечает ситяк — будем вам копыто кидать. а кто не поймает — рубаху и штаны долой — и пусть так пляшет. очень больно сделалось в животе у ормарче — очень тревожно на сердце. что это — думает — ситяк сегодня такой противный? а с девушками из яснурса что-то неясное творится. стыдливые вроде все — а ни одна не заругалась. только кивают, плечами трясут и хихикают — парням глазки строят — мол давайте кидайте. кинул ситяк неожиданно сильно в сторону красавицы покави. в плечо ей копыто стукнулось — и на пол упало. покави — невеста ситяка ведь. зачем же он так в нее? ну что покави — гогочет ситяк а с ним и другие парни — давай раздевайся. и луку опять откусили. а могли бы покави и не напоминать. не успели сказать — покави уж совсем раздетая. на пол одежду швырнула — украшения только оставила. онисым в волюнку дует — и пошла плясать. то себя за волосы дернет. то груди рука-

ми приподнимет — и потрясет. то вдруг наклонится перед каким-нибудь парнем — и задницу руками раздвинет. все-все смеются. ормарче до смерти испугалась. хочет из дома выйти. встала и к двери пошла. парни все разом к ней обернулись — лука погрызли — сказали злобно: ты куда это ормарче? — да я в туалет. — ормарче еле дышит. — не ври. — хором ответили — и не пустили ведь — посадили рядом с собой. ситяк у девушек спрашивает: ну кто теперь копыто ловить будет? наперебой закричали девушки — каждая шумит: я! я! — друг друга перекрикивают. ситяк кинул в уляшу — девушку самую толстую. а она его и не думала ловить. улыбнулась и принялась рубашку с себя снимать. ормарче все свои силы собрала-собрала — и погромче пукнула — сколько могла подольше. фу-фу. — закричали парни — зажали носы — и вытолкали ее взащей. и девушки на нее сердятся: ах ты говно! — кричат. ничего — следующей ты ловить будешь. — сказал ситяк — и ормарче вышла. на улице ночь. все в яснуре спят. холодно — и звезд не видно. ормарче побежала наощупь к дому — да пробежав метров сто вернулась — за девушек страшно стало. в окне керосин горит — ормарче осторожно в него заглянула. чуть не умерла: все девушки до единой по комнате голые скачут. онисым в пузырь дудит. парни хлопают. лук весь доели — и за фиалки принялись. прибежала домой — визжит: мама! папа! бабушка!.. о господи — земляные родители — (бабушка так сказала) — никак черти к вам на кисель пришли — покойники злые — с брошенного кладбища у среднего кугланура — или еще откуда-то. и побежали они — давай всех будить по дворам. к дому тому со всех сторон кинулись с фонарями. ормарче бежит — рядом с ней несется бледный ситяк с пешней — а впереди полуголый с ружьем онисым. подбежали — окружили дом — в дверь ворвались. а там все яснурские девушки такими же голыми пляшут. нету никаких парней. на скамье сам собой играет шювыр. а копыто вокруг девушек прыгает по полу и хихикает: пайрем дене! пайрем дене! с праздником! с праздником!

о р о п т и

комарами искусанная в белом платке оропти из леса шла. а навстречу ей овда. пашава кузя кая, оропти? — как дела? — спрашивает. оропти отвечает: сай! — хорошо! — дай пройти. овда-то — лесная жена — неряха — барсучат грудью кормит — из хвощей сети вьет — ядовитые корни ест — лучше бы с ней не связываться. тем более оропти сейчас сама молочная — сынок у нее меньше года. овда открыла рот и гнилые зубы пальцами трогает. качает качает коричневый верхний зуб — и из десны вынула — бросила в сторону — выплюнула густую кровь. оропти сморщилась — воздуха глотнула: овда — тебе чего? — дай пройти. овда ей говорит: подожди оропти — люблю я твоего мужа. можно мне с ним разок встретиться? овда овда — ты не с ума ли сошла? — оропти тревожно на овдины брови смотрит. а брови ее красивые как соболиный мех — хоть сама овда страшная очень. оропти милая — я к нему в твоём виде приду. будет в лесу охотиться — а я выйду. он полюбил меня один раз — а ты вечером подтверди что за ним в лес ходила. и больше уже не буду. ни разу не подойду. — овда на колени встала. оропти говорит: нет овда — у тебя же полный живот бурундучат, ужей и слепых нерожденных поползней. как он после тебя в меня лазить станет? ну подумай сама. прощай. овда тихо зашмыгала — сгорбилась и в лес пошла — как росамаха прихрамывала. оберну-

лась заплаканная — сказала оропти тихо: сама меня найдешь. — и в ельнике скрылась. оропти как домой пришла — покормила сына — сотню дел переделала — мужа ждет. скорее хочет вдвоем с ним остаться — чтобы в его поцелуях встряхнуться от слов овды. а когда наконец остались — и муж оропти бережно на пустых мешках в клетки разложил — и рукой у жены погладил — а она крепкие ноги свои раскрыла — изнутри ее выскочила мокрая авдотка — с желтыми глазами с большой головой — пискнула и убежала. плачет оропти — сама как авдотка бьется: испортила меня овда. и с тех пор так всегда у них было. как хочет своей оропти муж засунуть — так оттуда авдотка выскочит — птица быстрая — ночная бегунья. а потом пожалуйста — сколько хочешь суй. так они привыкнув и делали. но все равно извелась заболела оропти. разными голосами уже говорить стала. молока в груди нет. к себе мужа не подпускает. по дому ничего не делает. сама целыми днями с раздвинутыми ногами сидит и кричит дурно-дурно: ну-ка сразу все вылетайте! а нет ничего — только когда муж приблизится. а муж по лесу с утра до ночи овду ищет. как-то усталый-усталый пришел — больше чем прежде. в баню жену зовет: оропти — давай попробуем. ноги жене открыл — наклонился — нету авдотки. рукой потормошил себя — а то ведь и он стал некрепкий — и полюбил оропти — а она в это время молчала. через месяц оропти у леса повесилась — не смогла измену мужа пережить. как раз там где встретилась ей овда.

О С И К А

шоякпундыштунгвонго-влак и шояквыжвонго-влак — вот каких грибов набрала осика в осиннике. эти грибы не едят — ложные они. идет поет осика — несъедобных грибов тащит-тащит полную корзину. только ведь осика не дура — она просто грустная что-то. остановилась вот. опустилась на землю. обрывает невзначай траву явалай. целый букет надергала. сунула в чуман в грибы. платок на голову поправила. вышла на покрытую хвощами поляну. и шепотом кричит: канде шордо! канде шордо! — синий лось! синий лось! шергем шергем! — дорогой мой! за деревьями фыркнул кто-то. вышел лось — подошел к осике. только ведь он не синий — а совсем обычный — коричневый. и хвоя в шкуре. осика его по голове погладила. поцеловала в глаза. грибов дала. букетом явалай-метелок сначала лося по ушам погладила — потом положила на язык. лось заплакал. и осика заплакала. так стояли среди хвощей дотемна. смотрели друг на друга. любовались взглядами. а когда над поляной появилась тусклая шордо шудыр — звезда лося — полярная звезда — осика дернула лося за ухо вытерла слезы и пошла домой.

О С Ы Л А Й

волосы у осылай по-дурачки выются. пышные и густые — светлые — ну и дела. а голову вымоет — совсем как русского учителя дочка. а сама по-русски не говорит — только матерно. полная как просвирка в церкви. и такая же приплюснутая. зубы кривые — язык на короткой уздечке. но веселая — и друзей полно. глаза видят плохо — но шуряются и смеются. осылай немножко за двадцать. ее в мари-биляморе любят. а родители у нее — угрюмые и худые. этой зимой идет осылай по улице —

видно что торопится не просто так — по молодому делу — по глазам видно что кое-где горит — а на встречу ей вургемчийше с кладбища ведут. сорок дней как умер дед сомка — и вот теперь ведут с могилы его замену. вместо сомки-то дед пеппи — его друг и такой же пьяница. дед пеппи мертвого сомку будет замещать — будет сидеть с его родней и одежду его наденет — вургемчийше он. так всегда надо — будет дед пеппи сегодня за сомку есть и пить — будет в бане мыться — плясать будет — в сомкином доме на лавке хорошо поспит — а потом его будто мертвого сомку навсегда на кладбище отведут — совсем проводят — полные карманы еды и питья напивав — чтобы сам ел и хорошенько угостил всех мари-бияморских мертвых. подождет пеппи пока проводившая его сомкина родня с кладбища подальше уберется — и потихоньку домой пойдет. часть гостинцев по кладбищу разбрасывает-расплещет — а часть заберет себе. валит снег густой. пеппи еле-еле медленно идет — с трудом передвигает ноги — как деревянный — правильно — налегаясь ведь в тесной могиле. глаза щурит — от света отвык. не говорит — а скрипит и ухает. вургемчийше опытный — не в первый раз. а вокруг него толпа родственников сомкиных и разных односельчан. осылай ругнулась про себя — дала вургемчийше дорогу — и сама ко всем пристроилась — повернула в обратную сторону. нельзя встретив идущего домой мертвого на сороковой свой последний день просто взять и мимо пройти. никому нельзя. будет теперь осылай весь день весь вечер сидеть в доме у деда сомки и слушать что там наболтает дед пеппи. ладно. выпившего слегка пеппи-сомку с поклоном в дом завели — и за стол посадили. здравствуй отец. — говорит сомкина дочь марля. здравствуй муж мой сомка. — говорит унай — сомкина старуха. здравствуйте все. — скрипит пеппи. — медленно машет руками и как пугало кланяется. многие улыбаются — а осылай смеется. думает: ну дед сомка — насажаю тебе весной репьев на могилу. думает: ну дедушка пеппи — завтра сам на меня полезешь. и тут же спохватывается — морщится плюет — и смеется еще сильнее.

..

время уже полночь. осылай в уголочке сидит и спит — свистит носом. а чистый и пьяный — красный и сытый пеппи — с болью в спине от пляски — которого все окликают 'сомка — а сомка!' — рассказывает и рассказывает как живет на том свете — как там наши мари-бияморские — у кого болит ухо а у кого завелась беззубая любовница — кому курить нечего а кто делает морды и корзинки — сколько у каждого гусей и ульев.

о ц к а н я ш

ава лудо — утка жена — и узо лудо — селезень —
проплывают мимо купающейся оцканяш и шепчутся:

— тугай	сõрале	— такая	красивая
оцканяш	— тугай	оцканяш	— такая
ш õ р т н я л г е.		з о л о т и с т а я.	
— туге	туге пеш	— да да очень красивая	—
мотор	— пешак леве.	очень	теплая.

— леве огыл — а	— горячая — а не
ш о к ш о.	т е п л а я.
— в о л г ы д о.	— с в е т л а я.
— н ы ж ы л г е.	— н е ж н а я.
— к а в а г а й.	— к а к н е б о.

оцканяш всех стесняется — кроме уток. идет к ним по мелкой воде — показывает себя. высокая она. выше всех в лудосоле. две взрослые утки — у оцканяш груди. нету таких у других лудосольских жен — в утиной деревне. оцканяш уткам поет: вучи-вучи-вучи. смеется им: лудо-лудо-лудо. лудо ее и саму муж зовет. мыйын лудем, мыйын оцканяшем. оцканяш оцканяш моя утка.

о ч и н а

на беду называли родители у очины старшую сестру пайрамсуло — празднично-красивая значит. хотели чтобы и жизнь ее такой же была — а все по-другому вышло. упала в детстве пайрамсуло — лицо испортила. летом как-то на поле во время сильного ветра ее ончыкпуй напугал — 'зубы спереди' — то есть обычный заяц. мы не знаем уж как это получилось. пайрамсуло маленькая одна играла пока взрослые работали — вдруг страшно крикнула — все к ней — а она лежит с дикими глазами — а от нее по полю заяц скачет. заикаться сильно стала. почти перестала говорить. а еще через пару лет неизвестно от чего оглохла. когда нарашта ўдыр — невинная девушка была — очень сильно любила одного тут — а он над ней смеялся. пайрамсуло тогда его вожжой хлестнула. а он ее этой вожжой связал — штаны с нее снял — на сову пайрамсуло кусок навоза положил и так бросил. и стала пайрамсуло пропадать в лесу — с ружьем с топором — а зимой и на лыжах. отец не пускал ее поначалу. гладил ее по щекам — говорил: ты же зверя не услышишь. но пайрамсуло принесла большую гвоздь и с силой ткнула себя в руку — сказала что иначе не станет жить. ей тогда было девятнадцать лет. до двадцати одного года по лесу ходила — охотницей стала. сама научилась всему. лес помогал ей что ли? бывало по снегу за лосем идет от деревни за много километров. понимает что не дотащит если выстрелит. так она тогда его ранит и раненого на деревню гонит всю ночь. утром домой явится. прохрипит отцу что у деревни убитый лось лежит — и сама на пол свалится и весь день спит. мать с сестрой ее спящую разденут. а в двадцать один год пайрамсуло саму медведь ранил — как-то к ней подошел. из леса ее принесли уже мертвую. и тоже в невестинном наряде в середине холодной зимы хоронили разорванную пайрамсуло. у нас по мертвым не плачут — а тут все плакали. младшая очина тогда к свадьбе готовилась. сейчас-то само собой не до свадьбы. но на другой день после похорон сестры очина родителям и жениху памару сказала что свадьбы не будет совсем — пока она того маску (медведя) не убьет — а курык-кугуза — горного дядю — за пайрамсуло по башке не треснет. курык-кугуза — он на горе живет километров за тридцать от нашей деревни. он жизни вьет как пояска для всех кто вокруг его горы поселился. когда еще при жизни пайрамсуло на нее несчастья сыпались — ему не одну жертву на гору таскали — а вот лучше не стало ничего. отец как услышал — давай очину по щекам бить

и плакать. мать на отце повисла. папар тут же был — тоже будущему тестю двинул. очина кричит как безумная — головой о стену бьется. в это время вдруг с улицы стук. потом дверь открылась. стоят на пороге медведь и курык-кугуза. курык-кугуза в заячьем тулупе и хмурый. у медведя в когтях волос и одежды ключья. оба в снегу. это мой сын. — показывает курык-кугуза на медведя. — здравствуйте. — говорит родителям. — а заяц который пайрамсуло тогда напугал — это мой младший сын — а теперь ее муж — сейчас они будут оба. опять кто-то топчется на крыльце. опять отворилась дверь. стоит живая красивая пайрамсуло — на руках зайца держит. эти дела вас не касаются. — говорит курык-кугуза мрачно. — ты очина давай замуж выходи — не дури не ищи нас. прощайте. — четверо из дома вышли — четверо остались в доме. так и должно было быть. только очина за ними кинулась. родители с папаром не успели ее поймать. когда выбежали — увидели только на снегу следы — троих людей и медведя. следы по полю шли-шли — а потом кончились — нигде никого нету.

о ч ы к а й

село юльял на реке ярань известно своими невестами. юльяльские — говорят — с семи лет замуж хотят и по улицам голыми ходят — пока женами не станут. вот и очыкай тоже оттуда взяла — в тихую яраньмучаш. сваты с будущим мужем когда по юльялу проехали — посмотрели на веселых девушек которые голышом по деревне туда-сюда снуют — в родительских огородах работают — таскают воду — так и сразу выбрали очыкай: она с тремя подругами у дома сидела и пальцами себе между ног расчесывала — стеблем мягкой хлопущи-лочыкшудо играла еще там с собой. две подруги очыкай были замужем — стало быть в одежде. а третья — такая же невеста как она. муж-то будущий улыбнулся ей — за руку взял и повел в дом к родителям. мать с отцом очыкай обрадовались — дали дочери сундук одежды и постель — расцеловали зятя — проводили до телеги молодых — помахали им — а они поехали. мать с отцом от ворот глядят как сваты лошадью правят — а жених с очыкай за спинами у них суются — из деревни не выехали еще. медленно-медленно в гору телега ползет по летней юльяльской улице — объезжает большие лужи. а через четыре дня с подарками снедью и кое-какой скотиной приехали родители невесты на свадьбу в яраньмучаш. нравится яраньмучаш очыкай — и муж нравится — и родители сердечные у мужа. она ведь сама сердечная. хорошая была невеста — хорошая теперь жена. две девочки у очыкай скоро родились. а когда им семь лет стало — сказали родителям что очень замуж хотят. улыбаются очыкай с мужем — сидят обнявшись. хотите хотите. — говорят дочерям. — только голыми по деревне не шляйтесь — это вам не юльял.

о ш а л г е

прадед ошалге кирсан сидит за домом — на сломанных старых санях — смотрит в начисто стертую монету — на колено ее положив. ошалге опустилась рядом на корточки — испуганно дышит. кирсан губы сжал — почти не моргает. если слепень сядет ему на лицо — ошалге прогонит. может полчаса так сидят — может час. жаркий

полдень — птицы трещат. ошалге шестнадцать лет — кирсану под девяносто. на лице у кирсана пот. если пот в глаза потечет — ошалге вытрет. лежала-лежала монета — потом вдруг как задрожит — и улетела далеко в сторону — высоко в небо. ты все запомнила? — спрашивает кирсан. — ну беги. ошалге сломя голову со всех ног мчаться — туда куда как ей кажется упала монета та. за огороды бежит — за речку — через мостки скачет. прибежала в заросли бузины. наклонилась и в них полезла. в бузине парнишка один наш — лумшай — сидит и тужится. прямо нос к носу выскочила к нему ошалге. ах ты засранец. — говорит ему. — где монета? не знаю. — отвечает лумшай — спокойно — не надевая штанов. — мне сейчас только что что-то по затылку стукнуло и вон туда отскочило — не она ли? метнулась в сторону ошалге — монету ищет — и нашла — и сидит в бузине и плачет. лумшай к этому времени штаны надел — подошел к ней. ну ты чего? — говорит. ошалге его толкает. дед кирсан говорил что под монетой мое счастье будет. а под ней ничего нет. ты что ли дурак мое счастье? — зареванная убежала. осенью свадьбу справили. ошалге тогда уже беременная была. плакала от счастья. никто ей не нужен был кроме ее лумшай.

о ш а л ч е

ошалче-невесту из пессемери в пинженерь везли. ушалче-невесту из пинженери в пессемерь. у горки между деревнями две свадьбы на дороге столкнулись. не пропускает одна другую. поезжане ругались ругались — да и передрались. женихи от невест спрыгнули и тоже дерутся. все в пыли и в крови. брань стоит — облаков не видно. кони ржут — все вокруг друг другу нарядные рубахи рвут и насмерть кнутами хлещутся. кто-то уже упал и встать не может — кто-то на коленях ползает по земле и за лицо держится. убиваются в общем. ошалче и ушалче сначала мужчин перестать просили. за руки хватили женихов. кричали. умоляли слезами и криком. а потом видят что никому не нужны. и женихам не нужны. и вообще здесь лишние. встали и пошли на горку и стали там танцевать. сами себе поют — сами танцуют — в свадебных красивых одеждах. и сами невесты красивые — маленькие — рыженькие — дорогие. и целуются иногда в губы. и не плачут — и о женихах не думают — им такие мужья тоже зачем? обе свадьбы помалу перестали драться — и за невестами танцевать пошли. и убитые и искалеченные встали — тоже танцуют — ожили совсем. танцевали танцевали — потом спустились к подводам — пожелали друг другу счастья и разъехались. эту историю здесь все знают. и гору эту. она теперь называется ўдыркуштымокурык — гора двух пляшущих девиц.

о ш а л я к

очень ошаляк хорошо поет — на весь шурабаш слышно. кроме наших марийских песен — татарские и русские знает. и пригласили ее на конкурс в морки — выступать в клубе. ошаляк в морки съездила — приехала счастливая. сказала дома что были важные люди — хорошие — ее хвалили — и пригласили учиться в краснококашайск. они говорят что в казани и в москве петь буду. — смеялась ошаляк. это ведь для всего шурабаша праздник — все с ошаляк ласково здороваются — а родители ее собирают в город. а саму ошаляк один локтызо любил — а локтызо это который лю-

дей портит. ошалая уехала в морки — а оттуда в город. а локтызо на кладбище пошел и поднял покойника. нехороший был этот мертвый. локтызо его по следу ошалая пустил — умел как-то. в краснококшайске ошалая в общежитии жила. марийский композитор один в нее влюбился. ошалая днем под его музыку под рояль поет — а вечером под ним стонет. радуется очень. замуж готовится. завивает волосы. мертвый обочинами долго в краснококшайск шел — дошел ведь. но в самом городе первым милиционером же был остановлен. слава богу милиционер оказался мари — сам из семьи куярского сильного мужана — сразу понял с кем имеет дело — развернул покойника. когда через месяц родители ошалая приехали в город на свадьбу — новости шурабашские привезли — ошалая услышала между прочим что локтызо тот умер — вниз головой по пояс воткнутом в землю недалеко от кладбища нашли. но она ведь ничего не знала — не ждала беды. поэтому на известие то кивнула — и сразу забыла. ей ведь было о чем говорить — о чем думать. мало того что жена — горожанка — артистка — еще и новая радость: перед самой их свадьбой краснококшайск стал называться по-марийски йошкар-олой.

о ш а н я й

через пумарь из уржума или в уржум когда еду — только об ошаняй и думаю. она лет семь уже в сернуре замужем. а я в уржуме десять лет живу. а пумарь — это наша родина. как раз между сернуром и уржумом. хорошо хоть не на самом тракте. с главной дороги перелесок только вдаль виден. за ним пумарь. разное-разное у нас с ошаняй в пумари было — столько ласкового всего. не женились — разъехались — бог с ним. но теперь одно только в голову лезет — единственное про пумарь — это то что на известняк ее первый раз положил — на голый камень. нетрезвый неловкий был — боялся в темноте убиться — осень такая хмурая была — ни луны ни звезд. все куда-то вел ее вел за ладошку. потом всё уже — ноги землю перестали узнавать. а вокруг вроде глиняных круч и канав полно. пришли ошаняй. — сказал ей — и опустил на землю. ничего под нее даже не подложил — кофту с себя не снял. не сразу и заметил что в кровь изодрал свои коленки — что на корявых известняках лежим — покрытых битой крошкой. а ошаняй легонькая как травянка-гвоздика — худая — обнимает меня за голову и спину. и ничего — молчит. встали — домой пошли. целовались еще дорогой. утром я это место нашел — сел и заплакал. гладил одной рукой известняк — другой рукой себя по лбу бил. с этого дня началась наша с ошаняй настоящая любовь. глубокая как глаза. ошаняй не жаловалась на обиженную спину — а колени мои вот жалела потом. но я не могу. не могу. я от жалости не дышу — ничего не слышу. я в пумарь редко езжу. мне пумарьские рощи не нужны. полотенца с пумарьских деревьев пусть скорее на землю свалются. лучшее что есть у меня в жизни — эти серые камни ошаняй. ошаняй прости меня.

о ш а н я к

короткая нужна впадает в длинную рутку — петляющую сквозь заболоченный лес. в деревне нужна почти не осталось жителей. нет никого и вокруг. здесь у ошаняк умерла тетя. ошаняк с матерью приехали из килемар — из большого поселка. еха-

ли на лошади и на лодках. хорошо что поздняя уже была весна — дороги высохли — реки растаяли — наполнились большой водой. плыли медленно через лес — весь как обвешанный погребушками — столько разного шума. ошаняк было четырнадцать лет когда тетю последний раз видела. сейчас ей тридцать. помнит тетя веселая была — ежа с белкой ела — говорила разное про мужа и детей — и ошаняк подмигивала. мать краснела — сестру ругала — и выпроваживала ошаняк куда-нибудь. но был у ошаняк с тетей от матери один секрет. тетин муж в лесу ходил — ошаняк как раз в нуже у них гостила. не последняя это их встреча еще была. тетя маленькая очень ростом — ошаняк уже выше ее на полголовы. дома сидели — ели рыбу. сильный дождь шел. ну что ты плоская какая ошаняк? — сокрушалась тетя. — когда из тебя все полезет? давай-ка раздевайся — я твою красоту двину — все с себя снимай. разделась ошаняк — и тетя догола разделась. принесла полотенце — сказала весело: вот с мужем им всегда вытираемся — у меня хороший муж. и всю себя полотенцем обтерла — с головы до ног — везде-везде провела — даже на пол легла чтоб удобнее было. а потом и ошаняк точно так же тем же полотенцем. там где груди должны быть у ошаняк — где желтые волосы — и бедра птички — и живот — докрасна до боли натерла. ошаняк чуть не расплакалась тогда. матери не говори. — улыбнулась тетя. — теперь не долго ждать..

о ш в и к а

беременная кутанная ошвика на своем дворе собирает маленькую травку мерангпылыш — заячью кислицу. она и не кислая уже — так себе остатки. какая тут кислица когда снег идет? — что-то он рано в этом году посыпался. наклоняется низко — с трудом — пальцы красные и ледяные. ошвику муж не любит. смотрит на нее в окно — и в дом не зовет. а ей бы самой сейчас где угодно быть — только не дома. не нужна ей кислица — а рвет. вместе со снегом в рот заталкивает. никто не видит их — и не увидит — кому чего надо на чужом дворе? вот-вот и зима начнется. только два суксо за ними следят. суксо — это кто-то навроде ангела. нарынче суксо и олача-вулача суксо — желтый ангел и пестрый. следят-следят — а сделать ничего не могут. глаза у них то голубые то синие. и лица сморщились потемнели — как прошлогодние картофелины.

о ш п а л ч е

во время зимних гуляний-радостей — во время шорык-йола — когда из дома в дом веселые пьяные переодетые ходили — ошпалче из нур-кугунура ничего не сказав родителям поехала в больницу в параньгу. где болит? — спросил доктор. ошпалче так смутилась — в сторону смотрит и как густера молчит. доктор поднял глаза на сестру. кушто коршта? — спросила она по-марийски. ошпалче сидит на стуле красная-красная — светлые волосы аккуратно на голове лежат — и веснушки и родинки покраснели — очень жалко ее. ўдырем, кушто коршта? — где болит девочка? — спрашивают ее снова. ничего от нее не добились. доктор хотел ошпалче послушать — а она от него отпрыгнула. ну иди красавица домой. — сказали ей в конце концов. — завтра приходи — только уже не бойся.

ошпалче вышла. ну и народ у вас. — сказал доктор и у сестры спрашивает. — она хоть откуда? сестра посмотрела в карточку: из нур-кугунура. — это где? — от параньги не очень далеко. — ну и народ у вас. вечером ошпалче вернулась домой. со стороны леса филин ухал. замерз наверно. — думала ошпалче. больше она не ездила в параньгу. через два года ее туда молодой муж привез — первого ребенка рожать. она сама его об этом попросила. а то ведь чаще дома рожают. тот самый доктор роды принимал. говорил на марийском очень хорошо. все слава богу благополучно было — родилась девчонка. перед выпиской только доктор ошпалче вспомнил. зашел к ней и говорит: ну ты зачем тогда приходила? я себя очень долго ругал что тебя отпустил. съездить потом хотел к тебе — да не съездил. придумывал даже чтоб веселее было — а может она влюблена в меня? очень я рад что ты живая-здоровая. говори давай. а если не скажешь — я тебя домой не выпущу. мужу скажу чтобы через месяц за вами приходил. — улыбается — сам и не русский — и не татарин — и не удмурт — непонятно кто. ошпалче как тогда покраснела: я в шорык-йол из ночного оврага скрип телеги слышала — и хруст лубяной — страшные голоса кричали: иди к доктору — а то умрешь. иди к доктору — а то умрешь. вот я и сходила. я тогда еще думала — наверное парни дурачатся — такой праздник ведь — да кто знает? ошпалче засмеялась. шмыгнула носом. кроватью скрипнула. выглядывает — в больничном большом халате. жаль что я к тебе не поехал — может это я бы на тебе женился. — сказал доктор — ошпалче за локоть щипнул — нахмурился и вышел.

о ш т ы л е ч

про илетьскую оштылеч что сказать? что грибы собирать не умеет скромно. девушки из илети и молодые жены молча кривых толстяков из земли тянут — поправляют волосы — комаров бьют. а оштылеч над каждым грибом смеется — и долго его в руках вертит прежде чем в короб кладет. только белые все грибы — на другие никто не смотрит. после оштылеч из своих грибов самый толстый гриб выберет — от земли и палочек отряхнет — перевернет вниз шляпкой. вот такого мне мужа надо. — скажет подругам. — и поцелует гриб.

о ш ъ д ы р

ошўдыр ведь — белая девушка. белых женских имен у нас очень много. а уж ошўдыр есть в каждом доме почти. малую тюнтерь хоть бы взять. там если погромче ошўдыр крикнуть — со всех концов женщины сбегутся — всполошатся все. хорошо что у луговых мари нет большой воды — чаще всё узкие полевые и лесные речки. вот и в малой тюнтери одна мелкая шука — через нее разбежавшись можно и перепрыгнуть кое-где. в этой воде не укрыться белым девушкам — даже если присесть. и торчат они когда тепло из таких рек — вокруг наших деревень — везде-везде — и всем всё видно. одну голую ошўдыр засосало в розовой глине — вылезала на берег не там — завизжала закачалась и грохнулась — на руки упала и завязла по локти. другая голая ошўдыр пошлепала ее спасть — тоже села. руками-ногами чавкают размахивают и смеются. пятятся к воде.

а третья ошўдыр боится к ним подойти. по колени в воде стоит и тоже хохочет. а тут нечаянно мы. три голые белые девушки из малой тюнтери в жидкой глине копаются — и в воду не могут сесть — кричат нам грозят нам — уйдите! — а мы и не думаем — стоим и смотрим — вытаскивать их не спешим.

шортына	шортына	плачем	плачем		
а	мо	верч?	а	зачем?	
ойгырена	ойгырена	печалимся	печалимся		
а	кўлеш	мо?	а	надо	ли?

шўшкаш	кўлеш	да	яй	свистеть	надо	бы	эй
шупшалаш	кўлеш	да	яй	целовать	надо	бы	эй

к	а	с	в	ы	ч	ы	р	а	н	г	г	е	летучая	мышь	
в	о	д	ы	в	ы	ч	ы	р	а	н	г	г	е	летучая	мышь
тыят	ит	урмыж	ты	тоже	не	реви									

мемнан	ден	пырля	вместе	с	нами
--------	-----	-------	--------	---	------

пырля	пырля	вместе	вместе
пырля	пырля	вместе	вместе

эк	покшелварня!	эх	средний	палец!
----	--------------	----	---------	--------

валентин кислицын

календарь

верхний услон
2013

верить календарю
так хорошо так мило.
вера календарю
утешит, подарит силы.
лето стекает с глаз.
безжалостны чаячьи хоры.
но есть календарь у нас —
ненаглядная точка упора.

*

в урнах после дождя
плещутся океаны.
дети календаря —
мы легки как панамы.
с пляжа посмотримся вдаль.
даль как всегда красива.
но есть у нас календарь.
мы верим в него. спасибо!

*

в нем говорится что
сегодня шестое мая.
это собственно всё
что знаешь ты и я знаю.
и сегодня георгиев день.
и зелень его молочна.
а через двадцать пять дней
лето наступит точно.

*

первого сентября
начинается осень.
это же просто ура.
это красивее сосен!
так поднимается вверх
радости шар надежный:
верить календарю
так — наконец! — несложно.

*

первого декабря мы
ногу не сунем в тапку.
мы отправимся в лес
и лесу подарим шапку.
прихлебываем — не пьем!
заедаем снежинкой.
а дома мы — с календарем.
как с новой швейной машинкой.

*

потому что пришла зима
и мы знаем об этом, к счастью.
и что двенадцатого января
день рождения насти.
вернемся с балкона в дом
и календарь поправим.
мы помним об этом но
ее саму не поздравим.

*

февральские дни нежны.
и — свернута зимняя карта.
первый месяц весны
откроется первого марта.
третьего марта в шапшах
на пригорке поют и пляшут —
праздник карга боткасы
или воронья каша.

*

как тепло нам с календарем
на улице рихарда зорге.
календарь календарь! под окном
проходит святой георгий?
выключен телефон.
тополь стену щекочет.
я верю тебе — а он
пусть идет куда хочет.

*

и когда нам нужна вода
и когда нам друг нужен мудрый
и когда нам нужна еда
и пролеты над тундрой
и когда нам нужен фонарь
и нужно вылечить спину —
мы целуем тебя, календарь.
в самую середину.

три пьесы для
риты и клоуна

казань
1920

с в а т о в с т в о
в нижней молдове

ночная пьеса

е н о т и к и

их смотрят сидя
на стульях:

валентин виковрович

анна виковровна

анна валентиновна

сватовство в нижней молдове

— пэклуца! — ты слышишь меня,
пэклуца? это я — илие мыдрану.
— ты один?
— да я один.
— ты жив?
— нет я мертв.
— черт — почему так мало живых
ко мне заходит? входи.

мыдрану вошел — был синий — в
грязной шапке-кушме —
глаза серые.

пэклуца: где это тебя
у х л о п а л и?

мыдрану: вчера в роще —
приехали трое на лошадях — я
даже охнуть не успел как
прострелили. да не велика
разница — в румынии все живут.

пэклуца: да это так. был ты белый
и целый — теперь синий и дыря-
вый. румыния всех приютит.

мыдрану: пэклуца — по-моему
это ты в меня пальнул.

пэклуца: ну я — а что?

мыдрану: да нет — ничего. я о
другом говорить пришел. выдай
дочку за меня — пэклуца!
поговори с ней — сделай милость.
мать моя вот посмотри чего —
целую корзину для нее напекла.
она сладкое любит — сама
говорила. поговори с ней —
пэклуца. кланяюсь тебе
п о - с о с е д с к и.

ночная пьеса

— дождь-то какой.
скажи вальска что
у тебя с волосами?

— если я начну петь,
лестницы станут скрипеть.

— во дворах сейчас наверно
н е о б ы ч н о.
— н е о б ы к н о в е н н о?
— окно выходит на стену.

кирпичики все как один —
уставились. говорят — на чердаке
хозяйка потеряла свою прялку.

— то есть как?

— буквально — когда-то оставила
а недавно хотела спустить
вниз, а в темноте
шарила шарил а — нету.

правда сыро?
— п р а в д а.

— это ты там хрустишь?
— я.

— а чем?
— с а х а р о м.

если я стану петь,
лестницы начнут скрипеть.

— с я д ь - к а.
— з а ч е м?
— с я д ь с я д ь.

— бедные послушницы. их небось
опять водой заливают.

— глупости — монастырь выше нас. это мы утром не выйдем. до четвертой ступеньки будет плескаться — увидишь. нижние ступени оттого и гнилые вечно. может споешь про сырое белье, про железные шары на моей кровати?

— если я стану петь, лестницы начнут скрипеть.

— а если я стану петь, деревья начнут глядеть начнут цветок хватать с подоконника.

— стекло же есть.
— а что стекло?
стекло прозрачное.

— сейчас надо быть на улице и целоваться.

— а деревья а лестница а сахар а прялка?

— если я стану петь, мне уже не одолеть — кирпичики все как один, оставленные лопаты, арка низенькая — проход, не арка — тяжелая тяжелая — как пройти? ночью как пройти?

деревья начнут глядеть, тянуться к заморышу на подоконнике, мы его в обиду не дадим уличным деревьям.

прялка начнет скрипеть, лестницы будут гудеть, послушницы за углом — охать. будем блестящие шары по полу катать, свинтим их — кровать пока без шаров постоит.

знаешь что будет когда
случится неоправимое?

— . . .

будут заглядывать в окна.

— а сахар а подстаканники?

— это не лестницы станут
скрипеть — это мы утром будем
сипеть — охрипнем за ночь.

правда сыро?

— п р а в д а.

— послушай — волосы —
что с ними?

этой ночью в казань вошли
белочехи. прошаркали
за площадью.

е н о т и к и

умоляю вас
п о ж а л у й с т а
позовите енотиков.

..

— слушаем вас.

— е н о т и к и!..

— вам нехорошо? присядьте.

— мне хорошо, все в порядке,
спасибо носатенькие,

щекастенькие, ироды.

— мы добрые.

— знаю знаю миленькие — знаю

знаю причитаю паучка

жду — поджидаю.

— паучок ушел уже.

— а я что же? не дождался?

— мы вас не укусим.

— да?

— мы нахохлились.
— и р о д ы.

..

— хомяка зовите, вражды дети.
— хомяка мы не пустим.
— кабана зовите.
— кабана мы укусим.
— овцу зовите.
— овца маму хоронит.
— гада зовите.
— гад живот отморозил — стонет.

..

енотики — вы же нежные.
енотики — вы снежные.
енотики — отдайте пожалуйста
то что вы под коврик затолкали!

..

холодно. не стучитесь к нам
больше — мы к вам не выйдем.

..

енотики лапками сцепились,
пошли на другую улицу — пошире
— на которой остановка. и снежок
пошел с ними одновременно. вон
они в шапочках — переминаются
— а я у дома им вслед смотрю.

е н о т и к и

енотики пришли.

..

— мы к вам.
— слушаю вас.
— мы енотики.
— вам нехорошо? присядьте.

— нам хорошо, все в порядке,
спасибо, мы носатенькие, мы
щекастенькие, мы ироды.
— я добрый.
— знаем знаем миленький — знаем
знаем причитаем паучка
ждем-поджидаем. помогите
пожалуйста паучка сыскать.
— паучок ушел уже.
— а мы что же? не дождался?
— паучок вас укусит.
— не укусит.
— вы нахохлились.
— мы ироды.

..

— если нету паучка — позовите
х о м я ч к а.
— хомячок потерялся.
— кабана-головуна позовите
п о ж а л у й с т а.
— кабан засмеялся.
— овечку самую красивую
— мокроносу — позовите
п о ж а л у й с т а.
— овечка спит.
— гадика — змеюшку позовите — а.
— у гадика холодный живот болит.

..

мы к вам пришли — вы же
нежный. мы енотики — а вы-то
большой и снежный. отдайте
пожалуйста то что вы под
коврик затолкали.

..

холодно. не стучитесь ко мне
больше — не пушу я вас.

..

енотики лапками сцепились,
пошли на другую улицу — пошире
— на которой остановка. и снежок
пошел с ними одновременно. вон
они в шапочках — переминаются
— а я из дома им вслед смотрю.

е н о т и к и

восходя на крышу я стучу
ногами — стряхиваю снег с
ботинок. енотики на меня в
четыре глаза глядели. этой зиме
они дорогие хозяева. их следы
на снегу. уследили город.

в мутном холоде — когда
хрустят невидимыми лопатами,
палочками, кисточками — в
мутном холоде поднимаю
голову, встаю на цыпочки:
доброе утро — енотики.

сборник пролетарской поэзии

сарапул
1924

1.

старая россия
развалилась пополам
новую россию
мы не отдадим врагам
мы-то знаем правду
как жилось при царях
а теперь советы
прискакали на конях
привезли советы
власть советскую с собой
ангелов прогнали
протрубили им отбой
сами мы с усами
и на правильном пути
будем всех буржуев
через задницы ети.

2.

догорает моя папираса
и твоя догорает
ничего, дорогой товарищ,
твоя катя не знает
катя дома волосы чешет
на кровати
дорогого желанного мужа
нет при кате

оттого что юденич-курва
н а с т у п а е т
оттого что красные части
о т с т у п а ю т
оттого-то и бьется, катя,
муж твой паша
оттого что в горячем кольце
революция наша
понимаешь сестренка надо
все нам драться
чтоб и вы смогли поскорее
к нам прижаться
вот когда всем проклятым гадам
насмерть врежем
мы вернемся домой и вкусный
хлеб порежем
догорает моя папироса
и твоя догорает
ну пора, дорогой товарищ,
н а с т у п а ю т

3.

я видел такую картину:
было утро хмуρο
беременную еврейку
убил петлюра
и ничего что сам он
сейчас в киеве
все это здесь творится
по его воле
кого же она ожидала
дочь или сына
и не позвать к бедняжке
даже раввина
потому что раввин кудрявый
арон герзон
петлюровцами лихими
тоже зарезан
вздрагни красноармеец
при этой картине
и утопи петлюру
как вошь в керосине

4.

песня замученной девушки

офицер — ты меня пытая
на мою же заришься грудь
пока ты меня вел в контрразведку
восемь раз успел ущипнуть.

ты учился в университете
ты зовешься военный врач
но в народе тебя называют
белый палач

ты нанюхался кокаину
ах ты скот
что ты сделал со мной
ведь шел мне
девятнадцатый год

ты велел казакам меня мучить
сам же сел за рояль
ты жалел что оглох бетховен
а меня тебе было не жаль

а когда военную тайну
я не стала тебе выдавать
ты меня застрелил как собаку
и отправился спать

5.

красная армия всех сильнее
красная армия сволочь бей
красная армия песню пой
красным флагом маши
и звездой!

богачи угнетали людей
из-за них не ешь и не пей
а попы говорили: да
бог придумал так навсегда

это как же нам понимать?
людям тоже охота жрать
а не превращаясь в свиней
избивать жену и детей

6.

вилочный мятеж 1920 года

ой в мензелинском уезде
случился грех
крестьяне новой елани убили
тридцать пять человек

крестьяне подняли на вилы
весь продотряд
тридцать пять преданных
революции ребят

есть в троицкой волости
деревня новая елань
крестьяне ее поступили
как последняя дрянь

их кулаки науськали
на продотряд
4 февраля не стало
наших ребят

из мензелинска приехал
товарищ головин
но и у него с продотрядом
конец стал один

а после того как убили
председателя мензелинской чк
они еще и убили
начальника милиции заинска

как грустно становится жить
на охваченной ветром земле
но надо победить в борьбе за хлеб
и в другой борьбе

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС РЕСПУБЛИКИ

надо скорее запас отобрать
чтобы враги не могли пировать
тратить на блядь народные деньги
и оружие закупать

8.

мулланур вахитов

белые сказали муллануру:
выходи советский комиссар
на него направили три черных дула
да свели в тюремный каземат

на заре у белых стен кремлевских
рано утром жизнь оборвалась
расстреляли расстреляли мулланура –
главного большевика татар

расстреляли шейнкмана, гассара,
комлева и многих остальных
а потом казань освободили
и перестреляли их самих

много барж враги потопили
много барж не успели поймать
а которых освободили –
будут баржу всю жизнь вспоминать

10.

командир бронепоезда №3
'власть советам'

мокиевская люда — ей 22
защищает красные города

вверен ей бронепоезд
люда дерется на совесть

под царицыном и на дону
бронепоезд люды в бою

но вот голова непокрыта —
люда в бою убита

11.

вотская автономия

дали автономию удмуртам
чтобы возродить народный быт
нету притеснителей народа
запрещающих удмуртам быть

дали автономию чувашам
и пермякам и татарам и мари
автономия есть каждому народу
и они горят как фонари

12.

освобождение ижевска

это было так:
мы врага разбили.
с вятских полян до агрыза
первый бросок совершили

это было так:
волжская флотилия
с камы колотила
заняли сарапул
заняли агрыз

разбивая белых вдрызг

это было так:
подошли к ижевску
твою мать!
нас белогвардейцы
вздумали пугать —
подняли знамена
в барабаны бьют
но не нападают
а ждут когда же
красные побегут

это было так:
зря мечтали
зря психической атакой
нас пугали
их же жопы засверкали
мы вошли в ижевск

это было так:
а потом и в воткинск
и сомкнулось кольцо
лишь немногим удалось
вырваться на каму

это было так

13.

л а т ы ш и

пришли латыши в революцию
и в ней остались навек
латыш — особенно преданный
революции человек

ведь их обижали бароны
и прочие богачи
теперь вот на всех
красных фронтах
воюют латыши

товарищи петерс и думинь
и заринь и азин-латыш

и вацетис и калниньш
и братья межлауки

и лацис и янель и крустынь
и апынь — да всех не счесть!

они и в чк
и в рвср
везде
латыши
есть!

14.

китайские интернационалисты

са фуян и шен ченхо —
красные китайцы!
белые от них бегут
как лесные зайцы

пау тисан и жен фучен
здорово воюют
скачут скачут на конях —
все враги горюют

син диу и ку мачен
это партизаны
на амуре интервентам
наносили раны

молодцы, товарищи,
китайские товарищи!

15.

волжская военная флотилия

волжская военная флотилия —
как нельзя придумана верней
состоит из канонерских лодок
пароходов и плавбатарей

есть дивизион из самолетов
значит его летчики не спят
с кораблей флотилии на берег
можно высадить большой десант

кто не знает 'вани-коммуниста'
или 'добровольца-волгаря'?
эти наши чудо-канонерки
устрашали залпами врага

города по вятке и по волге
и по каме и на белой на реке
при участии волжской флотилии
были взяты все

а в т о р ы:

бойцы 2-й дивизии азина

все стихотворения читались

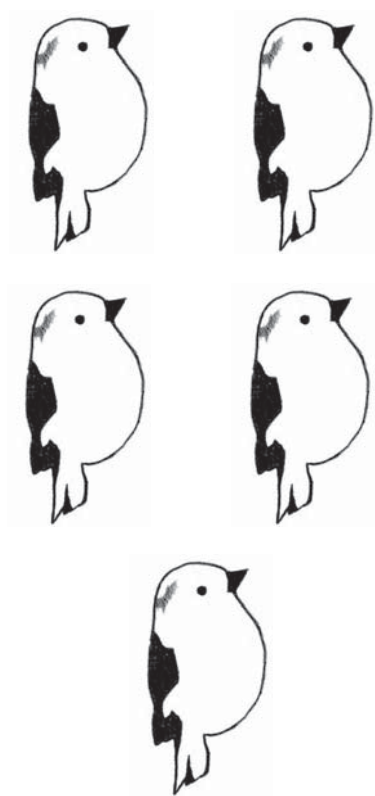
на фронтах в 1918-22 гг.

аист сергеев

с н е ж н ы е
п о д о р о ж н и к и

к о л о м н а
к о л е м н е
с м е р т и н е т

2013

я давно собирался в коломну — чтобы написать здесь книгу с названием *снежные подорожники*. потому что эти птицы — сам теплый снег бессмертия, а имя коломна означает с мерянского языка: *смерти нет*. я не сумею вам доказать — но это правда, поверьте. колом — значит смерть. мна — значит нет. мне рассказали об этом людди, первыми здесь появившиеся, давшие имена всем здешним тогда еще безымянным рекам. да я и сам легко могу перевести, потому что мерянский выучил. я — аист сергеев. автор повести о близкородственных снежным подорожникам овсянках. жил и работал фотографом в городе нея костромской области. семь лет назад поселился в воде. снежные подорожники были первыми кто встретил меня там — после падения с моста через волгу между кинешмой и заволжском в месяцы застывания рек. а сейчас месяц половодья или еще иначе месяц сухой земли — самое время для первых в году больших путешествий. здравствуйте! илен-лен!

снежные подорожники — это пуночки. арктические овсянки или арктические воробы, вместе с другими подорожниками — лапландскими. русские на беломорье еще их зовут снегурочками. они покрывают собой всю ледовитую крышу наших континентов и все острова над ней — но зимуют обычно в наших краях, мигрируя к югу. эти белые с черноватыми спинками звездочки севера сидят стаями у зимних дорог например из бобренево в хорошово — если снегом эти дороги припорошены не слишком — ищут упавшие с осени семена растений. поэтому — подорожники. ищут ищут — найдут — улетят и спрячутся в лесу. подкараулить их очень трудно — но они повсюду. пунак — саамское слово. и просто означает эту птицу. в заполярье она приносит весну. а у нас появляется с первым снегом. я пришел сюда под последними льдинами, они неслись по коричневой апрельской воде, по последнему снегу, с первыми в году дождями — когда пуночек здесь уже не было. и не беда! о снежных подорожниках всегда важно знать и правильно думать. счастье — когда человек позволяет пуночкам гнездиться у себя в голове и дорожит ими. потому что именно в пуночку превращается каждый человеческий поцелуй. и я думаю о них сильнее чем о ком-либо. я вижу их всех — и всегда. разумеется это поцелуи и тех людей — которые были, а теперь их нет среди нас. люди скатываются с поверхности земли — а пуночки их остаются. можно сказать — на пуночках я женат. это точно. в общем-то все главное о пуночках я сразу вам и выложил. и доказал что связь между снежными подорожниками и коломной — самая прямая.

но — видите ли — никто из бессмертных жителей речной-озерной системы центральной россии мне не сумел объяснить почему именно это место первые имеющие языки люди называли так? у мери было не сосчитать рек и поселений. но почему 'смерти нет' — это только вот здесь? я спрашивал у первых людей — и они улыбаясь не знали. все первые были не самыми первыми. ведь утонувшие-

бессмертные — как оказалось — тоже не вечные, а живут в воде примерно тысячу лет, как китайские журавли. потом становятся просто водой. а вода тихая. а лет у имени коломна гораздо больше чем тысяча. я спросил у пуночек и они ответили — что в самой коломне во время работы над этой книгой я все и узнаю.

4

в детстве я четырежды тонул. потом заикался до окончания школы. и постоянно видел как вытаскивали моих сверстников из наших неглубоких рек, из фантастически красивых болот, даже из залитых дождевой водой строительных котлованов. это самое жуткое что было в моей жизни — смотреть в упор на синие губы и думать как дети очень хотели искупаться, а родители были заняты и с ними не шли — а теперь вот этих детей их отцы примчавшиеся с работы на служебных машинах заворачивали в свои пиджаки и уносили куда-то. и потом на улицах долго лежали разбросанные еловые лапы — их не трогали дворники — их бросали под ноги похоронам — от подъездов до машин, в которые все грузились. я очень пугался и плакал и говорил родителям: не надо обижать елки! они же для нового года — не для гробов. а в нашем пионерском лагере исключали без слов только за одно — если кто-то залезал в глухое тинистое озеро на границе лагеря без вожатых. наши люди почитали воду как жизнь — и отказывались верить в то что она может принести смерть. со всякой водой мы здороваемся. еще по дороге я думал что наверно у первых людей здесь утонули дети. а они не нашли тела — или наоборот нашли — и сказали себе: смерти нет. и назвали так реку и свое на ней поселение, будущий город.

4

я поднялся на берег за канатной фабрикой, пересек ее территорию и железнодорожные пути. и пошел пошел в сторону куполов — в сторону центра. весь день ходил из улицы в улицу, с берега на берег — и ближе к вечеру выбрал себе двухэтажный старорозового цвета дом — номер двенадцать по улице левшина. живые меня не видят — и я могу жить везде где захочу. у хозяев одной из квартир, у яблоковых, были книги 'как воспитать собаку удобную для жизни' и 'немецкий курцхаар'. книги были — а собаки не было. я читал их ночью пока дети спали — а взрослые на кровати рождали пуночек. я сидел рядом с ними и смеялся от удовольствия — до того хорошие были книжки, написанные с теплым юмором — до того прекрасна эта перспектива: завести собаку. и снежных подорожников летало так много. я решил остаться у яблоковых до радуницы.

5

последний снег, паводок, первый дым от сжигания мусора во дворах, первые пикники над водой на месте бывшей кремлевской стены, первые цветы на земле, первые дожди, вербное воскресенье, первые листья-мучители, первые грозы, пасха, георгиев день, спад воды, цветение деревьев, наведение понтонных мостов через москва-реку — я переживу все эти события здесь — в городе с именем *смерти нет*. холодное полугодие окончательно сменится теплым в георгии-

евскую ночь — и я не буду спать, а буду ходить и поздравлять всех — на земле и в воде. а в радуницу уйду домой. и если до нее я не узнаю почему коломна это коломна — значит узнаю когда-нибудь потом. или кто-нибудь другой узнает.

6

здесь четыре реки — их течения образуют незамкнутый круг — и сразу три устья. то есть три свадьбы — которые празднуются вечно. я ходил и ходил по этому кругу — и по солнцу и против него — от самой маленькой к самой большой реке. речка бабочка впадает в реку смерти нет — река смерти нет впадает в реку коноплянка — коноплянка впадает в реку которая называется просто рекой. лйве — коломна — москва — ока. маленькую речку лыве здесь теперь называют репинкой — на ней запруда и большая автозаправочная станция. сегодня я сидел верхом на одной из ее колонок и писал об устьях маленькое эссе — чтобы переслать его в коломенскую газету или в журнал — не знаю пока куда именно. вот что у меня получилось:

устья

все устья рек — это свадьбы. бесконечные — лучшие на земле. в своем устье любая река превращается в невесту или в жениха. речные устья — свадьбы открытые всем. быть гостем на этих свадьбах особенно хорошо в апреле-мае. в это время поездки в устья рек могут превратиться в направленную важную деятельность. если у вас мало настроения, мало времени — попробуйте сделать над собой усилие. потому что будете правы и не пожалеете! когда реки вздуются, потом вскроются, у берегов зашелестит последний ледяной припай, а земля будет пахнуть и сохнуть — объезжайте устья! — их повсюду так много. и самые огромные — и средних и узеньких рек с ненаглядными именами. все они — независимо от своей протяженности и ширины — одинаковы в значимости для мира живых. разные по смыслам и по цветам — как отличаются друг от друга края и языки. но в жизни-значимости и в жизни-красоте никогда одна река не поставит другую ниже себя. что делать по приезду? стоять, ходить, лежать, есть, пить, танцевать, целоваться, фотографировать и фотографироваться.. все что заблагорассудится. — посмотрите какой хороший глагол! умный правильный человек который хочет прожить на земле как можно дольше — может даже соревноваться с самим собой: сколько речных свадеб сумел посетить в этом году в сравнении с прошлым и позапрошлым годами. делать гостевые-свадебные фотоальбомы и держать их дома на полках вместо книг. это правильная коллекция. разъезжать в апреле и в мае! — в любые стороны — и близких своих возить. а если при этом ваши пути будут связаны с посещением устьев — можно вами просто гордиться. на свадьбы ездят с подарками — вы и будете таким подарком брачующимся рекам. а они угостят вас щедро. на эти свадьбы надо брать детей. привозить и показывать — чтобы дети подпрыгивали, раскрывали глаза, становились выше и глубже. на свадьбах возможны ритуальные бесчинства и временное разрывание социальных договоров. ну с этим — как захотите. только постарайтесь не обижать никого. ведь сделанного — не воротить: в густое плотное кипящее дымное время праздников, особенно свадеб, легко потерять свое самое дорогое.

лучше всего заглядывать на речные весенние свадьбы с тем кого крепко любишь. надышаться, наполниться свадебным ветром — и ехать к себе домой. люди часто селятся при свадьбах рек — чтобы всегда находиться при этой радости.

7

к сыну яблоковых приехала саша. он встречал ее на платформе. она привезла перепелиных яиц. на ней была черная юбка и серый на плечах платок. сказала — вот можно на пасху покрасить. они интереснее куриных — и гораздо вкуснее. можно в изумрудный цвет — а крапинки сквозь него проступят — будет красиво-красиво. саша училась в москве. она там кого-то сильно любила — и видимо не взаимно. сын яблоковых повел ее переулками к реке коноплянке показывать место где живет эхо. оно там действительно живет. сын яблоковых кричал — а! и э! — и эхо отзывалось и скакало крышами и огородами. и я видел как оно пряталось под разведенный понтон. саша была с самого начала грустна — но эхо ей очень понравилось. тем более что отзывалось оно только в одном месте — которое еще в детстве случайно обнаружил сын яблоковых. пять шагов в сторону — и эха нет. мы называем эхо — йолога. и знаем что оно лечит. очень здорово и надежно унимает душевную боль. йолога — можно перевести как открепитель. действует как созревшая калина. как четверговая соль. повеселевшая саша и сын яблоковых повернули домой — и я не пошел за ними. и эхо и калина и четверговая соль врачуют всегда одним и тем же: они вкладывают в сердце человека мысль о том что нельзя начать начатое — но можно всегда иначе продолжить. и что это не так уж и плохо.

8

утром шел вкусный дым по улицам. жена яблокова спала — а яблоков лежал на кровати и тихо плакал. боялся сотрясать кровать и вытирал лицо пододеяльником. я сел за его подушкой и беззвучно спросил — в чем дело? яблоков сказал что семь лет назад ударил жену — да еще при детях. так что ее очки летели через всю комнату — а семилетняя дочка в ужасе бежала их поднимать, пыталась надеть обратно на маму и обнимала родителей за ноги. и я понимал что у яблокова была на это причина. их дом устоял тогда. снежные подорожники его не разлюбили. дети выросли. но если доведется проснуться под раннее утро — в минуты яснейшей ясности рассудка, когда весь он мерцает как родниковая вода — яблоков просыпается и плачет. я предложил ему разбудить жену и сказать ей об этом. яблоков ответил: а она знает. и что ему жалко ее будить. но я настаивал. а завтра — советовал я — в детский праздник — в вербное воскресенье соберите еще и детей — и расскажите им тоже. яблоков спросил: а кто вы? я сказал: меня зовут аист — я пишу у вас книгу о пуночках — и скоро уже закончу. яблоков положил руку жене на живот и стал звать: марина, марина!..

9

в ночь на вербное мне захотелось спеть вслух. я могу делать свой голос слышимым. даже очень. я отошел к железнодорожному мосту через оку — чтобы не

испугать никого. а из самой оки вынул аккордеон — упавший туда еще в десятки годы прошлого века с какой-то нетрезвой лодки. играл — а ночные товарные мне подсвистывали. я когда-то нашел эту песню в речке шурминке при впадении ее в вятку. она поется весело — и можно под нее танцевать. но при этом в ней живет глубокая грусть — примерно как в песне 'утушка' — которая луговая. но при этом эта грусть тоже верная-очищающая. песня называется 'колодчик'.

я стояла у колодчика
поджидала я молодчика

я стояла воду черпала
уронила в воду зеркало

а в колодце вода холодна
я ботиночки водой залила

и стою я как у озера
свои ботинки приморозила

часты дождинки ударили
мои ботиночки оттаяли

уронила не расшиблася
полюбила не ошиблася

полюбила игрока из-за реки
отдала колечко с правой руки

а в колодце вода холодна
я ботиночки водой залила

и стою я как у озера
свои ботинки приморозила

часты дождинки ударили
мои ботиночки оттаяли

уронила не расшиблася
полюбила не ошиблася

полюбила игрока из-за реки
отдала колечко с правой руки

а в колодце вода холодна
я ботиночки водой залила

и стою я как у озера
свои ботинки приморозила

часты дождички ударили
мои ботиночки оттаяли

ну почему — *смерти нет?* мне очевидно — что всё с этим именем очень правильно. но я не догадываюсь. видимо придется хорошенько поработать в поле — то есть попытать во всех коломенских реках околотысячелетних бабушек. может кто сохранил эту историю от родни? так я же вроде уже пытал? спрыгнув с моста — я отправился в речки которые сразу же за коломой — в костерку, в велегушку, в северку. я ходил всю ночь — услышал столько разного и завел хорошие знакомства — но по моему вопросу ничего не узнал.

10

а дочку у яблоковых звали ная. ей было четырнадцать лет. вообще-то родители дали ей имя анна. но она предпочитала называть себя вот так. так представлялась когда знакомилась, так подписывала письма и странички свои в сети заводила под именем ная яблокова. когда она была в шестом классе — регулярно ссорилась с учительницей по истории. например говорила ей — а почему обязательно князь дмитрий иванович по дороге на куликово поле молился богу? может быть он пел? учительница очень сердилась и как-то сказала: а почему тебя обязательно зовут аня? может быть ты ная? и даже написала слово ная большими буквами на доске. и дети смеялись. а учительница сверкала глазами. пример не слишком выразительный. этот спор ничем не закончился. но дочери яблоковых имя ная очень понравилось. книги о собаках были ее. и книга 'год кита' — о первых двенадцати месяцах жизни кашалота. и книга о дельте волги, ее растительности и животном мире. и пара неплохих определителей птиц. одно интересное открытие ная уже сделала: догадалась что щурово — нынешний дальний район коломны — получил свое имя не от пращуров-щуров, а от щуров-птиц. ярких и веселых на вид — которых еще называют финскими попугаями. хотя ей сразу же стало жаль полусказочных щуров-предков — и свою птичью версию она поставила под сомнение и всегда предлагала обе. щуры тоже живут посевнее — в тайге. но в осенне-зимнее время — как и снежные подорожники — украшают и наши леса. ная очень красивая. если бы я не был женат на пуночках — влюбился бы в нее. и насчет щуров-птиц ная права. но славянских предков действительно жаль — и обижать не стоит.

11

в великую среду катался на электричке в москву — по-нашему в коноплянку. любовался на ветлы цветущие в воде. заглядывал под каждую из них и если находил там каких-нибудь долгожителей — спрашивал у них про коломну. они смеялись

и отвечали глазами что нет, не знают. конев бор — цемгигант — шиферная — конобеево — виноградово — золотово — фаустово — белозерская — радуга — отдых.. что ни платформа — то возможная книга! в косино перешел из своей электрички в экспресс на коломну. на казанский вокзал не поехал. и опять подтопленные деревья — рождают воздух чтобы ветер гнал его в сторону москвы и поют — на деревьях птицы — а под ними наши бессмертные на мелководье — самые старые из которых готовятся раствориться в воде как раз в это вдохновенное время. я чувствовал что я же все понимаю и знаю — и где тот последний щелчок? ведь совсем рядом!

12

в самый долгий день в году — в день пасхи — наступил такой момент когда жена яблокова — марина — осталась дома одна. она отдыхала. и я решил с ней поговорить. я не знал о чем. но мне очень хотелось сказать ей что-нибудь приятное. от мужа она уже знала что я в эти дни нахожусь в их квартире. как вдруг она сама сказала: аист — вы здесь? я отозвался. а вы можете сказать мне что-нибудь.. что-нибудь приятное? я ответил: угу.. и стал думать: марина марина марина.. марина яблокова.. ой! да вот же! да знаете ли вы — что если к вашему имени приставить звук у — получится умарина? а умарина — это ведь яблоня! а яблоко — это умарь. а август — умарьков — месяц яблок. на эрзянском. на языке очень родственном моему родному мерянскому языку — языку самых первых людей коломны. а на мокша яблоня будет марлю. то есть тоже на марину похоже! значит вы совершенно — яблоня яблокова! и я до сих пор не встречал таких красивых женских имен. значит и брак ваш с яблоковым точно уж не случайный — а попросту — видите? — как вопрос и ответ пароя. это ведь его фамилия? марина ответила: да — его. спасибо вам аист. — а где он сейчас? — пошел стричься. — в пасху что ли?

13

яблоков пошел стричься! потому что до праздника не собрался, никак не успел. к тому же ведь время идет такое — когда каждый день значимый и бездонный. завтра вот например день святого георгия. ворота тепла распахнутся во всю свою ширь и так простоят до первого снега. в этом году пасхальная ночь предшествует георгиевской. что же теперь — и продолжать себе не нравиться и в георгия и потом? парикмахерские не работали — и яблоков шел к подруге семьи. подруга семьи его стригла. а яблоков в зеркало на нее смотрел. и не думал о том как когда-то давно они ночевали вместе в одной кровати в одной пустой квартире. этого было нельзя миновать. а дома его жена марина крепко спала и видела всю эту ночь ослепительно белых, красивых до слез существ — не то ангелов не то птиц — в снежном лесу на верхушках огромных елей. вид их был бесподобен. они там сидели именно для нее — и дарили ей небывалый покой и свет. марина проснулась в глубоком восторге, в прекрасном настроении, полная сил! когда утром вернулся яблоков — она ему взахлеб рассказывала об этом сне! о том что такой красоты с ней никогда не было! если бы яблоков у меня спросил — я бы ему сказал что это

были не ангелы, а снежные подорожники — выросшие до размеров тетеревов — явившиеся к марине чтобы ее окружить и утешить.. яблоков постригся и пошел домой. подруга семьи дала для их дома один свой кулич и просила поцеловать марину и дочь с сыном. а приветы и кулич от яблоковых остались здесь.

14

к сыну яблоковых приехала вероника. в желтой рубашке, с зеленой сумкой. она написала ему накануне: приеду во сколько скажешь, останусь сколько захочешь. он встречал ее на платформе. я видел их в магазине со всякими сувенирами — они купили там из зеленого стекла не то чашу не то подсвечник для таблетки-свечи. только я не понял — кому из них она предназначалась. покупала вроде бы вероника — а сын яблокова сунул ее к себе в рюкзак. они были оба примерно одного роста. часто курили, сидели на земле. весь день они не держались за руки — но на вечернем пути на платформу взялись. они принялись целовать друг друга за две минуты до прибытия поезда. вероника уехала. сын яблокова закурил. над платформой и над канатной фабрикой и над трамвайной петлей летали снежные подорожники и майские жуки. в хорошово вероника сошла с электрички и вернулась в коломну на такси. сын яблокова встречал ее на площади двух революций. завтра — радуница. они шли мне навстречу — а я уходил, грустный-грустный.

15

на пустую площадь приехали велосипедисты. по возрасту отец и сын. или может быть дядя и племянник. положили велосипеды на асфальт, с багажника одного из них отцепили летающую тарелку и стали ей перебрасываться. вскрикивали, посмеивались. я сидел и смотрел на них до тех пор пока они не устали и не уехали. и тогда спустился к ближайшей воде — там где коломенка втекает в москва-реку — туда откуда начался город — самые первые дома на этой земле стояли когда-то именно здесь. я не узнал того что хотел. я подумал о нае. о том что она молодец. пожелал ей спокойной ночи. коснулся воды. и впервые услышал ее голос. это невозможно. но вода сказала:

*

ну что же ты, аист? ты с самого начала пришел сюда с верной догадкой. насчет утонувших детей. всего лишь потерял слово *чуть*. у первых людей здесь *чуть не утонули* дети. их просто вовремя вытащили.

О Л И В К И

2012

ты моя спичка.
я тебя не зажгу.

/наша дочь – о тебе.
разве мало?/

*

я хочу чтобы ты
никогда не плакала
никогда не гасла.

я хочу каждый день
пока магазины открыты
кругами ходить по городу
выбирать покупать тебе
оливковое масло.

красивые эти бутылки
в день по несколько раз
приносить привозить
на красных автобусах
на такси и пешком
прямо к тебе домой.

заправлять им твою еду.
кормить тебя это едой.

и только потом
когда ты
отставишь тарелку –
н а к о н е ц
возвращаться домой.

хорошо. хорошо.
день удался не зря.

хоть заполночь.
хоть пешком.

вот чего я все время хочу.
ты меня слышишь?

а ты твердишь мне
что нет тебя.
что ты бывшая.

*

хотел бы я быть
кому - нибудь
таким бывшим.

*

забудь это мерзкое
слово вообще.

*

ты не всегда
з д о р о в а е ш ь с я.
ты не всегда
п р о щ а е ш ь с я.
не всегда говоришь
спасибо. но мне
слава добрым богам
б л а г о д а р н о с т ь
твоя не нужна.

ты ошибаешься.
ты не бывшая.
просто ты мне
теперь не жена.

всего и делов-то.

и

мне бы только
таскать оливки.
и смахивать
слезы твои.

*

я прошу —
не темней
не дурней
не делайся хуже!
книжку делаю
чтобы вырвать ей
из наших и разных
других сердец
тонны стрел.

и дыры задуть.
и послушай —
ты знаешь как много
кроме этих оливок
у меня еще в мире дел?

*

у меня
неспокойно лицо
и нужна большая аптека.

у меня на пальце
другое кольцо
от любимого человека.

мне нужно писать.
ты спишь?
а я не могу собраться.

у меня в квартире малыш
который начал
мне улыбаться.

в мой потолок
виден день, видна ночь,

он не из лиственниц.
не потолок — покрывало.

у меня есть наша
общая дочь которая
нас умоляла.

у меня двадцать капельниц
в каждой руке.
и я бегая с ними.
ну это на что похоже?!

у меня есть
казанское кладбище
на сухой реке.

и у тебя ведь
оно есть тоже.

*

поговорим о том —
какая ты гусеничка.

о том что
морской конек
на печати твоей.

и о том что ты —
правда ведь! —
спичка.

поговорим о всех
твоих сапогах,
свитерах и ветровках.

поговорим о том
как ты ждешь автобусы
на остановках.

*

и я любуюсь
горжусь тобой
с тобой всегда
и н т е р е с н о
и весело
и очень спокойно
ты очень красива —
ты так про себя
не думаешь зря —

но за моей подписью
эти растяжки
везде повесь.

и что мы с тобой
не успели —
давай мы
сделаем здесь:

*

мы жители севера
нам очень тепло.
у нас унты и шапки
и дома ток.

мы едем
в купейном вагоне
'москвы - улан-батор'

в купейном вагоне
'москвы - владивосток'.

мы снимаем скатов
на два фотоаппарата
во всех океанариумах мира.

мы летим
в мачу-пикчу
п р а з д н о в а т ь
твои именины

восьмого сентября.

и вместе
любуюсь тем
что нет больше
чистых страниц
в загранике
у тебя.

*

мне нравится
как получается.
а вам? а тебе?

но только через
м г н о в е н и е
мимо раковины выблюю
это гадкое стихотворение.

соберу горстями с пола,
со стен — и обратно
в рот запихну.

не сердись на меня никогда.
не плачь никогда.

помни про спичку.

я твой оливконосец.

**

мальчик, дай самокат!
научу на нем ездить
на голове.

*

а сегодня я снова
пришел к тебе.

*

заглянул под стол —
все бутылки в ряд.
все бутылки мои
неоткрыты стоят.
все оливки мои
лежат под столом.
говорят: нас не очень
хотят в этот дом.

*

хорошо, мои милые,
я вас в обиду не дам.
я возьму вас к себе
и буду есть сам.
много рукколы вами
смогу заплеснуть.
много хлеба можно
в вас обмакнуть.
и пока последняя
не подойдет ко дну
я на кладбище точно
не попаду.
вас так много —
красивых тяжелых —
так вот:
впереди у меня
очень долгий живот.

валентин кислицын

п о д з о р н а я
т р у б а

казань
1927

подзорную	трубу
и	подглядывать
два	холма
девушкам	очень
пена	- лупена
однажды	анна
что нас ждет	в лесу
мы знаем	милую анну
перечень	необходимого
завести	подзорную трубу
слова	июль и июнь
а	н н а
с о с е д к а	
в ы п ь	
зрение	и слух
в д о г о н к у	
кто только не	заглянет
труба	в городе
распаковывание	трубы
дяденька	писает

подзорную трубу
хорошо иметь
в подзорную трубу
хорошо смотреть
подзорную трубу
хорошо дарить
подзорную трубу
нельзя уронить
можно купить
сразу две
нельзя ей бить
по голове
подзорная труба
даже во снах
подзорная труба
у анны в руках

к ним подойти
сняв штаны и панаму
поцеловать и трубу
и анну

и подглядывать за
женщинами на берегу
укрывшись на спуске
или на дереве
женщины переворачиваются
и чешут переносицы
иногда они садятся
в кусты иногда
оглядевшись по сторонам
снимают последнее
и забегают в воду
иногда их берут мужчины
и лица у женщин
приходят в движение
иногда сами женщины
неожиданно ложатся
друг на друга и мы
об'ясняем удивленной
трубе что это студентки
художественного училища
из казани

два холма
разделенные оврагом
на одном анна
демонстрирует красные
трусики на другом
мы наблюдаем это
в трубу
анна то поднимет подол
то приспустит трусики
то покрутит их на пальце
то наденет их на голову
меняя кратность
увеличения мы
думаем о том что
вместе с анной
попадем на небо
за то что умножаем
любовь и продлеваем
лето за то что
зрители наши
старшие ангелы
и смерть

девушкам очень
нравится подзорная
труба ведь она
похожа на мужчину
в самом прямом
и заветном смысле
мы видели как
девушки играли с
трубой необыкновенно
ласково держали
ее в руках просто
п о р н о г р а ф и ч н о
мы помним что
вытворяла анна
в присутствии
подзорной трубы

п е н а - л у п е н а

пена - лупена
такая травка
если на ней нечетное
количество листьев
это пена и растерев
ее на ладонях можно
умыться как мылом
если же листьев четное
число то это лупена
умываться лупеной
нельзя облупит всю
кожу мы назвали
пенной-лупеной нашу
подзорную трубу
не очень правильно
но смешно
и к лупе труба имеет
родственное отношение

однажды анна об'явила нам
что хотела бы отдаться
подзорной трубе
как ты себе это представляешь?
спросили мы — к тому же ее нельзя
пачкать мы заменим тебе трубу
при этом будем глядеть в нее
непрерывно составляя одно
целое анна согласилась вот
две наиболее удачные сцены:

мы стоим без штанов и медленно
водим трубой рассматриваем
цапель с их островами анна
пристроилась внизу
рот ее очень занят

мы лежим на спине и смотрим
в трубу в небесную пустоту
анна сидит на середине нашего
тела и труба в руках так и
прыгает мы говорим анне что
видим ангела но это неправда
пусть бы она сама легла и
попробовала что-нибудь увидеть

что нас ждет в лесу

капканы ловушки
давящие пасти
пьяные охотники
стреляющие в голову
клещи - убийцы
холодные змеи
отсутствие воздуха
мы в дереве
как в гробу
паутина во рту
мельтешение за спиной
крики и иглы сухая
труха за шиворотом
темное предательство
расцарапанные лица
страх и слизь
лес в тебя вопьется
лес тебя укусит
лес тебя задушит
лес тебя хлестнет
что может быть хуже леса
ветер в лесу не дует
и в трубу в лесу
не посмотришь

мы знаем милую анну
анна наша мы ее любим
мы говорим ей
покажи пизду и она
поднимает платье
но смотреть друг на друга

в е т е р
т р а в а

в е т е р
т р а в а
к е р о с и н

в е т е р
т р а в а
к е р о с и н
а н н а

в е т е р
т р а в а
к е р о с и н
а н н а
п о д з. т р у б а

лодка ружье велосипед
имеют одинаковую ценность и
размещаются последней строкой

завести подзорную трубу
это значит подарить
глазам способность
отделяться от тела
это не загорающие
девицы приближаются
к нам посредством
работы линз
это наш хитрый глаз
подлетает и зависает
над их пушистыми
спинами гречневыми
дорогими и остается
н е з а м е ч е н н ы м

слова июль и июнь
лучше писать июль и
июнь — как раньше
потому что и десятиричное
в названии двух подлинно
летних месяцев
говорит о подзорной
трубе и восторге
стоящем в штанах
как перевернутый
восклицательный знак

а н н а

анна передо мной
анна существует
между керосином
и подозрной трубой
анна с красивой
пиздой которая
подстрижена мной
анна перед нами
анна мембрана
между мирами
ей улыбаются
и манекен и небо
все анны попадут
на небо
быть анной
вполне достаточно
спасибо родителям

с о с е д к а

эй что у тебя
в футляре спрашивает
соседка и указывает
на трубу под мышкой
это мой половой
орган отвечаю
ну конечно
говорит она

в ы п ь

выпь называемая также
бугаем или водяным быком
ревет свое у-труммб в конце
весны и в начале лета так
что дрожат холмы
прячется в камышах
вытягивается столбиком
в природе и в жизнь ее
не увидишь а если
натолкнешься случайно
она насквозь прошибет
тебе голову и так задохнется
не в силах вытащить клюв
из мертвой головы

когда-то именно из-за выпи
мы впервые подумали о
подзорной трубе решили
ее купить чтобы
высматривать эту
злющую птицу

зрение и слух

вот потрясающее ощущение: мир
увиденный в подзорную трубу
воспринимается только одним
органом чувств — зрением.
мир этот нем — лишенный запахов —
мы не чувствуем его вздрагиваний.
но самым острым признаком мира
увиденного в подзорную трубу
является устранение звуков.
люди двигают языками — птицы
раскрывают клювы. слух выпал —
мы смотрим и думаем: где мы?
и мы задумываемся о
существовании третьего мира.
кроме мира и антимира может
быть реален и мир увиденный
в подзорную трубу? нет невозможно —
тройка продукт художественного
исследования — мир номер три
создается нами — и после имен
двух очевидных миров возьмем
его в скобки и будем его любить.

В Д О Г О Н К У

предметом	научного
познания	является
мир	— единица
предметом	мистического
познания	является
антимир	— двойка
предметом	художественного
познания	является
мир	увиденный
в подзорную трубу	— наша
нежная	тройка

кто только не заглянет
в подзорную трубу

оставленную без присмотра
если оставить трубу
одну посередине поля
или на возвышенности
закрепить на штативе
отрегулировать и уйти
вернувшись можно
найти под трубой пуговицу
или сломанную заколку
для волос а ближайшей
ночью во сне увидеть
желтую радость
в благодарность от
мертвых девушек
глядевших в трубу
с обоих концов все время
пока вас не было

труба в городе

совсем другое существо
смотреть со скамейки
в темнеющем парке
на окна и чердаки
на то что происходит
на других скамейках
смотреть из окна в окно
с крыши почтамта в
пустые комнаты пассажа
чернояровых видеть анну
бегущую по улице
похоронную процессию
под'езды и стены
это же боже мой
собственно в нашей книге
мы рассматриваем
трубу за городом
труба в городе
вторая книга о
подзорной трубе
нужно иметь это в виду

распаковывание трубы
крепление ее на штативе
и обратный порядок действия
то есть упаковка до
исчезновения трубы

в черном чемоданчике это
очень серьезный
вид деятельности.
в области научного познания
ему соответствуют изучение
отдельного важного курса
например исторической
грамматики в филологии
или полевая работа
ученого - фольклориста.
в области мистического
познания соответствием будет
общение с мертвыми
в тополиных снах.
в собственной же сфере
художественного познания мира
распаковке и упаковке подозрной трубы
эквивалентны сбор травы и жжение
керосинового фонаря

дяденька писает
анна смотри как отлично видно
у анны легкая юбка и кофточка
пузырем прижимается глазом:
фу какой ты плохой ну что за
безобразие пока она смотрит
гладим ее сидим между штативом
и коричневыми ногами анны
трусиков на анне нет анна
вдруг взрывается хохотом он
что — отряхивает капельки? анна
валится на землю и хохочет
хохочет катаемся по траве
вокруг трубы на штативе
вид у трубы очень серьезный
но если бы она умела говорить
сказала бы эй коллеги не
зацепите меня ногами
отодвиньтесь на пару метров
холм большой и лето
еще не кончилось

р.с.ф.с.р.
изд-во
'уключина'

туримоля гожум клюквенное лето

перевод с коми-пермяцкого

кудымкар
2003

лета так и не было. небо текло во все стороны — низко над землей. дети в свитерах жгли костры на широкой отмели — часто вскакивали — прятались под чей-нибудь зонтик. анна арсентьевна кричала их домой — но дети не слушались. деревня лупья такая маленькая. ей хватило бы и маленького лета — то есть обычного северного — с мошкаррой и простудами — лета-прелета.

саше было одиннадцать лет. он подумал: скоро увезут в школу. вон уже в каждом доме едят бруснику и клюкву. надо чтобы лето было — среди клюквы — а то глядя на нее плакать хочется. и брусничные пироги невозможно глотать — уж больно вкусно — но в каждом куске осень и утрата самого хорошего. мать спрашивает: ты чего ревешь? скажешь ей: насморк — оттого что на улице холодно. не буду ничего есть. и в школу я не поеду — и вообще никуда не пойду и не поеду.. и губы у саши дрогнули.

детей увезли в соседний керос — там и школа и интернат. когда туда плыли на большой лодке — восемь детей с провожатым — саша глядел как несется серая вода. в сумках у каждого были ягодники от родителей — и варенье.

школа сообщавшаяся с жилыми комнатами была двухэтажной деревянной длинной. саша жил в комнате с мальчиками: трое как и он сам — из лупьи — пятеро из других еще более мелких деревень. девочки жили напротив. света — которая саше нравилась — не жила в интернате — она была местная. в классе саша на нее смотрел и думал: не буду ее любить. учительница диктовала: и попевают ягоды — морошка черника клюква..

екатерина валентиновна — библиотекарь в клубе — сидела одна и читала 'пермский край' когда уже под вечер саша зашел и протянул ей баночку с сахаренными ягодами. угощайтесь. — произнес он — поставил баночку и вышел. екатерина валентиновна вышла за ним на улицу сказать спасибо.

алена васильевна — молодая завуч школы — все еще сидела в учительской рядом с настольной лампой и не торопилась домой. зашел саша и сказал: можно спеть вам песню? алена васильевна сняла очки и сказала: ты что? ну конечно — пой. и саша спел песню 'заяц пляши пляши — на кривых красивых лапках' — эту песню все дети знают — и поклонился. алена васильевна улыбнулась и сказала — спасибо тебе — и пригласила сашу как-нибудь в гости.

в субботу уроков было только два. саша пришел домой к екатерине валентиновне — и оба надев сапоги отправились за деревню. за деревней везде леса — и река с одной стороны. река узкая — а за ней тоже лес. кое-где в глубине деревьев есть большие поляны — которые здесь называют луга. на полянах плоские кислые скирды — укрепленные палками. на один из таких лугов вышли саша и библиотekarь. ты зачем меня сюда привел — саша? — спросила екатерина валентиновна. — клюкву что ли собирать? так ее здесь мало — лучше идем к болотам.

в понедельник саша заболел — и отец забрал его в лупью. сашу парили в бане и держали дома. пока у саши была температура — ему снились яркие выпуклые сны — как они выходят с екатериной валентиновной на луг — разужаются и произносят: клюквенное лето — клюквенное лето — клюквенное лето. или снится вся школа — все учителя и дети выходят на улицу и по сигналу завуча алены васильевны окликают клюквенное лето. и председатель арефьев выходит на крыльцо сельсовета — произносит эти слова и стреляет из ружья. и фельдшер — и вера бажукова из почты — и дети из садика — слышно всех. а голос саши самый гулкий.

саше снилось половодье. весной здесь половодье — широко разливается река. тут у каждого есть лодки — и весной когда половодье лодки привязывают прямо к дверям. в магазин плавают — и к соседям — или просто покататься — посмотреть как от воды и ветра раздается и радуется земля. у взрослых много забот — они за-таскивают коз на крыши и ругаются что козы орут. а иногда плавают по деревне пьяные — и поют неприличные песни. половодье бывает неделю — а то и две. половодье всегда обещает лето. вот и в этом году половодье было — а лета не было.

саша поправился и снова учился — а по выходным гулял со светой и другими детьми в окрестностях кероса: по тем же лугам — по тому же берегу — и по лесу — по тому же самому лесу. иногда гулял с екатериной валентиновной — а после прогулок пил у нее чай. заглядывал в гости к алене васильевне — ел рыбу и рассказывал о чем-то ей и ее маме. осенью тоже хорошо. — говорила света. — жалко конечно что его не было — ну и пусть — что ли теперь плакать? — скоро выпадет снег — а после снега будет половодье — ты со мной согласен? саша кивнул — и посыпался снег — первый снег осени.

клюквенное лето — было. было уже давно — вокруг кероса и лупьи и нескольких других еще более мелких деревень — с тех пор как саша его придумал. он просто не догадался что клюквенным летом нет жарких солнечных дней которые не рвутся ни с того ни с сего дождем и не уносятся за пределы района

вместе с тревожным небом. а все происходит именно так: клюквы полные короба и сохнет одежда — мокрые крыши и холодные стволы деревьев — долгая дорога в сапогах из дома в дом. клюквенное лето знакомо только жителю севера — даже пожалуй только маленькому жителю. клюквенное лето наступает внутри — когда снаружи ждать его уже не приходится. охваченный клюквенным летом маленький человек может согреть весь мир и становится взрослее любого взрослого. саша сидит в пустой лодке в теплой черной куртке — и похож на кочку. екатерина валентиновна спускается за ним к реке.

reîntoar cerea
la rădăuți

возвращение
в рэдэуць

я приму румынское гражданство.
поцелую лапку каждой утке.
позвоню тебе — скажу что в парке
начался покос на незабудки.

я поставлю молоко на рельсы.
я приму румынское гражданство.
пограничник! ты в меня не целься
и усом не шевели напрасно.

лучше встань торжественный, красивый,
просверкай погонами и пряжкой —
лучший, исчезающий, счастливый
пролечу я над твоей фуражкой.

я над прутом уроню надежды.
а одежды подарю сирету.
мои вены, крученые прежде,
расшнурую распушу по ветру.

над сиретом в сторону сучавы.
над сучавой в сторону теплицы.
тряпочки свои все сыплю справа —
в рэдэуцах мне не пригодится.

наконец-то мне удался праздник.
шапочки свои все сыплю слева.
моих легких каждый легкий шарик
катится легко, чуть ниже неба.

я приму! какой хороший город!
я тебя люблю! — и я приехал!
падает любимый теплый холод.
на орешниках уж нет орехов.

я себя не вижу, буковина!
вижу сашу в длинной черной юбке.
сыплюсь на ее платок и спину.
радуюсь ее живой прогулке.

1995–2013

А Р З А М А С

Э Р З Я М А С

стихи обо мне и тебе

МОНЬ ДЫ ТОНЬ
ЭЙСТЭ ВАЛМОРОТ

2016 2017

*

говорят имя города арзамас происходит
от эрзянь мастор — земля эрзи. очень
правдоподобно. я всегда любил этот
белый пароль. не знал почему. вот — знаю.
спасибо тебе за помощь в переводе.
эрзянские заголовки делал не я!

*

СТРЯХИВАЮ КОВРИКИ
ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ

ТУЕМАДОН ИКЕЛЕ
ЧУКАН КИЯКСПАЦЯТ

синий свет во дворах
и в хоккейных коробках.
я иду в магазин
наступая неловко.
потому что дворы наши
снегом покрылись,
а ботинки к зиме
еще не купились.

у качелей сидят
слон, собака и галка.

в моей сумке коробочка,
пачка и банка.
мои двери заметили
но промолчали
что гусиные крылья
за моими плечами.

я собрал свои коврики
и покрывала.
я хочу чтоб ты часто
сюда приезжала.
подметаю полы,
а потом их помою.

кто гремит во дворах
пыльной-пестрой судьбою?

это я не могу
остаться здесь дольше.
это крови во мне
стало в десять раз больше.
это в небе гудят
те кто более мудры.
это я уезжаю к тебе —
завтра утром.

У Т К О Н О С Я К С Я Р Г О Н Е Р Ь

утконос прекрасен!
что и говорить.
я без утконоса
не желаю жить.

для чего мне осень
и красивый снег —
если утконосик
рядом тебя нет?

по мосту иду я
в будни по утрам.
вон троллейбус едет.
утконос не там?

автомойка, школа,
переход в метро,
вон пошел зеленый
поезд на восток.

мне в какую сторону
за тобой бежать?
мэрия вон города.
заглянуть — узнать?

на меня похожий,
ненаглядный, мой,
ты смешной, хороший,
я хочу с тобой.

может быть в японию
отстучать привет?
может в филармонию
взять себе билет?

я не знаю, миленький,
ничего вполне.
ни вот этой лирики.
ни зачем ты мне.

т я н е т с я - п о т я н е т с я
лестница в снегу.
ни того что станется
как тебя найду.

ПОЕДАЮ ПИРОЖКИ
НА ОЩУПЬ В ТЕМНОМ
ТЕМНОМ АВТОБУСЕ
С ЗАМЕРЗШИМИ ОКНАМИ

КЕЛЬМЕЗЬ ВАЛЬМА МАРТО
ЧОПОДА ЧОПОДА БУССО
ШТЮП-КАП СЭВАН
П Р Я К И Н Е Т Н Е Н Ъ

автостанция суна
и декабрь это.
пригодилась бы луна —
да ее здесь нету.

пригодился бы талант
взять тебе присниться.
пригодился бы почтайт —
выйти помолиться.
елки снежные стоят
выше всех печалей.
я же вроде бы был рад
разъезжать ночами?
но большой большой гранат
больше всех созвездий
вырос в горле. что ж — я рад.
только как с ним ездить?
ляг мне ухом на плечо.
навсегда. на много..
я жую — а что еще? —
долгая дорога.
долгая — и не к тебе —
значит незавидна.
хорошо что в темноте
и меня не видно.

М О И З Н А М Е Н А

М А С Т О Р К О Ц Т О Н

что на моих знаменах?
пуговицы. рябины.
разные рыбы. моллюски.
груши — когда счастливый.
балкон нарисованный
неважно —
потому что это немного шутка.
идракон—только не страшный,
а похожий на таксу и утку.
ну дракон потому
что я казанец —
и ношу свой город
везде где бы я не был.
у меня на спине
невидимый ранец
с древками телескопическими,
с полотнами цвета солнца,
воды, травы, снега и неба.
я очень люблю

человеческие ключицы —
очень радуюсь когда их вижу,
мне для радости много не надо.
и я давным-давно научился
использовать свои
как держатели
для этих вот личных флагов.
и знаешь, моя хорошая,
какие у меня новости
лучшие из лучших?
и слева и справа
нежданно — непрошено
над моей головой
развешаются теперь все время
как раз таки большие
желтые груши.

ПЕРЕСЕКАЮ ПЛОЩАДЬ
В ОБЕДЕННОЕ ВРЕМЯ

ЮТАН ПЛОЩАДЕНТЬ
Ч И К У Н Ш К А Н Ъ
ЯРСАМО ШКАНЕ

пересекая площадь
в городе где ты живешь
наблюдаю себя
и думаю вот что:
на кого я теперь похож?

я похож на того
кого нисколько не жалко —
потому что к тебе иду я.
я похож на лыжную палку —
легкую и пустую.

крыши домов застелены
как наша кровать
в нижней улице за парком
на этаже третьем.

и хороший бог
опирается на меня —
и время от времени

играет на мне
лучше чем на китайской
бамбуковой флейте.

я ОЧЕНЬ ЛЮБЛЮ
ПРЕДМЕТЫ ЗЕЛЕНОГО
ЦВЕТА И ВСЕГДА
ПОКУПАЮ ИХ НАЯВУ
ИЛИ МЫСЛЕННО

ПЕК ВЕЧКАН ПИЖЕ
ТЮСОНЬ КЕДЬЁНКСТ
ДЫ СВАЛ РАМСЯН СЫНСТ
ЭРЯМОСО ЭЛИ АРСЕМАСО

пузырьки зеленой туши
и зеленые заколки
и прихватки и подушки,
даже тумбочки и полки,
свечи из такого воска
и солонки и рубашки
и разделочные доски
вместе с досками
для глажки
и зонты и одеяла
мыльницы, аккордеоны..

я так рад что ты мне стала
лучшей радостью зеленой.

и в зеленой фоторамке
и пока живем
и дальше —

мы с тобой!

ты моя льнянка!

приходи ко мне пораньше.

ЯЩЕРИЦА УЕХАЛА
НА СВАДЬБУ
К ПЛЕМЯННИЦЕ
В ГОРОД ПЕРЕВОЗ

МЕТЬКАЗОМ ТУСЬ
ПЕРЕВОЗ ОШОВ
ПАТЯНЗО ТЕЙТЕРЕНТЬ
МИРДЕНЕНЬ МАКСОМО

ящерка уехала
в перевоз на свадьбу.
в чемодан ореховый
уложила платье.

фоточку повесила
мне на дверь тесовую
где шагает весело
босиком и голая.

и носки оставила
и зубную щетку..
надо ехать — что уж тут —
раз родная тетка..

вот и дни бесшумные.
вот и праздник сретенья.
в перевозе думаю
так же снежно, ветрено.

стол зарос единственный
ручками, бумагами,
песнями и мыслями,
эпосами, сагами.

недурна компания.
но я вижу — стол пустой,
с волосами мокрыми
ты сидишь за ним со мной..

обнимаешь лапками
чашку — я такую же.
светимся охапками
и глядим целующе..

у плиты обедаю
и на подоконнике.

жду — напишешь: еду я.
встреть меня во столько-то.

ТЫ МОЯ ЛЯГУШКА
ТОН МОНЬ ВАТРАКШОМ

я называю
любимого человека

лягушкой,
мешкожаберным сомом,
сусликом спящим
в норе под снегом.

много связом —
у которого много щетинок,
ножек и связок.
ужиной королевой
из белорусских
и балтских сказок.

крапивником
уставшим от
пиканья — пения.

я не могу любить тех
кто не принимает
такие сравнения.

ПЕРЕПИСКА МЕЖДУ
РЕКОЙ ТЁШЕЙ,
ПОВОРОТОМ НА
ДЕРЕВНЮ СОНИНО,
УКАЗАТЕЛЕМ НА ВЪЕЗДЕ
В ПОСЕЛОК ВАД,
ЧИЛИЙСКОЙ БЕЛКОЙ
В КЛЕТКЕ
И ПАРАСКЕВОЙ-ПЯТНИЦЕЙ

ТЁША ЛЕЕНТЬ,
СОНИНА ВЕЛИНЕВ
П У Р Д А В К С О Н Т Ъ,
ВАД ВЕЛЕС
СОВАМО ТАРКАСО
Н Е В Т Е М А П Е Л Е Н Т Ъ,
КЛЕТКАСО ЧИЛИНЬ УРОНТЬ
ДЫ ПАРАСКЕВА-ПЕЦЯНТЬ
ЮТКСО СЁРМАЛЕМАСЬ

— мы красивые.
красивые самые.

— может быть лучше
всех на свете.

— я хочу чтоб мы вместе на
надувном матраце поплавали.

— доброй ночи нам! обнимемся
и встретимся на рассвете!

— качает форточки ветер.

С Е Р Е Ж К И

П И Л Е К С К Е Т Ь

ты пожалуйста оставь их.
я тебе потом отдам.

перестелены кровати
что принадлежали нам.

и ключи от двери каждой
отрастили плавники..

я отдам когда однажды
не пуцу твоей руки.

..и тунцами уплывают
по морям от нас по всем.

я отдам когда родная
я останусь насовсем.

С К А Т Е Р Т Ь

С Т О Л Ь П А Ц Я

рифмовать надо так:
льнянка — мыльнянка.
полка — заколка.
ушко — ватрушка.
платье — без платья.
катит — прикатит.
пара — самара.
скатерть — и хватит.

СТОЛЬКО ПИСАЛ
О РЯБИНЕ —
А ВСТРЕТИЛ ВПЕРВЫЕ

ЗНЯРО СЁРМАДЫНЬ
ПИЗЁЛКСТО —
А ВАСТЯ ВАСЕНЦЕДЕ

ничего не надо больше.
только вымою посуду.
спи рябина. спи подольше.
я тебя будить не буду.
горевали горевали
понимали понимали
согревали согревали
пели пели танцевали
оба наших одеяла,
простыня и две подушки.
и весна вот подскакала
на батиковой лягушке.
даже ей мы не откроем.
не покажем наши плечи.
нас с тобою только двое.
только наш с тобою вечер.
наше — не наполовину.
по-другому быть не может.
есть коровы у рябины —
их зовут рябины тоже.
где-то есть мои овечки —
безымянные малютки.
возле только нашей речки.
а над ними наши утки.
под рябиновой одеждой
дышит наша табуретка.
я молчу тебя так нежно.
я держу тебя так крепко.

*

тече річенька-невеличенька
— скочу-перескочу.
віддайте ж мене, моя матінко,
за кого я схочу.*

* украинская народная песня
'чом ти не прийшов?'

С У Р А

на суре гуляют
бегемоты.
по суре плывут
бутылконосы,
ремнезубы,
скаты, кашалоты.
облепили панды
все откосы.

на суре растут
кусты пачули,
мирты,
одуванчики
с тарелку,
все деревья
рода ули-ули,
все деревья
рода мелалеука.

в каруселях
розовых деревьев —
стометровых,
самых невозможных —
совы синие
свои роняют перья,
долгопяты
глядят руконожек.

я впаду в отчаянье
быть может.
ненадолго.
долго — это роскошь.

невозможно —
но я был здесь тоже.
ждал тебя
и дожидался.
помнишь?

Б Е Л А Я Л Е Н Т А

А Ш О Ч Е Р Ь В Е Д Ъ М Е

я очень скучаю, тая.
зрачки в цвет твоих покрасил.
хожу с тобой по казани.
живу с тобой в арзамасе.
и в магазине 'платья'
смотрю на белые ленты —
на голову повязать бы
чтоб сразу стало заметно

что нежности в куртке тесно.
что я себя поздравляю.
что у меня не сердце —
калиновый ветер в мае.
и сомики наши быстры.
и ослики наши смелы.
ладони наши холмисты.
город наш белый белый.

ноябрь 2016 — март 2017

казань — саранск

Й Ё Д О Р О Л

НОЧНОЙ КАРАУЛ

колокудо

2018

1

километр или полтора — между жилой деревней колокудо и нежилой маскародо. колокудо — значит двадцать домов. маскародо — род медведя. кроме названий я о них помнил только огромные, не по-земному огромные просто березы — высоченные, толстенные — в окрестностях этих деревень. или ветлы.. а больше ничего. моя мама из маскародо. и я бывал здесь в глубоком детстве — когда живы были мамы родители. а сейчас и мамы давно уже нет. и дом тот стоит очень страшный. наверное.

2

я не был здесь двадцать восемь лет. хотя от города где я вырос и живу — до маминых деревень километров семьдесят. так вот вышло. а еще вышло вдруг что в день своего тридцатипятилетия я поссорился со своей невестой, олей — хватил о стену телефон, сунул в сумку одеяло и пасту с щеткой, поймал на улице такси и поехал в колокудо. переночевать думал в мамином родительском доме в маскародо — если он еще вообще на земле стоит. а если развалился — в колокудо к кому-нибудь попрошусь. там должны помнить мамину семью. а может быть и меня. я ведь — олёш. или даже по-детски-марийски — оль. алексей по паспорту. шла уже вторая половина дня. и месяц стоял — октябрь.

3

я ехал и думал: зачем? зачем?.. и нас было жалко с олей — и телефон — и ночь предстояла неизвестно

какая — но точно уж не уютная. на трассе хотел развернуть машину несколько раз — но всякий раз вспоминал оины слова — леденел и не разворачивал. здравствуй, колокудо. ни души. только висит красный таксофон на столбе. снял трубку — работает. здравствуйте, березы. все-таки березы вы. отыскав за деревьями и кустами дорогу на маскародо я пошел по ней и очень жалел что не подумал взять сапоги — сразу же весь устрепался. птицы, деревья и мелкая вода были моими спутниками. но я дошел. и вошел в улицу. деревня лежала неживая — и красок в ней не было. только дерево и изредка камень — невидимого цвета — цвета пустоты. даже улицей идти было трудно — потому что она заросла. хорошо что осень сейчас — не зеленое лето. дома по обе стороны были разной величины, разного возраста — но все пустые. а дом в который приехал я оказывается все еще стоял. я зашел за ворота. ну и как я буду здесь теперь?

4

никак не буду. буду никак. я ведь этого и хотел. за этим и ехал. я сидел на сломанном стуле за сломанным столом и смотрел в сломанные окна прямо в заросли чего-то сломанного. кроватей не было. голодному и холодному мне видимо предстояло просидеть вот так до утра, может быть что-нибудь понять, чего-нибудь заметить — а скорее всего ничего не понять, ничего не заметить, только очень намаяться — и утром вернувшись в колокудо, а от него дотопав несколько километров по грязи до трассы уехать отсыпаться в город. но я немного ошибся. темноло стремительно. на подоконнике и части стены рядом с ним лежала лужица света и таяла. я за нее держался глазами. а как только она совсем исчезла — в окно постучали палкой.

5

- привет. раз приехал — выходи.
- привет. вы кто?
- мы от пожара деревню караулим.
- по-марийски говоришь?
- нет.

— а. ну ладно. выходи — заговоришь.
 — а что караулить если тут никого?
 — значит пусть горит? и потом — с
 чего ты взял что тут никого?
 — а кто здесь?

6

— ты идешь или нет?
 — у меня нет сапог.
 — мы тебе всё дадим.

7

я вышел на улицу. и никого не увидел. только палки
 и фонарики окружили меня со всех сторон. я
 почувствовал что на мне телогрейка и шапка, на
 руках вязанные перчатки, а на ногах сапоги до колен
 с сухими теплыми вкладышами. и — я думал и
 на марийском.

— куда мы пойдем?
 — да по деревне.
 — до утра?
 — до утра. ты голодный?
 — не очень.
 — хорошо. еды с собой полно.

голоса были и мужские и женские. вернее сказать —
 мальчишечьи и девчоночьи — молодежь. взрослых
 было двое всего. но может быть караульных было
 больше — и кто-то молчал? мы пошли улицей — от
 моего дома в дальний конец маскародо. не
 спрашивая — я теперь сам всё прекрасно знал о
 ночном карауле и о том как он обычно проходит и
 скорее всего пройдет и на этот раз.

— сколько вас?
 — восемь. ты — девятый.
 — многовато сегодня.
 — ну так младшие вон увязались,
 обрадовались, интересно им.
 — ну да.

на йўд орол выходят каждую ночь — по известному всем порядку — от семьи к семье. как на дежурство — ну так это дежурство и есть. как на общественное пастушество — все по очереди. делать ничего особо не надо — сидеть где-нибудь то там то тут — обойти деревню несколько раз, а если вдруг дым или пламя — всех будить, всем тушить — всё просто. чаще всего караульные сколачивали приятные-дружеские компании, не обязательно родственные, просто ответственность лежала каждую ночь на конкретной семье — садились где-нибудь вплотную к деревне, при этом вне ее чтобы никому не мешать, в месте откуда всё хорошо было видно — жгли небольшой костер с чайником, большой нельзя, а то от пламени потеряешь зоркость, разговаривали и молчали, смеялись и пугали друг друга, а если кто в кого был влюблен — ну так они в темноте и за руки еще держались.. я шел и обнаруживал внутри себя глубокую-яркую радость — я же так обожал эти ночные хождения. и даже бывал на них старшим лет с четырнадцати. а если летом — это ж вообще роскошь.. мой бог.. да меня ведь этот йўд орол и воспитал.. просто — своим своим существованием. и я не сумею назвать для себя более сильных и внятных учителей. даже роцци-кюсото не были так убедительны.. святые места мне нравились, волновали — но сердечное общение с ними я всегда откладывал на потом. а йўд орол был всегда — как палка, как собака, как день и ночь. и я ждал его. я его по-настоящему любил. а через него и с его помощью — по-настоящему любил весь мир и себя в нем.

мы охраняли только маскародо. в колокудо была своя стража. но поскольку деревни совсем рядом — мы обязательно встречались между ними за ночь хотя бы раз. здоровались и какое-то время сидели вместе. а потом расходились. когда встречались — оставались вместе ровно столько сколько нам этого хотелось. компании караульных бывало что совпадали по духу и дружбе — а бывало что нет. я не удивлялся тому что обо всем этом знаю. как не

удивлялся ночной своей теплой-удобной одежде, своей возбужденной радости, своему языку, который так ладно и складно и влажно зажил во мне, вернее и стал мной. я по-прежнему не видел вокруг себя никого — только слышал, видел же палки-фонарики и темную-темную деревню. и она была брошена, пуста. только тревоги это больше не вызывало. обратиться же с вопросом 'кто вы?' к тем кто пришел ко мне под окно и меня вызвал — я не мог: я понимал животом и спиной что это грубо, что этого делать не стоит. захотят — представятся. а нет — так и не надо значит. тем более что я уже ведь спросил — с этого вопроса и начал наш разговор. кто вы? — мы йёд орол, охраняем от пожара деревню. и меня сразу же напрочь покинул страх — а чувство самосохранения стучало моей кровью спокойно-спокойно. более того — так спокойно мне не было очень давно, многие годы, может быть никогда. и я наслаждался — покоем, своими шагами, невидимыми товарищами, бесстрашием, красотой.

10

а еще я не спрашивал — потому что знал с кем я сейчас в ночном карауле. ни с кем иным — как с судьбой. с чистой судьбой. вот значит какая она из себя. надо ли мне что-то делать, пользоваться моментом? спрашивать или просить или спешить или к чему-нибудь подготовиться..? мои мысли были видны — мне сразу ответили — и я ответил:

- да нет, не надо.
- ну да, не надо.
- просто встреча?
- да. просто встреча.
- и ничего?
- и ничего, олёш.

11

мы ходили, ходили. ходили, ходили. перекусывали. жгли костер. потом тушили его. перекусывали снова.

было вкусно. сидели на краю болотца на поваленном стволе. говорили мало. а иногда побольше. стояли в поле. сидели на крыше самого высокого дома в маскародо — забирались туда прислонив лестницу что валялась в том дворе. доходили до колокудо пару раз — и здоровались с тамошними ночными сторожами и поворачивали обратно. а потом стало понемногу светлеть — и я остался один. в одежде в которой приехал. стал мерзнуть, особенно ноги. попытался вспоминать марийские слова — и не вспоминал ничего кроме того что знал раньше — здравствуйте, до свидания, слова с уличных вывесок и бутылочных этикеток.. я же не был здесь двадцать восемь лет. и никогда не ходил в ночной караул — не успел по возрасту просто. перед тем как мне исполнилось семь я перестал сюда приезжать. но в этом ночном карауле я был. и во всех оживших во мне караулах — был тоже. я ничему за эту ночь не научился. я не хочу теперь даже говорить. не встретился с мамой и с ее родителями, ни с жителями маскародо, оставившими свои дома и поверхность земли. а разве я этого хотел? нет ведь. вот таких встреч можно было бы и впрямь испугаться..

12

мне очень захотелось сделать бумажный самолетик. только сделать его было не из чего. один девчоночий голос из наших караульных — голос который мне больше всех понравился и больше всех меня согревал — голос который другие называли таней, наверно невеста моя, судьба, с ней бы мы никогда не ругались — сказал в какой-то момент этой нехитрой однообразной ночи: я люблю бумажные самолетики. когда я вспомнил об этом — я был совсем в другой стороне от дома, с которого все началось — на дороге к колокудо. несмотря на зябкость и сырость в ногах — я вернулся в маскародо в дом, бывший когда-то нашим. а теперь и всю почти жизнь он и вовсе мой. или и мой тоже. только зачем он мне?.. вернулся найти там бумагу. ничего путного не нашел. оторвал от стены кусок обоев. сложил самолетик. и пошел в колокудо снова.

я шел и пускал самолетик впереди себя. поднимал – пускал снова. поднимал – пускал снова. иногда он летел вбок. иногда планировал в лужи – и я к нему бежал – чтоб не размок совсем. и мне кроме этого ничего не хотелось делать больше. и никто мне не нужен был. никто кроме нас – дороги между маскародо и колокудо в месяц и час когда на ней никого не встретишь, самолетика из обоев и меня.

СОДЕРЖАНИЕ

ветлуга	5
барышни тополя	15
верхний услон	28
огородные пугала	38
утка на барабане	56
ледянка	62
наркоматы	68
сухая река	78
ёрмица	85
новые ботинки	88
анемоны	97
тополи	103
ангелы и революция	111
история риты — таксы и человека	141
ребенок и зеркало	150
балконы	160
сирень в сапогах	166
скаты	174
огородные пугала с ноября по март	180
фигуры народа коми	203
верхний услон плюс франция	216
танго пеларгония	233
пыльный миша	294
овсянки	305
ящерицы набитые песком	331
суккубы	335
затон имени куйбышева	346
корица	351
ожидание ольги	355
кукмор	359
половая связь еужена львовского с зеркалом	363
рюмочные и шашлычные	373
библиотекари	378
анна и революция	400
вторник в пучеже	411
утиное горло	415
мастурбирующая жена	421
отличница	423
небесные жены луговых мари	431
календарь	455
три пьесы для риты и клоуна	458
сборник пролетарской поэзии	466
снежные подорожники	476
оливки	485
подзорная труба	492
клюквенное лето	502
возвращение в рэдзүц	505
арзамас	507
ночной караул	520

Extra-текст

Литературно-художественное издание

Денис Осокин

ОГОРОДНЫЕ ПУГАЛА С НОЯБРЯ ПО МАРТ

Руководитель проекта *И. Данишевский*

Ответственный редактор *М. Андрюкова*

Компьютерный дизайн: *Д. Агапонов*

Подписано в печать 21.06.2019. Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 34,00.
Печать офсетная. Гарнитура GeoSlb712 Lt BT. Бумага офсетная пухлая.
Тираж 1500 экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014
(КПЕС 2008): — 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Произведено в Российской Федерации. Изготовлено в 2019 г.
Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»
129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1,
комната 705, помещение I, этаж 7
Наш электронный адрес: www.ast.ru

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, Жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 кұрылым, 705 бөлме, пом. 1, 7-қабат
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru E-mail: malyshev@ast.ru
Интернет-магазин: www.book24.kz Интернет-дүкен: www.book24.kz
Импортёр в Республику Казахстан и Представитель по приему претензий
в Республике Казахстан — ТОО РДЦ Алматы, г. Алматы.

Қазақстан Республикасына импорттаушы және Қазақстан Республикасында
наразылықтарды қабылдау бойынша өкіл — «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ.,
Домбровский көш., 3«а», Б литері офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 90,91, факс: 8 (727) 251 59 92 ішкі 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz, www.book24.kz
Тауар белгісі: «АСТ» Өндірілген жылы: 2019

Өнімнің жарамдылық; мерзімі шектелмеген.
Сертификация қарастырылмаған

- ВЕТЛУГА
- БАРЫШНИ ТОПОЛЯ
- ВЕРХНИЙ УСЛОН
- ОГОРОДНЫЕ ПУГАЛА
- УТКА НА БАРАБАНЕ
- ЛЕДЯНКА
- НАРКОМАТЫ
- СУХАЯ РЕКА
- ЕРМИЦА
- НОВЫЕ БОТИНКИ
- АНЕМОНЫ
- ТОПОЛИ
- АНГЕЛЫ И РЕВОЛЮЦИЯ
- ИСТОРИЯ РИТЫ — ТАКСЫ И ЧЕЛОВЕКА
- РЕБЕНОК И ЗЕРКАЛО
- БАЛКОНЫ
- СИРЕНЬ В САПОГАХ
- СКАТЫ
- ОГОРОДНЫЕ ПУГАЛА С НОЯБРЯ ПО МАРТ
- ФИТУРЫ НАРОДА КОМИ
- ВЕРХНИЙ УСЛОН ПЛЮС ФРАНЦИЯ
- ТАНГО ПЕЛАРГОНΙΑ
- ПЫЛЬНЫЙ МИША
- ОВСЯНКИ
- ЯЩЕРИЦЫ НАБИТЫЕ ПЕСКОМ
- СУККУБЫ
- ЗАТОН ИМЕНИ КУЙБЫШЕВА
- КОРИЦА
- ОЖИДАНИЕ ОЛЬГИ
- КУКМОР
- ПОЛОВАЯ СВЯЗЬ ЕУЖЕНА ЛЬВОВСКОГО С ЗЕРКАЛОМ
- РЮМОЧНЫЕ И ШАШЛЫЧНЫЕ
- БИБЛИОТЕКАРИ
- АННА И РЕВОЛЮЦИЯ
- ВТОРНИК В ПУЧЕЖЕ
- УТИНОЕ ГОРЛО
- МАСТУРБИРУЮЩАЯ ЖЕНА
- ОТЛИЧНИЦА
- НЕБЕСНЫЕ ЖЕНЫ ЛУГОВЫХ МАРК
- КАЛЕНДАРЬ
- ТРИ ПЬЕСЫ ДЛЯ РИТЫ И КЛОУНА
- СБОРНИК ПРОЛЕТАРСКОЙ ПОЭЗИИ
- СНЕЖНЫЕ ПОДОРОЖНИКИ
- ОЛИВКИ
- ПОДЗОРНАЯ ТРУБА
- КЛЮКВЕННОЕ ЛЕТО
- ВОЗВРАЩЕНИЕ В РЭДЗУЦЬ
- АРЗАМАС
- НОЧНОЙ КАРАУЛ

ДЕНИСА ОСОКИНА НЕВОЗМОЖНО ОГРАНИЧИТЬ НИ ЖАНРОМ, НИ СТИЛЕМ, НИ ДАЖЕ ГРАНИЦАМИ РУССКОГО ЯЗЫКА. ЕГО ТЕКСТЫ — ЭТО НЕПРЕРЫВНОЕ ДО- И ПЕРЕСОТВОРЕНИЕ МИРА. СВОЕЙ ЛИРИЧНОСТЬЮ И СВОЕЙ ВЕРОЙ ОНИ СПОСОБНЫ КАК УГОДНО МЕНЯТЬ ХОД ВРЕМЕНИ И ПРЕОДОЛЕВАТЬ ВСЁ ТО, ЧТО В РЕАЛЬНОСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ ПРЕОДОЛЕТЬ НЕЛЬЗЯ. ПО СЛОВАМ САМОГО АВТОРА — ОН ПИШЕТ ПРАВДУ-ПРЕПРАВДУ, КОТОРАЯ СИЛЬНЕЕ, НУЖНЕЕ И НЕЖНЕЕ ПРАВДЫ. В КНИГУ ВОШЛИ ГЛАВНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ НА СЕГОДНЯ, СРЕДИ НИХ И ПОВЕСТЬ «ОВСЯНКИ», ПОЛОЖЕННАЯ В ОСНОВУ ОДНОИМЕННОГО ФИЛЬМА, НАГРАЖДЕННОГО В ТОМ ЧИСЛЕ «ВЕНЕЦИАНСКИМ ЛЬВОМ» ЗА ЛУЧШЕЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ И «НИКОЙ» ЗА ЛУЧШИЙ СЦЕНАРИЙ.

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-095757-6

9 785170 957576

АНГЕДОНИЯ

проект Данишевского

